

Увиденное Рейнольдсом будущее — это абсолютный холод
и крошечная мгла межзвездного пространства,
где господствует искусственный разум.

Publisher's Weekly

аластер рейнольдс

ПРЕФЕКТ

Рейнольдс — автор с сильным природным чувством будущего.

Strange Horizons

Annotation

Блистающий Пояс вокруг планеты Йеллоустон состоит из десяти тысяч анклавов, обитаемых космических станций. Их население может выбирать себе любую форму власти, от диктатуры до полной анархии, но все анклавы до единого подчиняются общим законам, за соблюдением которых следят «Доспехи» – военизированная полиция с самыми широкими полномочиями.

Когда один из анклавов внезапно погибает вместе со всем населением, а еще на нескольких начинается бунт машин, у префектов «Доспехов» возникает подозрение, что Блистающий Пояс подвергся атаке очень жестокого, умного и изобретательного противника.

Впервые на русском языке!

- [Аластер Рейнольдс](#)
 -
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Аластер Рейнольдс

Префект

*Моим родителям в
благодарность за сорок
лет любви и поддержки*

Copyright © 2007 by Alastair Reynolds
© А. Ахмерова, перевод, 2015
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Аластер Рейнольдс – один из ведущих британских фантастов. Он несколько лет прожил в Голландии, сотрудничая с Европейским центром космических исследований и технологий. Подобно многим писателям, имеющим практический опыт работы в таких «сверхнаучных» областях науки, как астрономия и физика, он тяготеет к «твердой» фантастике. Но при этом его произведения всегда динамичны и насыщены психологизмом – это совершенно реальная борьба за выживание в беспощадной космической среде.

Увиденное Рейнольдсом будущее – это абсолютный холод и крошечная мгла межзвездного пространства, где господствует искусственный разум.

Publisher's Weekly

Рейнольдс – автор с сильным природным чувством будущего.

Strange Horizons

Великолепно придуманный мир.

Booklist

Чарующий гибрид космооперы, полицейского детектива и психологической драмы... Рейнольдс поочередно снимает слои тайны, как шелуху с луковицы, и не скупится на детали, отчего роман интригует одним своим фоном, еще до раскрытия ставок и характеров. Это отличная английская приключенческая фантастика.

Publisher's Weekly

Для тех, кто уже стал поклонником «Космического Апокалипсиса», это книга, которую нельзя пропустить. Для тех, кто еще не читал Аластера Рейнольдса, это лучший выбор, чтобы познакомиться с его писательским мастерством и видением грядущего.

Amazon.com

Глава 1

Лифт несся от стыковочного узла вниз по спице, и Талия Нг чувствовала, как увеличивается ее вес. Она сползла на пол, пытаясь уловить тот момент, когда гравитация достигнет одного g . Талия надеялась, что в этом анклавe жители не зациклены ханжески на большой гравитации. Можно подумать, страдания при двух g улучшают моральные качества. Хлыст-ищейка и приборы для настройки центра голосования сильно оттягивали пояс.

– Талия, учись скрывать волнение, – негромко посоветовал Дрейфус, когда лифт затормозил.

Таправила китель под ремнем.

– Простите, сэр.

– Ты справишься.

– Мне немного не хватило времени, сэр. Ну, чтобы заочно познакомиться с Домом Перигалов.

– Маршрут тебе сообщили, как только мы улетели из анклава «Доспехов».

– Сэр, с тех пор прошел всего час.

Дрейфус глянул на Талию, прищутив левый глаз:

– Какой у тебя индекс скоротчения?

– Три, сэр. Ничего особенного.

Дрейфус хлебнул кофе из термоса, который захватил с корабля. Создала кофе Талия – чернее дегтя, начальник любит именно такой.

– Полагаю, сводка данных получилась очень длинной.

– Свыше тысячи параграфов, сэр.

– Да, но там частности, основное сообщают на занятиях.

– Надеюсь, что так. Тем не менее я не могла не заметить...

– Что именно? – вкрадчиво спросил Дрейфус.

– Сэр, ваше имя там сплошь и рядом.

– Ну, в свое время мы с Кейтлин Перигал вдоволь потрепали друг другу нервы. – Дрейфус скупно улыбнулся.

– Уверена, она с удовольствием мне об этом напомнит.

– Можешь не сомневаться, – вставил Спарвер, еще один младший полевой префект, участвующий в блокаде.

Дрейфус положил мозолистую ладонь Талии на плечо.

– Просто помни: твое дело – собрать доказательства. Любые

провокации – наша со Спарвером забота.

Дверцы лифта открылись, и в лицо пахнуло горячей влагой. Повсюду клубился пар. Префекты стояли перед огромной пещерой, выдолбленной в каменном торе – ободу гигантского колеса. Куда ни глянь, бассейны с водой, соединенные мудреной системой каналов и шлюзов. Люди, в большинстве обнаженные, плавали, плескались, играли в воде. Среди них были и немодифицированные, и напоминавшие людей весьма отдаленно, и даже юркие целеустремленные существа, которые людьми никогда не были.

Дрейфус достал из кармана кителя круглые очки и рукавом стер испарину с темных стекол. Талия достала свои, надела и заметила, как изменилась обстановка. Людей она теперь видела не обнаженными, а в масках и костюмах или частично прикрытыми движущимися цветовыми блоками и дымчатым оперением. Кое-кто менял размер и форму. Иные и вовсе стали невидимыми, хотя их присутствие выдавал мерцающий контур. Над бассейнами выросли сложные блестящие конструкции – Талия не могла решить, скульптуры это или форма визуализации данных, связанная с игрой воображения.

– Вот вам и теплый прием, – проговорил Дрейфус.

Что-то зашагало к ним по сухой дорожке между бассейнами – стройные женские ноги в чулочках несли поднос с напитками. Высокие каблуки цокали, ноги приближались, с сумасшедшей точностью ставя туфельки одну перед другой. Жидкость в бокалах даже не колыхнулась.

Талия потянулась к поясу.

– Спокойно! – шепнул Дрейфус.

Робот-слуга остановился прямо перед ними.

– Добро пожаловать в Дом Перигалов! – пропищал он. – Выпить хотите?

– Спасибо, – поблагодарила Талия, – но нам же следует...

Дрейфус опустил термос с кофе на пол и потянулся к подносу.

– Что посоветуете?

– Красное весьма недурно.

– Тогда красное. – Том поднес бокал к губам, чтобы только аромат почувствовать.

Талия тоже взяла бокал, а Спарвер воздержался: с его обменом веществ лучше не рисковать.

– Пожалуйста, идите за мной. Я отведу вас к матриарху.

Вслед за женскими ножками префекты зашагали вокруг бассейнов. Поначалу их прибытию не уделили должного внимания – но только

поначалу. Теперь от пристальных взглядов у Талии аж затылок покалывало.

Они поднялись к самому высокому бассейну, где четыре железные рыбы изрыгали воду из разверстых ртов. По грудь в воде с ароматизированной пеной сидели двое мужчин и Кейтлин Перигал, вполне узнаваемая по изображениям из сводки. Мускулистые плечи Кейтлин плавно сужались к предплечьям и изящным перепончатым кистям, ногти ядовито зеленели, в волосах блестело павлинье перо. Над головой резвились зеленые нимфы и сатиры.

– Префекты! – Голос Кейтлин по теплоте не отличался от сверхтекучего гелия.

– Матриарх Перигал, – отозвался Дрейфус, остановившись в паре сантиметров от края бассейна. – Меня сопровождают младшие полевые префекты Спарвер Банкал и Талия Нг. Мы с вами, разумеется, знакомы.

– Вялый толстяк – Том Дрейфус, – объяснила Кейтлин, лениво повернувшись к своим компаньонам.

Один из них, томный сероглазый блондин с длинными волосами, холодно взглянул на Дрейфуса. Казалось, он сошел с полотна импрессионистов, а все из-за плюмажа.

– Кейтлин, вы с ним уже встречались?

Перигал шевельнулась, рассекая воду мускулистым хвостом с плавниками, который был у нее вместо ног. Талия даже коснулась очков, чтобы убедиться: ей не почудилось, хвост настоящий.

– Смысл жизни Дрейфуса – досаждать мне любыми законными путями, – съязвила Перигал.

– Я лишь выполняю свою работу, – невозмутимо отозвался Дрейфус. – Разве моя вина, что эта работа периодически касается вас?

– Так она снова касается меня?

– Похоже на то. Кстати, хвост замечательный. Что случилось с ногами?

Перигал кивнула на ходячий поднос:

– Вот, интерьер мне украшают.

– Ну, каждому свое.

– Да, суть такова. – Перигал подалась вперед и куда жестче проговорила: – Хватит любезностей. Начинайте проверку, или зачем вы пожаловали, и вон из моего анклава.

– Я прилетел не с проверкой, – заявил Дрейфус, и у Талии засосало под ложечкой.

Этого момента она боялась и втайне ждала.

– Тогда зачем? – спросила Перигал.

Дрейфус вынул карту из кармана кителя, переглянул с помощниками и, щурясь, прочитал:

– Кейтлин Перигал, настоящим вы как матриарх этого анклава обвиняетесь в нарушении демократического процесса пятой категории. Имеются данные о том, что вы, преследуя корыстные цели, вмешивались в работу центра голосования.

Перигал что-то пробормотала и покраснела от негодования. Дрейфус поднял руку, требуя тишины, и продолжил:

– На время расследования ваш анклав блокируется. Физическое перемещение и обмен информацией между Домом Перигалов и системой, включая Город Бездны, прерывается. Любые попытки воспрепятствовать налагаемым санкциям будут жестко пресечены. Настоящее решение окончательно и обязательно для исполнения. – Дрейфус остановился и опустил карту. – Объявляю блокаду начатой.

Повисла неловкая пауза, прерываемая лишь плеском воды в бассейне.

– Это шутка? – наконец спросил сероглазый блондин, с надеждой глядя на Перигал. – Пожалуйста, скажите, что это шутка.

– Значит, блокада, – проговорила матриарх. – Дрейфус, я всегда знала, что ты подлец, но не думала, что опустишься до такого.

Дрейфус положил карту на бортик бассейна.

– Здесь итоговый текст обвинения. По-моему, все предельно четко, хотя куда мне судить, я ведь лишь полевой префект. – Он коснулся пальцем подбородка, словно только что вспомнил о задании. – Теперь сделайте мне маленькое одолжение.

– Да ты ненормальный!

– Пожалуйста, обратитесь к своим гражданам и гостям. Объясните, что начата блокада и они вот-вот потеряют связь с внешним миром. Напомните, что эта ситуация может растянуться на целый век. Если кто-нибудь желает отправить сообщение за пределы Дома Перигалов, на это остается шестьсот секунд.

Том повернулся к Спарверу и к Талии.

– Младшие префекты, вы знаете, что делать, – проговорил он негромко, но так, чтобы слышала Перигал. – Если кто окажет сопротивление или не подчинится, у вас будет право совершить эвтаназию.

* * *

Кольцевой транзит двигался быстро, противодействуя центробежной гравитации медленно вращающегося колеса. Талия сидела рядом со Спарвером, погруженная в раздумья.

– Это несправедливо, – наконец сказала она.

– Что именно?

– Столько людей попало сюда случайно, кто-то в гости прилетел.

– Порой единственное осуществимое решение несправедливо.

– Оказаться в глухой изоляции от Блистающего Пояса, от Йеллоустона, от друзей и близких, от абстракции, от медицинских программ... Некоторые не доживут до снятия блокады.

– Об этом им следовало подумать заранее. Не хочешь получить блокаду – досконально изучи свой анклав.

– Бессердечные рассуждения!

– Они плевали на демократию. Я не сильно расстроюсь, когда демократия наплюет на них.

Талия чувствовала, как вес становится нормальным: они приближались к месту назначения, транзит замедлялся. Префекты высадились в другой пещере, поменьше размером и поярче освещенной, чем первая. Здесь пол был мощен черными и белыми плитами, натертыми до блеска. Из отверстия в его центре поднимался конус. Толстый, как древесный ствол, острым концом он тянулся к самому потолку. На его черной поверхности мерцали схемы инфопотоков, переливались красные и синие линии. Конус обвивала лестница без поручней, по которой добирались до портов интерфейса, похожих на короткие ветви.

У основания ствола стоял мужчина в бежевой форме, инженер или техник, и смотрел на пришедших с подозрением.

– Не приближайтесь! – сказал он.

– Разве Перигал не предупредила, что мы идем сюда и мешать нам нельзя? – спросил Спарвер.

– Это обман. Вы шпионы Дома Кантарини.

– Я похож на шпиона Дома Кантарини? – В голосе Спарвера звучало недоумение.

– Шпион может выглядеть как угодно.

– Я свинья. Разве при наличии других кандидатов они подослали бы уродца вроде меня?

– Рисковать я не могу. Если прикоснетесь к центру голосования, я потеряю работу, положение – всего лишусь.

– Отойдите, сэр! – велела Талия.

– Извините, но я не могу подпустить вас ближе. – Мужчина раскрыл

ладонь: к ней крепился тускло-серебристый приборчик с красной пусковой кнопкой. – Вы под прицелом. Пожалуйста, не заставляйте меня стрелять.

– Убьете нас – «Доспехи» пришлют других префектов, – предупредил Спарвер.

У Талии мурашки побежали по спине. Она чувствовала пристальное внимание невидимых пушек, готовых уничтожить ее, стоит руке мужчины дрогнуть.

– Если развернетесь и уйдете, я вас не убью.

– Соберем доказательства, тогда и уйдем.

Спарвер снял хлыст-ищейку с пояса и махнул им, чтобы активировать хвост. Потрескивая, тот вытянулся на максимальную длину и хлестнул по полу.

– Он прав, – добавила Талия, сдерживая дрожь в голосе.

– Мы префекты «Доспехов».

– Уходите! – взмолился мужчина, поглаживая пусковую кнопку. – Центр голосования я буду защищать до последнего.

Спарвер дал хлысту свободу. Рукоять осталась на уровне пояса: скрученный конец затвердевшего хвоста держал ее прекрасно. Ищейка покачивалась из стороны в сторону, будто кобра в поисках добычи. Вот рукоять нацелилась на мужчину, на кадыке у того появилась ярко-красная точка.

– Пожалуйста, ответьте на один вопрос, – сказал Спарвер. – Пальцы вам очень дороги?

Мужчина вдохнул и задержал дыхание.

– Хлыст уже настроился на вас, – продолжал Спарвер. – Если почувствует враждебное намерение, а он к такому очень-очень чувствителен, то набросится быстрее, чем нервный импульс дойдет до кончиков ваших пальцев. Острая кромка хвоста причинит вам серьезнейшие травмы.

Мужчина хотел заговорить, но изо рта вырвалось лишь хриплое карканье. Он раскрыл обе ладони и растопырил пальцы.

– Разумное решение, – похвалил Спарвер. – Теперь так и держим руки и отходим от центра голосования.

Спарвер кивнул Талии: вперед, мол, собирай доказательства. Хлыст-ищейка остался при свинье, но повернул гладкую голову, когда мужчина отодвинулся от черной колонны в центре пещеры.

Талия подошла к центру голосования. Он был стандартной модели, установлен лет двадцать назад, поэтому она знала, с чего начинать.

– Я младший полевой префект Талия Нг, – проговорила она вслух. –

Подтвердите идентификацию.

– Добро пожаловать, младший префект Нг, – ответил бесполой, как у всех таких машин, голос. – Чем я могу вам помочь?

Талия вспомнила одноразовый пароль, который ей сообщили после отлета с анклава «Доспехов».

– Нарцисс, восемь, палисандр. Подтвердите доступ к системе безопасности.

– Доступ подтверждаю. Младший префект Нг, в вашем распоряжении шестьсот секунд.

– Блокировать двусторонний доступ к абстракции.

– Доступ заблокирован.

Красные линии исчезли. Теперь на колонне отражался лишь синий инфопоток. Отныне анклав не мог ни посылать, ни принимать сигналы. Синий поток мгновенно усилился – местные жители запаниковали, бомбардируя центр голосования вопросами о ЧП.

Талия глянула на мужчину, которого до сих пор сдерживал хлыст Спарвера. Впервые в жизни этого человека его имплантаты потеряли доступ к связи с инфоматрицей за пределами Дома Перигалов. Все равно что нож гильотины упал.

Хватит, нужно сосредоточиться на центре голосования.

– Подготовьте три экземпляра сводки-отчета об инфопотоке, прошедшем через этот анклав за последнюю тысячу дней.

– Уже готовлю. Прошу подождать.

Талия дотронулась до шейного микрофона:

– Сэр, это Талия. Мы собираем доказательства. К вам вернемся минут через десять.

Ответа не последовало. Талия подождала, пока Дрейфус активирует свой микрофон, но начальство молчало.

– Тишина, – сказала Талия, взглянув на Спарвера.

– Шеф, наверное, занят, – отозвался свинья.

– Пора бы ему ответить. Я волнуюсь. Может, стоит вернуться?

Вдруг...

– Талия, нам нужна эта сводка. Через пять минут центр голосования отключит тебя.

Спарвер был прав. Одноразовый пароль позволяет лишь десять минут неограниченного доступа. Повторно центр голосования его не примет.

– Давайте скорее! – процедила Талия.

Она снова попробовала вызвать Дрейфуса и снова не получила ответа. Казалось, прошла вечность, прежде чем центр выдал копии сводки из паза

в самом низу колонны. Талия скрепила толстые дискеты и пристегнула к поясу. Она как будто чувствовала вес информации, которую те содержали. Глупое заблуждение, конечно. Радиолучом такое количество информации за несколько дней не передашь.

– Готово? – спросил свинья.

– Здесь все, что нам надо. Местную абстракцию можно не отключать.

– Что, если они попробуют преодолеть блокаду, которую ты только что организовала?

– Они получают мертвый центр голосования. Хорошо, если после этого системы жизнеобеспечения сохранятся. Про абстракцию я уже не говорю.

Талия велела центру голосования перекрыть доступ, который ей только что предоставили.

– Ну вот и все, – объявила она, неожиданно почувствовав разочарование.

– Ага. Видишь, ничего сложного.

– Я за начальство беспокоюсь.

– Наш сигнал блокируют скалы, – заверил Спарвер и улыбнулся технику. – Мы закончили. Могу я положиться на ваше благоразумие и отозвать хлыст?

Техник нервно сглотнул и дернул головой.

– Переведем это как «да», – проговорил Спарвер и поманил к себе хлыст. Раз – ищайка щелкнула хвостом, два – рукоять легла Спарверу на ладонь, три – хвост с шорохом втянулся в рукоять.

Спарвер погладил рукоять и прикрепил к поясу.

– Пора проведать начальника.

Дрейфуса они увидели застывшим посреди сцены кровавого побоища. В одной руке он держал очки, в другой – хлыст-ищайку.

Талия сорвала с себя очки, чтобы разобраться в происходящем. Люди кричали, метались, чтобы не попасться Дрейфусу на глаза. Два гостя Кейтлин Перигал сползли в воду, порозовевшую от крови. Сероглазый блондин потерял руку – теперь она лежала на мраморном бортике и обвиняюще указывала на Дрейфуса. Кожа за запястьем вздулась, словно сквозь нее прорывалось оружие, вживленное в ткани. Другой гость бился как припадочный; из ноздрей хлестала кровь, широко раскрытые глаза уставились в потолок. Еще трое или четверо получили раны различной тяжести. Через шлюзы и водопады окровавленная вода перетекала из бассейна в бассейн – поди разбери, сколько человек пострадало.

Самыми тяжелыми уже занимались медицинские сервороботы. Даже они казались обескураженными. Алый порез рассекал правую щеку

Кейтлин, от уголка рта до уха. Побелев от страха и злости, Кейтлин хватала воздух ртом.

– Ты... ошибаешься, – просипела она.

– Ошибаетесь вы. И заплатите за это.

Дрейфус медленно повернулся к младшим префектам.

– Получили сводку? – спросил он.

У Талии пересохло во рту.

– Да, – выдавила она, стараясь сохранить профессиональное спокойствие.

– Тогда летим. Здесь делать больше нечего.

Глава 2

Ограничитель приближения остановил Дрейфуса посреди кабинета верховного префекта. Джейн Омонье будто не замечала его, сосредоточившись на настенном дисплее.

– Если угодно, я подам в отставку, – проговорил он, негромко кашлянув.

Омонье едва взглянула в его сторону.

– На каком основании, Том?

– На любом. Если я нарушил протокол или принял неверное решение, просто отдайте приказ.

– Ты недостаточно позаботился о себе и о младших префектах, а других недочетов я не вижу. Сколько всего погибших?

– Шестеро, – ответил Дрейфус.

– Бывало и хуже. Кейтлин Перигал – крепкий орешек. Главное, жертв менее десяти. Такой расклад меня устраивает, особенно с учетом возможных вариантов.

– Я надеялся, что до бойни не дойдет.

– Это выбор Перигал, а не твой.

– Боюсь, с ней мы не покончили. Она мне сказала... – Дрейфус осекся: и без его сомнений у Омонье хватало забот. – Такое чувство, что я долг отдал. Префект так думать не должен.

– Чувство вполне человеческое.

– Перигал оставалась безнаказанной, потому что нам не хватало ума и времени устроить проверку, прежде чем доказательства потеряют актуальность. Даже если бы удалось в чем-то обвинить Кейтлин, на целый век блокады ее проступки не потянули бы.

– Мы не уверены, что и нынешние нарушения тянут на такое.

– Считаете, она снова выкрутится?

– Зависит от доказательств. Пора использовать ту смышленную девушку, нового специалиста из твоей команды.

– Я полностью доверяю Талии.

– Тогда опасаться нечего. Если Перигал виновна, блокада продолжится. Если веских доказательств не найдется, Дому Перигалов позволят снова примкнуть к Блистающему Поясу.

– Шестеро уже погибли.

– Люди паникуют, когда теряют абстракцию. Это не наша проблема.

Дрейфус пытался понять выражение лица Омонье. Что-то случилось. Не в привычках Джейн спрашивать, сколько человек погибло во время операции; она узнала бы все цифры еще до возвращения его команды. Только лицо Омонье – бесстрастная маска, такое не расшифруешь ни сегодня, ни в принципе. Все труднее вспоминалось, как она улыбается, смеется или злится, какой она была до встречи с Часовщиком.

– Простите, это не упрек, но... зачем вы меня вызвали?

– Поболтать. Насладиться теплом человеческого общения.

– Нет, это вряд ли.

– Кое-что случилось. Новость поступила в твое отсутствие. Проблема острая, как и с Перигал, если не острее. А еще безотлагательная. Действовать нужно немедленно.

– Еще одна блокада? – спросил огорошенный Дрейфус.

– Нет. Блокада здесь, увы, не поможет.

– Что, простите?

Омонье, протянув к стене руку, увеличила одну из граней дисплея. На ней отображался анклав, серый шар, нечеткий из-за мелких элементов изображения, с огромными зеркалами по полюсам и экватору, окруженный панелями мощных солнечных батарей. Дрейфус не знал масштаба, но сомневался, что ширина анклава более километра.

– Ты не узнаешь его. Это недавний снимок «пузыря» Раскин-Сарторий, анклава пятой категории с внешних орбит. Прежде он не привлекал внимания «Доспехов».

– Что же натворили его обитатели?

– Вот картинка посвежее, трехчасовой давности.

«Пузырь» Раскин-Сарторий вскрыли, разрезали посередине, как глазное яблоко скальпелем, едва на полушария не разделили. По обеим сторонам разреза поверхность анклава опалилась до угольно-черного, внутренности еще светились вишневым.

– Какие потери? – спросил Дрейфус, сдерживая ужас.

– По данным последней переписи, население Раскин-Сартория составляло девятьсот шестьдесят человек. Предположительно, все погибли, но мы срочно собираем команду для осмотра. Вдруг кто-то уцелел? По крайней мере, симулякры бета-уровня должны остаться.

– Почему новость не разнеслась по всему Поясу?

– Потому что мы не позволили. На стихийное бедствие это не похоже.

– Кто-нибудь да заметит, что жители Раскин-Сартория отключились от сетевых ресурсов.

– Абстракцией они пользовались на низком уровне, который,

благодаря нашим сетевым привилегиям, какое-то время можно полноценно моделировать.

– Какое-то время... это сколько?

– Попробую угадать. Менее двадцати шести часов. Тринадцать больше похоже на правду.

– А когда правда вскроется?

– Наступит страшный кризис. Я подозреваю, кто тут замешан, но, чтобы действовать, нужна полная уверенность. Поэтому я и хочу, чтобы ты немедленно отправился на Раскин-Сарторий. Возьми с собой кого нужно, собери доказательства, симов и возвращайся сюда. Потом затаим дыхание и будем ждать результатов анализов.

Дрейфус снова взглянул на раскуроченный анклав.

– Такие повреждения можно нанести одним-единственным способом, верно? Оружие тут ни при чем.

– Мы с тобой мыслим одинаково, – заметила Омонье.

* * *

Двери штаба были облицованы панелями из тика, отполированными до невероятного блеска. Ни окон, ни картин, ни малейших признаков уюта. Вся мебель темная, тяжелая, грубая – дерево вырастили, срубили, обработали, отдали плотнику. Двойные двери утыкали огромными медными болтами и покрыли чеканной бронзой. Обе половинки украшало стилизованное изображение поднятой перчатки – символ «Доспехов». По идее, перчатка означала защиту, но вместе с тем она символизировала готовый сжаться кулак, способный раздавить врагов и предателей.

– Нг, пожалуйста, начинайте, – проговорил старший префект Майкл Криссел, сидевший напротив Талии.

Та положила добытые дискеты на стол, от волнения едва их не уронив.

– Спасибо, старший префект. Здесь сводка из центра голосования Дома Перигалов. Копия сводки за каждый из тысячи дней сохранена в наших архивах. – Талия кивнула на шестеренку, символизирующую анклав Дома Перигалов; штабная Единая система увеличила его и подняла над истинной орбитальной плоскостью. – Сводка в трех экземплярах. Я проверила все: они идентичны, без признаков фальсификации.

– Что вы обнаружили?

– На проверку мне дали несколько часов, и я успела лишь

поверхностно...

– Хватит болтать, Нг! – нетерпеливо проворчал старший префект Гастон Клирумаунтин. – Просто огласите результаты.

– Сэр, – Талия едва не заикалась, – предварительный анализ полностью подтверждает отчет о блокаде. Дом Перигалов действительно нарушал демократический процесс. Как минимум в восьми случаях, когда сами Перигалы или их союзники встречали серьезную конкуренцию, матриарх изменяла результаты голосования. Случаев нарушения может быть больше. Проведем тщательную проверку, и ситуация прояснится.

– Я думал, все уже ясно, – буркнул Клирумаунтин.

Старший префект Шеридан Гаффни подался вперед так, что его черное кожаное кресло заскрипело.

– Помягче с ней, Гастон, – прорычал он. – Думаешь, Талии легко? Времени на подготовку мы ей почти не дали.

Гаффни, глава Службы внутренней безопасности и подготовки хлыстов-ищеек, слыл вспыльчивым и нетерпимым к дуракам. Талию он никогда не щемил, наоборот, поддерживал. Среди присутствующих он казался ей единственным безусловным союзником. Присутствие Дрейфуса или Джейн Омонье все изменило бы, но Дрейфуса не было (он не старший префект, но посещал такие собрания благодаря допуску «Панголин»). Красноречиво пустовало и место верховного префекта, зарезервированное для проекции Джейн. По дороге в штаб Талия слышала сплетни о назревающем кризисе, совершенно не связанном с блокадой, которую они только что наложили.

Другие старшие префекты не относились к ней никак. Застенчивый, робкий Майкл Криссел внешне напоминал ученого. Судя по всему, прежде он был отличным полевым префектом, но последние двадцать лет провел в анклав «Доспехов», постепенно отдаляясь от суровой реальности внешнего мира. Полевую службу Лилиан Бодри оборвал взрыв неисправного хлыста-ищейки. Лилиан собрали по частям, но нервную систему полностью не восстановили. Она могла бы обратиться за помощью к докторам из другой части Блистающего Пояса, но тогда анклав «Доспехов» ей пришлось бы покинуть навсегда, чтобы не подвергать службу риску. Лилиан предпочла долг личному благополучию, хотя на собраниях теперь сидела неподвижно, как фарфоровая статуэтка.

По числу старших префектов на собрании можно было судить о важности отчета. Талию слушали только четверо вместо обычных шести-семи, а то и десяти. Ясно, «Доспехи» желают поскорее разобраться с Домом Перигалов, но считают блокаду этого анклава рядовой проблемой.

– Давайте покороче, – предложил Клирмаунтин. – У нас есть сводка. Она подтверждает, что Перигалы замешаны в махинациях. Блокада останется. Нужно лишь избежать утечки информации, а то дурной пример заразителен.

– Я согласна, сэр, – отозвалась Талия.

– Какой ущерб нанесла подтасовка результатов голосования? – спросила Бодри.

– При нынешнем раскладе практически никакого, – ответила Талия. – В каждом из восьми случаев голосование касалось вопросов небольшой важности. Кейтлин Перигал, вероятно, хотелось бы влиять и на решение проблем посущественнее, но тогда вмешательство стало бы заметнее. Тем более, если результат голосования принципиально важен, мы контролируем процесс так тщательно, что серьезную подтасовку не представляю возможной.

– А вам по долгу службы следует представлять, – заметил Майкл Криссел.

– Она в курсе, – шепотом напомнил Гаффни.

– Вы правы, сэр, – сказала Талия Крисселу. – Я лишь имела в виду, что с учетом известных фактов это маловероятно. Незыблемой нашу систему не назовешь. Согласно теореме Гёделя о неполноте...

– Лекция по теореме Гёделя мне не нужна, – осадил ее Криссел.

– Сэр, я лишь имела в виду, что такие нарушения проверяют жизнеспособность системы. По большому счету, Дом Перигалов оказал нам услугу – мы увидели лазейку, позволяющую подтасовывать результаты голосований. Мы устраним ее и двинемся дальше. Впоследствии кто-то изловчится, найдет новую лазейку, мы устраним и ее, и так далее.

– Так вы уверены, что существующую лазейку мы устраним? – спросила Бодри.

– Конечно, мэм, дело-то пустяк.

– Раз «пустяк», как же мы ее просмотрели?

– Потому что сами же ее открыли, – пояснила Талия, стараясь говорить не слишком самоуверенно. – Мы устранили одну лазейку, решив, что проявляем находчивость, но случайно открыли другую. Проблема спрятана в нашей программе устранения недочетов. Она разработана для победы на ключевых голосованиях, но позволяет обманным путем регистрировать дополнительные голоса.

– Небось в истории такое уже бывало, – сухо проговорил Криссел.

Талия сложила пальцы замком. Хотелось взять верный тон, что-то среднее между ершистостью и профессиональной отрешенностью.

– Прискорбно, что так получилось. Однако до сегодняшнего дня той лазейкой воспользовались лишь считанные анклавы.

– Прискорбно? – переспросил Клирмаунтин. – На мой взгляд, это предосудительно.

– Сэр, в существующей программе устранения недочетов двадцать два миллиона строк кода, включая подпрограммы, написанные при Первой Системе, то есть более двухсот двадцати лет назад. Те программисты современным каназианом не владели. Читать их программы – это как с санскрита переводить.

– Нг права, – вмешался Гаффни. – Они очень старались, да и вторичная лазейка столь мала, что из десяти тысяч анклавов лишь пять пытались ею воспользоваться. Думаю, случай с Перигалами нужно запомнить и идти дальше.

– Разумеется, при условии, что проблема полностью устранена, – заметила Бодри, холодно кивнув Талии. – Вы сказали, что тут все просто.

– В этот раз да. Исправить недочет проще, чем вносить поправку, его вызвавшую. Нужно откорректировать лишь несколько тысяч строк. Тем не менее первые установки я хотела бы провести вручную, чтобы при необходимости устранить непредвиденные проблемы, связанные с различиями конфигураций центров голосования. Когда закончу проверку, исправленную программу можно будет разослать по всему кольцу.

Гаффни пристально посмотрел на Талию.

– Бардак с программой нужно ликвидировать поскорее. К вступлению блокады в полную юридическую силу – а она непременно вступит – апгрейд нужно подготовить. Спецкомиссия по доказательственным материалам получила сводку?

– Еще утром, сэр.

Гаффни вытащил платок и промокнул вспотевший лоб.

– При обычном их темпе решения можно ждать дней через десять. Управишься за это время?

– Велите – подготовлюсь и за два дня. Уверена, серьезных отклонений я не выявлю.

– Мы и в прошлый раз были уверены, – напомнил Гаффни. – Не стоит делать одну и ту же ошибку дважды.

«Между тем разом и этим есть существенное отличие», – подумала Талия.

При прошлом апгрейде она не была членом команды. За своих предшественников Талия ручаться не могла, но сама такого недочета не упустила бы.

– Мы и не сделаем, – проговорила она.

* * *

Дрейфус рассматривал место преступления из катера «Доспехов». «Атака была быстрая, – думал Том, – но, увы, не настолько, чтобы получиться безболезненной или милосердной».

Анклав погубили, превратили в безвоздушный остров. Когда преступники пронзили оболочку и коснулись атмосферы, она раздулась в раскаленный шар перегретого воздуха и пара. Добраться до шаттлов, спасательных капсул или хотя бы до бронированных бункеров местные жители не успели. Зато успели понять, что происходит. На Блистающем Поясе не ждут смерти, особенно страшной и мучительной.

– Видок тот еще, – проговорил Спарвер. – Вы по-прежнему хотите высадиться, не дожидаясь криминалистов?

– У инфоцентров усиленная защита. Вдруг из них можно что-то выжать? – отозвался Дрейфус с мрачной безнадежностью.

Насчет инфоцентров он очень сомневался.

– Что за оружие так приложилось?

– По-моему, это не оружие. Ударных повреждений нет. Обгорание указывает на источник прямого энергетического воздействия. Могли сочленители раскопать такую мерзость? Все говорят, где-то припрятаны жуткие пушки... – Дрейфус покачал головой. – Пожелай пауки напасть на удаленный анклав, они сработали бы чище.

– Тем не менее...

– Джейн вроде знает, кто это сделал, но опасается последствий.

Через скафандростену Дрейфус со Спарвером попали в вакуум, затем прошли несколько древних, но исправных шлюзов. Шлюзы привели к камерам-приемникам попросторнее, теперь большей частью темным и безвоздушным. В камерах медленно кружились обломки, кое-что Дрейфус опознал. Карты, встроенные в визор его шлема, основывались на данных, которые жители Раскин-Сартория подали во время последней переписи. Центр голосования предположительно находился на внутренней поверхности сферы, у экватора, заблокированный вместе с симулякрами бета-уровня. Оставалось надеяться, что смертоносный луч его не разрушил.

«Пузырь» двухкилометровой ширины внутри разделялся на жилые зоны, которые сейчас превратились в обугленные пещеры, заваленные

обломками, изуродованными высокой температурой и давлением. У разреза до сих пор светились жилы конструкционного металла, показывая траекторию смертоносного луча. «Пузырь» оказался свободнопадающим, мало подходящим для искусственной гравитации. На Блистающем Поясе таких много, их жители стройны, изящны и почти не путешествуют.

Спарвер с Дрейфусом попали в центр сферы, маневровые двигатели скафандров помогали огибать крупные обломки. Скафандры уже зарегистрировали высокий уровень радиации, убедив Дрейфуса, что Омонье права в своих подозрениях. Только данные скафандра еще не аргумент.

– Я что-то вижу, – неожиданно объявил Спарвер, после того как они с Дрейфусом разошлись на несколько десятков метров.

– Докладывай.

– Здесь болтается что-то большое, похожее на обломок корабля.

– Внутри анклава? – недоверчиво спросил Дрейфус.

– Шеф, да вы сами взгляните!

Дрейфус направил скафандр поближе к Спарверу и посветил фонарем на парящий в невесомости объект. Спарвер не ошибся: на первый взгляд находка напоминала обломок корабля или какого-то незнакомого механизма. При ближайшем рассмотрении оказалось, что почерневший предмет вовсе не механизм, а статуя, хоть и незавершенная.

Кто-то начал работать с металлосодержащим камнем, гладким и продолговатым, шириной десять-двенадцать метров. Он казался темно-синим, а когда свет падал под определенным углом – оливковым. Одна сторона осталась неотесанной, зато другую обработали – местами начерно, местами очень тонко, покрыв сантиметровыми выемками. Плавность переходов доказывала, что мастер применял плазменный резак, а не только молоток и дрель. Участки расплавленной породы так гармонично сочетались с другими, что вряд ли могли появиться случайно.

Замысел скульптора Дрейфус так и не понял. Из камня проступало мужское лицо, относительно Дрейфуса повернутое вверх тормашками. Том приказал скафандру перевернуться. Буквально на миг лицо показалось знакомым: это же исторический деятель, нет, известная личность, нет, приятель... Секунду спустя Дрейфус почувствовал, что ошибся, и ничуть об этом не пожалел. Лицо мужчины выражало не то исступленный восторг, не то животный страх – точно не разберешь.

– Что вы об этом думаете? – поинтересовался Спарвер.

– Не знаю, – отозвался Дрейфус. – Может, регенерируемые бета-симулякры подскажут, если там есть что регенерировать.

Дрейфус велел скафандру приблизиться и приклеил к валуну стикер, чтобы криминалисты не пропустили.

Том и Спарвер подошли к разрезу вплотную, оказавшись у самого края. У них на глазах герметичная оболочка почернела и отслоилась, обнажив кору «пузыря». От потока энергии камень оплавился, потом снова застыл рельефами, поразительно напоминающими статую, мерцающими черным в свете нашлемных фонарей. В десятиметровой брешии виднелись звезды. «Где-то в открытый космос уносятся остатки биома анклава», – подумал Дрейфус.

Том направил скафандр к брешии, пролетел половину толщи коры и остановился у чего-то блестящего, вкрапленного в расплавившийся и вновь застывший камень. Металлическая пластина, должно быть, отошла от оболочки и пристала к твердеющей коре. Дрейфус снял резак с пояса и отсек от пластины кусок размером с ладонь. Неподалеку блестела другая пластина, рядом еще одна. За минуту Том собрал три разных образца и спрятал в карман.

– Что-то нашли? – поинтересовался Спарвер.

– Да, похоже. Если анклав уничтожен квантовым лучом, пластины захватили множество элементарных частиц. В них обнаружатся следы расщепления, тяжелые изотопы, продукты распада. Криминалисты определят, соответствуют ли характеристики кораблю сочленителей.

Так Дрейфус озвучил подозрения Джейн.

– Не знаю, что скажут криминалисты, но зачем это ультранавтам? – спросил гиперсвинья. – Понимали ведь, что безнаказанными не останутся.

– Может, они и рассчитывали смыться. Ультра же десятилетиями в этой системе не показываются, а то и веками. Думаешь, через пару веков кто-то вспомнит про уничтожение Раскин-Сартория?

– Вы вспомните, – ответил Спарвер, немного подумав.

– Я столько не проживу. И ты тоже.

– Вижу, настроение у вас на редкость радужное.

– Спарвер, здесь погибло девятьсот шестьдесят человек. По такому поводу плясать не хочется.

Дрейфус огляделся по сторонам, но ничего ценного для криминалистов не обнаружил. Экспертная группа прибудет с минуты на минуту, однако по-настоящему начнет работать, лишь когда страшная новость рассекретится и «Доспехи» смогут действовать открыто. Хотя все равно к прилету криминалистов развернется ад.

– Пошли к центру голосования, – сказал Том, велел скафандру покинуть разрез. – Чем скорее отсюда уберемся, тем лучше. Уже чувствую,

как злятся призраки.

Глава 3

Случайно так получилось или нет – Дрейфус был недостаточно любопытен, чтобы выяснять, – но четыре главных стыковочных модуля на ведомой стороне астероида «Доспехов» вместе напоминали злорадно ухмыляющуюся хеллоуинскую тыкву. Никто не пробовал сгладить поверхность астероида, сделать рельеф четче или аккуратнее. Вокруг Йеллоустана вращаются тысячи подобных астероидов: неотесанные каменные глыбы отводятся на парковочные орбиты, там их уничтожают или превращают в новенькие анклавы. Префекты обитают только здесь, всего их около тысячи, от верховного префекта до самых младших, вчерашних кадетов.

Едва катер пристыковался к носу «тыквы», его поместили к другим кораблям с фотонными двигателями. Том и Спарвер сдали вещдоки криминалистам и расписались в документах. Транспортеры увезли обоих вглубь астероида, во вращающуюся секцию.

– До встречи часов через тринадцать, – сказал Дрейфус на стыке секции полевой подготовки и кадетского спального кольца. – Отдохни – чувствую, нас ждет тяжелый день.

– А сами что?

– Сперва кое-какие хвосты подчищу.

– Ладно. – Спарвер покачал головой. – Вот так обмен веществ! Творите с организмом, что хотите.

Дрейфус устал, только разве уснешь, если голова полнится мыслями о Кейтлин Перигал и уничтоженном анклаве? К себе Том заглянул лишь для того, чтобы пройти сквозь мочную стену и создать чистую одежду. Когда вышел из отсека, на астероиде уменьшили освещение: у персонала «Доспехов», работающего двадцатичасовыми циклами, началась ночная смена. Кадеты спали. В столовой, классах и мастерских не было ни души.

Талия сидела у себя в кабинете. Перегородку она оставила прозрачной. Дрейфус вошел и молча стал у девушки за спиной, словно отец, с восхищением наблюдающий, как дочь выполняет домашнее задание. Талия все еще разбиралась в преступлениях Перигал. Дрейфус тупо смотрел на массив символов, абсолютно ничего ему не говоривших.

– Извини, что перебиваю, – тихо произнес Том, потому что девушка не поднимала головы.

– Сэр, я думала, вы до сих пор на задании, – проговорила Талия, вздрогнув.

– Вижу, сплетники не дремлют.

Талия остановила поток символов.

– Говорят, назревает кризис.

– По-моему, у нас всегда что-то назревает.

Дрейфус положил на ее стол тяжелый черный мешок.

– Знаю, у тебя много работы, но вынужден добавить еще.

– Ничего страшного, сэр.

– В этом мешке двенадцать бет. Мы извлекли их из поврежденного центра голосования – думаю, искажений будет уйма. Пожалуйста, восстанови, кого сможешь.

– Откуда они?

– Из анклава Раскин-Сарторий. Его больше не существует. От населения в девятьсот шестьдесят человек остались только эти копии.

– Лишь двенадцать из девятисот шестидесяти?

– Ну, чем богаты. Сомневаюсь, что ты и этих полностью восстановишь. Но постарайся. Когда будет с кем поговорить, дай мне знать.

Талия взглянула на массив символов:

– Сперва с этим закончу, хорошо?

– Вообще-то, с восстановлением лучше не тянуть. Дом Перигалов тоже не забрасывай, но проблема Раскин-Сартория с каждым часом выглядит все серьезнее.

– Что случилось? – шепотом спросила Талия. – Как погибли те люди?

– Ужасно, – ответил Дрейфус.

* * *

Ограничитель приближения остановил Дрейфуса: вплотную к Джейн Омонье не подойдешь.

– Криминалисты уже работают, – сообщил Том. – Через час получим ответ насчет образцов.

– Вообще-то, сомнений почти нет, – сказала Омонье. – Я ожидаю, если так можно выразиться, что повреждения будут связаны с лучом, который был выпущен кораблем сочленителей.

Джейн показала на настенный дисплей. На одной грани изображение было заранее увеличено – Дрейфус видел обтекаемый серебристо-серый

предмет вроде бумажного самолетика.

– Гаффни связался с Централизованным контролем транспорта, и там восстановили маршрут того корабля. Он называется «Аккомпанемент теней».

– Этот «Аккомпанемент» подходил к «пузырю»?

– Достаточно близко, чтобы нас заинтересовать. Других субсветовиков в окрестности не было.

– Где сейчас «Аккомпанемент»?

– Спрятан в парковочном секторе.

Омонье увеличила другую грань дисплея. Теперь Дрейфус смотрел на рой светлячков, такой плотный, что яркие точки не разделишь. Как тут не затеряться кораблю?

– После атаки хоть один корабль оттуда вывели?

– Нет. Сектор у нас под тщательным наблюдением.

– А если «Аккомпанемент теней» вырвется?

– Об этом лучше не думать.

– Но вы думали?

Омонье чуть заметно кивнула:

– Теоретически, наш внутрисистемный крейсер может проследовать за субсветовиком через все Облако Оорта. Только что это даст? Если экипаж «Аккомпанемента теней» не остановится и не позволит пристыковаться, нам его не переубедить. Сказать по правде, с тех пор как стала верховным префектом, я опасаюсь открытой конфронтации с ультра.

– Есть предварительная информация об этом корабле?

– Нет, Том, а что?

– Я думаю о мотиве.

– Я тоже. Надеюсь, беты что-то прояснят.

– Если повезет, – сказал Дрейфус. – Бет у нас только двенадцать, и большинство наверняка повреждены.

– А как насчет резервов? На Раскин-Сартории не стали бы хранить всё в одном месте.

– Согласен. Только вряд ли данные архивировали чаще одного раза в день. Скорее, даже раз в неделю.

– Старые воспоминания лучше, чем полное их отсутствие. – Тон Джейн стал мягче и доверительнее. – Хочу снова попросить об услуге. На сей раз задание сложнее и деликатнее, чем с Домом Перигалов.

– Хотите, чтобы я потолковал с ультра?

– Да, Том, я хочу, чтобы ты слетал к парковочному сектору. Проникать в него пока не надо. Пусть ультра поймут, что мы за ними приглядываем.

Мол, если спрячут корабль или помогут атакующим уклониться от правосудия, даром им это не пройдет.

Дрейфус мысленно перебрал корабли префектов, прикидывая, сигнал которого для ультра наиболее эффективен. Он перевидал немало звездолетов, но на ум ничего не приходило.

– Отправлюсь туда немедленно. – Дрейфус повернулся к выходу.

– Не стоит, – возразила Джейн. – Отдохни немного. В этом деле время работает против нас, и все же пусть ультра немного потомятся неизвестностью, погадают, чем мы ответим. Не такие уж мы беззубые. Можем воздействовать на них через торговые сети – получится весьма болезненно.

* * *

В другой части Блισταющего Пояса летел двухметровый сферический объект. Он двигался по тщательно просчитанной траектории свободного падения. Ловко, как танцовщица между шелковыми шарфами, объект проскальзывал в бреши систем слежения «Доспехов», Централизованного контроля транспорта и простых гражданских. Конечно, расчет траектории, как дополнительной меры предосторожности, отнял немного времени, хотя, в принципе, обнаружить его могли только самые чувствительные системы слежения.

Вот невиконт уловил световую волну строго определенной частоты – лишь такие лучи он был запрограммирован не отражать. Устройства в недрах объекта проанализировали временную структуру света и считали закодированное в условленном формате послание. Те же устройства составили ответ и направили его к источнику светового сигнала. Миллисекунду спустя прилетело подтверждение. Как и требовал план, невиконт позволил себя обнаружить. Через три часа над ним повис корабль и активировал гравитационные сенсоры, чтобы скорректировать последний этап сближения.

Вскоре невиконт укрылся в приемном отсеке корабля, фиксаторы закрепили его на платформе. Он проанализировал обстановку: место назначения благополучно достигнуто, теперь можно деактивировать оболочку из супервещества и начать выгрузку. Загорелся свет, в отсек хлынул воздух, невиконт проявился в виде хромированного мраморного шара. Режим невесомости больше не действовал – корабль полетел прочь

от точки рандеву.

В грузовой отсек вошел некто в безликом черном скафандре. Он опустился на корточки и стал наблюдать, как открывается невиконт. Половина сферы откинулась назад – показался пассажир, лежащий в позе зародыша. Окружавший его прозрачный кокон систем жизнеобеспечения тотчас испарился. Пассажир был без сознания, но дышал. Некто в черном скафандре снял шлем.

– Добро пожаловать в реальность, Энтони Теобальд Раскин-Сарторий!

Пассажир невиконта шевельнулся и застонал. Его веки были залеплены защитным гелем. Энтони Теобальд содрал его и прищурился: глаза сфокусировались не сразу.

– Я на месте?

– На борту корабля, как и планировали.

Энтони Теобальд вздохнул с облегчением:

– Я думал, перелет никогда не закончится. Четыре часа в этой штуковине словно целых миллион лет.

– Наверное, вы впервые в жизни испытали физический дискомфорт?

Энтони Теобальд прищурился, стараясь разглядеть мужчину в черном скафандре. Тот стоял расставив ноги на ширину плеч – держала полугравитация ускоряющегося корабля.

– Мы знакомы?

– Да, знакомы.

– Я думал, меня встретит Рейкл.

– Рейкл не смог. Вместо него прилетел я. Вы же не против?

– Конечно нет...

Самообладание изменило Энтони Теобальду. От него волнами исходил страх, и мужчина в скафандре это чувствовал. Помимо страха, Энтони Теобальд испускал подозрительность и упрямое нежелание понять, что план спасения не так безукоризненно надежен, как думалось, когда залезал в невиконт.

– Раскин-Сарторий действительно уничтожен?

– Уничтожен. Ультра постарались на славу. Вы вовремя смотали удочки.

– А где остальные? Что с ними стало?

– Вряд ли в «пузыре» уцелела хоть одна цепочка человеческого ДНК. Дельфин... – Мужчина осекся, не справившись с эмоциями.

– Что с моей бедной дочерью?

– Энтони Теобальд, вы же помните условия договора. Спастились могли вы один.

– Я хочу знать ваше имя. Раз вы не от Рейкла, то как выяснили, где искать невиконт?

– Рейкл сказал, вот как. На допросе.

– Кто вы?

– Энтони Теобальд, важно не это, а мерзость, которую вы укрывали на вашем маленьком семейном анклаве.

– Я ничего не укрывал и понятия не имею, о чем речь.

Мужчина в скафандре снял с пояса небольшой предмет и взвесил на ладони, словно лом или дубинку.

– Пора представить вас моему приятелю.

– Вы неправильно поняли. Под землей у нас просто...

Мужчина легонько махнул предметом – что-то выскочило, удлинившись до самого пола. Нечто тонкое ловило свет лишь периодически, а по полу шуршало без внешнего воздействия, словно в поиске. Когда мужчина выпустил из ладони черный цилиндр, крученный хвост затвердел, удержав его на месте. Рукоять поворачивалась, словно голова, и Энтони Теобальд заслонился от яркого луча, который двигался туда-сюда, царапая ему глаза.

Устройство нацелилось на Энтони Теобальда, что подтверждалось чуть заметным кивком мужчины в черном.

– Уберите эту штуковину!

– Знакомьтесь, хлыст-ищайка модели «В», – проговорил мужчина в черном. – У этой модели несколько новых функций, например – режим допроса. Хотите, испробуем?

Хлыст-ищайка пополз к Энтони Теобальду.

* * *

Дрейфус уединился в своем отсеке и заварил чай, сосредоточившись на этом нехитром занятии. Закончив, он устроился у низкого черного столика и стал ждать, когда остынет горячий рыжеватый напиток. Комнату наполнил негромкий звон китайских колокольчиков – вроде бы беспорядочный, но при желании можно расслышать мелодию. Обычно колокольчики Тому нравились, но сегодня он жестом убавил громкость почти до нуля. Дрейфус пригубил чай – нет, еще слишком горячо.

Он повернулся к стене, оклеенной белой рисовой бумагой, и махнул рукой – получился привычный созидательный жест, тысячей повторов

доведенный до автоматизма. Сперва на стене появились яркие цветочные пятна, потом они превратились в мозаику из десятков лиц, расположенных по определенной схеме – крупные в центре, мелкие по краям. Мозаика состояла из фотопортретов одной женщины, сделанных в разное время. Ее лицо изменилось почти до неузнаваемости. Порой женщина смотрела прямо в объектив, порой смотрела искоса, порой вообще не знала, что ее снимают. Высокие скулы, неправильный прикус, светло-карие глаза с золотыми крапинками. Брюнетка, она любила носить упругие кудри. Еще она любила улыбаться. Женщина улыбалась на большинстве фотографий, даже на сделанных тайком от нее. Да, улыбалась она часто.

Дрейфус смотрел на фотографии, словно в них скрывалась загадка, которую он хотел разгадать.

Чего-то не хватало. Внутренним взором Том видел, как женщина с фотографий стоит коленями на свежеспаханной земле. Она держит в руках цветы и поворачивается к нему. Образ яркий, только сосредоточиться на конкретном элементе не получалось – все плыло. Откуда-то нахлынуло воспоминание, но ни с одним из фотопортретов оно не соотносилось.

Дрейфус размышлял об этом уже почти одиннадцать лет.

Чай подостыл. Том потягивал его медленно, разглядывая портретную мозаику. Внезапно правый верхний угол композиции показался вопиюще несбалансированным, хотя на протяжении нескольких месяцев вполне устраивал Дрейфуса. Он поправил портреты – стена повиновалась каждому его жесту. Мозаика стала лучше, но Том знал, что это опять на время. Пока не отыщет пропавший элемент, гармонии не добьется.

Дрейфус вспомнил случившееся. И оттого, что Том сжился с этим воспоминанием, оно не стало менее ужасным.

Шесть потерянных часов.

– Тебе ничего не угрожало, – сказал он женщине с портретов. – Ты была в безопасности. Мы добрались до тебя раньше, чем он.

Том заставил себя уверовать в это, словно в величайшую истину вселенной.

По команде Дрейфуса портреты исчезли, рисовая бумага стала такой же белой, как в тот момент, когда он вошел в комнату. Том залпом допил чай, едва ощутив его вкус, потом на ту же стену вывел сводку новостей за день. Интересно, что криминалисты выяснили о статуе, которую Дрейфус и Спарвер видели на Раскин-Сартории?

Когда сводка появилась на стене, ни слов, ни картинок Том не разобрал. Отдельные силуэты в изображениях и буквы в словах он видел, но между стеной и его разумом явно стоял скремблирующий фильтр.

Слишком поздно Том сообразил, что пропустил плановый укол «Панголина». Действие предыдущей дозы заканчивалось, вот и крепчала дислексия, насаждаемая системой безопасности.

Дрейфус поднялся и подошел к стене, у которой получал дозы стимулятора. Едва он приблизился, в перламутрово-серой нише появился бустер, светлый тубик с перчаткой – символом «Доспехов» – и штрих-кодом, таким же, как на форме Тома. «Допуск „Панголин“, – гласила аннотация на боку тубика. – Префекту Тому Дрейфусу для самостоятельного приема. Несанкционированное использование чревато летальным исходом без возможности регенерации».

Дрейфус закатал рукав, прижал тубик к предплечью и почувствовал укол – препарат попал в организм. Дискомфорта не было. Том ушел к себе в спальню и забылся тревожным сном без сновидений. Часа через три-четыре он проснулся и без труда прочел сводку на стене. Дрейфус обдумал информацию и решил, что хватит томить ультра неизвестностью.

Глава 4

С панели управления катера донесся сигнал тревоги. Дрейфус отодвинул термос с кофе и изучил показания приборов. К парковочному сектору приближалось нечто слишком маленькое для субсветовика. На крайний случай Том подготовил катер к бою: пушки активировались и зарядились, хотя на корпусе еще не проступили. Дрейфус решил, что для управляемой ракеты объект летит чересчур медленно. Через несколько секунд камеры катера зафиксировали компактный шаттл и разложили его на составляющие. Формой шаттл напоминал безглазый конский череп, на черной броне была отпечатана алая стрекоза с блестящим контуром. Том получил приглашение установить аудиоконтакт.

– Добро пожаловать, префект. – Голос принадлежал мужчине, который говорил на современном русише без намека на акцент. – Чем могу вам помочь?

Том не без труда изменил речевые настройки.

– Поможете, если останетесь на месте. Я в парковочный сектор не проникал.

– Однако вы очень близки к его внешней границе, а это свидетельствует о намерении проникнуть.

– С кем я говорю?

– Префект, я мог бы задать тот же вопрос.

– У меня есть право находиться в этом территориальном пространстве, большего вам знать не нужно. Я имею честь говорить с назначенным представителем парковочного сектора?

– Зовите меня портмейстер Серафим, – ответил голос после паузы, не связанной с задержкой времени. – Я говорю от имени всех кораблей, которые собрались в парковочном секторе и стоят у сервисного центра.

– Значит, вы ультранавт?

– По вашему узкому определению – нет. Я не служу ни одному из кораблей или экипажей. Но пока корабли стоят здесь, их экипажи мне подотчетны.

Дрейфус порылся в памяти, но не вспомнил ни одного Серафима, ультранавт он или нет.

– Значит, я облегчу себе жизнь.

– Что, простите?

– Возможно, мне потребуется доступ на один из ваших кораблей.

– Это совершенно непропорционально.

– Ошибаетесь, капитан. А вот уничтожить анклав и девятьсот шестьдесят его жителей мощным квантовым лучом и впрямь непропорционально.

Снова продолжительная пауза. У Дрейфуса аж ладони вспотели. Раскин-Сарторий он упомянул преждевременно, грубо нарушив требование Джейн Омонье. Но ведь Омонье не рассчитывала, что Дрейфус встретит полномочного представителя парковочного сектора.

– Префект, почему ваши пушки в боевой готовности? Я вижу их под корпусом вашего катера, несмотря на маскировку. Вы нервничаете?

– Нет, проявляю здравомыслие. Ваших пушек я не вижу, но, полагаю, они тоже в боевой готовности.

– Мы квиты! – усмехнулся портмейстер Серафим. – Только я не нервничаю, а исполняю свой долг – защищаю парковочный сектор.

– Корабль из вашего парковочного сектора нанес ущерб, на который ни мой катер, ни ваш шаттл не способны. По-моему, это очевидно.

– Да, если верить вам. Обвинение серьезное.

– Я не выдвинул бы его без веских доказательств.

– Каких, например?

– Маршрут корабля. Вещдоки с анклава, обожженные лучом того самого корабля. Могу назвать его, если вам...

– Пожалуй, нам стоит поговорить вживую, – заявил портмейстер Серафим с неожиданной решимостью. – Пожалуйста, снимите орудия с боевого взвода. Хочу приблизиться и жестко пристыковаться к нижнему шлюзу вашего катера.

– Я не дал вам разрешения.

– Пока нет, но сейчас дадите.

Шлюз заработал – начал нивелировать разные протоколы давления и состава атмосферы, действовавшие на кораблях. Дрейфус тем временем попытался начисто отбросить предубеждения. Ультранавт – воплощение обманчивости. Порой внешне он не отличается от служащих «Доспехов», а внутри напичкан опасными устройствами.

Портмейстер Серафим показался Дрейфусу не такой уж диковинкой. Туловище и конечности капитана поддерживала ярко-зеленая броня экзоскелета. Голова словно сморщилась, рот и нос скрывались за серебряными решетками дыхательного аппарата, очевидно вживленного в череп. Слева на голове виднелось входное гнездо, облицованное хромовыми пластинами: ультра предпочитают подсоединяться к своей периферии напрямую. Других признаков обширной киборгизации не

просматривалось. Длинные черные волосы были заплетены в косу, а тонкие бледные руки напоминали отпечаток птичьих крыльев на древней скале.

– Спасибо, что позволили подняться на борт, – поблагодарил Серафим гортанным голосом.

Дрейфус представился и проводил ультранавта в жилой отсек катера.

– Могу я что-нибудь вам предложить, ну, как гостеприимный хозяин?

– Гемодиализ мне проведете?

– Боюсь, нет.

– Жаль. Мой корабль плохо вычищает токсины усталости. Наверное, пора менять фильтры... А к сервисному центру мне слетать некогда.

– Может, лучше кофе?

– Нет, спасибо. Вернемся к неприятной теме, которую мы хотели обсудить.

– Тема не просто неприятная. Девятьсот шестьдесят мертвецов. Об этих людях я ни разу прежде не слышал. А значит, капитан, они жили тихомирно и никого не трогали.

– Мне очень жаль погибших. Правда, жаль. Душа у нас есть, префект Дрейфус, и совесть тоже. Но все наверняка случилось не так, как кажется на первый взгляд, уверяю вас.

– «Аккомпанемент теней» находился так близко к анклаву, что участие другого корабля исключается.

Серафим коснулся дыхательного аппарата, будто слегка меняя параметры подачи воздуха.

– Вам не приходило в голову, что расправу учинили другие, а вину решили свалить на экипаж корабля, который оказался неподалеку?

– Ссора с ультранавтами нам с шефом совершенно не нужна. Но мы знаем, что вскрыть «пузырь» Раскин-Сарторий мог лишь корабль сочленителей.

– Другие варианты исключаются? Пушка, например?

– Такое ни одной пушке не по силам.

– Из нам известных, может, и ни одной. Только все слышали, какое страшное оружие создавалось в прошлом. Вдруг что-то дотянуло до наших дней? Все наслышаны о пушках класса «Ад»...

– Серафим, я префект и работаю с фактами, а не с домыслами, – спокойно напомнил Дрейфус. – Мифические пушки из темного прошлого искать не нужно. Есть доказательства, что здесь замешан субсветовик, большего мне не требуется.

– Тем не менее тут наверняка ошибка. Ни один экипаж на такое зверство не пойдет.

- Даже из-за нарушенного договора?
- Действовать со зла – это очень по-детски, а мы не дети.
- Ладно, а вдруг это случайность?
- Квантовые лучи самопроизвольно не образуются.
- Ясно. Значит, кто-то нажал на кнопку. Хорошо, что мы с этим разобрались.
- Ни с чем мы не разобрались. Что я, по-вашему, должен делать?
- Хочу, чтобы вы не выпускали «Аккомпанемент теней» из парковочного сектора. Это первое. Второе: не позволяйте членам экипажа захватить корабль. И третье: воспользуйтесь своей властью, чтобы предать капитана правосудию.
- Многовато вы от меня требуете.
- Работа такая.
- А если ослушаюсь?
- Мы пересмотрим существующие торговые соглашения. Блистающий Пояс – десять тысяч анклавов, открытых для бизнеса, но без нашего благословения никто с вами разговаривать не станет.
- Тогда мы найдем обходные пути.
- Охотно верю, только что останется от прибыли? Для вас, капитан, может сложиться пренеприятнейшая ситуация.
- Не угрожайте нам, префект, – предупредил капитан. – Никогда.
- Это почему же?
- Потому что мы нужны вам больше, чем вы нам.

* * *

Перегородка осталась прозрачной, но, прежде чем войти к Талии, Спарвер постучал. Как младший префект третьего уровня – Спарвер был на два уровня выше Талии и ждал перевода в полевые префекты, – он имел право входить без приглашения; Дрейфус наверняка так бы и поступил. Но с тех пор как Талия влилась в их команду, Спарвер держался с ней на равных. Дочери Джейсона Нг приходилось несладко и без глупой субординации, которая была уж совсем излишней в отношениях с другим помощником Дрейфуса.

- Шеф передохнуть не дает? – осведомился Спарвер, когда Талия оторвалась от работы.
- Ничего не поделаешь. – Талия хлебнула кофе из термоса и потеряла

глаза. – Сперва самым важным и срочным было дело Дома Перигалов, потом его перекрыл Раскин-Сарторий. Рада, что Дрейфус доверил мне оба дела.

Спарвер стоял у ее консоли и просматривал данные, прокручивающиеся на нескольких мониторах. Талия шутила над своей способностью к скорочтению, хотя у нее индекс Клауснер^[1] был куда выше, чем у Спарвера.

– Не волнуйся, шеф тебе доверяет.

– Но сомнения у него есть.

– Почему ты так думаешь?

Талия остановила прокрутку данных.

– Имело смысл взять в «пузырь» Раскин-Сарторий меня. Структура поверхности «пузыря» известна мне, как никому другому.

– У тебя уже было столько дел...

– Сейчас их еще больше. Разве это повод не брать меня с собой?

– Дрейфус понимал, что в «пузыре» и я справлюсь, – проговорил Спарвер. – Если бы возникли сложности, ты бы взяла катер и через час прилетела к Раскин-Сарторию.

– Хочется в это верить.

– Слушай, Талия, шеф очень тебя ценит. Возможно, не показывает, но это так. Иначе просто не взял бы тебя в команду.

– Боюсь, он думает, что я недорабатываю.

– Он прямо об этом сказал?

– Нет, не говорил.

– Вот и хорошо.

– Все равно не пойму, почему он не позвал меня в «пузырь».

– Потому что операция была потенциально опасной.

– Опаснее наложения блокады?

– Потенциально да. Те, кто практически уничтожил «пузырь», вполне могли вернуться для добавки, если бы увидели деловито суетящихся префектов.

– Но они не вернулись.

– Суть не меняется. Помимо нежелания утомлять, Дрейфус не взял тебя на Раскин-Сарторий, потому что не хотел подвергать опасности одного из своих лучших помощников. Организация блокады – другое дело: ты должна была участвовать. А с полетом к «пузырю» он, по-моему, решил правильно. Так что о твоей некомпетентности нет и речи.

Талия смутилась:

– Наверное, для тебя все это глупости.

– Ничуть. Когда я начал работать с Дрейфусом, несколько месяцев гадал, что делаю не так. Он ни разу меня не похвалил. Но со временем стало ясно: уже то, что Дрейфус держит меня в команде, и есть похвала.

– А сейчас... отношение изменилось?

– Не особо. Ну, скажет разок доброе слово, а в остальном обращается так же, как с тобой.

– Со стороны кажется иначе.

– Это потому, что ты еще новенькая. Когда стану полевым префектом, меня переведут на другое направление, а мое место займешь ты. Дрейфус возьмет второго младшего префекта, и тот побывает в твоей сегодняшней шкуре.

– Спарвер, он тебе нравится? – просила Талия, глянув на ожидающую приказов перегородку.

– В «Доспехах» больше нет никого, с кем бы мне так легко работалось.

– Я спросила не об этом.

– Понимаю, но ответить могу лишь так. – Спарвер развел руками. – Талия, я свинья, из-за этого некоторые префекты не смотрят мне в глаза. А Дрейфус специально просил, чтобы меня прикрепили к нему. За это я страшно ему благодарен, даром что он сухарь и бука.

– Некоторые префекты и мне в глаза не смотрят, – посетовала Талия.

– Вот видишь, мы оба обязаны шефу. Слушай, если поделишься со мной работой, постараюсь помочь.

– Спарвер, ты вовсе не обязан мне помогать.

– Разумеется, о регенерируемых бетах мне известно куда меньше твоего. Зато, пока я провожу стандартные тесты, ты можешь заняться делами посложнее.

– Раз ты об этом заговорил... – Талия снова потянулась к консоли. – Для всех двенадцати регенерируемых я провела стандартные восстановительные процедуры с использованием протоколов «Тяньцзинь». Пять-шесть повреждены безнадежно, хотя точно я смогу определить только после второй серии тестов.

Спарвер кивнул.

– Повторные тесты будут по протоколам «Лисичанск»?

– Вряд ли что-то изменится. Если по «Тяньцзиню» регенерация не прошла, «Лисичанск» не поможет. Но для полноты картины тесты провести нужно.

– Я ими займусь.

– Спасибо тебе, Спарвер.

– Может, еще чем-нибудь помочь?

Талия взглянула на свои руки: они так и застыли над консолью.

- Есть одна просьба, но из другой оперы.
- Выкладывай.
- В самом начале я спрашивала у тебя, почему Дрейфус такой, что с ним случилось.
- Уже плохо помню.
- Ты ответил, что всего не знаешь, но когда-нибудь поделишься со мной тем, что тебе известно.
- Ага, говорил, – подтвердил Спарвер.
- Пять лет прошло. Может, расскажешь что-нибудь?
- А ты другим вопросы не задавала?
- Ты разве не заметил, что с вопросами я почти ни к кому не лезу?
- Верно. Через турбины ты его не прокачивала?
- По-моему, некрасиво выяснять биографию шефа тайком от него.
- А сплетничать красиво?
- Это другое, – ответила Талия, грозно взглянув на свинью. – Как друга прошу: расскажи, что с ним случилось.

Решимость Спарвера таяла. Когда Талию взяли в команду, он дал ей обещание, а потом надеялся, что она забыла. И вот теперь он не мог пойти на попятную.

– Случилось не с Дрейфусом, а с близким ему человеком. Ее звали Валери Шапелон.

Это имя Талия слышала впервые.

– Она была его женой?

Спарвер медленно кивнул, чувствуя, что постыдным образом выболтал чужой секрет.

– Что случилось? – спросила Талия.

– Дело было одиннадцать лет назад. Теперь спроси себя, как давно Джейн Омонье пребывает в таком состоянии, все сразу прояснится.

Спарвер ждал, когда в глазах Талии мелькнет догадка.

* * *

Руки скрещены на груди, подбородок поднят, в глазах острый сосредоточенный блеск – Джейн Омонье парила в воздухе.

– Ты вернулся раньше, чем я ожидала, – проговорила она, когда Дрейфуса остановил ограничитель приближения.

- Дело сдвинулось с мертвой точки.
- По-моему, я советовала тебе не вступать в контакт.
- У меня не было выбора. В парковочный сектор я не проникал, зато переговорил с якобы полномочным его представителем.
- Полагаю, ты встретился с портмейстером.
- Не знал, что вы с ним пересекались.
- Пару раз доводилось. Жуликоватый тип, однако лучше большинства предшественников. Мне показалось, он готов к разумному диалогу.

Дрейфус неловко переступил бы с ноги на ногу, если бы не парил у границы защитного поля.

- Надеюсь, что так.
- Лицо Джейн, обычно бесстрастное, посуровело.
- Ты ведь не подстрекал его?
 - Некогда осторожничать. Как только вскрыется, что ультра сжигают анклав, у Серафима и его дружков возникнут проблемы куда серьезнее моих туманных намеков.

Омонье сосредоточилась на показаниях датчиков. Глаза потускнели: на миг она словно унеслась от Дрейфуса на несколько световых секунд.

– Ты прав, времени нет. Маскировать катастрофу пока удастся, но с каждым часом на нас сыплется все больше вопросов. Слухи просочились в другие анклав. Люди чувствуют: что-то случилось. Рано или поздно кому-то захочется слетать и проверить, либо мы не сможем убедительно ответить на вопрос.

- Что тогда?
- Тогда начнется самое интересное, – мрачно предрекла Омонье.
- Выходит, хорошо, что я был настойчив и решителен. Если вы правы и Серафим отличается здравомыслием, может, мы чего-то добьемся.
- Том, ты с огнем играешь.
- Игру выбирали не мы, – напомнил Дрейфус. – «Доспехам» поручено вести ее.

Омонье промолчала. Дрейфус подумал, что разговор окончен, что Джейн забыла о его присутствии и сосредоточилась на огромном настенном дисплее, где постоянно менялось изображение. Такое уже случалось, и Том не обижался. Но когда Джейн заговорила снова, он понял, что верховный префект набиралась мужества, чтобы затронуть болезненную тему.

- Том, я должна кое-что тебе рассказать. Речь пойдет о скарабее.
- Хорошие новости? – спросил Дрейфус, хотя тон Джейн однозначно указывал на обратное.

– Нет, не хорошие. Точнее, непонятные, а для меня плохие по определению.

– Расскажите, в чем дело.

– Знаешь, что меня особенно тревожит? Не то, что скарабея не снимут. В компетентность Демихова я верю, возможно, больше, чем он сам. На команду лучше, чем у него, я и рассчитывать не могла.

– Так что вас тревожит? – тихо спросил Дрейфус.

– Что я не смогу видеть сны. Каково людям, которые не видят сны одиннадцать лет? Том, ты таких знаешь?

– Сны к вам наверняка вернуться.

– Гарантий нет. А если отдел моего мозга, который отвечал за сны, зачах от бездействия? Если его поглотил другой отдел? Так бывает. Мозг постоянно перестраивается.

– Сны к вам вернуться, – повторил Дрейфус, словно Джейн следовало утешиться его словами.

– Команда Демихова зарегистрировала структурные изменения, – проговорила Омонье после паузы. – Компоненты переместились. Я и сама это почувствовала. К чему приведут изменения, Демихов не знает.

– Разве Демихов не утверждал, что изучил скарабея вдоль и поперек?

– Нет, он лишь сказал, что однажды снимет с меня скарабея, мол, для этого его знаний достаточно.

Дрейфус взгляделся в устройство, прикрепленное к затылку Омонье. Размером с кулак, оно напоминало хромированного красного жука. Скарабей цеплялся за затылок ножками со стерильными зубцами, которые уходили Джейн под кожу.

– Почему сейчас? – спросил Том.

– Последние несколько дней получились сложными для всех нас. Из Демихова много не выбьешь, но я догадываюсь, о чем он думает. Уже известно, что скарабей имеет доступ к моему позвоночнику, чтобы анализировать состав крови. Еще у него, предположительно, есть полевой трал, и он чувствует, когда я начинаю засыпать. Лично я в этом не сомневаюсь: порой даже щекотно, он же будто пальчиками у меня в мозгу роется. По-моему, я хорошо его подпитываю. Том, он реагирует на уровень моего стресса. Что-то во мне переступило черту, и скарабей отреагировал соответственно.

– Помимо структурных изменений и перемещения составляющих, скарабей ничего не вытворяет?

– Возможно, он готовит меня к чему-то, ждет, когда повысится стрессовый уровень. Специалисты из Лаборатории сна отмалчиваются.

Думаю, их беспокоит то, что может со мной случиться, если я еще сильнее разнервничаюсь.

– Я потолкую с Демиховым, – пообещал Дрейфус. – Выпытаю из него правду.

– Буду премного благодарна.

– Это такая малость!

– Недопустимо, чтобы скарабей отвлекал меня от нынешнего кризиса.

Но я подумала: ты должен знать о моих тревогах. Вдруг... – Джейн нервно сглотнула. – Вдруг и правда со мной что-нибудь случится.

Глава 5

Перегородка за спиной старшего префекта Гаффни закрылась и исчезла. Он только что вернулся из хосписа «Айдлвилд», и его синусы еще не отошли от контакта с сухим горячим воздухом корвета. Гаффни ковырнул в носу и намазал мерзкую слизь на стену, где она тотчас исчезла – впиталась в абсорбирующую матрицу из супервещества.

В кабинете, сердце Службы внутренней безопасности, царили холод, тишина и пустота, как в самой глубокой и сырой пещере. Впрочем, система тотчас отреагировала на появление Гаффни – создала удобства соответственно его эргономическим предпочтениям. Гаффни устроился у складной консоли, над которой поднимался многогранный дисплей. На консоли зажглись яркие голубые символы. Пальцы Гаффни заскользили по ним – старший префект вводил длинную цепочку сложносоставных команд, которые открывали доступ к базам данных. Команды нанизывались, как бусины на нить, тексты и графики мелькали на гранях дисплея, прокручивались на невероятной скорости. Гаффни гордился своим индексом скоротечения, одним из самых высоких в «Доспехах».

Далеко-далеко в невесомом чреве астероида поисковые турбины перелопачивали невообразимое количество заархивированных данных. Абсурд, конечно. Только Гаффни мог поклясться, что слышит рокот подземных поисковых машин и чувствует напор информации, несущейся по каналам. Он замедлил прокрутку и сузил зону поиска.

«Внимание, вы переходите в сверхсекретную директорию, – сообщила система. – Она открыта лишь для имеющих допуск „Панголин“. При его отсутствии воздержитесь от дальнейших запросов».

Гаффни продолжил поиски: он не просто имел допуск «Панголин», но и решал, кто его получит, а кто нет.

«Категория: тип оружия, архивная, запрещенная», – объявила система.

Гаффни в последний раз уточнил параметры поиска.

«Нестандартный информационно-поисковый запрос, – прокомментировала система. – Боевой робот. Класс „Долгоносик“».

– Покажи! – шепотом велел Гаффни и набил соответствующую команду.

Грани дисплея заполнились принципиальными схемами и частичными разрезами. Гаффни всмотрелся еще внимательнее: кое-где долгоносики изображались рядом с человеком, чтобы наглядно продемонстрировать их

размер. «Какие маленькие!» – удивился Гаффни, а потом вспомнил, что долгоносиков часто использовали для проникновения на вражескую территорию. По всеобщему мнению, они отличались быстротой и большой тактической самостоятельностью.

Впрочем, ясных воспоминаний о долгоносиках не сохранилось ни у кого из живущих. Временные отметки на комментариях были как минимум вековой давности.

Пальцы Гаффни снова задвигались – на дисплее замелькали строки букв и символов на ЯПА, человекочитаемом языке программы-ассемблера. Инструкции слились в расплывчатый массив. Тот кружил, ритмично корчился и извивался, показывая, насколько сложен последовательный код. Если задать эти команды соответствующим производственным установкам, можно собрать работоспособного долгоносика.

Одного или тысячу одного.

Гаффни убедился, что скрипт на ЯПА не оборван, не содержит ошибок, и спрятал его код в закрытой части директории Службы внутренней безопасности. Тот, кого угораздит туда попасть, увидит стандартный график работы герметичных перегоорок на астероиде «Доспехов».

Гаффни заархивировал верхний уровень стека запроса. Пальцы задрожали над клавиатурой, и он перешел к голосовому управлению.

- Выдай данные по ключевому слову «головня».
- Пожалуйста, повторите ключевое слово.
- Го-лов-ня, – медленно произнес Гаффни.

Гаффни, конечно, ждал результатов, но не предполагал, что они заполнят грани дисплея. Он наложил фильтры и сократил стек. Но даже в таком виде данных осталось до жути много, и среди них ничего, хоть как-то связанного с «Доспехами» или с объектом Аврориного интереса.

«Головня».

Что, черт возьми, означает это слово? Его выдал Энтони Теобальд, и Гаффни убедил себя, что оно важно. Настолько важно, что Гаффни перестал тралить бедолагу и не позволил ему впасть в стабильное вегетативное состояние. Бедолагу он отпустил и теперь, один на один с поисковыми турбинами, гадал, не зря ли остановился на полпути.

– Что за фуфло ты мне скормил, а, Тони? – вслух спросил Гаффни. – Негодник, ах какой же ты негодник!

Буквально тут же вспомнилось другое высказывание Энтони Теобальда. Разболтавшие пароль однажды обмолвились, что их операции сверхсекретны. Они, мол, неотслеживаемые, неподотчетные, официально

не зафиксированные ни на одном уровне управления «Доспехов», вплоть до самой «Королевы скарабеев».

Иными словами, неудивительно, что двухминутный поиск не дал заслуживающих внимания результатов. Слово «головня» вполне может иметь тайное значение, только сидя за консолью его не вычислить.

Следующие пять минут Гаффни заметал следы – уничтожал признаки того, что он просматривал логи запросов в поисковых турбинах. Потом еще пять минут заметал следы заметания тех следов. Закончил работу в полной уверенности, что даже сам себя не выследил бы.

Гаффни поднялся и велел консоли с креслом сложиться. Потом он вытер лоб рукавом кителя, провел пальцами по рыжим кудрям и двинулся к перегородке. Он понимал, что поступил плохо: плохо было перехватывать, тралить и вышвыривать, как мусор, бедолагу Энтони Теобальда. Но ведь, как любит напоминать Аврора, все на свете зависит от точки зрения. Он защищал гражданское население Пояса – что в этом плохого? Хотя в первую очередь граждан следует защищать от их собственной порочной сущности.

Аврора всегда права!

* * *

Бета-симулякр взирал на Дрейфуса с холодным безразличием. Дрейфус смотрел просительно, словно ждал ключевой фразы анекдота. Эта старинная техника каналирования, как правило, была вполне результативна.

Итак, Дрейфус смотрел на мужчину с тонкими чертами лица, ростом чуть выше его самого. Тело беты скрывалось под складками широкой пурпурной мантии или плаща. Правая рука по плечу затянута в черную стеганую кожу, на кисти перчатка, на пальцах кольца. Коротко стриженные седеющие волосы, орлиный нос, импозантность, стать – чем не статуя влиятельного римского сенатора? Если бы не прозрачность, фигура казалась бы абсолютно материальной.

– Префект, если не хотите задавать вопросы, зачем регенерировали меня? – спросил Энтони Теобальд, когда пауза затянулась до неприличия.

– У меня много вопросов, – дружелюбно отозвался Дрейфус. – Просто хотелось, чтобы сперва высказались вы.

– Полагаю, вы тот, кого ваша коллега упоминала при последнем

каналировании.

Талия уже активировала бета-копии, чтобы проверить, насколько они готовы к общению. Из двенадцати спасенных на Раскин-Сартории дать полноценные показания могли только три, как Талия со Спарвером ни старались восстановить функциональность других девяти.

– Я Дрейфус, – доброжелательно ответил Том. – Добро пожаловать в анклав «Доспехов», гражданин!

– Возможно, я и гражданин, а вот «добро пожаловать» не воздаст мне полагающихся почестей.

– Элементарная вежливость, – пояснил Дрейфус. – Лично я вообще не считаю бета-копии носителями сознания. Для меня вы часть массива данных судебной экспертизы. Да, я могу с вами разговаривать, а вы – твердить, что чувствуете себя живым, но это ничего не меняет.

– Как приятно встретить столь просвещенного человека! А что вы думаете о женщинах? По-вашему, они стопроцентно разумные существа или разумные, но с большими оговорками?

– Я не против женщин. Программные продукты, которые прикидываются живыми и рассчитывают на равные права и привилегии, – вот что меня смущает.

– Как я могу рассчитывать, если меня нет в живых?

– В способности убеждать вам не откажешь. Но если почувствую, что вы юлите или утаиваете правду, отправлю вас обратно на глубокую заморозку. При повторной заморозке никаких гарантий нет – и глюки не редкость, и файлы по ошибке стираются.

– Полицейский старой закалки, – одобрительно кивнул Энтони Теобальд. – К чему огороды городить, перейдем к делу, то бишь к угрозам и травле. Такой подход мне очень по душе – прямота подкупает.

– Пока мы друг друга понимаем.

– Не объясните, что случилось?

Дрейфус поскреб жирный затылок – складки буквально нависали над воротом.

– По нашим данным, в «пузыре» вы были главой семьи, а если верить последней переписи, держали в подчинении более девятисот человек.

– Все они свободные граждане и члены семьи. Еще раз спрашиваю: что случилось?

– Моя помощница что-нибудь объяснила?

– Ничего определенного.

– И правильно сделала. Для начала скажу: «пузыря» Раскин-Сарторий больше не существует. Ваш анклав уничтожен выхлопом двигателя

субсветовика под названием «Аккомпанемент теней». Судя по всему, преднамеренно. Энтони Теобальд, вы помните это событие?

Энтони Теобальд подрастерял самообладание – у него даже выражение лица изменилось.

– Нет, не помню.

– Что последнее отложилось у вас в памяти? Название корабля ассоциаций не вызывает?

– Префект, тут не только ассоциации. С «Аккомпанементом теней» мы вели переговоры. Корабль стоял неподалеку от Раскин-Сартория.

– Почему не в парковочном секторе вместе с другими кораблями?

– По-моему, у них возникли проблемы с внутрисистемным шаттлом. Проще было переместить сам корабль и воспользоваться нашим ближнемагистральным шаттлом. У нас технических средств хватало, так что экипаж Дравидяна с удовольствием развлекался за наш счет.

Так впервые прозвучало имя капитана.

– Переговоры касались торговли?

Энтони Теобальд зыркнул на Дрейфуса так, словно считал вопрос абсурдным.

– Иначе зачем иметь дело с ультра?

– Я просто спрашиваю. Как шли переговоры?

– Сначала успешно.

– А потом?

– Менее успешно. У нас нет опыта ведения дел с ультра. Если честно, я надеялся, что так туго не придется. Определенные финансовые трудности мы испытывали, но я думал, что роман Вернона и Дельфин немного разрядит обстановку... Увы, обстановка не разрядилась, и в итоге нам осталось лишь обратиться к ультра.

– Что вы пытались продать?

– Работы Дельфин, разумеется.

Дрейфус кивнул, словно пояснений не требовалось, а сам запомнил новые сведения, чтобы использовать при случае. Талия уже сообщила, что другие стабильные бета-субъекты – Дельфин Раскин-Сарторий и Вернон Трежан, ее любовник.

– Когда прилетали члены экипажа, с кем вы в основном имели дело?

– Чаще всего с Дравидяном.

– Что скажете о нем?

– Он слишком прямолинейный для киборга, или химерика, или кто он там... Дравидян заинтересовался отдельными работами Дельфин и вызвался продать их подороже на другом астероиде.

- Куда он намеревался лететь?
- Честно говоря, не помню. На Фанд, на Окраину Неба, в Первую Систему или в другую дыру. Какая разница, главное – работы мы продали.
- А если Дельфин ими дорожила?
- Так поговорите об этом с ней. Меня волновала только прибыль для анклава.
- По-вашему, Дравидян не занизил цену?
- Разумеется, мне хотелось получить больше, но его предложение показалось вполне разумным. Судя по состоянию корабля и экипажа, у них самих были финансовые проблемы.
- Итак, сделка вас устроила. Вы продали ультранавтам работы Дельфин. Дравидян попрощался и увел корабль прочь от «пузыря». Что потом?
- События развивались не совсем так. Переговоры близились к концу, когда Дельфин получила анонимное сообщение. Она тотчас показала его мне. В нем говорилось, что Дравидяну доверять нельзя: он, мол, сильно занижает цену – и нам лучше обратиться к другим ультра.
- Но связи с другими у вас не было.
- До тех пор не было. Анонимка намекала, что желающие найдутся.
- Как вы отреагировали?
- Мы посоветовались. Я не доверял анонимке и настаивал на сделке с Дравидяном, и она была заключена. А вот Дельфин возражала и воспользовалась исключительным правом аннулировать соглашение. Вернон ее, разумеется, поддержал. Я разозлился, а Дравидян пришел в полную ярость. Твердил, что задета честь его корабля и экипажа, угрожал, что Раскин-Сарторий дорого заплатит за расторгнутый договор.
- А потом что?
- Экипаж Дравидяна отвезли на корабль. Наш шаттл вернулся. «Аккомпанемент теней» улетел прочь. – Энтони Теобальд развел руками. – Больше ничего не помню. Как вы любезно напомнили, я симулякр, копия бета-уровня; мое восприятие зависело от распределенных систем контроля Раскин-Сартория. Система обработала и сгруппировала воспринятые мною сведения, но произошло это не моментально. На то, чтобы внедрить воспоминания о последних минутах жизни анклава, элементарно не хватило времени.
- Ну, вы хоть что-то запомнили.
- Уверен, другие вам сообщили то же самое. – Взгляд Энтони Теобальда так и буравил Дрейфуса. – Я прав?
- Не могу сказать, я еще не всех опросил.

- Дравидяна опрашивать собираетесь?
- Поговору с каждым, кто способен пролить свет на случившееся.
- Префект, такое зверство не должно остаться безнаказанным. Участь Раскин-Сартория чудовищна. Кто-то должен заплатить за его гибель.
- Кто-то обязательно заплатит, – пообещал Дрейфус.

Затем, вопреки яростным протестам сима, вернул его в хранилище и выделил минуту на то, чтобы занести свои мысли в компад. Возможно, зря он так категорично высказался о бетах, но патриарх Раскин-Сартория держался очень враждебно. Впрочем, придавать этому слишком большое значение не стоило. Никто не жаловал «Доспехи», и воскрешенные мертвецы не были исключением.

Том вызвал второго восстановленного симулякра, решив действовать мягче.

– Здравствуйте, Вернон! – поприветствовал Дрейфус мужчину, который возник перед ним: моложавого, привлекательного, с внушающим доверие лицом и копной светлых кудрей. – Добро пожаловать в анклав «Доспехов»! Не хочется огорчать вас, но, если моя коллега не объяснила, сообщая: ваша оригинальная ипостась погибла.

– Уже понял, – буркнул Вернон Трежан. – Но что с Дельфин? Она спаслась? Вы что-нибудь выжали из ее беты?

– Дойдем и до этого, но сперва нужно прояснить пару моментов. Одни верят в праведность бета-симулякров, другие нет. Пожалуйста, без обид, но я из числа вторых.

– Ничего страшного. – Вернон невозмутимо пожал плечами. – Я тоже не верю в праведность бет.

– Как не верите? – Дрейфус пригляделся к нему. – Вы же сами из их числа.

– Да, но мои ответы основаны на мнении Вернона, которое он выражал бесчисленное множество раз. Бета-копии он считал не более чем умными компьютерными моделями. На этот счет он высказывался очень категорично. Поэтому я рассуждаю так же.

– Вот и хорошо, – без прежней уверенности проговорил Том. – Так будет куда проще. – Непонятный порыв развязал ему язык. – Дельфин мы восстановили. Ее я пока не опрашивал, но она, по мнению моей коллеги, может стать полезным свидетелем.

Вернон закрыл глаза и поднял подбородок, словно благодаря белую пустоту потолка.

– Вот и славно. Дельфин, как никто другой, заслуживает спасения. Теперь расскажите, что произошло.

- Фамилия Дравидян вам знакома?
- Если вы о капитане ультранавтов, то да, более чем. Что случилось?
- А вы не помните?
- Если бы помнил, не спрашивал бы.

«Та же история, что у Энтони Теобальда, – подумал Дрейфус. – Воспоминаний о последних событиях не сохранилось, потому что записывающие системы не успели обновить беты в ядрах процессора».

– Ваш анклав уничтожен, – сказал он вслух. – Капитан – мы считаем, что приказы отдавал Дравидян, – спалил его квантовым лучом.

– Дравидян не стал бы... – Вернон не договорил, лишь теперь осознав чудовищность преступления. – Поверить не могу, что он совершил такой ужасный, не укладывающийся в голове поступок. Анклав ведь точно уничтожен?

– Я сам прополз по его искореженному обломку. Вещдоки очень серьезные, и один свидетель утверждает, что Дравидян разозлился из-за сорванной сделки.

Вернон стиснул ладонями виски и зажмурился:

– Помню, мы почти обо всем договорились, и тут пришло сообщение... Его получила Дельфин.

– О том, что не стоит доверять Дравидяну?

– О том, что мы можем выручить куда больше. Энтони Теобальд, конечно, вышел из себя. Он так рассчитывал на те деньги, что был готов продать работы Дельфин по стоимости лома. – Для пущей выразительности Вернон сжал кулаки. – Величайшее творение ее жизни. Ее душа! Разве мог я спокойно смотреть, как шедевры уходят за бесценок?!

– Получается, это вы с Дельфин прервали переговоры.

– Мы не хотели оскорблять Дравидяна.

– Но он оскорбился.

– Дравидян казался раздосадованным, словно впрямь считал, что предлагает справедливую цену за работы Дельфин. Мол, в следующий раз он дважды подумает, прежде чем с нами связываться. Мол, срывать переговоры на такой поздней стадии – верх непорядочности. – Трежан покачал головой. – Но слова – одно, а чтобы уничтожить родной анклав Дельфин... Непохоже было, что Дравидян настолько рассвирепел. По моему, между злостью и желанием убить большая разница.

– Разница меньше, чем вам кажется.

– Префект, вы же не думаете всерьез, что Дравидян на такое способен?

– Вернемся к Дельфин. Она занималась искусством?

– Мы так считали.

– Каким именно видом искусства?

– В основном скульптурой. Ее работы великолепны. Недаром она стремилась продать их подороже.

Дрейфусу вспомнилось лицо, высеченное из камня, которое он видел на разрушенном анклав. Скульптура, бесспорно, сделана мастером, но как вещдок она оказалась совершенно бесполезной.

– Во время атаки Дельфин над чем-то работала?

– Не в сам момент атаки, но она уже несколько месяцев делала большую скульптуру. Из серии скульптурных портретов Ласкаля. – Вернон пожал плечами. – Это очередной этап ее творчества.

Фамилия Ласкаль показалась Дрейфусу знакомой, как и каменное лицо, но одно другого не объясняло, по крайней мере с ходу. Скульптура, конечно, произведение искусства – но это и ключик к характеру Дельфин. Ключик, который поможет понять ее роль в случившемся.

– Вы с Дельфин были женаты? – спросил он.

– Собирались пожениться. Анклав испытывал финансовые сложности, и Энтони Теобальд надеялся решить часть проблем, подыскав для дочери мужа из другого анклава. С торгово-промышленным «кольцом» Макро-Гектор он сотрудничал довольно давно. Мы сделали для этого анклава систему защиты от столкновений, и до конца он с нами не расплатился. Я был наследником влиятельнейшего клана Макро-Гектора. Переговоры велись у нас с Дельфин за спиной. Нам это не нравилось. – Вернон грустно улыбнулся. – Но и не мешало любить друг друга по-настоящему.

– Энтони Теобальд добился желаемого.

– Не совсем. Моя семья видела во мне будущее бизнеса, нового партнера в производстве систем защиты. Увы, я строил иные планы – решил покинуть родной анклав, порвать с семьей, бизнесом и перебраться в «пузырь» к Дельфин. Вдохновленный ее искусством, я решил, что и у меня есть нераскрытый талант. Месяца через три понял, что во мне гений не погибает.

– Порой на это уходит целая жизнь.

– Зато я почувствовал, что способен помочь Дельфин: стать ее агентом, посредником, брокером – называйте, как хотите.

– Вряд ли такое развитие событий обрадовало Энтони Теобальда: вы порываете с богатой семьей, а потом мешаете сделке с Дравидяном.

– Именно так мне показалось.

– Как, по-вашему, мог он в гневе расправиться с дочерью и всей семьей?

– Нет. Мы с Энтони Теобальдом во многом не соглашались, но дочь он

любил. Он тут ни при чем. – Вернон Трежан испытующе глянул на Дрейфуса. – Зачем вам другие версии, если есть Дравидян?

– Боюсь что-нибудь упустить. Вы ведь поделитесь со мной, если появятся новые мысли?

– Разумеется! – ответил молодой человек и вдруг помрачнел. – Если пойму, что могу вам доверять.

– Почему сомневаетесь?

– Для начала – где доказательства того, что вы префект, а Раскин-Сарторий разрушен? Что, если меня похитили инфопираты, а это вовсе не анклав «Доспехов»?

– Мне вас не убедить, что бы я ни сказал и ни сделал.

– Понимаю, – проговорил Вернон после долгого молчания, – и пока чувствую, что увиденного и услышанного недостаточно для принятия правильного решения.

– Если вы имеете какие-либо сведения, способные помочь расследованию, вам следует немедленно поделиться ими со мной.

– Я хочу поговорить с Дельфин.

– Исключено. Вы важные свидетели. Не могу допустить, чтобы ваши показания стали несостоятельными.

– Префект, мы любим друг друга.

– Любили не вы, а ваши человеческие ипостаси. Почувствуйте разницу.

– На самом деле вы в нас не верите, да, префект?

– Вы сами в себя не верите.

– Дельфин верит, префект. Искренне верит. Остальное для меня не важно. – Глаза Вернона так и буравили Дрейфуса. – Расправляйтесь со мной как угодно, а Дельфин пощадите.

– Дезактивировать, – приказал Дрейфус.

Когда кабинет опустел, Том поднял компад, который держал между коленями, и записал свои впечатления о Верноне, по старинке пользуясь стилосом, – так ему больше нравилось. Только смутная тревога мешала работать, и избавиться от нее не удавалось. Бета-симулякров он опрашивал не раз и не два, поэтому считал, что хорошо знает их повадки. Никогда прежде Том не чувствовал в цифровом дубликате душу и не сказал бы, что почувствовал ее на этот раз. Однако чем-то этот раз отличался. Впервые Том испытывал потребность заручиться доверием бета-копии и размышлял о том, что для этого понадобится.

Человек доверяет машинам, но не рассчитывает на взаимность.

– Активировать Дельфин Раскин-Сарторий, – объявил Дрейфус.

В кабинете для допросов появилась женщина. Ростом выше Дрейфуса, она была в простой белой блузе, брюках и белых же туфлях на плоской подошве. Рукава закатала до локтей, штанины – до коленей. Руки она сложила на груди и переместила вес на одну ногу, словно чего-то ждала. Из украшений лишь серебряные браслеты на запястьях, лицо сердечком – ни красивым, ни миловидным не назовешь, хотя уродливым тоже. Ни следа косметики. Глаза светло-бирюзовые, волосы убраны ото лба и завязаны грязной тряпкой, из-под которой выбивались вьющиеся пряди.

– Дельфин? – обратился к ней Дрейфус.

– Да. Где я?

– В анклав «Доспехов». Боюсь, у меня плохие новости. Раскин-Сарторий уничтожен.

Дельфин кивнула, словно втайне этого опасалась.

– Я спрашивала вашу коллегу о Верноне. Она не сказала ни слова, только я умею читать между строк и поняла, что случилось страшное. Вернон...

– Да, Вернон погиб. Все остальные тоже. Но нам удалось получить его бета-копию.

Дельфин на миг закрыла глаза.

– Я хочу с ним поговорить.

– Нельзя, – отрезал Дрейфус, но, поддавшись порыву, добавил: – Сейчас нельзя; возможно, потом получится. Сперва мне нужно опросить вас по отдельности. Вряд ли «пузырь» уничтожили случайно. Если атака была намеренной, значит это преступление, одно из самых ужасных со времен Восьмидесяти. Я хочу, чтобы свершилось правосудие, но для этого мне необходима помощь всех свидетелей.

– Вы же говорили, что никто не уцелел.

– У нас лишь три беты. Шаг за шагом я восстанавливаю случившееся, но ваши показания не менее важны, чем остальные.

– Чем смогу, помогу.

– Хочу выяснить, что творилось в самые последние минуты. Насколько я понимаю, вы хотели продать свои работы третьей стороне.

– Да, Дравидяну.

– Расскажите все, что знаете о Дравидяне, от начала до конца. Потом об искусстве.

– С какой стати вас интересует искусство?

– Оно связано с преступлением. Я должен разобраться, что к чему.

– Дело только в этом? Абстрактного интереса к искусству у вас нет?

– Я человек простой.

– Но вы знаете, что вам нравится.

Дрейфус скупно улыбнулся:

– Я видел скульптуру, над которой вы работали. Большую, с мужским лицом.

– И что о ней скажете?

– Она запала мне в душу.

– На это я и рассчитывала. Возможно, не так вы и просты.

Прежде чем заговорить снова, Дрейфус внимательно посмотрел на Дельфин:

– По-моему, вас не слишком огорчила гибель.

– Я не погибла.

– Я расследую ваше убийство.

– Правильно, одну мою ипостась убили. Но самая важная ипостась – та, что сейчас меня волнует, – с вами разговаривает. Хотите – верьте, хотите – нет, но я чувствую себя живой целиком и полностью. Поймите меня правильно: я за то, чтобы справедливость восторжествовала, но оплакивать себя не собираюсь.

– Восторгаюсь силой вашей веры.

– Дело не в вере. Я так чувствую, потому что росла в семье, считающей бета-копию совершенно естественной формой существования. Моя мать умерла в Городе Бездны за много лет до того, как я родилась из клона ее утробы. Я знала ее лишь как бету, но относилась как к нормальному человеку.

– Не сомневаюсь.

– Если бы погиб близкий вам человек, вы бы отвергли его бета-личность, как ненастоящую?

– Вопрос так ни разу не вставал.

– Ни разу не погибал близкий вам человек, имеющий бета-копию? – недоверчиво спросила Дельфин – При вашей-то работе?

– Я этого не говорил.

– Так кто-то погиб?

– Мы здесь не для того, чтобы рассуждать об абстрактном, – напомнил Дрейфус.

– Не представляю себе ничего менее абстрактного, чем жизнь и смерть.

– Вернемся к Дравидяну.

– Я затронула большую тему?

– Расскажите про ультра.

Только Дельфин приступила к рассказу – судя по выражению лица, не

в манере «коротко и ясно», – как в перегородке за ее спиной появился черный дверной проем. Дверь приоткрылась, в щель протиснулся крепыш Спарвер, и перегородка заблокировалась.

– Канализование на паузу! – скомандовал Дрейфус, раздраженный вмешательством. – Спарвер, я, кажется, просил...

– Шеф, дело срочное, мне нужно было с вами связаться.

– Почему же ты не вызвал меня через браслет?

– Вы его отключили.

– Ой! – Дрейфус глянул на запястье. – Впрямь отключил.

– Джейн велела оторвать вас от любого занятия, даже если станете кричать и пинаться. Есть новости.

Дрейфус прошептал команду, и Дельфин вернулась в хранилище.

– Надеюсь, новости стоящие, – сказал он Спарверу, когда бета исчезла. – Я почти получил неопровержимые доказательства связи «Аккомпанемента теней» с «пузырем». С такими козырями можно и к Серафиму возвращаться. Ему придется выдать нам корабль.

– По-моему, козыри вообще не понадобятся.

– Что? – переспросил Дрейфус, которого еще не оставило раздражение.

– «Аккомпанемент теней» уже в пути. Направляется прямо к нам.

Глава 6

Когда они оказались в зоне видимости «Аккомпанемента теней», Спарвер разбудил Дрейфуса. Том выпутался из сетей подвесной койки и вслед за гиперсвиньей прошел на палубу. Префектам было разрешено летать на катере, но мощному внутрисистемному крейсеру вроде «Демократического цирка» требовался специальный экипаж. На полетной палубе сидели трое, все в иммерсионных очках и интерактивных крагах. Командовал кораблем сотрудник «Доспехов» по фамилии Пелл, которого Дрейфус знал и уважал. Том поздоровался, заказал Спарверу термос кофе и потребовал ввести его в курс дела.

– Джейн провела голосование по боеголовкам, – сказал гиперсвинья. – Нам дали добро.

– А с Серафимом что?

– Больше никаких контактов с Серафимом и другими ультра, но у нас и новых проблем целый воз.

– Только я привык к старым...

– В штабе говорят, над Раскин-Сарторием сгущаются тучи – тайна вот-вот раскроется. Нет, не полностью – о корабле не известно никому, – но сделать очевидные выводы способны сотни миллионов граждан.

– Люди догадываются об участии ультра?

– Такие мысли мелькают. Есть свидетели, которые заметили дрейфующий корабль и задались вопросом, не связан ли он с тем зверством.

– Прекрасно.

– В идеальном мире обыватели расценили бы появление корабля как доказательство того, что преступление совершено и ультра проявили достаточную расторопность, стремясь наказать себе подобных.

Дрейфус поскреб щетину на щеках. Нужно побриться.

– В идеальном мире мы с тобой остались бы без работы.

– Джейн считает вполне вероятным односторонний акт агрессии со стороны отдельных сил, если они поймут, что тут замешаны ультра.

– Иными словами, не исключается война между ультра и Блистающим Поясом.

– Надеюсь, до такого абсурда не дойдет, – проговорил Спарвер. – Впрочем, мы имеем дело с немодифицированными людьми.

– Я немодифицированный человек.

– Вы странный.

Капитан Пелл отвернулся от консоли и, глянув на Дрейфуса с помощником, поднял очки.

– Конечное приближение, сэр. Там много мусора и паров летучей жидкости, поэтому предлагаю остановиться на трех тысячах метров.

Большую часть корпуса Пелл перевел в прозрачный режим, чтобы с борта наблюдать за «Аккомпанементом теней». Дрейфус заметил, что «Аккомпанемент» не в порядке. Совсем не в порядке. Кронштейны двигателей представляли собой зазубренные, расплющенные культы. Сами двигатели отсутствовали. Корабль летел боком, а не, как обычно, носом вперед. Не корпус, а свидетельство мощной атаки: в зияющих ранах виднелись устройства, раскалившиеся от непонятого удара. Клубы сизого дыма вырывались наружу и спиральным шлейфом двигались за медленно кружащимся калеккой.

Дрейфус понял, что на «Аккомпанементе теней» пожар.

– Наверное, ультра называют это правосудием, – сказал Спарвер.

– Пусть называют как хотят, – огрызнулся Дрейфус. – Я просил свидетелей, а не гору обугленных трупов. – Он повернулся к Пеллу. – Как скоро «Аккомпанемент теней» достигнет границы Блистающего Пояса?

– Через четыре часа двадцать восемь минут.

– Я предупредил Джейн, что мы уничтожим «Аккомпанемент» за три часа до того, как он достигнет внешней орбиты анклава. Значит, у нас еще девяносто минут. Как наши боеголовки?

– Настроены и готовы к использованию. Зону удара мы уже наметили, но до обстрела хотелось бы стабилизировать траекторию «Аккомпанемента». В данный момент мы рассматриваем варианты буксировки.

– Пожалуйста, постарайтесь побыстрее.

Специалисты по буксировке оказались асами, и, пока Дрейфус пил кофе, они прикрепили три буксирных установки к ударопрочным узлам горящего корабля.

– Работаем коррекционными импульсами, сэр, – пояснил один из буксировщиков. – Это займет немного времени. Нужно упорядочить движение корабля весом миллион тонн, чтобы он не треснул, как сухой пруттик.

– Признаки жизни на борту есть?

– Пожар закончился, – ответил Пелл. – Герметичность корпуса нарушена, и на корабле отсутствует воздух. Высокая температура не дает возможности искать выживших по термоточкам, но мы их ищем по

электромагнитным признакам. Выжившие наверняка в скафандрах, а значит, можно уловить электромагнитный шум систем жизнеобеспечения. Впрочем, мало шансов найти живых.

– Статистику шансов я не запрашивал, – проворчал Дрейфус, не в силах совладать с нервами.

Справиться с болтающимся кораблем удалось минут за тридцать. Специалисты повернули его продольной осью к Блистающему Поясу, чтобы в случае осечки боеголовок минимизировать зону столкновения. Буксирам не вывести «Аккомпанемент теней» на безопасную траекторию, они разве что вытолкнут его на менее заселенную орбиту – авось между анклавами проскочит. Издали Блистающий Пояс напоминал гладкое кольцо из потускневшего серебра. Блики десяти тысяч анклавов слились в световую дугу.

Дрейфус напоминал себе, что космос практически пуст, но глаза отказывались в это верить.

– Долго еще? – спросил он.

– Чуть меньше часа, сэр, – ответил Пелл.

– Откройте мне переходной шлюз, желателно в переднем километре корабля. Если кто уцелел, они наверняка там.

Пелл замялся.

– Сэр, вам стоит взглянуть на это, прежде чем идти на борт «Аккомпанемента теней». Мы только что перехватили радиосигнал, сильнее всех, что слышали с начала приближения.

– Что за сигнал?

– Голосовое сообщение. Сигнал слабый, но удалось довольно точно его локализовать. Он исходит из термоточки, за которой мы наблюдаем.

– Вы же говорили, что не видите термоточки из-за тепловых помех.

– Сэр, я имел в виду термоточки внутри корабля, а эта снаружи.

– Кто-то выбрался?

– Не совсем, сэр. Она как будто на корпусе. Вот приблизимся, и я дам картинку почетче.

Пелл повел внутрисистемный крейсер к «Аккомпанементу теней». Операция обещала стать рискованной. Субсветовик стабилизировали, но, полностью лишенный воздуха, он истекал паром: это выкипал и улетучивался запас воды. Вместе с паром разлетались обломки – и мелкие блестящие осколки, и куски искореженного металла размером с дом. Мелочь билась о корпус крейсера с душераздирающим стуком и звоном. Порой Дрейфус ощущал сверхзвуковую отрывку – это автоматические пушки «Демократического цирка» перехватывали обломки покрупнее.

Осталось сорок пять минут.

– Сэр, я вычленил звуковой сигнал, – доложил Пелл. – Хотите послушать?

– Давайте, – кивнул Дрейфус и нахмурился.

Когда устройство внутренней связи воспроизвело запись, Дрейфус понял, почему капитан не хотел проигрывать сигнал без предупреждения. Короткая запись напоминала какофонию – такую услышишь, перебирая радиочастоты. Но было в той какофонии нечто необъяснимо жуткое, пронзившее Дрейфуса до мозга костей. Человеческий голос, полный боли или страха или того и другого вместе, казался звуковым воплощением страдания. Сколько боли в той записи – в сердце Дрейфуса распахнулась дверь, которую он держал закрытой наглухо.

– Вы картинку подготовили?

– Фокусирую, сэр. Сейчас выведу на стену.

На прозрачной стене появился нос субсветовика. Пелл дал крупный план, и на миг Дрейфуса ошеломило изящество корабля, похожего на готический шпиль. Потом показалось нечто совершенно не готическое.

Ультранавт в скафандре! Он распластался так, словно его руки и ноги были прибиты к корпусу «Аккомпанемента теней». Дрейфус сразу понял, что перед ним капитан Дравидян.

Капитан Дравидян был жив.

Ультра потрудились на славу. Свою жертву они распяли на корпусе «Аккомпанемента теней», головой к носу корабля. В голени и предплечья вбили крючья – прямо через броню скафандра. Примерно такими крючьями крепят корабли к астероидам и кометам. На гипералмазном наконечнике страшные зарубки, чтобы ненароком не выскользнул. Отверстия залепили быстросохнущим герметиком, вот корпус и не разгерметизировался. Полностью обездвиженного, Дравидяна вдобавок приварили к корпусу. Сварочный шов толстой серебристой змейкой вился по обшивке – скафандр словно прирос к корпусу «Аккомпанемента теней».

Специальная обувь удерживала Дрейфуса на корпусе субсветовика. Невесомый, он стоял напротив капитана и думал, что при самом виртуозном владении режущими инструментами узника не освободить: времени не хватит.

Капитан останется на своем корабле до самого конца – до столкновения с Блистающим Поясом или до ядерного взрыва. Через визор шлема за Дрейфусом и Спарвером следили глаза – широко раскрытые, живые. А вот надежды в них не было.

Дравидян хорошо понимал, какие у него шансы.

Левой рукой Дрейфус размотал оптоволоконный кабель с правого запястья. Такой скафандр, как на Дравидяне, он видел впервые. Наверное, его впопыхах смастерили из подручных средств – частью самодельные детали, частью древние, ровесницы химических ракет. Но почти все скафандры совместимы. Разъемы для подачи воздуха и энергии веками соответствуют нескольким стандартным интерфейсам. С каналами связи то же самое.

Дрейфус разыскал нужный разъем в рукаве Дравидяна и воткнул туда оптоволоконный кабель. Минуты убегали одна за другой, но вот контакты состыковались, и в шлеме зашипел чужой циркулятор воздуха – Том услышал системы жизнеобеспечения Дравидяна.

– Капитан Дравидян, надеюсь, вы меня слышите. Я Том Дрейфус, полевой префект «Доспехов».

Пауза длилась дольше, чем рассчитывал Дрейфус. Том уже почти не надеялся на ответ, когда уловил сдавленный вздох Дравидяна.

– Я слышу вас, префект Дрейфус. Верно, я Дравидян. Вы молодец, что угадали.

– Жаль, что мы раньше не добрались. Я слышал сигнал. Вам было больно.

– Да, было.

Неужели Дравидян усмехнулся?!

– А сейчас?

– Сейчас полегче. Скажите, что они сделали? Ноги и руки болели адски, но я... ничего не видел. Они не позволили. Так что, меня расчленили?

Дрейфус осмотрел приваренное к кораблю тело, словно убеждаясь, что видит Дравидяна целиком.

– Нет, – ответил он. – Вас не расчленили.

– Вот и славно. Значит, я уйду более-менее достойно.

– Простите, но я не понимаю.

– У ультра целая система наказаний преступников. Меня сочли «предположительно виновным». Предположительно, но не определенно. Если бы невиновность исключалась, меня расчленили бы.

– Вас прибили к кораблю, – объявил Дрейфус. – Прибили и приварили.

– Да, я видел свет.

– Я не могу ни вытащить вас из скафандра, ни отделить скафандр от корпуса, ни вырезать кусок корпуса. За полчаса не успею.

– За полчаса?

– Увы, мне приказано уничтожить этот корабль. Очень жаль, что вам,

капитан, пришлось страдать. Обещаю, наше правосудие сработает чисто и быстро.

– У вас боеголовки?

– Повторяю, все закончится быстро.

– Вы очень добры, префект. На спасение я и не надеялся. Когда ультра что-то затевают... – Дравидян не договорил.

Дрейфус кивнул.

– Но вы говорили о правосудии, – вспомнил Дравидян, восстановив не то дыхание, не то ясность ума. – Стало быть, уверены в моей виновности?

– Капитан, совершенно чудовищное преступление. Имеющиеся у меня доказательства не оставляют сомнений, что в нем участвовал ваш корабль.

– Я сбежал, – проговорил Дравидян. – Укрылся в парковочном секторе, решив, что там буду в безопасности, а мои доводы встретят с пониманием. Зря я это сделал. Лучше довериться вашему правосудию, чем полагаться на своих.

– Я бы вас выслушал, – заверил Дрейфус.

– Случилось совсем не то, что кажется на первый взгляд.

– Тот анклав уничтожен вашим двигателем.

– Да, это я признаю.

– Вы вернулись на свой корабль озлобленным, потому что вам сорвали выгодную сделку.

– Я сожалел, что та семья аннулировала переговоры. Но это не значит, что мне хотелось всех убить.

– Раскин-Сарторий уничтожен неслучайно. В обратное никто не поверит.

– Я не говорил про случайность. Это преднамеренное уничтожение мирного анклава. Но я тут ни при чем. И мой экипаж тоже, – добавил капитан с неожиданным пылом.

– Преступление либо совершено, либо нет.

– Кто-то спровоцировал его. Кто-то проник на «Аккомпанемент теней» и использовал его против «пузыря» Раскин-Сарторий. Мы стали орудием убийства, а не убийцами.

– Хотите сказать, кто-то проник на корабль и узнал, как запустить и отключить двигатель, чтобы уничтожить «пузырь»?

– Да, – проговорил Дравидян с такой безысходностью, словно перестал надеяться, что его аргументы будут приняты. – Вы совершенно правы.

– Хотел бы я поверить вам на слово.

– Префект, спросите себя: зачем мне сейчас врать? Мой экипаж

уничтожили, сожгли заживо на этом самом корабле. Меня заставили слушать крики товарищей, их мольбы о помощи. Корабль растерзали, как голодные волки терзают бешеного зверька. Меня пытали и приварили к носу корабля. Еще немного – и я умру.

– И все же я... – начал Дрейфус.

– Не представляю, в чьих интересах такая трагедия. Выяснить это – не моя задача, а ваша. Но клянусь, мой экипаж не совершал преступления.

– Пора подумать о том, как отсюда убраться, – негромко сказал Спарвер.

Дрейфус поднял руку, требуя тишины.

– Но кто-то из ваших подчиненных наверняка тут замешан, – сказал он Дравидяну.

– Никто из тех, кому я доверял и кого считал своей настоящей командой. За других, впрочем, не ручаюсь.

– О ком вы?

– Неподалеку от Йеллоустона мы взяли пополнение. Часть экипажа перешла на другие корабли, и у нас появились вакансии. Кто-то из новичков мог...

– Капитан? – нарушил паузу Дрейфус.

Дравидян заговорил другим тоном, словно вспомнив:

– Случилось нечто странное. Вышел из строя шаттл, поэтому мы приблизились на субсветовике к Раскин-Сарторию, а не прилетели туда на шаттле из парковочного сектора. Тогда о неполадке я особо не думал: сделка была на мази. Сейчас же вспоминаю инцидент с шаттлом и утверждаюсь в мысли, что это диверсия.

– Не понял.

– Кто-то вывел шаттл из строя, префект. Кто-то захотел, чтобы «пузырь» оказался в зоне поражения «Аккомпанемента теней». Прежде я думал, что преступление, совершенное от нашего имени, – это месть за сорванную сделку, кто-то на корабле решил наказать анклав и его жителей. Сейчас я считаю иначе. – Дравидян замолчал, лицо за стекляннным визором стало совершенно неподвижным.

Только Дрейфус решил, что капитан умер или потерял сознание, как тот снова зашевелил губами:

– А сейчас я гадаю, не кроется ли тут чей-то умысел.

– Не просто убийство, а убийство преднамеренное и хладнокровное?

– Я могу лишь изложить вам ход событий.

– Те новобранцы... Что о них скажете?

– Ничего особенного. Шестеро или семеро – и прожженные типы,

летавшие на других кораблях, и молокососы, плутающие в трех соснах. Лично я ни с кем из них не встречался, только пострадал по громкой связи, как водится, когда они на борт поднялись.

– Даже имен не знаете?

– Извините, префект. Знал бы что-нибудь, сообщил бы вам.

Дрейфус кивнул: если Дравидян и впрямь уверен в собственной невиновности, утаивать доказательства ему незачем.

– Не пойму, зачем уничтожать «пузырь», если не из-за сорванной сделки?

– Расследование ведете вы, префект. Вы и скажите.

– Вы скоро умрете, – тихо напомнил Дрейфус. – Этого не изменить, что бы я ни сказал и ни сделал.

– Но вы верите, что я говорю правду?

– Я верю, что настоящее расследование еще впереди. Если факты подтвердят вашу невиновность, я позабочусь, чтобы их предали огласке.

– Надеюсь, вы настоящий профессионал.

– Об этом судить не мне.

– Преступники убили тысячу человек. Если добавить экипаж моего корабля, жертв еще больше. Им не понравится, что префект сует нос в их дела и пытается свести их старания на нет.

– Нам платят не за популярность.

– Префект Дрейфус, вы кажетесь человеком порядочным. Я и по голосу это чувствую. Мы, ультранавты, неплохо разбираемся в характерах. Мои люди тоже были порядочными. Даже если не сумеете реабилитировать меня, постарайтесь оправдать их. Такой гибели они не заслужили. «Аккомпанемент теней» ни разу меня не подвел. Он тоже не заслужил такой гибели. – Дравидян замаялся, потом спросил: – Как там с боеголовками?

Дрейфус глянул на Спарвера, тот похлопал по рукаву, словно под ним были часы.

– Двадцать минут, шеф.

Том повернулся в сторону движения мертвого корабля. Вдали виднелись Йеллоустон и Блισταющий Пояс. Дневная сторона планеты была еще освещена. Нет, не почудилось: Пояс стал шире с тех пор, как Дрейфус любовался им в последний раз. Том различал и «зерна» отдельных анклавов. Немного времени, терпения и доскональное знание орбит анклавов помогут опознать самые крупные. К примеру, серебряный блик у западного края планеты – это, часом, не «карусель» Новая Венеция вращается среди оживленных центральных орбит? А гирлянда рубиново-

красных огоньков чуть правее – не характерный знак восьми анклавов Цепи возрождения? В таком случае синеватый блик чуть восточнее – Дом Саммартини или Силвестовский институт изучения затворников.

– Капитан, время почти вышло.

– Маленькое дополнение, префект. Возможно, пустяк, а возможно, вам пригодится. Решайте сами.

– Слушаю вас.

– Переговоры с Раскин-Сарторием велись с соблюдением стандартных норм секретности. Мы так привыкли. Тем не менее кто-то связался с Дельфин из-за пределов «пузыря» и предложил ей условия лучше наших. Получается, кто-то знал, в чем дело.

– Или же дело в удаче. Кто-то знал, что Дельфин продает свои работы, потом увидел ваш корабль возле «пузыря» и сделал очевидные выводы.

– И убедительно перебил нам цену? Вряд ли, префект. Кто-то заранее позаботился, чтобы «Аккомпанемент теней» превратился в орудие убийства. Задача несложная – выставить нас мстителями. Тут требовался правдоподобный мотив.

– Хотите сказать... сорванная сделка – тактическая хитрость, якобы дающая вам мотив для ответного удара?

– Именно так.

Шахматные фигуры в голове у Дрейфуса заняли новую, угрожающую позицию.

– Значит, «пузырь» Раскин-Сарторий уничтожили по другой причине.

– Вам осталось лишь выяснить по какой, – сказал Дравидян.

* * *

Капитан Пелл выпустил торпеды, и они понеслись к «Аккомпанементу теней». При двадцати *g* они достигли «Аккомпанемента» менее чем за полторы минуты. За миг до попадания они разлетелись веером, потом с разных сторон понеслись к жертве. Яркие выбросы их двигателей казались когтями, хищно сжимающимися вокруг корабля Дравидяна.

Три взрыва слились в одну вспышку. Когда разлетелся мусор и рассеялась радиация, не осталось ни корабля-убийцы, ни его капитана.

С холодной уверенностью, что вся работа впереди, Дрейфус отвернулся от окна.

Глава 7

Уединившись в прохладе своего кабинета, старший префект Шеридан Гаффни смотрел Авроре в лицо. Она приходила по неотслеживаемому каналу, и беседы маскировались под простой обмен служебными данными. В ожидании встречи Гаффни собирался с мыслями, обдумывал вероятные вопросы и ответы, но обычно хватало испепеляющего взгляда Авроры, чтобы он сбился и растерялся. «Наверное, так и должно чувствовать себя на допросе у богини», – уже в который раз мелькнуло в голове у Гаффни.

– Давно мы не разговаривали, Шеридан.

– Извини, – отозвался Гаффни, вытирая лоб кулаком. – У нас тут возникло немало проблем, но сейчас все под контролем.

– Прямо-таки все, Шеридан? Ты полностью уверен, что инцидент с Раскин-Сарторием не вызовет нежелательных последствий?

– Я так не думаю.

Гаффни смотрел на женщину-дитя, на отроковицу неопределенного возраста, сидящую на простом деревянном троне. Поверх огненно-красного парчового платья с золотым узором Аврора накинула темно-зеленую мантию, тоже из парчи, тоже с золотой отделкой. Девичьи пальцы теребили подлокотники не от раздражения и не от скуки, а скорее от беспокойства. Золотисто-каштановые волосы, разделенные прямым пробором, идеально-симметричными прядями ниспадали на плечи, обрамляя поразительно безмятежное лицо. На стене, как раз за головой Авроры, блеснул золотой барельеф, наподобие нимба. Прозрачные синие глаза лучились умом и смотрели с удивлением. Гаффни знал: ради этих глаз, ради этого лица он готов на все.

– Ты так не думаешь? – спросила она.

– К сожалению, расследование ведет Дрейфус. Если бы он не вынюхивал и не ворошил это дело, было бы проще, но я не смогу отстранить его, не привлекая внимания к себе.

– Ты глава Службы внутренней безопасности, Шеридан. Где твоя изобретательность?

– Мне и с подготовкой почвы для Талии Нг забот хватило. Без изобретательности там никак, уверяю тебя.

– Тем не менее этот человек, Дрейфус, – источник опасности. Его необходимо приструнить.

– Все не так просто, – возразил Гаффни, которому казалось, что

данный вопрос они обсуждали уже тысячу раз. – Дрейфус – любимчик Джейн Омонье. Вопреки моим возражениям, она дала ему допуск «Панголин». При моем чрезмерном вмешательстве Джейн мигом уши наострит, ну, образно выражаясь. – Гаффни попробовал улыбнуться Авроре. – Сейчас это не лучший вариант.

– Джейн – проблема серьезная, – сказала Аврора, демонстративно игнорируя его улыбку. – С ней тоже нужно разобраться, вечно откладывать нельзя. Как только с Талией все уладится, сосредоточься на устранении Омонье.

Гаффни аж разозлился:

– Надеюсь, ты не просишь ее убить?

– Мы не убийцы, – напомнила Аврора, сделав вид, что шокирована таким предположением.

– Мы только что уничтожили девятьсот шестьдесят человек. Если это не убийство, то что? Чудесный способ завести друзей?

– Шеридан, те люди – неизбежные жертвы уже начавшейся войны. Я горюю по ним. Могла бы спасти хоть одного, непременно сделала бы это. Нужно думать о миллионах, которые мы спасем, а не о сотнях, которыми пожертвуем.

– Если Джейн нам помешает, ты убьешь ее, глазом не моргнув.

– Шеридан, ей необязательно умирать. Джейн храбрая женщина и хороший префект, но у нее принципы. Они по-своему восхитительны, однако идут вразрез с нашими планами. Верность «Доспехам» для нее дороже высшего блага людей.

Гаффни обдумал имеющиеся варианты.

– В последнее время у Омонье хватает забот.

– Достаточно, чтобы обеспокоить доктора Демихова?

– Похоже на то.

– В ближайшем будущем у верховного префекта забот точно не поубавится. Не стоит ли ее пожалеть и освободить от должности?

– Нацелюсь на ее место – другие старшие префекты не согласятся.

– Шеридан, наша цель не создать тебе проблемы, а сместить Джейн. Криссел, Бодри, Клирмаунтин – кто из ключевых игроков по умолчанию станет ее преемником?

– По умолчанию старшинство у Бодри.

– Что это сулит?

– Бодри компетентна, но, в отличие от стратега Джейн, сосредоточена на мелочах. Когда мы начнем игру, у «Доспехов» появится немало проблем. Думаю, с некоторыми из них Бодри не справится.

– Иными словами, нам она подходит идеально.

Аврора казалась довольной, но им или собой? Определить это Гаффни обычно не удавалось.

– Приступай к подготовке, Шеридан.

– Меня по-прежнему волнует Дрейфус. Можно не сомневаться: он будет защищать Джейн. Бодри и другие старшие префекты очень его уважают, так что при нем Джейн не сместишь.

– Тогда вариант только один: устранить Дрейфуса. Он ведь полевой префект?

– Не первой молодости, но по-прежнему в числе лучших.

– У полевых префектов служба опасная.

На миг Аврора начисто отрешилась от разговора, ее лицо превратилось в пустую маску. Коротая паузу, Гаффни барабанил по ножке кресла; он чувствовал себя школьником, которого одного заперли в классе.

– Пожалуй, я смогу помочь, – наконец проговорила Аврора. – Понадобится маршрут Дрейфуса за пределами анклава «Доспехов». Ты ведь предоставишь его, Шеридан?

– Затея рискованная, но...

– Но ты постарайся. Очень постарайся, – с нажимом проговорила Аврора. – Знаю, ты человек хороший, к обману не склонный. Верность, преданность и служба людям – твое второе «я». Мне это открылось еще в ту пору, когда ты расследовал дело Ада-Пять. Ты заглянул в эту пучину безнравственности, увидел, к чему приводит свобода, если не держать ее в узде, и сказал: «Довольно». Ты понял: нужно принимать меры, даже если эти меры крайне непопулярные.

– Верно, верно; просто порой сомнения одолевают.

– Подави их! В зародыше! Разве я не показала тебе плоды нашего бездействия? Разве не позволила увидеть, что станет с миром, если мы замешкаемся?

Аврора и показала, и позволила увидеть. Гаффни понимал: все сводится к выбору будущего, точнее, одного из двух диаметрально противоположных вариантов будущего. Первый вариант – Блистающий Пояс в руках милосердного, великодушного тирана, при котором сотни миллионов граждан будут жить примерно так же, как сейчас, разве что немного ограничится гражданская свобода. Вариант второй – Блистающий Пояс в развалинах, население выкошено, руины великой цивилизации во власти призраков и чудищ, иные из которых некогда были людьми.

– У меня есть данные по долгоносикам, – объявил Гаффни, когда тишина стала невыносимой.

– Хочу немедленно с ними ознакомиться.

– Ввожу их в блок инфоподачи.

У Авроры сомкнулись веки, а рот открылся, словно она получала невероятное удовольствие. Гаффни представил, как данные текут из «Доспехов» по лабиринтам инфосетей Блισταющего Пояса, а Аврора, человек она или машина, пьет их на конце длинной цепи роутеров и хабов.

Вот веки размежились, рот закрылся.

– Отлично, Гаффни. Все в полном порядке. Ты просто молодец.

– Теперь у тебя есть все необходимое? Ну, чтобы собрать долгоносиков?

– Точно определяю, лишь получив доступ к действующему производству. Как говорится, не попробуешь – не узнаешь. Впрочем, у меня нет повода сомневаться, что долгоносики будут работать как должно.

– Я читал техническую записку, – отозвался Гаффни. – Они просто ужасны.

– Поэтому мы используем их лишь в самом крайнем случае. Но если хотим избежать лишних жертв, такой потенциал нам просто необходим. Другая тактика сродни преступной небрежности.

– Если создадим и применим долгоносиков, погибнут люди.

– Люди погибнут, если не создадим и не применим. Ах, Шеридан, мы зашли так далеко, столько совершили для нашего общего дела. Пожалуйста, не пасуй перед самым последним препятствием.

– Я не намерен пасовать! – возмутился Гаффни.

– Ты ведь доверяешь мне? Целиком и полностью?

– Да.

– Тогда должен понимать: наше дело правое, достойное, единственно гуманное из всех возможных. Когда перемены завершатся, люди будут нам искренне благодарны. Случится это скоро, Шеридан. Последние мелкие преграды устранены, и теперь...

Гаффни усвоил, что в отношениях с Авророй уместна лишь абсолютная честность. Ложь и увертки она видит насквозь, просвечивает собеседника, как гамма-лучи рисовую бумагу.

– Одна важная проблема еще не улажена, – заметил Гаффни.

– Честно говоря, я не понимаю.

– С Часовщиком мы так и не разобрались.

– Мы уничтожили его. Какую проблему он может представлять?

– Те разведданные неверны. Часовщика перепрятали прежде, чем мы уничтожили Раскин-Сарторий.

Гаффни ждал гнева, но Аврора отреагировала спокойно. Спокойствие

пугало сильнее, ибо означало, что гнев временно подавили, отложили про запас и используют позже.

– Откуда такая уверенность?

– Криминалисты прочесали руины анклава. Ничего подозрительного они не пропустили бы, даже если бы не поняли, что перед ними.

– По нашим данным, до последнего времени Часовщик был на Раскин-Сартории. Что произошло?

– Полагаю, его решили переправить в другое место.

– Зачем?

– Вероятно, поползли слухи, что кто-то вынюхивает.

– Этот «кто-то», скорее всего... – начала Аврора.

– Ты велела мне узнать местонахождение Часовщика. Я очень старался, но для этого понадобилось копаться в чужих директориях. Замести следы запросов удавалось не всегда. Я предупреждал, я специально оговаривал это в самом начале.

– Раз ты подозревал о перемещении, почему сообщаем мне лишь сейчас?

– Потому что есть зацепка, которую я до сих пор проверяю. Хотел выяснить, к чему она приведет, чтобы не тратить впустую твое драгоценное время.

Если и задел Аврору сарказм, она не показала виду.

– Какая зацепка? – невозмутимо спросила она.

– Энтони Теобальд не погиб вместе со своим анклавом. Этот проныра наверняка что-то подозревал. Далеко сбежать ему не удалось. Я перехватил его и устроил дознание.

– Вряд ли ему известно, куда переправили Часовщика.

– Но что-то ему было известно.

В глазах у Авроры в глазах снова появился интерес.

– Имена? Внешность?

– Имена и внешность не означают ровным счетом ничего: посещавшие Часовщика наверняка пользовались вымышленными именами. Хотя, похоже, они порой ослабляли бдительность. Один из них в разговоре обронил слово, явно не предназначавшееся для ушей Энтони Теобальда.

– Что за слово?

– «Головня», – ответил Гаффни.

– И только? Одно слово, у которого множество значений?

– Я надеялся получить разъяснения от тебя. Поиск по базе данных провел, но ничего существенного не обнаружил.

– В таком случае никакой важности слово не имеет.

– Или относится к чему-то столь ужасному, что не упоминается даже в сверхсекретных файлах. Я не могу копать глубже, поскольку боюсь задеть растяжку вроде той, что, похоже, уже выдала кое-кому наш интерес к Часовщику. Я думал, ты...

– Шеридан, я не всеведуща, – грубо перебила Аврора. – Есть места, закрытые для меня, но доступные тебе, и наоборот. Если бы я все видела и все знала, то разве нуждалась бы в тебе?

– Очень достойный аргумент.

– Возможно, «Головня» – название, – проговорила Аврора вполне миролюбиво, но Гаффни чувствовал: колкость вертится у нее на языке. – Предположим, это организация или группа, изучавшая Часовщика? В таком случае ничего нового это нам не дает.

– Это зацепка или наводка.

– Или лепет, который вытралили из головы умирающего. А что сам думаешь?

– Думаю, мы имеем дело с «Доспехами», – ответил Гаффни.

– То есть твоя организация сохранила жизнь тому, кто ей так сильно навредил?

– Вообще-то, логика просматривается. Когда Часовщик вырвался из-под контроля, обуздали его именно «Доспехи». Только нам по-прежнему неизвестно, кто он и откуда взялся. У кого наибольшие шансы выкрасть обузданного Часовщика для дальнейшего изучения? Кто не упустил бы такого шанса?

– Возможно, в твоих рассуждениях что-то есть, – после недолгого молчания изрекла Аврора.

– Поэтому мне кажется, что «Головня» – кодовое название подразделения «Доспехов». Теперь нужно выяснить, кто в этой «Головне» состоит. Им-то известно, где сейчас Часовщик. Уединиться бы с кем-нибудь из них и протралить... – Гаффни машинально поглаживал черную рукоять хлыста-ищейки модели «В».

– С кого начинать, непонятно, если не считать Джейн Омонье.

– Можно провести системный поиск – выяснить, кто хотя бы формально состоял в «Доспехах» одиннадцать лет назад, кто сейчас состоит. – Гаффни рискнул улыбнуться еще раз. – Одно мне на руку, Аврора: они запаниковали, а значит, почти наверняка ошибутся.

Гаффни надеялся успокоить Аврору, но добился совсем другого.

– Не нужно, чтобы они ошибались, Шеридан. Если ошибутся, Часовщик может ускользнуть. Такой результат обернется катастрофой не только для нас, но и для Блистающего Пояса, как едва не произошло

одиннадцать лет назад.

– Я буду действовать крайне осторожно. Обещаю, во второй раз Часовщик не уйдет. Даже если это случится, теперь мы знаем, как его ловить.

– Верно, – согласилась Аврора. – Будем ловить и надеяться, что старые приемы сработают и на этот раз, да? Интересна ради спрошу: ты отдал бы такой приказ?

– Какой приказ?

– Ты прекрасно понимаешь, о чем речь. О том, что они не любят вспоминать. О том, что сделали до того, как взорвали Силвестовский институт искусственного интеллекта.

– Отдал бы без малейших колебаний.

* * *

Талия почувствовала сквозняк: за ее спиной распахнулись тяжелые двойные двери. Префекты совещались чуть ли не шепотом и довольно долго. Погруженная в работу, Талия в последние двадцать шесть часов едва следила за развитием кризиса, но то, что нынешнее собрание считается неприятной необходимостью, ощущала.

– Талия, давай коротко, – начал старший префект Гаффни. – У всех срочные дела. Можно считать, что ты привела центр голосования в порядок?

– Сэр, я завершила обновление программы устранения недочетов. – Талия чуть ли не заикалась. – Как я уже говорила, изменения затронули пару тысяч строк программы.

– Ты уверена, что устранила лазейку, которой воспользовалась Кэйтлин Перигал?

– Абсолютно уверена, сэр. Я написала новый код для форматного контроля, смоделировала работу центра на протяжении полувека, и система валидации не выявила ошибок. Вероятность ошибок теперь ниже, чем допускалась до обновления. Не вижу причин не запустить программу.

Судя по рассеянному виду, мыслями Гаффни был на совещании куда важнее этого.

– В десяти тысячах анклавов?

– Нет, сэр, – невозмутимо ответила Талия. План внедрения новой программы она излагала в этом самом штабе, но, очевидно, придется

повторить. – Изменения кода сравнительно просты, но обновления подразумевают высокоуровневый доступ ко всем десяти тысячам центров. На новых моделях сложностей не возникнет, а на старых процесс нужно корректировать на месте. Я имею в виду физическое присутствие на месте установки программы, сэр.

– То есть посещение объектов? – спросил Майкл Криссел.

– Да, – живо кивнула Талия, – но лишь в следующих анклавах...

Она подняла руку к Единой системе. Эффектный жест Талия отрепетировала заранее. По команде тонкие потолочные нити оттянули от застывшей модели Блистающего Пояса пять тел. Супервещество, поступившее по нитям, увеличило тела в сто раз. Одним из тел оказался анклав «Доспехов». Его мгновенно узнали все присутствующие, поэтому Талия назвала оставшиеся четыре: «карусель» Нью-Сиэтл-Такома, «песочные часы» Самбуковая Шевелюра, Шлюмпер Онил, Дом Обюссонов. Красные лазерные лучи замелькали меж анклавом «Доспехов» и четырьмя названными, демонстрируя будущий маршрут Талии.

– В каждом из анклавов понадобится не больше тринадцати часов. Абстракция отключится на считанные миллисекунды, никто заметить не успеет.

– В условиях нынешнего кризиса мы не сможем выделить четыре корабля, – заявил Гаффни.

– Сэр, на четыре я и не рассчитывала. Установку хотела бы произвести самостоятельно, то есть последовательно. С учетом сна и перелета между четырьмя анклавами я должна управиться за шестьдесят часов.

– Потом программу можно будет запустить на всем Поясе?

– Если на четырех тестовых объектах не возникнет сложностей, не вижу причин откладывать запуск.

– По-моему, стоит выждать, пока не утихнет шум вокруг Раскин-Сартория, – вмешалась старший префект Бодри, по своему обыкновению сидевшая неподвижно. – Все второстепенные операции сейчас – непозволительная трата ресурсов. Талия наверняка рассчитывает на полноценную группу поддержки. Не стоит перераспределять ключевых специалистов в тот момент, когда гражданам не терпится наказать ультра.

– Может, вы и правы, – кивнул Гаффни. – Знаю, Джейн хочет поскорее решить проблему с центрами голосования. Но она поймет, что нам нужно сдерживать агрессоров, пока они не переключились на другое.

– Прошу прощения, сэр, – начала Талия. – Но я рассчитываю только на себя и на катер, чтобы летать от анклава к анклаву. С переустановкой программ справлюсь самостоятельно.

– Нг, ответственность-то большая, – с сомнением проговорил Гаффни.

– Сэр, предложение вполне разумное. Я хорошо разбираюсь в программном обеспечении, умею его устанавливать и переустанавливать – именно этим занимаюсь с тех пор, как пришла служить в «Доспехи». Программирование – моя стихия. Вряд ли в «Доспехах» есть специалист, знакомый с работой центров голосования лучше, чем я.

– Тем не менее для одного человека задача сложная.

– Я справлюсь, сэр. Через шестьдесят часов, даже раньше, если не возникнет сложностей, вопрос можно будет считать закрытым.

Криссел и Гаффни переглянулись.

– Хорошо бы его закрыть, – негромко сказал Криссел. – Раз Нг не нужны помощники... На другие наши дела ее работа не повлияет.

– Я за то, чтобы подождать, – уперлась Бодри.

– Мы понятия не имеем, сколько продлится кризис с ультра, – напомнил Криссел. – Вдруг напряжение еще месяц не спадет? Лазейку в системе подсчета так долго игнорировать нельзя. Грядут важные выборы, центры голосования нам нужны исправными.

– Если Талия попадет в беду, мы не сможем отправить ей на выручку хорошо вооруженный отряд, – не сдавалась Бодри.

– Я не попаду в беду, – парировала Талия.

Но Бодри скептически хмыкнула.

– Ваша самоуверенность поразительна. Обновление программ центра голосования – не рядовая задача. Если отключите абстракцию и не сумеете вернуть в исходное состояние, придется разбираться с толпой бунтующих. В такой ситуации один хлыст-ищейка не выручит.

– Технических проблем не возникнет, гарантирую. О моем визите достаточно знать лишь первым лицам тех анклавов.

– Нг дело говорит, – заметил Гаффни тоном человека, который не любит спорить. – С одной стороны, хочется отложить запуск обновлений до поры, когда мы сможем уделить ему должное внимание. С другой, если Нг уверена, что справится самостоятельно...

– Я справлюсь, сэр, – пообещала Талия.

– Не стоит ли обсудить это с Джейн? – спросил Криссел.

– Верховный префект недвусмысленно намекнула: по мелочам ее беспокоить не следует, – напомнила Бодри. – Еще она без обиняков сказала, что не в состоянии решать сто проблем одновременно.

На лице Гаффни читалось сомнение.

– Шестьдесят часов, говоришь?

– Начиная с этого момента, сэр. Я готова немедленно вылететь на

Нью-Сиэтл-Такому. – Талия кивнула на красный луч траектории. – Положение астероидов благоприятное. Позвольте взять катер, и через пару часов я буду в Си-Таке.

– Хорошо, – согласился Гаффни. – Катер мы тебе выделим, но никакого оружия, тем более мощного.

– Я не подведу, – пообещала Талия.

– Тебе ведь понадобятся планшеты для доступа к системе голосования?

– Всего четыре, сэр. Большая часть работы не потребует коренных изменений, так что шестисотсекундного доступа должно хватить.

– Велю Вантроллье их тебе выдать. – Гаффни устремил на девушку предостерегающий взгляд. – Нг, ты молодец, нам это доказывать не нужно. Но отсюда не следует, что, если напортачишь, мы погладим тебя по головке. Все в твоих руках. Не напортачь!

– Не напортачу, сэр.

– Отлично. Тогда вперед, обновлять программы центров!

Глава 8

Галерея часов занимала две длинные стены. Каждый экземпляр хранился в застекленной нише, соседствуя с черной пластинкой, которая позволяла узнать о времени и месте сборки часов, а также хранила другие примечательные факты. Как всегда, Дрейфус не собирался останавливаться по пути в Лабораторию сна, где царствовал доктор Демихов. Но что-то всегда его задерживало, заставляло открывать нишу, используя допуск «Панголин», и вытаскивать очередного уродца. В этот раз Том выбрал часы, которые еще не рассматривал. Черные, без отделки – неудивительно, что прежде взгляд не задерживался на них.

Часы громко тикали за стеклом. Заводили их наверняка лаборанты Демихова.

Дрейфус прочел текст на пластинке:

Часы № 115

Где найдены: ЛКИ, СИИИ, 13:54, 17:03:15 СЙВ.

Кем найдены: Валери Шапелон.

Длительность сборки: неизвестна.

Основные материалы: ферросплавы.

Происхождение основных материалов: неизвестно.

Механизм: двухроликковый анкерный.

Примечания: электронная микроскопия выявила фрактальный рельеф атомарного масштаба на верхней правой перемычке.

Происхождение рельефа неизвестно, но, возможно, копирует видимую деталь маятниковой петли на часах № 341.

Состояние: рабочее.

Ловушки: не выявлены.

Число жертв при обращении с часами: 0.

Уровень опасности: низкий.

Дрейфус открыл стеклянную панель. Часы затикали громче. Том двумя руками взялся за черный металлический корпус, снял экспонат с подставки и поднес к глазам. Как и остальные часы, эти были поразительно тяжелыми, но без бритвенно-острых краев и изящного узора из сусального

золота. Внешне грубая вещь скрывала начинку из сложнейших устройств. Циферблат даже стеклом не закрыли, металлические стрелки напоминали кривые ветки, деления циферблата – уродливые пеньки.

Дрейфус очень не любил брать часы в руки, но, наведываясь в Лабораторию сна, неизменно уступал соблазну. Модели скарабея у Демихова соответствовали прототипу, но прикоснуться к устройству, сидящему на затылке у Джейн Омонье, могла лишь она сама. Часы, все четыреста девятнадцать экземпляров, – единственная осязаемая нить, связывающая с их создателем.

Дрейфус гадал, не скрыто ли в часах послание. В СИИИ Часовщика держали долго, и год от года его творения становились все сложнее и оригинальнее. Изучавшие его специалисты изначально предполагали, что на каждом экземпляре он учится и пробует новое.

Ныне этот подход считался ошибочным. Анализ микродеталей основного механизма часов номер тридцать пять выявил усовершенствования – элегантный кузнечиковый спуск и решетчатый маятник, – сохранившиеся вплоть до номера триста восемьдесят восемь. Поскольку часы изымались сразу после сборки, объяснение запрашивалось лишь одно: Часовщик всегда обладал мастерством.

Следовательно, он мог планировать серию убийств, хотя изучавшие его свято верили, что имеют дело с бесхитростным, невинным как дитя существом, которому лишь бы часики собирать.

Это, в свою очередь, подразумевало, что каждая модель может нести послание, до сих пор нерасшифрованное, – говорящее об отношении Часовщика к женщине, которая общалась с ним чаще всех и считала, что знает его лучше всех. Неужели он ненавидел ее больше всех?

Дрейфус надеялся, что однажды часы ему все расскажут. Однажды, но не сегодня.

Том вернул часы номер сто пятнадцать на место и закрыл панель. Другие часы затикали громче и настойчивее. Звук превратился в волну, которая прилиwała, отлиwała и вскоре погнала Дрейфуса вглубь Лаборатории сна.

Уже одиннадцать лет команда Демихова занималась исключительно скарабеем. Каждый сантиметр Лаборатории сна (кроме галереи часов, тоже отражающей разум Часовщика) наглядно демонстрировал усилия команды: стены и перегородки пестрели секционными схемами скарабея и снимками его носительницы, а также пояснениями и комментариями. Череп и шея Джейн Омонье показывались во всевозможных проекциях благодаря сканерам, которые действуют на расстоянии семи с лишним метров и

фиксируют состояние нервной и кровеносной системы. Металлические зонды, внедренные скарабеем в спинной мозг Джейн, просматривались на разных уровнях и с разных углов. Корпус скарабея, прилепленный к затылку Омонье, изучался так же тщательно. Внутренности паразита разложили на прозрачные пастельные слои.

Дрейфус коснулся нескольких панелей, и картинка ожила. Команда Демихова смоделировала несколько вариантов отсечения скарабея, но отвергла каждый из них. Том слышал вполне реальные прогнозы: скарабей способен убить Омонье за шесть десятых секунды, а значит, если менее чем за полсекунды ввести аппарат и парализовать скарабея, шанс на спасение есть. Незавидна доля того, кому выпадет принимать решение. Это будет не Омонье: в данном вопросе она давно сложила с себя полномочия.

Дрейфус взял со стола модель скарабея из полупрозрачной дымчатой пластмассы. На соседних столах лежали десятки таких моделей, разобранных в большей или меньшей степени. Они различались внутренним строением – на каждой сканы интерпретировались немного иначе. Тактика спасения целиком и полностью зависела от тонкостей анализа. Одно время команда Демихова состояла из групп, работающих по принципиально различным планам. Когда они отстаивали свои позиции, едва не доходило до драки. «Как монахи, спорящие из-за разных версий Писания», – думал Дрейфус. Лаборатория погрязла бы в склоках, если бы не спокойствие Демихова. Он курировал проект уже много лет, по-видимому бескорыстно.

Доктор работал – склонившись над столом, шепотом спорил с тремя помощниками. Стол завалили инструментами и частями модели скарабея. Стояла там и анатомическая модель черепа из съемных стеклянных элементов, на которой просматривались шея и шейные позвонки. Уязвимые участки подчеркнули блестящим маркером.

Демихов, наверное, услышал приближение Дрейфуса – поднял защитные очки на лоб и пальцами зачесал назад непослушную прядь. Приглушенный красный свет, горевший в лаборатории, лишь подчеркивал худобу доктора. На вид – сущий старик, таких Дрейфус встречал очень редко.

- Привет, Том! – Демихов устало улыбнулся. – Молодец, что заглянул.
- Для меня есть новости? – Дрейфус улыбнулся в ответ.
- С новыми подходами туго, хотя с плана «Танго» еще две сотых секунды мы сбросили.
- Здорово!
- Да, но недостаточно здорово, чтобы использовать на практике.

- Вы приближаетесь к цели.
 - Увы, слишком медленно.
 - Джейн терпения не занимать, она в курсе, как вы тут стараетесь.
- Демихов заглянул Дрейфусу в глаза, словно искал в них ответ.
- Ты с ней недавно разговаривал. Как держится?
 - Неплохо, с учетом ситуации.
 - Так она...
 - Да, – перебил Дрейфус, – новостями поделилась.

Демихов взял модель скарабея и разобрал дымчатый корпус. Внутренности сияли синим и фиолетовым, подсвечивая контрольные схемы, питающие линии и процессоры. Демихов постучал белым стилосом по стыку фиолетовых полос.

– Вот что изменилось. Неделю назад к этому узлу тянулись три линии, а сейчас пять. – Демихов сдвинул стилос вправо. – Эта механическая конструкция сместилась на два сантиметра, причем совершенно внезапно. Ни первое, ни второе мы объяснить не можем.

Доктор посмотрел на других техников. Они наверняка полностью владели ситуацией, иначе Демихов не откровенничал бы.

- Он к чему-то готовится, – проговорил Демихов.
- Этого я и боюсь.
- Одиннадцать лет прошло. Почему сейчас?
- Наверное, реакция на стресс.
- Джейн так и объяснила, – кивнул Дрейфус. – Только ведь это не первый кризис за одиннадцать лет.
- Все бывает в первый раз. Скарабей явно самоукрепляется. У Джейн повышенный уровень гормонов. Очень надеюсь, что это не спровоцирует других изменений.

- А если спровоцирует?
- Придется переоценить запас прочности ее организма, который мы так давно и старательно бережем.
- Вы пойдете на это?
- Пойду, если почувствую, что скарабей ее убивает.
- А пока что?

– Обычная терапевтическая схема, но с изменениями. Мы увеличили количество лекарств. Джейн против: от лекарств, мол, сознание притупляется. Она до сих пор принимает их самостоятельно. Мы балансируем на грани фола: нужно снять напряжение, не вызывая сонливости.

- Не завидую вам.

- А кто нам завидует? Мы уже привыкли.
- Хочу кое-что сообщить. В ближайшее время легкой жизни для Джейн не предвидится. Я веду дело, которое может поднять немало шума. Джейн дала расследованию зеленый свет.
- Ну, служба есть служба.
- Меня беспокоит, что станет с Джейн, если ситуация обострится.
- От полномочий своих она не откажется, если ты об этом, – заявил Демихов. – Уже миллион раз обсуждали.
- Я и не жду отставки Джейн. Сейчас только служба поддерживает ее здравомыслие.

* * *

Дрейфус сидел у низкого черного столика и пил подогретый чай. На стене напротив вместо мозаики лиц была одна-единственная картинка – снимок каменной скульптуры, которую они со Спарвером разыскали на сожженном обломке Раскин-Сартория. Эксперты привезли ее в анклав «Доспехов» и отсканировали устройствами с микронной разрешающей способностью. Неоново-красная контурная сеть подчеркивала трехмерную структуру статуи, которая иначе осталась бы незамеченной.

– Я что-то пропустил? – начал Спарвер, сидящий рядом с Дрейфусом. – В чем бы ни убеждал Дравидян, у нас есть убийцы, мотивы и способ убийства. Зачем же мы тратим время на скульптуру?

– С тех пор как увидел ее, не нахожу себе покоя, – ответил Дрейфус. – У тебя подобных ощущений нет?

– Я такую картинку на стену не повесил бы. В остальном лицо как лицо.

– Это скульптурный портрет страдающего. Портрет человека, который смотрит в ад и понимает: именно туда ведет его путь. А еще лицо кажется знакомым.

– Для меня это по-прежнему просто лицо. Ладно, не самое счастливое на свете, только...

– Тревожит меня то, что перед нами определенно работа великого мастера, – сказал Дрейфус, не обращая внимания на слова Спарвера. – Почему же я раньше не слышал про Дельфин Раскин-Сарторий?

– Может, просто не сталкивались?

– Я тоже так подумал, но, когда прокачал Дельфин по поисковику,

ответов получил не много. Она лет двадцать участвовала в выставках, но без особого успеха.

– А в последнее время?

– В последнее время пришла слава.

– Потому что публика заметила? Или работы стали лучше?

– Хороший вопрос, – отозвался Дрейфус. – Я просмотрел ее старые работы. Сходство с незаконченной скульптурой бесспорно, но чего-то не хватает. Технических навыков у нее всегда было с избытком, а вот эмоционального отклика ее старые работы не вызывают. Посмертно я причислил бы ее к богатым бездельницам, уверенным, что вдобавок к имеющимся привилегиям они непременно должны прославиться.

– Вы сказали, что вроде бы узнали скульптуру.

– Верно, но эксперты прототипов не обнаружили. Я тоже, хоть и искал через турбины. Пожалуй, неудивительно: скульптура-то стилизованная.

– Получается, вы ничего не выяснили.

– Не совсем так, – с улыбкой проговорил Дрейфус. – Вернон мне кое-что сообщил.

– Вернон?

– Кавалер Дельфин. Вернон Трежан, один из трех стабильных бетасимов. Он упомянул, что скульптура – часть серии, посвященной Ласкалю. Имя я где-то слышал, но сперва не сообразил где.

– И снова воспользовались турбинами?

– Не понадобилось. Ответ я нашел прямо сейчас, в разговоре с тобой.

Дрейфус не лукавил. Мысленно проговаривая это имя, он каждый раз видел непроглядный мрак, стену беззвездной тьмы в гуще самого космоса. И в эту тьму что-то падало, словно белый лепесток в океан чернил.

– Не протянете мне, невежде, руку помощи? – пошутил Спарвер.

– Завеса Ласкаля, – ответил Дрейфус, будто этим все объяснялось.

* * *

Вызов поступил, когда Талия просматривала файл с отчетом по Нью-Сиэтл-Такоме. Она оторвала глаза от компа и воспроизвела лицо наставника. За мутноватым просмотрным окном медленно плыли анклав, большие и величественные, как айсберги.

– Я ни от чего не отрываю? – спросил Дрейфус.

– Вовсе нет, сэр, – ответила Талия, стараясь не выдать волнения.

– Мне даже не сообщили, что ты на задании.

– Сэр, все получилось очень быстро. У меня есть патч для дырки в системе подсчета голосов, которой воспользовалась Кейтлин Перигал. Пока обновление не запустили в десяти тысячах анклавов, я и устраиваю пробный прогон.

– Отлично, хоть от одной проблемы избавимся. Ты с кем?

– Ни с кем, сэр. Предварительной установкой я занимаюсь одна.

Дрейфус лениво сощурил правый глаз:

– Сколько центров обновляешь?

– Четыре, сэр, последний в Доме Обюссонов. Старшим префектам обещала уложиться в шестьдесят часов, но я осторожничала. Если все пройдет гладко, управлюсь куда быстрее.

– Талия, мне не нравится, что ты занимаешься этим одна.

– Я справлюсь, сэр. С командой ушло бы больше времени.

– Дело не в этом, а в том, что моего помощника отправили на задание без сопровождения.

– Сэр, я же не блокаду лечу организовывать. В драку никто не полезет.

– Думаешь, перестанем блокировать – и нас полюбят? Либо страх и ненависть, либо глухое недоверие – на лучшее можно не рассчитывать.

– Сэр, такие задания я выполняю уже пять лет.

– Да, но не одна, не без сопровождающих.

– В Солипсисте Безайле я провела одна восемь месяцев.

– Солипсист Безайл тебя даже не заметил. У него неспроста такое название.

– Сэр, я хочу доказать, что могу выполнить сложное задание самостоятельно. Это мой шанс. Нет, если вы считаете, что я должна вернуться в анклав «Доспехов»...

– Разумеется, я так не считаю, но очень недоволен. Почему ты со мной не согласовала?

Талия наклонила голову:

– Сэр, вы дали бы мне добро?

– Вряд ли. Я не отправляю людей неизвестно куда, не обеспечив защитой.

– Тогда вы понимаете, почему я не спросила вас.

В лице Дрейфуса мелькнуло смирение: он словно признавал, что этот бой не выиграет. Талию он выбрал за ум и независимость. Разве удивительно, что она рвется с привязи?

– Пообещай одно, – попросил Том. – При малейшем намеке на опасность ты... дашь мне знать, хорошо?

– Бодри сказала, что, даже если я попаду в переделку, подкрепления мне не пришлют.

– Забудь про Бодри. Если мой человек в беде, я сам анклав с орбиты сдвину.

– Я дам знать, сэр.

– Не думай, я не для того на связь вышел, чтобы отчитать, – после небольшой паузы сказал Дрейфус. – Мне нужна техническая консультация.

– Слушаю, сэр.

– Помнишь, ты восстанавливала инфопоток, прошедший через центр голосования Дома Перигалов за последнюю тысячу дней?

– Да, сэр, – ответила Талия.

– А если подобное понадобится для «пузыря» Раскин-Сарторий?

– Если беты не уцелели, на логи трансмиссии можно не надеяться.

– Я так и думал, но ведь любое сообщение откуда-то отправляется. Значит, соответствующая отметка хранится в логах отправителя. Если сообщение летело через Пояс несколько сот километров, наверняка прошло через роутер или через хаб, а то и через несколько. Роутеры и хабы хранят отметки о проходящем трафике.

– Информации там немного.

– Мне хватит мест отправления. Поможешь?

Талия задумалась.

– Это выполнимо, сэр, но мне понадобится доступ к полной версии Единой системы.

– Твой корабль запустит копию?

– У меня не субсветовик. Боюсь, придется подождать моего возвращения.

– Не хотелось бы.

Талия задумалась еще крепче.

– Тогда... сообщите Единой системе дату отправления сигнала, если вы ее знаете.

– Примерно определить смогу.

– Определить нужно с точностью до нескольких минут – система роутеров оптимизируется для таких промежутков. Если с этим справитесь, пришлите мне снимок Единой системы в состоянии на тот момент. Исключите Раскин-Сарторий, все роутеры и хабы в десяти тысячах километров от него. Я постараюсь вам помочь.

– Спасибо, Талия! – поблагодарил Дрейфус с необычным для себя пылом.

– Никаких гарантий, сэр. Может, ничего и не получится.

– Это моя единственная зацепка, так что смирюсь с любым результатом.

* * *

Спарвер набрал себе еды и устроился за столиком в углу столовой. Низкий потолок, яркое освещение, чуть закругленные стены – столовая кишела посетителями, впрочем, как всегда. Группа полевых префектов только что вернулась с задания на внутрисистемном корабле. Чуть ли не сотня кадетов в серой форме теснилась за тремя столами в центре зала. Многие держали в руках демонстрационные хлысты-ищейки, которыми, согласно учебному плану, только начали пользоваться. Взволнованных, чересчур серьезных кадетов Спарвер не знал. Дрейфус изредка вел занятия, Спарвер порой его заменял, но случалось это так редко, что лица кадетов не запоминались.

В одном Спарвер не сомневался: его имя известно каждому кадету. Он кожей ощущал бросаемые украдкой взгляды. Спарвера, первого за два десятилетия гиперсвинью, который стал младшим префектом выше второго уровня, на «Доспехах» знали все. Пару лет назад был еще один многообещающий кандидат, но он погиб при неудачной блокаде. Среди кадетов гиперсвиней не встречалось, и Спарвер не удивлялся. Дрейфус принял его без вопросов и даже хлопотал, чтобы новичка направили именно к нему в команду, а не к другому префекту, но большинство людей по-прежнему относились к гиперсвиньям с недоверием и подозрением. Гиперсвиньи были созданы для низменных целей немодифицированными людьми, потомки которых теперь жили с последствиями того преступления. Людям претил сам факт существования разумных свиней, ибо он свидетельствовал о кровожадности их предков.

Спарвер приступил к еде, пользуясь особыми приборами, подходящими для его рук. Чужие взгляды так и буравили ему затылок.

Он положил перед собой компад и вызвал результаты поиска по ключевому слову, которое задал турбинам, перед тем как войти в столовую. «Завеса Ласкаля» – так сказал Дрейфус. Что Спарвер, да и Дрейфус, если на то пошло, знали о завесах? Не больше и не меньше, чем рядовые жители Блистающего Пояса.

Компад освежил ему память.

Завесы – объекты в межзвездном пространстве, от Йеллоутона до них

световые года. Черные, не излучающие света шары неизвестного состава, они больше звезд и обнаружены во всех направлениях. Считается, что завесы кем-то созданы. Их творцов, названных затворниками, никто не видел, поэтому неизвестно, как они выглядят, если еще не вымерли.

Основная сложность в том, что посланное к завесам не возвращается невредимым. Если и прилетают обратно на исследовательские станции зонды и корабли, то искореженными до неузнаваемости. И не привозят ничего полезного. Очевидно одно: пилотируемые корабли возвращаются чаще, чем роботы, и с меньшими повреждениями. Завесы благоволят людям – по крайней мере, не склонны их увечить. Но даже при этом почти все люди вернулись мертвыми, а их раздробленный мозг исключал даже посмертное траление.

Впрочем, изредка случалось иначе.

Как утверждал компад, Завеса Ласкаля названа в честь первого человека, вернувшегося от Завесы живым. Филипп Ласкаль отправился в полет один, не получив разрешения исследовательской станции, на которой работал. Вопреки всему, он остался цел и внешне невредим. Только не надо думать, что Ласкаль не поплатился. На станцию он прибыл немым: то ли не хотел, то ли не мог рассказать об увиденном. Эмоциональная связь с другими людьми ослабла до аутистического уровня. Словно юродивый, Ласкаль день-деньской рисовал мелом замысловатые картинку на бетонных плитах. В Силвестовском институте изучения затворников Ласкаль стал диковинкой, но интерес к нему постепенно таял.

Так Спарвер разгадал одну загадку, но вопросов лишь прибавилось. Почему Дельфин Раскин-Сарторий обратилась к этой теме через столько лет после возвращения Ласкаля? Почему тема Ласкаля буквально взорвала ее творчество, хотя прежде работам катастрофически не хватало выразительности?

На эти вопросы компад не отвечал.

Спарвер ел, гадая, намного ли Дрейфус опередил его в своих изысканиях.

Чужие взгляды по-прежнему сверлили ему затылок.

* * *

– Ну что, префект Дрейфус, завершили неотложное дело, которое отвлекло вас в прошлый раз? – осведомилась бета Дельфин Раскин-

Сарторий.

– Прошу извинить, но тогда и впрямь кое-что случилось, – ответил Дрейфус.

– Это связано с «пузырем»?

– Думаю, да. – Интуиция подсказывала, что Дельфин незачем знать об участии капитана Дравидяна. – Впрочем, дело не закрыто. Мне хотелось бы выяснить подробности сорванной сделки.

Дельфин убрала под головную повязку выбившуюся прядь. Наряд она так и не сменила – та же белая блуза и брюки, что на первом допросе, рукава закатаны до локтей, штанины – до колен. «Глаза светлые-светлые, лицо невыразительное, как у куклы», – снова подивился Дрейфус.

– Что сказал Вернон? – любопытствовала Дельфин.

– Достаточно, чтобы понять: кто-то обратился к вам и предложение Дравидяна тотчас сняли с рассмотрения. Очень хотелось бы выяснить, кто этот таинственный незнакомец.

– Представитель другого крыла ультра, решивший навредить Дравидяну. Сейчас это так важно?

– Подыграйте мне, – попросил Дрейфус. – Предположите на минуту, что некто заставил Дравидяна изобразить месть. По какой причине этот некто мог желать зла вашей семье?

Лицо Дельфин стало подозрительным.

– Это месть, префект. Какие тут могут быть варианты?

– Я лишь подхожу к расследованию непредвзято. У вас или у вашей семьи были враги?

– Кого-нибудь другого спросите.

– В данный момент я спрашиваю вас. Как насчет Энтони Теобальда? Он с кем-нибудь конфликтовал?

– Друзья и недруги у него были, как и у любого человека. А вот настоящие враги... Я таких не знаю.

– Он часто улетал с анклава?

– Частенько, иногда в другой анклав, иногда в Город Бездны, но ничего угрожающего в его перелетах не было.

– А гостей вы много принимали?

– Вообще-то, мы всегда держались особняком.

– Значит, не было гостей?

– Я так не говорила. Разумеется, к нам прилетали. Отшельниками мы не были. Энтони Теобальд принимал посетителей, меня навещали коллеги и критики.

– Ни у кого из них не было веских причин желать вам смерти?

– Что касается моих знакомых, то нет.
– А о гостях Энтони Теобальда что скажете?
– Ничего особенного, префект, – ответила Дельфин, но в голосе проскользнула неуверенность.

Дрейфус кивнул: путь думает, что ответ его устроил. Он чувствовал, что разгадка близка, но многолетний опыт подсказывал: сейчас напирать бесполезно. С одной стороны – дочерний долг перед Энтони Теобальдом, с другой – желание добиться справедливости, – не сумев сделать выбор, Дельфин замкнется в себе.

Ее доверие придется заслужить.

– По большому счету, – снова заговорила Дельфин, – ни семейные дела, ни политика Блισταющего Пояса не были мне интересны. У меня были... есть... мои скульптуры. Этого хватало.

– Давайте поговорим о скульптурах. Вашему успеху завидовали?

– Настолько, чтобы убить девятьсот шестьдесят человек? – мрачно спросила Дельфин.

– Преступления не всегда пропорциональны мотивам.

– Никто на ум не приходит. Была бы я прямой йеллоустонского общества, мы не связались бы с мелким торгашом вроде Дравидяна.

Дрейфус постарался сохранить непроницаемое выражение лица.

– Тем не менее кому-то понадобилось вас всех убить. Когда выясню причину, буду спать спокойнее.

– Я бы хотела помочь.

– Вам это вполне по силам. Скажите, когда поступило сообщение от других ультра?

– Когда Дравидян был у нас в гостях.

– Нельзя ли поточнее?

Бета Дельфин на миг закрыла глаза.

– Сообщение пришло в четырнадцать часов двадцать три минуты пятьдесят одну секунду по йеллоустонскому стандартному времени.

– Спасибо. Прекратить кон...

– Мы уже закончили? – перебила Дельфин.

– Пока да. Если появятся вопросы, я сразу же вас вызову.

– А сейчас отправите обратно в хранилище?

– Да, собираюсь.

– Разве вы не хотели поговорить о скульптурах?

– Мы уже поговорили.

– Нет, мы говорили о том, не является ли мое искусство причиной преступления. О самом искусстве мы не говорили.

– Давайте поговорим, если вам это важно. – Дрейфус равнодушно пожал плечами.

– А вам не важно?

– По-моему, искусство в этом деле особой роли не играет. В том, что зависть – мотивационный фактор, вы усомнились. – Дрейфус задумался. – Тем не менее ваш авторитет неуклонно рос, да?

– Вас послушать, так история моей жизни уже написана до самой последней главы, – недовольно отметила Дельфин.

– Ну, с моей точки зрения... – начал Дрейфус, но тут вспомнил, что Вернон говорил ему об отношении Дельфин к бета-копиям.

– Что?

– Отныне все будет иначе, согласны?

– Иначе, но не факт, что хуже. Вы по-прежнему не верите бета-симулякрам?

– Я очень стараюсь поверить, – ответил Дрейфус.

– В прошлый раз я задала вам вопрос.

– Напомните.

– Я спрашивала, теряли ли вы дорогих людей.

– Я ответил.

– Очень уклончиво. – Дельфин испытующе смотрела на него. – Вы ведь потеряли кого-то? Не коллегу или приятеля, а близкого человека.

– Мы все теряем близких.

– Кого потеряли вы, префект Дрейфус? Кто этот человек?

– Объясните, почему вы посвятили серию работ Ласкалю. Почему заинтересовались совершенно незнакомым персонажем?

– Для скульптора это глубоко личный вопрос.

– Все думаю, не нажили ли вы врагов, избрав эту тему?

– А я все думаю, почему вам так трудно признать, что я создание разумное? Тот погибший... Случилось нечто, настроившее вас против бет? – Глаза Дельфин вспыхнули бирюзовым: попробуй, мол, отведи взгляд. – Кого вы потеряли, префект? Кви про кво, ответьте на мой вопрос, и я отвечу на ваш.

– Дельфин, я же на службе. Эмпатия к софту в служебные обязанности не входит.

– Жаль, что вы так считаете.

– Нет, – возразил Дрейфус, и что-то внутри его оборвалось, – вам не жаль. Для жалости нужен мозг, способный на эмоции. Вы говорите лишь то, что в подобной ситуации сказала бы живая Дельфин. Но это всего лишь слова.

– На самом деле вы не верите, что я жива по-настоящему?

– Не верю.

Дельфин холодно кивнула:

– В таком случае ради чего вы со мной спорите?

Подходящий ответ в голову не приходил. Пауза затягивалась. Дельфин смотрела на Дрейфуса с неприязнью и досадой. Дрейфус прервал каналирование и стал смотреть на пустое место, где только что была она. «Не „она“, – одернул себя Том. – „Оно“».

* * *

– Эй! – крикнула Талия в гулкий сырой мрак. – Это младший префект Талия Нг. Здесь есть кто-нибудь?

Ответа не последовало. Талия остановилась, опустила тяжелый цилиндр, который несла в левой руке, правой рукой коснулась хлыста-ищейки и упрекнула себя за излишнее волнение. Она надела защитные очки и включила амплификацию. Мрак немного рассеялся, в стене проступил дверной проем. Талия снова сдвинула настройки очков, но энтоптический фильтр ничего не изменил. Даже если бы на месте Талии стоял местный житель, напичканный имплантатами, корректирующими восприятие, он увидел бы только голые стены.

– Продвигаюсь вглубь анклава, – сообщила Талия на катер. – Пока радушие местных весьма ненавязчиво.

Она подняла цилиндр с оборудованием и, на сей раз решив поосторожничать, выпустила хлыст-ищейку.

– Перемещайся впереди меня в первой защитной позиции, – скомандовала Талия, прежде чем его выпустить.

Ярко загорелся красный огонек, хлыст коротко кивнул рукоятью, мол, команда выполняется. Потом отвернул рукоять от Талии и устремился вперед, словно кобра, скользя хвостом по полу.

За дверью начинался темный тоннель с растрескавшимся полом. Впереди тоннель изгибался. Хлыст скользнул в его глубь, красный свет глаза-сканера отражался от влажной поверхности. Талия шла следом – по небольшой дуге к тускло освещенной площади. Кривизна поверхности анклава проявлялась в плавном подъеме пола – впереди он вздымался к аналогично изгибающемуся потолку и сливался с ним. Солнечные лучи, единственный источник света, пробивались сквозь стрельчатые оконца с

обеих сторон тоннеля. Стекла побурели от пыли и плесени. Помимо окон над Талией высились многоуровневые ярусы заброшенных магазинов и ресторанов. Соединялись стены мостами и наклонными переходами, местами просевшими, местами обрушившимися. Кое-где стеклянные фасады разбились вдребезги, покрылись плесенью и растениями-паразитами. В некоторых магазинах остался нераспроданный товар, погребенный под слоями паутины.

Талии площадь совершенно не понравилась. К счастью, она отыскала другой тоннель, туда и скользнул хлыст, с шипением змеясь по плитам.

Раз – и хлыст исчез.

Мгновение спустя Талия услышала лязг, словно одной металлической болванкой били о другую. Она опасливо свернула по дуге и увидела, что хлыст-ищейка обвился вокруг робота. Бедняга лежал на боку, беспомощно вращая колесами с резиновыми шинами. Талия приблизилась, опустила цилиндр и присмотрелась к поваленному механизму: не вооружен ли. Нет, перед ней был многофункциональный серворобот древней модели.

– Отпусти его! – скомандовала Талия.

Хлыст размотался и отдалился от робота, не сводя с него красного взгляда. Машина с трудом поднялась на выдвижные ноги. От колесного шасси тянулся тонкий стержень, из которого асимметрично, под самыми невероятными углами, торчали манипуляторы и датчики.

– Я младший полевой префект Талия Нг из анклава «Доспехов», – представилась Талия. – Кому ты служишь?

– Добро пожаловать в «карусель» Нью-Сиэтл-Такома, младший полевой префект Нг. – Голос робота оказался на диво бархатным и выразительным. – Надеюсь, перелет был приятным. Извините, что задержался. Мне велено проводить вас в коллективную зону.

– Я хочу поговорить с гражданином Орсоном Ньюкерком.

– Орсон Ньюкерк в коллективной зоне. Помочь вам с багажом?

– Я сама, – ответила Талия, качая головой.

– Очень хорошо, младший полевой префект Нг. Прошу вас, пойдете.

– А где все? По моим данным, население анклава – одна целая три десятых миллиона человек.

– В данный момент население один миллион двести семьдесят четыре тысячи шестьсот восемнадцать человек. Все они находятся в коллективной зоне.

– Что это за коллективная зона, которую ты постоянно упоминаешь?

– Прошу вас, следуйте за мной.

Серворобот развернулся – шины зашипели по влажному полу – и

заскользил по тоннелю, источая запах горелой проводки.

* * *

В семи с половиной метрах от Дрейфуса Джейн Омонье растянула губы в улыбке.

– Том, ты носишься с этой мыслью, как собака с костью. Не надо видеть во всем заговор – порой люди совершают глупые, безрассудные поступки.

– Дравидян не показался мне глупым или безрассудным.

– Не он, так какой-нибудь член его команды.

– Они действовали по плану, разыграли спектакль под названием «Мечь в порыве страсти», хотя все было решено еще до встречи Дравидяна и Дельфин.

– Ты впрямь так думаешь?

В своем отсеке Дрейфус только что запустил модель Единой системы и восстановил конфигурацию Блистающего Пояса на тот момент, когда, по словам Дельфин Раскин-Сарторий, поступило сообщение. Данные уже ждали Талию на катере: закончит установку софта и займется ими.

– Прежде вы всегда доверяли моему нюху, – напомнил Дрейфус. – Сейчас, если верить ему, происходит нечто скрытое от наших с вами глаз.

– Ты опросил бет?

– Они не представляют, кто мог поступить так с их семьей.

– Значит, мотивы ты не выяснил.

– Пока нет. Только знаете, если нужно просто навредить семье... Разве мало смертоносного оружия, которое дело сделает, а следов не оставит?

– Согласна, – отозвалась Омонье без особого пыла.

Ей, мол, просто спорить не хочется, поэтому соглашается.

– Устроивший атаку не на семью нацеливался – уничтожены не только жители анклава, но и сам анклав.

– Может, у злоумышленников не было доступа к смертоносному оружию?

– Но они проникли на корабль ультранавтов и добрались до квантового двигателя? – с сомнением спросил Дрейфус.

– Не понимаю, к чему ты клонишь, Том.

– К тому, что злоумышленникам было проще добраться до любого смертоносного оружия, чем попасть к Дравидяну. Иными словами, корабль

им был нужен до зарезу. Они неспроста воспользовались субсветовиком. Семью Дельфин хотели не просто перебить, а испепелить, уничтожить следы ее существования. Потенциальный арсенал тут невелик – ядерные торпеды, бомбы с начинкой из металлизированного водорода и мощные квантовые излучатели.

– Логика сомнительная, – заметила Омонье.

– Корабль позволил как минимум спихнуть вину на ультра. Дескать, преступники они, а не жители другого анклава. По-моему, Дравидян и его экипаж невиновны.

Омонье устало взглянула на настенный дисплей, грани которого сражались за ее внимание. Как подметил Дрейфус, почти на каждой отображались попытки Джейн сдержать обострение кризиса в отношениях между Блистающим Поясом и ультра. Грани дисплея напирала со всех стен, беспощадные, как шипы «железной девы».

– Заполучи я убедительные доказательства невиновности ультра, часть проблем решилась бы, – проговорила Джейн.

– Талия Нг помогает выявить того, кто подставил Дравидяна.

– Она что, на «Доспехах»? – удивилась Омонье. – Разве не обновляет софт в центрах голосования? Вантролье попросила разрешить выдачу планшетов.

– Талия на задании, – подтвердил Дрейфус. – Но между установкой обновлений помогает мне.

– Умница, – с одобрением кивнула Джейн.

– Других в команде не держу.

– А я держу лишь умных полевых префектов. Не забывай, я очень ценю тебя, каким бы... неблагодарным занятием ни казалась порой твоя служба.

– Я целиком и полностью доволен своей службой в «Доспехах».

– Вот и прекрасно.

Повисла тишина.

– Джейн, раз уж зашел разговор, можно вопрос?

– Конечно, Том.

– Пожалуйста, ответьте откровенно. Мне столько придется перетряхнуть... Иные находки окажутся весьма неприятными. Хочу убедиться, что вы доверяете мне целиком и полностью.

– Да, конечно. Целиком, полностью, безоговорочно.

– Мне не стоит беспокоиться, что я где-то недоработал и в чем-то вас разочаровал?

– Откуда такие мысли?

– По-моему, вы мне доверяете. За допуск «Панголин», который вы дали, я очень благодарен. Теперь, как любой из старших префектов, я имею право не покидать анклав. Но я ведь полевой префект, хотя утекло немало воды.

– Ничего зазорного в этом нет.

– Знаю.

– Если бы не эта... штука у меня на шее, наверное, я бы тоже на задания летала.

– Это вряд ли, Джейн. Добровольно или принудительно вас перевели бы в штаб-квартиру, где вы принесете «Доспехам» куда больше пользы.

– А если бы я отказалась?

– Вас выслушали бы, но распорядились бы по-своему. В штаб префектов сажают, когда они на пике активности. Такова кадровая политика.

– Считаю, что ты наиболее полезен как полевой префект. Что на это скажешь?

– Джейн, я уже стар и слаб. Посыпались ошибки.

– Мне ни об одной не докладывали. – Джейн заговорила резко и настойчиво, словно прежде жалела его, а сейчас начисто отбросила снисходительность. – Ничего подобного слышать не желаю! Ты наш лучший префект. Пустыми комплиментами я не разбрасываюсь.

– Так вы доверяете мне?

– На этот вопрос я уже ответила. Иди и перетряхивай все, что хочешь. Полную поддержку гарантирую.

Глава 9

Чем дальше углублялась Талия в анклав, тем ярче становилось красноватое сияние. На его фоне хлыст-ищейка выглядел нервной черной загогулиной. Робот-сопровождающий сломался, но четко объяснил, куда идти. Талия стиснула тяжелый цилиндр, прибавила шагу и вскоре попала на большую сцену. Нет, это балкон с перилами, до противоположной стены метров сто, не меньше. Стена была разделена на ярусы, те состояли из отсеков – подробнее в кроваво-красном свете не разглядишь. Над головой чернильная мгла – поди угадай, какой высоты потолок.

У ног ерзал хлыст-ищейка, оценивая новое место.

– Спокойно! – шепнула Талия. – Останься в первой защитной позиции.

Тут неизвестно откуда донесся низкий голос:

– Говорит Орсон Ньюкерк. Добро пожаловать, Талия. Простите за недоразумение с сервороботом.

– Гражданин Орсон Ньюкерк, я вас не вижу, – отозвалась Талия, повысив голос.

– Извиняюсь. Не встретить гостью – чистейший моветон. Просто я давным-давно не функционировал автономно, и возникла проблема с разъединительным клапаном. Она уже решена, и я спускаюсь. Буду через минуту.

– Уже спускаетесь? – повторила Талия, глядя в потолок.

– Талия, много ли вы о нас знаете? – спросил Ньюкерк бодро и игриво.

– Знаю, что вы не хотите конфликтовать с «Доспехами». – Талия надеялась, что уклончивый ответ замаскирует ее невежество.

– Вот и славно. По крайней мере, ничего плохого не слышали.

У Талии заныла шея.

– Я должна была слышать плохое?

– У нас много недоброжелателей. Люди считают, что используемый нами уровень абстракции слишком высок – а это неправильно или даже аморально.

– Я прилетела не судить вас, а скорректировать программное обеспечение.

Теперь Талия что-то разглядела – световое пятно, спускавшееся к ней из мглы. Наконец Орсон Ньюкерк появился в поле зрения – прямоугольный стеклянный ящик, не больше чемодана, скользивший по едва различимой нити.

«Как бюст или поясной портрет, – решила Талия. – Голова, верхняя часть туловища и... все».

Ниже ребер ничего не было. Ни рук, ни плеч – лишь голова, торс, утопающий в поясе жизнеобеспечения, и сзади мягкий поддерживающий каркас.

– А говорят, у нас лишь головы, – беззаботно вещал Ньюкерк. – Ошибка грубейшая! Жизнеспособность головы может обеспечить каждый, но без гормональной среды не добиться ничего хотя бы отдаленно напоминающего богатую текстуру человеческого сознания. Мы дети химии, а не электросхем. Поэтому оставляем максимум тела, избавляясь от ненужного. Представьте, у меня до сих пор есть железы. О человеке судят по железам.

– У вас все железы? – спросила Талия, вглядываясь в усеченное туловище.

– Перемещение и перераспределение – вот мои помощники! Если вскрыть меня и вас, станет ясно, что такое рациональное использование пространства.

Голова Ньюкерка оказалась вровень с головой Талии, и ящик остановился.

– Не понимаю, – призналась Талия, вспоминая гулкий, пропахший плесенью тоннель. – Зачем вам это? Неужели места не хватает?

– Не места, а ресурсов, – с улыбкой уточнил Ньюкерк.

Если абстрагироваться от остального, его молодое лицо казалось вполне привлекательным. Белые, за исключением точек-зрачков, глаза безостановочно моргали, как у человека с сильным REM-расстройством.^[2]

– Ресурсов? – переспросила Талия.

– Приходится соблюдать режим жесткой экономии. В Си-Таке живет более миллиона человек. Будь у каждого из них энергопотребность взрослого, мы растратили бы все средства на загрузку сети.

– Сети? – в очередной раз переспросила Талия, смутно представляя, к чему он клонит.

– Абстракция, конечно, – ответил Ньюкерк, удивленный, что это не очевидно.

– Но абстракции здесь нет. Мои очки не работают.

– Они не работали вне коллективной зоны. На ней многоуровневая защита. Понапрасну мы абстракцию не тратим.

– Где все, гражданин? – перебила Талия.

– Мы все здесь.

Вспыхнул свет, волной растекаясь от точки, которая находилась где-то

далеко вверху. Талия увидела ярусы отсеков, в каждом стоял стеклянный ящик, идентичный тому, в котором жил Ньюкерк. «Внутри анклава такое не поместится», – подумала Талия, но тут же сообразила, что перед ней одна из взаимосвязанных «спиц», уходящих в невесомость.

– Зачем вы так с собой?

– Не о том спрашиваете. «Кого убить, чтобы стать такой же?» – вот чем нужно интересоваться.

– Спасибо, не хочу, – нервно улыбнулась Талия.

– Вы не понимаете, от чего отказываетесь.

– Допустим. Зато понимаю, что хочу сохранить тело. И возможность ходить и дышать.

– Что вам известно об абстракции? Если пробовали ее до того, как стать префектом, воспоминания уже наверняка стерлись. Это как небесные врата, видимые между облаками: раз – и закрылись.

– Я пробовала абстракцию. Пока не вступила в «Доспехи», у меня были имплантаты.

– Пробовали, и только. Но лишь в Си-Таке вы испытаете блаженство полного погружения.

Талия глянула на противоположную стену, на ярусы ящиков – бесконечный парад бюстов.

– Они ведь далеко отсюда? Ну, мысленно? Они явно не о Си-Таке думают.

– А зачем им? Мои люди – единственные реальные граждане Блистающего Пояса, единственные, кто живет в нем по-настоящему. Они мысленно там, Талия, рассредоточены вокруг Йеллоустона. Невидимый хор, поющий о теле электрическом. Истинные ангелы.

– Они дорого заплатили за свои песни.

– Каждый из них с радостью заплатил бы в десять раз больше.

– Мне пора заняться работой, – сказала Талия.

– Центр голосования на дне шахты. Спускайтесь по лестнице – и через два пролета окажетесь на месте.

Талия послушалась. Когда спустилась к центру – Ньюкерк остановился в метре от пола, – она вытянула правую руку и призвала хлыст-ищейку. Послышался высокий, на грани ультразвука треск, и хлыст мигом оказался у нее в руке. Талия прикрепила его к поясу.

– Я проведу необходимый осмотр, на десять минут вскрою ядро центра голосования. – Талия похлопала по цилиндру, который привезла с собой. – Потом частично обновлю софт. Абстракцию отключу лишь на пару миллисекунд, – Талия глянула на ярусы бюстов. – Они ведь не заметят?

– Миллисекундное отключение? Вряд ли. В любом случае буферный софт в их имплантатах компенсирует любые помехи.

– Тогда не вижу причин медлить.

Цилиндр открылся, как шкатулка с секретом, – показались ряды специальных инструментов и цветочкодируемых дискет. Талия достала первый из одноразовых планшетов и поднесла к глазам. Одно прикосновение к дисплею – и появился текст.

– Это младший полевой префект Талия Нг. Подтвердите блокировку системы безопасности «Честность-три-камнеломка».

– Блокировку подтверждаю. Младший префект Нг, в вашем распоряжении шестьсот секунд.

– Покажите входной порт шестнадцать.

Центр голосования ушел под пол, словно сложившийся перископ, и одновременно повернулся вокруг своей оси. Вот и подсвеченный разъем. Талия вытащила из цилиндра дискету с соответствующим программным обновлением, вставила в разъем и с радостью почувствовала, что центр ее принял: колонна погудела-погудела и засосала дискету.

– На дискете фрагмент программы. Младший префект Нг, как мне распорядиться ею?

– Используйте ее для перезаписи исполняемого сегмента «Альфа-альфа-пять-один-шесть». – Талия повернулась к Ньюкерку и шепнула: – Дело секундное. Это фрагмент программы, так что перекомпилировать основной операционный стек не придется.

– Перезаписать исполняемый сегмент «Альфа-альфа-пять-один-шесть» не удастся, – сообщил центр.

У Талии лоб покрылся едким потом.

– Запрошенное действие вызовет конфликт третьей степени в массиве виртуальной памяти, который обращается к образу исполняемой программы в сегменте «Каппа-эпсилон-девять-девять-четыре».

– Что-то не так? – тихо спросил Ньюкерк.

Талия вытерла лоб.

– Проблема вполне решаемая. Архитектура чуть сложнее, чем я ожидала. Абстракции не будет не пару миллисекунд, а чуть дольше.

– «Чуть дольше» – это сколько?

– Десятую долю секунды.

– Это не пройдет незамеченным.

– Младший полевой префект Нг, у вас четыреста восемьдесят секунд доступа.

– Спасибо! – Талия старалась говорить спокойно. – Пожалуйста,

примите следующий цикл команд. Временно заблокируйте все доступные изображения между сегментами «Альфа-альфа» до «Каппа-эпсилон», включая сами эти сегменты, затем произведите перезапись сегмента, как я уже просила. Подтвердите, что в процессе исполнения действий блокировка абстракции не превысит ста миллисекунд...

– Упомянутый конфликт третьей степени разрешается, но возникает конфликт четвертой степени.

Талия выругалась сквозь зубы. Надо было сперва архитектуру изучить, а уж потом получать одноразовый доступ. Выяснила бы все, что нужно, не транжиря привилегии «Доспехов»...

– Поверните колонну! – велела Талия, неожиданно нащупав решение. – Что потребуется для успешной установки нового сегмента программы?

– Новый сегмент программы установить можно, но это вызовет полную перестройку всех доступных изображений в сегментах от «Альфа-альфа» до «Каппа-эпсилон» включительно.

– Обозначьте статус абстракции на время установки.

– Абстракция будет полностью отключена.

– Назовите ориентировочное время компоновки, – со страхом попросила Талия.

– Триста сорок секунд плюс-минус десять секунд при степени вероятности девяносто пять процентов.

– Назовите оставшееся время доступа.

– Младший полевой префект Нг, у вас осталось четыреста шесть секунд.

Талия глянула на Ньюкерка. Тот следил за ней с выражением подчеркнутой безучастности, если лицо, похожее на восковую маску, обладало способностью что-то выражать.

– Вы слышали, что сказал центр, – проговорила Талия. – Абстракцию потеряете на пять с лишним минут. Компоновку я начну в следующую минуту, иначе не хватит времени доступа.

– А если компоновка не завершится за это время?

– Центр по умолчанию перейдет в безопасный режим работы. В этом случае для разблокировки будет совершенно недостаточно планшета с шестисотсекундным доступом. С учетом нынешней занятости «Доспехов» вы рискуете провести без абстракции несколько дней.

– Пятиминутная потеря абстракции дорого нам обойдется.

– Других вариантов, увы, нет, и мне пора приступить к компоновке.

– Тогда сделайте все, что считаете нужным.

– Не хотите предупредить сограждан?
– Это не поможет ни им, ни мне, если на то пошло. Начинайте, префект, – строго проговорил Ньюкерк. – Выполняйте свою работу.

Талия кивнула и велела центру приступить к компоновке.

– Доступ к абстракции перекроется через десять секунд, – объявила колонна. – Восстановление доступа ожидается через триста сорок секунд.

– Оставшееся время доступа к системе?

– Триста сорок четыре секунды.

– Времени в обрез, – заметил Ньюкерк.

Талия хотела ответить, но, уже открыв рот, поняла, что нет смысла. Лицо Ньюкерка превратилось в маску, глаза больше не дрожали в глазницах. Теперь он казался мертвецом, точнее, каменным бюстом.

«Они все такие», – подумала Талия. Один миллион двести семьдесят четыре тысячи шестьсот восемнадцать граждан «карусели» Нью-Сиэтл-Такома оказались в полной неопределенности, отрезанные от абстрактной реальности, единственного важного для них мира. Одного взгляда на Ньюкерка хватило, чтобы понять: сознание в его черепе отсутствует, а разум если существует, то заблокирован в некоем лимбе и стучится в дверь, которую не откроют еще пять минут.

Талия осталась одна-одинешенька в зоне присутствия миллиона с лишним человек.

– Как идет работа? – спросила она центр.

– Соответственно графику. Доступ к абстракции восстановится через двести девяносто секунд.

Талия сжала кулаки. Следующие три минуты будут самыми долгими в ее жизни.

* * *

– Простите, что беспокою снова, – сказал Дрейфус, когда в кабинете для допросов возник бета-симулякр Дельфин Раскин-Сарторий. – Не соблаговолите прояснить еще пару моментов?

– Я в полном вашем распоряжении, как вы сами заявили без обиняков.

– Дельфин, зачем усугублять ситуацию? – улыбнулся Дрейфус. – У нас разное мнение о праведности бет, но в том, что совершено массовое убийство, мы единодушны. Мне нужна ваша помощь, чтобы докопаться до сути.

– А это, в свою очередь, приведет к больной теме моего творчества? – спросила Дельфин, скрестив руки на груди.

На запястьях она носила серебряные браслеты.

– Кто-то разозлился на кого-то настолько, что захотел уничтожить анклав, – продолжал Дрейфус. – Возможно, ваши скульптуры сыграли тут определенную роль.

– Мы возвращаемся к теме зависти.

– По-моему, дело не только в ней. Боюсь, вы затронули злободневную политическую проблему, когда начали серию, посвященную Филиппу Ласкалю.

– Простите, я не совсем понимаю.

– Не обижайтесь, но, судя по вашему творческому пути, до недавнего времени вы особой популярностью не пользовались. И вдруг... не скажу, что вы проснулись знаменитой, но совершенно внезапно о вас заговорили, а ваши работы резко выросли в цене.

– Такое случается. Ради этого художники готовы страдать.

– Тем не менее кажется, что взлет популярности совпал с началом работы над портретами Ласкаля.

Дельфин равнодушно пожала плечами:

– Я работала над многими сериями. Просто эта самая свежая.

– Но именно эта серия привлекла интерес. Так или иначе, в ваших работах что-то изменилось. По какой причине вы обратились к теме Ласкаля?

– Не понимаю, к чему вы клоните. Личность Ласкаля и значимые события его жизни – часть нашей общей истории. Его полет к завесе вдохновил миллионы художников. Разве удивительно, что я использовала в творчестве яркий трагический образ?

– Дельфин, но ведь это времена Восьмидесяти, дело прошлое, – с сомнением заметил Дрейфус. – Те раны давным-давно затянулись.

– Но тема актуальности не утратила, – возразила Дельфин.

– Я не отрицаю. Вы не думали, что ненароком всколыхнули воду в опасном омуте?

– Темой Ласкаля?

– Ну да. Он вернулся ненормальным, даже есть самостоятельно не мог. По слухам, Ласкаль покончил с собой в Силвестовском институте изучения завес. Другие организации, которые интересовались затворниками, совершенно не обрадовались этому. Они давно рассчитывали заполучить Ласкаля, заглянуть к нему в голову и выяснить, что с ним стряслось. А тут слухи: Филипп, мол, утопился в декоративном пруду с рыбками.

– Суицидальные наклонности у него, скорее всего, имелись. Вы же не намекаете, что Ласкаля убили?

– Нет, я намекаю лишь на то, что его гибель навредила Дому Силвестов.

– Если поняла правильно, вы клоните к тому, что меня, мою семью, не говоря о целом анклавe, уничтожили по той причине, что мне хватило неосторожности в моем творчестве обратиться к Филиппу Ласкалю?

– Это лишь гипотеза. Если люди, связанные с кланом Силвестов, почувствовали в вашем творчестве скрытую критику их действий, они вполне могли подумать о мести.

– Раз я их так разозлила, почему бы просто меня не убить?

– Не знаю, – сказал Дрейфус. – Но очень помогла бы уверенность, что ваши скульптуры не задумывались как компромат на Силвестов.

– То есть скомпрометировать их – преступление?

– Нет, но, если своими работами вы хотели спровоцировать определенную реакцию, неудивительно, что она последовала.

– Не могу строить догадки о мотивах Силвестов.

– Зато можете объяснить мне, почему занялись Ласкалем.

Дельфин смерила Дрейфуса испепеляющим взглядом, словно только что разглядела его истинную сущность.

– По-вашему, это просто? По-вашему, выбор темы творчества сформулировать не сложнее, чем выбор стула определенного цвета?

– Я совершенно не хотел...

– Мир творчества для вас темный лес, префект. Мне искренне вас жаль. Какими унылыми, примитивными понятиями вы оцениваете жизнь! В каком бездушном, регламентированном, предсказуемом мире вы живете! Искусство, как и все, что за пределами строгих уставных понятий, вам совершенно чуждо.

– Я понимал свою жену, – тихо заметил Дрейфус.

– Что, простите?

– Она была человеком творческим.

Дельфин долго смотрела на него, и взгляд постепенно смягчался.

– Что с ней случилось? – спросила она.

– Погибла.

– Извините, – пролепетала Дельфин, и в ее голосе Дрейфус услышал искреннее раскаяние. – То, что я наговорила, – совершенно ненужная грубость.

– Вы правы, склонности к искусству у меня нет. Но с женой я прожил достаточно долго, чтобы понять суть творческого процесса.

– Не расскажете, что с ней стало?

– «Кви про кво» – кажется, так звучит крылатая фраза? – Дрейфус холодно улыбнулся.

– Мне необязательно слушать рассказ о вашей жене, а вам необходимо выслушать рассказ о моем искусстве.

– Чувствуется, вы любопытны.

Дельфин вздохнула и сверху вниз глянула на Дрейфуса:

– Ну и чем же она занималась?

– Исключительно талантлива Валери не была, – начал Дрейфус. – Она поняла это достаточно рано, чтобы не горевать и не терзаться при встрече с настоящим гением. Но душа у нее по-прежнему лежала к искусству.

– И?

– Мечту удалось воплотить в жизнь. Валери увлеклась творчеством носителей машинного интеллекта. Своей миссией она хотела доказать, что такое искусство имеет не меньше прав на существование, чем человеческое, что творческая искра не всегда порождение плоти и крови.

– Очень обнадеживает, ведь плоти и крови у меня самой больше нет.

– Валери настояла бы, чтобы ваше нынешнее искусство воспринимали так же серьезно, как прижизненное. Впрочем, куда больше творчества бета-симулякров ее интересовали работы носителей искусственного разума, не имеющих человеческого прошлого. Этот интерес и привел ее в СИИИ.

– Название вроде бы знакомое.

– Силвестовский институт искусственного интеллекта.

– Снова эта семья!

– Ага, она вездесуща.

– Зачем Силвестовскому институту могла понадобиться ваша жена, префект Дрейфус?

– В СИИИ разрабатывались экспериментальные машинные интеллекты на основе различных типов нервной структуры. Валери направили в Лабораторию когнитивных исследований при СИИИ. Ее обязанностью было оценивать творческий потенциал новых интеллектов в рамках проекта по созданию поколения интеллектов гамма-уровня, способных решать проблемы благодаря интуиции, а не последовательному анализу. На деле в лаборатории пытались создать гамма-интеллекты не только способные проходить стандартные тесты Тьюринга, но и наделенные потенциалом интуитивного мышления. – Дрейфус коснулся пальцем верхней губы. – Валери привлекала те машины к творчеству, и, как правило, небезуспешно. Только машины не творили, а, как малыши, размазывали краску пальцами. Валери почти отчаялась нащупать в них

художественное начало, когда у нее появился новый подопечный.

– Погодите. – Дельфин расправила руки. – Недаром это название – СИИИ – показалось знакомым. Там появился Часовщик?

Дрейфус кивнул:

– Он и стал новым подопечным Валери. Откуда взялся, непонятно. Как нередко бывает в подобных организациях, там процветали келейность и конкуренция между отделами. Сомнений не вызывало одно: кто-то создал уникальный искусственный интеллект. Не просто мозг в железной банке, а самостоятельное роботехническое существо, способное двигаться и взаимодействовать с окружением. Когда его показали моей жене, Часовщик уже мастерил головоломки, музыкальные шкатулки и часы. Постепенно он сосредоточился на часах.

– В то время вы знали, что он собой представляет?

– Только со слов жены. Я беспокоился. Способность Часовщика манипулировать окружением и менять собственную структуру указывала на то, что перед нами робот – носитель усовершенствованной технологии самовоспроизведения. Именно таких должны контролировать «Доспехи».

– Что на это сказала Валери?

– Чтобы я не тревожился. Часовщик не опаснее ребенка, старающегося угодить взрослым. Я лишь понадеялся, что у него не будет детских истерик.

– Вы чувствовали его потенциал?

– Никто не знал, откуда взялся Часовщик и кто его создал.

– Не зря вы тревожились.

– Однажды Часовщик совершил нечто ужасное. Часы номер сто четырнадцать не отличались от своих предшественников. Нашла их не Валери, а лаборантка по фамилии Краффт. В двенадцать пятьдесят восемь она забрала часы и понесла в исследовательский отсек. На пути к отсеку часы пробили тринадцать. Подпружиненный шип вытолкнул циферблат, прошел Краффт между ребер и вонзился в сердце. Смерть наступила мгновенно.

Дельфин вздрогнула:

– Так начался кошмар?

– В тринадцать двадцать шесть, менее чем через полчаса после обнаружения часов номер сто четырнадцать, связь с институтом оборвалась. В последнем четком сообщении говорилось, что по СИИИ бродит нечто, убивающее каждого встречного. При этом Часовщик умудрялся останавливаться и делать часы. Он поглощал материю, всасывал ее в свое мерцающее чрево, а секундой позже изрыгал в виде тикающих часов.

– Что стало с вашей женой? Часовщик убил ее?

– Нет, Валери погибла иначе. Я уверен в этом, потому что отряд префектов проник в СИИИ через час после начала ЧП. Они наладили связь с исследователями, укrywшимися в другой части института. Часовщика сдерживали аварийными противодекомпрессионными перегородками, заблокировав на одной половине анклава. Моя жена оказалась среди уцелевших, но префекты не смогли ни связаться с ними, ни организовать эвакуацию. Вместо этого они пытались обезвредить Часовщика и собирали артефакты для дальнейших исследований. Из префектов не погибла только Джейн Омонье. Она же единственная пережила встречу с Часовщиком.

– Джейн Омонье?

– Моя начальница, верховный префект. Мы нашли Джейн живой, но Часовщик что-то прикрепил ей к затылку. Еще пригрозил, что устройство убьет ее при попытке снять. И это не все. Он дал префектам шестьдесят минут, чтобы доставить Джейн на «Доспехи» и поместить в невесомую капсулу. Через час устройство на затылке активизировалось. Оно может умертвить Джейн, если кто-то или что-то окажется менее чем в семи с половиной метрах от нее. И это тоже не все. Скарабей – так мы прозвали устройство – не дает ей спать. Нет, потребность в сне скарабей не устранил. Организму Джейн сон необходим. Но если скарабей почувствует, что Джейн без сознания, он ее убьет. Благодаря лекарствам она бодрствует уже одиннадцать лет.

– Неужели ей нельзя помочь? Столько средств доступно и в этом анклаве, и на всем Блистающем Поясе...

– Но все они пасуют перед изобретательностью Часовщика. Впрочем, целая команда посвящает каждую минуту своей жизни поискам вариантов спасения Джейн. – Дрейфус пожал плечами. – Рано или поздно скарабея мы снимем, просто хочется уверенности в успехе. Второго шанса он нам не даст.

– Вашу начальницу очень жаль. Вы мне про жену до конца не рассказали. Если ее изолировали от Часовщика...

– Когда вытащили Джейн, стало ясно, что других префектов засылать бессмысленно. Часовщик растерзал бы их или что пострашнее придумал бы. Он уже прорывался за ограждения, так что захват СИИИ был вопросом времени. А потом... с его скоростью и умом Часовщик мог бы перебраться в анклав с миллионными населением.

– Рисковать вы не могли.

– Альбер Дюсолье, тогдашний верховный префект, решил обстрелять СИИИ ракетами с ядерными боеголовками. Другого способа сдержать

Часовщика он не видел.

– Я в курсе, что институт уничтожили. – Дельфин медленно кивнула. – Но я не представляла, что на его территории оставались люди.

– Факты не утаивались. Просто в большинстве сообщений акцентировалось достигнутое и предотвращенное, а не потери.

– Вы присутствовали при операции?

– Нет. – Дрейфус машинально покачал головой. – Когда произошло ЧП, я был на другом конце Блистающего Пояса. Надеюсь связаться с Валери, я сразу полетел к институту, но опоздал. Увидел лишь вспышку – СИИИ уже уничтожили.

– Представляю, как тяжело вам было.

– По крайней мере, Часовщик не успел добраться до Валери.

– Вашу жену очень жаль. И жаль, что мы при жизни не встречались.

Похоже, нашли бы о чем поговорить.

– Это точно.

– Теперь припоминаю, об Альбере Дюсолье я слышала. С ним ведь что-то случилось после того ЧП?

– Три дня спустя его нашли мертвым в его отсеке. Дюсолье перевел хлыст-ищейку в режим меча и направил на себя.

– Не смог жить с содеянным?

– Да, видимо, так.

– Но ведь у него не оставалось выбора. Провел бы референдум о правомочности применения ядерных боеприпасов и наверняка получил бы поддержку населения.

– Такой вариант его явно не устраивал.

– И никакого объяснения, никакой предсмертной записки?

Дрейфус замялся: записка существовала. Он даже читал ее, благодаря допуску «Панголин». «Мы совершили ошибку. Зря так обошлись с институтом. Искренне раскаиваюсь в том, что мы сотворили с теми людьми, упокой Господь их души».

– Записки не было, – соврал он.

Не было ни записки, ни шестичасовой паузы между спасением Джейн Омонье и разрушением СИИИ. Ни паузы, ни необъяснимой связи с законсервированным кораблем «Аталанта», перемещенным с прежней орбиты поближе к СИИИ одновременно с началом ЧП. Никаких тайн. Все имеет рациональное объяснение.

– Совершенно не понимаю, почему Дюсолье совершил самоубийство, – заявила Дельфин.

– Не смог простить себе содеянное. – Дрейфус пожал плечами.

– Даже если содеянное было единственно правильным?

– Даже если так.

Прежде чем заговорить, Дельфин обдумала его слова.

– У вашей жены была бета?

– Нет, – ответил Дрейфус.

– Почему?

– Валери не верила в бета-копии. Считала их не более чем ходячими и говорящими оболочками. Дескать, симулякр копирует ее голос, внешность, даже фразы воспроизведет с большой долей точности, но все же это будет не она. Внутренний мир человека не смоделируешь.

– Вы так считаете вслед за женой?

Дрейфус развел руками:

– Простите, но уж как есть.

– Об альфа-копировании она не думала?

– Философских возражений у Валери не нашлось бы. Но мы с женой выросли среди воспоминаний о Восьмидесяти. Разумеется, с тех пор методика изменилась, но риск и сомнения остались.

– Теперь понимаю, откуда предубеждение к таким, как я. – Резкое заявление Дельфин смягчила сочувственной улыбкой. – Понимаю и не сержусь. Вы потеряли близкого человека. Признать, что я впрямь обладаю сознанием, для вас все равно что отречься от убеждений Валери.

– Уверяю вас, все не так сложно, – проговорил Дрейфус с жестом смирения.

– Вы человек, так что ничего зазорного. Я поспешила с выводами, простите.

– Вы ничего не знали.

Дельфин сделала глубокий вдох, словно готовилась нырнуть.

– Я обещала вам. Вы поделились личным и теперь хотите услышать причину, по которой я посвятила серию работ Ласкалю. Постараюсь объяснить, но, думаю, вас ждет разочарование. Я не просыпалась утром с твердой решимостью ваять Филиппа и ослепляющих вспышек не видела.

– Но ведь что-то произошло.

– По-моему, во мне нарастала некая потребность. Что-то подавленное рвалось наружу. Я успокоиться не могла, пока не рассказала людям о жизни Ласкаля.

– Вы хорошо знали тему?

Судя по неуверенному виду, Дельфин таким вопросом прежде не задавалась.

– Наверное, не хуже большинства обывателей. Я была наслышана о

Ласкале и изучила отдельные факты...

– Был некий определяющий момент, когда вы решили заняться Ласкалем? Увидели нечто связанное с ним, услышали о клане Силвестов или о завесах?

– Нет, ничего подобного. – Дельфин помолчала, в глазах загорелся огонек. – Хотя помню один день... Я резала камни в своей вакуумной мастерской. Работала, конечно, в скафандре: даже если бы было чем дышать, жар плазменных резаков доконал бы меня. Я занималась совершенно другой скульптурой. Представьте дирижера перед оркестром, только вместо музыкантов сервороботы с плазменными горелками и резаками атомного уровня. Это и происходило в ателье: стоило мне придумать новую форму или текстуру, имплантаты передавали приказ роботам. Я чуть ли не подсознательно работала – силой воображения превращала камень в скульптуру.

– А потом?

– Я взглянула на скульптуру в очередной раз и почувствовала, что получается не то, что задумывалось. Хотелось высечь лицо чужака, а теперь оно кого-то напоминало. Узнав Ласкаля, я поняла, что подсознание толкает меня к его теме.

– Других объяснений нет?

– Хотелось бы мне подобрать рациональное объяснение, – сконфуженно проговорила Дельфин. – Но порой искусству чужда рациональность. То и дело натыкаешься на необъяснимое.

– Ценю вашу честность.

– Это разрушает вашу гипотезу о том, что кого-то оскорбило мое творчество?

– Вовсе нет. Вы могли что-то спровоцировать, сами о том не подозревая. Но вы правы: трудно представить, что одно упоминание о Филиппе Ласкале способно толкнуть на массовое убийство. – У Дрейфуса затекла спина, и он выпрямился. – И тем не менее преступление совершено. Пока мне хватит информации для работы. Спасибо, что уделите время, Дельфин.

– Что собираетесь делать дальше?

– Моя помощница – вы с ней встречались – разбирается с сообщением, поступившим к вам в анклав. Свяжусь с ней и посмотрю, куда ведет след.

– Интересно, что у вас получится.

– Обязательно сообщу.

– Префект, пока вы не отключили меня... Не пересмотрите мою просьбу? Хотелось бы поговорить с Верноном.

– Не могу допустить, чтобы вы сделали показания друг друга несостоятельными.

– Ни мне, ни Вернону нечего от вас скрывать. Я рассказала все.

– Простите, но рисковать я не могу.

– Префект, вы должны кое-что понять. Когда вы отсылаете меня в хранилище, я не существую.

– Это потому, что между допросами состояние симулякра не меняется.

– Да, я в курсе. Когда вы меня вызываете снова, я помню лишь наш последний разговор. Но есть ощущение, что я где-то побывала. – Дельфин впилась в Дрейфуса взглядом. – Не знаю, где это, но там холодно и одиноко.

* * *

Дрейфус активировал браслет, прочитал сообщение от Талии и сразу ее вызвал.

– Вижу, что ты в пути. Как дела?

– Неплохо, сэр. – Ответ пришел без ощутимой задержки. – Закончила первую установку.

– Все удачно?

– Возникла пара мелких проблем, но сейчас все улажено.

– Другими словами, на одном объекте работа закончена, осталось еще три. Ты движешься с опережением графика.

– Если честно, установка обновлений требует куда меньше времени, чем я запросила. Просто решила подстраховаться.

– Очень разумно.

– Вас интересует анализ сети, сэр? – спросила Талия после небольшой паузы.

– Ты ведь еще не занималась этим? – Судя по тону, Дрейфус надеялся на обратное.

– Снимков, которые вы прислали, вполне хватило. По-моему, зацепку я нашла. Если время поступления сигнала на «пузырь» Раскин-Сарторий указано с точностью до двадцати минут, я определила единственный роутер, который мог пропустить то сообщение.

– И что это за роутер?

– Вряд ли вы о нем слышали. Это свободно плавающий роутер под названием «Авангард-Шесть». По сути, вокруг Йеллоустона обращается

простой валун с вмурованной станцией автоматической маршрутизации сигнала.

Дрейфус постарался запомнить название роутера.

– По-твоему, «Авангард-Шесть» хранит отметку о пропущенном трафике?

– Он хранит достаточно, чтобы вычислить отправителя сообщения. Даже если след ведет на другой роутер, он не потеряется. Как правило, сообщение проходит не больше трех промежуточных станций.

– Спарвер поможет с техническими вопросами. Удаленно ведь их не решишь?

– Нет, сэр, физическое присутствие необходимо. Но вы правы: Спарвер сообразит, что надо делать.

Дрейфус без лишних слов прекратил связь и приготовился вызвать другого помощника.

Глава 10

Они напоминали не людей, а гигантские розовые кораллы, блестящие, разветвленные, с таинственными изгибами. Бессчетные секунды Гаффни восхищенно разглядывал трехмерные модели – они пленяли и очаровывали. Если человеческие души заморозить и подсветить, они будут примерно такими. Оригиналы из плоти и крови погибли, сканирование альфа-уровня ни один из троих не проходил, так что теперь лишь бета-симулякры связывали Вернона Трежана, Энтони Теобальда и Дельфин Раскин-Сарторий с миром живых.

«Доспехи», вероятно, считали бет лишь сырьем для экспертного анализа – вроде фотографий или пятен крови, но Гаффни был менее прямолинеен. Он не одобрял консервативного убеждения, что в полном объеме права человека следует предоставить исключительно альфам. Важно лишь внешнее впечатление, а не то, что скрыто за маской. Поэтому Гаффни не особо тревожился из-за незнания сущности Авроры. Даже если она не человек, а машина – какая разница? Главное – ее сочувствие и настоящая забота о благополучии миллионов жителей Блισταющего Пояса.

Разумеется, поначалу Гаффни сомневался.

Аврора явилась к нему пять лет назад, через четыре года после того, как он стал главой Службы внутренней безопасности «Доспехов». Прежде он много лет был старшим префектом, а до этого долго считался блистательным полевым.

Гаффни целиком посвятил себя «Доспехам» и не желал взамен ничего, кроме уверенности, что его коллеги преданы службе не меньше, чем он. Он жил службой, ради самодисциплины отказавшись от брака и социальных связей, и не смирялся с вынужденными лишениями, а приветствовал их.

Но потом случилось нечто, заставившее Гаффни усомниться и в значимости «Доспехов», и, косвенно, в своей человеческой адекватности. Его послали расследовать возможные нарушения процесса голосования в анклав под названием Ад-Пять. Станный анклав – его построили на идеальном каменном полушарии, похожем на половину астероида, разрезанного надвое. Воздухонепроницаемые постройки росли и на плоской стороне, и на выпуклой – густозаселенные небоскребы в кольцах герметичных тоннелей. Пока не прошла мода, Ад-Пять был столицей игорного бизнеса. Впоследствии анклав перепробовал несколько социальных моделей, одна утопичнее другой, и остановился на той,

которую застал Гаффни. Первые же месяцы принесли Аду-Пять колоссальный доход. Другие анклавов щедро платили за возможность приобщиться к ноу-хау.

Раз в месяц случайным образом выбирался богач. Несчастного пытали, растягивали муки лекарствами, не давая быстро умереть. Казна Ада-Пять пополнялась за счет продажи другим анклавам эксклюзивных прав просмотра и выбора пыток. Торги велись на аукционах.

Система вызвала у Гаффни глубокое омерзение. Он много странствовал по Блистающему Поясу и перевидал немало крайностей, но порочность Ада-Пять затмевала все. Один взгляд на жертву пыток – и Гаффни стало дурно. Дурнота переросла в уверенность: Ад-Пять – кощунство, общественное зло, которое нужно пресечь, если не уничтожить.

Но «Доспехи», а следовательно, и сам Гаффни, пресечь это зло не могли. Они следили за безопасностью и соблюдением избирательного права на Блистающем Поясе в целом. Что творится в отдельно взятом анклавов – при условии соблюдения активного избирательного права, моратория на отдельные технологии и виды оружия, – в юрисдикцию «Доспехов» не входило.

По этим критериям в Аду-Пять не происходило ничего предосудительного.

Гаффни не мог смириться с таким положением вещей. Сам характер пыток и коллективное нежелание граждан положить им конец доказывали, что абсолютную свободу людям доверить нельзя, а «Доспехам» нельзя доверить борьбу с моральным разложением, расплзающимся по Блистающему Поясу.

Нужно что-то делать – в этом Гаффни не сомневался. У анклавов слишком много власти. Пора вернуть централизованное управление, хотя они за это не проголосуют. Даже умеренные государства опасались передавать слишком много власти организациям вроде «Доспехов». Дети играли слишком острыми ножичками. Поразительно, что пролилось так мало крови.

Гаффни начал излагать мысли в дневнике – нужно же навести порядок в своих принципах. Он чувствовал, что «Доспехам» пора измениться или даже прекратить существование, раз они не спасают людей от самых низменных наклонностей. Шеридан понимал: его идеи утопичны, они противоречат всему, что имя Сандры Вой олицетворяло последние двести лет. Только историю творят не благоразумные осторожные одиночки. Саму Сандру ни благоразумной, ни осторожной не назовешь.

Вскоре после этого Гаффни явилась Аврора.

– Ты хороший человек, Шеридан. Однако ты возмущен, словно все окружающие позабыли свои истинные обязанности.

Гаффни захлопал глазами: появление чужого лица на персональном секретном мониторе было для него полной неожиданностью.

– Кто ты?

– Сочувствующая. Если хочешь, то друг.

Гаффни был в анклав «Доспехов». Раз Аврора пробралась к Шеридану, значит, теоретически, она находится здесь же. Только Гаффни еще тогда понял, что Аврора не на «Доспехах», что она незаметно проберется куда угодно – стены и двери ей не помеха, ни материальные, ни виртуальные. Относилась она к бета– или гамма-уровню, можно было лишь догадываться, но умом и проворством превосходила очень многих.

– Ты человек?

Вопрос Аврору явно позабавил.

– Неужели это так важно, если у нас с тобой одинаковые идеалы?

– Мои идеалы касаются только меня.

– Уже нет. Я ознакомилась с твоими рассуждениями и согласилась с твоими принципами. – Аврора кивнула в ответ на вопрос, лишь зарождавшийся в голове Гаффни. – Да, я прочла дневник. Не удивляйся, Шеридан. Ничего постыдного в этих мыслях нет. Напротив, они кажутся мне очень смелыми. Ты из тех мудрецов, которым дано заглянуть за рамки своего времени.

– Я префект и по долгу службы обязан думать о будущем.

– Одни к этому способнее других. Ты провидец, Шеридан, во многом, как я. У нас только методы разные. Твоя интуиция блюстителя порядка подсказывает, что Ад-Пять – симптом, верный признак эпидемии, которая и для «Доспехов» может стать тяжелым испытанием. Я вижу будущее через другой окуляр, но подмечаю те же угрожающие черты, те же намеки на приближение великой смуты.

– Что ты видишь?

– Конец всего сущего, Шеридан. Он наступит, если только смельчаки уже сегодня не постараются предотвратить катастрофу. – Аврора смерила его испытующим взглядом, совсем как учительница талантливого, но своенравного ученика. – Твой дневник свидетельствует о том, что ты встревожен. Но тревоги недостаточно, тут дела нужны.

– Я стараюсь по мере возможности. Вот окончательно соберусь с мыслями, изложу их другим старшим префектам...

– И с треском вылетишь из «Доспехов».

– Если подберу верные слова...

– Не изменится ровным счетом ничего. Ты пропагандируешь авторитарную власть. Ты понимаешь, что в ней спасение, но большинству людей ненавистна сама идея.

– Не обязательно же так.

– Конечно, не обязательно. Ты это понимаешь, чувствуешь сердцем. Авторитаризм может быть проявлением доброты, как у матери, прижимающей младенца к груди, чтобы не плакал и не бился. Только людей рациональными доводами не убедить. Им нужно просто показать.

– Такого никогда не случится. Даже если «Доспехи» пожелают, им не хватит силы захватить Блистающий Пояс. Граждане нам даже оружие носить не позволяют.

– Шеридан, есть другие способы установить контроль. Префектам не обязательно штурмовать каждый из десяти тысяч анклавов и провозглашать новый режим.

– Что нужно делать?

– При правильной подготовке все произойдет моментально.

– Не понимаю.

– Долгое время я рассуждала так же, как ты. Но, хорошенько поразмыслив, поняла, что переход к централизованному управлению должен быть мгновенным, чтобы исключить панику и ответную реакцию.

– Нет такого способа! – отрезал Гаффни.

– А если организовать все так, чтобы не оставалось другого выхода?

– Наши приготовления заметят.

– Чтобы не заметили, мы должны действовать хитрее, чем соперники. Это несложно. Шеридан, думаю, мы прекрасно сработаемся.

Сегодня, через пять лет после первого разговора, Гаффни вспоминал всю подготовительную работу и все преодоленные помехи и опасности. Насколько он знал, Аврора ни разу ему не солгала – и это поражало больше всего. Она могла не делиться своим видением будущего – и тем не менее поделилась. Постепенно отношения налаживались, одновременно крепили и переплетались заговорщицкие узы, и Аврора раскрыла ему истинную суть окуляра, упомянутого в первом разговоре, – рассказала об устройстве под названием «Пролог» и о спящих невольниках. Эти заглядывали в тайные глубины «Пролога» и сообщали ей об увиденном. Гаффни даже ходил среди них, посвященный в секрет, раскрытие которого разрушило бы существующую систему. Он жалел спящих пленников, но дело они делали прекрасное и очень нужное.

История их отблагодарит.

Ад-Пять показал Гаффни, что семя саморазрушения коренится в

сущности Блистающего Пояса. Впрочем, Аврора получала информацию прямо из будущего и конец видела четко – не абстрактную катастрофу, а определенное событие. Она чуть ли не дату назвала.

Время страшных бедствий, разврата и безумия.

Оно грядет, от него не спрятаться. Только Гаффни с Авророй не сидели сложа руки. Предотвратить бедствие они не могли, зато могли смягчить его пагубное действие. Очень скоро Блистающий Пояс освободится от бремени самоуничтожения.

Гаффни понимал: сейчас они рискуют, как никогда прежде. Он позаботился обо всем, расчистил Авроре дорогу, но одну возможную помеху не устранил. А сейчас еще сложности с бетами. Гаффни надеялся, что квантовый луч уничтожит все и вся, а резервные копии с других анклавов не откроют Дрейфусу правду: организованности не хватит.

Однако Дрейфус что-то раскопал.

Просмотрев логи, Гаффни понял, что именно Дрейфус искал через турбины. Итак, любимец Омонье проявлял нездоровый интерес к искусству Дельфин, словно интуитивно чувствовал: с уничтожением «пузыря» все не так просто. Вряд ли Дрейфус уже нащупал связь с Часовщиком, но в смекалке ему не откажешь. Загадку Том решит, это лишь дело времени.

Придется ему помешать.

Гаффни машинально потянулся к клавишам, чтобы отдать уже составленную команду. Из базы данных, предоставленной ему для проверки, он извлек кибервирус-невидимку замедленного действия. Вообще-то, вирус древний и не страшен установкам с нормальным уровнем защиты, но бета-симы – другое дело.

Гаффни внедрил копии вируса в архитектуру симулякров на уровне, не доступном поверхностному контролю. Вирус затаился. Он будет действовать по сигналу – очередной активации мертвого свидетеля.

* * *

Пока Дрейфус разливал чай, Спарвер прикрыл рукавом вздернутый, с тупым кончиком нос и высморкался. Воздух на катерах подходил гиперсвинье для дыхания еще меньше, чем базово-линейному человеку.

– Я не думал, что ты так быстро справишься, – сказал Дрейфус. – Проблем не возникло?

– Ни единой. – Спарвер смотрел на рукав, пока тот не самоочистился.

– Что нашел?

– Ничего примечательного. Свободно летающий булыжник размером с этот катер. Я пристыковался, вылез за борт, минуты через две разыскал нужный модуль и прицепил оптоволоконный кабель. Дальше пошло как по маслу. – Раскосые глаза Спарвера были красны, словно он целую ночь глушил водку. – Шеф, вы в мое отсутствие с Талией не связывались?

Дрейфус покачал головой:

– По-моему, она быстрее справится, если не стоять у нее над душой.

– Задание выполнит, не волнуйтесь.

– Искренне надеюсь.

– Вы сомневаетесь?

– Не могу не волноваться. Я доволен Талией как младшим префектом, но она вчерашний кадет. Понятно, ей не терпится себя проявить, но порой, думаю, она слишком рвется заглазить отцовскую вину.

– Что скажете о ее отце?

– Я не очень хорошо знал Джейсона Нг, но причин сомневаться в его компетенции или преданности «Доспехам» не видел.

– Так вы удивились?

– Да, и не только я.

– Хоть раз говорили об этом с Талией?

– Повода не возникало.

– Талия вам вряд ли его даст, – улыбнулся Спарвер.

– Что бы я ни думал о Джейсоне, к Талии это совершенно не относится. Если бы сомневался в ней, не взял бы в команду. – Дрейфус подул на чай и сделал глоток. – Неужели ей нужны еще какие-то гарантии?

– Некоторые префекты по-прежнему отворачиваются, когда видят ее в столовой, – посетовал Спарвер. – Хорошо понимаю, каково ей. Еще их возмущает, что Талия так быстро стала младшим префектом первого уровня. Легко ли служить в организации, которая вымазала ее отца дегтем и обваляла в перьях? Порой гадаю, известно ли это кому-нибудь?

Дрейфус пожал плечами: вопрос не слишком его занимал. Доподлинно известно, что Джейсон Нг, на первый взгляд компетентный и надежный, мешал расследованию нарушений избирательного права в анклавном среднем уровне. Потом его нашли мертвым – Нг совершил самоубийство в грузовом шлюзе. Последующие проверки выявили, что Нг получал взятки от политических партий анклава. С собой он покончил из страха перед неминуемым разоблачением. Еще он не хотел, чтобы Талия видела, как его, мошенника, предадут суду.

Дрейфус не очень беспокоился. Он не верил, что склонность брать

взятки и мешать расследованию передается по наследству, зато верил, что Талия станет отличным префектом и заткнет за пояс большинство своих однокашников. Ей хотелось и отцовские грехи искупить, и доказать, что она не раб своих генов.

– Как младший префект Талия полностью меня устраивает, – повторил Дрейфус. – И я не сомневаюсь, что она прекрасно справится с заданием без нашей помощи.

– Минуту назад вы говорили не так уверенно.

– Определенные колебания с моей стороны вполне объяснимы. Еще такой момент, Спарв: Талия хотела работать одна. Подкреплению она бы не обрадовалась, даже если бы «Доспехи» могли его выслать.

– Вы, как всегда, правы. Просто у меня дурное предчувствие... вернее, ощущение, что мы пляшем под чью-то дудку и слишком разбрасываемся. Талия занимается лазейкой Дома Перигалов, мы с вами ищем уничтоживших Раскин-Сарторий, остальные префекты посредничают между анклавами и ультра, чтобы до бойни не дошло. Мне только кажется или на самом деле дел нынче подозрительно много?

– Сосредоточься на позитиве, – посоветовал Дрейфус. – Талия скоро закончит – хоть от одной проблемы избавимся. Мы с тобой успешно расследуем факт уничтожения «пузыря». – Он пристально посмотрел на Спарвера. – Мы ведь успешно его расследуем? Или ты пришел за чаем и сочувствием?

– За чаем. Сочувствие в другом месте найду. Можно воспользоваться вашей стеной? Хочу показать, что мне поведал роутер.

– Конечно. – Дрейфус кивнул на стену. – Она приспособлена для группового управления.

С преувеличенным терпением, которое Дрейфус порой замечал у своих помощников, Спарвер представил ему находки. Данные разбили на пять колонок: время поступления входящего сигнала, его отправитель (предыдущий узел цепочки), предполагаемый получатель (следующий узел цепочки), время пересылки (в среднем наносекунда после получения) и, в последней, краткое содержание.

– Очень много информации от Центрального контроля транспорта. – Спарвер показал на строчки с особым значком в пятой колонке. – Сплошь навигационные данные служебного характера, обо всех кораблях и дронах, что летают по Блистающему Поясу, – их можно отсечь.

Спарвер удалил сообщения ЦКТ, оставив на стене множество пустот. Дрейфус обрадовался: почин сделан! Радости хватило ненадолго – пустоты быстро заполнились, стена стала такой же, как вначале. А ведь это лишь

демонстрационная часть лога роутера, выше и ниже ее миллионы строк.

– Теперь отсекаем трафик центров голосования, – продолжал Спарвер, – снова избавляемся от большого массива. То же самое с трафиком крупных торговых сетей – ушел еще один большой массив. Особых улучшений не видно, а лог мы уже ополовинили. Сейчас еще урежем. Отсекаем служебный трафик роутеров – это десять процентов. Отсекаем пакеты об абстракции и получаем около двадцати процентов первоначального лога.

На стене остались десятки тысяч строк.

– Нужно еще сокращать, – проговорил Дрейфус.

– Так сократим. Выберем те, где целевым адресом значится Раскин-Сарторий. – Спарвер прокрутил лог вверх-вниз, показывая, что он сократился буквально до тысячи строк.

Дрейфус потер левую бровь:

– Почему мы сразу этого не сделали?

– Сразу бесполезно, – ответил Спарвер. – Как любой анклав Блистающего Пояса, Раскин-Сарторий занимается пересылкой сообщений третьим сторонам, в том числе ЦКТ и торговым сетям. Пакеты абстракционного уровня и так далее. Нам все рано пришлось бы отсекал эти массивы и вычленять сообщения, адресованные Раскин-Сарторию.

– Получилось бы быстрее.

– А в итоге то же самое. Системе безразлично, в каком порядке фильтровать контент.

– Поверю тебе на слово, только остаток лога все равно огромен.

– Фильтрация не закончена. Сейчас будем хитрить.

– Я думал, мы уже хитрим.

– Этого мало. – Спарвер улыбнулся, явно наслаждаясь происходящим. – Видите цифры в четвертой колонке?

– Ну да, – осторожно проговорил Дрейфус, – промежуток времени от поступления сигнала до его пересылки.

– Это наш ключ. На Раскин-Сарторий пришло голосовое сообщение, так?

– Да, если верить Дельфин и Вернону. Что меняет формат сообщения? Спарвер хлебнул чаю.

– Формат решает все. Любое сообщение, поступающее на роутер, проходит стандартную обработку, например проверку циклического избыточного кода. Если имеется ошибка, сообщение возвращается отправителю с просьбой отослать его снова.

– Разумно, – неуверенно кивнул Дрейфус.

– Суть в том, что проверка занимает определенное время. Чем тяжелее пакет, чем больше контент сообщения – тем больший объем информации нужно обработать.

– А-а, вроде бы понимаю, к чему ты клонишь.

– Шеф, наш ключ – промежуток от получения до досылки. Среди всего трафика, переправленного на Раскин-Сарторий, голосовые сообщения самые легкие. Задержка на обработку практически нулевая.

– Нам нужны сообщения с минимальным промежутком от получения до досылки.

– Наверное, так мы отберем интересующее нас сообщение. Ну или несколько кандидатов.

– Давай, давай! – возбужденно закивал Дрейфус.

Спарвер его опередил – стена теперь показывала лишь десяток сообщений, совпадающих с ориентировочным временем, когда Дельфин посоветовали прервать переговоры с ультра.

– Тут все равно не одно... – начал Дрейфус.

– Зато теперь не тепло, а горячо. Пора включить старую добрую интуицию. Смотрим на узлы-отправители. Вторая колонка, шеф. Я преобразовал адреса в понятные названия. Готов поспорить, что большинство отправителей – давние партнеры Раскин-Сартория или анклавов, регулярно вещающие на весь Блистающий Пояс.

– Можешь это проверить?

– Уже проверил. Готовы увидеть результат? – Спарвер отдал команду, и на стене осталась лишь одна строчка. – Вам стоит взглянуть на одиннадцать отсеченных, но я почти уверен, что они нас не интересуют. С другой стороны, это сообщение выделяется из общей массы.

– Чем выделяется?

– Место отправления мне незнакомо, и это сразустораживает. Сообщение пришло с каменной глыбы, с обломка необработанного астероида, свободно плавающего по средней орбите.

– Кому-то этот обломок принадлежит.

– Принадлежит он не то семье, не то синдикату Нервал-Лермонтовых. Не представляю, знакома вам эта фамилия или нет.

– Нервал-Лермонтовы, – медленно повторил Дрейфус. – Где-то я слышал про эту семью.

– У вас много семей на слуху.

– Может, семья Нервал-Лермонтовых совершенно ни при чем. Есть гарантии, что на том обломке не очередной роутер?

– Гарантий нет, зато есть примечательный факт. Отправитель этого

сообщения, точнее, отправитель или досылатель впервые связывался с Раскин-Сарторием с того узла.

– Ты прав, тут есть из-за чего насторожиться, – с одобрением проговорил Дрейфус. – Еще как есть.

Спарвер поставил чашку на стол – фарфор мелодично звякнул.

– Никогда не говорите, что свиньи – существа никчемные.

* * *

В «песочных часах» Самбуковая Шевелюра Талию ждал летучий конь. Он медленно, почти сонно хлопал крыльями, а стройными ногами перебирал, словно галопируя на месте.

Прозрачная кожа позволяла в малейших подробностях изучить плотно уложенные внутренние органы, модифицированный скелет и мускулатуру. В тонких, как бритвенное лезвие, испещренных прожилками крыльях никаких костей не просматривалось.

Пегас Талии оказался здесь далеко не единственным летуном. Вдали медленно хлопали крыльями другие полупрозрачные существа. Иные везли всадников, иные направлялись за пассажирами либо по своим делам. Были и более красочные – вроде огромных узорчатых мотыльков, полосатых рыбок и китайских воздушных змеев мудреной конструкции. Пегасы держались в зонах пониженной гравитации (с их призматическими крыльями это вполне объяснимо), зато другие твари летали, где хотели. Среди них с трудом просматривались звездочки – люди с крыльями или с собственной аэродинамической поверхностью.

Талия надела очки, но внешний вид принципиально не отличался от голой реальности. Об этом она и читала во время перелета: местные жители преобразовывают материю, а не информацию.

Вскоре Талия почувствовала, как сила тяжести прижимает ее к седлу. Конь снижался над языком посадочной площадки, выступающей из белой башни со шпилем. Башня венчала особняк, который возвышался над городом, построенным у горловины «песочных часов». Пегас снизился, и на периметре посадочной площадки Талия увидела небольшую группу встречающих.

Копыта пегаса звякнули о стеклянное покрытие площадки, и пара чиновников мигом бросились к Талии, чтобы помочь сойти. Сила тяжести не превышала одной десятой g , но конь безостановочно махал крыльями,

да так сильно, что при каждом взмахе свистел воздух. Чиновники с наименее модифицированной внешностью рванули прочь с его дороги, едва убедившись, что Талия стоит на ногах.

Навстречу ей двинулся панда, сплошь покрытый короткой черно-белой шерстью. Грузный, а идет на удивление грациозно. Голова огромная, как шлем скафандра, глаза едва видны на фоне черных наглазников. Панда перестал жевать зеленоватый прутик и отдал его чиновнику.

– Добро пожаловать, младший префект Нг! – начал он елейным голосом. – Я мэр Граскоп. Рад приветствовать вас в нашем скромном анклав. Надеюсь, ваш визит окажется полезным и приятным.

Мэр протянул лапу, и ладошка Талии утонула в теплом влажном меху. У мэра Граскопа было шесть пальцев с блестящими черными когтями.

– Спасибо, что прислали коня.

– Он вам понравился? Узнали бы мы о вашем приезде пораньше, вырастили бы что-нибудь уникальное.

– Конь прекрасный, спасибо! Не беспокойтесь, ничего особенного мне не понадобится.

Мэр выпустил руку Талии.

– Насколько мы понимаем, вам нужен доступ к нашему центру голосования.

– Верно. Много времени моя работа не займет. Особых сложностей в ней нет.

– А потом? Вы ведь останетесь оценить наше гостеприимство? Нечасто к нам префекты жалуют.

– Я бы с удовольствием, только сейчас не время.

– На Блισταющем Поясе проблемы? – спросил мэр, наклонив большую голову. – Мы слышали новости, хотя, признаюсь, должного внимания делам Пояса не уделяем.

– Нет, – дипломатично отозвалась Талия, – дело не в проблемах, а в графике, которого я должна придерживаться.

– Но немного-то погостить можно? – не унимался мэр.

Талия заметила острые белые зубы и почувствовала сладкий запах звериной еды.

– Нет, нельзя. В самом деле нельзя.

– Префект, вы просто обязаны остаться. – Граскоп оглядел других встречающих, мол, неужели Талия их расстроит?

В лицах у них еще просматривались человеческие черты, но и с изменениями в зоологическую сторону – например, у кого-то кожу заменял мех, у кого-то чешуя. А какие глаза! Прекрасные светлые омуты.

– Я не просто так упрашиваю. К нам почти никто не заглядывает. Визит представителя власти – вообще редкость. В таких исключительных случаях мы проводим импровизированные соревнования и приглашаем гостя судить. Мы надеялись, что вы поможете определить победителя в турнире воздушных рыцарей...

– Я бы с удовольствием, но...

– Договорились! – торжествующе улыбнулся мэр. – Вы останетесь! – Он захлопал лапами, предвкушая удовольствие. – Ах, как замечательно! Чудесный судья!

– Я не...

– Быстренько решим проблему с центром и займемся главным. Турнир будет великолепный! Готовы лететь за мной? Не любите низкую гравитацию – пришлю вам паланкин.

– Мне и так неплохо, – коротко ответила Талия.

Глава 11

Дрейфус устроился перед консолью, составляя запрос для поисковых турбин. Он искал предварительную информацию о семье Нервал-Лермонтовых. Том чувствовал, что уже слышал о ней, но не мог выудить подробности из перегруженных реестров своей стареющей памяти. Он ввел запрос и даже подумал, не протралить ли себя, как вдруг отсек содрогнулся. Казалось, в анклав началось землетрясение.

Опасаясь худшего, Том поднял манжету, чтобы вызвать помощника. Он еще не произнес имя Спарвера, а консоль сообщила, что в зале турбин серьезное ЧП.

Дрейфус прошел через одежную стену и по каменным лабиринтам пробрался в отсек без центрифуги, в котором находились поисковые турбины. Уже на подступах к отсеку он понял, что случилась катастрофа. Префекты, лаборанты и роботы не бежали, а неслись навстречу. Когда Дрейфус добрался до вакуумного зала, медики уже выносили раненых. Раны были ужасные.

На транспортере Том проехал вглубь огромного зала и оцепенел от увиденного. Вместо четырех поисковых турбин теперь было три. Четвертый цилиндр исчез, остались только фикспункты там, где он еще недавно выступал над внутренней поверхностью камеры. Прозрачный кожух разлетелся на сотни осколков, острых как кинжалы; большинство вонзилось в стены. Дрейфус не представлял, что за сила разорвала броневой прозрачный кожух. Из такого стекловидного вещества корпуса звездолетов делают!

Само устройство, прежде вращавшееся под кожухом, превратилось в пыль, которая покрывала все вокруг слоем в несколько сантиметров и висела в воздухе удушающим сизым смогом. Турбина – и уровневые стеки данных, и неутомимые извлекающие лопасти – перемолола себя в мелкую крупку. Дрейфус вспомнил, что это входило в ее обязанности. В случае захвата резиденции «Доспехов» информация не достанется врагу. Однако самоуничтожиться в ходе нормальной работы турбине не следовало.

Дрейфус пригляделся к другим турбинам. На кожухе ближайшей к уничтоженной турбине появились глубокие трещины. Сама она вращалась, на глазах сбавляя обороты. Две другие также переходили в режим безаварийного отключения, хотя у них кожухи не пострадали.

Медики уже увезли тяжелораненых и занялись лаборантами,

получившими порезы и ушибы от осколков взорвавшейся турбины. Стараясь не мешать, Дрейфус подошел к префекту Траяновой, которая отвечала за архив и считалась образцом компетентности. Том соглашался с этим мнением, но Траянову не любил и знал, что чувство взаимно. Он как-то брал ее в помощницы, но исключил из команды, потому что для полевой службы эта женщина не годилась. Она не простила, и их редкие встречи получались короткими и напряженными.

Тем не менее Дрейфус обрадовался, что Траянова отделалась глубокой ссадиной на щеке. Она прижимала к ссадине рукав – форма выделяла дезинфицирующие и свертывающие вещества. Наушники Траянова опустила на шею, очки подняла на лоб. Сизая пыль припорошила ей одежду и открытые участки кожи.

Траянова наверняка почувствовала красноречивый взгляд Дрейфуса.

– Предвосхищая твой вопрос, скажу: в чем дело, я понятия не имею.

– Я собирался спросить, как ты. В момент взрыва была здесь?

– За четвертым стеклом, самым дальним от взорвавшейся турбины. Я тестировала скоростной поиск.

– И?

– Турбина просто рванула. Вращалась себе, а потом бабах... Без наушников я бы оглохла.

– Тебе повезло.

Траянова ухмыльнулась, убрала рукав от щеки и показала окровавленную манжету.

– Неужели? А по-моему, чертовски не повезло, потому что я оказалась здесь.

– Погибшие есть?

– Вряд ли. Навсегда мы не потеряли никого. – Траянова терла покрасневшие от пыли глаза. – Здесь был полный хаос. Самые страшные раны – от осколков корпуса. Как-никак гипералмаз.

– Это бомба? Seriously, могла бомба вызвать такие повреждения?

– Думаю, не бомба. – Траянова отрицательно покачала головой. – Турбина просто взорвалась. Совершенно внезапно, до взрыва ни шума, ни вспышек не было.

– Турбины работают на критической скорости?

– В этом суть. Мы вращаем их предельно быстро. Стоит чуть замедлиться, ты первый заноешь из-за низкой скорости поиска.

– Могла турбина превысить предел?

– Так не бывает, – отрезала Траянова.

– А как насчет усталостного разрушения?

– Турбины по очереди замедляются и проходят текущий ремонт. Пользователи ничего не замечают, потому что мы перекладываем нагрузку на остальные три турбины. При последнем осмотре ту, что сегодня взорвалась, признали годной.

– Ты уверена?

«Не оспаривай мою компетенцию, и я не буду оспаривать твою», – говорил взгляд Траяновой.

– В противном случае, префект, турбина не работала бы.

– Я должен был спросить. ЧП серьезнейшее. Могло оно случиться из-за некорректной формулировки запроса?

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что за секунду до аварии сам посылал запрос.

– За такой промежуток на турбины поступили миллионы запросов, – ответила Траянова.

– Миллионы? Разве у нас миллионы префектов?

– Большинство запросов сгенерированы механически. Анклав беседует сам с собой, укрепляет свою базу знаний. Турбинам нет разницы, кем сгенерирован запрос, человеком или машиной, – все имеют одинаковую важность.

– Тем не менее боюсь, что дело во мне.

– Запрос не мог вызвать аварию. Это абсурд.

– Возможно. Сейчас я веду важное расследование. Как только пошли подвижки, как только обнаружилась связь с прославленной семьей, как только я стал кому-то опасен, произошла диверсия, лишившая меня основного инструмента расследования.

– Тут что угодно, но не диверсия, – проговорила Траянова.

– Ты совершенно уверена?

– Если ты не в курсе, турбины – сверхнадежная установка на сверхзащищенной территории «Доспехов». В этот отсек входи лишь те, кто имеет допуск «Панголин», и никому, даже верховному префекту, не добраться до замурованных в камень турбин извне. По-моему, с таким уровнем защиты диверсию не устроишь.

– Но шанс был у любого префекта, – заметил Дрейфус. – Особенно у имеющего допуск «Панголин».

– Я рассуждала о том, что считаю теоретически возможным, – сказала Траянова. – На ум приходят миллионы причин атаки на поисковые турбины со стороны врагов. Но чтобы префект, сотрудник «Доспехов»...

– Я тоже теоретические возможности перечисляю. Предатель – не такая уж фантастика.

– Да, пожалуй, – медленно проговорила Траянова, пристально глядя Тому в глаза. – Тем более что в этот самый момент среди нас находится дочь предателя. Ты давно с ней общался?

– С Талией Нг? Она спит и видит, как бы блеснуть на полевом задании. – Дрейфус холодно улыбнулся. – По-моему, здесь делать больше нечего.

– Ну, если ты не хочешь помочь мне с уборкой...

– В этом я целиком полагаюсь на специалистов. Когда оставшиеся турбины заработают на полную мощность?

Траянова оглянулась на уцелевшие цилиндры:

– Турбины нужно тщательно проверить на стрессовые дефекты. Я бы их запустила не раньше чем через тринадцать часов, и то не на полную мощность. Извини, если это тебе неудобно.

– Дело не в том, что неудобно мне. Боюсь, это удобно кому-то другому. – Дрейфус потер глаза: в уголках собрались склизкие комки пыли. – Траянова, держи в голове вариант диверсии. Если что выяснишь, сообщи мне сразу же.

– Не объяснишь, что было в твоём волшебном запросе, вдруг поможет?

– Нервал-Лермонтов.

– Это фамилия, и что?

– Я хотел выяснить, где ее слышал.

В глазах Траяновой читалось холодное презрение.

– Дрейфус, поисковые турбины тут не нужны. На запрос могла ответить и я, и любой другой префект, поверхностно знакомый с историей Йеллоустона.

– И каков был бы ответ? – спросил Дрейфус, игнорируя шпильку.

– Восемьдесят, – произнесла Траянова, словно других объяснений не требовалось.

* * *

Корвет – корабль средней мощности, раза в два больше катера, а оружия на нем раз в восемьдесят больше. По правилам «Доспехов», это самый большой корабль, которым может управлять не пилот-профессионал, а обычный префект. Дрейфус умел водить корвет, но в отсутствие автопилота предпочитал доверять это помощнику.

– Смотреть особо не на что, – предупредил Спарвер. – По сути, необработанная каменная глыба с маяком, который говорит: «Лети отсюда, у меня есть хозяин».

– А именно семья Нервал-Лермонтовых.

– Фамилия по-прежнему кажется знакомой?

– Да, мне помогли ее вспомнить, – ответил Дрейфус, думая о малоприятном разговоре с Траяновой. – Видимо, Нервал-Лермонтовы связаны с Восьмьюдесятью.

– Неужели?

– Да, кое-что вспоминается. В ту пору я был ребенком, но Восемьдесят гремели по всей системе. Нервал-Лермонтовы возмущались больше всех.

– Они кого-то потеряли?

– Кажется, дочь. Она стала чем-то вроде символа Восьмидесяти. Лицо до сих пор перед глазами стоит, а имя на языке вертится...

– Шеф, я тоже домашнее задание сделал. – Спарвер поднял с колен и протянул Дрейфусу компад.

– Прежде чем турбины стали?

– Они не понадобились. Помните дело, которым мы занимались пару лет назад? Речь шла о спорных правах на «карусель», построенную одной из семей. Тогда я скопировал себе кучу материала, связанного с Восьмьюдесятью, в том числе досье всех участников истории.

– И Нервал-Лермонтовых?

– Да вы сами посмотрите.

Дрейфус так и поступил, углубившись в историю Города Бездны. Текст оказался длинный, в тысячи строк, и это было резюме материала, который увеличился бы от десяти до ста раз, если бы Спарвер выбрал другие фильтры. Досье на главные семьи системы получилось исчерпывающим. Дрейфус добрался до Восьмидесяти. Одно имя тотчас бросилось в глаза, хотя минуло пятьдесят пять лет.

– Аврора, – с благоговением произнес он. – Аврора Нервал-Лермонтова. В мясорубку Силвеста она попала совсем молоденькой, двадцатидвухлетней.

– Бедняжка. Неудивительно, что родственники взъярились.

Еще как взъярились, Дрейфус прекрасно это помнил. А кто не взъярился бы? Кэлвин Силвест обещал семидесяти девяти добровольцам настоящее бессмертие. Мол, их мозг просканируют при субнейронном разрешении, а результат загрузят в неуязвимые машины. После переселения в компьютерную реальность трансмигранты Кэлвина не будут статичными копиями, а смогут чувствовать и думать дальше. Получатся

настоящие симулякры альфа-уровня с разумом точь-в-точь как у прототипов из плоти и крови. Единственной загвоздкой было то, что сканирование надлежало проводить с разрушительной быстротой и точностью. От сканируемого разума отдирали кусок за куском, пока не оставалось ничего.

Удайся эксперимент, от загвоздки отмахнулись бы. Какое-то время все шло гладко, но вскоре после сканирования восьмидесятого добровольца – самого Кэлвина Силвеста – посыпались проблемы с первыми участниками. Их модели застывали, становились заложниками патологических циклов, погружались на разную глубину аутистической отрешенности от внешнего мира. Новоиспеченным альфам не хватало какой-то важной детали, оживляющего импульса.

– Спарвер, ты веришь в совпадения?

Гиперсвинья постучал по пульту. Каменная глыба удвоилась, ее сморщенная пепельно-серая поверхность теперь просматривалась яснее. Астероид шириной два с лишним километра формой напоминал картофелину.

– Почему вы об этом спрашиваете?

– Потому что уже задумывался, по какой причине клан Силвестов снова и снова мелькает в нашем расследовании? Вот очередное появление.

– Силвесты как огромный спрут. Рано или поздно натыкаешься на щупальце.

– Значит, тебя это не удивляет?

– Силвесты не занимались благотворительностью. Право участвовать в эксперименте Кэлвина могли купить лишь самые богатые и влиятельные. И лишь самые богатые и влиятельные могут владеть камушком вроде этого. Нервал-Лермонтовы – вот интересующий нас клан, а не Силвесты.

– Нервал-Лермонтовы пытались уничтожить Силвестов, верно?

– Все пытались. Никто не смог. Это система принадлежит Силвестам, а мы в ней только живем.

– А Нервал-Лермонтовы? Со времен эксперимента Восьмидесяти о них ни слуху ни духу, так ведь? Они уже не крупные игроки, в противном случае фамилия вспомнилось бы раньше. Какого черта они влезли в дело Раскин-Сартория?

– Может, их использовали? Если покопаемся, глядишь, и выяснится, что астероид пересылал сигналы неизвестной нам стороны.

Эйфории у Дрейфуса заметно поубавилось. Неужели его хваленая интуиция в этот раз дала осечку? Если нужно, они высадутся и перечитают весь стек вызовов, как сделали на роутере «Аванганд-6». Спарвер не

сомневался, что при необходимости действия можно повторить. Но вдруг повторное отслеживание сигнала окажется сложнее?

Пока Дрейфус размышлял, астероид открыл огонь.

Это случилось совершенно неожиданно – примерный ход событий Дрейфус сумел воссоздать лишь по окончании атаки. Казалось, на астероиде взорвался десяток маломощных мин – град крупных и мелких обломков тысячей молоточков застучал о корпус корвета.

Запищала сигнализация, на дисплеях замелькали отчеты о повреждениях. Потом завывли орудийные установки самого корвета, сообщая о готовности к бою. Спарвер пробурчал что-то нечленораздельное и склонился над пультом, координируя ответные действия.

Но атака еще не началась по-настоящему. Это лишь облупился камень, маскировочный слой толщиной десять-двадцать метров. Обнажившиеся кинетические пушки начали обстреливать корвет. Дрейфус вздрогнул, когда сжалась кабина, но холодный рассудок тотчас напомнил: это корвет старается защитить свой экипаж. За мгновение стены кабины обволокли префекта с ног до головы – получился отформованный по фигуре кокон. Затем корвет отклонился от курса так резко, что при иных обстоятельствах у Дрейфуса рассыпались бы кости. Теряя сознание в плену тесного кокона, Дрейфус надеялся, что корвет и о Спарвере позаботился.

Отклонение от курса спасло корабль. Первый кинетический снаряд мог угодить в носовую часть, где броня наиболее тонка, а так он лишь прочертил длинную борозду на борту, вывел из строя орудийные установки и сенсорные модули. Даже в защитном коконе гул подбитого корвета казался оглушительным. Корабль свернул пару раз, получил еще две раны и лишь тогда начал огрызаться.

Часть орудийных установок пострадала от кинетических снарядов, часть при использовании заставила бы повернуть корвет профилем к неугомонным пушкам, то есть превратить в сверхудобную мишень. Зато он мог отвечать разрушительным огнем высокой плотности. Рев миниганов Дрейфус не услышал, а скорее почувствовал. На корвет снова посыпался каменный град – это миниганы дробили поверхность астероида, и обломки разлетались по сторонам. Потом были четыре толчка подряд – корабль выплевывал торпеды, как косточки. Начиненные металлизированным водородом, они самонаводились и оставляли на поверхности астероида кратеры в сотни метров шириной.

Миниганы возобновили обстрел, но вдруг воцарилась тишина, нарушаемая звоном, когда о корпус ударялись мелкие обломки астероида.

– Остаюсь в режиме полной боеготовности, – сообщил корвет с

обескураживающим спокойствием, словно зачитывал прогноз погоды. – Анализ ситуации показывает, что опасность атакующего элемента понижена до категории гамма. Настоящий анализ может быть недостоверным. Если желаете перевести меня в состояние средней боеготовности, прошу отдать соответствующий приказ.

– Объявляю среднюю боеготовность, – проговорил Дрейфус.

Кокон разжался. Дрейфус чувствовал, что его тело – один сплошной синяк, да еще болела голова. Зато он остался жив и ничего не сломал.

– По-моему, это расследование больше нельзя считать второстепенным, – сказал гиперсвинья.

Дрейфус плюнул кровью: во время атаки он прикусил язык.

– Как наш корвет? – поинтересовался он.

Спарвер глянул на панель состояния.

– Если говорить о плюсах, у нас по-прежнему есть энергия, контроль циркуляции воздуха и маневрирования.

– А если о минусах?

– Датчики уничтожены, дальняя связь пропала. В общем, с домом не связаться, помощь не запросить.

Дрейфуса злила нелепость положения. Они на Блистающем Поясе, в самой гуще человеческой цивилизации, буквально в тысяче километров от ближайшего анклава, а при этом беспомощны, словно в межзвездном пространстве, далеко за пределами системы.

– С кем-то еще связаться можем? – спросил он. – У нас есть сигнальные лазеры. Может, визуальный сигнал привлечет внимание пролетающего корабля?

Спарвер уже попросил навигационный дисплей показать весь космотранспорт в радиусе пяти тысяч километров. Дрейфус сверлил дисплей взглядом, но сферическая отображающая поверхность работала неисправно – из-за серьезных повреждений корвета показывала ложные сигналы.

– Со спасателями негусто, – заметил Спарвер. – По крайней мере, в зоне неавтоматической сигнализации.

Дрейфус ткнул пальцем в устойчивый эхо-сигнал – сканируемую зону медленно пересекал некий объект.

– Вот, он настоящий и, видимо, недалеко. Что это?

– Судя по иконке транспондера, грузовой робот. Наверное, от Глаза Марко летит – там сверхмощные фабрики.

– Он пройдет в трех тысячах километров от нас. Это же рукой подать!

– Пройдет, но не ответит, даже если попадем лазером прямо в него.

По-моему, единственный вариант – плестись домой и надеяться, что никто не собьет.

Раздосадованный Дрейфус кивнул. В воздушных коридорах Блистающего Пояса так тесно, что корабль с неисправными датчиками крайне опасен. Вдвойне опасен корабль, замаскированный почти до невидимости.

– Сколько времени уйдет?

Спарвер закрыл глаза и быстро подсчитал:

– Девяносто минут или чуть меньше.

– Потом еще час, чтобы вернуться сюда на исправном корабле. Дольше, если придется забирать корабль, предназначенный кому-то другому. Слишком долго, – покачал головой Дрейфус. – Интуиция советует не улетать.

– Оставим разведывательный дрон. Один у нас есть.

– Дрон не поможет, если кто-то решит сбежать, едва мы скроемся из вида.

– Думаю, там никого нет.

– Это неизвестно. – Дрейфус выбрался из кокона, чтобы размять спину, гудевшую после костоломных маневров корвета. – Поэтому и нужно проверить. Если найдем передатчик, вызовем серьезную подмогу.

* * *

Талия поправила примявшийся воротничок, собрала инструменты и, пока шлюз наполнялся воздухом, постаралась успокоиться. Плечи расправлены, подбородок поднят, глаза блестят. Она устала, ее расстроило увиденное пару часов назад, но служба есть служба. Местные не знают и не хотят знать, что для Талии их анклав – последний этап тяжелого задания, последняя преграда, отделяющая от сна, отдыха и скупой благодарности старших префектов. Впрочем, она сильно опережает предварительный график и, если все пройдет нормально, вернется в анклав «Доспехов» через полтора дня после отлета.

В Самбуковой Шевелюре никаких проблем не возникло, но ее задержали, заставив судить импровизированный турнир. Неприятное и утомительное мероприятие оказалось чем-то средним между конкурсом красоты и гладиаторскими боями, все участники были биомодифицированными, с клыками и когтями. Талию заверили, что

большинство растерзанных, окровавленных и опозоренных приведут в нормальный вид, но сурдейство оставило мерзкий осадок: ее использовали.

В Шлюмпере Ониле было даже хуже, но по иной причине. Шлюмпер Онил – анклав с добровольной тиранией, которая стала уродливой, а изменить ситуацию не представлялось возможным.

Добровольная тирания не оставляет гражданам никаких прав и свобод. У них нет средств волеизъявления, кроме стандартных форм голосования. Вся их жизнь проходит под авторитарным контролем режима, господствующего в том или ином анклаве. Как правило, им гарантируется удовлетворение насущных потребностей – еда, вода, обогрев, минимальное медицинское обслуживание, место для ночлега, даже секс и примитивные развлечения. Взамен следует работать, точнее, ежедневно выполнять определенные действия, какими бы нудными и бессмысленными они ни были. Граждан лишают всего личного, заставляют одинаково одеваться, а самые радикальные тирании требуют делать пластические операции, нивелируя внешность.

Некоторым – малой, хотя и не ничтожной по численности части населения Блистающего Пояса – жизнь при добровольной тирании кажется извращенно расслабляющей, потому что позволяет выбросить из головы уйму тревог, связанных с властью и подчинением. Их направляют и опекают. Это все равно что впасть в детство, на лифте физической взрослости опуститься в подвалы полной зависимости.

Но порой добровольная тирания принимает извращенные формы.

Неизвестно, что провоцирует перемену косного благоденствия в сущий кошмар, но происходит это часто и кажется неминуемым, как распад неустойчивого изотопа. Безмолвная серая безликость загнивает. Ропщущих сгоняют в одно место и наказывают. «Доспехи» не имеют возможности вмешиваться, пока не получают соответствующего мандата от большинства граждан Блистающего Пояса или пока тирания не лишает своих «подопечных» права голоса и доступа к абстракции.

Шлюмпер Онил наглядно показывал, как плачевно все может закончиться.

Представители внутренней администрации проводили Талию к центру голосования, очень стараясь отгородить ее от простого народа. Но она увидела достаточно, чтобы получить представление. Пока Талия готовила анализаторы, старик прорвался сквозь кордон и бросился к ней. Он упал на колени, стиснув штанины Талии заскорузлыми от артрита пальцами.

– Префект, вы должны нам помочь! – прошамкал он беззубым ртом. – Прошу вас, помогите, пока еще не поздно.

– Извините... – Талия была настолько потрясена, что едва могла говорить. – Я хотела бы, но...

– Пожалуйста, помогите нам!

Подоспевшие полицейские выстрелили в старика электрострелами и поволокли прочь от Талии. Тело несчастного так и пульсировало от тока. Говорить он не мог, но смотрел на префекта, и этот взгляд был полон мольбы. Кордон загородил несчастного, но Талия углядела, как тщедушного старика лупцуют кулаками и дубинками.

Талия обновила программы, стараясь не думать об инциденте. Она надеялась, что последняя установка пройдет глаже. Поскорее бы вернуться в анклав «Доспехов» и стереть с губ привкус соучастия. Хорошо, что напоследок остался Дом Обюссонов. Этот этап обещал стать самым легким и необременительным.

Анклав имел форму полого цилиндра, который медленно вращался вокруг продольной оси, чтобы обеспечить гравитацию. Страхивая сонливость после нудного перелета, Талия увидела бледно-зеленую колбасу длиной шестьдесят километров и чуть более восьми шириной, исполосованную рядами окон, которые блестили, когда на них падал свет солнца. На ближнем конце трудился сложный механизм – стабилизированный стыковочный агрегат. Рядом с этим исполином корабли казались микроскопическими.

Слабость гравитации чувствовалась, даже когда Талия пристыковала катер и прошла через несколько вращающихся шлюзов. Она думала, что попадет в битком набитый вестибюль, а оказалась в зале дипломатических делегаций. Шарообразный зал с нулевой гравитацией был выложен бледно-розовым мрамором с монохромным фризом и картинками, посвященными началу освоения космоса. Талия смотрела на людей в пузырящихся скафандрах из ткани, похожей на полотно; на шаттлы для рейсов между орбитой и планетой, похожие на пучки бенгальских огней; на космические станции, такие хлипкие, что могли развалиться от первого порыва солнечного ветра. «Смешно, – подумала она, – ага, умора».

Но если бы не было этих полотняных скафандров, бенгальских огней и станций-шалашей, не парить бы сейчас Талии Нг, младшему префекту «Доспехов», в мраморном зале на борту анклава длиной шестьдесят километров. Дом Обюссонов, один из десяти тысяч пристанищ для сотен миллионов душ, вращается вокруг заселенной планеты, на которой стоит самый прекрасный город в истории человечества; вокруг планеты, которая вращается вокруг солнца совершенно другой системы. Эта система – торговый и культурный центр цивилизации, состоящей из множества таких

планет, множества звезд, связанных чудо-кораблями, которые пересекают межзвездный мрак за считанные годы.

«Таким видели будущее, – думала Талия. – Так представляли волшебный, дивный век».

А она смеет чувствовать усталость!

В центре зала парил серворобот, механическая сова из чеканной бронзы. Сова расправила крылья, с механическим щелчком распахнула клюв и заговорила писклявым голосом доисторического робота:

– Добро пожаловать, младший префект Талия Нг! Я Чудо-Птица. Приветствую вас в Доме Обюссонов. На посадочной площадке с половинной гравитацией вас ждет группа встречающих. Прошу следовать за мной.

– Группа встречающих, – сквозь зубы процедила Талия. – Вот счастье!

Вслед за бронзовой птицей Талия попала в лифт, отделанный полированным тиком и ямчатым бордовым плюшем с кремовым японским орнаментом, но без единого окна. Разворот – и сова вцепилась когтями в крюки на стене, которая, вероятно, должна была стать потолком. Зажужжали зубчатые колеса – сова повернула голову.

– Сейчас поедем вниз, гравитация увеличится. Пожалуйста, сядьте и пристегнитесь.

Талия устроилась на раскладном сиденье, зажав цилиндр между коленями. Из-за большого ускорения кровь устремилась в макушку.

– Мы снижаемся, – сообщила птица. – Ехать довольно далеко. Хотите посмотреть в окно?

– Да, если это не очень сложно устроить.

Панель напротив стала прозрачной – теперь Талия смотрела вниз и видела всю шестидесятикилометровую протяженность Дома Обюссонов. По внутренней поверхности от «полюса» лифт повез ее к стыку полусферической оконечности с торцом цилиндра. Траектория лифта выполаживалась, хотя кабина оставалась под тем же углом к продольной оси анклава. Вроде бы и долго едет, а до поверхности по-прежнему четыре километра, с такой высоты все кажется игрушечным. Безликую белую гладь – плавленый реголит, добытый на Глазе Марко, – местами прерывали громоздкие, в стиле ар-деко, устройства контроля окружающей среды.

Если не считать выпуклых «полюсов», всю внутреннюю поверхность анклава благоустроили. В шестидесяти километрах от лифта воздушная дымка растворяла цвета и детали в мерцающей голубизне, не отличимой от неба или океана. Ближе, примерно посередине цилиндра, сеткой и завитушками – точь-в-точь отпечатки пальцев на глине – виднелись

признаки цивилизации. Вместо мегаполисов малые города и деревушки – они теснились меж густой зелени, изгибались на берегах искусственных морей, озер, рек и ручьев. Там были холмы, долины, скалы и водопады. И клубы тумана, расцвеченные радугой. И низкие облака, словно приклеенные к холмам. Еще ближе Талия разглядела не просто признаки цивилизации, а отдельные здания, причалы, площади, сады, парки, спортплощадки. Лишь у немногих зданий высота превышала сто метров, словно строители боялись нарушить бескрайнюю голубую пустоту, доминировавшую в анклав. Внутренних источников света не усматривалось, зато со снижающегося пункта наблюдения Талия без труда заметила ряды окон, которые уже видела снаружи. Теперь на длинную часть анклава она глядела сверху вниз, и окна превратились в темные концентрические кольца. Талия насчитала более десяти, пока они не слились из-за дымки и изменившегося ракурса. В каждую из девяноста девяти минут движения по орбите Дом Обюссонов мог оказаться в тени Йеллоутона, только анклав почти наверняка пользовался двадцатичасовым суточным циклом Города Бездны. Чувствительные зеркала, расположенные выше и ниже плоскости эклиптики Блестящего Пояса, направят свет на полосы окон, даже когда Дом Обюссонов будет заслонен от солнца Эпсилон Эридана.

– Мы почти на месте, – объявила металлическая сова, когда за окном замелькала посадочная площадка.

Дверца открылась, Талия вышла из кабины. Из-за половинной гравитации ноги так и пружинили. На площадке спиной к окнам выстроилась разномастная делегация, всего двенадцать человек, мужчины и женщины в гражданском. Талия беспомощно озиралась, не зная, к кому обратиться. Вперед выступила полная женщина с румяными щеками.

– Здравствуйте, префект! – Голос у нее дрожал, слово она не привыкла говорить прилюдно. – Добро пожаловать в наш дом. Мы встретили бы вас на стыковочном узле, да успели отвыкнуть от невесомости.

Талия поставила цилиндр на пол.

– Ничего страшного, я человек самостоятельный.

– Чудо-Птица сообщила вам все, что нужно? – поинтересовался долговязый сутулый мужчина.

– Она ваша?

– О да, – с улыбкой ответил мужчина.

Он поднял руку и согнул в локте. Сова вылетела из лифта, пронеслась мимо Талии и спикировала мужчине на рукав.

– Я птица чудесная! – похвасталась сова.

– У меня хобби такое, – проговорил мужчина, поглаживая членистую шею Чудо-Птицы. – Мастерю механическую живность, используя лишь технологии, доступные докэлвинистам. Отвлекает от улицы, как говорит моя жена.

– Замечательное хобби, – отозвалась Талия.

– Хотели привлечь одного из роботов Бакома, пока не вспомнили, чем закончилась последняя поломка. Так Чудо-Птица и стала первой по списку.

– По какому еще списку? – Талия пригляделась к странноватой компании. Вроде бы все чистые-аккуратные, одеты хорошо, в меру ярко, ухожены, держатся с достоинством, но... слишком разные. Словно цирковая труппа, а не гражданская делегация. – Кто вы?

– Встречающие, – ответила полная женщина.

– Это мне сова сказала.

Вперед выступил еще один мужчина, в обтягивающем пепельно-сером костюме. Вокруг рта глубокие морщины, жесткие седые волосы коротко пострижены – мужчина сложил замком длинные пальцы и заговорил низким, успокаивающим голосом, заставившим Талию подумать о темном суковатом дереве, отполированном руками нескольких поколений:

– Пожалуй, стоит объяснить. В Доме Обюссонов эгалитаризм проявляется, как ни в одном другом анклав Блισταющего Пояса. Мало кто применяет истинно демархистские принципы в собственном жилище, но в Доме Обюссонов получилось именно так. Вы небось ждали официального приема и высокопоставленных чиновников?

– Возможно, – признала Талия.

– В Доме Обюссонов высокопоставленных чиновников нет. Управляет анклавом коллективная воля. Благодаря демократической анархии политическая власть разделена между всеми гражданами. Вы спросили, кто мы, и я представляюсь первым. Жюль Келлибо, ландшафтный архитектор, недавно занимался перепланировкой ботанических садов в квартале, примыкающем к зеленому театру в Валлотоне, поселении между пятым и шестым окном. – Келлибо показал на полную женщину, говорившую первой.

– А я вообще никто, – гордо, чуть ли не с вызовом заявила та. Недавняя нервозность исчезла бесследно. – О Жюле у нас некоторые слышали, а меня знать никто не знает. Я Пола Тори. Держу бабочек. Ни красивыми, ни редкими их не назовешь.

– Здравствуйте! – сказала Талия.

Пола Тори подтолкнула создателя совы.

– Ну, давай! Ты же спишь и видишь, как бы ей представиться.

– Я Бродерик Катбертсон. Мастерю механических животных. У меня такое...

– ...хобби, – с улыбкой досказала Талия. – Вы уже объяснили.

– В Доме Обюссонов есть субкультура роботов-строителей. Настоящих роботов-строителей. Исключительно докэлвинистских. Иначе это обман.

– Да, понимаю.

– Мэриэл Редон, – представилась хрупкая девушка, неуверенно поднимая руку. – Я делаю деревянную мебель.

– Сайрус Парнасс, – назвался еще один мужчина, тучный, краснолицый, картавящий, эдакий крестьянин из Средневековья. – Я хранитель Музея кибернетики.

– Я думала, Музей кибернетики в Доме Силвестов.

– Наш не такой большой, не пафосно-примитивный, но мы его любим.

Один за другим представились остальные встречающие. Словно повинувшись коллективному решению, принятому незаметно для Талии, все снова посмотрели на Жюля Келлибо.

– Мы здесь оказались неожиданно для себя, – объяснил тот. – Когда пришло известие, что к нам летит префект «Доспехов», центр голосования перетасовал имена восьмисот граждан и выбрал двенадцать. Нет, получилось чуть сложнее. Наши кандидатуры представили на суд избирателей, чтобы те решили, годимся ли мы. Большинство проголосовало за нас. Лишь один кандидат набрал слишком много голосов против, и центр его не пропустил. Видимо, какой-то ловелас – нажил себе врагов и упустил единственный шанс прославиться.

– Тоже мне слава, – буркнул хранитель музея Парнасс. – Через пару часов девушка отсюда улетит, а мы вернемся в заслуженную безвестность. Надеюсь, обойдемся без неприятных сюрпризов. Если собираетесь наложить блокировку, то нас не предупреждали.

– О таком не предупреждают, – сухо проговорила Талия, которой не понравилось ворчание Парнасса. – Впрочем, это не блокировка, а текущее обновление программ центра голосования. Гордитесь вы участием в церемонии или нет, я за встречу благодарна. – Талия подняла цилиндр: здесь, при половинной гравитации, он такой легкий! – Пусть кто-нибудь проводит меня к центру, хотя, если это несложно, я могу найти его сама. Желающим не возбраняется присутствовать при установке программ.

– Сразу пойдете к центру голосования? – спросил Жюль Келлибо. – Или сперва выпьете чаю, подкрепитесь, погуляете по садам?

– Нетрудно догадаться, чьи это сады, – хихикнул кто-то.

Талия подняла руку: спокойно!

– Спасибо за предложение, но мое начальство не обрадуется, если я задержусь.

– К центру мы доберемся минут за двадцать, – пообещал Жюль Келлибо. – Он сразу за второй полосой окон. Его и отсюда видать.

– Неужели?

Талия думала, что центр расположен под поверхностью земли, словно имплантат под кожей.

– Позвольте, я покажу. Новое место очень элегантно, хотя это, конечно, на мой вкус.

– На вкус и цвет товарищей нет, – чуть слышно буркнул Парнасс.

Талию подвели к окну. Последние два километра траектория движения лифта изгибалась вниз, навстречу основному цилиндру. Ландшафтный архитектор Келлибо встал рядом с Талией и показал на середину цилиндра.

– Видите первую и вторую полосу окон? – шепотом спросил он. – Теперь внимательно смотрим на белый мост, пересекающий вторую полосу неподалеку от почковидного озера. Провожаем взглядом линию моста до кольца строений вокруг высокого ствола, оно в паре километров.

– Вижу, – кивнула Талия.

Ствол находился прямо перед ней и соответствовал местной вертикали настолько, что совпадение исключалось, особенно если учесть трехсотшестидесятиградусную кривизну анклава. Вероятно, ради центра голосования ее и привезли вниз на этом лифте.

– Ничего вам не напоминает? – спросил Келлибо.

– Не знаю. Разве что молоко, капающее в молоко. Кольцо стволов с шаром наверху у каждого, а в центре еще один высокий...

– Так и есть, – кивнул Парнасс. – Идеальное изображение физического момента. Там изначально был Музей кибернетики. Потом Комитет по гражданскому проектированию решил, что для центра голосования необходим огромный ствол с шаром наверху. Разумеется, чистота исходного замысла была нарушена. Как ни старайся, и центрального ствола с шаром, и кольца стволов одной струей не создашь.

– Зачем потребовалось перемещать центр голосования?

– Так ведь не требовалось! – ответил Парнасс, не дав другим и рта открыть. – Центр чудесно работал на старом месте, никому не видный и не слышный. Но Комитет по гражданскому проектированию решил, что нужно воспеть нашу приверженность истинным демархистским принципам и сделать центр голосования видимым с любой точки анклава.

– Большинству новшество понравилось, – заметил Келлибо с

натянутой улыбкой.

– Ты так говоришь, потому что ради нового ствола уничтожили старый сад, – заявил Парнасс, явно не собиравшийся уступить. – Тот, который разбил твой конкурент. Если бы ты работал в музее, то рассуждал бы совершенно иначе.

Талия прочистила горло: самым разумным казалось сохранить нейтралитет. Перемещение центра голосования – случай исключительный, но «Доспехи» наверняка были уведомлены. Если бы нашлись технические противопоказания, центр остался бы нетронутым.

– Не знаю, кто прав, но мне нужно подойти к самому центру, – проговорила она.

– Добираться туда недолго. – Келлибо развернулся и показал на открытые дверцы лифта. – Помочь вам с инструментами? На поверхности анклава они потяжелеют.

– Я сама, – отозвалась Талия.

Чудо-Птица раскрыла металлический клюв, разразилась хриплой трелью и порхнула к лифту.

Глава 12

Вопреки результатам сканирования, Дрейфус, затаив дыхание, ждал атаки. Датчики корвета исследовали обстрелянную поверхность астероида и активного оружия не обнаружили, однако префект полагал, что пушки зарыты на другом полушарии. Те же сканы показали вероятное место входа – шлюз, ведущий к подповерхностной выемке, – но не дали четкого ответа относительно глубины и протяженности тоннелей. Сейчас буквально пара метров пустоты отделяла надфюзеляжный шлюз корвета от входа в тоннели.

– Я могу пойти один, – предложил Дрейфус, готовый шагнуть в скафандростену. – Обоим туда необязательно.

– Не желаю сторожить корвет, пока вы там развлекаетесь, – возразил Спарвер.

– Ладно, – кивнул Дрейфус. – Договоримся так: если на астероиде с одним из нас что-то случится – неважно, кто пострадает, ты или я, – другой поскорее выбирается отсюда и считает своим долгом предупредить «Доспехи». Что бы здесь ни творилось, это важнее жизни одного префекта.

– Задача ясна, – отозвался Спарвер. – До встречи на другой стороне.

Дрейфус прошел сквозь серую толщу. Как всегда, было немного щекотно, пока материя стены образовывала скафандр вокруг его тела. Он обернулся и увидел Спарвера: скафандр гиперсвиньи слился с внешней поверхностью стены и пробился наружу. На миг скафандр расплылся, потом снова стал четким.

Префекты осмотрели скафандры, убедились, что способны переговариваться, и повернулись к шлюзу, ведущему в скалу. Дрейфуса не удивляло ничего, кроме самого существования шлюза. Стандартный, построенный из инертного вещества, он был спрятан у опоры одной из пушек. Тоннель вглубь астероида пробурили, когда еще пушки не стреляли.

Переходить на ручное управление не было резона: шлюз исправно снабжался энергией и действовал. Внешняя дверь легко открылась, приглашая Дрейфуса со Спарвером в воздухообменный отсек.

– С другой стороны давление, – проговорил Спарвер, показывая на стандартный датчик на противоположной двери. – Вряд ли внутри кто-то есть, хотя не исключено, так что распахивать эту дверь настежь нельзя.

Дрейфусу и так забот хватало, но со Спарвером он согласился. Прежде чем двинуться дальше, наружную дверь нужно заблокировать.

– Закрой наружную дверь, – велел он.

Когда шлюз повысил давление, скафандр Тома попробовал воздух и сообщил, что он холодный, но в принципе пригоден для дыхания. Дрейфус надеялся, что дышать им не потребуется.

– Будь начеку, Спарв, мы идем дальше.

Прежде чем отдалиться от внутренней двери, Дрейфус подождал и убедился, что она заблокировалась. Стандартные правила пользования шлюзами требуют защищаться от вакуума, – если никто не входит и не выходит, наружную и внутреннюю дверь следует держать закрытыми.

– Ни черта не вижу! – посетовал Том, зная, что у Спарвера зрение не лучше. – Включаю нашлемный фонарь. Через пару секунд узнаем, стоило ли.

– Жду не дождусь.

Фонарь осветил складское помещение для инструментов и запчастей. Дрейфус рассмотрел горнопроходческий комбайн, запчасти для шлюза и пару поношенных скафандров докэлвинистской модели.

– Как по-вашему, давно здесь валяется эта рухлядь? – поинтересовался Спарвер, включив свой фонарь.

– Может, десять лет, может, двести, – ответил Дрейфус. – Трудно определить.

– На законсервированном объекте давление не поддерживают. Пустая трата воздуха и энергии.

– Согласен. Видишь здесь что-нибудь похожее на передатчик?

– Увы, нет. – Спарвер качнул головой, и его фонарь осветил дальнюю стену. – Зато, если не ошибаюсь, там дверь. Нет желания глянуть, что за ней?

– Не сказал бы, что у нас уйма других вариантов.

Дрейфус оттолкнулся от стены и поплыл к дальней двери, Спарвер следом. Рано или поздно гравитация астероида притянет к полу, только ждать Дрейфус не мог. За дверью начинался узкий тоннель с перилами и гибкими поручнями. Когда сопротивление воздуха стало мешать, Дрейфус схватился за поручень и потащил себя дальше. Тоннель звал вперед, точнее, вглубь, в самое сердце астероида. «Может, тоннель здесь с незапамятных времен, – думал Том. – Может, его прорыли угонщики, а потом кто-то случайно нашел и решил использовать». Впрочем, горнопроходческое оборудование, которое они видели, не напоминало убогие допотопные инструменты угонщиков. Об этом размышлял Том, когда впереди замаячил конец тоннеля.

– Я останавливаюсь. Прикрой сзади.

Дрейфус дополз до конца, развернулся на сто восемьдесят градусов и опустил ноги на пол тоннеля. При минимальной гравитации астероида верх и низ особого значения не имели, но инстинкт вынуждал ориентироваться.

Том озираясь, поджидая Спарвера. Они добрались до пересечения с другим тоннелем, который шел перпендикулярно первому и плавно изгибался, – в свете наשלменных фонарей особо не рассмотришь. К ржаво-коричневым стенам, обложенным сегментированными панелями, крепились трубы и толстые пучки проводов. То и дело панели прерывались устройством, таким же ржавым и допотопным, как и весь тоннель.

– Слишком мало видно, даже карту не составишь, – посетовал Дрейфус. – Какие выводы?

– Если честно, никаких.

– Судя по кривизне, тоннель может быть кольцом, проходящим через центр астероида. Нужно выяснить, зачем оно здесь.

– А если заблудимся?

С помощью скафандра Дрейфус начертил блестящий крест на стене.

– Не заблудимся. Если тоннель кольцевой, мы поймем, что уже были здесь, даже если инерционные компасы выйдут из строя.

– Тогда я совершенно спокоен.

– Отлично. Смотри, может, найдешь чем послать сигнал «Доспехам».

Дрейфус двинулся вдоль ржавых стен тоннеля. В свете фонаря Спарвера его тень отважно ползла впереди. Том сверился с инерционной картой, которую скафандр вывел чуть ниже основного визора.

– У вас есть предположения относительно того, зачем семье Нервал-Лермонтовых это место? – спросил гиперсвинья. – Лично мне дело уже кажется серьезнее обычного соперничества анклавов.

– Дело и впрямь серьезнее. Мне вот интересно, не замешаны ли тут Силвесты.

– Можно заглянуть к ним, когда закончим здесь.

– Многого не добьемся. Во главе семьи сейчас опекуны бета-уровня. Кэлвин Силвест погиб, его сын за пределами системы. По моим последним данным, в ближайшие десять-пятнадцать лет возвращаться он не намерен.

– Тем не менее участие Силвестов вы не исключаете.

– Я всей душой за совпадения, Спарв, и согласен, что у Силвестов длинные руки. Но с тех пор как в расследовании нарисовались Восемьдесят, чудится мне, что случайностей тут нет.

– По-вашему, Нервал-Лермонтовы еще не вымерли? – после паузы спросил Спарвер.

– Сюда недавно заглядывали. В давно заброшенных местах особое

ощущение, а здесь у меня такого не возникает.

– А я надеялся, что его нет только у меня, – проговорил Спарвер.

– Тем больше причин исследовать тоннель, – решительно заявил Дрейфус.

По правде, в тоннель его совершенно не тянуло. Нежелание Спарвера тоже чувствовалось. Вернуться бы на корвет и ждать подкрепления, когда бы оно ни прибыло.

Пройдя метров двести по изгибающемуся тоннелю, Спарвер остановился у висящего на стене устройства. Для Дрейфуса оно не отличалось от уймы других ржавых устройств, мимо которых они прошли, но Спарвер уделил этому узлу особое внимание.

– Что-то полезное? – спросил Дрейфус.

Спарвер отодвинул панель, обнажив плату с пазами и тактильными рычагами.

– Это пульт врезки, – пояснил он. – Гарантий нет, но, если он подсоединен к внутренней сети, я доберусь до передатчика и, возможно, установлю двухстороннюю связь с «Доспехами».

– Сколько времени это займет?

Скафандр гиперсвиньи создал стандартный набор инструментов. Спарвер порылся в нем и вытащил блестящую прядь кабеля с универсальным переходником из супервещества на конце.

– Через пару минут станет ясно, – сказал он. – Если ничего не получится, двинемся дальше.

– Сделай, что можешь. Я вернусь минут через пять-десять.

Спарвер аж глаза вытаращил:

– Нужно держаться вместе.

– Я просто гляну, что там дальше. Будем на связи.

Дрейфус оставил Спарвера колдовать над пультом, возиться с адаптерами и бобинами разноцветного кабеля, оптоволоконного и электрического. Он не сомневался: если существует способ связаться с «Доспехами», Спарвер его разыщет. Только ждать Том не мог. Вполне вероятно, где-то в глубине астероида некий злоумышленник уничтожает улики или готовит побег на спрятанном корабле или в капсуле.

Когда Дрейфус обернулся, Спарвер уже исчез за поворотом тоннеля.

– Как дела? – спросил он через межскафандровый коммуникатор.

– Идут понемногу. Задача вполне решается. Протоколы древние, но с такими я уже сталкивался.

– Отлично. Будь на связи. Я иду дальше.

Дрейфус пробрался сквозь узкое место, прижимая локти к груди,

чтобы не удариться о выступ. Он снова обернулся, однако на сей раз не увидел и слабого отблеска нашлемного фонаря Спарвера. Казалось, их разделяют километры, а не сотни метров, как было на самом деле.

Внезапно раздался звон, громкий, металлический, словно ударили в колокол. У Дрейфуса засосало под ложечкой. Что случилось, он понял прежде, чем его сознание обработало информацию. В узком месте тоннеля выросла металлическая стена. Перегородка, часть системы шлюза, отсекала его от Спарвера.

Том повернулся к перегородке, ощупал ее края, надеясь найти щиток ручного управления. Бесполезно! Перегородку заблокировала автоматическая система.

– Спарвер!

– Слышу вас, но слабо, – прерывистым металлическим голосом ответил гиперсвинья. – Что случилось?

– Я в капкане, – смущенно проговорил Дрейфус. – Перегородка упала и не хочет подниматься.

– Никуда не уходите. Попробую поднять ее со своей стороны.

– С этим повременим. Раз составили план, нужно его выполнить, даже если мне придется сидеть здесь, пока не подоспеет помощь. В крайнем случае вскрою перегородку хлыстом-ищейкой, если, конечно, она не содержит активного супервещества. Пока двинусь вкруговую – может, подойду к тебе с другой стороны.

– Только больше не попадайте в капканы.

– Постараюсь.

– И берегите воздух, – мягко посоветовал Спарвер. – Скафандры этого типа для рециркуляции не приспособлены. Шеф, у вас двадцать шесть часов.

– Это на двадцать четыре часа больше, чем я планирую здесь провести.

– Просто нужно ко всему подготовиться. Я-то вернусь на корвет, а вам, возможно, не удастся.

– Согласен, – отозвался Дрейфус.

Скафандр по-прежнему убеждал, что воздух в тоннеле пригоден для дыхания. Много ли Дрейфус потеряет, если поверит? Ровным счетом ничего. Том снял шлем. Скафандр был создан монолитным, но на знакомые детали разделился легко.

Дрейфус наполнил легкие холодным воздухом. Организм мгновенно к нему приспособился, и Том решил, что газовая смесь вполне нормальная, небольшой спертости он ожидал.

– Спарв, я дышу местным воздухом. Вреда пока нет.

– Чудесно. Мне осталось внушить этой системе, что я законный пользователь. Тогда выйдем на горячую линию «Доспехов». Пока я связываюсь с домом, межскафандровый коммуникатор отключу. Для такой операции его нужно переформатировать.

– Делай все, что требуется.

Дрейфус прижимал шлем к поясу, пока между ними не образовалось крепление-зубец. Метров через сто тоннель раздвоился: основная часть, по которой шел Том, бежала вперед, но теперь появилась еще одна, направлявшаяся перпендикулярно ей к центру астероида.

– Спарвер, план немного меняется. Пока я не расходую воздух скафандра, хочу исследовать ответвление, которое только что увидел. Помоему, оно уходит глубже основного тоннеля и ведет к тому, что скрыто на астероиде.

– Будьте осторожны.

– Само собой.

Ответвление оказалось намного короче основного тоннеля, по которому префекты спустились от поверхности. Метров через тридцать впереди замаячила стена. Раздираемый осторожностью и любопытством, Дрейфус пробирался вперед, пока не попал в полукруглый зал с тяжелыми стеклянными фацетами. Нашлемный фонарь высвечивал сборные и сварные перегородки между ними. В окна стучался мрак непрогляднее тоннельного, словно раскурочили самое сердце астероида.

«Пустая, совершенно пустая оболочка», – сказал себе изумленный и растерянный Дрейфус.

Полукруглый зал был не просто смотровой площадкой. Один из фацетов оказался не стеклянным, а из полированного серебра, рядом с ним обнаружилась простая панель управления с древними тактильными переключателями. Дрейфус приблизился к панели и изучил ее.

Грубые переключатели предназначались для оператора в скафандре с толстыми перчатками. Большинство сопровождалось надписями старомодным каназианским шрифтом. В сокращениях Дрейфус не разобрался, но заметил переключатель, маркированный стилизованным солнцем.

Дрейфус потянулся к переключателю, который поначалу не двигался. «Заело», – с досадой подумал префект. Тут переключатель громко лязгнул и повернулся. Сквозь бронестекло хлынул свет.

Том понял, что ошибся. Выдолбленный астероид Нервал-Лермонтовых не пустовал.

В нем прятали корабль.

– Я нашел кое-что интересное, – сказал Том Спарверу.

* * *

– Не пойму одного: за счет чего вы живете, – сказала Талия, когда поезд перевез всю компанию через первую полосу окон Дома Обюссонов. – Не обижайтесь, но я переговорила почти с каждым из вас и сильно озадачена. Вы представительная часть общества, раз выбраны в группу встречающих, но никто из вас не занимается работой, востребованной за пределами Дома Обюссонов. Одна разводит бабочек, другой разбивает сады, третий забавы ради мастерит механических животных.

– Хобби законом не запрещены, – напомнила Пола Тори, дородная любительница бабочек.

– Согласна целиком и полностью. Только хобби не оплатят содержания анклава шестидесяти километров длиной.

– На нижнем полюсе у нас производственный комплекс, – сообщил Келлибо. – Раньше там строили корабли. Изящные, с мономолекулярными корпусами из рубина и изумруда. На полную мощность комплекс не работает уже несколько десятилетий, хотя мелкие анклавы порой заказывают нам узлы и запчасти. В плане эффективности и экономии нам далеко до крупных предприятий Глаза Марко, хотя мы ничего не поднимаем из гравитационного колодца и не платим Блистающему Поясу ввозную пошлину. Это решает наши финансовые проблемы.

– Часть решает, а часть нет, верно? – спросила Талия.

– Мы голосуем, – проговорила Тори.

– Все голосуют, – парировала Талия. – Все, кроме служащих «Доспехов».

– Не все голосуют так, как мы. Тут принципиальная разница. В нашем анклаве восемьсот тысяч жителей, и каждый относится к своему избирательному праву очень и очень серьезно.

– Но ведь еда на тарелках от этого не появится.

– Появится, если голосовать часто и с умом. – Тори пристально смотрела на Талию, а поезд мчался мимо строений, обтекаемой формой и пастельным окрасом напоминающих зефир. – Полагаю, вы, префект «Доспехов», достаточно хорошо знакомы с практикой оценки голосов.

– Если не ошибаюсь, она допускается при определенных

обстоятельствах.

– Если не ошибаетесь? – удивленно переспросила Тори. – Разве в таких вопросах вам не полагается быть экспертом?

– Спросите меня о софте или о защите системы голосования – и я займу вас на несколько часов, а обработка голосов – другая тема. Она вне моей компетенции. – Цилиндр с инструментами Талия придерживала коленями, накрыв сложенными замком пальцами. – Расскажите, как голоса обрабатываются в Доме Обюссонов.

– Общеизвестно, что центр голосования фиксирует каждый голос, поданный в любом уголке Блισταющего Пояса, – проговорила Тори. – Это как минимум миллион ежесекундных записей за двести лет. Мало кто знает, что порой система обращается к старым записям и изучает сценарии, которые привели к тому или иному результату. Допустим, на Поясе состоялось важное голосование, касающееся каждого. Допустим, существовала угроза и в ответ на нее предлагался комплекс мер от упреждающего удара до полного бездействия. Допустим, большинство населения проголосовало определенным образом. А теперь допустим, голосование вылилось в конкретные действия, в итоге оказавшиеся ошибочными. Центр способен выявлять подобные демократические ошибки. Еще на основе имеющихся данных он может выяснить, кто голосовал иначе. Другим словами, кто принял верное решение, притом что большинство ошиблось.

Талия кивнула: в свое время она об этом читала, но потом эту информацию заслонила более насущная.

– Центр выявляет проголосовавших правильно и всем их будущим голосам придает особую ценность.

– В теории именно так, а на практике куда сложнее. Система постоянно следит за проницательными избирателями и корректирует их ценность. Если они продолжают голосовать мудро, их ценность сохраняется, а то и возрастает. Если же налицо неблагоприятная тенденция, ценность понижается до стандартного значения.

– Почему бы попросту не лишать неблагоприятных избирательного права?

– Это уже не демократия, – ответила Тори. – Шанс исправиться должен быть у каждого.

– Как это влияет на Дом Обюссонов?

– Наши граждане имеют высокую избирательную ценность, куда выше средней по Блισταющему Поясу. Это не каприз статистики, а результат кропотливого труда. У меня индекс ценности одна целая девять десятых, то

есть каждый мой голос фактически равен двум. Я как два избирателя, голосующих синхронно. Одна целая девять десятых – индекс высокий, но пятьдесят четыре жителя Дома Обюссонов имеют индекс под три. Их пронизательность система оценила как сверхъестественную. Для большинства будущее – пересеченная местность, окутанная дымкой меняющихся возможностей. Тройки видят широкий проспект, залитый неоновыми огнями. Есть среди нас и так называемый Четверка, – с благоговением продолжала Тори. – Мы считаем Четверку своим, потому что, по данным системы, он гражданин Дома Обюссонов. Он другим не открывается – наверное, боится, что побьют камнями. Его мудрость как дар и проклятие Кассандры. Тем не менее у него четыре голоса на стомилионное население. Капля в море.

– Расскажите, как вы предсказываете события, – попросила Талия.

– Это дается ценой тяжелого и кропотливого труда. Каждый из нас относится к своим обязанностям очень серьезно. В Доме Обюссонов иначе нельзя. Жить у нас могут лишь имеющие избирательную ценность выше одной целой двадцати пяти сотых. Значит, каждому приходится тщательно обдумывать предметы голосования. Не только со своей позиции, не только с позиции нашего анклава, но и ради блага всего Блистающего Пояса. Это, конечно же, окупается. Так мы и зарабатываем – торгуем своей исключительной пронизательностью. Поскольку наши голоса исключительно эффективны, мы крайне привлекательны для лоббистов из других поселений. При голосовании по второстепенным вопросам нам платят за то, чтобы мы поддержали их, ведь блок голосов от Обюссонов может стать решающим. Вот что нас кормит.

– Политические взятки?

– Вовсе нет. Лоббисты покупают наше внимание и готовность слушать. Мы не гарантируем, что проголосуем, как хотят они. Если слепо погонимся за деньгами, наши совокупные индексы мгновенно рухнут и мы станем никому не интересны.

– В общем, тут палка о двух концах, – вмешался Келлибо. – С одной стороны, нужно помочь лоббистам, с другой – сохранить определенную независимость. Вот главный парадокс нашего существования. Но этот парадокс позволяет мне заниматься садами, а Поле – бабочками.

Тори подалась вперед:

– С тех пор как мы сели в поезд, я уже заключила две сделки с лоббистами. Третья на мази. Вопросы мелкие, по таким граждане голосуют чисто интуитивно.

– Я и не заметила.

– Неудивительно. Для большинства моих сограждан дело настолько привычное, что происходит машинально, как моргание. Однако к каждому предмету голосования мы относимся как к последнему в жизни. – Очевидно, на лице Талии отразилось неодобрение, потому что Тори придвинулась еще ближе и взволнованно зачастила: – Префект, все описанное мной абсолютно законно, иначе «Доспехи» наложили бы запрет.

– Понимаю, что законно. Но я даже вообразить не могла, что такой заработок укоренился и станет основой существования анклава.

– Вас это огорчает?

– Нет, – честно ответила Талия. – Раз системой дозволено, то и меня устраивает. Просто лишний раз убеждаюсь, что Блισταющий Пояс богат сюрпризами.

– Это самое неоднородное и сложное общество в истории человечества, – проговорила Тори. – Оно запрограммировано удивлять.

* * *

Пришвартованный в недрах астероида Нервал-Лермонтовых, озаренный ярко-голубым светом корабль парил перед Дрейфусом. На фоне смоляной пещерной мглы он казался иссиня-черным. Том не столько видел сам корабль, сколько подмечал разницу между темным корпусом и темным же фоном каменного чрева. Настоящая оптическая иллюзия, мираж, выпадающий за пределы когнитивного восприятия.

Впрочем, Дрейфус отлично понимал, что перед ним самый настоящий звездолет, хотя размером чуть меньше стандартного субсветовика, с обтекаемым конусовидным фюзеляжем и двумя вынесенными назад сложными гондолами двигателей. Вспомнился горящий обломок «Аккомпанемента теней», сорванные двигатели которого стали добычей других ультра. Но едва память дорисовала «Аккомпанемент», Дрейфус понял, что перед ним не корабль ультранавтов.

Том улыбнулся самому себе. То, что границы расследования расширяются, он почувствовал, едва стала очевидной связь с Восьмьюдесятью. Но такого поворота событий не предвещало ничто.

– Шеф, говорите со мной. Я еще на связи.

– Здесь корабль сочленителей. Мирно стоит в середине астероида.

Спарвер ответил не сразу, и Дрейфус представил, как его помощник перебирает в уме вероятные последствия такой находки.

– Пожалуйста, напомните, как с нашим делом связаны сочленители.

– Это мне очень хотелось бы выяснить.

– Каким же образом корабль попал на место нынешней стоянки?

– Понятия не имею. Шлюзовых ворот в пещере нет, достаточно широкого тоннеля тоже. Такое ощущение, что субсветовик спрятали, замуровали в камень.

– По-вашему, корабль сочленителей укрыт здесь намеренно?

Дрейфус снова провел рукой по контрольной панели.

– Вряд ли. За исключением корабля, ничто в пещере на сочленителей не указывает. Больше похоже, что тут потрудился кто-то другой.

– Кто-то захватил и спрятал корабль сочленителей? Неслабо.

– Согласен, – отозвался Дрейфус.

– Следующий вопрос: зачем это похитителю? Чего он добивался?

Дрейфус пригляделся к фаянсу из полированного серебра и сообразил, что это не матовая оконная панель, а герметичная дверь. Освещение подземного зала позволяло рассмотреть ребристую трубу стыковочного коннектора, которая тянулась от дверной панели навстречу темному как ночь корпусу корабля.

– Чтобы выяснить, нужно попасть на корабль.

– Шеф, по-моему, мысль неудачная.

Дрейфус снова повернулся к панели управления. «Беги отсюда!» – кричала интуиция, а нутро полицейского гнало на корабль: надо проверить, что там, ради какого секрета стоило убивать?

Рука Тома опустилась на переключатель, обозначенный буквой «X», универсальным символом привода шлюза. Серебряная панель отошла в сторону плавно и беззвучно. Корабль явно разгадал его намерения – вдоль коннектора появилась подсветка. Золотая полоса, изгибаясь, исчезала в стыковочном люке.

Теперь Том мог беспрепятственно попасть на корабль.

– Спарв, я иду на борт. Как только свяжешься с «Доспехами», сообщи мне.

* * *

Пока Талия разговаривала с сопровождающими из Дома Обюссонов, поезд пересек еще одну полосу окон, протянувшуюся через небольшой промежуток космического пространства и звезд, большинство из которых

были другими анклавами. Поезд сбавлял скорость – он почти достиг цели. Вот он пронесся по изящному мостику над несколькими изящными лужайками и спустился на землю.

По обеим сторонам виднелись конические башни Музея кибернетики, каждая метров сто высотой, увенчана гладким серо-голубым шаром с одним из символов священной истории обработки информации. Талия заметила амперсанд – некогда символ примитивной формы абстракции. Еще песочные часы, оставшиеся символом активного вычислительного процесса. Еще надкушенное яблоко – дань памяти Алану Тьюрингу, логику и криптографу, символ его самоубийства (по крайней мере, так учили Талию).

Поезд нырнул в тоннель и плавно остановился на площади под стволом центра голосования. У поездов на соседних платформах сновали пассажиры, но благодаря сервороботам и стеклянным барьерам часть станции оказалась в распоряжении Талии и ее сопровождающих. Эскалаторы везли их навстречу тусклому дневному свету. Главную башню окружали декоративные сады и приливные водоемы. Неподалеку ярко-голубой серворобот усердно выстригал павлина из живой изгороди. Рука с инструментом двигалась молниеносно: трехмерную фигуру он создавал по памяти.

Талия запрокинула голову, чтобы оглядеть высоченную башню. Башня поднималась от плавно сужающейся опоры на высоту пятьсот-шестьсот метров и вытягивалась в шейку, которая, судя по виду, едва удерживала главный шар, куда крупнее остальных. По экватору этого шара располагались круглые окошки, в большинстве темные. Геометрические узоры, мелькавшие на поверхности шара, Талия приняла за непостоянные параметры избирательной структуры и потока абстракции.

Талия и сопровождавшие прошагали в темное фойе. Башня оказалась полый, скошенные внутрь стены были покрыты фресками – портретами великих мыслителей эры докэлвинистской кибернетики. В центре полый ствол пронзала толстая колонна, прикрепленная к стенам изящными арками. Талия решила, что это основной инфоканал, по нему потоки абстракции и данные по голосованиям поступают на самый верх, в центр. Местные жители привязаны к абстракции куда меньше, чем граждане Нью-Сиэтл-Такомы, но их избирательская активность гарантирует плотность инфопотока. Талия представила, как он несется по каналу, словно вода под давлением, как ищет плохо затянутый винт или негерметичный клапан. Рядом с колонной, буквально в паре метров, виднелась труба поуже – шахта лифта, обвитая лестницей. За ее виражами лучше не следить – голова

закружится. Инфоканал, шахта и лестница убегали через верхушку башни к шару.

Талия понимала, что напрасно разинула рот, что по меркам Города Бездны эта башня вполне заурядна, только сопровождающих ее реакция обрадовала.

– Да уж, этот уродец всем дылдам дылда, – проговорил Парнасс.

Видимо, так он демонстрировал гражданскую гордость.

– Наверх поднимемся? – спросила Талия.

– Поднимемся, – кивнула Пола Тори. – Лифт уже ждет.

– Отлично, – отозвалась Талия. – Давайте я сделаю свою работу, и мы разойдемся по домам.

* * *

Уже не впервые в жизни Спарвер проклинал свои корявые руки. По гиперсвиным меркам они нареканий не вызывали, только Спарвер жил в мире, приспособленном под немодифицированных людей с длинными гибкими пальцами и невероятным объемом сенсомоторной области головного мозга, которая отвечает за их работу. У Спарвера пальцы были короткие, толстые, да еще в перчатках скафандра, поэтому кнопки нажимались по две сразу, приходилось то и дело возвращаться и снова задавать последовательность команд. Наконец получилось. В шлеме пискнуло – радиоимпульс показывал, что есть контакт с «Доспехами», но используется необычный для полевой связи канал.

– «Доспехи» приветствуют вас. Префект Муанг, Служба внутренней безопасности. Чем могу помочь?

Муанг Спарверу нравился. Невысокий, полный, далеко не красавец, зато со свиньями не конфликтовал, по крайней мере в открытую.

– Это Спарвер. Вы меня слышите?

– Слышу громко и четко. Что-то случилось?

– Могли бы не спрашивать. Мы с префектом Дрейфусом ведем расследование, в рамках которого понадобилось осмотреть мини-астероид, принадлежащий семье Нервал-Лермонтовых. На подлете к астероиду наш корвет был обстрелян, вышел из строя коммуникатор дальнего действия.

– На вас напал астероид?

– Под его поверхностью скрывались мощные противокорабельные пушки. Они-то и обстреляли нас.

– Боже мой!

– Да уж, хуже не придумаешь. Короче, нам требуется помощь.

– Где вы сейчас?

– Я наладил связь через передатчик, находящийся внутри астероида, но не представляю, сколько она продержится.

– Все понятно, Спарвер. Если получится, быстренько отправим внутрисистемный корабль. Вы не ранены? Медбригада нужна?

– Мы отрезаны друг от друга, а так оба в порядке. Если получится, я выведу Дрейфуса на связь, но пока могу говорить с ним лишь через свой скафандр.

– Ваш корвет для полета пригоден?

– В случае нужды домой доберемся, но «Доспехам» лучше прислать за нами мощный корабль.

– Параметры орбиты этого астероида у вас имеются?

– Они есть на корабле. Проверьте активы Нервал-Лермонтовых. Мы застряли в недрах двухкилометровой каменной глыбы, которая болтается где-то на средних орбитах. После обстрела там плотное облако мусора, но, даже если астероида не видно, наш корвет вы разглядеть должны.

– Область поиска надо сузить. Потерпите, я все организую.

– Спасатели пусть соблюдают осторожность. Заберите нас с Дрейфусом, пока никто палить не начал.

– Я сейчас же все передам. Больше часа вам ждать не придется.

– Я с места не сдвинусь, – пообещал Спарвер.

Он отсоединился, наладил связь с Дрейфусом и обрадовался, услышав его мерное дыхание. Судя по звуку, Дрейфус полз по стыковочному коннектору.

– Шеф, я связался с домом. Подмога уже в пути.

– Отлично.

– Может, стоит изменить план и не проникать на этот корабль?

– Я почти у цели... не поворачивать же обратно. – Фразы часто прерывались глубоким вздохом. – Неизвестно, какие устройства подключатся... чтобы уничтожить доказательства... если астероид почует наше присутствие.

– Как вариант – устройства уничтожат нас с вами.

– Я все равно побываю там. А ты возвращайся на корвет и жди подкрепление.

Спарверу эта мысль очень понравилась, только бросать Дрейфуса внутри астероида он не собирался. Кроме того, угроза, которую озвучил его начальник, касалась и данных в логе местного роутера.

В архитектуре роутера Спарвер уже разобрался, и теперь дело пошло быстрее. Но когда в визоре шлема появились адреса исходящих сообщений, он заподозрил ошибку. Спарвер думал, что за последние сто дней отправлены сотни, а то и тысячи сообщений, но их набралось лишь несколько десятков. Контролировавшие астероид Нервал-Лермонтовых роутером пользовались нечасто.

В списке оказался адрес «пузыря» Раскин-Сарторий. Судя по временной метке, сообщение отправили незадолго до атаки на «Аккомпанемент теней». Нашлось и сообщение, подтолкнувшее Дельфин прервать переговоры с Дравидяном. С одной стороны, содержимое лога указывало, что Спарвер с Дрейфусом идут в верном направлении, с другой – оно удручало.

Десяток адресов Спарвер с ходу не узнал, но увидел и добрый десяток сообщений с ужасающе знакомыми адресами. Эти нехорошие сообщения пришли с двух разных адресов и расположились вразнобой. За исключением трех последних цифр, первый из них соответствовал формату, который Спарвер только что использовал для связи с Муангом.

С астероида Нервал-Лермонтовых выходили на связь с «Доспехами».

Впрочем, Спарвера больше обескуражил второй адрес. Гиперсвинья узнал его мгновенно: недавнее расследование еще не стерлось из памяти. Только ведь с нынешним он не связан...

Второй адрес принадлежал Дому Перигалов.

– Ерунда! – чуть слышно побормотал Спарвер. – Между этими делами ничего общего.

Но ошибка исключалась: с цифрами не поспоришь.

– Шеф, вы меня слышите?

– Я почти в шлюзе. В чем дело?

– Даже не знаю... Только что наткнулся на полную ерунду.

– Докладывай!

– Отсюда выходили на связь с Домом Перигалов.

– Ты имеешь в виду Раскин-Сарторий? – раздраженно уточнил Дрейфус.

– Нет, я имею в виду именно то, что сказал. Исходящих сообщений немного, но в числе адресов, помимо Раскин-Сартория, и Дом Перигалов, и «Доспехи». Налицо и связь между делами, и связь с «Доспехами».

– Не может быть! – изумился Дрейфус.

– Доказательство передо мной. Связь имеется.

– Дело Дома Перигалов – элементарный случай подтасовки результатов голосования. С уничтожением Раскин-Сартория оно никак не

связано.

– Шеф, возможно, мы не понимаем сути этой связи, но уверяю – она есть. Нам уже известно, что дело серьезнее простого акта возмездия или даже уничтожения анклава, – мы вычислили это прежде, чем посреди тоннеля вы наткнулись на корабль сочленителей. – Спарвер остановился: некий вывод крутился в голове, но пока без толку. – К Кейтлин Перигал мы отправились из-за подтасовки результатов голосований. Мы прижали ее, но, по-моему, все прошло уж слишком гладко.

– От нас словно откупились, – поддакнул Дрейфус.

– Не стоит ли поразмышлять о последствиях того дела? Не о блокаде Дома Перигалов, а о лазейке в системе подсчета голосов, которую мы выявили.

– Лазейку мы ликвидируем, – произнес Дрейфус после долгого молчания. – Именно этим занимается Талия.

– Точнее, мы думаем, что она этим занимается. Вдруг нас водят за нос?

– Талии можно доверять, – проговорил Дрейфус.

– Шеф, сейчас нет времени докапываться до глубинной сути. Известно нам немного – что-то не так, и, преднамеренно или нет, Талия может быть в этом замешана.

– Ты прав, – сказал Дрейфус. – Мне это не нравится, но... что-то и впрямь не так.

– Талия еще на задании?

– Да, насколько мне известно.

– Нужно с ней связаться. Пусть остановит обновления, пока не выясним, в чем дело.

– Сможешь еще раз вызвать «Доспехи»?

– Должно получиться, – ответил Спарвер. – Но на время контакта мне снова придется отключить вас.

– Займись этим немедленно. Как переговоришь с Талией, свяжись со мной. Давай, Спарв!

Гиперсвинья отключил Дрейфуса и наладил связь с «Доспехами».

– Не ждал вас так скоро, – заявил Муанг, не дав Спарверу и рта раскрыть. – Спешу обрадовать: Джейн распорядилась немедленно найти внутрисистемник. Корабль скоростной, так что прибудет к вам минут через сорок пять.

– Отлично, – проговорил Спарвер, выслушав Муанга лишь краем уха. – Не подскажите, младший полевой префект Нг с задания вернулась?

Подробностей не требовались: дочь Джейсона Нг в «Доспехах» знал каждый.

- Не знаю. Могу спросить у Тиссена, но...
- Не надо, времени нет. Соедините меня с Талией. Это срочное дело.
- Погодите, попробую.

Спарвер затаил дыхание. Пауза не продлилась и минуты, а гиперсвиные почудилось, что пролетело несколько часов.

– Катер префекта Нг стоит в Доме Обюссонов, но Талии на борту нет. Я налаживаю связь через браслет, но, если префект Нг вне зоны действия сети катера, сигнал пойдет через абстракционную сеть анклава. Возможны задержки...

– Я подожду, – перебил Спарвер.

Прошла еще целая вечность, прежде чем раздался голос Муанга:

– Спарвер, я нашел ее браслет. Он звонит. Если Талия надела его, она вас услышит.

* * *

Дрейфус едва не остановился посреди трубы коннектора, так сильно захотелось повернуть. Нельзя! Он заставлял себя ползти дальше, пока не добрался до черной стены входного шлюза. Двери не просматривалось, но стоило коснуться бронированной обшивки, она подалась под давлением пальцев. Стена была не металлическая и не из обычного супервещества.

Из устройств Том заметил лишь панель, мини-версию той, что уже использовал. Панель прикрепили к борту ярко-зеленым клеем, ссохшимся в корку. Тумблеров оказалось лишь два. Дрейфус потянулся к помеченному значком шлюза и нажал. Секунду спустя на черном фоне проступил голубой контур прямоугольной двери, которая открылась наружу без помощи петель и внешних механизмов.

Дрейфус пробрался на корабль сочленителей. Он затаив дыхание смотрел на прямоугольную дверь, пока не убедился, что она не захлопнется. Горловидный коридор привел к месту, где сходились пять коридоров. Один из них был залит мертвенным голубовато-зеленым светом, другие, негостеприимно мрачные, очевидно, уходили в хвост корабля.

Том пошел на свет в направлении носа и метров через двадцать-тридцать попал в большую комнату. Свет, такой яркий издали, оказался слабым – ни подробности разглядеть, ни размеры оценить. Дрейфус снял шлем с пояса и включил фонарь, чтобы осмотреться. Луч заскользил по

стальной поверхности, по стеклянным перегородкам, по замысловатому переплетению труб.

Тут к его шее прижалось что-то холодное и острое.

– Свет есть, но он для аварийного использования, – очень спокойно проговорил ему на ухо женский голос. – Сейчас включу.

Дрейфус не шевелился. Периферийным зрением он видел кисть затянутой в перчатку руки. Рука держала нож. Лезвие плотно прижималось к его кадыку.

Полился свет, желтый с зеленоватым оттенком. Несколько секунд Дрейфус моргал, привыкая к яркости, а потом увидел, что комната полна спящих людей, подключенных к сложному аппарату. Восемьдесят-девять пассажиров, а то и больше, лежали четырьмя рядами на одинаковом расстоянии от платформы. Устроили их не в капсулах, а на кушетках, зафиксировав черными ремнями и серебристой сетью.

В прозрачных катетерах, подсоединенных к телам, пульсировало не только то, что Дрейфус принял за кровь и физраствор, но и яркоокрашенные препараты неизвестного назначения. Все спящие были обнажены, все дышали, но очень медленно. Дрейфус какое-то время наблюдал за одним, пока не убедился: грудь поднимается и опускается, значит это не труп. Людей погрузили в сон такой глубины, что дальше только смерть. Голов Дрейфус не видел из-за идеально круглых черных шлемов, туго обхватывающих шею. Толстый ребристый кабель черного цвета тянулся от макушки каждого шлема к разьему, утопленному в стене. В общем, не люди, а человекообразные запчасти сложного устройства – впечатление было полным.

Нож от горла так и не убрали.

– Кто вы? – тихо спросил Том, боясь шевельнуть кадыком.

– А вы кто? – вопросом на вопрос ответила женщина.

– Том Дрейфус, полевой префект «Доспехов».

К чему лукавить и таиться?

– Не надо опрометчивых поступков, префект. Нож режет отлично. Не верите мне, посмотрите по сторонам.

– На что посмотреть?

– На спящих. Увидите, что я с ними сделала.

Том послушался и понял, о чем говорит незнакомка.

Невредимыми оказались далеко не все спящие.

Многочисленные ремни, шлемы, катетеры поначалу скрыли от Тома правду. Но стоило чуть приглядеться, и Дрейфус понял, что невредимых тут раз-два и обчелся. Наверное, у каждого третьего не хватало кисти,

ступни, а то и целой ноги. Дрейфусу вспомнились войны, которые вели сочленители. Может, этот корабль вез пострадавших в некоем конфликте и по пути к сочленительской больнице угодил в засаду?

Нет, вряд ли дело обстояло так. Корабль здесь уже десятки лет, а раны у спящих явно свежие. Они смазаны бирюзовым бальзамом, но под его слоем необработанные обрубки. Пострадавшим не оказали даже первой помощи, не говоря уже об экстремальных восстановительных процедурах, которые в таких случаях проводят сочленители.

– Не понимаю... – начал Дрейфус.

– Это я сделала, – проговорила женщина. – Я их всех порезала.

– Зачем? – спросил Дрейфус.

– Чтобы съесть, – отозвалась женщина, явно удивленная его вопросом. – Зачем же еще?

Глава 13

Очередной центр голосования... Талия уже поднялась в шар, примерно до его середины, если судить по размерам отсека, где стоял центр. По экватору шли огромные окна-иллюминаторы. Бежевые стены были покрыты белыми узорами, напоминающими старые интегральные схемы. Для удобства посетителей здесь поставили столы и кресла. В целях безопасности использовалась только мебель из инертного вещества. Супервещество вблизи центра голосования допускалось лишь в количествах, необходимых для работы центра. Сам центр, цилиндр перламутрово-серого цвета, окруженный низкой металлической оградой, тянулся от пола и пронзал потолок. Неподалеку на массивном постаменте, под стеклянной витриной-колпаком, стояла филигранно точная модель Музея кибернетики.

Талия объяснила сопровождающим, что именно установит, и пообещала при нормальном ходе работы уложиться минут за двадцать, и если отключит абстракцию, то на неощутимо короткое время. Она уже осмотрела центр голосования и убедилась: главное – открыть окошко доступа, потом сюрпризов быть не должно.

– Работа не слишком интересная, – скромно сказала Талия. – Будь задание серьезным, одного полевого префекта не отправили бы.

– Вы явно умаляете свои способности. – Келлибо устроился в массивном синем кресле и закинул ногу на ногу.

– Я просто имею в виду, что не обижусь, если вы не захотите сидеть здесь и слушать мое бормотание. Как спуститься в фойе, я знаю. Если угодно, можем встретиться у прудов с золотыми рыбками.

– Мы лучше останемся, если вы не против, – сказала Пола Тори, для пущей уверенности глядя на остальных. – Не часто увидишь, как для осмотра вскрывают пульсирующее сердце центра.

Талия потерла взмокшую шею:

– Хотите присутствовать – пожалуйста. Я, с вашего позволения, начну.

– Делайте все, что нужно, – сказала Тори.

Талия открыла свой цилиндр и, остро чувствуя чужие взгляды, вытащила последний одноразовый планшет.

– Сейчас произнесу три волшебных слова. Они откроют мне доступ к центру голосования на шестьсот секунд. Приостановка невозможна, поэтому без особой нужды меня лучше не отвлекать. Разумеется, я буду

информировать вас о ходе работы.

– Спасибо, что позволили присутствовать, – сказал Келлибо. – Пожалуйста, не обращайтесь на нас внимания.

Через брешь в ограде Талия подошла к мерцающей колонне центра и опустила цилиндр на пол.

– Это младший префект Талия Нг. Подтвердите доступ к системе безопасности «Пекан-сумерки-бивень».

– Доступ подтверждаю. Младший префект Нг, в вашем распоряжении шестьсот секунд.

Талия вынула из цилиндра последнюю дискету с обновлением.

– Эту дискету я вставлю в центр голосования, – объясняла она. – На ней программы для устранения лазейки в системе подсчета голосов, которую выявили «Доспехи».

По команде центр показал свой разъем для внешних носителей. Талия вставила толстую дискету и отступила на шаг, пока устройство адаптировалось к новому софту. Она почти не волновалась. На «карусели» Нью-Сиэтл-Такома проблемы возникли, но интуиция подсказывала: здесь такого не будет.

– На дискете фрагмент программы, – сообщил центр голосования. – Как им распорядиться?

Тут раздался сигнал вызова. Талия подняла рукав и раздраженно взглянула на браслет. Зачем она понадобилась префекту Муангу именно сейчас? В отличие от многих подонков, Муанг не травил Талию из-за ее отца, только он не Дрейфус, не Спарвер и не один из старших префектов, на которых она старается произвести впечатление. Вряд ли у Муанга срочное дело. Определенно не настолько срочное, чтобы прерывать ответственное выездное задание, особенно в тот момент, когда открылось шестисотсекундное окошко доступа.

Вот поставит обновление, тогда и свяжется с Муангом. Если он подождет пару минут, конец света точно не наступит.

– Извините, – шепнула Талия, нажимая кнопку подавления экстренного вызова.

Тем временем центр повторил вопрос:

– На дискете фрагмент программы. Как им распорядиться?

Талия опустила манжету.

– Пожалуйста, воспользуйтесь им, чтобы переписать исполняемый сегмент «Альфа-альфа-пять-один-шесть».

– Одну секунду. – Центр голосования замигал огоньками, анализируя задачу. – Я готов приступить к перезаписи. Данное действие вызовет

потерю доступа к абстракции на период не дольше трех миллисекунд. Подтвердите, что команда в силе.

– Подтверждаю, – проговорила Талия.

– Исполняемый сегмент переписан. Доступ к абстракции прерывался на две целых шестьдесят восемь сотых миллисекунды. Все текущие транзакции буферизировались, а сейчас они успешно восстановлены. Проверка первого уровня не выявила программных конфликтов, вызванных обновлением. Другие команды будут?

– Нет, – ответила Талия. – Это все.

– Осталось четыреста одиннадцать секунд доступа. Дождетесь планового окончания, или доступ следует немедленно прекратить?

– Можно прекратить. Я закончила.

– Доступ прекращен. Спасибо за посещение, младший полевой префект Талия Нг.

– Вам спасибо!

Талия извлекла дискету, спрятала в цилиндр и закрыла его. Она держала себя в руках, но от радости голова кружилась не хуже, чем от алкоголя на голодный желудок: задание выполнено! «Я справилась!» – беззвучно ликовала она. Обновления установлены на четыре центра, причем в одиночку, без контроля Дрейфуса и помощи другого префекта. Сомневавшиеся в ее компетентности или самостоятельности прикусят языки. «Я, Талия Нг, не только сделала патч для дырки в системе подсчета голосов, но и поставила его в одиночку, собственноручно, пользуясь только катером».

Четыре анклава посещены. План выполнен. Раз обновление сработало на самых проблемных центрах голосования, его можно ставить в любом анклав, по всему Блистающему Поясу.

«Кто следующий, давайте!» – подумала Талия и, поворачиваясь к сопровождающим, не без труда стерла с лица самодовольную ухмылку: нескромно и префекту не подобает.

– Проблемы? – Жюль Келлибо по-прежнему сидел в синем кресле, но от спокойствия не осталось и следа.

– Только не у меня, – ответила Талия. – Все прошло замечательно. Спасибо за помощь.

Возможно, Муанг звонил предупредить о временном прекращении связи. Такое бывает, беспокоиться не стоит.

– Работа закончена. Пожалуй, теперь я прогуляюсь в саду.

– Абстракции нет, – тихо проговори Келлибо.

– Что-что? – переспросила Талия, почуяв неладное.

– Абстракции нет. Вы обещали, что отключение продлится пару миллисекунд, мы и не заметим. Но ее до сих пор нет. – С каждым словом голос Келлибо звучал громче и резче. – Абстракция отключена, префект. У нас отключена абстракция!

– Вы ошибаетесь, – покачала головой Талия. – Быть такого не может.

– Абстракции нет, – подтвердила Пола Тори, вставая с кресла. – Нет связи. Что-то пошло не так.

– Система провела самопроверку и подтвердила, что доступ к абстракции прерывался на мгновение. Система ошибок не делает.

– Раз устройство исправно, ради чего вы вообще прилетели? – спросил Келлибо.

– Может, ее только здесь нет? – предположил Бродерик Катбертсон.

Его механическая сова крутила головой, словно следя за полетом несуществующей осы.

– Твоя птица сбита с толку, – заметил Сайрус Парнасс. – Наверное, без абстракции не ориентируется.

Катбертсон осторожно погладил сову.

– Спокойно, малыш!

– Получается, абстракции нет во всей башне, – проговорила побледневшая Тори. – А если не только в башне? Вдруг сбой коснулся всего городка?

– Давайте выглянем в окна, – предложила Мэриэл Редон. – Из них половину Дома Обюссонов видно.

Талия словно в мебель превратилась – никто не обращал на нее внимания. Пока не обращал. Она стояла поодаль, в то время как сопровождающие – те, кто еще не стоял, – поднимались с кресел, стульев, диванчиков и бежали к окнам-иллюминаторам. К каждому прилипло по два-три человека.

– Вижу в парке людей, – объявил гладко выбритый, в костюме цвета электрик с кружевными манжетами молодой человек, имени которого Талия не запомнила. – Они ведут себя странно. Держатся вместе, словно хотят поговорить. Некоторые бегут ко входам в музей. И смотрят на нас.

– Почувствовали неладное, – сказала Тори.

– На ветке стал поезд, – сообщила женщина в алом платье, глядевшая в соседнее окно. – Ветка по другую сторону ближайшего ряда окон. В общем, сбой не только у нас, не только в музее.

– Вижу волантор! – объявил кто-то еще. – Он аварийно садится на крышу Зиккурата Бэлтера. Зиккурат в двух полосах окон к верхнему «полюсу». Почти в десяти километрах от нас.

– Сбой во всем анклавe, – пролепетала Тори, словно увидев дурное знамение. – По всем шестидесяти километрам Дома Обюссонов. Восемьсот тысяч человек впервые в жизни потеряли абстракцию.

– Быть такого не может, – шепотом повторила Талия.

* * *

Нож все так же прижимался к горлу Дрейфуса. Префект ругал себя за то, что упустил шанс надеть шлем. Если бы незнакомка хотела его убить, то, вероятно, уже убила бы. Хотя еще вероятнее, что она решила поговорить с ним, а потом прикончить.

– Который сейчас год? – Вопрос словно сорвался у женщины с языка. – Который, спрашиваю! – Нож прижался еще плотнее. – Неужели у меня с дикцией проблемы?

– Вовсе нет, – торопливо ответил Дрейфус. – Год сейчас две тысячи четыреста двадцать седьмой. Почему вы спрашиваете?

– Потому что давно здесь торчу.

– Так давно, что потеряли счет годам?

– Так давно, что потеряла счет всему. Хотя примерно я представляла, – с вызовом добавила женщина. – И почти не ошиблась.

Дрейфус по-прежнему не видел ни ее лица, ни других частей тела – лишь затянутую в перчатку руку с ножом.

– Вы из семьи Нервал-Лермонтовых? – спросил он.

– Значит, их разыскиваете?

– Нет, никого конкретно я не ищу. Я полицейский, расследую преступление, и ниточка привела на этот астероид.

– Один?

– С помощником. Мы прилетели на корвете. Подлетая к астероиду, были обстреляны, корабль получил серьезные повреждения. Можно было потихоньку возвращаться к астероиду «Доспехов», но мы решили осмотреть этот: вдруг отсюда быстрее свяжемся с домом? Этим сейчас и занят мой помощник. Еще я хотел выяснить, почему по нам стреляли. Наверное, защищали что-то...

Холодное лезвие царапнуло кожу. «Кровь потекла?» – подумал Дрейфус.

– Кое-что защищали, – проговорила женщина, явно имея в виду субсветовик. – Что скажете о своей находке?

– Это корабль сочленителей, судя по внешнему виду. Потом я поднялся на борт и увидел еще кое-что. – Дрейфус обвел взглядом зал, полный калек, которые служили женщине пищей. – Пожалуй, все. Теперь скажете, в чем дело?

– Попробуйте шевельнуться, – велела женщина. – Хоть рукой, хоть ногой, я не трону.

Дрейфус попробовал. В принципе, конечности двигались, но скафандр не просто мешал, а фактически парализовал его.

– Не могу.

– Я проникла в ваш скафандр, остановила его двигатель и коммуникатор. Для меня это раз плюнуть. Теперь скафандр вам не снять, а в нем не сдвинуться с места. Вы умрете здесь от голода. Это будет долгая и мучительная смерть.

– Зачем вы это говорите?

– Чтобы вы поняли, префект. Чтобы уяснили: вы целиком и полностью в моей власти. – Давление ножа чуть ослабло. – Чтобы осознали: убить вас я могу разными способами. – Рука с ножом отстранилась.

– Вы наверняка сочленитель, другим такие фокусы не по силам. – Не услышав ни «да», ни «нет», Дрейфус продолжил: – Еще вы наверняка с этого корабля. Я прав?

– Налицо способность к дедуктивному мышлению. Тупые соплеменники небось гением вам считают.

– Я лишь префект, исполняющий служебные обязанности. А вас здесь что держит?

– А вам как кажется? – язвительно отозвалась женщина.

– Давайте кое-что проясним. Я вам не враг. Если вас удерживают здесь насильно, я хочу знать, кто и с какой целью. Мы с вами заодно и должны верить друг другу.

– Хотите, скажу, почему трудно вам верить? Такой же, как вы, уже наведывался сюда, увидел, что с нами сотворили, и не предпринял абсолютно ничего.

– Такой же, как я?

– В таком же скафандре.

– Это ничего не значит.

– В точно таком же скафандре! Если вы префект, тот человек тоже префект.

– Это невозможно! – заявил Дрейфус.

И тут же вспомнил находку Спарвера, связывающую астероид Нервал-Лермонтовых с «Доспехами». Неужели кто-то еще прилетал сюда и

проводил независимое расследование? Да, наверное. Но если так, почему Джейн Омонье не в курсе?

– Я своими глазами его видела, ошибка исключена. В голову ему заглянуть не удалось, и к вам не получается. Ваши соплеменники не носят нейронные имплантаты?

Собственный голос показался Дрейфусу далеким и сдавленным.

– Этот человек... прилетал в одиночку или со спутниками?

– Лично сюда заглядывает лишь один. Но есть и другие посетители.

– Вы сбиваете меня с толку.

– Это потому, что они сбивают с толку меня. О прибытии того мужчины я узнаю по электромагнитному шуму открывающихся и закрывающихся шлюзов. Я чувствую его скафандр, но приблизиться и парализовать не могу. Другие появляются иначе – просто возникают здесь, внезапно, как порыв ветра. Среди них особенно заметна одна. Она бродит по нашим мыслям, как по саду. Она играет с нами. Она упивается нашими страданиями.

– По-моему, вы говорите об искусственном интеллекте. О симулякре бета-уровня, о модели, который выглядит и ведет себя как человек, но не имеет внутреннего мира.

– Нет, – медленно произнесла сочленительница, – я говорю о чем-то гораздо большем. О разуме, подобном туче, способном ослепить жуткой молнией и погрузить в жуткий мрак. Этот разум никогда не был бета-симулякром. У него структура человеческого сознания, но раздутого, искаженного, развращенного. Этот разум как величественный особняк, как дворец, превратившийся в обитель зла.

– А имя у нее есть?

– Есть, – ответила женщина. – Она якобы таится от нас, но я разгадала ее секрет. Она слишком тщеславна, чтобы прятаться по-настоящему. Подозреваю, что на самом деле она жаждет известности.

– Как ее зовут? – отважился спросить Дрейфус.

– Она называет себя Авророй.

* * *

– Я не допустила ни одной ошибки, – оправдывалась Талия. – Клянусь, все сделала по правилам.

Глаза Тори сузились в злые щелки.

– Тогда, может, неверны ваши правила. Каждая секунда потери абстракции понижает наш рейтинг у лоббистов. Размеры финансового ущерба вы и представить себе не в силах. Каждый житель Дома Обюссонов – заинтересованная сторона. Финансовые потери анклава бьют по каждому из нас.

– Я не представляю, в чем дело, – произнесла Талия тонким, до нелепого робким голоском, как школьница, не выучившая урок.

– Раз не представляете, нужно немедленно выяснить! – В пристальном взгляде Тори было что-то садистское. – Вы прекратили доступ, префект, вам его и восстанавливать. Может, приступите к делу, вместо того чтобы стоять здесь как статуя?

– Восстановить не получится, – проблеяла Талия, чувствуя, что спина вспотела под кителем. – У меня был шестисотсекундный доступ. Им можно воспользоваться только раз.

– Тогда нужно придумать что-то еще! – рявкнул Келлибо. – Причем срочно.

– Ничего особо не придумаешь. Колонну я могу проверить лишь поверхностно. Без доступа к самому центру внутрь системы мне не заглянуть. А проблема тут явно серьезная, глубоко укоренившаяся.

Следующим заговорил Парнасс. Его голос напоминал негромкий гул, но все слушали внимательно.

– Дочка, для Дома Обюссонов тебе дали единственный планшет с одноразовым доступом?

– Единственный, – подтвердила Талия.

– Тогда девочка права, – сказал Парнасс остальным. – Я хоть и не префект, но худо-бедно в этих устройствах разбираюсь. Без нового планшета к центру ей не подступиться.

– Так свяжитесь с «Доспехами» и закажите новый, – прошипела Тори.

– Задача на миллион, раз абстракции нет, – хмыкнул Парнасс и глянул на Талию. – Я ведь прав? Твой коммуникатор использует абстракцию? Без нее тебе с «Доспехами» не связаться.

Талия тяжело вздохнула, осознав ужасную правду.

– Действительно, мы тоже зависим от протоколов абстракции. Я потеряла связь с домом.

– Попробуй для очистки совести, – посоветовал Парнасс.

Талия подчинилась. Она попыталась ответить на вызов Муанга, который отклонила при установке обновления.

– Извините, – сказала Талия, когда браслет отклонил запрос. – Нет связи ни с «Доспехами», ни с моим катером.

– Вот здорово! – съязвила Тори. – Ты препарировала нас, а теперь и подмогу не в состоянии вызвать? Блестящая тактика, ничего не скажешь!

– Такая проблема не возникала никогда. Если мы перекрываем абстракцию, то контролируем процесс.

– До сегодняшнего дня контролировали, – уточнила Тори.

Настроение присутствующих стремительно портилось. Они были так счастливы, а Талия лишила их любимой игрушки.

– Послушайте, – миролюбиво заговорила префект, – ситуация из ряда вон выходящая. Я искренне извиняюсь за причиненные неудобства и гарантирую, что проблема разрешится в ближайшее время. Если отсутствие абстракции на самом деле так масштабно, как кажется, значит доступ перекрыт во всем анклав. Не на колонии-отшельнице, а в Доме Обюссонов. Вы сами говорили, что связь с лоббистами поддерживаете почти непрерывно. Еще пара минут – и они примут меры: начнут выяснять, в чем дело, и обратятся к «Доспехам». – Талия глубоко вздохнула. – Несмотря на кризис, мое начальство отнесется к проблеме очень-очень серьезно. На скоростном корабле техбригада долетит сюда менее чем за сорок пять минут. Она привезет новые планшеты или даже портативный центр голосования – все необходимое для восстановления доступа к абстракции. Честное слово, еще час, максимум полтора – и вы благополучно выйдете на связь.

– Тебя послушать, девяносто минут – ерунда, – проворчала Тори. – Для префектов, может, и ерунда, вы же настоящей абстракции не пробовали. Не подозреваете, каково нам ее потерять. Если бы твое начальство прислало специалиста поопытнее, посолиднее, хоть немного владеющего материалом...

Талия почувствовала, как внутри у нее что-то хрустнуло, словно косточка надломилась.

– Может, я и не в курсе, каково вам потерять абстракцию, но скажу одну вещь... Пару дней назад я участвовала в организации блокады. Жуткая получилась операция, мы эвтаназию применяли. В общем, не смейте говорить со мной как с зеленой практиканткой.

– Не воображайте, что я... – начала Пола Тори.

– Погодите! – перебила Талия. – Я не все сказала. Далеко не все. После организации блокады – при всех потерях – операцию сочли успешной; моему начальнику поручили расследовать убийство девяти сот с лишним мирных жителей. И это не считая экипажа корабля, который сожгли за соучастие в преступлении, а экипаж его, по всей видимости, не совершал. Мой начальник до сих пор занят тем расследованием. Его начальник

разрывается на части, занимаясь несколькими делами одновременно. Другие префекты заняты предотвращением войны между Блистающим Поясом и ультра, а сами готовятся к гражданской войне, которая, вероятно, вспыхнет, когда выяснится, кто уничтожил Раскин-Сарторий. – Талия скрипнула зубами и поочередно оглядела присутствующих. – Бывают у нас и недели попроще, но эта получилась жаркой. Возможно, вы уверены, что девяностоминутная потеря абстракции равнозначна нашим мытарствам. Уверены так уверены, ваше право. По мне, вы никчёмны, увязшие в жалости к себе, а вам бы радоваться, что живы.

Никто не ответил. Все смотрели на Талию разинув рты, словно лишились дара речи.

– Ничего личного, – скупно улыбнулась Талия. – Наверное, я тоже хныкала бы, если бы любимую игрушку отняли. Просто давайте смотреть на проблему шире. Это же не конец света. – Она заметно расслабилась, давая понять, что словесной трепки пока хватит. – Вы сказали, что остановился поезд, – обратилась Талия к женщине в алом платье. – Он до сих пор стоит?

– Д-да, с-стоит д-до сих п-пор, – пролепетала женщина, запинаясь.

– Я надеялась вернуться этим поездом к стыковочному узлу. Как я уже говорила, скоро нам помогут в любом случае, но, если желаете, я могу связаться с «Доспехами» с катера.

– А бортовой передатчик работает? – спросил пристыженный Келлибо.

– Наверняка. Он за пределами Дома Обюссонов, значит местное отключение абстракции его не затронуло. Видимо, мы застряли здесь надолго, если, конечно, вы не знаете, как еще можно добраться до стыковочного узла.

– Воздушного транспорта не вижу, – сообщил мужчина с клоунским лицом. – Наверное, вместе с волантором сели и другие корабли.

– Можно пешком дойти, – проговорил Парнасс. – До полюса меньше десяти километров.

– Ты серьезно? – изумилась Пола Тори.

– Никто не заставляет тебя идти с нами. – Парнасс кивнул на Талию. – Девочка права: едва новость разлетится по Поясу, сюда направят помощь. Но если, как она утверждает, «Доспехам» сейчас несладко, ждать не час и не полтора. Два часа, три, а то и дольше.

– Что даст пеший переход? – спросила Тори.

Парнасс пожал широкими крестьянскими плечами и засучил рукава, обнажив мускулистые ручищи, поросшие рыжим волосом.

– Немного, помимо шанса встретить техбригаду прямо на узле. Талия

объяснит, что именно делала, прежде чем система вышла из строя. Верно, дочка?

– Мы сэкономим время, – добавила Талия. – Если попадем на узел, я свяжусь с «Доспехами» и проконсультирую бригаду еще до того, как она сюда прибудет. – «Предполагаемую бригаду, – напомнила себе она, – которая может и не вылететь». – В любом случае это лучше, чем сидеть здесь. Сама я сейчас бессильна и с системой ничего не сделаю.

– Наши сограждане префекту в форме вряд ли обрадуются, – заметил Парнасс. – Можешь напороться на восемьсот тысяч готовых к самосуду.

– Беситься они могут сколько душе угодно, – отозвалась Талия, для храбрости поглаживая хлыст-ищейку. – Если вздумают пальцем меня тронуть, с удовольствием покажу, чем это чревато.

– Вот это дерзость! – пробурчал Парнасс. – Мне нравится.

Талия поняла: грубоватый хранитель музея – единственный, кто целиком на ее стороне. Возможно, несмотря на случившееся, он проникся невольным уважением к ее умению работать с киберсистемами. Или же защищает ее в пику остальным.

– Десять километров мы пройдем за пару часов, – сказала Талия. – Это если не делать крюков у оконных полос.

– Никаких крюков – по крайней мере, больших, – пообещал Парнасс. – Под железной дорогой есть пешеходные переходы, ими и воспользуемся. Если они вдруг заблокированы, имеется лесопарковая зона. Много зелени, можно спрятаться от чужих глаз.

Талия кивнула: она видела через оконные полосы, где тянутся обрамленные деревьями акведуки и железнодорожные виадуки.

– До узла еще четырехкилометровый подъем, – напомнила Талия.

– Тут проблем не будет, – проговорил Катбертсон, неуверенно подняв руку. – Воланторам нужна абстракция и Чудо-Птице тоже. А лифтам не нужна. Не вижу причин, чтобы им не работать.

– Тогда почему поезда стоят? – осведомилась Тори. – У тебя есть объяснение?

– Просто кто-то запаниковал и нажал кнопку аварийной остановки.

– По всему Дому Обюссонов? – подначила женщина в алом платье. – Я уже давно смотрю в это окно и вижу шесть-семь рельсов. Будь я проклята, если за все время по ним прошел хоть один поезд.

Катбертсона этот довод слегка смутил.

– Значит, люди запаниковали и не поехали. Или техслужба решила перестраховаться и остановила поезда.

– Если так, то и лифты не работают, – заметила женщина.

– Не знаю. По-моему, у лифтов другой энергопоставщик, не техслужба. Ничто не мешает нам это выяснить. – Катбертсон повернулся к Сайрусу Парнаксу. – Я с вами, хранитель. Чудо-Птице доверим разведку, пусть оберегает нас от встречи с недовольными.

– Разве сова может летать? – спросила Талия. – Она так дергается.

– Ничего, она уже приспособливается. – (Механическая сова повернула круглую голову к Катбертсону.) – Малыш, ты же приспособишься?

– Я птица чудесная!

– Итак, нас трое, не считая совы, – подытожила Талия. – Три – хорошее число. Если попадемся, хоть подозрений не вызовем.

– Я тоже с вами, – заявил Келлибо. – Кто лучше меня знает местные сады и парки?

– И я, – проговорила Мэриэл Редон.

– Вы уверены? – спросила ее Талия. – Здесь безопаснее. Отсидитесь, пока техбригада не прибудет.

– Я уже решила. Сидеть без дела и ждать не по мне – нервничаю.

Талия понимающе кивнула.

– Пожалуй, пять – это максимум. Слишком большая группа пойдет слишком медленно. Остальным лучше сидеть и ждать восстановления абстракции.

– Вы теперь приказы отдаете? – спросила Пола Тори.

– Да, похоже на то, – подумав секунду, ответила Талия. – Вы уж привыкайте, мэ.

* * *

Откровения сочленительницы Дрейфус слушал с полной уверенностью, что лгать ей незачем.

– По-моему, я знаю, кто такая Аврора, – медленно проговорил он. – Только здесь ей не место. Ни здесь, ни где-то еще. Она должна была умереть... закончить свое существование пятьдесят пять лет назад.

– Кто она?

– Если имя не присвоила другая личность, мы столкнулись с погибшей. С одной из Восьмидесяти, группы добровольцев, участвовавших в экспериментах по обретению бессмертия, которые проводил Кэлвин Силвест. Вы знаете, о чем я?

– Разумеется. У нас эксперименты Силвеста вызывают отчаяние и ужас. Его методы в корне ошибочны. Провал был неизбежен.

– Только проект Силвеста, похоже, не провалился, – возразил Дрейфус. – Аврора Нервал-Лермонтова и не думала погибать. Вопреки официальным данным, как минимум один из трансмигрантов выжил.

– У вас нет доказательств.

– Я знаю, что этот астероид принадлежит ее семье. Вы готовы мне довериться? – спросил Дрейфус, словно эта мысль только пришла ему в голову.

– Обернитесь, – ответила женщина, немного поразмыслив. – Вашим скафандром я больше не управляю, а коммуникатор по-прежнему отключен.

Дрейфус обернулся. Женщина тоже была в скафандре, но сочленительской конструкции, блестящем, как дорогой шоколад. Сперва голову скрывал черный овоид шлема, но вот он сложился в подобие кружевного воротника на разъемном кольце, и Дрейфус увидел лицо.

Встречаются на Блистающем Поясе персонажи и поколоритнее. На первый взгляд обычное человеческое лицо. Дрейфус дал бы ей лет сорок, только понимал, что она старше, куда старше, ведь сочленители живут не меньше, чем представители других трансчеловеческих фракций. Светло-зеленые глаза светились умом, широкие скулы были усеяны веснушками, челюсть казалась слишком массивной, но пропорциями идеально соответствовала другим чертам лица. Лысую голову венчал пестрый гребень. Он начинался посреди лба и свидетельствовал об увеличенной внутричерепной полости, необходимой для перегруженного, напичканного имплантатами мозга.

Самое необычное в сочленителе скрыто под кожей и костями. Жители диких анклавов нанимают миксмастеров, чтобы придать своей внешности экзотичности, но на функциональное строение мозга почти не покушаются. По способу обработки данных даже подключенные к абстракции экстремального уровня остаются людьми. К женщине-сочленителю это совершенно не относилось. При необходимости ее сознание работало в человеческом режиме, но его истинную сущность Дрейфус понимал не лучше, чем конь – алгебру.

– Имя свое не скажете? – осторожно спросил Дрейфус.

– Для вашего удобства назовусь Клепсидрой. Если так сложно, зовите меня Водяные Часы или просто Часы.

– Вас послушать, это имя не настоящее.

– От моего настоящего имени у вас голова треснет, как полено под

топором.

– Клепсидра так Клепсидра. Чем именно вы здесь занимаетесь? Если, конечно, готовы сказать.

– Выживаю. В последнее время это задача не из легких.

– Расскажите о корабле. Как он сюда попал и зачем нужен Авроре?

– Наш корабль вернулся в эту систему лет пятьдесят назад. Возникли проблемы: в межзвездном пространстве мы встретили некую машину. Разумную, но настроенную весьма враждебно. Корабль спасся, отбросив часть себя, как ящерица отбрасывает хвост. Во время долгого перелета он перестраивался, но до конца не восстановился. Мы пробовали связаться с Материнским Гнездом, но связь была неустойчива. – Клепсидра сглотнула; жест получился нервным, поразительно человеческим. – Аврора разыскала нас первой. Обещала помочь, приманила, взяла в заложники. Мы томимся здесь уже пятьдесят лет – не можем ни вырваться, ни связаться с Гнездом.

– Я так и не понял, что ей от вас понадобилось.

– Это сложно объяснить.

– А вы попробуйте.

– Префект, Авроре требовалось, чтобы мы видели сны. Поэтому она... держала нас здесь. Она хотела, чтобы нам снилось будущее, надеялась получить информацию о том, что случится. Мы делали прогнозы. Потом что-то в наших прогнозах ей не понравилось, и она наказала нас.

– Видеть сны о будущем не может никто.

– Мы можем, – с горечью возразила Клепсидра. – У нас и устройство специальное есть. Мы назвали его «Пролог».

Глава 14

Пешая команда Талии добралась до лифтовой шахты, пронзавшей шар по диаметру. Большегрузная кабина ждала, она ничуть не изменилась, даже бледно-желтые панели с видами Йеллоустона были на месте.

– Он включен, – проговорил Парнасс. – Это хорошо, значит, спустимся без проблем.

Талия вошла в кабину последней из пятерых. Решетчатые дверцы сдвинулись у нее за спиной.

– Лифт не едет. Я даю команду, а он не реагирует, – заволновался Келлибо.

– Он не слышит. Если ты забыл, абстракция работает в двух направлениях, – напомнил Парнасс усталым голосом человека, вынужденного объяснять очевидные вещи.

– Как теперь его включить? Тут есть ручное управление.

– Оно нам пока не нужно, верно, Талия?

– Он прав, – кивнула Талия. – Сотрудникам «Доспехов» должна предоставляться полная свобода перемещения даже в отсутствие абстракции. Поэтому спектрограммы голосов уполномоченных в обязательном порядке рассылаются по всем анклавам. – Она заговорила громче и четче: – Это младший полевой префект Талия Нг. Идентифицируйте мою спектрограмму.

– Спектрограмма идентифицирована, младший полевой префект Нг.

Талия вздохнула с облегчением:

– Пожалуйста, опуститесь в фойе.

Возникла неловкая пауза – не происходило ровным счетом ничего, – но потом лифт пошел вниз.

– Слава Вой, получилось! – прошептала Талия.

Парнасс улыбнулся, как будто услышал ее.

– Вот и хорошо! – вставил Келлибо. – А то я уже гадал, что будет, если мы здесь застрянем.

– Спустились бы по лестнице. Ты ведь умеешь пользоваться лестницей? – съязвил Парнасс.

Келлибо бросил на него предостерегающий взгляд, но промолчал.

Кабина плавно снизилась и попала в шейку, соединяющую башню с шаром. Вокруг пустой атриум, далеко внизу сквозь зарешеченные окна просматривается фойе. Талия не исключала встречи с местными жителями,

которые собрались в музее, чтобы выяснить, в чем проблема и когда ее устранят. Однако в фойе не было ни души. Поддавшись непонятному порыву, префект снова коснулась хлыста-ищейки.

Поездка закончилась – лифт опустился в фойе, решетчатые дверцы с шумом разъехались. Талия снова удивилась полной безлюдности. Когда ее привели сюда, фойе тоже пустовало, но сейчас каждый шаг отдавался гулким эхом.

– Нам нужно держаться вместе, – сказала Талия. – Как тут говорили, у музея могут караулить недовольные граждане. Недовольство им проще всего выплеснуть на нас.

Команда вышла под лучи солнца. Подернутое голубой дымкой, оно сияло сквозь полосу окон в восьми километрах от поверхности анклава. Музей окружали декоративные пруды, лужайки, пересеченные аккуратнейшими гравийными и мраморными дорожками; где-то журчали фонтаны; все нормально, все – как ожидала Талия, за исключением отсутствия буйствующей толпы. Неужели префект оказала жителям Дома Обюссонов медвежью услугу? Группа встречающих охладела к ней чуть ли не моментально. Если это типичные представители населения анклава, то подобной изменчивости можно ждать и от остальных восьмисот тысяч граждан.

– Слышу голоса, – вдруг объявил Келлибо. – По-моему, они доносятся с другой стороны башни.

– Я тоже их слышу, – кивнул Парнасс. – Но мы туда не пойдем. Нам нужно вперед, к тем деревьям, – вот кратчайший путь до полюса.

– Может, мне стоит с ними побеседовать? – предложила Талия. – Объяснить, в чем дело, заверить, что проблема скоро разрешится.

– Дочка, у нас был план, – напомнил Парнасс. – На рожон мы лезть не собирались. Мне эти голоса довольными не кажутся.

– Я согласна, – высказалась Мэриэл Редон.

Талия закусила губу. Она и сама слышала голоса, чуть громче журчания фонтана. Ропот взбудораженной толпы. Крики, способные перерасти в вопли.

Талия снова сжала рукоять хлыста. Она чувствовала: творится неладное. Лишенные драгоценной абстракции, обозленные, жаждущие крови виновника галдят не так.

Так галдят перепуганные.

– Послушайте, – начала Талия, стараясь, чтобы страх не зазвучал в ее собственном голосе, – мне нужно выяснить, что случилось. Я префект, это мой служебный долг. Идите к полюсу вчетвером. Я вас нагоню.

– Ничего хорошего эти голоса не сулят.

– Понимаю, поэтому и должна выяснить, в чем дело.

– Проблема-то не ваша, – напомнил Келлибо. – Общественными беспорядками займутся дружинники анклава. Именно для этого они существуют.

– У вас есть постоянная дружина?

– Нет, – покачал головой садовник, – но система набрала бы отряд из числа граждан анклава, так же как нас набрали в группу встречающих.

– Система не действует, – напомнил Парнас.

– Значит, за порядком проследит отряд, набранный в последний раз.

– Когда был последний раз? – спросила Талия.

Взволнованные голоса звучали все громче и теперь больше напоминали птичьи, чем человеческие.

– Не помню, вроде пару лет назад.

– Скорее десять, – уточнила Мэриэл Редон. – Даже если дружина соберется вновь, как ей попасть, куда нужно, раз поезда не ходят?

– Рассуждать сейчас некогда. – Талия отстегнула хлыст-ищейку и стиснула тяжелую рукоять. – Пойду выясню.

– Одна? – ужаснулась Редон.

– Вплотную-то подбираться не надо. Со мной хлыст-ищейка, а это еще одна пара глаз. Вы пока идите по этой дорожке к деревьям. Я догоню.

– Погодите, у нас же Чудо-Птица есть! – вскинулся Катбертсон. – Давайте ее используем.

– Как? – спросила Талия.

– Сова пролетит над толпой, а вернувшись, расскажет, что видела. Для этого абстракция не нужна, верно, малышка?

Чудо-Птица защелкала клювом.

– Я птица чудесная, – похвасталась она. – Я летать могу.

– В стыковочном узле она казалась живее и смысленнее, – заметила Талия.

Катбертсон поднял руку – Чудо-Птица захлопала блестящими металлическими крыльями.

– Она понимает, что делать. Выпустить ее?

Талия глянула на хлыст-ищейку. Его способности пригодятся потом, а сейчас воздушная съемка принесет не меньше пользы.

– Выпускайте, – согласилась она.

Катбертсон поднял руку выше. Чудо-Птица разжала когти, энергично замахала крыльями. Талия наблюдала за совой, пока та не исчезла за башней. Птица то набирала, то чуть теряла высоту; солнце играло на

тонких перьях из фольги.

– Она вернется? – спросила Талия.

– Доверьтесь Чудо-Птице, – посоветовал Катбертсон.

Совы не было долго. Все уже разволновались, но вот она появилась с другой стороны башни, снизилась по спирали и неловко села Катбертсону на руку. Тот зашептал, и сова ответила тоже тихо.

– Что-нибудь выяснилось? – спросил Келлибо.

– Сова все записала, говорит, что видела людей и машины.

– Машины? – прищурившись, переспросил Келлибо.

– Вероятно, сервороботов. Больше она ничего не рассказывает. Сова – птица умная, но она докэлвинистской модели.

– Прождали впустую, – посетовал Келлибо.

– Спрячемся в тень и убедимся, что время потрачено не зря.

– Зачем, во имя Вой, нам в тень прятаться? – не выдержал Келлибо.

– Спрячемся, тогда и увидите. – Катбертсон осторожно коснулся совиных глаз-бусинок.

Талия разгадала его замысел – птичьи глаза очень напоминали лазерные проекторы – и огляделась по сторонам. Только бы не пришлось возвращаться в фойе!

– А если туда? – Мэриэл Редон показала на тень арки декоративного моста через пруд.

– Отлично! – похвалила Талия.

Они добежали до арки. Катбертсон опустился на колени, и совиная голова оказалась сантиметрах в тридцати от темных мраморных плит.

– Ну, малышка, показывай, что записала, после того как я тебя отпустил, – скомандовал Катбертсон.

Сова потупилась. На темно-сером мраморе появился яркий квадрат, а в нем фигурки людей, уменьшавшиеся по мере того, как птица набирала высоту. Точка наблюдения изменилась – сова отвернулась. Квадрат заполнила голубая дымка, в которой просматривались далекие дороги, парки и жилые дома, потом розовато-белый шпиль башни, где находится центр голосования. Башня расширилась и повернула вправо – это сова пронеслась мимо нее. Точка наблюдения плавно опустилась вниз, к поверхности анклава, – в квадрате поплыли геометрически правильные участки травы и воды. Вот эскалатор, ведущий на железнодорожную станцию, вот большой зеленый квадрат с муравьями, точнее, с фигурками людей, их несколько десятков.

– погоди! – скомандовал Катбертсон. – Малышка, сделай стоп-кадр и дай крупным планом центр картинки.

Изображение увеличилось, «муравьи» превратились в людей. Человек пятьдесят-шестьдесят или больше, если в поле зрения совы попали не все. Они уже не стояли кто как и не разбивались на охваченные тревогой и страхом группы. Нет, люди жались друг к другу плотнее, чем допускалось обычными нормами этикета. Разум Талии уже приготовился выдать объяснение, но ее опередили.

– Их собрали вместе, – очень тихо проговорила Мэриэл Редон. – Роботы их караулят.

Талия видела, что девушка права. Людей окружили сервороботы, штук двенадцать, не меньше. Их квадратные силуэты даже с высоты не спутаешь ни с чем. Одни передвигались на колесах и гусеницах, другие на гибких валиках, третьи на ногах. Талия узнала по крайней мере одного из ярко-голубых садовников, которых видела по пути к центру голосования. Вспомнилось, как зловеще блестели руки с инструментами, когда он выстригал павлина из живой изгороди.

– Жуткая картинка, – проговорила Талия.

– Наверняка дружинники попросили роботов помочь, – сказал Келлибо.

Парнасс ткнул толстым пальцем в мужчину с оранжевой повязкой на рукаве.

– Жаль портить тебе настроение, но, по-моему, это дружинник. Сервороботы обращаются с ним так же, как с остальными.

– Как пить дать, это обманщик с повязкой. Роботы способны действовать лишь под надзором официально назначенных дружинников.

– Где же дружинники? – поинтересовался Парнасс.

– Понятия не имею, – огрызнулся Келлибо. – Возможно, они управляют роботами дистанционно.

Парнасса такое объяснение совершенно не устроило.

– Без абстракции? Как же они передают приказы? Голубиной почтой?

– Возможно, роботы запрограммированы действовать так в чрезвычайных ситуациях? – неуверенно предположила Редон. – Они ведут себя, как полагается дружинникам.

– Чрезвычайные ситуации у вас случались? – спросила Талия?

– На моей памяти нет, – ответила Редон.

– Беспорядки были, – ответил Парнасс. – Так, бури в стакане воды. Только роботы дружинников из себя не корчили.

– Тогда, по-моему, дело тут в другом, – проговорила Талия.

– В чем же? – осведомился Парнасс.

Хранитель музея уже действовал Талии на нервы, но она не сорвалась.

– Боюсь, ситуация куда тревожнее. Не исключено, что мы с вами наблюдаем захват территории.

– Кем? – спросил Келлибо. – Представителями другого анклава?

– Не знаю, поэтому должна увидеть все собственными глазами. Вы оставайтесь здесь и сидите тихо до моего возвращения. Если через пять минут не подам весточки, пробирайтесь к полюсу без меня.

– Вы свихнулись? – спросила Редон.

– Нет, я лишь выполняю служебный долг, – ответила Талия. – Вижу, что страдают мирные граждане. Раз дружина анклава не защищает их, должны вмешаться «Доспехи».

– Но ведь вы одна.

– Значит, на ошибку не имею права. – Отчаянно храбрящаяся Талия постучала себя по запястью. – Пять минут. Я серьезно.

Она выбралась из-под арки и, согнувшись в три погибели, побежала от укрытия к укрытию. Хлыст сжимала правой рукой, как дубинку.

Вдали от группы, вдали от споров и перебранок думалось куда лучше. На определенную самостоятельность сервороботы запрограммированы, но, если им не поставили новый спецсофт по управлению толпой, согласованные действия, которые зафиксировала сова Катбертсона, говорят о том, что кто-то где-то дергает за нитки. А это, в свою очередь, говорит о том, что абстракция отсутствует не полностью.

Талия вспомнила про очки. Почему же только сейчас о них подумала?! Раздосадованная, вытащила их из кармана и надела. Вид местности практически не изменился, значит абстракция действительно присутствует, хоть и на очень низком уровне. В правом нижнем углу поля обзора замелькали символы – очки распознали сигналы, очень напоминающие протоколы сервороботов. Машинами кто-то управлял. Абстракция не отсутствовала, вернее, отсутствовала только для людей.

Слишком много совпадений. Талию послали ставить обновления, и едва они заработали – кто-то устроил диверсию.

У нее закружилась голова: секунду назад все было понятно, а теперь под ногами словно пропасть разверзлась.

Пресечь, пресечь черные мысли, пока они до отчаяния не довели! По-прежнему не распрямляясь, Талия делала перебежки, словно пряталась от снайпера. Наконец впереди показалась лужайка, на которой сервороботы удерживали граждан Дома Обюссонов. Талию укрывала живая изгородь, достаточно высокая, чтобы заслонить сидящую на корточках. Хорошо, что у изгороди форма решетки, – в щелки-ромбики можно следить за лужайкой. Еще лучше, что у префектов черная форма. Военные сервороботы давно

засекли бы Талию с помощью тепловизоров или любого из многочисленных датчиков, предназначенных для охоты на людей. Только этих сервороботов создали для работы в саду, а не для поисково-карательных операций.

На корточках много не увидишь: точка обзора слишком низкая. Вот оцепление роботов, за ним жмутся друг к другу люди. Машины блокировали их в углу между двумя высокими изгородями. В операции участвовала дюжина механизмов. Стоило кому-нибудь из людей сделать пару шагов в сторону, на пути вставал проворный механизм.

Как заметила Талия, почти никто не пытался сбежать. Люди вели себя сдержаннее, чем прежде: они уже не кричали, а переговаривались. Кое-кто даже успел успокоиться. Очевидно, мысли о побеге отбивал размер сервороботов – многие куда выше человеческого роста, – а еще импровизированное оружие. Секатор с длинным лезвием Талия уже видела, а теперь разглядела и мощные водометы, которыми чистят мраморную плитку, и пилы для подравнивания изгородей, и, разумеется, руки-манипуляторы для работы с инструментами и материалами.

Талия расслышала голос, выделяющийся из общего ропота. Невозмутимый, успокаивающий, он явно принадлежал машине.

– Режим разведки переднего края, – шепотом скомандовала Талия хлысту-ищейке. – Продвинуться вперед на двадцать метров, выждать сто секунд и вернуться. Положение максимальной скрытности.

Талия отпустила рукоять. С невероятной скоростью хлыст расправил хвост и проскользнул через ромбовидную брешь в изгороди. Зашелестела листва, и стало тихо. Талия коснулась дужки очков, чтобы вывести окно обзора хлыста-ищейки. Картинка почти не менялась – хлыст занял позицию для наблюдения прямо перед Талией. Тонкий хвост свернулся на земле, рукоять поднялась над травой примерно на ладонь. Она медленно поворачивалась, пока не увидела толпу. Очки поиграли с кратностью увеличения и приблизили картинку. Хлыст умел выделять людей и фокусироваться на них.

Талия вгляделась в чужие лица: у кого-то прочла страх и изумление, у кого-то злость, у многих доверие и безропотность.

Звукоъемник хлыста подал искусственно усиленный голос в наушники Талии.

– Введено чрезвычайное положение, – объявил голос. – Полная информация пока недоступна, но из достоверных источников известно, что Дом Обюссонов подвергся атаке, которая продолжается до сих пор. Враги не только блокировали доступ к абстракции, но и внедрились в биосферу

анклава летучее нейротоксическое вещество. Пока не установлены концентрация и принцип действия яда, необходимо ограничить свободу общения и передвижения. В зонах, где дружина отсутствует или не выполняет своих задач, ее функции переключаются на сервороботов. Эти временные меры вводятся для безопасности населения. В данный момент дружина оценивает масштаб и опасность нападения. «Доспехи» проинформированы о случившемся и уже работают над принятием ответных мер. Просим вас активно помогать дружине, выполняя распоряжения уполномоченных представителей, будь они людьми или роботами. Лишь в таких условиях ресурсы анклава пойдут исключительно на устранение угрозы. Благодарю за содействие в этот тяжелый час.

Голос стих, но почти сразу запись включили снова.

– Говорит Лукас Тесигер, представитель дружины Дома Обюссонов, действующей на основании Акта о чрезвычайных ситуациях. С прискорбием сообщая, что на территории анклава введено чрезвычайное положение. Полная информация пока недоступна...

Хлыст-ищейка прервал наблюдение и скользнул обратно. Талия сняла очки и спрятала в карман кителя. Зашелестела листва – хлыст скользнул в ромбовидную брешь. Талия растопырила пальцы правой руки, и он лег на ладонь, мгновенно втянув хвост.

Талия оглянулась, чтобы определить маршрут возвращения, и увидела большого робота на шести колесах. Пока просматривалась лишь верхняя половина машины, остальное скрывала изгородь. Оранжевый серворобот с глянцевым корпусом, захватами и ковшом для сбора крупногабаритного мусора катил по дорожке, хрустя гравием. Талия снова оценила свой обратный путь и поняла, что с роботом столкнется секунд через пятнадцать-двадцать, даже раньше, если не изменит маршрут.

Может, робот ничего и не сделает – мирно проедет мимо по своим делам. Только рисковать Талия не собиралась.

Двигаться пришлось в полуприседе, но быстро. Крепко держа хлыст-ищейку, Талия добралась до места, где три изгороди преграждали дорогу. Серворобот приблизился. Талия рискнула оглянуться и увидела, как солнце отражается от блестящего корпуса. Торчащие оси шести колес, клешни-мусоросборники, темная гроздь камер под козырьком ковша – наступающий робот напоминал жуткого краба. Час назад Талия спокойно прошла бы мимо, а теперь испугалась до смерти.

Талия нажала кнопку на рукояти хлыста – перевела его в режим сверхмощного меча. Хвост выскользнул примерно на метр и застыл – по мощности он сейчас не уступал лазерному лучу. Удерживая двумя руками,

Талия направила хвост-лезвие на изгородь и прорезала по горизонтали. Хлыст автоматически поворачивал «клинок», чтобы задействовать микроскопические абляционные механизмы режущего края. Ощутимого сопротивления не было. Вертикальный порез, горизонтальный, потом снова вертикальный. Талия убрала меч и нажала на вырезанный куб. Он сдвинулся, потом упал на землю с другой стороны изгороди. Стоило бы хорошо подумать и вырезать побольше. Только времени на «хорошо подумать» не было.

Талия полезла в дыру. Едва выбралась, из-за угла показался робот. Талия села на корточки, стараясь не издавать ни звука. Лужайка, на которую она попала, огибала пруд и роботами не просматривалась. Пруд был круглый, с декоративным фонтаном в центре.

Садовник приблизился совершенно бесшумно, если не считать хруста гравия под колесами. Талия сжалась в комок. Сейчас робот остановится, увидит дыру, найдет человека и вызовет подмогу. Только робот не остановился, даже поравнявшись с дырой. Талия едва дышала, пока хруст гравия не слился с фоновыми звуками – журчанием фонтана, далеким ропотом толпы и бесконечно повторяющимися заверениями Лукаса Тесигера.

Когда Талия убедилась, что серворобот не вернется, она выглянула из-за изгороди. Других машин поблизости не было – по крайней мере, они не попадались на глаза. Оранжевый робот теперь ехал перпендикулярно изгороди, которую прорезала Талия, но, увы, не удалялся от нее. Взглянув в направлении его движения, префект обнаружила проход, не замеченный при первом осмотре. Если робот доедет до прохода и повернет к пруду, ей от него не спрятаться.

Талия прикрепила хлыст к поясу и полезла через брешь обратно. Гравий впивался в ладони – она выползла на дорожку и села на корточки. Талия снова запретила себе шуметь, глядя, как оранжевый робот доезжает до конца изгороди и катит к пруду. Не зря она вернулась: даже если у серворобота примитивная зрительная система, он не проглядел бы человека.

«Беги! – кричала интуиция. – Беги, пока садовник занят!»

Но Талия решила подождать. В ковш робота упало нечто не похожее на крупногабаритный мусор.

Садовник подкатил к самому пруду, поднял ковш, блеснув выдвинувшимися поршнями, и перевернул его. Нестандартный мусор скользнул в воду. Это же труп, вялый, еще не окоченевший. Значит, мужчина в коричневой форме смотрителя парка погиб недавно. На груди

несчастливого алела рана. Вот над водой поднялся локоть, а потом исчез и он. Фонтан бросал на поверхность пруда белую пену, скрывая труп от любопытных глаз.

Талию затрясло, и она сняла хлыст-ищейку с пояса. Увещеваниям Лукаса Тесигера, если такой человек существовал, она не поверила, но еще минуту назад убеждала себя, что роботы действуют по протоколу аварийной ситуации. Может, правда слишком неприятна и гражданам анклава не сообщают ее, чтобы не сеять панику?

Нет, даже в самой критической ситуации покойников не бросают в городские пруды.

* * *

– Вначале нас было сто, – сообщила Клепсидра. – В этом отсеке мы спали, точнее – давали телам отдых в межзвездных рейсах. Многие до сих пор живы и на нейронном уровне подсоединены к «Прологу».

– Где этот «Пролог»? – спросил Дрейфус.

– В другой части корабля.

– Покажете?

– Если покажу, придется вас убить.

Это шутка или Клепсидра говорит серьезно?

В общем, она сообщила Дрейфусу абсолютный минимум. Префект понял лишь, что «Пролог» – нечто вроде квантового перископа, заглядывающего в мутное море частично совпадающих вариантов будущего. То, что Клепсидра называла ретрокаузальной вероятностью, генерировалось на основе вариантов будущего, которое спящие, подключенные к «Прологу», видели на протяжении определенного отрезка времени. Сила разума спящих превращала расплывчатые данные «Пролога» в связные предсказания грядущих событий.

Дрейфус оглядел калек.

– Только не говорите, что они в сознании.

– Это состояние вроде контролируемого сна. Разум каждого работает исключительно на Аврору, фильтрует данные для «Пролога». На нормальные мысли элементарно не хватает сил. Аврора об этом позаботилась.

– Вы этой участи избежали, – заметил Дрейфус.

– Так мы решили вместе с остальными спящими. Порой Аврора

оставляла наши мысли в покое. Мы воспользовались бесконтрольными промежутками и разработали план. На него годы ушли. Мы понимали: спасется лишь один. Меня выбрали случайным образом, сгодился бы любой.

– Почему спаслись только вы одна? И когда получили свободу, почему другим не помогли?

– Мы надеялись, что я найду способ вернуться к нашему народу. Увы, не получилось.

– Давно вы на свободе?

– Сто дней. Тысячу. Уже не помню. По крайней мере, вам уже известно, за счет чего я держусь. В астероиде у меня есть убежище, о котором неизвестно Авроре. Постоянно в нем отсиживаться нельзя. Время от времени я наведываюсь сюда. Отрезаю аккуратно и понемногу, чтобы хватило на пару дней, а у донора не возникло дополнительных осложнений. Добытое уношу в убежище и там готовлю с помощью инструментов для прижигания. – Клепсидра с вызовом взглянула на Дрейфуса: давай, осуди меня, если посмеешь. – Потом ем, медленно, с благодарностью. Потом возвращаюсь.

– Ужас!

– Так мы договорились.

– Мы?

– Я и другие спящие. Слушайте внимательно, Дрейфус. Такой план был у нас с самого начала. Бодрствует один, и только один. Аврора требовала, чтобы данные для «Пролога» текли рекой. Если цель не достигалась, если ее ожидания не оправдывались, она нас наказывала. Блокада нервов эффективно нейтрализует физическую боль, но бесполезна, если болевые импульсы вызываются прямо в головном мозге путем кортикальной стимуляции. Так Аврора подчинила нас себе.

– Шлемы предназначены для этого?

– Аврора модифицировала наше собственное оборудование. Шлемы и с «Прологом» нас соединяют, и наказывают.

– Вам лично она боль причиняла?

– И мне, и каждому из остальных. Причем всю группу сразу она не терзала. Страдая вместе, мы могли сплотиться и общими усилиями дать ей отпор. Аврора оказалась умнее – пресекла мятежную солидарность на корню.

– Каким образом?

– Выбирала одного и наказывала за общую неудачу. Некоторым доставалось снова и снова. Мы сочленители, поэтому боль несчастного

чувствовали всегда: не полностью, а отголоски, чтобы постичь глубину страданий.

– И это сработало?

– Мы усвоили, что подводить Аврору нельзя, но, исходя из тех же соображений, искали способ обмануть ее. Она контролирует наши мысли, но не безустанно. Когда ее интересовало что-то другое, мы чувствовали перерывы в потоке нашего группового сознания. В такие паузы и был составлен план.

– Рано или поздно Аврора почуяла бы неладное?

– Она сосредоточена лишь на снах и наказании. Принципы работы «Пролога» ее не очень волнуют. Вот если бы я помешала ей, ситуация изменилась бы.

– Как вас выбрали?

– Случайным образом. Некоторые считали, что бодрствовать следует тому, кого Аврора любит наказывать. Но тогда во время следующего наказания план оказался бы на грани срыва.

– Да, понимаю.

– Освободиться было непросто. Понадобились тщательная подготовка, искусная маскировка. Я научилась обманывать шлем: вела себя так, словно спала, а сама бодрствовала. Научилась менять настройки и снимать шлем с предельной осторожностью, чтобы он не подал сигнал тревоги. На все про все ушел целый год.

– Но раз вы спаслись... пустой шлем все равно появился, – промямлил Дрейфус, потрясенный услышанным.

– Эта проблема решилась легко. Я ведь говорила, что наш корабль пострадал еще до встречи с Авророй? Тела погибших мы везли в Материнское Гнездо, где их компоненты использовали бы повторно. Пока Аврора не заметила моего отсутствия, я подключила к «Прологу» погибшего. Система жизнеобеспечения поддерживала труп. Думать он не мог, но другие спящие скрыли это от Авроры.

Дрейфус покачал головой. Исповедь Клепсидры вызывала шок, оторопь и восхищение. Хотя казалось, что рассказывать о таких страданиях – кощунство.

– И поскольку вам не удалось отсюда вырваться... все усилия были напрасны?

– И я, и другие спящие уже думали об этом. По плану мне следовало сосредоточиться на отправке сообщения в Материнское Гнездо, если оно по-прежнему существует. Но мешают здешние устройства. Я чувствую, как открываются и закрываются двери, как прибывают корабли и посетители.

Однако архитектура данных зависит от оптических схем, которыми мои имплантаты манипулировать не могут.

– Аврора знала, в какую темницу вас упечь, – мрачно кивнул Дрейфус.

– Да, она не ошиблась. Если у вашего помощника имеются нужные инструменты, ему, возможно, повезет больше. У меня ничего не вышло.

– Но вы не сдались.

– Я решила собрать свой приемник. Если составить верные команды, корабль создаст его за считанные часы, но в этом случае Аврора почувствует изменения. О вашем присутствии, Дрейфус, ей почти наверняка известно. Я боялась, что она убьет спящих, и не хотела рисковать. Пришлось обходиться подручными средствами, переносить их в убежище и собирать приемник там.

– Долго вам еще его делать?

– Сто дней. Или тысячу. Думаю, дольше, – негромко добавила Клепсидра. – Точно не скажешь.

– Сколько вы продержались бы здесь?

– Через пару лет питаться, не убивая, стало бы невозможно. Настала бы пора нелегких решений, я бы их приняла даже глазом не моргнув – на то я и сочленитель. Но кое-что изменилось.

– Что именно?

– На астероид прилетели вы, префект Дрейфус. У меня появился шанс.

* * *

– Что ты видела? – спросила Мэриэл Редон, едва Талия вернулась к своей группе.

Префект подняла руку, требуя времени отдышаться. От перемещений вприсядку болела спина.

– Примерно то, что ожидала после просмотра отснятого Чудо-Птицей, – негромко ответила Талия, жадно глотая воздух. – Все не так страшно, как казалось поначалу. Сервороботы активированы по протоколам аварийной ситуации. Я слышала дружинника, он объяснил, почему нужно сохранять спокойствие.

– Я думал, все дружинники в толпе и с ними обращаются не лучше, чем с остальными, – проговорил Келлибо.

– Вряд ли того типа уполномочили носить повязку дружинника, – сказала Талия. Она так старалась предугадать вопросы, что голова шла

кругом. – По крайней мере, я слышала робота. Там снова и снова прокручивают обращение некоего Лукаса Тесигера. Это имя вам что-нибудь говорит?

– Тесигера избрали в дружину при ЧП со взрывом, – сказала Редон. – Помню, в сообщениях мелькало его лицо. Тесигера хвалили за храбрость, после того как он спас людей, оказавшихся у расселины. Многие твердили, что его нужно сделать постоянным дружинником, чтобы работал и при следующем ЧП.

– Видимо, ваше желание исполнилось. Тесигер отдает приказы откуда-то издалека.

– Раз командуют дружинники, зачем роботов привлекли? – с подозрением спросил Катбертсон.

– Везде и сразу дружинники находиться не могут, – объяснила Талия хозяину совы. – Не забывайте про проблемы со связью. Поэтому в зонах вроде этой и привлекли роботов. Людям велено сохранять спокойствие и ждать, когда закончится кризис.

– Какой кризис? – спросил Парнасс так тихо, что Талия едва услышала.

– Пока не совсем ясно. Тесигер утверждает, что анклав подвергся атаке, которая, возможно, продолжается до сих пор. Еще он сказал, что воздух отравили ядовитым реагентом.

Хранитель музея посмотрел на Талию. «Другим уши три, а мне даже не пробуй», – говорил его многозначительный взгляд.

– Так абстракция по чистой случайности отключилась в тот момент, когда вы ставили обновление?

– Трудно поверить, но похоже на то.

– Вот так совпадение!

Талия мрачно кивнула:

– Согласна с вами, но сейчас думать об этом некогда. Сейчас нужно думать лишь о выживании. Тесигер, кем бы он ни был, правильно сделал, что ввел военное положение и не допустил паники. На его месте я поступила бы так же, даже если бы дружину пришлось пополнить сервороботами.

– Роботы не отвели людей в безопасное место, – проговорил Катбертсон звенящим от волнения голосом. – А караулят их, как пленников. Что-то там неладно.

– Не согласна. Роботы наверняка получили задание до того, как Тесигер записал свое обращение. Учитывая все произошедшее – абстракция пропала, энергия отключена, – неудивительно, что люди

перепугались, когда изменилось поведение роботов. А ведь роботы всего лишь выполняют приказы. Дружинник улыбнулся бы, рукой помахал, но, по сути, сделал бы то же самое. Толпа заметно успокоилась, когда Тесигер объяснил, в чем дело.

– Талия права, – проговорила Редон. – Криков сейчас почти не слышно.

– Что же нам делать? – спросил Келлибо. – Влиться в толпу?

Талия решила не упускать золотого шанса:

– Если хотите, останавливать не стану. Но в отличие от сограждан вы уже под защитой «Доспехов». Она надежнее любых местных мер обеспечения безопасности, включая комендантский час на территории всего анклава.

– Вы же говорили про какой-то яд в воздухе? – напомнила Редон.

– О токсичном реагенте упоминал Тесигер. Наверное, он располагает сведениями о том, что подобное планировалось. По-моему, Тесигер преувеличивает опасность, перестраховывается.

– Это лишь ваши догадки, – проговорила Редон, с тревогой глядя на Талию.

– Верно, догадки, – кивнула та. – Но подумайте сами: чтобы не допустить панику, Тесигер собирает людей в большие группы и держит на свежем воздухе.

– Все высотные здания герметичны, – сказал Келлибо, словно только что это понял. – Их проектировали так, чтобы выдержали любой взрыв. Почему Тесигер не ведет людей в здания?

– Наверное, поведет, как только наберутся большие группы. Люди закроются в зданиях и больше никого не впустят. Если воздух и впрямь отравлен, а укрыться успеют не все, что тогда?

– Ничего хорошего, только разве нам это на руку? – спросила Редон.

– На руку, – ответила Талия. – Самое разумное для нас – двигаться дальше. Мой хлыст-ищейка оснащен хемосенсором, который распознает ядовитые вещества задолго до того, как их концентрация в воздухе станет опасной.

– А потом? – не унималась Редон.

– Потом, если понадобится, разыщем убежище. Но главная цель – добраться до моего корабля. Там мы будем в безопасности.

– Что ждет тех, кто остался у центра голосования?

Талия взглянула на башню с шаром наверху.

– Сейчас я не в силах им помочь. Шар герметичен, значит от яда они защищены. Пусть сидят там, пока помощь не подоспеет.

Парнасс шумно перевел дух и кивнул.

– А мы пойдём дальше.

– Хотя недовольной толпы можно не бояться, – проговорил Катбертсон. – Если роботы берут всех под охрану...

– Толпы можно не бояться, – согласилась Талия. – А вот встреча с роботами-дружинниками нам совершенно ни к чему.

– Разве они не пропустят нас, если объяснить, что ты из «Доспехов»? – спросил Келлибо.

– Надеюсь, что пропустят, но не хочется проверять. Перед каждым действием робот у Тесигера не консультируется, он выполняет стандартную программу защиты гражданского населения.

– Значит, надо прятаться от роботов, – проговорил Келлибо. – Задача не из легких, префект. Вы хоть представляете, сколько здесь машин?

– Наверное, миллионы, – ответила Талия. – В таких условиях нам придется сделать максимум. Отправлю хлыст вперед, на разведку. – Она отстегнула хлыст и позволила ему расправить хвост. – Режим передового дозора, проверка двадцатиметровой зоны. Выполнять немедленно.

Хлыст-ищейка зигзагами устремился вперед, двигаясь так быстро, что простым глазом не разглядишь.

– Мы идем? – спросил Келлибо.

Талия дождалась, когда хлыст вернется и кивнет рукоятью с лазерным глазком, давая понять, что в двадцатиметровой зоне безопасно.

– Да, идем, – ответила Талия. – Не привлекайте к себе внимания, не шумите, и все закончится хорошо. Так или иначе – мы отсюда выберемся.

Группа зашагала по гравийным и мраморным дорожкам согнувшись в три погибели, чтобы прятаться за изгородями. Те периодически расходились по сторонам, опоясывая садик или декоративный пруд. До полюса было менее десяти километров, но при таком продвижении они обещали отнять не меньше сил и времени, чем все пятьдесят. Талия надеялась, что станет проще, когда ухоженные сады вокруг музея сменятся густым лесом или парком. А вот и деревья, к которым они направились, покинув башню.

Рядом с Талией шел Парнасс. Невысокому, коренастому, ему было проще двигаться на полусогнутых, чем остальным.

– Дочка, ты молодец! – тихо сказал он.

– Спасибо, – процедила Талия сквозь зубы.

– Что ты от нас скрываешь?

– Ничего.

– С тех пор как побывала по ту сторону от башни, ты сама не своя.

Что, жути там нагляделась? И не говоришь, чтобы мы от страха не свихнулись?

– Сайрус, не будем терять время.

– А насчет речи Тесигера ты правду сказала?

– Что слышала, то и пересказала вам.

– Но сама не поверила ни единому слову?

– Сейчас не время это обсуждать, нужно двигаться дальше, тихо и незаметно. – Талия хмуро взглянула на хранителя музея. – Что тут непонятного?

– Так что же творится на лужайке? – не унимался Парнасс. – Роботы готовят какую-то пакость?

Впереди хлыст покачал рукоятью из стороны в сторону, а секундой позже приткнулся к земле. Ни дать ни взять обрывок провода с утолщением на конце. Талия подняла руку.

– Стойте! – шепнула она. – Ищайка не считает двадцатиметровую зону безопасной. Там что-то есть.

Спутники замерли у Талии за спиной. Хлыст неподвижно лежал на земле. Он сканировал окрестности круглого пруда с китайским красным деревянным мостиком. У пруда сходились еще две тропки с живой изгородью.

– Наверное, нужно отступить, – шепнула Талия.

– Наверное? – спросил Келлибо.

Хлыст ничего не советовал. Он избрал положение максимальной скрытности, что означало лишь одно: замечено целенаправленное движение. Талия сделала глубокий вдох, призывая себя принять верное решение. Раз хлыст не дает сигнала, дальше идти нельзя. Нужно отступить, вернуться к последней развилке и выбрать другую дорогу.

– Отступаем! – шепнула Талия.

С разных сторон к пруду подбирались два механизма. Слева шел робот в золотистом корпусе, с тремя парами шарнирных ног и множеством членистых щупалец, торчащих из расширенного передка. «Наверное, общехозяйственного назначения», – подумала Талия. Справа на длинных ногах подскакивал многорукий домашний робот, черно-белый корпус которого напоминал ливрею дворецкого.

– Отставить скрытность! – скомандовала Талия. – Немедленно назад!

Хлыст отреагировал мгновенно. Посыпался мелкий гравий – ищайка развернулась и, оттолкнувшись, взлетела. Талия растопырила пальцы. Хлыст мгновенно преодолел двадцать метров, рукоять оказалась у хозяйки, в самый последний момент втянулся хвост. У Талии аж ладонь заняла, так

мощно финишировал хлыст.

Она опустилась на колени и поочередно нацелила красный лазерный глазок на сервороботов, не забывая нажимать на кнопку.

– Пометить как враждебный элемент, – дважды сказала она. – Остановить и задержать. При необходимости использовать максимум силы.

Талия швырнула ищейку, словно гранату. Хвост активировался и зазмеился за рукоятью – хлыст оценивал ситуацию. Вот хвост коснулся земли, свернувшись в пружину, и рукоять бросилась в сторону двуногого «дворецкого»: ищейка, должно быть, сочла его наиболее легкой мишенью. Зашуршал разлетающийся гравий.

– Теперь бежим! – сказала Талия спутникам.

По-прежнему пригибаясь, она оглянулась на бегу. Оба робота огибали пруд, направляясь к концу мостика, возле которого только что спрятались люди. Хлыст набрал высоту, потом обвил ноги «дворецкого». Чтобы опрокинуть робота, одного рывка не хватило, и ищейка тут же повторила прием.

Робот потерял равновесие, рухнул и тотчас стал подниматься. Рукоять и хвост образовали прямой угол, и режущий край ударил робота по ногам. Словно кровь из артерии, брызнула голубая жидкость. Машина отчаянно молотила верхними конечностями, но с хлыстом справиться не могла.

Нейтрализовав одного противника, ищейка переключилась на второго, который спешил на шести ногах к Талии и ее команде. Членистые щупальца рассекали воздух, наглядно демонстрируя, как выглядит разгневанный робот. Хлыст бросился в атаку – обвил щупальца и дал работу режущему краю. Талия бежала, сгибаясь в три погибели, и периодически оглядывалась.

– Держитесь этой стороны изгороди! – крикнула она спутникам.

Битва серворобота с хлыстом превратилась в бешеное мельтешение металла. Во все стороны летели обрезки. Похоже, хлыст повредил роботу систему самонаведения – тот потерял устойчивость и закачался. Из металлического вихря вылетел кусок щупальца. Раздавались свист и лязг, будто сотни плетей секли ржавую сталь. Мельтешение замедлилось – роботу перерезали ногу.

«Похоже, победим», – осмелилась подумать Талия.

Тут из вихря вылетело что-то темное – отброшенный щупальцами хлыст шлепнулся к ногам префекта. Рукоять жужжала, хвост вяло дергался.

Робот приближался.

Талия сбавила шаг: неожиданно появилась мысль, здравая и четкая. Поврежденная ищейка годится лишь для одного. Талия остановилась и

подняла ее. Широкая пробоина обнажила слои деталей, которые младшему префекту видеть не полагалось. Теплая рукоять жужжала и подрагивала на ладони. Хвост висел безжизненно.

Талия крутила рифленые колесики на конце рукояти, пока не совместила две красные точки, которые тотчас вспыхнули и запульсировали.

– Режим гранаты. Мощность минимальная. Взрывателю сработать через пять секунд.

Хвост втянулся в корпус. Черная рукоять так и вибрировала на ладони, но команда выполнялась безукоризненно – подобная четкость вырабатывается лишь ценой упорных повторений.

Талия швырнула хлыст, и он по дуге полетел к надвигающемуся сервороботу. Префект целилась так, чтобы хлыст упал прямо перед роботом. Если ищейка ляжет слишком близко, противник успеет поднять ее и отшвырнуть; если далеко, повреждения будут недостаточно сильны. Взрыв максимальной мощности – непозволительная роскошь. Робота он из строя выведет, но и группу Талии не пощадит.

Одна секунда.

– Всем лечь! – крикнула Талия, готовая броситься наземь.

Две секунды.

Робот застыл, из корпуса повалил густой сизый дым. Талия решила, что ему конец. Хлыст задание выполнил, а хозяйка вот-вот уничтожит его без всякой пользы. Зачем взрывать робота, если тот обездвижен?

Три секунды.

– Отмена команды! – закричала Талия. – Отмена!

Четыре секунды. Пять. Ищейка неподвижно лежала на земле. Талия вовремя дала отбой, но не могла избавиться от ощущения, что создала бомбу, которая обязательно рванет, эдакий меч, который не вернется в ножны, пока не нанесет рану.

Колени дрожали, но Талия пошла к ищейке. Поврежденный робот еще дергал щупальцами-манипуляторами, вороша гравий в считанных сантиметрах от рукояти. Спутники смотрели на Талию, явно недоумевая. Талия присела и опасливо потянулась к поврежденному хлысту. Робот шевельнул щупальцами в отчаянной попытке задержать, но префект оказалась проворнее. Рванув хлыст на себя, она едва не потеряла равновесия, но затем рывком поднялась на ноги и подкрутила колесики, чтобы изменить настройки на нейтральные.

– Что теперь? – спросил Келлибо, подбоченившись.

Все четверо смотрели на Талию, не ожидая, а требуя указаний.

Талия пристегнула поврежденный хлыст к поясу. Он жужжал и вибрировал не переставая.

– Дальше идти нельзя. Слишком рискованно, раз хлыст неисправен.

– По-моему, нужно сдаться дружинникам Тесигера, – предложил Келлибо. – Какая разница, люди это или роботы? Они о нас позаботятся.

Парнасс кивнул Талии:

– Скажи им.

У нее пересохло во рту. Оказаться бы сейчас где угодно, только не здесь, не под убогой защитой поврежденного хлыста.

– Что она должна нам сказать? – спросила Мэриэл Редон звенящим от страха голосом.

Талия вытерла о китель испачканные землей пальцы, оставив серые следы.

– Мы в беде, – начала она. – В такой беде, что и говорить страшно. Только Сайрус Парнасс прав: скрывать больше нельзя.

– Что скрывать? – пролепетала Редон.

– Вряд ли ситуация под контролем у Тесигера. Думаю, это уловка, чтобы люди подчинились роботам. Думаю, Тесигер либо убит, либо арестован, либо сражается за свою жизнь. Еще думаю, в Доме Обюссонов дружинников нет.

– Что из этого следует? – допытывалась Редон.

– У руля сейчас роботы. Анклав в их власти. Они уже начали убивать.

– Наверняка ты не знаешь.

– Знаю, – возразила Талия, убирая со лба потную прядь. – Я видела мужчину... мертвого. Зверски убитого роботом. Его труп прятали подальше от наших глаз.

Катбертсон глубоко вздохнул.

– Значит, наш план... Мы правильно делаем, что уносим ноги?

– Мне так казалось, – кивнула Талия. – Но теперь я понимаю, что ошиблась. Располагая только хлыстом-ищейкой, мы не добрались бы до стыковочного узла. Мой просчет, я виновата. Зря мы ушли из башни.

Все пятеро оглянулись на тонкий ствол с шаром – хранилище центра голосования. Башня блестела на фоне голубоватого сумрака псевдонеба – в реальности противоположной стены анклава.

– Что же теперь делать? – спросил Келлибо.

– Вернуться в башню, – ответила Талия. – И поскорее, раньше роботов. Там можно забаррикадироваться.

Когда Талия и ее спутники попытались уйти подальше от музея, удача от них отвернулась, зато она не покидала их, пока они снова не попали в

прохладное, тенистое фойе башни. Роботы туда еще не проникли, чтобы погнать пленников на лужайку к другим задержанным. Казалось, уже много часов прошло с тех пор, как пропала абстракция и появились первые намеки на то, что это не просто технический сбой. Но вот Талия глянула на часы и с ужасом поняла, что установила обновление лишь сорок минут назад. На «Доспехах» ее даже не считают опоздавшей и хватятся еще не скоро. Помощь подоспеет, но в ближайшие несколько часов Талия может рассчитывать только на себя.

Словно в доказательство того, что прошло совсем мало времени, лифт еще ждал в фойе. Талия вошла и поманила спутников в кабину. Дверцы сдвинулись.

– Это младший полевой префект Талия Нг. Идентифицируйте мою спектрограмму. – От усталости у нее заплетался язык.

Ждать пришлось нестерпимо долго, наверное, долю секунды.

– Спектрограмма идентифицирована, младший полевой префект Нг, – ответил лифт.

– Везите нас наверх.

Ничего не случилось. Затаив дыхание, Талия ждала заветного рывка.

– У нас проблемы? – спросил Келлибо.

Усталость как рукой сняло – Талия молниеносно повернулась к нему.

– А вы как думаете? Лифт не едет.

– Попробуй снова, – спокойно посоветовал Парнасс. – Вдруг лифт тебя не понял.

– Это Талия Нг. Прошу подняться. – (Лифт не сдвинулся с места.) – Это младший полевой префект Талия Нг. Идентифицируйте мою спектрограмму! – повторила Талия.

В этот раз лифт не ответил.

– Что-то сломалось, – проговорил Сайрус Парнасс негромко и бесстрастно, словно был сторонним комментатором, а не сам попал в передрагу. – Давайте по лестнице поднимемся.

– Отличная мысль, – похвалила Мэриэл Редон. – А то я уже чувствую себя как в ловушке.

– Открой кабину, – велел Парнасс лифту.

Талия прижала руку к пульту управления. После схватки с сервороботами ладонь была в ушибах и царапинах. Осколки гравия занозами впились в кожу.

– Глухо.

– Снова попробуй.

– Ни в какую. Наверное, вежливые просьбы тоже бесполезны.

– Пробуй.

– Это Талия Нг, – без надежды на успех обратилась к лифту префект. – Откройте кабину. – Она ударила по пульту. – Открой, мать твою!

– Роботы, – проговорил Катбертсон.

Группа проследила за его взглядом, а смотрел он за решетчатые дверцы, через пустое сумрачное фойе, сквозь проем выхода. Отряд роботов неторопливо и очень решительно подбирался к башне. Восемь или девять, все разных моделей, с блестящими на солнце корпусами, катились, прыгали, шагали, высоко подняв манипуляторы и режущие инструменты.

– Нас заманили в ловушку. Позволили вернуться, рассчитывая, что мы воспользуемся лифтом, – потрясенно сказал Келлибо. – Префект, ведь и лифт предложили вы.

– Сами заткнетесь или помочь? – осведомилась Талия, отстегивая теплую жужжащую рукоять ищейки.

Авангард противника вошел в тень, которую ронял козырек перед широкими дверями музея. Три мраморные ступени – и роботы попадут в фойе. Хлыст-ищейка задрожал, словно у него участился пульс.

– Вы же говорили, что хлыст поврежден, – напомнил Келлибо. – Как он справится с девятью роботами, если двух едва одолел?

Талия повернула массивное кольцо, активируя режим меча в надежде, что ищейка еще способна выпустить хвост и придать ему жесткость. Рукоять жужжала, как оса в банке, но хвост не появлялся.

Талия снова крутанула, беззвучно умоляя инструмент откликнуться. Жужжание усилилось, показался хвост. Он вылез на десять сантиметров, на пятнадцать, достиг предела на двадцати, зато был прямым и жестким.

Резать черную решетчатую дверцу оказалось сложнее, чем живую изгородь, но ведь этого и следовало ожидать. Талия велела себе успокоиться – паника до добра не доведет – и аккуратно вспорола решетку по горизонтали и вертикали. Последние два-три разреза отняли почти столько же времени, сколько первые десять. Прямоугольный кусок решетки со звоном упал на мраморный пол. Роботы уже поднялись на крыльцо и пересекли фойе. Две ходячие машины тащили по ступенькам колесных собратьев.

– На лестницу! – скомандовала Талия. – Бегите что есть силы, до самого верха не останавливайтесь!

Она вылезла из лифта с остальными, но немного отстала. Талия пятилась – шла лицом к напирющим машинам, держа поврежденный хлыст перед собой. Она уже превратила ищейку в гранату и приготовилась к броску, но, попав на лестницу, вдруг передумала. Взрыв особой пользы не

принесет, на смену разрушенным роботам пришлют других.

Талия пристегнула хлыст к поясу и зашагала по ступенькам вслед за группой.

Глава 15

Пристегивая к поясу ограничитель приближения, Гаффни испытал секундный соблазн: разве сложно оставить замок несработавшим, чтобы трос, растянувшись на всю длину, сорвался? Тогда можно пересечь границу зоны безопасности, куда скарабей пропускает лишь мельчайшие объекты. У Омонье будет только пара секунд, чтобы осознать: ограничитель не сработал, Гаффни не остановить. Никакая сила во вселенной не помешает прорвать ее оборону.

Быстро ли все пройдет? Чисто? Испытает ли Омонье боль?

Гаффни припомнил, что читал о казни через обезглавливание. Сведения слишком противоречивы. Оставшихся в живых, способных поделиться впечатлениями, было крайне мало. Наверняка прольется кровь. Целое море: артериальное давление никто не отменял. При невесомости кровотечения невероятно живописны.

– Префекты, я вас не ждала, – сказала Омонье, увидев делегацию. – Что-то случилось?

– Джейн, вы же понимаете, в чем дело, – отозвался Гаффни, залетая в кабинет.

Криссел и Бодри пристегнули ограничители и, оттолкнувшись от стены, полетели следом.

– Пожалуйста, не создавайте лишних проблем, – попросил Гаффни.

– Простите, но я ничего не понимаю.

– Мы хотим объявить свое решение, – извиняющимся тоном начал Криссел. – Джейн, вы должны покинуть пост. Временно, пока не закончится кризис и не прояснятся изменения в скарабее.

– Я вполне способна выполнять свои обязанности.

– В этом никто не сомневается, – заверила Бодри. – Какой бы ни была причина, она не имеет отношения к вашему профессионализму.

– Так в чем же причина? – резко спросила Омонье.

– В нашей заботе о вас, – ответил Гаффни. – Джейн, ценными кадрами вроде вас не разбрасываются. Может, звучит чересчур меркантильно, но так оно и есть. Вы нужны «Доспехам» сегодня и будете нужны на следующей неделе.

– Разве я плохо держусь?

– Демихов и другие специалисты считают, что недавние изменения в скарабее вызваны биохимическим дисбалансом вашего организма, –

пояснил Криссел. – Пока на повестке дня были единичные блокады, вы справлялись. Но между Блистающим Поясом и ультра вот-вот начнется тотальная война...

– Я справляюсь, черт вас дерит! – Омонье заглянула Крисселу в глаза, явно взывая к соратнику, на которого прежде могла полностью положиться. – Послушай, Майкл, пик кризиса уже миновал.

– Этого вы знать не можете.

– Могу, – уверенно возразила Омонье. – У Дрейфуса есть очень серьезная зацепка. Он почти выяснил, кто уничтожил Раскин-Сарторий, и вот-вот сообщит мне имя преступника. Как только получим веские доказательства, распространим заявление по всему Поясу и оправдаем ультранавтов.

– Это если он сообщит имя, – проворчал Криссел.

– Я Тому доверяю, а ты? – Тут Джейн изменилась в лице. – Погодите... Том не здесь, он на задании, это ведь не случайно, да? Вы выбрали очень удачный момент.

– Присутствие или отсутствие Дрейфуса роли не играет, – сказал Гаффни. – Равно как и ваше согласие. Решение принято большинством голосов. Значит, вы должны покинуть пост независимо от желания. Должны и покинете. Это не обсуждается.

– Оглядитесь вокруг, – попросила Джейн Омонье. – Хорошенько оглядитесь. Это мой мир – все, чем я жила одиннадцать лет непрерывного бодрствования. Никто из вас не в силах представить, что это значит.

– Это значит, что вам нужно как следует отдохнуть, – парировал Гаффни и, поднеся к лицу запястье, скомандовал: – Приступить к отключению.

Одна за другой погасли грани дисплея – оборвалась связь с анклавами, – и в кабинете Омонье стало темно. Если бы не открытая дверь, мрак был бы абсолютным.

Джейн Омонье цокнула языком.

– Это произвол, – сказала она чуть ли не шепотом.

– Это необходимая мера, за которую вы потом нас поблагодарите, – возразил Гаффни. – В данный момент ваши полномочия приостановлены по состоянию здоровья. Сейчас мы кажемся вам врагами, хотя по-прежнему исполнены верности и уважения.

– Черта лысого вы исполнены!

– Не держите в себе, Джейн, выговоритесь. Ваш гнев понятен. Мы удивились бы, если бы вы не злились на нас.

– Связь с анклавами могли бы не переключать, – медленно, с ледяным

спокойствием произнесла Джейн. – Раз захотели сместить меня, достаточно было лишить возможности распоряжаться.

– Но мы перекрыли, – резко проговорил Гаффни. – Джейн, вы же суперпрофессионал. Неужели верите, что перестали бы беспокоиться из-за кризиса, если бы вам просто не позволили приказывать? Верите, что перестали бы тревожиться и нервничать, получая новости? Верите, что уровень стресса понизился бы, если бы вы могли видеть, но не действовать? Понимаю, как вам трудно, но иначе нельзя. Уж извините.

– Мы проконсультировались с Демиховым, – заявила Бодри. – Он согласен, что нынешний кризис чрезвычайно опасен для вашего душевного здоровья. Демихов одобрил наш план.

– Что бы он ни сказал на самом деле, вы ухитрились бы подогнать его совет под свои нужды.

– Вы несправедливы! – возмутился Криссел. – И мы не обрываем вашу связь с внешним миром. Найдем вам другое занятие. Как насчет истории? Или литературы? Решения головоломок? Скучать не придется!

– А вот заботиться обо мне не надо! – процедила Омонье с самой настоящей угрозой в голосе.

– Мы же помочь пытаемся! Другого у нас и в мыслях не было, – обиделась Бодри.

– Жаль, что вы не признаете обоснованности нашего решения, – посетовал Гаффни. – Однако ваше упрямство ничего не меняет. На сем мы прощаемся с вами. Медицинскую помощь будете получать в прежнем объеме и на прежнем качественном уровне. В пределах разумного можете запрашивать архивные данные. Каналы бесперебойной связи с анклавами перекрываются... Не следует в ближайшее время допускать вас к новостным сетям. Контакты с сотрудниками «Доспехов» также ограничиваются.

– Когда Том вернется... – начала Джейн.

– Он подчинится нам, – перебил Гаффни.

* * *

Дрейфус и сочленительница покинули зал спящих и по сложному лабиринту коридоров выбрались из корабля. Дрейфус то и дело оглядывался, опасаясь, что от жуткого помещения за ними следует некий дух, неугомонный и мстительный.

– Полностью я вам не доверяю, – заявила Клепсидра, а потом напомнила, что по-прежнему контролирует мускулатуру его скафандра. – Если сможете связаться с другими сочленителями, вызвать помощь и спасти наших, я вас отблагодарю. Но если уподобитесь другому побывавшему здесь человеку в скафандре, узнаете, как я поступаю с предателями.

На угрозе Дрейфус решил не заикливаться. Разве не здорово вырваться из спальни, похожей на анатомический театр?

– Могу я связаться с помощником?

– Попробуйте, но несущей волны я не чувствую.

Дрейфус попробовал и убедился в правоте Клепсидры.

– Наверное, он все еще старается связаться с «Доспехами» и вызвать помощь.

– Тогда, надеюсь, помощь придет в ближайшее время. Авроре почти наверняка известно, что вы здесь.

– Она причинит вред спящим?

– Может, и причинит, хотя бы для того, чтобы никого не подпустить к «Прологу». – Проворная и грациозная, как пантера, Клепсидра вела Дрейфуса вверх по длинной трубе стыковочного коннектора. – Хотя других причин я не вижу. Мы уже надоели ей. Для Авроры мы игрушки, которые плохо исполняют ее прихоти.

Дрейфусу вспомнился недавний рассказ Клепсидры.

– Вы говорили, Аврора наказывала вас, когда ваши сны ей не нравились. Не расскажете ли поподробнее?

– Авроре хотелось заглянуть в будущее. Когда наши прогнозы расходились с ее ожиданиями, она злилась, словно мы лгали ей назло.

– А вы лгали?

– Нет, мы пересказывали сны. Ей не понравилась сама суть увиденного.

– А именно?

– Случится нечто страшное. Не сегодня, не завтра и не в ближайшие годы. Но и не в далеком будущем, до которого Авроре нет дела. Я заглядывала к ней в разум и поняла одно: Аврора – хладнокровный, коварный стратег, она хочет просуществовать как можно дольше.

– А ваши сны чем-то ее напугали?

– Похоже на то, – ответила Клепсидра.

– Не поясните?

– Могу сказать следующее: всему, что вы чтите, что оберегаете ценой кропотливого труда, – всему настанет конец. Вы так гордитесь своим

затейливым мирком, сообществом из десяти тысяч анклавов и режимом абсолютной демократии, работающим на каждом из них бесперебойно, как часы. Возможно, небольшой повод для гордости у вас есть. Только мирок не вечен. В один прекрасный день, Дрейфус, не станет ни Блισταющего Пояса, ни «Доспехов», ни префектов.

Они поднялись на смотровую площадку, где Дрейфус впервые увидел захваченный корабль. Когда оба прошли стыковочный коннектор, он с помощью контрольной панели потушил свет и заблокировал серебристую дверь.

– И что же за катастрофу вы увидели?

– Это будет время страшных бедствий, разврата и безумия, – ответила Клепсидра.

Дрейфус содрогнулся, словно кто-то прошел по его могиле.

– Что об этом думает Аврора?

– Она беспокоится. В мыслях, которые мне удастся прочесть, угадывается грандиозный план, и Аврора постепенно приводит его в исполнение. Предсказанное нами будущее страшит ее. Страх уменьшится, если она сможет его контролировать.

– Каким образом?

– Сейчас Аврора прячется среди теней, хитрит и изворачивается. Помоему, она готовится к переменам. Она желает больше власти. Она вырвет контроль над вашими делами из ваших слабых рук.

– Вы имеете в виду переворот? – проговорил Дрейфус.

– Называйте это как хотите. Вы должны быть готовы к встрече с Авророй. Она мешкать не станет и времени на подготовку вам не даст.

Клепсидра быстро довела Тома до перегородки, отрезавшей его от Спарвера и корвета.

– Тоннель проходит через весь астероид?

– Да, а что? – спросила Клепсидра, сделав непроницаемое лицо.

– А то, что к нашему корвету придется идти вкруговую. Если на другие препятствия не наткнемся...

Клепсидра зажмурилась, словно припоминая имя старого знакомого, и поднесла к перегородке ладонь. Так осаживают разъяренных, брызжущих слюной.

Запорное устройство щелкнуло, перегородка с гулом поднялась.

– Я и не представлял... – начал Дрейфус.

– Я говорила, что не могу манипулировать архитектурой оптических сетей. О дверях речь не шла.

– Невероятно! Здесь все так могут?

- Нет, не все. Малышей учат, пока не появляется навык.
 - Малышей?
 - Для сочленителя это ерунда. Среди техники мы как рыбы в воде – даже не задумываемся о том, что делаем. – Клепсидра чуть наклонила голову. – Появилась несущая.
 - Спарвер! – позвал Дрейфус. – Ты меня слышишь?
 - Громко и четко. Вы наверняка ближе, чем раньше.
 - Я возвращаюсь к внешнему шлюзу. Со мной свидетельница, так что не удивляйся.
 - Я на складе под тем шлюзом. Хотел прорываться к вам с плазменным резаком.
 - Уже не надо. Встретимся на корвете. Ты отправил Талии сообщение?
 - Я вызывал ее через Муанга, но она не отвечает.
 - Ты велел ему продолжать? – спросил приунывший Дрейфус.
 - Боюсь, ситуация посложнее. – Судя по голосу, роль горевестника Спарверу не нравилась. – Муанг потерял с ней связь. Полностью потерял, он даже сигнал ее браслета не получает.
 - Но успел передать ей хоть что-то?
 - Нет, шеф, ничего не успел. Зато подкрепление нам уже выслали.
 - Вы пройдете через вакуум? – спросил Дрейфус Клепсидру, собравшись надеть шлем. – На корвете нет внешнего переходного шлюза. Надо будет идти сквозь скафандростену.
 - В вакууме я и без скафандра выживу. Беспокойтесь лучше о себе.
 - Я только спросил, – буркнул Дрейфус.
- До корвета они добрались меньше чем за пять минут. За скафандростеной с нетерпением ждал Спарвер, скрестив руки на груди. Скафандр Клепсидры ничуть не пострадал от прохождения через стену. Однако, едва попав на борт, она не превратила шлем в воротник, а сняла и прижала к клейкой части стены, причем машинально, показывая, что на подобных кораблях бывала тысячу раз. Дрейфус понял, что Клепсидра мало-мальски доверяет хозяевам корвета.
- Он представил Спарвера сочленительнице.
- Это мой напарник, младший полевой префект Банкал. Не знаю, что вы слышали о гиперсвиньях, но вам его опасаться не следует.
 - И ему не следует опасаться меня, – совершенно спокойно проговорила Клепсидра.
 - Она гостя или пленница? – поинтересовался Спарвер.
 - Свидетель под защитой, – ответил Дрейфус. – Клепсидра прошла через ад, и теперь нужно оберегать ее саму и ее спутников.

– Сколько их там?

– Много. До прибытия подкрепления мы им не поможем. Надеюсь, ты объяснил Муангу, что происходит.

– Суть он понял.

– На том корабле почти сто сочленителей. Когда подоспеет подмога, я свяжусь с Джейн и запрошу дополнительное подкрепление. Нам понадобится усиленная медбригада. Муанг назвал расчетное время прибытия?

Едва Спарвер глянул за перегородку кабины, запищала консоль.

– Сигнал опасного сближения, – объявил свинья. – Наверное, подмога спешит. Быстро же они!

– Слишком быстро, – буркнул Дрейфус, почуяв неладное.

Не спросив разрешения ни у Дрейфуса, ни у Спарвера, Клепсида через кабину экипажа пробралась на пустую палубу.

– Это корабль «Доспехов»? – спросила она.

– Надеюсь, что да, – ответил Спарвер.

– Тогда почему он приближается так быстро?

– Наверное, к нам спешит.

– Тут не просто спешка. На такой скорости даже корабли сочленителей не летают, чтобы экипаж и пассажиров не раздавило.

– Может, корабль уйдет на второй круг, а потом вернется? – предположил Спарвер.

– Не будет второго круга, – возразила Клепсида. – Если верить вашей системе слежения, этот корабль летит наперехват.

Дрейфус быстро переместился на палубу и посмотрел на датчик сближения. Он сразу узнал иконку корабля.

– Это не внутрисистемник «Доспехов», – проговорил он. – Спарвер, это грузовой робот, которого мы с тобой уже видели.

– Наверное, Аврора проникла в его навигационную систему и изменила обычный маршрут, – сказала Клепсида. – Ее стараниями грузовой робот раздавит ваш корвет и уничтожит астероид.

– Она настолько сильна? – удивился Дрейфус.

– Тут не сила нужна, а хитрость со скрытностью.

– Сколько у нас времени? – спросил Спарвер.

– Восемьдесят пять секунд.

– Тогда нам конец, – пришел к выводу Спарвер. – Быстрее чем за минуту корвет с места не сдвинешь, и даже если получится, далеко нам не уйти.

– Семьдесят пять секунд.

– Можно надеть скафандры и вернуться в тоннели астероида. Заберемся поглубже, а там...

– Астероид будет уничтожен, – перебила Клепсидра ледяным тоном.

– Все равно не успеем, – проговорил Дрейфус. – Слишком долго пробираться через шлюз.

– У нас меньше минуты, – объявила Клепсидра.

– От обратного отсчета только хуже, – проворчал Спарвер. – Можно подумать о капсулах. Их всем троим хватит. Времени в обрез, но мы...

– Нас выбросит к астероиду или в противоположную сторону? – спросила Клепсидра.

– Капсулы на спине, мы сейчас брюхом вниз, значит...

– Нас выбросит в открытый космос, – договорил Дрейфус.

– У нас тридцать восемь секунд, – объявила Клепсидра. – Предлагаю перебраться на капсулы.

Одноместные капсулы создавались для критических ситуаций, когда на счету каждая секунда, так что предполетная подготовка почти не требовалась. Когда Дрейфус оказался в пилотском кресле, у него в запасе оставалось не более десяти секунд.

– На борту есть транспондер, – сказал он Клепсидре, прежде чем захлопнуть дверь ее люка. – Внутрисистемник запеленгует, но, возможно, не сразу.

Через пять секунд Дрейфус потянул массивный красный рычаг, запуская катапульту. Гель-воздух тотчас заполнил пустоты, чтобы защитить человека от резкого ускорения. Когда капсула разогналась, Дрейфусу показалось, что позвоночник стал тонким, как нитка.

Потом он потерял сознание.

* * *

Талия надела очки и взгляделась во мрак комнаты, не имевшей ни единого окна. Сайрус Парнасс стоял рядом, уперев сильные жилистые руки в бока, – ни дать ни взять фермер над урожаем. Группа встречающих окопалась на смотровой площадке у центра голосования, а они вдвоем спустились к самому основанию шара. Из тьмы проглядывал длинный ряд серых ящиков.

Талия коснулась дужки очков, включив дополнительное увеличение.

– На что здесь смотреть, гражданин Парнасс? Сплошные ящики с

рухлядью.

– Вот именно, дочка. Это запасник Музея кибернетики, полный добра, которому не хватило места в выставочных залах. Напротив музея таких складов сотни, но только в этот можно попасть, не спускаясь в фойе.

– Вот как...

– По-твоему, можно ящиками забаррикадировать лестницу?

– Я думала, роботы по ступенькам не поднимутся.

– Большинство не сможет: кто слишком тяжел, кому конструкция не позволяет. Но таких, которые поднимутся, тоже немало. Они знают, что мы здесь. Думаешь, станут ждать сложа руки?

– Нет, не станут, – покачала головой Талия. – Вы правы. Напрасно я раньше об этом не подумала.

– Ладно, не казни себя. Последние несколько часов тебе было о чем думать.

«Верно, – сказала себе Талия. – Верно, но совершенно непростительно».

– Еще не слишком поздно баррикадироваться? – спросила она вслух.

– Нет, если не мешкать и передавать ящики по цепочке. Для лестницы здесь хватит рухляди. Еще нужно о шахте лифта позаботиться.

– Про лифт я помню, но разве с ним можно что-то сделать?

Кабина так и стояла внизу шахты, на уровне фойе, где из нее сбежали пассажиры.

– Если твой хлыст еще жив, можно прорезать дыру и завалить кабину экспонатами. Если роботы решат воспользоваться лифтом, у них будут сложности.

– Это лучше, чем ничего, – кивнула Талия.

Но когда она коснулась ищейки, та едко запахла и протестующе зажужжала. Талия поняла, что в любой момент хлыст может перегореть. Теперь он годится разве что в качестве гранаты.

– Не стоит терять время, – напомнил Парнасс. – Я начну двигать ящики, а ты приведи подмогу.

– Надеюсь, они согласятся меня слушать.

– Согласятся, если почувствуют, что ты уверена в себе.

– Я не уверена, гражданин Парнасс, в том-то и беда. – Талия сняла очки и спрятала в карман. – Храбрюсь изо всех сил, а сама в полной растерянности. Вы же видели, что творится за территорией музея.

– Дочка, я видел, что ты справляешься. Держишься неплохо, хотя тебе так не кажется.

Талия ответила недоверчивым взглядом, поэтому Парнасс добавил:

– Ты же привела нас обратно в музей целыми и невредимыми?
– Привела-то привела, но по чьей инициативе была устроена вылазка?
– Попробовать стоило. Мы же сперва не знали про роботов.
– Да, не знали.
– Считай, что это была разведка боем. Если бы мы сидели тут и ждали помощи, не добыли бы важных сведений.
– Вас послушать, я понимала, что делаю.
– Ты понимала, дочка. И меня уже убедила в этом. Теперь осталось убедить остальных. Ты же знаешь, что для этого нужно?
Под ложечкой отчаянно сосало, но Талия все же улыбнулась.
– Убедить себя. И действовать уверенно, иначе ко мне не прислушаются.
– Вот это правильный настрой!
Талия снова взгляделась во мрак запасника.
– Хорошо, забаррикадируем мы лестницу и шахту лифта, а дальше что? Рано или поздно роботы доберутся до нас, как добрались до ваших сограждан. О чем говорит все, что мы сегодня увидели? О том, что роботов контролируют извне, и контролер способен анализировать ситуацию и решать задачи. – Талия вспомнила объявление, при помощи которого успокоили людей на поляне. – И он умеет убедительно лгать.
– Не забегай вперед, – посоветовал Парнасс. – Для начала соорудим баррикады, а там еще что-нибудь придумаем.
Парнасс говорил так спокойно, словно проблема не стоила выеденного яйца.
– Ладно.
– Дочка, ты префект. Многое изменилось с тех пор, как ты сюда прилетела, но по-прежнему на тебе форма «Доспехов». Так что действуй, судьба граждан Дома Обюссонов в твоих руках.

Глава 16

Том еще дремал, когда крейсер пристыковался к скелету платформы. Он проспал весь обратный перелет, чуть ли не с момента, когда крейсер принял на борт все три спасательные капсулы. Ему снились смердящие залы, где на окровавленных крюках висели трупы, где женщина объедалась человечиной, не стыдясь испачканных багровым губ.

Когда он проснулся и начал рыться в воспоминаниях, пережитое на астероиде Нервал-Лермонтовых воспринималось как случившееся вчера, а не несколько часов назад. Самого астероида больше не существовало. Столкновение с полным топлива кораблем превратило его в облако пыли и обломков, которые рассеются и будут долго осыпать колючим градом липкие противоударные щиты анклавов Блистающего Пояса. Даже имей «Доспехи» нужные средства, искать в этом облаке улики для судебной экспертизы – дело малоперспективное. Клепсидра осталась единственным свидетелем чудовищного преступления, совершенного против команды ее корабля.

Однако больше всего Дрейфус беспокоился не о Клепсидре.

Едва пройдя сквозь скафандростену крейсера, Дрейфус стал донимать Тиссена, усталого зрителя стыковочных узлов.

– Талия Нг, моя помощница, уже вернулась?

Тиссен заглянул в свой компад. Под глазами у него были круги, красные, словно выжженные клейма.

– Нет, Том, еще не вернулась.

– Она летит обратно?

– Вот сообщение. – Тиссен показал стилосом строчку на компаде. – По данным ЦКТ, ее катер не расстыковался с Домом Обюссонов. Похоже, Талия Нг еще там.

– Давно она пристыковалась?

– По данным ЦКТ... восемь часов назад.

Дрейфус знал, что доступ к начинке центра голосования у Талии только на шестьсот секунд. Даже если возникли проблемы, ей следовало давным-давно улететь домой.

– После попытки младшего префекта Банкала кто-нибудь пробовал с ней связаться?

– Таких данных у меня нет, – растерялся Тиссен.

– Талия на вверенном вам катере, – загремел Дрейфус. – Разве вы не

обязаны следить за ней в оба?

– Извините, префект.

– Не извиняйтесь, – прорычал Дрейфус. – Просто выполняйте свою работу. – Дрейфус схватился за поручень и поплыл к выходу.

– Если думаете, что у вас тяжелый день, наш попробуйте, – посоветовал Спарвер Тиссену.

Со стыковочных узлов два префекта и их гостья-сочленительница переправились в колесо стандартной гравитации, а оттуда – в медкрыло. Клепсидру поручили заботам доктора, ехидного типа по фамилии Мерсье, который, как твердо надеялся Дрейфус, не станет задавать лишних вопросов. Внешностью и манерами Мерсье напоминал педанта-ученого, специалиста по естественным наукам из какого-нибудь дремучего века. Одевался он безупречно – носил белую рубашку и галстук, глаза всегда прятал за очками-полумесяцами с зеленой тонировкой, окружил себя копиями деревянной лакированной мебели, создавал раритетные медицинские инструменты и жуткие наглядные пособия. Канцелярскую работу он любил невероятно – вплоть до того, что отчеты писал от руки, пользуясь диковинным черным стилосом, который называл авторучкой. Однако, чудачествам вопреки, он был не менее компетентен, чем доктор Демихов, его коллега из соседней Лаборатории сна.

– Это моя свидетельница, – объяснил Дрейфус. – Ее нужно осторожно осмотреть, восстановить после истощения и обезвоживания, потом оставить в покое. Я вернусь через пару часов.

Клепсидра наклонила лысую голову с гребнем и прищурилась.

– Я по-прежнему пленница? – спросила она.

– Нет, вы гостья, под моей защитой. Как только обстановка стабилизируется, я сделаю все возможное, чтобы вы вернулись к своему народу.

– Если позволите воспользоваться передатчиком средней мощности, я свяжусь с Гнездом сейчас же.

– С одной стороны, это кажется наилучшим выходом, но с другой... Кто-то был готов убивать, чтобы вы не заговорили. Ваших товарищей уничтожили. Значит, едва выяснится, что вы здесь, убийства начнутся снова.

– Тогда мне нужно улететь. Немедленно.

– У нас вам опасаться нечего.

– Наверное, я могу вам доверять, – сказала Клепсидра Дрейфусу, словно рядом больше никого не было. – Поймите, сочленителю очень важно доверять обычному человеку. Некогда такие, как вы, совершали

чудовищные преступления против таких, как я. Многие, будь у них шанс, совершили бы их снова. Пожалуйста, не давайте повода пожалеть, что доверилась вам.

– Не дам, – пообещал Дрейфус.

* * *

В цилиндрическом анклав Дом Обюссонов сгущались сумерки. Свет, который лился в полосы окон и отражался зеркалами, постепенно тускнел – окна утрачивали прозрачность. Еще немного – и будет темно, даже когда орбита выведет анклав к дневной стороне Йеллоустона.

Смотровая площадка центра голосования имела форму кольца и располагалась на высоте пятьсот с лишним метров. С такой высоты Талии казалось, что тени подкрадываются, словно стая кошек. Она еще различала светло-серую ленту дорожки, по которой «разведчики» из садово-парковой зоны пробирались к отгораживающей полярную полусферу стене. Но мрак наступал, серый цвет темнел и сливался с ним. Еще немного – и в ночи растворятся даже концентрические круги оконных полос. Тогда ни тропки, ни оконечности не разглядишь. Марш-бросок к стыковочному узлу, еще несколько часов назад казавшийся осуществимым, сейчас поражал бессмысленностью. Даже идти навстречу толпе, обуянной яростью и жадной мести, было бы чересчур рискованно. Но сейчас Талия знала, что сгущающийся мрак кишит роботами и выполняемые ими протоколы не требуют сохранения человеческой жизни.

«Те, кто у меня под защитой, не должны видеть мой страх», – успокаивала себя Талия, прежде чем повернуться к товарищам по несчастью. В Дом Обюссонов она прилетела как префект «Доспехов», и снижать планку ни в коем случае нельзя. Однажды она уже подвела местных, даже дважды, если считать ошибку с центром голосования, из-за которой и начался сыр-бор. На третий прокол она не имеет права.

– Ну, что у вас дальше по плану? – поинтересовался Келлибо с сарказмом, не уловить который было невозможно.

– Сидеть тихо и ждать, – ответила Талия.

– Здесь?

– Здесь безопасно, – проговорила Талия, проглотив «пока». – Ничуть не хуже, чем в других местах.

– Чего именно будем ждать? – спросил Келлибо.

Талия предполагала, что, едва они укроются в шаре, садовник начнет ее высмеивать.

– Помощи от «Доспехов», гражданин. Она уже в пути. Вы и глазом моргнуть не успеете, как внутрисистемник состыкуется с Домом Обюссонов.

– Горстке префектов со всеми роботами не справиться.

Талия потрогала жужжащие останки хлыста. Рукоять была неприятно горячей, словно ее только что вынули из печи.

– Не волнуйтесь, они явятся не с пустыми руками. Нам нужно лишь продержаться до их прилета. Это наша часть здания.

– Продержаться? – насмешливо повторила Пола Тори. Толстуха устроилась на скамейке из инертного вещества у перламутрово-серого столба центра голосования. – Вас послушать, это не сложнее, чем поезда дожждаться.

Талия подошла к Тори и опустилась на колени, чтобы заглянуть в глаза.

– Я же не прошу вас пробежать милю. Здесь мы в полной безопасности.

– Наши баррикады долго не протянут.

– Долго и не нужно.

– Умеете вы подбодрить!

Талия едва сдержалась, чтобы не огрызнуться или чего похуже не выкинуть. Баррикадироваться Пола Тори помогла нехотя, лишь когда заметила, что никто больше не отлынивает. Занятие получилось утомительное, но общими усилиями они сбросили в шахту лифта как минимум три тонны хлама и примерно столько же на винтовую лестницу. Баррикады соорудили из вышедших из эксплуатации сервороботов, древних компьютеров и периферийных устройств, многие из которых были созданы несколько веков назад и привезены в систему Йеллоустона с Земли. Нашлось даже нечто громоздкое, металлическое, вроде рамы с зубцами и шестеренками. Как оно гроыхало, когда летело по лестнице!

Талия объявила перерыв, но трое – Парнасс, Редон и Катбертсон – еще швыряли вещи в шахту и на лестницу. То и дело Талия слышала глухое «бум» из шахты лифта или длинную дробь с лестницы.

– Мы засели здесь не навечно, – проговорила Талия. – Помощь подоспеет раньше, чем роботы прорвутся через баррикады. На всякий случай мы составляем запасной план.

– Что за план? – спросила Тори, неубедительно изобразив заинтересованность.

– Расскажу, когда все будет готово. До тех пор вам нужно лишь сидеть тихо или помогать с баррикадами, коли появятся силы и желание.

Если Пола Тори восприняла это как шпильку, то не подала виду.

– По-моему, префект, вы что-то скрываете от нас. Наверное, понятия не имеете, как выбраться из этого переплета.

– В таком случае вы вольны нас покинуть, – с преувеличенной вежливостью произнесла Талия.

– Смотрите! – крикнул Жюль Келлибо, дежуривший у окна.

Талия встала. Слава богу, есть предлог отделаться от Тори.

– В чем дело, гражданин?

– К музею стягиваются большие роботы.

За окнами темнело удручающе быстро. В таких условиях мало что рассмотришь, но роботы, о которых говорил Келлибо, немного освещались. Огромные, как дома, они колоннами ползли к Музею кибернетики. Одни на гусеницах, другие на здоровенных громыхающих колесах, роботы двигались и по дорожкам, и по грунту, сминая деревья.

– Откуда такие? – спросила Талия.

– Кажется, это машины с крупных строительных объектов, – ответил Келлибо. – В последнее время у нас много строят, особенно в районе нового порта на Лучезарном мысе.

Талия представила, какой урон эти роботы нанесут башне, поддерживающей центр голосования. Вслух она не высказалась, но убедила себя, что сам центр роботы не тронут. Людей от абстракции отключили, но Талия чувствовала, что машины получают приказы по какому-то узкому каналу; значит, центр голосования им нужен. Впрочем, это была лишь версия, проверять ее на практике совершенно не хотелось.

– Они не с пустыми руками, – объявил Келлибо. – Смотрите, один тащит хоппер.

Талия взгляделась во мрак, вспомнила про очки и надела их, скорректировав размер и яркость изображения. Картинка задрожала, потом стабилизировалась. Талия рассматривала надвигающуюся колонну, пока не увидела робота, о котором говорил Келлибо. Огромный, метров тридцати-сорока в длину, робот на колесах вез на себе четырехугольный хоппер и двумя ковшами наполнял его мусором – обломками, грязью, обрывками композитной сетки, металлическими частями неведомых устройств. Талия изменила ракурс обзора и убедилась, что в колонне есть еще как минимум одна машина с таким же грузом.

– Говорите, эти роботы из порта?

– Вроде да.

– Если они направлены работать на другом участке, зачем возят мусор?

– Не знаю.

– И я не знаю. Может, это строительный мусор из порта и роботы не получили распоряжения выгрузить его до прибытия на новое место?

– Может, и так, – с сомнением проговорил Келлибо. – Хотя порт строят не на месте старого поселения. Благоустраивать тот участок нужно, а вот мусора там почти нет.

Талия перевела взгляд на голову колонны.

– Роботы останавливаются, – объявила она.

Роботы подобрались к одной из башен, опоясывавших Музей кибернетики; неподалеку от нее Талия и встречающие поднялись с подземной железнодорожной станции.

– Не нравится мне это, гражданин Келлибо, – проговорила префект, позабыв о своем обещании Сайрусу Парнассе продемонстрировать уверенность и в своих силах, и в спасении укrywшихся в шаре.

Про экстренный план Талия солгала. Ничего лучше баррикад они не придумали. Парнасс отчаянно храбрился, но оба понимали: завалы долго не сдержат мощного напора машин.

– Мне тоже не нравится, – отозвался садовник.

Колонна рассыпалась – несколько роботов медленно рассредоточились у основания башни. Абсурд, но Талии казалось, что она смотрит балетную абстракцию. «Балет» исполнялся беззвучно: шар с центром голосования был герметичен и полностью звукоизолирован. Мусоровозы застыли поодаль – за дело взялись специалисты по сносу зданий и землеройным работам. Роботы не теряли ни секунды – ковши и клешневые захваты впились в расширенное основание башни, сдирая светлую облицовку большими кусками. Чуть дальше за башней замелькал мощный резец.

– Бессмыслица какая-то, – проговорила Талия не столько для Келлибо, сколько для себя. – Роботы штурмуют не ту башню. Им ведь известно, что мы укрылись здесь.

– Может, это не штурм.

Талия кивнула. Келлибо начал цепляться к ней после неудачной установки обновления, но сейчас тоном и жестами показывал, что готов к перемирию – по крайней мере, временному.

– Похоже, вы правы. – Талия глянула на другую колонну, находившуюся как минимум в километре от первой, ближе к низу закругленной стены анклава. Из шара казалось, что стена и колонна чуть наклонены к башне музея. – Там, вдалеке, роботы тоже что-то разбирают,

только не пойму, что именно.

– Можно взглянуть? – попросил Келлибо.

Талия сняла очки, и Келлибо осторожно поднес их к глазам. Вообще-то, префектам не полагалось доверять свои инструменты посторонним, но Талия подумала, что нет правила без исключения, а сейчас для исключений самое подходящее время.

– На перекрестке Практики открытый амфитеатр, – сказал садовник. – Они и его громят.

– Значит, дело не в нас, гражданин Келлибо. Тут что-то другое.

Келлибо вернул очки.

– Ничего необычного в поведении роботов не замечаете?

– В смысле?

– Они все движутся примерно в одном направлении. Может, это машины не из порта, но явно со стороны полюса, к которому вы стыковались. По-моему, они обходят анклав и громят все, что попадет под руку.

– Как роботы пересекли полосы окон?

– Для них есть специальные дороги и мосты. А если бы и не было, стекло легко выдерживает вес роботов, даже с грузом. Так что окна для них не препятствие.

– Ясно. Если они идут от стыковочного полюса, то куда, по-вашему, направляются?

– После того, как обойдут весь анклав? Вариант только один – противоположный полюс. Для стыковки он приспособлен плохо. Иными словами, тупик.

– Но ведь груз они несут не просто так. Не зря же его собирали.

– Там, конечно, есть производственный комплекс, – рассеянно проговорил Келлибо. – Но идти туда тоже бессмысленно.

От дурного предчувствия Талия похолодела.

– Расскажите про этот комплекс, – попросила она.

– Как я уже говорил, толку от него чуть. На полную мощность он не работает много лет... Уже не вспомню сколько.

Талия терпеливо кивнула:

– Но фактически комплекс на месте. Его не демонтировали, не перемещали?

– Думаете, роботы решили восстановить комплекс? Развернуть крупномасштабное производство, а вместо сырья использовать собранный хлам?

– Это просто мысль, гражданин Келлибо.

- Полагаете, они корабли начнут строить?
- Не обязательно. Раз есть возможность производить мономолекулярные корпуса, значит ограничений нет в принципе. Разумеется, при наличии чертежей. Если не задать верных установок, вообще ничего не сделаешь.
- Вы прямо-таки с облегчением вздохнули.
- Наверное, зря я волновалась. Просто подумала, какие страшные вещи можно было бы произвести, если заполучить нужные схемы. К счастью, ничего опасного в открытом доступе нет.
- Судя по голосу, в этом вы уверены.
- Попробуйте раздобыть производственные чертежи оружия класса «космос – космос», гражданин Келлибо, или военного звездолета, или боевого робота. Оглянуться не успеете, как к вам нагрянут префекты.
- «Доспехи» отслеживают такие запросы?
- Отслеживаем, но, главное, не выкладываем ничего опасного. В редких случаях, когда необходимо произвести что-то опасное, у нас запрашивают разрешение. Мы копируем файлы из архива, снимаем блокировку, а потом всенепременно стираем их.
- Так вы уверены, что роботы ничего страшного не произведут?
- Уж точно не с помощью «Доспехов», – категорично заявила Талия. Келлибо мрачно кивнул.
- Еще вчера, префект, других заверений мне не понадобилось бы.
- Талия снова повернулась к окну, обдумывая слова садовника. Роботы работали с маниакальным, воистину муравьиным усердием. Они вгрызались в нижнюю часть башни, обнажали ее геодезический каркас. Судя по крупным и мелким обломкам, сыпавшимся в хоппер, у этого объекта роботы задерживаться не собирались.
- Эта башня скоро рухнет. – Талия обернулась и взглянула на центр голосования.
- Она надеялась на то, что не ошиблась, что центр голосования нужен роботам, поэтому полномасштабного штурма башни, поддерживающей сферу, где укрылись префект с группой местных жителей, не будет.
- Но за единственный день, проведенный в Доме Обюссонов, Талия ошиблась уже несколько раз.

* * *

Дрейфус почуял неладное, едва приблизившись к перегородке кабинета Джейн Омонье. По разные стороны от нее дежурили два префекта Службы внутренней безопасности. Хлысты-ищейки наготове, точнее, на быстросъемных поводках, тянущихся от поясов к дверным глазкам. Сама перегородка в режиме «Не входить».

– Что-то случилось? – осторожно спросил Дрейфус.

Ему не позволяли общаться с Джейн, когда ее дела выходили за рамки допуска «Панголин». Но стражу у кабинета он видел впервые, да и Омонье, как правило, заблаговременно предупреждала, что не сможет разговаривать.

– Простите, сэр, – сказал младший из стражников, – но к перфекту Омонье нельзя.

– Давайте я сам это решу.

– Только с позволения верховного префекта, сэр.

Дрейфус глянул на молодого человека, словно тот загадал ему обманчиво простую загадку.

– Но ведь Джейн и есть верховный префект.

– Уже нет, сэр. – Молодой стражник смутился. – Обязанности верховного сейчас исполняет префект Бодри.

– На каком основании префекта Омонье сместили с должности? – растерянно спросил Дрейфус.

– Я уполномочен говорить, что решение приняли после оценки годности по состоянию здоровья. Я думал, вас проинформировали, но если...

– Меня не проинформировали. – Дрейфус старался обуздать злость, чтобы не сорвать ее на молодом стражнике, как чуть раньше на Тиссене. – Но мне по-прежнему хочется поговорить с префектом Омонье.

– Префект Омонье не в состоянии общаться ни с кем, – хрипло произнесли за спиной у Дрейфуса.

Том обернулся. По коридору, которым только что плыл он, приближался Гаффни.

– Простите, Том, но такова ситуация.

– Разрешите мне поговорить с Джейн.

Гаффни с искренним сожалением покачал головой:

– Вряд ли я должен объяснять вам, сколь нестабильно ее состояние. Излишние расстройства префекту Омонье совершенно ни к чему.

– Если меня не пустят к Джейн, расстроится не только она.

– Спокойно, Дрейфус. Знаю, сегодня вам пришлось несладко, но это не повод набрасываться на руководство.

– Вы участвовали в отстранении Джейн?

– Префекта Омонье не отстранили, а избавили от бремени руководства в момент, когда пребывание в должности превратилось в угрозу ее здоровью.

Боковым зрением Дрейфус видел, что стражники смотрят прямо перед собой и стараются сохранить постные лица. Мол, стычка начальников их не касается. Старшего префекта они не вызывали. Дрейфус смекнул: Гаффни околачивался неподалеку и ждал его появления у кабинета Омонье.

– Чего вы добиваетесь? – спросил Дрейфус. – Лилиан Бодри – хороший префект, но, в отличие от Джейн, не умеет мыслить масштабно. Ждете ее промаха, да?

– С какой стати мне ждать промаха Лилиан?

– С такой, что после отстранения Джейн вы станете на шаг ближе к должности верховного префекта.

– Довольно! Слышали бы вы свой бред со стороны, язык прикусили бы.

– Где Бодри?

– Наверняка в штабе. Может, за своими делами вы не заметили, но у нас тут кризис назревает.

– Вызываю Бодри! – проговорил в свой браслет Дрейфус.

– Префект Дрейфус! – тотчас отозвалась Лилиан. – Я ждала вашего вызова.

– Позвольте мне поговорить с Джейн.

– Боюсь, это было бы неразумно. Не заглянете в штаб? Нужно кое-что обсудить.

– Я тоже туда собирался, пока не увидел вас, – добавил Гаффни, слабо улыбнувшись. – Пойдемте вместе?

В штабе Дрейфус и Гаффни застали Бодри, Криссела и Клирмаунтина. Старшие префекты с разных сторон разглядывали модель Единой системы. Дрейфус заметил, что четыре анклава выделили из десяти тысяч и увеличили так, что стала видна структура.

Криссел показал на свободное место:

– Присаживайтесь, полевой префект Дрейфус. Надеемся, вы нам кое-что объясните.

Дрейфус остался на ногах.

– Насколько я понимаю, вы один из тех, кто в мое отсутствие устроил самосуд и отстранил Джейн от должности.

– Если вы предпочитаете описывать случившееся такими выражениями, то да, я участвовал в принятии этого решения. Имеете что-то

против?

– Угадайте с трех раз.

Криссел спокойно смотрел на него, отказываясь глотать наживку.

– Возможно, вы не в курсе, но в поведении скарабея произошли тревожные изменения, вероятные предвестники некой катастрофы.

– Я более чем в курсе.

– Тогда вы в курсе, что состояние Джейн очень беспокоит доктора Демихова. Предмету у нее на затылке достаточно малейшей провокации. Когда содержание гормонов стресса у нее в организме поднимется выше определенного уровня, скарабей переломит ей позвоночник или разорвет тело на части.

– Верно, – проговорил Дрейфус, словно ему неожиданно что-то открылось. – И вы считаете, что смещение с должности – залог понижения уровня ее стресса?

– Выбрана оптимальная программа лечения. Когда Джейн пройдет ее и когда минует кризис, мы подумаем, как вернуть ее на более-менее ответственный пост.

– Так вы ей и объяснили? Или соврали, что восстановите в должности, едва страсти поутихнут?

– Сейчас не время говорить об этом, – проворчал Гаффни. С тех пор как они с Дрейфусом пришли в штаб, он впервые прервал молчание. Гаффни уже сидел рядом с Лилиан Бодри, положив руки на стол, и пальцами одной поглаживал стиснутый кулак. – Полевой префект Дрейфус, взгляните на модель Единой системы.

– Спасибо, я ее уже видел. Симпатичная.

– Присмотритесь к тем четырем анклавам. Никаких ассоциаций не возникает?

– Трудно сказать, – ответил Дрейфус и с ироничной улыбкой добавил: – А у вас, старший префект Гаффни?

– Попробую объяснить. Перед вами Нью-Сиэтл-Такома, Самбуковая Шевелюра, Шлюмпер Онил и Дом Обюссонов. В этих четырех анклавах Талии Нг надлежало установить обновления.

Уверенности Дрейфуса как не бывало.

– Продолжайте.

– Почти шесть часов назад оборвалась связь со всеми четырьмя анклавами. Они внезапно отключились от абстракции. – Гаффни понаблюдал за реакцией Дрейфуса и кивнул, словно укрепившись в наихудших подозрениях. – Анклавы отключились один за другим с интервалом в шестьдесят миллисекунд. Для Блистающего Пояса это

обычная скорость света и прямое указание на тщательно подготовленную и скоординированную диверсию.

– Вы всегда ручались за Нг, – проговорил Криссел. – Перевод Талии в полевые префекты был ускорен по вашей рекомендации. Небось теперь думаете, что ошиблись?

– Я по-прежнему уверен в Талии.

– Очень трогательно, но факты неумолимы: все четыре посещенных ею анклава остались без связи. Талии Нг следовало установить мелкие обновления в систему безопасности центров голосования. Не указывает ли ЧП как минимум на незнание методик?

– По-моему, нет.

– Тогда на что? – с интересом спросил Криссел.

– Не исключено... – начал Дрейфус, но осекся, не пожелав озвучивать свою теорию.

Старшие префекты взирали на него с полным равнодушием.

– Крейсер, который выслали за нами, по-прежнему готов к вылету? – поинтересовался он.

– Почему вы спрашиваете? – удивилась Бодри.

– Единственный способ решить проблему – слетать к Дому Обюссонов. Тамошний центр голосования Талия собиралась оставить напоследок. Раз у моей помощницы трудности, я хотел бы в них разобраться.

– Может, хватит в рыцаря играть? – процедил Гаффни. – Если вы не заметили, у нас чрезвычайное положение.

Бодри негромко кашлянула:

– Давайте лучше о другом поговорим. И пожалуйста, Том, присядьте.

– О чем именно пойдет речь? – с преувеличенной вежливостью поинтересовался Дрейфус, но внял просьбе Лилиан Бодри и сел.

– Вы привезли в анклав «Доспехов» сочленительницу, грубо нарушив протокол.

– Протокол может отдохнуть.

– Том, она же способна общаться с нашими чертовыми устройствами! Эта женщина – ходячая система слежения. Сочленителю открыта любая стратегическая тайна, а вы позволили ей разгуливать по нашей резиденции и даже клетку Фарадея^[3] на голову не надели.

Дрейфус наклонился к Бодри:

– Разве нигде не сказано, что мы защищаем жертв и отслеживаем преступников?

– Том, мы не орган правопорядка, которым вы, похоже, нас считаете, –

раздраженно напомнил Криссел. – Наша задача – соблюдение принципов демократии. Еще мы наказываем нарушителей избирательного права. И только!

– Нашу задачу я вижу куда шире, хотя каждому свое.

– Сосредоточимся на насущной проблеме, на сочленительнице, – настойчиво предложила Бодри. – На «Доспехах» она появилась только что, но уже могла нанести огромный ущерб. Тут ничего не поделать. Зато мы в состоянии избежать дальнейшего вредительства.

– Мне вышвырнуть ее в космос? Или вы сами это сделаете?

– Давайте вести себя как взрослые! – не выдержал Криссел. – Если шпионка, то есть жертва, – свидетельница, ее, конечно, нужно защитить. Но не ценой наших стратегических тайн. Сочленительницу следует поместить в отсек строгой изоляции.

– То есть в пузырь для допросов?

– Называйте как хотите, – обиженно проговорил Криссел. – Так будет безопаснее для нее и, что еще важнее, для нас.

– Женщину переведут, когда Мерсье объявит, что ее физическое состояние стабильно, – пообещал Дрейфус.

– Она дышит?

Дрейфус не ответил, и Криссел обрадовался:

– Значит, можно переводить. У нас она не умрет, Том. Сочленители чрезвычайно живучие, почти как скорпионы.

– Или как пауки, – буркнул Дрейфус.

В дверь негромко постучали. Криссел гневно посмотрел на расширяющуюся брешь. Молодая, едва за двадцать, со стрижкой каре, девушка в «Доспехах» наверняка занимала невысокий пост. В штаб она вошла робея.

– Прошу прощения, но мне велено вас беспокоить.

– Надеюсь, повод стоящий, – строго проговорил Криссел.

– С нами связался ЦКТ, сэр. Есть информация о Доме Обюссонов и о Самбуковой Шевелюре.

– Эти анклавны отключены от абстракции. Да, мы в курсе.

– Сэр, дело не только в этом. – Девушка положила компад на стол рядом с Гаффи.

Тот приподнял его за угол, глубоко вдохнул, осмысливая прочитанное, и, не сказав ни слова, пододвинул к Крисселу. Майкл Криссел глянул на дисплей раз, другой и передал компад Бодри. Та читала, медленно шевеля губами, словно лишь ее собственный голос делал сообщение правдоподобным.

Бодри протянула компад Дрейфусу.

– Он не уполномочен, – напомнил Криссел.

– Его подопечная в Доме Обюссонов. Тому нужно это видеть.

Дрейфус взял компад. Дозу «Панголина» он принял уже давно, поэтому читать было трудновато. Сперва подумал, что ошибся, своим страхам вопреки.

Только ошибки не было.

Два похожих инцидента произошли независимо друг от друга с разницей в несколько минут. Один корабль на подходе к «песочным часам» Самбуковая Шевелюра обстреляла внешне стандартная антиколлизийная система. На корпусе корабля образовалась почти неустраняемая брешь, настолько большая, что супервещество системы восстановления с ней не справилось. Корабль прекратил заход на стыковку и подал аварийный сигнал, на который ЦКТ направил два крейсера, пролетавших поблизости. Экипаж подбитого корабля уцелел, хотя и пострадал от разгерметизации.

Второму кораблю, подлетавшему к Дому Обюссонов, повезло меньше. Антиколлизийная система превратила его в решето. Экипаж погиб быстро – несчастные хотя бы не страдали, – а вот корабль успел подать аварийный сигнал. ЦКТ направил в зону бедствия пролетающие неподалеку крейсера, только на сей раз спасти было некого.

Оба инцидента случились в последние восемнадцать минут.

– Думаю, совпадение можно исключить, – сказал Дрейфус, положив компад на стол.

– С чем имеем дело? – спросила непробиваемо спокойная Бодри. – Неужели сбой антиколлизийной системы, вызванный потерей абстракции? Этим все объясняется?

– Насколько я разбираюсь в антиколлизийных системах, таких сбоев они не дают, – сообщил Криссел.

– По-моему, кому-то не хочется, чтобы в те анклавов прилетали или чтобы улетали с них, – вставил Гаффни, снова вчитываясь в отчет ЦКТ.

– А что с другими двумя анклавов? – спросила Бодри.

– Это изоляционисты, – ответил Дрейфус. – Нью-Сиэтл-Такома – пристанище для тех, кому важнее всего погружение в абстракцию, а на тело им плевать. Шлюмпер Онил – добровольная тирания в уродливой форме. На таких болотах не бывает бурь.

– Он прав. – Криссел удостоил Дрейфуса примирительным кивком и повернулся к девушке. – Вы на связи с ЦКТ? – Криссел не дождался ее ответа, не посоветовался с коллегами и продолжил: – Пусть выберут четыре непилотируемых грузовых дрона, пролетающих неподалеку от этих

анклавов, и переведут на обычные стыковочные траектории, словно у них такие маршруты. Если дело в сбоях, местные специалисты могли уже отключить антиколлизонные системы. Если нет, у нас появится доказательство, что те инциденты не единичные.

– Потом не расплатимся, – покачал головой Гаффни. – У грузовых дронов, что бы они ни везли, есть владелец.

– А у владельца, надеюсь, есть хорошая страховка, – хмуро парировал Криссел. – ЦКТ вправе изъять любой гражданский корабль на территории Блистающего Пояса, хоть пилотируемый, хоть нет. Этот закон не применялся около века, но его никто не отменял.

– Согласен, – проговорил Дрейфус. – Это логичное продолжение ситуации. Если бы Джейн не лишили законной власти, она бы тоже согласилась на такой шаг.

Девушка смущенно кашлянула.

– Я немедленно передам ваши инструкции ЦКТ, сэр, – пообещала она.

– Пусть не тянут, – добавил Криссел, кивнув. – Не хотелось бы тратить время на выяснение, с чем мы имеем дело.

После ухода девушки воцарилась гробовая тишина. Прервать ее выпало Дрейфусу.

– Зачем себя обманывать? – спросил он. – Нам прекрасно известно, что будет с дронами.

– Подтверждение все равно необходимо, – заметил Криссел.

– Согласен. Но уже сейчас нужно подумать о том, как поступим, когда придут новости.

– Попробуем мыслить гипотетически, – предложила Бодри. Голос дрожал, и у Лилиан не получалось это скрыть. – Вдруг дело в раскольничестве? Четыре государства желают выйти из-под зонта безопасности «Доспехов» и Блистающего Пояса?

– Если бы хотели, руки у них развязаны, – напомнил Дрейфус. – Схема действия уже существует, и обстрел подлетающих кораблей в нее не входит.

– Допустим, они не хотят отделяться на наших условиях, – предположила Бодри, скорее из чувства противоречия.

– Может, и так, – спокойно кивнул Криссел. – Но если анклав отказывается от защиты «Доспехов» и демократии, что ему дает Блистающий Пояс?

– Практически ничего, – ответил Дрейфус. – Следовательно, это не попытка отделиться.

– Захват заложников? – вновь предположила Бодри. – В принципе, с

фактами не расходится.

– Пока нет, – сказал Дрейфус.

– Но вы так не считаете.

– Заложников захватывают, только когда хотят что-то получить.

– Каждый желает стать богаче, – ухмыльнулся Криссел.

– Может, они и хотят, – проговорил Дрейфус. – Но в данной ситуации захват заложников богаче не сделает.

– Итак, тут не попытка обогатиться, – заключила Бодри. – Все равно вариантов море. Может, кто-то хочет не покинуть нашу систему, а развалить ее?

– Зачем? – пожал плечами Дрейфус. – Пробовать новый социальный строй никто не запрещает. Нужно лишь собрать побольше союзников и создать государство. Если соблюдается избирательное право, они даже от нас могут не отказываться. Поэтому на Блистающем Поясе есть уродства вроде добровольных тираний. Там граждане решили, что им нравится так жить.

– Вы сами говорите: определенные принципы соблюдать нужно. А если для кого-то они невыносимы? Если решено внедрить политическую модель, уникальную для Блистающего Пояса? Например, идеологические фанатики и религиозные экстремисты не успокоятся, пока не перекроют все по своему подобию.

– Согласился бы с вами, если бы речь не шла о столь различных анклавах. Те четыре, которые облетела Талия, не имеют практически ничего общего.

– Хорошо, – кивнула Бодри, явно подуставшая от спора. – Если во главе угла не политика, то что?

Дрейфус снова припомнил услышанное на астероиде Нервал-Лермонтовых, включая вероятность того, что не каждому из присутствующих стоит доверять. Жаль, он не успел как следует все обдумать, не успел заручиться поддержкой хоть одного из старших префектов и вернуть Омонье к власти. Однако сообщение о последних ЧП вынуждало раскрыть карты. Дрейфус понимал: промолчать сейчас – значит скрыть исключительно важные факты от своей организации.

– Сочленительница кое-что мне рассказала. – Слова Дрейфус подбирал с тщательностью сапера на минном поле. – Разумеется, нет гарантий, что она не солгала или не лишилась рассудка от долгого одиночества. Но моя интуиция – нюх полицейского, если угодно, – утверждает, что это правда.

– Думаю, вам стоит с нами поделиться, – сказал Гаффни.

– Клепсидра считает, что какая-то группа или организация на

Блистающем Поясе владеет информацией о надвигающемся кризисе. Тот кризис страшнее нынешнего, даже с учетом последних новостей.

– Что это за кризис такой? – спросила Бодри.

– Настоящая катастрофа. Что-то вроде краха общества как такового, если не всего Блистающего Пояса.

– Абсурд, – проговорил Криссел.

– Нет! – Гаффни поднял руку. – Давайте его выслушаем.

– Клепсидра считает, что та группа или организация разработала план предотвращения любой катастрофы, грозящей человечеству – возможно, даже ценой ограничения наших обычных свобод.

Бодри кивнула на модель Единой системы:

– Но что означают обрыв связи и враждебные действия, о которых нам только что сообщили?

– По-моему, это начало захвата власти.

– О Вой! – шумно выдохнула Бодри. – Вы не серьезно! Вы точно не серьезно!

– По мне, так логика просматривается, – возразил Дрейфус. – Что делать, если «Доспехи» не в состоянии защитить Блистающий Пояс от катастрофы?

– Но лишь четыре анклава... Почти десять тысяч по-прежнему наши!

– Думаю, объяснение в Талии. Хотя она, конечно, ни о чем не подозревает. Ее софт был заражен и создал в системе безопасности лазейку, прежде не существовавшую. Талии надлежало одновременно установить обновления по всему Поясу.

– Насколько я помню, сама она этого не хотела, – проговорила Бодри.

– Верно, – подтвердил Дрейфус. – Из десяти тысяч Талия выделила четыре наиболее сложных объекта и решила провести установку вручную. Так она могла исправить ошибки на месте и предотвратить потерю драгоценной абстракции более чем на несколько минут. Она пронаблюдала бы за теми четырьмя обновлениями и скорректировала программу, чтобы в остальных анклавах установка прошла без осложнений.

– Но те четыре анклава уже многие часы без абстракции, – заметил Криссел.

– Талия тут не виновата. Своим усердием она не вызвала ЧП, а предотвратила более страшный кризис. Избери она легкий вариант апгрейда, без абстракции остались бы не четыре анклава, а десять тысяч. Захват уже завершился бы, и мы бы потеряли Блистающий Пояс.

– Не стоит забегать вперед. – Гаффни улыбнулся коллегам. – У нас и без апокалиптических фантазий проблем достаточно.

– Какие фантазии? Кому-то все это понадобилось, – возразил Дрейфус.

– Но зачем? – спросил Криссел. – Какая группа или организация способна захватить весь Блистающий Пояс? Отключить анклав от абстракции – это одно. Но ведь население так просто не сдастся. Чтобы подавить сопротивление, нужны вооруженные отряды, для каждого анклава как минимум десять тысяч человек. Без невидимой десятиmillionной армии Пояс не захватить, даже пробовать не стоит. Подготовку к столь масштабной скоординированной операции мы заметили бы давным-давно.

– Что, если захват спланировали совсем иначе? – предположил Дрейфус.

– А что об организаторах говорит сочленительница? – спросила Бодри.

– Не много. – Дрейфус замялся, понимая, каким риском чревато каждое откровение. – Там фигурирует некто Аврора, вероятно связанная с семьей Нервал-Лермонтовых.

Бодри впиалась в него взглядом.

– Во время эксперимента Восемидесяти они потеряли дочь. Кажется, девушку звали Аврора. Вы правда считаете...

– Никаких выводов я не делаю. Надеюсь услышать от Клепсидры больше, когда она окрепнет и решит, что мы заслуживаем доверия.

– Вас беспокоит, что она не доверяет вам? – изумилась Бодри.

В дверь постучали – вернулась девушка-оператор. На этот раз в штаб она входила чуть увереннее.

– Ну и каков результат? – осведомился Гаффни.

– Дроны реквизированы, сэр. Первый должен состыковаться со Шлюмпером Онилом через одиннадцать минут. В течение двадцати двух минут оставшиеся три причалят к соответствующим анклавам.

– Отлично, – милостиво похвалил Гаффни.

– Я выделила каналы видеосвязи высокого разрешения со всеми четырьмя анклавами, сэр. Если позволите, подключу их через Единую систему.

– Подключайте, – кивнул Гаффни.

Модель Единой системы видеоизменилась – благодаря содержавшемуся в ее составе супервеществу изображения четырех замолчавших анклавов увеличились до размера теннисных мячей, а остальные объекты сжались раза в три. Движущиеся бусинки означали дроны, направленные на стыковку. Минуты утекали одна за другой, префекты молча наблюдали действие.

«Только бы я ошибся, – думал Дрейфус. – Только бы все это оказалось глупой фантазией усталого полевого префекта, возмущенного

непочтительным отношением к любимой начальнице. Только бы рассказы Клепсидры оказались бредом помешавшейся от многолетнего одиночества женщины. Только бы оказалось, что Талия Нг наделала ошибок, хотя все известные мне факты указывают на обратное. Только бы первые две атаки оказались случайными ЧП. Только бы их спровоцировал сбой гиперчувствительной системы, при потере абстракции задержавшейся, как обезглавленная змея».

Надеялся Дрейфус напрасно. Одиннадцать минут спустя антиколлизонная система Шлюмпера Онила открыла огонь по приближающемуся дрону и уничтожила его. Пожалуй, этот обстрел велся точнее и энергичнее, чем первые два. Бусинка дрона раздулась в мерцающую кляксу размером с кулак, потом превратилась в пульсирующий четырехгранник, обозначавший объект неизвестного вида.

Три минуты спустя второй дрон попробовал причалить к Дому Обюссонов. Его постигла такая же участь. Пятью минутами позже был уничтожен третий дрон, притормозивший на подлете к «карусели» Нью-Сиэтл-Такома. Еще три минуты спустя, ровно через двадцать две минуты после доклада девушки, антиколлизонная система Самбуковой Шевелюры открыла бешеный огонь по последнему дрону.

Модель Единой системы вернулась к исходной конфигурации. Повисла хрупкая тишина.

– Наверное, все-таки война, – наконец проговорила Бодри.

Глава 17

Стены изоляционного отсека представляли собой соты из плотно прилегающих серых панелей. Освещалось сразу несколько панелей, но эта световая мозаика постоянно менялась, чтобы узник, парящий в невесомости, не сориентировался. Колени у груди, пальцы сцеплены на щиколотках – при освещении, исключая даже намек на тень, Клепсидра напоминала двухмерную аппликацию. Казалось, она без сознания, хотя общеизвестно, что обычный для млекопитающих сон сочленителям не нужен.

Дрейфус прошел через перегородку, но женщина никак не отреагировала на его присутствие, и он негромко откашлялся.

– Клепсидра, это я.

Она повернула гребенчатую голову. Ее глаза тускло блестели в приглушенном свете отсека-пузыря.

– Сколько времени прошло?

Вопрос огорошил Дрейфуса.

– С тех пор как вас перевели сюда из клиники Мерсье? Пара часов.

– Я снова теряю счет времени. Скажи вы «пара месяцев», наверное, поверила бы. – Она скорчила гримасу. – Не нравится мне это место. Такое ощущение, что здесь призраки живут.

– Наверное, вам очень одиноко.

– Нет, просто не нравится тут. Место настолько глухое, что мерещится всякое. Вроде вижу что-то краем глаза, а поворачиваюсь – ничего нет. Даже в недрах астероида такого не было.

– Извините меня, – проговорил Дрейфус. – Я нарушил протокол: допустил вас на «Доспехи», не подумав о наших стратегических тайнах.

Ноги и руки Клепсидры вытянула по-кошачьи неспешно. В отсеке-пузыре со звукопоглощающим покрытием у ее голоса появился металлический тембр.

– Вам за это достанется?

Дрейфус улыбнулся ее заботливости.

– Вряд ли. Знал я проблемы серьезнее процедурных нарушений. Тем более вреда никакого нет. – Дрейфус наклонил голову. – Действительно ведь нет?

– Я видела многое.

– Не сомневаюсь.

– Многое, но это ничуть меня не заинтересовало, – проговорила Клепсидра и добавила: – Наверное, вам станет легче, если скажу, что спрятала эти секреты на много уровней глубже сознательных воспоминаний. Просто забыть не могу: у нас нет такой способности. Но вы считайте, что я забыла.

– Благодарю вас, Клепсидра.

– Но ведь этим дело не кончится? Вы мне, может, поверите, а другие – нет.

– Я прослежу, чтобы поверили. Вы защищенный свидетель, а не пленница.

– Однако свободы передвижения лишена.

– Мы опасаемся, что вас убьют.

– Это уже моя проблема, верно?

– Нет, поскольку мы считаем, что вы можете сообщить немало полезного.

Дрейфус остановился в паре метров от висящей в воздухе Клепсидры. Прежде чем войти в пузырь, он снял все оружие и средства связи. Сейчас Дрейфус вдруг понял, что в недоступной для следящих устройств зоне остался наедине с роботогуманоидным гибридом, способным с легкостью его убить. Вскрытие мертвых сочленителей показало: мышечные волокна у них как у шимпанзе, отсюда физическая сила в пять-шесть раз больше человеческой. Клепсидра, может, и ослаблена, но Том не сомневался: при желании запросто его одолеет.

Тревога отразилась у него на лице.

– Я по-прежнему вас пугаю, – тихо проговорила Клепсидра. – Но явились вы безоружным, даже ножа для самозащиты не захватили.

– Ну, ядовитое остроумие-то при мне.

– Теперь объясните, чего я должна бояться. Что-то стряслось, да? Что-то очень-очень страшное?

– Страшное началось, – ответил Дрейфус. – Аврорин рывок к господству над людьми. Четыре анклава мы уже потеряли. Наши корабли даже пристать туда не могут: их встречают враждебными действиями.

– Так скоро... Я и не ожидала.

– Когда мы со Спарвером вас разыскали, Аврора наверняка поняла, что «Доспехи» дышат ей в спину. Она решила начать с четырех анклавов, доступ к которым уже получила, а не ждать, когда обновленный софт поставят по всему Поясу.

– Зачем это ей? – удивилась Клепсидра. – Контроля над четырьмя анклавами вы лишились, но ресурсы остальных – у вас, не говоря о

собственных возможностях «Доспехов». Бесконечно долго ей не продержаться.

– По-моему, Аврора считает иначе.

– Когда я заглядывала к ней в разум, чувствовала невероятную стратегическую хитрость, непрерывную, как у робота, оценку меняющихся возможностей. Бессмысленные жесты и элементарные ошибки в суждении этому разуму чужды. – Клепсидра сделала паузу. – Напрямую она к вам не обращалась?

– Ни разу. Помимо версии о Нервал-Лермонтовых, мы даже не знаем, кто она такая.

– Вы считаете, Аврора – одна из Восьмидесяти?

Дрейфус кивнул:

– Только все факты говорят, что никто из Восьмидесяти не выжил. Случай с Авророй – один из самых известных. Неужели факты врут?

– А если ее модель была иной? Если отличалась от других некой важной особенностью? Мы следили за исследованиями Кэлвина Силвеста и знаем, что от добровольца к добровольцу он совершенствовал нейронное картирование и параметры моделей. На конечный итог это вроде бы не повлияло. Но вдруг все-таки повлияло?

– Не понимаю. Аврора либо погибла, либо нет.

– Подумайте, префект. После трансмиграции Аврорин альфа-симулякр был в полном сознании. Она знала о семидесяти девяти других добровольцах и тесно контактировала со многими из них. Трансмигранты хотели создать интеллектуальную группу, бессмертную элиту много выше телесного человечества. Но потом Аврора увидела, что с остальными беда: кто застывал, кто впадал в патологический цикл. Аврора испугалась за себя, хотя и подозревала, что она иная, лишенная дефектов, сгубивших ее товарищей. Впрочем, куда больше ее пугало другое.

– Что именно? – спросил Дрейфус.

– Когда сканировали последних из Восьмидесяти, истинная суть экспериментов Силвеста понемногу открывалась массовому сознанию. Кэлвин не улучшал уже доступное благодаря хирургии, лекарствам и наномедам. Он создавал не просто новую форму бессмертия, а новую, усовершенствованную форму существования. Восемьдесят должны были стать не только нестареющими и неуязвимыми, а самыми быстрыми, умными, с практически неограниченными возможностями. В сравнении с ними сочленители казались бы существами неандертальцами. Префект, догадываетесь, что случилось дальше?

– Общественный протест?

– Возникли группы, требующие ужесточить контроль над Восьмьюдесятью. Они хотели, чтобы подопечных Силвеста окружили брандмауэрными вычислительными архитектурами, проще говоря, чтобы умы заперли в клетки. Радикалы требовали заморозки альф, чтобы досконально изучить их природу и лишь потом включить смоделированное сознание. Самые непримиримые требовали уничтожить Восемьдесят, словно компьютерные симулякры угрожали цивилизованному обществу.

– Но протестующие ничего не добились.

– Не добились, хотя недовольство росло. Если бы эксперимент не подкосили его собственные дефекты, трудно представить, во что вылилось бы антитрансмигрантское движение. Уцелевшие альфы наверняка видели, как сгущаются тучи.

– Аврора была среди них.

– Это лишь гипотеза. Возможно, Аврора заподозрила, что ей подобных начнут травить и преследовать, что ее существование будет в опасности, даже если она уйдет в стазис или закольцованный процесс. Могла она в таком случае составить план самосохранения?

– Имитировать стазис, другими словами. Оставить мертвую компьютерную ипостась и сбежать. Видимо, настоящая Аврора прошмыгнула во внешний уровень архитектуры Блистающего Пояса, как крыса в брешь между половицами.

– Считаю это вполне вероятным.

– Еще кто-нибудь уцелел?

– Не знаю. Аврорин разум единственный, который я хорошо почувствовала. Даже если есть другие, она сильнейшая. Лидер с планами и амбициями.

– Отсюда главный вопрос, – проговорил Дрейфус. – Если захват четырех анклавов – дело рук Авроры, а выглядит именно так, – чего она хочет?

– По-настоящему Аврора хочет одного: просуществовать как можно дольше. – Клепсида мрачно улыбнулась. – Ваша роль во всем этом – совершенно другое дело.

– Моя лично?

– Я о базово-линейных людях, префект.

– Если случится беда, сочленители нам помогут? – после небольшой паузы спросил Дрейфус.

– Так же, как вы помогли нам на Марсе двести двадцать лет назад?

– Я думал, это уже забыто.

– Иные из нас очень злопамятны. Если и поможем, то как зверю,

угодившему в западню. Вытащим и сразу отправимся по своим делам.

– Даже после того, что натворила Аврора?

– Для фракции сочленителей в целом Аврора угрозы не представляет.

Не осушать же море за то, что в нем утонул один купальщик.

– Значит, вы ничего не предпримете.

Дрейфус подумал, что тема закрыта, но после долгого молчания Клепсидра сказала:

– Наверное, меня... утешит, если Аврора получит по заслугам.

Дрейфус одобрительно кивнул:

– Значит, что-то вы чувствуете. Эмоции базово-линейных людей сочленители свели к минимуму, но полностью не искоренили. С вами и вашими попутчиками Аврора поступила чудовищно, и хочется дать сдачи.

– Только это неосуществимо.

– Если нащупаем Аврорины слабости, придумаем, как создать ей проблемы... Вы нам поможете?

– Не стану мешать.

– Прежде чем вас перевели сюда, вы успели рассмотреть архитектуру наших систем. По вашим словам, ничего интересного не увидели. Раз ущерб «Доспехам» уже нанесен, прошу вас заново проанализировать данные. Они все у вас в памяти. Взгляните на них под другим углом. Если увидите нечто, любую мелочь, способную пролить свет на местонахождение Авроры, или на ее сущность, или на слабости, которые можно использовать, пожалуйста, скажите.

– Сказать, наверное, нечего.

– Но посмотреть-то можно.

Лицо Клепсидры стало напряженным.

– Я подумаю. Немедленного ответа не ждите.

– Ничего страшного, – кивнул Дрейфус. – Пока опрошу другого свидетеля.

Только он решил, что разговор закончен и добавить Клепсидре нечего, как сочленительница окликнула:

– Дрейфус!

– Да?

– Я не прощаю базово-линейных ни за то, как они поступили с нами на Марсе, ни за последующие годы травли. Простить значило бы оскорбить память Галианы. – Клепсидра смотрела ему прямо в глаза, словно ждала, что он первым отведет взгляд. – Но вы не такой, как те люди. Вы ко мне добры.

* * *

Дрейфус заглянул в турбинный зал и разыскал Траянову, с которой разговаривал после недавней аварии. Он обрадовался, увидев, что две из четырех турбин работают снова, хотя явно не на полную мощность. Ближайший сосед уничтоженного цилиндра остался неподвижным, под его прозрачным кожухом трудились как минимум дюжина лаборантов. Что касается самой разрушенной турбины, о ней почти ничего не напоминало. Обломки кожуха убрали, в полу и на потолке зияли круглые отверстия. Наверху и внизу неутомимые лаборанты руководили тяжелыми роботами, которые помогали в долгой и кропотливой установке новой турбины.

– Вижу, дел у тебя невпроворот, – сказал Дрейфус.

– В «Доспехах» не только полевым префектам работы хватает, – проворчала Траянова.

– Я в курсе и обижать тебя не собирался. Всем нам пришлось нелегко, но ты потрудились на славу. Так и передам верховному префекту.

– Которому из них?

– Джейн Омонье, разумеется. При всем уважении к Лилиан Бодри, в верховные префекты годится только Джейн.

Траянова отвела взгляд, не решаясь посмотреть Дрейфусу в глаза.

– Если уж на то пошло... я не согласна с отстранением Джейн. Здесь ее уважают.

– Ее везде уважают, и не даром.

Возникла неловкая пауза. В другом конце зала что-то заколачивали.

– Что дальше? – наконец спросила Траянова.

– Будем работать на Лилиан, как работали на Джейн. Не знаю, что вы тут слышали, но на повестке дня новый кризис. – Дрейфус делился информацией добровольно, в надежде хоть немного наладить отношения с Траяновой. – Мне нужно возобновить опрос бет. Надеюсь, они подскажут, в чем причина нынешних проблем и как их решить.

Траянова глянула на две вращающиеся турбины.

– Цилиндры работают с половинной скоростью, разгонять не рискую. Но если хочешь, помечу твои запросы, как приоритетные. Особой разницы ты не заметишь.

– Могу я вызвать регенерируемых?

– Да, для этого мощности достаточно.

– Отлично, Траянова! – похвалил Дрейфус и добавил: – В команде у меня ты не прижилась, но в твоей компетенции как ответственной за архив

я никогда не сомневался.

Траянова обдумала его замечание.

– Префект... – начала она.

– В чем дело?

– Ты говорил... ну, когда в последний раз сюда заглядывал... Боялся, что спровоцировал аварию своим запросом, помнишь?

– Ошибся, – отмахнулся Дрейфус. – Аварии не редкость.

– Только не у нас в архиве. Я проштудировала журнал поиска и поняла, что ты прав. Из запросов, обработанных турбинами за секунду до аварии, твой прошел последним. Ты искал данные о семье Нервал-Лермонтовых?

– Искал, – осторожно подтвердил Дрейфус.

– Сразу после того, как твой запрос попал в стек процесса, турбина превысила максимально допустимую скорость вращения и менее чем за секунду разлетелась на куски.

– Это наверняка совпадение.

– Ну вот, префект, теперь я тебя убеждаю. Что-то пошло не так, но в совпадения я не верю. Операционная логика таких устройств не проста, авария уничтожила процессорное ядро почти целиком, но если бы я ухитрилась его восстановить, то почти наверняка нашла бы ответ, который и так уже знаю. Аварию спровоцировал твой запрос. В операционную логику поставили мину-ловушку, ожидавшую его, чтобы взорваться.

Дрейфус задумался. Эта версия во многом совпадала с его собственными подозрениями, но в изложении Траяновой она воспринималась совершенно иначе.

– Ты правда думаешь, что кто-то мог такое устроить?

– При желании я сама бы это сделала. Другим пришлось бы куда сложнее. Там высокая степень защиты, и, честно говоря, не представляю, как можно ее обойти, но кому-то удалось.

– Спасибо за откровенность, – тихо произнес Дрейфус. – С учетом случившегося, тебя радует, что я своими запросами больше не наделаю бед?

– Никаких гарантий, но на оба рабочих цилиндра я поставила ручной ограничитель скорости. Какие бы ловушки ни таились в логике, турбинам вряд ли удастся саморазрушиться. В общем, вперед. Что нужно, о том и спрашивай.

– Спрошу, – пообещал Дрейфус, – но очень осторожно.

* * *

Дельфин Раскин-Сарторий оценивающе оглядела Дрейфуса холодными как лед, светло-бирюзовыми глазами.

– У вас усталый вид. Куда более усталый, чем в прошлый раз, хотя вы и тогда плохо выглядели. Что-то стряслось?

Дрейфус прижал толстый палец к виску, где билась жилка.

– Дел многовато.

– В расследовании успехи есть?

– Вроде да. Я догадываюсь, кто стоит за уничтожением вашего анклава, но пока не вижу мотива. Очень надеюсь, вы проясните пару моментов.

Дельфин поправила грязные черные волосы – убрала выбившиеся пряди под тряпку.

– Сперва вы кое-что проясните для меня. Кто ваш подозреваемый?

Дрейфус хлебнул из термоса кофе, которое создал себе, прежде чем войти в комнату.

– Мы с напарником проанализировали цепь доказательств, попробовали выяснить, кто отправил сообщение и заставил вас прервать переговоры с Дравидяном. Зацепка вывела на другую семью.

Дельфин прищурилась.

«Неподдельный интерес», – подумал Дрейфус.

– На кого же?

– На Нервал-Лермонтовых, – ответил Дрейфус, чувствуя, что ступает на минное поле. – Знаете их?

Дельфин чуть заметно пожала хрупкими плечами, обтянутыми испачканной белой блузой.

– А кто не знает? Лет пятьдесят-шестьдесят назад они были на слуху.

– С вашей семьей Нервал-Лермонтовы как-то связаны?

– Если связаны, то я не в курсе. Мы вращались в разных социальных кругах.

– Так у Нервал-Лермонтовых нет очевидных причин вредить вашей семье?

– Ни единой. Если у вас есть версия, я с удовольствием ее выслушаю.

– У меня с версиями туго, – покачал головой Дрейфус. – Я надеялся, у вас что-нибудь есть.

– Это не ответ, – буркнула Дельфин. – Похоже, версия, которую вы прорабатывали, завела вас в тупик. Нервал-Лермонтовы не стали бы

вредить моей семье. Они пострадали, но это не делает их убийцами.

– Вы об Авроре?

– Префект, она была совсем молоденькой. Устройства Кэлвина Силвеста высосали ей мозг, превратив в выпотрошенное зомби.

– Да, я в курсе.

– Что вы от меня скрываете?

– А если один из Нервал-Лермонтовых что-то затеял?

– Например?

– Например, захват части Блистающего Пояса.

Дельфин задумчиво кивнула:

– Чисто гипотетически это возможно, но, если бы такое впрямь творилось, вы сказали бы мне?

– Чисто гипотетически. – Дрейфус скупно улыбнулся. – Могла бы ваша семья чинить препятствия таким затеям?

– Какие еще препятствия?

– Все доказательства, имеющиеся в моем распоряжении, говорят, что атаку на ваш анклав устроил некто, связанный с семьей Нервал-Лермонтовых. Дравидян был невиновен, его подставили. На его корабль, в его экипаж, проник некто, знающий, как спровоцировать выхлоп квантового двигателя.

– Зачем?

– Дельфин, если бы я мог ответить! Впрочем, версия есть: кто-то или что-то на Раскин-Сартории угрожало тем честолюбивым планам.

– Понятия не имею, кто это или что! – с вызовом проговорила Дельфин. – Жили мы замкнуто. Энтони Теобальд пытался выдать меня замуж и породниться с владельцами большого промышленного синдиката. У него были друзья, которые прилетали в гости, но я с ними незнакома. Вернон хотел быть со мной, даже если бы это означало отвержение от его семьи. Я занималась творчеством...

При втором допросе Дельфин упомянула гостей Энтони Теобальда, но, едва Дрейфус попытался выяснить подробности, замкнулась. Дело в семейном секрете, который она поклялась не раскрывать? Похоже на то. Давить Дрейфус не стал, он хотел завоевать ее доверие, только ведь до бесконечности тянуть нельзя. Нужно подойти к этому вопросу с другой стороны.

– Поговорим о творчестве. Может, в нем ускользающая от нас разгадка?

– Но мы это уже проходили: искусство только предлог, маскировка истинного мотива убийства.

– Хотелось бы в это верить, но связь то и дело всплывает. Семейно, уничтожившую ваш анклав, с Домом Силвестов связывала трагедия Авроры. Ваш прорыв в творчестве, работы, которые принесли вам популярность, вдохновлены полетом Филиппа Ласкаля к завесе. Ласкаль «гостил» у Дома Силвестов, когда утонул в пруду с рыбками.

– Неужели те мерзавцы везде и всюду?

– Может, и так. Я почти уверен, что связь есть.

Дельфин долго молчала, и Дрейфус решил, что его с презрением игнорируют. Мол, куда полицейскому в искусство лезть!

– Я уже объясняла вам. Не помню, над чем работала, но вдруг остановилась и почувствовала: мою руку направляют, заставляют ваять Ласкаля.

– А дальше?

– Добавить почти нечего. Духовная связь возникла внезапно, меня словно молнией ударило. К теме Ласкаля я обратилась не из интереса к его персоне. Мне просто не оставили выбора. Тема требовала внимания, притягивала как магнит. С той минуты Ласкаля я игнорировать не могла: оставалось либо отдать дань его памяти, либо умереть как художник.

– Филипп Ласкаль говорил через вас, использовал в качестве медиума, чтобы рассказать о пережитом?

– Префект, я не верю в жизнь после смерти, – ответила Дельфин, хмуро взглянув на Дрейфуса.

– Но ведь ощущение было именно такое?

– У меня возникло необъяснимое желание, – проговорила Дельфин так, словно признание далось ей очень-очень трудно, – потребность довести серию до конца.

– Слово вы говорили от имени Филиппа?

– От имени мертвых не говорят, – возразила Дельфин. – То есть по-настоящему не говорят. Но если хотите, назовем это именно так.

– Я назову это, как удобно вам. Вы же были скульптором.

– Не была, а есть, префект. Думайте обо мне что хотите, но творческий порыв я чувствую так же остро, как прежде.

– Значит, если выдать вам газовый резак и большой камень, вы начнете ваять?

– А я о чем?

– Простите, Дельфин, я не придираюсь, просто еще не встречал таких напористых бета-символов.

– Смотрите мне в глаза и видите человека?

– Порой вижу, – признался Дрейфус.

– Если бы ваша жена погибла иначе, вы бы и ко мне относились иначе, верно? Не отрицали бы право беты называть себя живой.

– Гибель Валери ничего не изменила.

– Вам так кажется, а вот я не уверена. Взгляните на себя в зеркало. На душе у вас рана. Что бы ни случилось в тот страшный день, вы рассказали не все.

– Зачем мне что-то скрывать?

– Наверное, не желаете с чем-то примириться.

– Я уже со всем примирился. Я любил Валери, но она погибла.

Прошло одиннадцать лет.

– Человек, который приказал убить работников СИИИ, чтобы остановить Часовщика...

– Верховный префект Дюсолье, – перебил Дрейфус.

– Неужели его решение столь ужасно, что он потом не выдержал и покончил с собой? Разве это была не чрезвычайная, но необходимая мера? Разве не было гуманно даровать тем несчастным быструю и безболезненную гибель? Особенно если представить, что сделал бы с ними Часовщик?

Прежде Дрейфус лгал Дельфин, а сейчас чувствовал: нужно сказать правду, иначе будет просто непорядочно.

– Дюсолье оставил предсмертную записку. – В горле пересохло, Дрейфус говорил медленно, словно это его допрашивали. – Он написал: «Совершена ошибка. Зря мы так поступили с институтом. Искренне раскаиваюсь в том, что сделано с людьми, упокой Господь их души».

– Не понимаю, в чем тут раскаиваться. У него не было выбора.

– Именно это я твердил себе одиннадцать лет.

– Вы думаете, трагедия разыгралась иначе?

– Есть одна нестыковка. По официальным данным, ракетно-бомбовый удар нанесли сразу же после эвакуации Джейн Омонье. К тому моменту Дюсолье и его префекты поняли: спасти застрявших сотрудников СИИИ не удастся, а Часовщик может в любой момент перебраться в другой анклав.

– Так в чем нестыковка?

– В шести часах, – ответил Дрейфус. – Ровно столько на самом деле прождал Дюсолье, прежде чем выпустить ракеты. Этот факт умалчивали, но на Блистающем Поясе, напичканном мониторами и дисплеями, подобное не скрыть.

– Но кому, если не префекту, выяснять, что случилось за те часы?

– Даже с допуском «Панголин» я раскопал только это.

– Почему бы не спросить у кого-нибудь? У Джейн Омонье, например?

Собственная слабость вызвала у Дрейфуса улыбку.

– Когда-нибудь совали руку в ящик, наполненный неизвестно чем? Тот вопрос для меня вроде такого ящика.

– Вы заранее боитесь ответа.

– Да.

– Что именно вас пугает? Что Валери убили до бомбардировки СИИИ?

– Отчасти это. Но есть и другая причина. Законсервированный корабль «Аталанта» десятилетиями двигался по своей орбите, а в момент ЧП «Доспехи» переместили его впритык к СИИИ.

– Почему корабль законсервировали?

– Это своего рода белый слон. «Аталанту» построили на средства союза демархистских государств, стремившихся к независимости от сочленителей. Увы, двигатели не работали как должно. «Аталанта» совершила один-единственный полет, и проект закрыли.

– Но вы считаете, на роль спасательной шлюпки корабль вполне годился?

– Я об этом думал.

– По-вашему, в те шесть часов «Доспехи» вызволили застрявших. Состыковали брошенный корабль с СИИИ и эвакуировали персонал.

– Или попытались эвакуировать, – поправил Дрейфус.

– Но что-то не заладилось. Иначе откуда у Дюсолье такие угрызения совести?

– Я уверен лишь в том, что «Аталанта» – часть разгадки. Больше ничего не выяснил. Если честно, и не хочется выяснять.

– Понимаю, почему вам так трудно, – проговорила Дельфин. – Потерять жену тяжело, а тут вдобавок гибель окутана тайной... Искренне сочувствую.

– Есть еще один ключ к разгадке. В моей памяти хранится яркий образ Валери. Она стоит на коленях, держит в руках цветы и смотрит на меня. И улыбается. По-моему, она меня узнаёт. Но улыбка какая-то неправильная, бессмысленная, точно у младенца, увидевшего солнце.

– Откуда это воспоминание?

– Не знаю, – честно ответил Дрейфус. – Валери и садоводством-то не увлекалась.

– Порой память с нами шутит. Возможно, это образ другой женщины.

– Нет, это Валери. Я очень четко ее вижу.

– Я вам верю, – сказала Дельфин после неловкой паузы. – Но помочь вряд ли смогу.

– Достаточно уже того, что мы говорим о Валери.

– А с коллегами вы о ней говорили?
– Они уверены, что я оправился от трагедии много лет назад. Узнают правду – засомневаются во мне. Не могу такого допустить.

На сей раз пауза длилась дольше.

– Это вы думаете, что они засомневаются, – произнесла Дельфин.

На пару секунд бета-копия словно отстранилась от Дрейфуса. Дельфин повторила последнюю фразу, и точно с такой же интонацией:

– Это вы думаете, что они засомневаются.

– В чем дело? – спросил Дрейфус.

– Не знаю.

– Дельфин, посмотрите на меня. Что с вами?

Вместо того чтобы ответить на вопрос, Дельфин испуганно уставилась на Дрейфуса.

– Ощущения странные.

– С вами что-то не так?

Ответ пришел слишком быстро, точно двигался в гелиевой среде:

– Ощущения странные. Со мной что-то не так.

– Думаю, ваша бета-копия повреждена, – проговорил Дрейфус. – Может, это связано с аварией в турбинном зале. Сейчас приостановлю каналирование и проведу проверку на целостность.

– Ощущения странные. Ощущения странные. – Дельфин зачастила, лепя слова в одну кучу: – Ощущениястранныеощущениястранные... – Затем наступила ремиссия, голос и темп речи нормализовались. – Помогите! По-моему... так быть не должно.

Дрейфус поднял руку и оттянул манжету.

– Приоста... – начал он.

– Нет, не приостанавливайте! – взмолилась Дельфин. – Мне страшно!

– Я вызову вас снова, как только проведу проверку целостности.

– Я умираю. Что-то... меня ест. Префект, помогите!

– Дельфин, что происходит?

Модель упростилась, растеряв детали. Речь замедлилась, голос стал низким и бесполом.

– Согласно системной диагностике, этот бета-симулякр самоуничтожается. В разделах с первого по пятидесятый начато поэтапное форматирование блоков.

– Дельфин! – закричал Дрейфус.

– Том Дрейфус, помогите мне... – Речь Дельфин стала тягучей, как патока, голос упал почти до порога слышимости.

– Дельфин, помочь вам я могу, лишь призвав убийцу к ответу. Для

этого вам нужно ответить на последний вопрос.

- Том, помогите!
- Вы упоминали гостей Энтони Теобальда. Кто его навещал?
- Том, помогите!
- Кто гостил у Энтони Теобальда? Кто его навещал?
- Энтони Теобальд сказал...
- Дельфин, говорите со мной!
- Энтони Теобальд сказал... Мы принимали гостя. Он жил на первом этаже. Мне запретили задавать вопросы.
- Допрос на паузу! – сказал Дрейфус в браслет.
- Том, помогите!

* * *

Дрейфус навестил Траянову. Она злилась, что ее отвлекли от текущей работы. На невесомом тросе она спустилась в шахту из турбины и повисла спиной к прозрачному кожуху аппарата.

– Дело серьезное, – заявил Дрейфус. – Я только что вызывал бету, и она рассыпалась посреди допроса.

Чтобы переложить инструмент из руки в руку, Траяновой пришлось ухватить его зубами.

- Повторно активировать пробовали?
- Пробовал – ничего не вышло. Система твердит, что копия невосстановима.

Траянова заворчала и устроилась поудобнее, сдвинувшись чуть в сторону.

– Невероятно. До середины допроса состояние беты было стабильным?

- Да.
- Значит, ядро копии не повреждено.
- Бета чувствовала, как что-то ее разъедает. Она так и сказала: «Что-то меня ест». Словно ощущала, как ее стирают часть за частью.

– И это невероятно, – заявила Траянова, но тревожная мысль тотчас заставила ее нахмуриться. – Если только...

- Если только что?
- Мог кто-то заразить твою бету кибервирусом?
- Теоретически да. Хотя, когда привезли регенерируемых с Раскин-

Сартория, мы поставили все стандартные фильтры и провели все стандартные тесты. Регенерируемые были сильно повреждены. Талия работала сверхурочно, буквально по кусочкам их собирала. Кибервирус или самоликвидатор любого вида она бы заметила.

– Нг ни о чем подозрительном не сообщила?

– Сказала, что полноценно восстановила трех регенерируемых. Больше ничего.

– Ты уверен, что она ничего не просмотрела?

– Абсолютно.

– Тогда вариант только один: до символов добрались уже на «Доспехах». Технически тут ничего сложного: находишь в архиве кибервирус и вставляешь в копию. Может, вирус запрограммировали так, чтобы запустился с началом допроса, а может, привязали к конкретной фразе или жесту.

– Господи! – воскликнул Дрейфус. – Так остальные... Я хочу и с ними поговорить.

– Это может быть опасно, если вставлен тот же код. Лишишься двух последних свидетелей.

– Что значит лишушь? Разве у меня нет резервных копий?

– Том, нет у нас резервных копий. Мы все потеряли, когда турбина взорвалась.

– Это все специально подстроено.

– Слушай! – с неожиданным пылом заговорила Траянова. – Здесь у меня работы еще на пару часов. Первым делом я должна вернуть этой турбине нормальную скорость вращения. Закончу и сразу гляну на регенерируемых. Проверю, можно ли восстановить первый сим и нет ли кибервирусов. До тех пор не активируй их ни при каких обстоятельствах.

– Не буду, – пообещал Дрейфус.

– Я свяжусь с тобой, когда проверю всех троих.

Лишь после разговора с Траяновой Дрейфус проанализировал свои чувства. Результат поражал, даже шокировал. Пару дней назад гибель симулякра бета-уровня ощущалась бы как потеря рядовой улики. Том досадовал бы, даже злился, но исключительно из-за того, что стопорилось расследование. Сам утраченный артефакт особых чувств не вызвал бы: ведь это просто артефакт.

Сейчас все воспринималось иначе. Перед глазами стояло лицо Дельфин в последние секунды, когда сознание еще не полностью разрушилось и она понимала, что обречена.

Но симулякры бета-уровня априори неживые. Как же они могут

погибнуть?

* * *

Первой мыслью Гаффни было, что Клепсидра мертва или по крайней мере в коме. Он даже вздохнул с облегчением – не нужно снова брать грех на душу, – но тут вскрылась правда. Сочленительница дышала, а похожая на смерть неподвижность была лишь отдыхом, естественным в отсутствие посторонних. Лицо с острыми скулами и подбородком уже поворачивалось к Гаффни с плавностью ракетной установки, наводящейся на цель. Глаза, еще недавно сонные щелки, раскрывались.

– Не думала, что вы так быстро вернетесь, – сказала Клепсидра. – Хотя, может, это и к лучшему. Я думала о нашей последней беседе...

– Это хорошо, – перебил Гаффни.

– Я ждала Дрейфуса, – сообщила Клепсидра после долгой паузы.

– Дрейфус занят, не смог прийти. – Гаффни остановился, с ювелирной точностью рассчитав свои движения. – Надеюсь, вы не очень расстроились.

Взгляд Клепсидры впивался в лицо, проникал под кожу, ощупывал кости. Череп зачесался. Никогда в жизни Гаффни не рассматривали так скрупулезно.

– Я догадываюсь, зачем вы здесь, – заявила сочленительница. – Пока меня не убили, хочу сказать, что знаю, кто вы.

Заявление обескуражило Гаффни. Может, Клепсидра блефовала, может, нет. Если она впрямь заглядывала в архивы «Доспехов», то могла видеть досье префектов. Хотя какая разница? Пусть хоть на весь Блистающий Пояс его имя кричит, никто ее не услышит.

– Разве кто-то говорил об убийстве? – тихо спросил Гаффни.

– Дрейфус приходил без оружия.

– Вот и дурак. Я не вошел бы к сочленителю в камеру без оружия. Или я должен верить, что вы не убили бы меня в мгновение ока?

– Я не собиралась убивать вас, префект. До этой минуты.

Гаффни развел руками.

– Так убейте! Или скажите то, что хотели сказать Дрейфусу, а потом убейте.

– Что говорить? Вы и так все знаете.

– Ну, может, не все. – Гаффни отстегнул хлыст-ищейку и, нажав на кнопку, привел в состояние боевой готовности. – С превеликим

удовольствием отпустил бы вас отсюда живой к вашему народу. Вой свидетель, вы заслуживаете награды за свои деяния. Но это просто невозможно. Если отпущу, вы поставите под угрозу важный план. И тогда будете косвенно виновны в ужасах, о которых мечтал ваш народ, – в ужасах, которых я стараюсь не допустить. – Гаффни нажал на другую кнопку, ищайка изготовилась к броску. В невесомости пузыря хвост раскачивался взад-вперед, как длинная водоросль в штиль.

– Вы понятия не имеете, что мы видели в «Прологе», – сказала Клепсидра.

– Мне и не надо, это Аврорино дело.

– Гаффни, да вы хоть в курсе, что представляет собой Аврора?

Он надеялся, что Клепсидра не чувствует в его ответе подсознательного. Нет, наверняка чувствует. Для сочленителей слово «подсознательное» – пустой звук.

– Я знаю все, что мне нужно.

– Аврора не человек.

– При встрече она показалась мне человеком.

– При личной встрече?

– Ну, не совсем, – признал Гаффни.

– Некогда Аврора и впрямь была человеком, только это дело прошлое. Сейчас она нечто другое, форма жизни, прежде существовавшая лишь мимолетно. Человеческая ипостась вспоминается ей примерно так же, как вам младенчество. Это ее часть, необходимый этап развития, но далекий-далекий. Ей уже не верится, что она была такой маленькой, уязвимой и беспомощной. Сейчас Аврора – подобие богини, ближайшее из когда-либо существовавших, и крепнет день ото дня. – Клепсидра одарила Гаффни улыбкой, совершенно чужой ее лицу. – И этой твари вы спокойно доверили будущее Блισταющего Пояса?

– Суть Аврориного плана – сохранить человеческую расу вокруг Йеллоустана, – категорично заявил Гаффни. – В далекой перспективе Аврора видит наш маленький культурный центр архиважным для человеческой диаспоры в целом. Падет центр – диаспоре несдобровать. Без Йеллоустана ультра потеряют доходнейший транзитный пункт. Межзвездная торговля зачахнет. Другие демархистские поселения повалятся, как костяшки домино. Через десятилетия или даже через века, но это случится. Поэтому о выживании нужно думать сейчас.

Клепсидра выразительно усмехнулась:

– Суть Аврориного плана – ее собственное выживание, а не ваше. Пока она тащит вас на буксире, но однажды перестанет нуждаться в ваших

услугах. Этот день непременно настанет, так что обязательно составьте план спасения.

– Благодарю за совет. – Гаффни сильнее сжал рукоять. – Клепсидра, я в недоумении. Вам известно, что я могу убить вас этой штуковиной. Мне известно, что вы можете подчинить ее себе, ну, отчасти.

– Вы удивлены, что я не настроила хлыст против вас?

– Ну да, есть такая мысль.

– Я просто осознаю бессмысленность этой затеи. – Клепсидра кивнула на запястье Гаффни. – К примеру, у вас рука в перчатке. Возможно, это чтобы предотвратить заражение оружия, но, по-моему, дело в другом. Перчатка уходит под рукав. Думаю, она сливается с легким бронекостюмом, который вы прячете под формой.

– Точно. Это тренировочный бронекостюм, в таких кадеты учатся управлять ищейками. Гипералмазное волокно, перевивочное переплетение; нити заточены на микроскопическом уровне, чтобы стопорить и тупить режущий край хвоста. Даже если направите хлыст на меня, он не перережет мне руку. Тем не менее странно, что вы не попытались.

– Со смертью я смирилась в тот момент, когда вместо префекта Дрейфуса увидела вас.

– Предлагаю сделку, – ухмыльнулся Гаффни. – Я в курсе, что сочленители способны приглушать боль. Но почти уверен, вы предпочли бы скорую смерть медленной. Особенно здесь, в одиночестве, вдали от друзей.

– Смерть – это смерть. Как умереть быстро, решу я сама, я, а не вы.

– Предложу-таки сделку. Мне известно, что вы заглянули в наши файлы. Честно говоря, я был готов закрыть на это глаза, потому что убить вас собирался при любом раскладе. Надеюсь, вы увидите нечто полезное для меня.

– Я увидела.

– Я не об Авроре, а о Часовщике.

– Не понимаю.

«Ложь», – подумал Гаффни. Даже если Клепсидра не слышала о Часовщике до прилета на «Доспехи» – хотя спящие «Пролога» не были отрезаны от внешнего мира полностью, – то наверняка восполнила пробел, когда без спросу рылась в архивах префектов.

Гаффни покрутил рукоять хлыста на ладони.

– Открою вам маленький секрет. Официально Часовщик считается уничтоженным при бомбардировке Силвестовского института искусственного интеллекта. – Гаффни понизил голос, словно их могли

подслушать. – Только это неправда. Бомбардировка началась после того, как префекты вынесли из СИИИ софт и технику. Они действительно считали, что Часовщик уничтожен, и нашли его мнимые останки. Сувениры бережно сохранили – и часы, и музыкальные шкатулки, и мерзкие мины-ловушки. Один из тех сувениров оказался... ну уж очень плохим. Просто хуже некуда. Это был сам Часовщик.

– Кто допустил бы подобную глупость? – удивилась Клепсидра.

– По-моему, тут не глупость, а гипертрофированная самонадеянность. Хотя в интеллекте тем префектам не откажешь. Провернули такую операцию, одиннадцать лет держали ее в тайне... Без хитрости и старания тут никак.

– Почему вас интересует Часовщик? Надеетесь и его использовать? Или это Аврора такая наивная?

– Нет, – Гаффни глубокомысленно покачал головой, – Аврора такой ошибки не допустила бы. Но сейчас Часовщик очень ее беспокоит. По ее сведениям, Часовщика не уничтожили. Авроре известно, что некая секта в составе «Доспехов» одиннадцать лет держала его в некоем месте и изучала. Аврора опасается, что в последнюю минуту Часовщик сведет на нет все ее усилия. Поэтому, пока секта не запустила Часовщика, его нужно найти и уничтожить.

– И вы уже пытались? В последние дни?

Гаффни изумленно взглянул на Клепсидру:

– А вы умница. Большая-большая умница.

– Раскин-Сарторий. – Клепсидра тщательно проговорила каждый слог. – Я видела это в ваших файлах. Вы считали, что Часовщик там, поэтому анклав пришлось уничтожить. Но вы же опоздали?

– Могу лишь предположить, что Аврора добывала разведанные недостаточно осторожно и кто-то занервничал. Теперь главный вопрос: куда перепрятали Часовщика?

– Почему бы не выпытать ответ у кого-нибудь знающего?

Вопрос вызвал у Гаффни улыбку.

– Думаете, я не пробовал? Увы, оказалось, что старик почти ничего не знает. Я слово сдержал: оставил ему достаточно мозгов, чтобы заниматься садоводством. Я же не монстр.

– Мне тоже нечем вам помочь.

– По-моему, это неправда. Не скромничайте, Клепсидра. Я знаю, что наши архивы – для вас раскрытая книга, меры безопасности – детский лепет, а попытки запутать и навести на ложный след смехотворны. Доступ к нашим файлам вы имели только во время короткого пребывания в

медкрыле у Мерсье, и то успели разобраться, что случилось с Раскин-Сарторием.

– Я не увидела ничего, связанного с нынешним местонахождением Часовщика.

– Не увидели того, что просто лезет в глаза? Ни ложных конструкций и зеркальных отражений в архитектуре, ни фальшивых русел и намеренных ошибок в инфопотоке? Ничего такого, что проглядит немодифицированный человек, даже опытный префект, но только не сочленитель?

– Я ничего не видела.

– А подумать не хотите? – Гаффни постарался, чтобы голос звучал примирительно. – Если угодно, мы найдем компромисс. Я сохраню вам жизнь и чуток нервной активности, но за это вы поможете мне.

– Гаффни, лучше не сохранять мне жизнь. Особенно если хотите спать по ночам.

– Похоже, ответ отрицательный. – Гаффни любезно улыбнулся. – Переспрашивать бессмысленно.

– Совершенно бессмысленно.

– Тогда говорить больше не о чем.

Гаффни заставил хвост втянуться в рукоять и пристегнул хлыст к поясу.

– Я думала... – начала Клепсидра.

– Хлыстом я вас убивать не собирался. Слишком рискованно, ведь вы способны вонзить в него телепатические когти.

Гаффни достал из кармана пистолет. Смазанная маслом сталь и простейшая пиротехника – такое оружие сочленитель себе не подчинит. Допотопное, как арбалет или штык, оно применялось в исключительных случаях.

Гаффни прострелил Клепсидре лоб, прямо под гребнем. На затылке образовалось выходное отверстие в три пальца шириной. Мозг и костяное крошево брызнули на заднюю стену допросного пузыря. Гаффни присмотрелся. Помимо ожидаемого запаха кордита, мерзко воняло горелой проводкой. Розово-серая масса напоминала кашу с осколками керамики и обрывками ткани.

Были в каше и блестящие предметы, серебристо-серые и бронзовые, частью соединенные золотыми проводами, частью с огоньками. Гаффни замороженно наблюдал за мерцанием мозга, пока оно не прекратилось, – совсем как засыпающий город. Какая-то часть Клепсидры, размазанная по стенке, продолжала думать.

Клепсидра, вне сомнений, погибла. Сочленители хоть и сверхлюди, но

уязвимы. Женщина с открытыми глазами висела в невесомости. По направлению взгляда казалось, что она наблюдает за пулей, пробившей ей голову. Лицо было безмятежным, на губах застыла кокетливая улыбка.

Гаффни не переживал. Он навидался трупов на своем веку и знал, как обманчиво выражение их лиц. Статичное изображение начинающего кричать мало отличается от портрета смеющегося или томимого радостным ожиданием.

Дело почти сделано. Гаффни спрятал пистолет в карман и громко, медленно и очень четко произнес:

– Галлий, бумага, базальт. Галлий, бумага, базальт. Проявись. Проявись. Проявись.

Секундная пауза пощекотала ему нервы. Только волновался он напрасно. Справа возник невиконт, хромированный шар, поверхность которого криво отражала стыки панелей. Гаффни подплыл к невиконту, вскрыл его, разделив полушария, и достал набор судмедэксперта. На очистку стены от прямых улик убийства Клепсидры ушло минуты две. Супервещество впитало бы улики, но допросный пузырь выложили совершенно идиотской плиткой. К счастью, тщательной чистки не требовалось, а висящие в воздухе микрочастицы крови и тканей совершенно не волновали Гаффни.

С помощью того же набора Гаффни очистил перчатку и пистолет, потом сам набор вместе с пистолетом сунул в невиконт и повернулся к Клепсидре. В невесомости заталкивать ее в небольшой невиконт оказалось непросто, но Гаффни справился, не воспользовавшись режущей функцией хлыста. Он сложил шар и перевел в невидимый режим. Секунду спустя ему почудилось, что просматривается тонкий контур. Гаффни отвел взгляд, а когда снова посмотрел туда, где стоял невиконт, не увидел абсолютно ничего.

Он надел очки и настроил их на эхолокацию. Контейнер старательно поглощал звуковые импульсы, которые посылал ему Гаффни. Впрочем, невиконты были оптимизированы для вакуума, а не для атмосферы. В очках хромированный шар просматривался. Гаффни коснулся холодной гладкой поверхности – шар качнулся. Через двойную перегородку шар пришлось толкать, но один раз у Гаффни получилось, значит получится снова. Только бы никого не встретить – Дрейфуса, например. Два человека еще могут разойтись, а с широким невиконтом не получится.

Удача – Гаффни нравилось считать ее окном просчитанного доступа – ему не изменила. Он без приключений добрался до широкого коридора, который вел к внешнему шлюзу отсека для допросов. Стало куда

просторнее, невиконт мог самостоятельно прятаться, при необходимости огибая плывущих ему навстречу. Гаффни дал ему волю: пусть работает встроенный антидетектор.

Гаффни снимал очки, когда из-за угла, цепляясь за поручни, выплыл неизвестный сотрудник. Он тащил целый тюк мундиров, запакованных в усадочную пленку.

– Старший префект! – почтительно проговорил сотрудник, отдавая честь.

В ответ Гаффни кивнул, засовывая очки в карман.

– Молодец, сынок, так держать, – сказал он чуть взволнованнее, чем хотелось бы.

Глава 18

Дрейфус щипал себя за веки, пока блестящие огоньки модели Единой системы не перестали кружиться. Он уже долго боролся с усталостью. Предательский сон периодически подкрадывался, одолевал буквально на минуту, и мысли сменялись сладкими грезами, в которых сбывались тайные желания. Старшие и полевые префекты, а также внештатные сотрудники сновали туда-сюда, вполголоса обменивались сведениями и сплетнями, сверялись с компадами, выводили увеличенные изображения прямо на Единую систему. Время от времени Дрейфусу позволяли участвовать в обсуждении, даже высказываться, но старшие префекты были непреклонны: в штабе он присутствует на их условиях, а не на собственных. Выведенный из себя, он слушал, как старшие префекты определяют следующий шаг. После долгих споров решили отправить четыре катера, по одному к каждому из молчавших анклавов. На катерах полетят по три префекта, вооруженных как для организации блокады.

– Это абсурд, – заявил Дрейфус. – Четыре разбитых корабля и двенадцать погибших префектов – ничего больше вы не добьетесь. Корабли нам терять нельзя, префектов – тем более.

– Это логичный ответ на усилившуюся угрозу, – возразил Криссел.

– При чем тут логичные ответы? – Дрейфус в смятении покачал головой. – Нам уже показали, что корабли будут встречены как вражеские.

– Что вы предлагаете?

– Нужны четыре внутрисистемника, желательно больше. Они вместят сотни префектов, если нужно, пробьются в анклавы и совершат жесткую стыковку.

– По мне, так это значит класть все яйца в одну корзину, – поморщился Криссел.

– А вы предпочитаете швырять яйца одно за другим, пока они не кончатся?

– Я за разумные ответные действия, а не за горячку. Не следует ставить на карту сразу все наши...

– Если хотим вернуть анклавы, действовать нужно сейчас же, – перебил его Дрейфус. – Захватчикам наверняка сложно контролировать местное население, поэтому атаку небольшого, но скоординированного отряда префектов они не смогут отразить. В общем, шанс у нас есть, но он тает на глазах.

В штаб вернулся Гаффни, отлучавшийся по какому-то делу. Дрейфус с удивлением заметил, что лоб старшего префекта блестит от пота. Зачем Гаффни надел тяжелую черную перчатку и бронекостюм для осваивающих хлыст-ищейку?

– Мелодрамой тут пахнет, но Дрейфус прав, – заговорил Гаффни, глядя только на старших префектов. – Мы не в состоянии выделить ни четыре внутрисистемника, ни даже два. Зато у нас есть один, готовый к старту. За десять минут можно посадить в него пятьдесят префектов. Даже больше, если передвинем смены.

– Им понадобятся боевые скафандры и оружие для действий в особой обстановке, – напомнил Криссел.

– Доспехи не проблема, а вот оружие до сих пор под запретом, – смутился Гаффни. – Кризис разразился так внезапно, что мы не провели референдум о возможности применения оружия.

– Джейн уже провела бы его, – проговорил Дрейфус. – Не сомневаюсь, что она хотела организовать референдум в мое отсутствие.

– Еще не поздно, – вмешалась Бодри. – Я воспользуюсь своим законным правом и объявлю о внеочередном референдуме. Результат узнаем минут через двадцать и еще успею снарядить внутрисистемник.

– Если жители анклавов нас не подведут, – вставил Дрейфус.

– Не подведут. Я очень популярно объясню, для чего нам необходимо оружие.

– И добавьте к нашим проблемам новую вспышку волнений? – спросил Гаффни, скептически наклонив голову. – Будьте очень осторожны. Если жители анклавов разнюхают, что дело не в простом конфликте с ультра, придется сдерживать массовую панику.

– Я буду предельно осмотрительна, – с невероятным самообладанием пообещала Бодри.

– Надеюсь, анклавов проголосуют, как нужно нам, – вмешался Дрейфус. – Но даже в этом случае одного внутрисистемника мало.

– Больше мы сейчас отправить не сможем, – заявил Гаффни. – Либо один, либо вообще ничего.

– Я согласен на один, – вздохнул Дрейфус. – При условии, что мне позволят командовать ударной группой.

С минуту в штабе царил молчание. Дрейфус чувствовал смятение других префектов. Лететь к Дому Обюссонов не хотелось никому.

– Операция связана с колоссальным риском, – предупредил Гаффни.

– Да, понимаю.

Бодри устремила на Дрейфуса пронизывающий взгляд.

- Полагаю, Дом Обюссонов станет первым пунктом назначения.
- Это самая легкая мишень, – без малейших колебаний ответил Дрейфус. – Отвоевать этот анклав будет проще всего.
- А если Талия Нг в другом месте?
- Нет, она там, – заверил Дрейфус.

* * *

На Блистающем Поясе происходило нечто экстраординарное. Подобного не было ни в последние одиннадцать лет, ни в течение тридцати лет до этого. За исключением четырех уже потерянных анклавов, оно затронуло каждый из остальных, независимо от статуса и общественного строя. Там, где подключались к абстракции высокого уровня, например в Солипсисте Безайле, в Дримхейвене, в «карусели» Нью-Джакарта или в сотне подобных космических поселений, местную реальность, причудливую, непостижимо эксцентричную, грубо прервали ради незапланированного объявления, поступившего из прозаичных глубин немодифицированной реальности. В большинстве типично демарксистских государств жители почувствовали, что в сознание вторглась незваная гостья, мгновенно подавив нервный стрекот бесконечных голосований и опросов. В умеренных государствах, где абстракция применялась не так интенсивно, граждане слышали тревожные сигналы браслетов или увидели новые окошки в поле зрения оптических имплантатов, контактных линз, моноклей и очков. Разумеется, окошкам эти люди уделили должное внимание. В государствах, где процветала биомодификация, граждан оповестили изменения физиологии, собственной или ближайшего окружения. На коже проступили двухмерные дисплеи, тела преобразовались в живые скульптуры, способные передать сообщение. В добровольных тираниях граждане останавливались у стен домов: портреты местных деспотов внезапно заслонило лицо незнакомки.

– Говорит Лилиан Бодри, верховный префект «Доспехов», – начала женщина. – Используя свое законное право, объявляю внеочередной референдум. Заверяю вас, что по его окончании текущие голосования возобновятся в полном объеме. – Бодри откашлялась и заговорила с официальнойностью опытного оратора: – Общеизвестно, что по воле жителей Блистающего Пояса персоналу «Доспехов» отказано в праве носить оружие, за исключением перечисленного в служебном мандате. «Доспехи»

всегда уважали это решение, даже когда оно создавало опасность для жизни префектов. Только за прошлый год одиннадцать полевых префектов погибли при исполнении служебных обязанностей, потому что были вооружены лишь простым автономным хлыстом. Тем не менее каждый из них отправился навстречу опасности, считая долг превыше всего. – После убедительного начала Бодри сделала паузу. – Однако тот же мандат уполномочивает «Доспехи» обратиться к гражданам и запросить временное разрешение – указан период в сто тридцать часов и ни минутой дольше – вооружить своих сотрудников системами, имеющимися у нас в арсенале для использования в чрезвычайных ситуациях. Вряд ли нужно пояснять, что подобная просьба требует серьезного размышления и не подразумевает машинального согласия. К сожалению, долг вынуждает меня обратиться к вам с этой просьбой. Секретность предстоящей операции не позволяет раскрыть сущность кризиса, но уверяю: ситуация исключительно серьезная. От наших действий зависит безопасность всего Блистающего Пояса. Вам наверняка известно, что за последние дни напряженность в отношениях между Блистающим Поясом и ультранавтами достигла неприемлемого уровня. В нынешней ситуации личная безопасность персонала «Доспехов» подвергается повышенному риску. К тому же обычные ресурсы «Доспехов», как человеческие, так и технические, сильно истощены. В свете вышеизложенного хочу обратиться к вам с двумя просьбами. Во-первых, сохранять спокойствие, ибо – вопреки тому, что могли слышать некоторые, – по данным «Доспехов», враждебных действий со стороны ультра не было. Во-вторых, прошу позволить моим сотрудникам носить оружие, необходимое для исполнения их обязанностей. Референдум по этому вопросу начнется немедленно. Рекомендую отнестись к нему с должным вниманием. Говорит Лилиан Бодри, верховный префект «Доспехов». Мы просим помощи.

* * *

Внутрисистемный крейсер «Всеобщее голосование» стоял на стыковочной платформе, готовый вылететь из ангара в космос. Сборы почти закончились, осталось лишь заправиться и вооружиться. На черном, девяноста метров длиной, клиновидном корпусе имелась светящаяся маркировка с общими инструкциями и предупреждениями, разъемы для подачи энергии и топлива, сенсорные панели, шлюзы, выхлопные отводы

двигателей, орудийные порты. Во время полета надписи сольются с абсолютной чернотой корпуса. Дрейфус уже посоветовался с пилотом и разработал тактику стыковки. Корабль приблизится к анклаву кормой вперед. Он подлетит на полной скорости и затормозит буквально в последнюю минуту. Задача чертовски сложная, но крейсер выдержит, а префектов защитят коконы из супервещества. Медленное сближение позволит антиколлизийным системам Дома Обюссонов навести ракету на цель.

Удовлетворенный состоянием корабля, Дрейфус отправился со смотровой площадки на оружейный склад, где другим префектам выдавали хлысты модели «Б». Он глянул на часы: результаты референдума поступят с минуты на минуту. Дрейфус прослушал обращение Бодри и подумал, что никто не справился бы лучше. Риск спровоцировать массовую панику был слишком велик, а Бодри решила задачу с похвальным мастерством.

Только порой мастерства недостаточно.

В стену вмонтировали большую стеклянную панель, овал с полированными серебряными наличниками. За панелью, в специально оборудованных нишах, словно музейная коллекция, располагался небольшой набор оружия, которое персоналу «Доспехов» носить не разрешалось. Большая часть «коллекции», пока скрытая из виду, ожидала, когда до нее дойдут руки. Все предметы были черные, с острыми углами, без блеска, украшений и претензий на эстетику, а отдельные пистолеты – чуть мощнее хлыстов-ищеек. Дрейфус знал, что самое эффективное оружие способно вскрыть стандартный анклав.

Бодри и Криссел уже подошли и стали по разные стороны от стеклянной панели. Каждый нес по паре тяжелых ключей, которые нужно вставлять в наличники и одновременно поворачивать. Ключи имелись только у старших префектов, а арсенал для чрезвычайных ситуаций отпирала сразу два человека.

– Результаты поступили? – спросил Дрейфус.

– Осталось несколько секунд, – ответила Бодри.

Большинство полевых префектов покинули склад и заняли свои места на «Всеобщем голосовании». Лишь несколько еще возились с бронекостюмами или ждали, когда им выдадут хлысты.

– Ну вот и результаты. – От волнения Бодри стиснула зубы.

Сводка выгрузилась на дисплей браслета, но Дрейфус мог даже не смотреть: выражение лица Бодри сказало ему все, что нужно.

– Вой! – Криссел раздосадованно покачал головой. – Глазам своим не верю!

– Тут какая-то ошибка, – словно в трансе пролепетала Бодри.

– Никакой ошибки нет. Сорок процентов за, сорок один против, девятнадцать воздержались. Мы проиграли с разницей в один процент!

Дрейфус сверился с цифрами на браслете. Ошибки и впрямь не было. «Доспехам» отказали в праве носить оружие.

– Риск так и так присутствовал, – заметил он. – Остаься Дом Обюссонов на связи, перевес был бы в нашу пользу.

– Я снова обращаюсь к гражданам, – сказала Бодри. – По закону имею право еще на один референдум.

– Ничего не изменится. Вы прекрасно выступили, никто не изложил бы суть проблемы так четко, не подняв паники на всей системе.

– Давайте просто раздадим оружие, – предложил Криссел. – С технической точки зрения победа большинством голосов не нужна. Ключи все равно сработают.

Дрейфус заметил, как Криссел напряг руку, готовясь повернуть тяжелый ключ.

– Может, вы и правы, – проговорила Бодри. Голос звенел от благоговейного страха, словно Лилиан обдумывала дерзкое преступление. – В конце концов, налицо чрезвычайные обстоятельства. Мы потеряли четыре анклава. Еще бóльшие аномалии результатов голосования также не исключены. «Доспехи» вправе не учитывать результатов референдума.

– Так зачем вы его устраивали? – удивился Дрейфус.

– Пришлось, – ответила Бодри.

– Тогда нужно прислушаться к воле граждан. А граждане сказали оружию «нет».

– Но ведь ситуация исключительная. – Криссел чуть ли не умолял. – От правил можно отступить.

– Нет, нельзя, – покачал головой Дрейфус. – Наша организация существует для того, чтобы демократическая система работала безошибочно, объективно и непредвзято. Мы требуем выполнения этих правил от остальных, значит и сами должны их всенепременно придерживаться.

Бодри наклонила голову в сторону «Системы голосования».

– Даже если ради этого придется лететь к Дому Обюссонов с одними хлыстами?

– Даже если так, – кивнул Дрейфус с мрачным видом.

– Теперь понимаю, почему Джейн держала вас в полевых префектах, – сказала Бодри, заговорщицки глянув на Криссела. – Только мы старше по

званию, и ключи у нас с Майклом, а не у вас, Том. На счет три.

– На счет три, – повторил Криссел. – Раз... Два... Поворачиваем!

Их руки синхронно повернулись. Раздался щелчок, и овальная панель тяжело отошла в сторону. Хромированные металлические стержни вытолкнули видимое оружие из ниш. Криссел взял среднего размера ружье, оглядел его тонкий перфорированный корпус и бросил Дрейфусу.

Том поймал без труда. Ружье вселяло уверенность и... глубокое чувство вины.

– Не могу, – проговорил Дрейфус.

– Решать не вам. По распоряжению старших префектов вы получаете оружие, необходимое для успешного выполнения служебного долга.

– Но референдум...

– Референдум сложился в нашу пользу, – перебил Криссел. – Такую установку даю вам я и настоятельно прошу не принимать во внимание информацию, ей противоречащую.

– Это неправильно.

– Вы высказались, – проговорила Бодри, – изложили свои высокие, благородные принципы. Теперь возьмите проклятое оружие. Не желаете пользоваться им сами, вооружите других префектов. Когда страсти улягутся, ответственность понесем мы, а не вы.

Ружье так удобно легло в руку, оно было приятно-увесистым и казалось надежным. «Возьми его, – зашептал внутренний голос. – Возьми ради других префектов и заложников Дома Обюссонов. Думаешь, восьмистам тысячам жителей этого анклава сейчас не наплевать на демократические принципы?»

– Ладно, я... – начал Дрейфус, но его перебил другой голос:

– Пожалуйста, отпустите ружье. Пусть оно от вас уплывет.

Это Гаффни явился на склад с целым отрядом префектов Службы внутренней безопасности, каждый из которых зачем-то натянул бронекостюм, отстегнул и активизировал хлыст-ищейку.

– В чем дело?

– Спокойно, Том! Отпустите оружие. Тогда и поговорим.

– О чем поговорим?

– Отпусти ружье, Том. Без резких движений.

Дрейфус стрелять не собирался. Даже окажись ружье заряженным, он не открыл бы огонь так близко к стыковочному модулю. Однако потребовалось волевое усилие, чтобы разжать пальцы.

– В чем дело? – спросила Бодри.

Гаффни повернулся к полевым префектам, до сих пор не покинувшим

склад, и щелкнул затянутыми в перчатку пальцами.

– На корабль, живо! – скомандовал он.

– Верховный префект задала вам вопрос, – напомнил Дрейфус.

– Полевой префект Том Дрейфус, вы арестованы, – отчеканил Гаффни прежде, чем задержавшиеся префекты ушли со склада. – Сдайте хлыст.

Дрейфус не шелохнулся.

– Изложите причину моего ареста, – потребовал он.

– Сдайте хлыст, Том! Тогда и поговорим.

– Для тебя я Дрейфус, сукин сын! – процедил Дрейфус, но отстегнул хлыст и позволил ему уплыть вслед за ружьем.

– Шеридан, вам нужно объясниться, – сказал Криссел.

Гаффни притворился, что не может прокашляться. От боевого пыла и праведного гнева глаза у него чуть не вылезали из орбит.

– Он позволил пленнице сбежать!

– Вы о Клепсидре, сочленительнице? – насторожилась Бодри.

– Десять минут назад префект Банкал заглянул к ней и обнаружил, что камера пуста. Тотчас вызвали Мерсье: Банкал решил, что доктор перевел сочленительницу обратно в медкрыло по состоянию здоровья. Только доктор знать ничего не знает. Пленница исчезла.

– Ее нужно найти, и поскорее, – заявил Криссел. – Только не понимаю, почему Дрейфус автоматически считается...

– Я проверил журнал доступа, – заявил Гаффни. – Последним ее навещал Дрейфус.

– Я не выпускал Клепсидру, – проговорил Том, обращаясь не к Гаффни, а к Крисселу и Бодри. – Даже если бы и хотел, как бы вытащил ее из камеры?

– Мы это выясним, дай срок, – пообещал Гаффни. – Сейчас важно другое: вам не нравилось, что ее держат в допросном пузыре, так?

– Она свидетель, а не пленница.

– Свидетель, который видит сквозь стены. По-моему, это меняет картину.

– Где она может быть? – спросила Бодри.

– Наверняка еще в нашем анклав. После возвращения Дрейфуса никто сюда не прилетал и отсюда не улетал. Само собой, я приказал начать усиленный поиск. – Гаффни провел ладонью по спутанным и мокрым от пота волосам. – Она же сочленительница, а не невидимка!

– Вы ошибаетесь, – парировал Дрейфус. – После моего ухода Клепсидра была на месте. Я попросил Спарвера заглянуть к ней. Зачем мне это, если я решил ее освободить?

– Потом разберемся, зачем и почему, – отрезал Гаффни. – Из журнала доступа ясно, что последним сочленительницу видел Дрейфус.

– Пусть камеру проверят судмедэксперты.

– Я на этом настаиваю, – ответил Гаффни. – Ну так что, устроим сцену или поведем себя как взрослые люди?

– Это ты! – выпалил Дрейфус, словно наконец понял суть длинного анекдота, которую все уяснили несколько часов назад.

– Я? – недоуменно переспросил Гаффни.

– Ты крот. Вражеский агент. Предатель, о котором говорила Клепсидра. Ты ведь служишь Авроре? Ты устроил диверсию и разрушил поисковую турбину. Ты стер бету, свидетельницу.

– Не смешите меня!

– Поговори с Траяновой. Послушай, что она скажет.

– О боже! – Гаффни закусил нижнюю губу. – Так вы не слышали?

– Что я не слышал?

– Траянова погибла, – ответила Бодри. – Том, мне очень жаль. Я думала, вы в курсе.

Дрейфус тупо уставился на нее.

– Что значит погибла?

– Произошел несчастный случай, – объяснила Бодри. – Траянова работала под кожухом поисковой турбины, когда цилиндр вдруг начал вращаться. Видимо, сняли автоблокировку... Не исключено, что это сделала сама Траянова, ведь она так торопилась снова запустить турбины...

– Какой еще несчастный случай?! – перебил ее Дрейфус, глядя на Гаффни. – Это ведь ты подстроил, да?

– Стоп! – невозмутимо скомандовал Гаффни. – Это же та самая Траянова, с которой у вас были проблемы? Тот самый младший префект? Вы ее выставили из команды, а потом не могли разговаривать с ней, не скандаля?

– Мы наладили отношения.

– Очень кстати, не правда ли? – Гаффни глянул на Криссела и Бодри. – Вы что-нибудь поняли? Помимо этих клеветнических обвинений в убийстве, Дрейфус когда-нибудь упоминал крота? Я вот не припомню, но, если упоминал, возможно, всплеску эмоций найдется объяснение. – Он с жалостью посмотрел на Дрейфуса. – Не представляете, как грязно все это выглядит. Честное слово, я ждал от вас большего.

– Дрейфус упоминал крота при мне.

Все обернулись и увидели Спарвера, парящего на пороге склада.

– Вас, младший префект, это совершенно не касается, – осадил

гиперсвинью Гаффни.

– Касается – с той секунды, как вы начали оговаривать Дрейфуса. Отпустите его.

– Выведите отсюда младшего префекта! – скомандовал Гаффни двум префектам Службы внутренней безопасности. – Начнет бузить – утихомирьте.

– Вы совершаете ошибку, – предупредил Спарвер.

– Слушайте, швырните-ка его лучше в пузырь для допросов. Пусть поостынет. Сынок, бешеный норв нужно сдерживать. Конечно, это сложно, если лобная доля недоразвита, но почему бы не постараться?

– Всему есть предел, – тихо проговорил Спарвер. – Сейчас вы за него вышли.

– Ты это сделал раньше. – Гаффни поднес руку к хлысту – жест получился красноречивым. – Убирайся отсюда, пока один из нас не сделал то, о чем потом пожалеет.

– Иди! – шепнул Дрейфус, потом чуть громче добавил: – Разыщи Клепсидру, разыщи, пока до нее не добрались люди Гаффни. Она в опасности.

Пальцы Спарвера коснулись виска, и этого движения было достаточно, чтобы Дрейфус понял: один союзник у него еще есть.

– Ну, Том, похоже, вы освобождаетесь от участия в спасательной операции, – проговорил Гаффни. – Или на это вы и рассчитывали?

Дрейфус не удостоил Гаффни ответом, лишь смерил взглядом.

– Я займу его место, – предложил Криссел.

Воцарилось молчание, прервала которое Бодри:

– Майкл, это совершенно необязательно. Вы старший префект, а не полевой. Вы нужны нам здесь.

Криссел схватил ружье, неподвижно висевшее в воздухе, и ощупал осторожно и боязливо, словно не знал, которым концом стреляют.

– Я надену скафандр и раздам оружие. – Особой уверенности в голосе Криссела не чувствовалось. – Через пять минут можно стартовать.

– Майкл, вы не готовы к операции, – настаивала Бодри.

– Дрейфус же хотел рискнуть. Что бы тут ни творилось, ребят на «Всеобщем голосовании» бросать нельзя.

– Когда вы в последний раз покидали «Доспехи» по служебным делам, а не по личным? – спросил Дрейфус.

– Буквально пару месяцев назад, – торопливо ответил Криссел. – Самое большее шесть. В прошлом году...

– Хлыст-ищейку с собой брали?

Криссел наморщил лоб, вспоминая то задание.

- Хлысты не требовались. Оценка риска была невысокой.
- То есть ничего общего с предстоящей операцией.
- Том, с подобным ни один из нас не сталкивался. Опыта ни у кого нет.
- Ваша правда, Майкл, – кивнул Дрейфус. – И что некогда вы были блестящим полевым префектом, тоже правда. Но дело-то прошлое. Вы уже давно наблюдаете за моделью Единой системы.
- Меня не лишали права выполнять полевые задания.
- Я могу полететь, – напомнил Дрейфус. – Отмените приказ Гаффни. Слово даю, по возвращении из Дома Обюссонов отправлюсь под арест.
- Вам это очень подошло бы, да? – спросил Гаффни. – Погибнуть при исполнении служебного долга. В блеске славы... Не предстать перед трибуналом «Доспехов»... Нет, боюсь, ничего не получится.
- Он прав, – кивнула Бодри. – До выяснения обстоятельств вы не имеете права покидать астероид «Доспехов». Именно так нужно поступить. Извините, Том.
- Уведите его, – скомандовал Гаффни.

* * *

В Доме Обюссонов стояла глухая ночь. Талии казалось, что она провела здесь полжизни, хотя ее катер состыковался с анклавом менее пятнадцати часов назад. За это время она не сомкнула глаз. Расхаживая взад-вперед, Талия приказывала себе бодрствовать и сохранять бдительность. Если она перестанет бороться с усталостью и усядется рядом с местными, это будет роковой ошибкой.

– Спасателей ваших пока не видно? – спросила Пола Тори раз, наверное, в двадцатый.

– Абстракция пропала только полдня назад, – отозвалась Талия и прислонилась к стеклянной витрине архитектурной модели Музея кибернетики. – Я не обещала, что «Доспехи» прилетят в определенное время.

– Ты сказала: абстракции не будет пару часов, а прошло куда больше.

– Верно, прошло, – кивнула Талия. – Но когда я улетала, по воле сознательных граждан Блισταющего Пояса действовало чрезвычайное положение. Наша организация очень старается предотвратить тотальную войну между анклавами и ультра.

– По-твоему, она до сих пор этим занята? – вполне резонно спросил Келлибо.

Талия кивнула садовнику, радуясь, что он не злится так сильно, как раньше.

– Похоже на то. Я сильно задерживаюсь, и префекты видят, что мой катер состыкован с Домом Обюссонов. Если найдут свободный корабль и пилота, они обязательно прилетят. – Талия нервно сглотнула, по крупицам собирая уверенность, которую велел показывать Парнасс. – Нет гарантии, что мы первые на повестке дня, но до рассвета они здесь будут.

– До рассвета еще далеко, – заметила Тори. – А роботы останавливаться не намерены.

– Главную башню они не трогают, – возразила Талия. – Тот, кто ими управляет, отдает приказы через центр голосования. Значит, центр не снесут, чтобы избавиться от нас.

Уже не осталось сомнений в том, что задание у строительных машин нешуточное – очистить анклав от построек, возведенных людьми. Целую ночь Талия наблюдала – порой одна, порой с Парнассом, Редон или еще с кем-нибудь, – как вдали от Музея кибернетики роботы прокладывают себе дорогу через сооружения. Кольцо второстепенных башен они уже смяли, погрузив измельченные обломки в огромные мусоровозы. В паре километров от музея виднелись другие скопления огоньков – сносом занимались и там. Вокруг музея роботы собрали, наверное, десятки тысяч тонн обломков, по всему анклаву – в сотни раз больше. Щебень вместе с необработанным материалом – его, как казалось Талии, были миллионы тонн – везли в одном направлении – к огромному производственному комплексу, расположенному в нижней полусфере анклава. Видимо, запасались сырьем, чтобы могучие жернова закрутились снова.

По сути, они уже крутились. Герметичные окна шара не пропускали ни звука, но Талия и ее команда чувствовали вибрацию – вдали запустили мощное производство. Ближе к полюсу наверняка стоял оглушительный грохот. Комплекс что-то производил. Что бы это ни было, из фабрик выжимали все соки.

– Талия! – позвал Парнасс, чья голова показалась над верхней площадкой винтовой лестницы. – Если ты свободна, мне нужна твоя помощь.

Талия насторожилась: примерно так Парнасс сообщал ей о новых проблемах, чтобы по возможности не пугать других. Она вышла на лестницу и спустилась за Парнассом на административный этаж – к неосвещенным кабинетам и складам. Трое жителей Дома Обюссонов до

сих пор сооружали баррикады – собирали все, что под руку подвернется, и швыряли то вниз по лестнице, то в шахту лифта.

– В чем дело, Сайрус? – тихо спросила Талия, когда они с Парнассом оказались достаточно далеко от работающей троицы, чтобы те не могли подслушать.

– Люди подустали, хотя заступили на смену лишь сорок пять минут назад. До конца этой смены они дотянут, но, когда проснутся к следующей, будет ли от них прок? Силы не беспредельны.

– Не пора ли подключить Тори?

– От нее будет больше вреда, чем пользы, – сплошное нытье. Да и главная проблема не в усталости. Материал для баррикад на исходе. Если на эту смену его хватит, то до конца следующей – точно нет. Перспективы отнюдь не блестящие. Это просто чтобы ты знала.

– Может, эти баррикады продержатся до прибытия помощи?

– Может, и продержатся.

– Вы так не думаете.

– Когда здесь тихо, я слышу, как работают внизу. Мы кидаем со своего конца, а роботы разбирают баррикады со своего, причем с такой же скоростью. Поэтому наши баррикады проседают.

– Если перестанем накидывать...

– Роботы прорвутся сюда в мгновение ока.

– Нужны запасные варианты, – проговорила Талия. – Я сказала вашим согражданам, что мы работаем над планом «Б». Пора его придумать, пока мне это не припомнили.

– Рад бы я что-то придумать...

– Если других вариантов пока нет, сосредоточимся на баррикадах. Когда кончится материал, придется искать что-то другое.

– Все комнаты вдоль этого коридора мы опустошили. Все, что могли сдвинуть, и все, что лезет в шахту, уже побросали вниз.

– Еще есть сама башня, – напомнила Талия. – Сгодятся стены, кроме несущих.

– Вот только инструменты для разбора стен ни один из нас захватить не догадался, когда шел встречать префекта «Доспехов», – съязвил Парнасс.

Талия сняла жужжащий хлыст с пояса.

– Ладно хоть я что-то захватила. Хлыст поврежден, но в режим меча переключится.

– Эта штукавина еще что-то может? – с сомнением спросил Парнасс.

Талия едва держала хлыст, до такой степени он нагрелся.

– Он режет любой материал, за исключением активно усиленного, вроде гипералмаза.

– В этой башне гипералмаза нет. Я знаю, потому что еще до строительства видел чертежи. Только что попало не режь. Здесь есть несущие балки.

– Тогда начнем с чего-нибудь однозначно второстепенного, – предложила Талия, вспомнив, на что облокотилась, когда ее подозвал Парнасс.

– С чего?

– Она этажом выше, аккурат надо мной. Архитектурная модель башни!

– Для баррикад нужен материал посерьезнее. А модель не прочнее мыльного пузыря.

– Вообще-то, я думала о плитусе. Он же гранитный? Если его разрежу на транспортабельные куски... камня там три-четыре тонны. Такая масса наверняка нам поможет.

– Спасти – вряд ли спасет, – ответил Парнасс, скребя подбородок, – только ведь сейчас не до жиру. Давай посмотрим, выдержит ли твоя игрушка.

Талия пристегнула ищейку к поясу и вытерла саднящие ладони о брюки. Дежурную тройцу она оставила работать и по лестнице поднялась на этаж выше, Парнасс не отставал ни на шаг.

– Прошу внимания! – заговорила Талия. – Мне нужна ваша помощь. Буквально на пару минут, потом вернетесь к отдыху.

– Вы о чем? – спросил молодой человек в костюме цвета электрик, массируя затекшее предплечье.

Талия шагнула к архитектурной модели и постучала по прозрачной витрине.

– Витрину нужно снять, чтобы я добралась до пьедестала. Я бы хлыстом ее прорезала, но лучше поберегу его для материала, который руками не разобьешь.

Прозрачная витрина напоминала аквариум, державшийся на месте лишь благодаря своему весу. Талия подцепила край пальцами и, задев сломанный ноготь, поморщилась. Молодой человек взялся с противоположной стороны. Вместе они подняли витрину, обнажив изящную модель. Двигались медленно, бочком, пока не вышли на свободное место, и там опустили витрину на пол. Что с ней делать, они решат потом.

– Теперь эту часть, – скомандовала Талия, берясь за тяжелую пластину – основание модели.

Сдвинуть модель с места удалось лишь втроем – за угол взялся Келлибо. Изящная копия музея весила немного, но пластина – дело другое.

– Сильнее! – прорычала Талия, когда возле четвертого угла встал Парнасс.

Пластина покачнулась и накренилась.

– Осторожнее! – От напряжения Талия скрипела зубами. – Поставим ее на витрину.

Вместе со своей командой Талия уже разбила несколько тонн музейных экспонатов, включая те, что, возможно, представляли большую историческую ценность. А вот модель, как ни странно, хотелось сберечь. Наверное, Талия чувствовала, что создавали ее долго и кропотливо.

– Аккуратнее! – попросила она, когда добрались до витрины.

У них почти получилось, но тут молодой человек взвизгнул и выпустил пластину: нерв или мышца перенапряженной руки не выдержали. Талия, Парнасс и Келлибо справились бы и втроем, да стояли не там, где нужно. Модель рухнула на бок, пробив витрину. От удара серебристо-белый шар сорвался с крепления, слетел по накренившейся башне, покатился по полу и исчез во тьме.

Талия упала на колени.

– Извините, – буркнул молодой человек.

Талия сдержалась, чтобы не расплакаться от боли.

– Это только модель. Самое важное – постамент.

– Проверим, насколько прочен гранит, – сказал Парнасс, помогая Талии встать.

Префект доковыляла до постамента, коснулась хлыста и вздрогнула. Он казался раскаленным, словно только из печи.

– Перчаток ни у кого не найдется? – спросила Талия.

* * *

Спарвер был рад, что не угодил в камеру, но подлаживаться под Гаффни исключительно ради спокойной жизни не собирался. Уже арестованный, Дрейфус просил разыскать Клепсидру, и Спарвер поверил, что сочленительница еще на астероиде «Доспехов». Начать поиски решил с пузыря для допросов, где шеф в последний раз говорил с Клепсидрой. Хитрости и проворства Клепсидре не занимать, только Спарвер сомневался, что она далеко, явно не дальше колец центрифуги. Даже если

Клепсидре по силам обмануть систему слежения, как протиснуться сквозь плотную толпу префектов и кадетов, снующих между отсеками с невесомостью и отсеками со стандартной гравитацией?

Спарвер мысленно выделил несколько мест, где могла спрятаться Клепсидра. Он решил опередить Службу внутренней безопасности, обыскать эти уголки и внушить Клепсидре, что защитит ее от любого местного проходимца.

У перегородки-двери в опустевший пузырь на пути у Спарвера выросли головорезы Гаффни. Свинья пытался с ними договориться, но тщетно. Наверняка префекты Службы внутренней безопасности сомневались в правоте своего начальника, только уступчивее от этого не становились. Спарвер еще урезонивал их, когда подоспел сам Гаффни.

– Префект Банкал, я думал, мы все решили. Ты не суешь рыло в мои дела, я не сую нос в твои – и мы друзья навеки.

– Когда ваши дела пересекаются с моими, я сую рыло, куда захочу. Да и чем вам не нравится мое рыло?

– Не испытывай судьбу, Банкал. Ты здесь из милости. Дрейфусу, может, и нравилось иметь ручную свинью, только сам он вряд ли задержится в «Доспехах». Я бы на твоём месте искал новых друзей, если желаешь остаться.

– Друзей вроде вас?

– Я лишь о том, что времена меняются. Приспосабливаться нужно всем, даже не самым сообразительным. Кстати, как твои лобные доли?

– Дрейфус с исчезновением Клепсидры не связан, – невозмутимо проговорил Спарвер. – Либо вы помогли ей исчезнуть, либо она прячется, зная, что вы хотите ее убить.

– Сынок, давай без детского лепета. Ты обвиняешь меня в чем-то или нет?

– Если вы причинили вред Клепсидре, это не сойдет вам с рук.

– Я сам ее разыскиваю. Думаешь, стал бы напрягаться, если бы что-то прятал? Давай, Банкал, задача-то простая, даже для такого, как ты.

– Гаффни, наш разговор не закончен. Даже не думайте!

– Иди и пальцы себе пересчитай, – велел Гаффни. – Перевалишь за десять – позови меня.

Глава 19

Майкл Криссел разглядывал себя в зеркальной стене каюты. Нельзя показывать, что с ним творится, ни в коем случае нельзя. Кожа цвета лягушачьего брюха, глаза с красными прожилками, как у альбиноса. В бледности он винил осушенный воздух крейсера, и в приступах рвоты тоже, только это утешало слабо. Тошнота подкатила внезапно, Криссел едва успел укрыться в каюте.

– Соберись! – велел он себе.

Мимо кают экипажа и оружейных отсеков Криссел поплыл в кают-компанию, где ждали другие префекты. В скафандрах и бронекостюмах, пристегнутые к сети, компенсирующей резкое торможение, они сидели, плотно прижавшись друг к другу, словно игрушечные солдатики, покрытые черной эмалью. Между коленями префекты держали оружие. Не только хлысты-ищейки, но и ружья, формально запрещенные результатами референдума. Вот улягутся страсти, получат люди доступ к информации и поймут: «Доспехи» правильно сделали, не посчитавшись с их мнением. Они даже поплодируют, узнав, что стояло на карте.

«Всеобщее голосование» завершал крейсерский этап полета, и полевые префекты наблюдали, как Криссел, пока еще в невесомости, движется по проходу от одного поручня к другому. Визор шлема никто не опустил, поэтому проплывающий мимо Криссел видел лица и чувствовал взгляды. В лицо он никого не знал. Даже имена на бронекостюмах из инертного вещества не говорили ему практически ничего.

Напряженное внимание префектов требовало отклика, воодушевляющей речи. Во рту было гадко: привкус рвоты еще не прошел. «Дрейфус подобрал бы слова, – подумал Криссел. – Ничего особенного, так, пару ободряющих фраз». Криссел остановился и медленно развернулся, кивая мужчинам и женщинам в бронекостюмах, похожих на панцирь омара.

– На легкость операции никто из нас не уповает, – начал Криссел и тотчас ужаснулся: какой слабый у него голос, как дрожит! – Не сомневаюсь, что стыковочные шлюзы находятся под усиленной охраной. В анклав мы наверняка встретим сопротивление и окажемся в меньшинстве. Наше преимущество в подготовке и вооружении. Помните, мы префекты «Доспехов». На нашей стороне правда!

Ответная реакция разочаровала и обескуражила. Префекты казались

растерянными и испуганными, словно его выступление не подняло, а сломило их боевой дух.

– Я говорю, что операция предстоит нелегкая, но это не значит, что мы обречены на поражение, – продолжал Криссел. – Разумеется, нет. Это значит лишь то...

– Сэр, как отличить врагов от мирного населения? – перебила кареглазая девушка с лицом сердечком.

Криссел постучал себя по шлему.

– Тактический оверлей выделит граждан, известных избирательному центру. Невыделенных, то есть не опознанных оверлеем, следует считать врагами. – Улыбка Криссела получилась чересчур уверенной. – Разумеется, вы уполномочены применять эвтаназию.

– Простите, сэр, – заговорил молодой человек с суточной щетиной, – но нам сообщили, что действовать будем при отсутствии внутренней абстракции.

– Верно, – кивнул Криссел.

Если Дом Обюссонов отключился от внешней абстракции, аналогичный вывод напрашивался и в отношении внутренних систем.

– Как же тактический оверлей разберется, кто есть кто? – поинтересовалась девушка, судя по тону, искренне рассчитывавшая на внятное объяснение.

Криссел почувствовал ловушку. Гарантии, что оверлеи будут работать, разумеется, не было.

– Врагами считаем тех... кто предпримет враждебные действия.

Префекты молча уставились на Криссела. Лучше бы смеялись или задавали новые вопросы, чем тупо пялиться, словно он изрек нечто полезное.

У него опять сжался пищевод.

– Прошу прощения, – сказал Криссел, готовый укрыться в каюте.

Не успел он закрыть рот, из кабины экипажа выплыл пилот в наушниках.

– Сэр, нам прислали видеодосье на Дом Обюссонов. Я подумал, что вы захотите посмотреть.

– Да, спасибо.

В просторную кабину экипажа Криссел заплыл с постыдным чувством облегчения. На выделенных дисплеях Дом Обюссонов казался пугающе близким. Криссел знал: впечатление обманчивое, лететь еще тысячи километров и антиколлизийные системы анклава пока не вычленили крейсер из общего потока межзвездного транспорта, движущегося по

аналогичным векторам.

– Выглядит нормально, – проговорил Криссел, когда детализировалось изображение стыковочного узла, где стояло несколько кораблей. – Полагаю, с тех пор, как мы улетели с «Доспехов», ничего значимого не случилось?

– Ничего такого, что влияет на наше сближение, – ответил пилот. – Впрочем, хочу кое-что вам показать.

Поверх окна общего вида он открыл новое. Появились изображения Дома Обюссонов: его снимали издали – не то с другого корабля, не то с автономной платформы.

– Это видимое излучение, – пояснил пилот. – Снимали с разницей в шесть часов. Правая картинка свежее.

– Они вроде бы одинаковые.

Пилот кивнул, соглашаясь с мнением Криссела.

– Теперь то же самое в инфракрасном излучении. Ничего в глаза не бросается?

Один из полюсов анклава, прежде холодный, превратился в яркую кляксу теплоизлучения. Оверлей показывал температурный диапазон оттенками красного, от кирпичного до огненно-оранжевого.

– Судя по остывающим слоям, полюс вдруг стал интенсивно выделять тепло.

– Угу, – буркнул пилот. – По нашему мнению, началось все в последние четыре часа.

Криссел рискнул задать глупый вопрос:

– Это какой полюс?

– Противоположный тому, к которому мы причалим. Стыковочный узел не горячее обычного, за исключением нескольких точек. Очевидно, там оружие, которое нагревается при стрельбе.

«Оружие», – подумал Криссел. Еще недавно антиколлизийные системы считались охранными, а теперь их причисляли к средствам ведения войны.

– Так что случилось? Почему с одной стороны анклав разогревается?

– Пока можем лишь догадываться, но как вариант: там запустили производство.

– Не знал, что у Дома Обюссонов есть производственный потенциал.

– Видимо, прежде анклав считали игроком посерьезнее, – ответил пилот, стуча пальцем по тексту на складном дисплее подлокотника. – Комплекс там далеко не самый крупный, но за год выдавал сотни тысяч тонн продукции. Все очень качественное, компактное, в основном строительные роботы для новых промышленных центров Глаза Марко. Но

едва лунное производство набрало ход, комплексы вроде обюссонского растеряли заказы.

«Дело давнее», – подумал Криссел. Глаз Марко считался главным производственным центром системы уже более века.

– Что стало с комплексом? – спросил он вслух.

– Инфраструктуру сохранили. Небось держали пари, что однажды смогут соперничать с Глазом Марко. Судя по выбросу тепла, комплекс снова работает.

– Но ведь мы потеряли Дом Обюссонов полдня назад. За такое время производство не запустишь. Это не в человеческих силах.

– Я просто предположил, – смутился пилот.

– Нашей операции это не помешает, – неуверенно проговорил Криссел. – Напротив, «Доспехам» еще важнее попасть туда и заявить о себе.

– Сэр, я решил вас проинформировать.

– И правильно сделали.

Возникла неловкая пауза. Криссел раздумывал, остаться ему или уйти, и в итоге спросил:

– Долго еще лететь?

– Через шесть минут попадем в зону, подконтрольную антиколлизийным системам анклава. Грузовые дроны были перехвачены, когда они углубились в эту зону на двести километров, то есть километрах в ста от стыковочного узла. – Пилот вчитался в тактические выкладки на другом дисплее. – Нацелиться на антиколлизийные системы мы способны задолго до этого. Половину можно обстрелять хоть сейчас.

У Криссела аж затылок оцетинился.

– Что же мы огонь не открываем? Если, конечно, это не глупый вопрос.

– Нас обнаружат. Сейчас мы для них минимальная эффективная площадь рассеяния, а начнем стрелять, вражеские системы целеобнаружения выследят нас по векторам выхлопов наших торпед.

– Речь об антиколлизийных системах, пилот, а не о военных установках. Системы запрограммированы на обнаружение чужих приближающихся объектов, а не на экстраполяцию на основе выхлопов торпед.

– Префект Дрейфус дал понять, что системы, судя по всему, используют новый софт, – неохотно проговорил пилот.

Криссел кашлянул:

– Да-да, я в курсе. Хотя... Вы уверены, что нельзя уничтожить все

антиколлизии одним ударом?

– Нет гарантий, сэр. Лучшая тактика – не открывать огонь, пока под прицелом не окажутся все установки. Это значит, атака откладывается до начала фазы торможения.

– Угу, я просто хотел это прояснить. Как далеко от антиколлизии зоны мы при этом будем?

– Углубимся в нее на тридцать километров.

Криссел кивнул, словно считал вопрос решенным и возвращаться к нему не собирался.

– Не меняйте вектора движения, пилот. Я пойду к префектам: хочу снова поговорить с ними.

– Сэр, через пять минут пристегнитесь. Будет трясти, особенно если придется уворачиваться от ответных выстрелов.

Из чистой прохладной кабины Криссел поплыл обратно в кают-компанию. Большинство префектов уже надели шлемы, а большая часть этого большинства опустила и заблокировала визоры.

– Пилот говорит, что минут через пять крейсер войдет в фазу торможения. – Держась за мягкий поручень, Криссел оглядывал черных «солдатиков». – Не стоит принимать нашу операцию за блокаду или дисциплинарный рейд. В Доме Обюссонов восемьсот тысяч граждан, и каждый из них рассчитывает на нашу помощь. Порой сотрудников «Доспехов» ненавидят и боятся. Любой полевой префект сталкивался с таким отношением. Я тоже сталкивался и знаю, каково быть презираемым. Но сегодня местные жители молятся о появлении людей в черной форме. Молятся и ждут, что мы справимся. По всей вероятности, мы столкнемся с вооруженным, хорошо подготовленным захватчиком. Помните главное: какими бы многочисленными, быстрыми и агрессивными ни были враги, на нашей стороне восемьсот тысяч благодарных граждан. «Доспехи» победят, в этом я абсолютно уверен. – Криссел поднял полусжатый кулак, изобразив эмблему «Доспехов», и услышал сдержанный гул одобрения.

Он остался доволен такой реакцией, но понимал: если перестараться, могут осадить и даже унижить, потому лучше ретироваться в кабину экипажа.

– Пилот, прошу доложить обстановку.

– Торможение через четыре минуты, префект. До внешней границы антиколлизии зоны сто двадцать километров. Вам пора пристегнуться.

– Как насчет антиколлизии систем? Сейчас, наверное, их видно лучше?

– Изображение ежесекундно детализируется.

– Тактическая ситуация не изменилась? Гарантии точного попадания до сих пор нет?

– Гарантии нет, сэр, – ответил пилот, но уже не так уверенно.

– Шансы увеличились?

– Немного, сэр.

– Прицелы уже наведены?

– Да, сэр. Обстрел начнем, как только войдем в антиколлизийную зону на тридцать километров. То есть через три минуты тридцать три секунды.

– Я пристегиваю защитную сеть, и вы, пилот, пристегнитесь. – Криссел повернулся к остальным членам экипажа. – Внимание! Смена боевого плана. Огонь откроем раньше, чтобы оставить пространство для маневра. Разрешаю начать стрельбу торпедами через шестьдесят секунд.

Пилот явно собрался возразить.

– Вам что-то непонятно? – вкрадчиво спросил Криссел.

– Сэр, это принципиальное изменение.

– Боевой план – не догма. Мы приспосабливаемся в соответствии с уточненными разведданными.

– Возможно, все системы поразить не удастся.

– Возможно, все не удастся поразить, даже когда приблизимся. Это война, пилот, элемент риска неизбежен. Прошу своевременно выполнить мой новый приказ.

Возникла секундная заминка: члены экипажа переглядывались. Заминка грозила перерасти в мятеж, но в итоге просто сошла на нет.

– Наведение не менять, – пробормотал пилот. – Выпустить торпеды через тридцать пять секунд.

Криссел вернулся в кают-компанию и занял свое место. Шлем он надел в самый последний момент, а едва загерметизировался стык, почувствовал мерные толчки – это торпеды вылетали с пусковых установок быстрого развертывания. До той секунды не было ни малейших признаков того, что «Всеобщее голосование» покажет когти.

Криссел заранее велел шлему компилировать данные, поступающие с видеокамер и других приборов тактического управления, и накладывать поверх того, что наблюдает он сам, то есть поверх сидящих префектов. Он видел серый диск Дома Обюссонов – анклав снимали со стороны полюса и показывали крупным планом. Торпеды просматривались лишь голубыми пунктирными линиями выхлопных газов, расходящимися под разными углами, в зависимости от цели удара. Каждую торпеду сопровождало зеленое окошко состояния, в котором мелькали цифры, Крисселу ничего не

говорящие. Красные крестики на сером диске обозначали предполагаемые места попадания. Перекрестья, кружки, векторы плыли по картинке, исполняли сложный завораживающий танец в сопровождении собственных криптограмм и символов.

– Доложите обстановку, – скомандовал Криссел и услышал жужжащий голос пилота.

– Торпеды достигнут целей через десять секунд. Начинаем торможение.

Едва коконы из супервещества обвили префектов, включая Криссела, началось резкое торможение. «Всеобщее голосование» выпустило торпеды, направило выхлопную струю к Дому Обюссонов, а значит, превратилось в удобную мишень. Tактический дисплей показал ответный огонь, который открыли скорострельные пушки антиколлизиионных систем. Крейсер определял траекторию их снарядов, просчитывал и выполнял молниеносные повороты. Гравитация увеличилась, и Криссел непроизвольно стиснул зубы. Наклон его сиденья постоянно менялся: оно приспособлялось, чтобы стабилизировать приток крови к мозгу сидящего, но мысли рвались и путались. Пунктир выхлопов поблек до бледных искр, едва заметных на фоне приближающегося Дома Обюссонов. После разговора с пилотом прошло десять секунд, но они казались невыносимо долгими часами.

Криссел и без тактических данных видел, что торпеды долетают до анклава. В самый последний момент они блокировали взрыватели, чтобы при ударе не случился термоядерный взрыв. Для нанесения заметного урона достаточно кинетической энергии.

Шары пыли и обломков, бело-серые, с огненной каймой, надувались медленно, чуть ли не сонно. Когда эта пыль рассеивалась, на поверхности Дома Обюссонов оставались аккуратные кратеры глубиной в десятки метров.

«Местные жители все чувствуют, – подумал Криссел. – Они не просто слышат громовые удары, но ощущают взрывную волну, катящуюся по шестидесятикилометровому анклаву. Для них это как землетрясение. Что бы ни творилось в Доме Обюссонов, местные знают: кто-то к ним стучится».

Торможение продолжалось, анклав приближался медленнее. Выпуклый полюс заслонил полнеба. Облака пыли и обломков рассеялись, позволив оценить истинные масштабы урона. Ответный огонь стих, значит, и впрямь один меткий удар нейтрализовал антиколлизиионные системы. Криссел с удовольствием подметил, что стыковочный узел видимых

повреждений не получил и все находящиеся там корабли целы.

Гравитация уменьшилась. Этап интенсивного торможения завершился, необходимость увертываться от снарядов отпала. Кокон не выпускал, но Крисселу наконец удалось собраться с мыслями и сформулировать фразу.

– Отличная работа, пилот! – похвалил он. – Посадку завершите, когда вам будет удобно.

Возобновился встречный огонь. Вели его с трех точек на ободке полярной полусферы – с трех точек, где не могло быть никаких антиколлизийных систем. Туда торпеды не направлялись, ведь из схем четко следовало, что уничтожать там нечего.

«Всеобщее голосование» по-прежнему пребывало в режиме усиленной обороны – отслеживало снаряды противника, выстраивало оптимальную тактику. Пушки выдвинулись из корпуса и открыли огонь. Еще три торпеды навелись на цель и стартовали. Крейсер отчаянно уклонялся, искал безопасную трассу под перекрестным огнем. С ледяным спокойствием он выяснял, у какого орудия меньше шансов уничтожить его двигатель или пассажиров. Резкий поворот, шквал тяжелых ударов – это снаряды впивались в броню «Всеобщего голосования».

Дом Обюссонов завалился набок – крейсер потерял поперечное управление. Границы визора замигали красным. Криссел услышал сирену, громкую, но не заглушающую голоса.

– Мы падаем! – крикнул пилот.

Еще три торпеды прорвались сквозь потоки снарядов и поразили цель. Встречный огонь прекратился так же внезапно, как начался. Криссел вновь увидел анклав в центре визора. Стыковочный узел тянулся к крейсеру, словно готовая схватить рука, в пальцы которой впились другие корабли. Обломки, плоды последней торпедной атаки, задели пару трансатмосферных шаттлов, и те покатались с платформ. Секунду назад, с безопасного расстояния, шаттлы казались хрупкими мотыльками, а в следующий миг превратились в огромных драконов, летящих к крейсеру. Очередной поворот – и «Всеобщее голосование» чиркнуло по шаттлу. От сильнейшего удара у Криссела чуть не рассыпался позвоночник. Картинка, транслируемая камерами, расплылась и медленно погасла. Tактический дисплей потемнел.

– Пилот! – позвал Криссел и услышал тишину.

Кокон из супервещества соскользнул с него, оставив в одном скафандре. В кают-компании царил мрак, других префектов было едва видно. Криссел включил нашлемный фонарь, то же самое сделали еще три или четыре фигуры в скафандрах и бронекостюмах. Криссел оглядел

подчиненных и понял, что никто не пострадал.

Крейсер сотрясся от удара, такого сильного, что стало ясно: это не обломок. Казалось, они врезались в поверхность анклава. «Жесткая стыковка», – изумленно подумал Криссел. Пилот посадил корабль, несмотря ни на что.

Криссел включил межскафандровую связь.

– Я загляну в кабину экипажа и разведу обстановку, – сказал он, отстегивая защитную сеть. – Ждите здесь, но будьте готовы к высадке сразу по моем возвращении. Наши планы не меняются. Стыковка получилась сложнее, чем ожидалось, но крейсер свое дело сделал. Обрато мы на нем не полетим. Если зачистим Дом Обюссонов, то спокойно дождемся другого корабля «Доспехов».

Криссел подплыл к кабине экипажа, но перегородка преградила ему путь. Она зафиксировала разгерметизацию кабины, глубокий вакуум, если верить датчикам. Криссел попытался вызвать кого-нибудь из экипажа, но услышал лишь монотонный вой несущей волны.

Он оглянулся на префектов.

– Шлемы у всех надеты? Тогда держитесь, я выпускаю воздух.

Криссел подплыл к боковому щитку. Собравшись с духом, поднял панель из бронестекла и сдвинул вниз черно-желтый, как оса, рычаг стравливания воздуха. Пластины разошлись почти мгновенно, и воздух понесся наружу из шести разных точек. Ни блокировки, ни предостережений. Дыхательная смесь уносилась с ревом, потом со свистом. Криссел держался за поручни. Интегрированные в шлем индикаторы вспыхнули, показав, что он в глубоком вакууме.

Теперь ничто не мешало Крисселу попасть в кабину. Перегородка разблокировалась, но, едва преодолев ее, вместо носа крейсера он увидел огромную брешь, а в ней ослепительно яркие звезды других анклавов и восково-желтый изгиб ближайшего горизонта Йеллоустона. Корпус заканчивался клочьями ламината, которые еще дрожали от прерванных восстановительных процессов и лоснились от супервещества, слизкого и вязкого, как смола. В отвоеванное у кабины пространство вторглась балка метровой толщины – вероятно, часть стыковочного узла. Сиденья членов экипажа, все, кроме одного, оторвались от пола. Остался лишь пилот. Он неподвижно сидел за пультом, пронзенный раздвоенным наконечником балки.

Жесткой стыковки, на которую рассчитывал Криссел, у «Всеобщего голосования» не получилось. Точнее, она почти получилась. В считанных метрах от зазубренных обломков корпуса виднелся шлюз анклава. По

толстой балке префекты легко туда доберутся. Криссел запретил себе думать о бедном пилоте – со временем его образ вернется, покоя точно не даст – и поплыл обратно в кают-компанию.

– Экипаж мы потеряли, – объявил Криссел. – Носовая часть крейсера сильно пострадала, зато открылся путь в анклав. Операцию никто не отменял. За мной, префекты, приготовьтесь встретить сопротивление прямо за шлюзом.

Префекты черной рекой потекли за Крисселом. Благодаря спецподготовке в невесомости они перемещались без труда. У балки разделились на две колонны и словно муравьи поползли к шлюзу.

Пока открывали дверь шлюза, Криссел наконец получил небольшую моральную передышку и проанализировал ситуацию. Планы, имеющиеся в арсенале «Доспехов», по идее, должны были учитывать все изменения, произведенные в анклаве со дня его основания. Возможно, Дом Обюссонов тайно установил скорострельные пушки на ободу полюса, превысив предусмотренное законом ограничение оборонительных систем для анклава такого размера. Однако из всех анклавов Дом Обюссонов казался Крисселу наименее вероятным кандидатом в тайные нарушители.

Правдоподобные варианты таяли на глазах. Если комплекс фабрик действительно запустили, а у производителей имеются необходимые схемы и сырье, анклав может выпускать практически все, что понадобится. Создание дополнительных антиколлизийных систем не проблема даже для небольшого комплекса: всего-то нужно переработать несколько сот тонн сырья. Пушки установить сложнее, но это вполне осуществимая задача, если захвачена хотя бы часть сервороботов. Комплекс разогрелся уже после вылета крейсера с «Доспехов», но ведь он мог работать еще до того, как понадобилось так явно сбрасывать отработанное тепло. Если фабрики делают только оружие, то и свою полную мощность они не раскрывают.

Значит, производится что-то другое.

Над дверью долго колдовать не пришлось. Она скользнула в массивную укрепленную раму, обнажив широкую пасть вместительного стыковочного модуля. Он освещался, изрыгая в космос воздух. В этом тоннеле пассажирский лайнер мог за минуту высадить сто человек, и они даже локтями друг друга не задели бы.

Префекты вошли в пустой тоннель. Ленты транспортера убегали в обоих направлениях. Префекты ладонями касались липких лент и уезжали в другой конец тоннеля, словно передвигались так уже миллионы раз. Криссел последовал их примеру, хотя ему пришлось коснуться ленты дважды, чтобы сила сцепления преодолела инерцию его тела и скафандра.

Наконец и он поплыл по тоннелям мимо броской рекламы с анимацией, нацеленной на состоятельных туристов.

Некоторое время спустя Криссел расслышал в динамиках шлема... неужели голос? Да, едва различимый голос что-то повторял снова и снова.

– Тихо! – скомандовал он, хотя почти все и так молчали. – Я что-то слышу по нашему каналу.

– Сэр, я тоже слышу, – проговорил кто-то из полевых префектов – возможно, та кареглазая девушка, на корабле задававшая Крисселу вопросы.

Он сосредоточился, пытаясь разобрать слова. Раза с третьего или четвертого получилось.

– ...Талия Нг, префект «Доспехов». Я записываю это сообщение через пять часов после потери абстракции. Буду передавать его, пока не разрядится мой браслет. Вместе с небольшой группой местных жителей мы укрылись на вершине башни и охраняем центр голосования. Снаружи... роботы сгоняют людей в группы, сторожат. Уже начали убивать. Кто за этим стоит, неизвестно, но местные сервороботы беспрекословно ему подчиняются. Нам срочно нужна помощь. Не знаю, как долго удастся сдерживать напор роботов.

После небольшой паузы сообщение повторилось:

– Говорит Талия Нг, префект «Доспехов». Я записываю это сообщение через пять часов после потери абстракции...

– Талия! – позвал Криссел. – Слышишь меня? Говорит старший префект Майкл Криссел. Повторяю, это Майкл Криссел. Пожалуйста, ответь!

Безостановочно прокручивающееся сообщение, и ничего больше. Криссел снова обратился к Талии, снова прислушался и сокрушенно покачал головой:

– Бесполезно. Видимо, она не...

– Сэр! – перебил его тоненький запыхавшийся голосок. – Я вас слышу! Вы получили мое сообщение?

– Да, Талия, получил. Сигнал у тебя слабый, но вполне четкий. Мы на стыковочном комплексе. Ты до сих пор у центра голосования?

– Да, сэр, мы держимся, – с явным облегчением ответила Талия. – Как хорошо, что вы прилетели! Не знаю, сколько еще мы тут протянем. Роботы анализируют ситуацию и приспособляются.

Криссел воскресил в памяти карту анклава, которую запомнил до отлета с «Доспехов».

– Талия, слушай внимательно. Мы еще далеко, даже после шлюза

останутся десятки километров.

– Сэр, главное, вы здесь. Пока добираетесь до башни, мы потерпим, тем более что теперь знаем: помощь вот-вот подоспеет. Сколько у вас кораблей?

– К сожалению, лишь один.

– Один?! – Изумление в голосе Талии мешалось со злостью.

– Да и тот не в идеальном состоянии. Со мной небольшой отряд полевых префектов – лучшие из тех, кого удалось собрать за короткий срок. Мы вооружены и готовы к бою. – Криссел силился приободриться. – Мы прилетели отбить Дом Обюссонов у врага, и это будет сделано. Талия, ты, главное, не сдавайся, и скоро все закончится хорошо.

– Сэр, мне нужно отключиться, – объявила Талия. – Браслет разряжается, и хотелось бы максимально растянуть то, что осталось.

– У меня есть вопрос по твоему сообщению.

– Да, сэр?

– Ты говорила о сервороботах. Речь ведь идет об ограниченном сбое? О нескольких роботах, подконтрольных захватчику, а не о полномасштабном восстании машин?

Если бы Криссел хуже знал Талию, то принял бы заминку за обрыв сигнала ее браслета.

– Нет, сэр, я выразилась точно. Анклав во власти роботов. По нашим данным, никаких захватчиков нет. На ДOME Обюссонов никто не высаживался. Восстали роботы, сэр. Они сошли с ума.

– Но здесь нет абстракции. Как же роботы без нее?

– На низком уровне она есть, для управления роботами ее хватает. Кто ими манипулирует, мы так и не поняли. Сэр, я боюсь...

– Не бойся, Талия. Ты умница, местных жителей защищаешь.

– Сэр, я не об этом. Я боюсь, что сама же спровоцировала это восстание, что сыграла в нем какую-то роль. Думаю, меня использовали, а я не замечала из-за глупости или раздутого тщеславия. Теперь уже ничего не исправишь, и мы все здесь расплачиваемся за мой промах.

– Так ты не в курсе? – осторожно проговорил Криссел.

– Не в курсе чего, сэр?

– Проблема не только с Домом Обюссонов. Связь утеряна со всеми четырьмя анклавами, которые ты посетила. Они синхронно отключились от абстракции.

– Боже!

– Ни к одному из них не подлетишь: любой приближающийся корабль обстреливается. Мы прорвались к Дому Обюссонов с огромным трудом.

– Сэр, что происходит?

– Мы пока не знаем. Известно только, что производство в этом анклаве запущено на полную мощность. От тебя мы узнали, что тут задействованы роботы.

Голос Талии зазвучал слабее, потом снова громче:

– Сэр, теперь мне впрямь пора. Роботы пробиваются в шар. Мы забаррикадировались, как могли, но сдерживать их напор очень непросто.

– Мы спешим к вам. Удачи, Талия. Бояться или стыдиться тебе нечего.

– Сэр, я вот-вот отключусь. Забыла спросить... Я ожидала, что на помощь мне отправят префекта Дрейфуса. – В голосе Талии зазвучало почти девчоночье волнение. – У него все хорошо? Пожалуйста, скажите, что с ним ничего не случилось!

– Дрейфус цел и невредим, – ответил Криссел. – Ему обязательно сообщат, что ты тоже цела, уж я об этом позабочусь. Просто на «Доспехах» кое-что изменилось, и ему пришлось остаться.

– Что изменилось, сэр?

– Боюсь, подробности пока сообщить не могу.

Связь оборвалась. Очевидно, Талия и сообщение перестала транслировать: ее же услышали. Пока Криссел с ней разговаривал, и он сам, и префекты успели уехать в другой конец тоннеля. Лента транспортера закончилась, в последний момент отклеившись. В глубоком вакууме тоннеля Криссела понесло вперед. Если бы не подоспевший префект, Майкл бы врезался в наружную дверь. По идее, пассажиры должны были останавливаться плавно: их тормозило нормальное атмосферное давление.

Отряд стоял перед тяжелой бронированной дверью, разрисованной нимфами и феями.

– За дверью воздух, – сообщил один из префектов. – Предохранители тут массивные, рассчитаны на поддержание вакуума с этой стороны.

– Прострелить можно?

– Можно, сэр. Но если за дверью заложники и они без скафандров...

– Я вас понял. Варианты есть?

– Нет, сэр, только если герметизировать эту часть тоннеля. Тогда заблокируем противоположную дверь, и предохранители позволят открыть эту.

– А герметизировать отсюда получится? – спросил Криссел.

– Без проблем, сэр. Когда входили, мы активировали дистанционный выключатель. Просто хотелось сначала с вами посоветоваться. В этом случае обратный путь блокируется.

– Но если понадобится, ту дверь вы откроете?

– Конечно, сэр. Пару лишних секунд на это потратим.

– Тогда действуйте, – скомандовал Криссел.

К тому моменту когда дверь распахнулась и в тоннель хлынул воздух, Криссел успел собраться с духом. Дальше был огромный таможенный зал сферической формы – место встречи десятков стыковочных коридоров. До сих пор крутилась анимационная реклама. На проволочных рамах висели пестрые шелковые баннеры, несколько штук сорвали сквозняки. Массивные скульптуры – морские коньки – поддерживали замысловатое переплетение цветочкообразных лент транспортера, которые, петляя, уходили в открытый космос. Криссел представил, как по контейнерам движутся тысячи пассажиров, кричаще ярких даже без энтоптического оперения, – бесконечный поток сияющих человекообразных бусин. Редко бывал он в подобных местах, редко чувствовал себя частью многоликого населения Блестящего Пояса. На миг Криссел пожалел, что служба в «Доспехах» направила его жизнь по аскетически суровому руслу.

– Красный конвейер пронесет нас через зал, – сказал Криссел, подавив сожаление на корню. – Поехали!

Тут роботы и позволили себя обнаружить. Они были в зале все это время, прятались среди черных металлических скульптур. Когда роботы показались, Криссел едва сдержал хохот. Горькое изумление: «Неужели меня обманули?» – стало единственным чувством, которое вызвала роковая неотвратимая засада.

– Враги! – объявил он. – Сервороботы! Разобрать цели! Мощность предельная. Огонь по готовности.

Еще отдавая приказ, Криссел понимал: роботов слишком много, префектов слишком мало. Отряд «Доспехов» уже открыл огонь, уже уничтожил несколько приблизившихся машин. Только они всё прибывали и прибывали. Казалось, они повсюду: сгущаются из теней, летят по воздуху, петляют по транспортерам, спешат по другим тоннелям, сообщаясь с таможенным залом.

Криссел привык к сервороботам настолько, что в обычной жизни едва их замечал. Впрочем, здешние роботы двигались не как обычные, а торопливо и резко, точно суетливые насекомые. В целом их действия отличались продуманной согласованностью, а если разбить на этапы, казались полным хаосом. Одни безжалостно топтали других и отшвыривали третьих, слишком неловких и медлительных. Фактически роботы были без оружия, только каждая конечность, каждый щуп и манипулятор настроились на агрессию. Некоторые даже модифицировались для пущей эффективности – до блеска наточили

конечности, превратив их в зловещие серпы и пики.

Отряд Криссела теснила армия убийц. При этом корпуса сервороботов сохранили яркую окраску и эмблемы, соответствующие прежнему назначению, – вон помощник по хозяйству, вон садовник, вон добрый медик. У многоногой, со спинкой жука-няньки из яслей остались расцветка божьей коровки и счастливая физиономия, нарисованная спереди.

Префекты использовали оружие в полную силу, но не могли ни замедлить натиск, ни тем более отразить. У большинства роботов защитное покрытие было таким тонким, что от прямого попадания они разваливались. Но шедшие за авангардом не сплеховали – схватили обломки поверженных товарищей и превратили в щиты и дубинки. Теперь их так просто из строя не выведешь.

Криссел поначалу не заметил человеческие жертвы. Когда сервороботы набросились на облаченных в бронекостюмы префектов, люди и машины слились в одну массу. Мельтешили конечности, звенел металл, ударяясь о керамику. Лишь когда два обезглавленных тела упали между скульптурами и из разъемных колец скафандров забили кровавые фонтаны, он понял: роботы начали убивать.

– Отступаем! – приказал Криссел, слясь перекричать шум битвы – звон манипуляторов и брони, вопли паникующих префектов.

Тут Криссел почувствовал, что его самого схватила и потащила сильная металлическая рука. Как он ни упирался, роботы навалились на него. Мудреный бронекостюм они сдирали с восторженным нетерпением детей, вскрывающих сверток с подарком.

Криссел отдал роботам должное: управились они быстро.

Глава 20

От пузыря для допросов, в котором держали Клепсидру, камера Дрейфуса отличалась наличием гравитации, но казалась такой же гнетуще-непроходимой. Обувь и браслет забрали. Единственной поблажкой стал ослабленный ворот, чтобы не слишком натирал небритый подбородок. В звуконепроходимой камере не определишь ни что творится за ее стенами, ни сколько времени прошло. Перепуганный, взбудораженный, Дрейфус даже не скучал. Бешеным водоворотом кружились мысли о Клепсидре, об операции в Доме Обюссонов, о Талии. Глухой звук, с которым «Всеобщее голосование» оторвалось от стыковочной платформы, вероятно, был игрой его воображения.

Дрейфус сажал людей в камеры достаточно часто, чтобы предаваться досужим размышлениям о том, каково оказаться за запертой дверью. Сейчас он понимал, что даже примерно не представлял ни истинного чувства опустошенности, ни стыда. Дрейфус твердил себе, что не сделал ничего плохого, ничего заслуживающего малейших угрызений совести. Только сидя в камере, стыд не подавишь.

Часа через два или три – по крайней мере, так казалось Дрейфусу – в перегородке обозначилась дверь. Лилиан Бодри вошла одна, без сопровождающих, и тотчас заблокировала перегородку. Видимого оружия у нее не было.

– Не ждал гостей. Какие новости? От Талии ничего не слышно?

Вопросы Лилиан проигнорировала.

– Том, если вы виновны, скажите мне сейчас.

Бодри стояла у его нар. Подол юбки растекался вокруг ее щиколоток, словно воск с тонкого черного фитиля.

– Вы же знаете, что я невиновен.

– Гаффни твердит, что вы видели Клепсидру последним. Она намекала, что собирается сбежать?

Дрейфус потер глаза:

– Нет, она не намекала. Причин не было: я же обещал, что мы защитим ее и поможем вернуться к сочленителям.

– Но она исчезла.

– Или кто-то об этом позаботился. Вы ведь наверняка рассматривали такую версию?

– По словам Гаффни, никто не заходил в пузырь после вас – до тех

пор, пока туда не заглянул Спарвер и не обнаружил, что сочленительница сбежала.

– Гаффни видел, как я вывожу Клепсидру из отсека?

– Он считает, что вы могли настроить перегородку так, чтобы пленница выскользнула в ваше отсутствие.

– Я даже не представляю, как настраивают перегородки. Допустим, Клепсидра сбежала. Почему ее никто не видел? Почему камеры внутреннего наблюдения не записали побег?

– Мы толком не знаем, на что способны сочленители, – ответила Бодри.

Дрейфус закрыл лицо руками.

– Они умнее нас, но отнюдь не волшебники. Если Клепсидра выскользнула из камеры, кто-нибудь ее увидел бы.

– Небось сбежала, дождавшись удобного момента. Вы могли подсказать ей, когда проще всего выбраться незамеченной.

Дрейфус глухо засмеялся:

– А камеры?

– Клепсидра заставила их стереть ее изображение.

– Ей пришлось бы где-то спрятаться, иначе рано или поздно нарвалась бы на людей.

– Гаффни говорит, что ее спрятали вы.

– Имя Гаффни я слышу чуть ли не ежесекундно. Вам это не кажется подозрительным?

Бодри насупилась.

– Занимаемая должность автоматически выдвигает Гаффни на передний план во всем, что касается внутренней безопасности. У вас нет доказательств того, что он совершил какое-то правонарушение.

– Даже если бы доказательства нашлись, похоже, вы не пожелали бы их принять.

– Том, я помню, что у нас были разногласия и что вы не одобряете наших действий по отношению к Джейн. Я уважаю вашу позицию, правда уважаю. Не сомневайтесь, мы старались ради «Доспехов». Когда Джейн восстановят в должности, а это непременно случится, я первая принесу ей присягу. – Бодри взглянула на Дрейфуса: – Вы мне не верите. Считаете, что Джейн мы сместили ради корысти. Или ради чего-то еще.

– Считаю, Крисселу не хватило пороку перечить вам с Гаффни.

– А мне?

– Только не говорите, что корысти тут нет и не было.

Дрейфус впервые увидел в глазах Бодри золотой огонек злобы.

– Том, поставьте себя на мое место. Я уважаю Джейн. Всегда уважала. Когда Часовщик портил нам жизнь, я помогала ей во всем. Только Джейн не следовало так долго оставаться в должности. Не верю, что скарабей не повредил ее духовно или физически.

– Многие считают, что скарабей сделал ее идеальным верховным префектом.

– В этом и суть: у нас не было шанса проверить. Криссел, я и, надо признать, Гаффни тоже... Мы отдали «Доспехам» лучшие годы, а взамен заработали только морщины и седину. В тени Джейн мы успели состариться, а ведь никто из нас не вечен!

– И Джейн не вечна. Черт подери, вы могли бы подождать своей очереди!

Бодри выдохнула, воинственного пыла поубавилось.

– Да, я хотела убрать Джейн с дороги. Но это не значит, что ей следовало оставаться у власти. И это не значит, что «Доспехи» не выиграли от наших действий.

– Вы искренне в это верите? Лилиан, посмотрите мне в глаза!

Бодри встретила его взгляд, но далеко не сразу.

– Да, – ответила она.

Дрейфус кивнул, сделав непроницаемое лицо. Пусть мучается, пусть гадает, поверил он или нет.

– Гаффни следует остановить при любом раскладе. Он совсем распоясался.

– Вы упоминали девушку – по-моему, Авророй ее назвали. Не расскажете о ней?

– Полагаю, нам противостоит Аврора Нервал-Лермонтова, одна из Восьмидесяти.

– Она погибла, Том. Они все погибли.

– Аврора вряд ли погибла. Вот уже пятьдесят пять лет она где-то прячется и ждет благоприятного момента.

– Просто прячется?

– Так было, пока что-то не заставило ее раскрыться. Это что-то она узнала от Клепсидры и сильно испугалась. Все недавние беды Пояса – Аврорин ответ на какую-то угрозу. Она берет нашу систему под контроль, потому что считает, что мы не справляемся с задачей.

– Клепсидра – ее сообщница?

– Не совсем. Аврора использовала тех сочленителей, добывала через них разведданные.

– А сейчас последняя уцелевшая свидетельница исчезла.

– Я не выпускал ее из пузыря, – заявил Дрейфус. – За годы службы я совершил несколько сомнительных поступков, но это не один из них.

– Так кто ее выпустил?

– Вы знаете кто.

– Нет, Том, он нас не предаст. Он хороший человек, настоящий префект. Он душу «Доспехам» отдал. Безопасность Блистающего Пояса – цель всей его жизни.

– Может, он и сам так думает. Только думы думами, а служит он Авроре. Траянова знала: тот, кто вывел из строя турбины и уничтожил мою бета-свидетельницу, имеет неограниченный доступ к секретной информации. Она практически вычислила Гаффни, поэтому и поплатилась жизнью.

Бодри качнула головой, словно прогоняя неприятную мысль, жужжащую внутри.

– Не верю, что Гаффни действует против нас. Если конкретнее, зачем ему выпускать Клепсидру из пузыря?

– Затем, что ей известны секреты, которые Гаффни не хочет нам раскрывать. – Дрейфус подался вперед. – Бодри, послушайте: по-моему, Гаффни хочет ее убить. Он найдет ее и прикончит, если еще не сделал этого. Вы должны разыскать ее раньше.

– Мы не знаем, где она.

– Так ищите! Гаффни управляет Службой внутренней безопасности, но «Доспехами» управляете вы. Сотни префектов Гаффни пока не подчиняются.

– Сандра Вой! Вы всерьез предлагаете развязать полномасштабную войну в «Доспехах»?

– Зачем же войну? Обуздайте Гаффни, лишите его власти. Префекты Службы внутренней безопасности подчиняются ему, но ведь вам они тоже подчиняются.

На миг Дрейфусу показалось, что Бодри обдумывает его предложение – по крайней мере, не отменяет. Потом в ее глазах отразился категоричный отказ.

– Нет, я так не могу.

– По крайней мере, разыщите Клепсидру до того, как это сделает Гаффни.

– Задача не из легких, особенно если она не хочет, чтобы ее нашли.

Тут браслет Бодри разразился пронзительной трелью, совершенно неуместной в непроницаемой серости камеры. Бодри раздраженно посмотрела на устройство, поднесла его к лицу, и во взгляде у нее

появилась безысходность.

– В чем дело?

– Потеряна связь с «Всеобщим голосованием», – слабым, далеким голосом ответила Бодри. – Случилось это на последнем этапе сближения с Домом Обюссонов, когда оборонные сооружения анклава попали в зону обстрела нашего корабля.

Дрейфус кивнул. Он знал, что по плану следовало уничтожить антиколлизийные системы анклава дальнобойными орудиями.

– Лишь тактическая телеметрия или вся связь?

– Вся. Сигнала вообще нет. – Бодри помолчала, словно не решаясь озвучить очевидное. – Боюсь, корабль мы потеряли. Боюсь, мертвы и Криссел, и те молодые префекты. – Во взгляде, устремленном на Дрейфуса, тлел ужас. – Что нам теперь делать?

– Удостоверьтесь, что корабль потерян, – посоветовал Дрейфус. – Потом начните собирать флот, рассредоточенный по системе. Верните на «Доспехи» все корветы, все крейсера, какие бы задания они ни выполняли.

– Нельзя игнорировать кризис в отношениях ультра и Блистающего Пояса.

– Вам можно, – возразил Дрейфус, – потому что это уже не важно. Да и не настоящий это был кризис, а маневр, отвлекающий от главного. И ведь он сработал! Как же мы опростоволосились!

– Мы старались, хотели как лучше, – грустно проговорила Бодри.

– Плохо старались. Нужно подняться на новый уровень, потому что настоящий кризис только начинается.

– Том, мне страшно. Враги уничтожили хорошо оснащенный военный корабль. Это не должно было случиться!

– Мне тоже страшно, – признался Дрейфус. – Только у нас еще есть дела. Разыщите Клепсидру. Нужно снова провести референдум. В этот раз говорите откровенно. Нам необходимо оружие. Кто-то будет против, но сейчас это не имеет значения.

* * *

Гаффни наблюдал невероятное зрелище, старательно изображая отвращение и шок. Ноги на ширине плеч, руки за спиной, ни малейшего намека на сутулость, – возможно, сам он ломал комедию, зато неподдельность эмоций других префектов Службы внутренней

безопасности, собравшихся в отсеке Дрейфуса, сомнений не вызывала. Равно как и неподдельность эмоций верховного префекта Лилиан Бодри.

– Нет, я в это не верю. – Бодри покачала головой, словно ужасная картина могла оказаться наваждением, от которого хотелось избавиться. – Я знаю Дрейфуса. У нас с ним и до конфликтов доходило, но на такое он не способен. Только не в отношении своей свидетельницы.

– Невозможно предугадать, на что способен человек, съехавший с катушек, – проговорил Гаффни с надменной жалостью, точно открыл для себя эту простую истину много лет назад. – Мне Дрейфус тоже всегда казался психически уравновешенным. Очевидно, до крайности его довели последние события.

– Но убивать ее... Сандра Вой! Шеридан, это же абсурд!

– Может, свидетельница знала больше, чем показывала? – рассуждал вслух Гаффни. – Никому из нас не известно, что именно случилось внутри того астероида. Вдруг Клепсидра выяснила нечто пагубное для репутации Дрейфуса?

– Тогда зачем он привез ее сюда?

– Небось формальности хотел соблюсти. Наверное, в присутствии Спарвера иначе не получалось.

– И Дрейфус с самого начала собирался ее убить?

– Посмотрите на улику. – Гаффни смиренно пожал плечами. – По моему, она вполне красноречива.

Клепсидру убили выстрелом в голову – это не вызывало сомнений ни у кого.

– Оружие было не лазерное, а стреляющее пулями, – продолжал Гаффни. – Нет каутеризации вокруг входного отверстия.

– Где, по-вашему, застрелили Клепсидру?

Гаффни сделал вид, что размышляет.

– Если он это сделал здесь, супервещество в каркасе нашей резиденции почти наверняка впитало и переработало кровь и фрагменты, попавшие на стены. За прошедшие часы все разложилось на химические элементы и распространилось по «Доспехам». – Гаффни прикоснулся к губам. – Вы давно ели?

– Да, – недоуменно ответила Бодри. – При чем тут еда?

– К раздаточным автоматам пока лучше не подходить, если вам не по вкусу переработанные сочленители. Если по вкусу, то приятного аппетита!

– Вы шутите, – пролепетала побледневшая Бодри.

– Нисколько. Так уж действует система утилизации. Отделять человеческие останки от хозяйственных отходов она не

запрограммирована. Убийства в резиденции «Доспехов» не предусмотрены.

Бодри взглянула на останки Клепсидры.

– Почему же стены полностью ее не впитали?

– Наверное, тут что-то вроде несварения. У супервещества ограниченная пропускная способность. Если вбирает слишком много за один присест, то забивается. – Гаффни растянул губы в неприятной улыбке. – Видимо, целый сочленитель для него – слишком много.

Труп Клепсидры впитался в пол процентов на пятьдесят, пока супервещество не забило и не оставило попыток его переработать. В результате получилось нечто вроде незаконченной скульптуры – женское тело, наполовину утопленное в гладкий мрамор. Голова с гребнем и плечи остались над полом, а нижняя часть рук, бедра и живот словно ушли под мраморный настил. Четыре пальца правой руки, окоченев, торчали из пола, как каменные часовые. Левая нога тоже приподнялась, согнулась в колене и снова погрузилась во впитывающую поверхность.

– Это... все, что осталось? – спросила Бодри.

– Боюсь, что так. Кажется, что труп Клепсидры наполовину погрузился в мрамор, как в зыбучий песок, но на деле под полом ничего нет. Выступающие части тела не соединены.

Гаффни поддел носком колено Клепсидры, и оно упало. Бодри отвернулась, а потом снова посмотрела на жертву. Там, где нога касалась пола, остались две лунки. Между ними и коленом растянулись волокна наполовину переработанной органики.

– Такого конца она не заслужила, – сказала Бодри. – Мы не рассчитаемся с сочленителями, когда они выяснят, что Клепсидра погибла у нас в тюрьме.

– Мы тут ни при чем, – мягко напомнил Гаффни. – Убийство на совести Дрейфуса.

– Совершенно не понимаю, зачем он это сделал, не говоря уже о способе. Как Дрейфусу удалось незаметно перенести труп из одной части резиденции в другую?

– Лилиан, речь не о каком-то постороннем трупе, а о трупе пленницы Дрейфуса, обнаруженном в личном отсеке Дрейфуса. По нашим данным, он последний видел Клепсидру живой. По-моему, это достаточный повод, чтобы взять его в оборот.

– В какой еще оборот?

Гаффни покрутил черную рукоять хлыста, пристегнутого к поясу.

– Нам нужны ответы, причем немедленно. Боюсь, если Дрейфуса не

приободрить слегка, он откровенничать не пожелает.

– Я поговорю с ним.

– Не обижайтесь, Лилиан, только вряд ли Дрейфус расколется, даже если вы предъявите ему труп. Сами видели, как он старался спихнуть вину на меня.

Бодри снова взглянула на страшный, наполовину переработанный труп.

– До сих пор не верится, что Дрейфус на такое способен. Мне всегда казалось, что он не убийца и не предатель.

– В тихом омуте черти водятся, – напомнил Гаффни.

Он чувствовал, что в аккуратной головке Лилиан идет лихорадочная работа мысли.

– Не нравится мне такое развитие событий. Но ситуация чрезвычайная, и я, возможно, отдам приказ о тралении, если вы считаете его необходимым. Уровень вмешательства будет минимальным. Боль и страдания исключатся.

– Лилиан, вопросов слишком много. Траление не лучший выбор в такой ситуации.

– Что вы рекомендуете?

– У нас в арсенале немало других средств. Подробности вас интересуют?

– Надеюсь, речь не о пытках?

– Пытки! – Гаффни аж передернуло. – Понятие старое, в современности неприменимое. Пытки – это когда иглы вгоняют под ногти, а к гениталиям подводят электроды. Слишком много ненужной грязи. Новые способы выкачивания информации куда изящнее. Сравнить с ними пытки все равно что нынешнюю нейрохиргию – с трепанацией. Разумеется, если вы предпочитаете траление околоркового вещества...

Бодри отвернулась.

– Хватит! Не желаю слушать!

– Вам и не нужно. – Гаффни ободряюще улыбнулся. – Идите к себе и ждите результата.

– Дрейфус один из нас, – проговорила Бодри.

Гаффни похлопал по хлысту.

– Я прослежу, чтобы к нему отнеслись с должным пиететом.

* * *

Талия старательно скрывала от других, но для себя уже сделала вывод: помощи ждать не следует – по крайней мере, не от старшего префекта Майкла Криссела. После их разговора прошло уже пять часов, а обещанный штурмовой отряд так и не появился. Криссел предупреждал: на дорогу уйдет время, но Талия понимала, что уже должна была заметить какие-то признаки приближения префектов. Пока она смотрела в окно, потемнели и цилиндр Дома Обюссонов, и полюс, на котором она высадилась целый век назад. На присутствие отряда не указывало абсолютно ничего, на полюсе даже огоньки лифтов не двигались. Ни Криссел, ни его подчиненные на связь больше не выходили. Какое-то время Талия внушала себе, что отряд нарвался на вражеский заслон, отступил и ждет подкрепления с «Доспехов». Но за пять часов надежда истаяла. Талия не сомневалась, что отряд Криссела погиб почти сразу после разговора с ней. Более чем вероятно, что он столкнулся со взбунтовавшимися машинами вскоре после высадки на Дом Обюссонов.

Все пять часов за окнами кипела работа, словно отряд Криссела ничуть не повлиял на ее график. Роботы без устали разрушали здания, мосты и дороги, прежде служившие людям. Когда обюссонская ночь сменилась холодным серым утром, взору Талии предстал разгромленный анклав. Башня центра голосования осталась единственным высоким строением на многие километры. Соседние постройки роботы буквально стерли в порошок, забрав все пригодное для производства. Серая пыль оседала на воду, деревья и траву. Разоренное безжизненное пространство слабо напоминало Дом Обюссонов, каким Талия увидела его менее суток назад. Такой урон наносят долгие годы войны, а не часы работы механизмов.

Талия тревожилась не только из-за отсутствия Криссела. Когда разрешила гранитный постамент, превратив его в материал для баррикад, она вернулась на свой наблюдательный пост у окна. Вскоре после звонка Криссела мимо башни проехал строительный робот, перевозчик с открытым верхом. Вез он не обломки, а груз намного ужаснее – трупы, уложенные штабелями по десять, а то и по двадцать штук. Одна машина везла тысячи трупов. Талия поняла, что для роботов мертвецы – тот же мусор. Робот ехал в том же направлении, что и другие, груженные сырьем для производственного комплекса. Трупы утилизируют – расчленят и переработают. Сама плоть не слишком ценна, зато в черепах есть демархистские имплантаты, а значит, ценные металлы, полупроводники, сверхпроводники и органические соединения.

До того момента Талия считала, что роботы устанавливают

тоталитарный режим. Она видела, как трупы сбрасывают в декоративный пруд с фонтаном, но убедила себя, что злополучные граждане проявили неповиновение. Сейчас она поняла: роботы устроили геноцид. Людей собирали и морально обрабатывали не для того, чтобы подчинить, а чтобы меньшими усилиями умертвить и скормить производственному комплексу.

Талия не представляла, сколько граждан Дома Обюссонов постигла страшная участь, но подозревала, что из восьмисот тысяч жителей уцелело немного. Сервороботы захватили власть с поразительной быстротой, а дружина невольно помогла им, призывая сохранять спокойствие и выполнять приказы Лукаса Тесигера, который сейчас вполне мог находиться среди небрежно сваленных в контейнер трупов.

Талия понимала: времени в обрез. Башню роботы не разгромили только из страха повредить центр голосования. Рано или поздно они что-нибудь придумают. Тот, кто управляет ими, умнее любой отдельно взятой машины. Талия чувствовала, что этот кто-то знает все о ее маленькой команде и о ней самой и в эту самую минуту размышляет, как бы их уничтожить. Даже если роботы не прорвутся через баррикады, они обязательно испробуют другие варианты. Про запас Талия оставила единственное средство сдерживания – уничтожить или хотя бы на время вывести из строя центр голосования.

– Что-то они расшумелись, – тихо сказал Парнасс, встав рядом с Талией у окна-иллюминатора.

– Кто расшумелся, Сайрус?

– Роботы. Они понемногу расчищают себе путь и поднимаются сюда. Вряд ли осталось больше десяти-пятнадцати метров завала. Людям я твержу, что дела наши неплохи, только они уже все поняли.

Талия тщательно следила за своей мимикой, чтобы не выдать чувств и не расстроить группу сильнее.

– Сколько у нас времени? – спросила она.

– Занимается заря, у нас еще остался материал, который можно сбросить с лестницы, хотя все тяжелое кончилось. Баррикады продержатся до полудня, в лучшем случае до заката.

– Сайрус, я должна кое-что вам сказать. В окно я видела очень страшные вещи.

Парнасс молчал, и Талия продолжила:

– Я не говорила, потому что у вас и так забот полон рот. Но теперь...

– Про трупы? Которые увозят к комплексу?

– Так вы в курсе? – Талия внимательно посмотрела на Парнасса.

– Я видел несколько машин с телами, пока ты резала постамент. И

решил, что у тебя забот полон рот... Впрочем, ты права, новость скверная.

– Роботы нас перебьют, если доберутся.

Парнасс положил руку ей на плечо.

– Ты снова права. Но мы очень постараемся дотянуть до прибытия спасателей.

– Вряд ли стоит рассчитывать на помощь «Доспехов», – неуверенно проговорила Талия. – Я храбрюсь, но Криссел так и не появился... Сайрус, я не понимаю, что происходит. Криссел сказал, что абстракции нет не только в Доме Обюссонов. Но я все равно не понимаю, почему «Доспехи» так долго не могут навести порядок. Боюсь, нам нужно рассчитывать только на себя.

– Значит, спастись будем своими силами. Дочка, я с тобой согласен. Только вариант у меня один – оборона.

– Нам нужно покинуть анклав, – проговорила Талия.

– Не представляю как. Допустим, из башни мы выберемся, но далеко ли убежим? Роботы рыщут по всему анклаву. Твоего хлыста дай бог чтобы на один бой хватило. А по пути к полюсу драк будет немало, даже если там ждет корабль, на котором можно улететь.

– Надо, надо что-то придумать. Не знаю, как вам, а мне здесь погибать не хочется.

– Была бы у меня волшебная палочка, я перенес бы нас всех в безопасное место, – сказал Парнасс, уныло глядя на Талию. – Но у нас есть только баррикады, а материала для них все меньше.

Талия посмотрела на то место, где прежде стоял постамент. Почему-то вспомнилось, как шар катился по полу, когда уронили модель. Тогда Талия думала лишь о том, как добраться до гранитного постамента и разрезать его.

– Сайрус, если бы существовал способ выбраться, но опасный, на грани самоубийства, вы рискнули бы? С учетом того, что единственная альтернатива – встреча с роботами?

– Дочка, это чисто гипотетические вопросы?

– Не знаю... Вы сперва ответьте.

– Я рискнул бы, а ты?

– Без малейших сомнений, – ответила Талия.

* * *

Дрейфус поднял голову и увидел, как через перегородку проходит старший префект Гаффни. Том лежал на нарах, а тут сел, тщетно пытаясь определить, как давно у него был последний посетитель. Вопреки усталости, страху и кислому привкусу во рту, он улыбнулся.

– Спасибо, что навестили меня. А то я гадал – когда вы заглянете?

Гаффни вошел, и перегородка заблокировалась.

– У вас разговорчивое настроение. Посмотрим, надолго ли его хватит.

Дрейфус пальцем потер нечищенные зубы.

– Кот явился терзать мышь, пока никто не видит?

– Ошибаетесь. Я пришел допросить вас с официального разрешения «Доспехов». Бодри лично благословила меня.

Дрейфус посмотрел, что принес с собой Гаффни.

– Полевого трала нет, – отметил Том. – В чем дело? Опасаетесь, что он раскроет секреты, которые вы так ревностно храните?

– И снова ошибка. Сомневаюсь, что он вытянет достоверные сведения, которые нам срочно нужны. Дрейфус, на Блистающем Поясе кризис. Вопрос в том, играете ли вы в нем активную роль или уничтожили пленницу за косой взгляд в вашу сторону.

– Говорят, мы потеряли «Всеобщее голосование».

– Какая жалость. На борту были толковые молодые префекты.

– И старший префект Майкл Криссел.

– Погибнуть в борьбе за благое дело – не самый худший вариант.

– Значит, главное – благое дело? По крайней мере, для вас. Шеридан, я следил за вашей карьерой. Знаю, что придает вам силы. Вы самый бескорыстный из знакомых мне префектов. Безопасность Блистающего Пояса для вас – воздух, еда и вода. Обеспечение безопасности вы считаете своей задачей номер один.

– Ну, вам виднее, – проговорил Гаффни, удивленный щедрой похвалой.

– Да, конечно, мне виднее. Вы машина, Шеридан. Вы заводная игрушка, робот, запрограммированный на одну функцию. Благое дело поглотило вас целиком. Кроме него, вы ничего не знаете, не умеете и не хотите.

– По-вашему, безопасность не важна?

– Важна, очень важна. Проблема в том, что для вас безопасность перекрывает все остальное. Вы совершите любой проступок, перейдете любую черту, если почувствуете, что драгоценная безопасность «Доспехов» под угрозой. Пройдемся по списку, ладно? Убийство свидетельницы. Предательство по отношению к сослуживцам. Сейчас еще попытка добавится. И это лишь начало. Шеридан, что у нас дальше?

Полномасштабный геноцид?

– Моя цель та же, что у любого префекта, – сохранить жизнь, а не уничтожить ее.

– Наверное, ваше извращенное мировоззрение так все и представляет.

– В моем мировоззрении, Том, ничего извращенного нет. – Гаффни постучал пальцем по виску. – Прости, мы же теперь на «ты» и по именам друг друга называем? Недаром ты обиделся, когда я обратился к тебе по имени. Сукин сын – так, кажется, оно звучит.

– Как тебе угодно, Шеридан.

– Том, ты неправильно меня понял. Это ты у нас без сюрпризов не можешь. Не я приволок на «Доспехи» паучью самку. Не я позволил ей рыться в нашей секретной информации. Не я убил ее, осознав свой промах.

– Рано или поздно выяснится, что я не убивал Клепсидру.

– В твоем личном отсеке обнаружили половину ее тела. Не телепортировано же оно туда.

– Может, Клепсидра сама туда пришла, а ты пообещал, что все будет нормально.

– Нет, она не пришла. Эксперты нашли следы ее тканей в пузыре для допросов. Клепсидру убили там. Убили, а убрать за собой не потрудились. Впрочем, ты сам все знаешь, да?

– Как же я тайком от тебя переправил Клепсидру из допросного пузыря к себе в отсек?

– Отличный вопрос. Надеюсь, ты на него ответишь.

– Если бы я хотел незаметно переместить труп, а также скрыть свое пребывание в пузыре, проще всего было занять должность начальника Службы внутренней безопасности. Но кто у нас начальник охраны – я или ты?

– Зачем мне убивать главную свидетельницу?

– Затем, что она могла нащупать Аврорины слабости и подсказать нам, как ее уничтожить.

– Вот! – Гаффни ткнул пальцем в Дрейфуса. – Опять это имя.

– Шеридан, чем она тебя взяла?

– Ладно, разминка закончена, – со скучающим видом объявил Гаффни.

– Сейчас ты меня убьешь, – предположил Дрейфус.

– Том, я лишь применю к тебе методы выкачивания информации.

Ничего такого, что не лечится временем и отдыхом.

– Сам же понимаешь, выкачивать из меня нечего. Я не стану признаваться в преступлениях, которых не совершал.

– Давай просто проверим, что выкачается, ладно?

– Я понял! – проговорил Дрейфус. – У тебя другого выхода нет, так? Я должен погибнуть при допросе. Потом придется объяснять, но ты уже все продумал. Что станет причиной? Неправильная работа хлыста? Говорят, есть претензии к качеству модели «В».

– Не болтай ерунду. – Гаффни отстегнул и активировал хлыст-ищайку. – Я пришел допросить тебя, а не убивать. Как можно? Я не мясник.

Гаффни позволил ищайке вытянуть хвост и адаптироваться к полу камеры, потом отпустил его. На миг хлыст застыл на месте, лишь рукоять с красным лазерным глазком повернулась к Дрейфусу. Потом хлыст двинулся вперед: хвост с шорохом змеился по полу, рукоять наклонилась, как голова кобры.

Дрейфус понимал: бежать некуда, прятаться негде. Но он все же прижался к стене, забравшись с ногами на нары, словно в этом закутке мог спастись от рыщущего устройства.

Гаффни сложил руки на груди.

– Том, что да как, ты знаешь. Сулить приятные ощущения бессмысленно. Быстренько скажи мне все, что нужно, и покончим с этим. Зачем ты убил Клепсидру и как переправил труп к себе в отсек?

– Это ты убил, а не я. Когда я уходил, Клепсидра была жива.

Хлыст-ищайка скользнул на нары, но положение рукояти не изменилось. Красный свет лазера заставил Дрейфуса прищуриться и закрыть глаза рукой. Хлыст приблизился, Том расслышал писк электроники. Он сильнее вжался в угол и подтянул колени к груди. Хлыст все наступал, тупой конец его рукояти оказался на расстоянии ладони от лица Дрейфуса. Яркий свет вкупе с писком вгоняли в транс. Дрожащие пальцы не помешали увидеть, что хвост вытянулся кверху и завернулся. Дрейфус понял: сейчас хвост его обовьет.захотелось схватить его, пока не скользнул за спину. Только холодный рассудок подсказывал: толку не будет, а вот пальцам очень не поздоровится.

– Префекты узнают, что ты сделал, – пообещал Дрейфус. – Это спецы получше тебя, Гаффни. Не вечно тебе прятаться от «Доспехов».

Хвост обвил Дрейфуса дважды, сжимая неострым краем. Локти словно приклеились к бокам, колени уперлись в грудную клетку. Рукоять так и осталась на уровне глаз, окрашивая мир в алый цвет.

– Ищайка засунет кончик хвоста тебе в рот, – пообещал Гаффни. – Но в принципе сойдет любое отверстие. Выбирай, Том!

Дрейфус стиснул зубы и прикусил язык так, что почувствовал солоноватый привкус крови. Хлыст постучался о зубы, словно просил разрешения войти. Дрейфус протестующе замычал. Ищайка снова

постучалась и сдавила туже.

– Раскрой рот шире, – уговаривал Гаффни. – Давай, не бойся.

Хлыст еще дважды постучал о зубы, потом отстранился. Дрейфус гадал, станет ли он штурмовать другое отверстие, раз в рот не пустили.

Железные объятия ослабли. Дышать стало легче. Красный глаз еще секунду смотрел на Дрейфуса, потом рукоять медленно повернулась, и сканирующий взгляд-лазер уперся в лицо Гаффни. Хлыст окончательно отпустил Дрейфуса. Тот вдохнул живительный воздух и в полном изнеможении прижался к стене, чувствуя, как по позвоночнику стекает холодный пот.

Хлыст соскользнул с нар, не сводя немигающего взгляда с Гаффни.

– Отбой! – скомандовал Гаффни, стараясь не выдать паники. – Отбой! Вернуться в первую защитную позицию.

Ищейка словно не слышала приказа, она как ни в чем не бывало ползла к своему хозяину. Рукоять поднялась до уровня глаз. Гаффни сделал неуверенный шаг назад, потом еще один и уперся в стену.

– Отбой! – громче повторил он. – Старший префект Гаффни приказывает вернуться в режим ожидания.

– А он не слушается, – заметил Дрейфус.

Гаффни поднял дрожащую руку:

– Отбой!

– На твоём месте я бы к нему не прикасался. Без пальцев останешься.

Хлыст прижал Гаффни к стене и вытянул хвост во всю длину. Рукоять выразительно кивнула.

– По-моему, хлыст требует, чтобы ты опустился на колени.

Глава 21

Старшие префекты, представители Службы внутренней безопасности и внештатные аналитики оторвали взгляд от модели Единой системы – массивные двери штаба распахнулись настежь. На миг все лица перекошились от гнева: секретное совещание прервали, не потрудившись даже постучаться! Но едва на пороге возник старший префект Шеридан Гаффни, коллективный гнев сменился недоумением. Прав войти в штаб у Гаффни было не меньше, чем у любого из присутствующих, хотя, как правило, ему хватало такта не врываться без стука. Более того, глава Службы внутренней безопасности слыл ярым приверженцем служебного этикета.

– Что случилось, старший префект? – от имени собравшихся спросила Бодри.

На вопрос ответил не Гаффни. Казалось, старший префект пребывает в шоке, он утратил способность выражать мысли словами. Из рта у него торчал черный цилиндр, сантиметров десяти длиной, словно Гаффни пытался проглотить толстую свечу. Глаза он таращил, будто хотел объясниться взглядом.

Честь ответить выпала Дрейфусу, который отставал от старшего префекта буквально на пару шагов. Такое развитие событий вызвало вполне понятный испуг. Каждый присутствующий знал, что Дрейфус арестован, как очевидный организатор и исполнитель убийства сочленительницы. Сравнительно небольшая часть присутствующих знала, что Гаффни поручили допросить Дрейфуса, и еще меньшая часть догадывалась, какие методы допроса будут использованы. Кое у кого возникла мысль, что Дрейфус обезоружил Гаффни и сейчас угрожает ему ножом или пистолетом. Впрочем, при ближайшем рассмотрении выяснилось, что никакого оружия у полевого префекта нет. У него даже обуви не было.

– Возникла небольшая проблема, – сказал Дрейфус.

– Почему вы не в камере? – спросила Бодри, глядя то на Дрейфуса, то на Гаффни. – В чем дело? Что с Шериданом? Что это у него во рту?

Гаффни стоял неестественно прямо, словно висел на невидимой вешалке. В штаб он входил короткими шажками, шаркал, словно ему связали шнурки ботинок, и держал руки по швам. Черный цилиндр заставлял держать голову под необычным углом, будто Гаффни долго

смотрел в потолок и ему свело шею судорогой.

Шишка на шее, натянувшая ворот кителя, кадыком явно не была. Казалось, Гаффни боится сделать лишнее движение.

– Черный цилиндр во рту у Гаффни – хлыст-ищейка. Старший префект хотел допросить меня с помощью модели «В». Мы отлично ладили, но вдруг хлыст ополчился на Гаффни.

– Такое невозможно. Хлысты-ищейки для допросов не предназначены. – Бодри смотрела на Дрейфуса с неподдельным страхом. – Том, ведь это не ваших рук дело? Не вы вогнали хлыст ему в горло?

– Коснись я хлыста, пальцев не досчитался бы. Нет, он действовал самостоятельно, Гаффни лишь на последнем этапе чуть-чуть помог.

– Не понимаю, зачем ему помогать?

– У Гаффни не было выбора. Хлыст действовал медленно и четко. Вы когда-нибудь видели, как змея глотает яйцо? Кончик хвоста скользнул Гаффни в рот и спустился в желудок. Сами знаете, как работают хлысты в режиме допроса: пробираются к жизненно важным органам и грозят разрезать их изнутри.

– Что значит – в режиме допроса? Такого режима не существует!

– Уже существует. Гаффни обогатил модель «В» новой функцией. Разумеется, официальное название звучит вполне безобидно: оптимизатор послушания или нечто вроде того.

– Шеридан мог позвать на помощь.

– Никоим образом, – покачал головой Дрейфус. – Хлыст разрезал бы Гаффни на шесть-семь частей, прежде чем тот назвал бы браслету свое имя.

– Но почему Гаффни помог ему пробраться внутрь?

– Хлыст мучил, давая понять, что, если Гаффни сам не засунет рукоять в рот, будет еще хуже.

Бодри уставилась на Гаффни, уже лучше представляя, каково ему. Рукояти моделей «А» и «Б» слишком толсты, чтобы пролезть в человеческое горло, но модель «В» тоньше, глаже и в целом опаснее. Неловкая поза Гаффни объяснялась тем, что рукоять достигла пищевода: усиливать давление на трахею не хотелось.

– Хлыст нужно вытащить, – потребовала Бодри.

– По-моему, хлыст сам этого хочет, – кивнул Дрейфус.

– Он не может хотеть. Это явный технический сбой.

– Я бы не был так уверен. – Дрейфус обвел взглядом присутствующих людей, документы и компады на столах. – А если спросить самого Гаффни? Говорить он не в состоянии, но руки-то у него работают; правда, Шеридан?

Гаффни осторожно перемещался по штабу. Огромные глаза едва не вылезали из орбит, щеки напоминали свеклу. Он даже не кивнул, а чуть заметно дернул головой.

– Ему нужны письменные принадлежности, – догадался Дрейфус. – Кто-нибудь одолжит компад со стилосом?

– Возьмите мои, – предложила Бодри, двигая компад через стол.

Кто-то из аналитиков взял компад, отделил стилос и вручил все Гаффни. Старший префект оторвал руки от боков, двигая ими с болезненной медлительностью, словно у него расплавились кости. Пальцы дрожали. Гаффни взял компад левой рукой, неловко сжал стилос правой и уронил на пол. Аналитик поднял стилос и осторожно положил Гаффни на ладонь.

– Не понимаю – зачем... – начала Бодри.

– Расскажи, что стало с Клепсидрой, – велел Дрейфус.

Стилос зацарапал по панели компада. Движения Гаффни были вымученными и какими-то детскими, словно он прежде не видел стилоса, не говоря уже о том, чтобы им писать. Тем не менее он старательно, явно через боль, вывел едва понятные буквы, доковылял до стола и буквально уронил компад.

Бодри притянула компад к себе и вгляделась в каракули.

– «Я ее убил», – прочитала она. – Тут так и написано: «Я ее убил». – Она посмотрела на Гаффни. – Шеридан, это правда? Вы действительно убили пленницу?

Последовал микрокивок, который префекты не заметили бы, если бы не следили так внимательно.

– Зачем? – спросила Бодри, возвращая Гаффни компад.

Тот написал очередной ответ.

– «Слишком много знала», – прочла Бодри. – Слишком много чего, Шеридан? За какой секрет она поплатилась жизнью?

Гаффни снова заскреб по компаду. Рука дрожала все сильнее, поэтому на одно-единственное слово ушло больше времени, чем в прошлый раз на четыре.

– «Аврора», – прочла Бодри. – Опять она. Шеридан, так это правда? Аврора одна из Восьмидесяти? – Она снова протянула ему компад, но теперь Гаффни написал лишь: «Помогите».

– Думаю, хватит пока вопросов, – решила Бодри и сразу задала новый: – Почему хлыст так поступил с Шериданом? Я слышала о проблемах с моделью «В», но ничего подобного не случилось никогда.

– Гаффни наверняка активировал хлыст при Клепсидре, –

предположил Дрейфус. – В присутствии сочленителя это очень неразумно, только, думаю, соблазн пытать ее был слишком велик. Предотвратить свою гибель Клепсидра не смогла – Гаффни застрелил ее, – зато успела поколдовать над хлыстом. Я почти уверен, что Клепсидре хватило секунды. Сочленителю это как глазом моргнуть.

– Но ведь у программ надежная защита.

– Для сочленителей надежной защиты программ не существует. Они всегда найдут лазейку. Вот и Клепсидра нашла: догадалась, что погибнет, а другого способа оставить послание не было; верно, Шеридан?

Гаффни снова дернул головой. Вокруг черной затычки во рту появилась беловатая пена.

– Хлыст нужно вытащить, – снова сказала Бодри. – Шеридан, пожалуйста, не волнуйтесь. Что бы вы ни натворили, мы вам поможем. – Бодри подняла руку и проговорила в браслет дрожащим от волнения голосом: – Доктор Демихов? Как хорошо, что вы не спите! Понимаю, время неурочное и вам поручено заниматься Омонье, только... у нас ЧП. Срочно требуется профессиональная помощь.

* * *

Доктор Демихов создал перегородку из супервещества – отсек часть штаба, чтобы вместе с лаборантами спокойно заниматься Гаффни. Пока не выросла перегородка, Дрейфус увидел, как старшего префекта укладывают на кушетку с наклоном сорок пять градусов. Обращались с Гаффни как с бомбой, которая может взорваться в любую секунду. За матовой стенкой команда Демихова превратилась в бледных призраков, окруживших нечеткую черную фигуру. Черная фигура забилась, молотя воздух конечностями.

– Думаете, хлыст вытащат? – спросила Бодри, нарушив необычную тишину.

– Вряд ли Клепсидре хотелось убить Гаффни, – ответил Дрейфус. – Тогда она запрограммировала бы хлыст иначе. По-моему, хотела разговорить.

– То, что сообщил Шеридан, доверия не заслуживает. В таком-то состоянии...

– Он сообщил нам достаточно, – возразил Дрейфус. – Когда Демихов закончит, допросим Гаффни снова. – Он сел за стол напротив Бодри. –

Осмелюсь предположить, что я больше не главный подозреваемый в убийстве Клепсидры.

Бодри нервно сглотнула:

– Том, я была готова поверить, что вас подставили, но ваших обвинений в адрес Гаффни принять не могла. Видит Вой, он же один из нас! Я решила, что либо вы мстите ему из личной неприязни, либо Гаффни тоже подставляют.

– А сейчас?

– После этого маленького шоу не вызывает сомнений ни личность убийцы Клепсидры, ни то, что он действовал один. – Бодри опасно взглянула на матовую перегородку: «призраки» стояли так плотно, что их сонм казался монолитным. – Иными словами, вы были правы: зря я вам не доверяла. Я очень перед вами виновата и прошу прощения.

– Не извиняйтесь, – покачал головой Дрейфус. – Вы же с кризисом боролись и с учетом известных вам фактов приняли лучшее решение.

– Есть еще один момент, – сказала Бодри. Пальцы она не просто перебирала, а словно отламывала. – Теперь я понимаю, почему Гаффни хотел сместить Джейн. Дело не в заботе о ней или о «Доспехах», а в страхе, что она вот-вот решит задачу.

– И он ее сместил, – резюмировал Дрейфус.

Бодри снова глянула на перегородку.

– Когда Демихов закончит... Потолкую с ним о Джейн. Как считаете, она в состоянии вернуться на свой пост?

– В состоянии или нет, она нам нужна.

– Нужна, как цепь – предохранитель, хоть он и может сгореть в любую минуту. – Бодри содрогнулась от такого сравнения. – Вправе ли мы это сделать? Подвергнуть ее смертельно опасному испытанию?

– Пусть сама решает.

– Мы с Крисселом добивались смещения Джейн не по тем же причинам, что Гаффни, – проговорила Бодри, явно забыв о присутствии аналитиков и других префектов. – Но это ни в коей мере нас не оправдывает.

– Криссел полностью искупил свою вину, когда сел в крейсер.

– А я?

– Восстановите Джейн в должности, снимите с меня все обвинения и считайте, что начали службу с чистого листа.

Бодри словно не слышала Дрейфуса.

– Наверное, пора в отставку. Я подвела верховного префекта. Я позволила другому старшему префекту манипулировать собой. Я... не

поверила единственному человеку, который заслуживал доверия. В большинстве организаций за такое тут же увольняют.

– Простите, Лилиан, но так легко вы не отделаетесь, – сказал Дрейфус. – Парой ошибок годы безупречной службы не перечеркнуть. Неделю назад вы были превосходным старшим префектом. По-моему, ситуация не слишком изменилась.

– Это... очень великодушно с вашей стороны, – признала Бодри.

– Я думаю только о благе «Доспехов». Мы уже потеряли Криссела, ценнейшего префекта, поэтому нам нужна Джейн Омонье. Поэтому нам нужна Лилиан Бодри.

– И Том Дрейфус, – добавила Бодри. – Разумеется, с вас сняты все обвинения.

– Надеюсь, это касается и Спарвера.

– Конечно. Он не сделал ничего плохого, лишь коллегу своего поддерживал, поэтому заслуживает моих личных извинений.

– Пусть пороется в архивах и разыщет все, что можно, об Авроре Нервал-Лермонтовой и других альфах.

– Позабочусь, чтобы Спарвер получил все необходимые средства и допуски. Вы правда считаете, что это та самая девушка?

Дрейфус кивнул на перегородку:

– Мы все слышали из первых уст. То есть фактически слышали. Мы столкнулись с бесом в механическом теле. Сейчас нам нужен экзорцист.

* * *

Мир вернулся к Джейн Омонье внезапно и совершенно бесцеремонно. После долгих размышлений она предпочла мрак и тишину убогим забавам, дозволенным ей новой властью в лице Гаффни и К°. Так Джейн осталась наедине со скарабеем, но за одиннадцать лет, которые он на ней паразитировал, Омонье научилась при необходимости прятаться в закоулке своего разума, закрытом даже для него. Надолго там не укроешься, но, если понадобится, убежище всегда рядом – ее музыка, ледяные, полные неутолимой печали фортепианные этюды. До появления скарабея Джейн постоянно играла на фортепиано, сейчас же он не разрешал приближаться и к маленькому голоклавиру, не то что к полноценному инструменту. Тем не менее играть она не разучилась. Когда Джейн замыкалась в себе, ее пальцы двигались в такт этюду, звучащему у нее в голове и уносившему

на десять миллионов парсеков от помещения, в котором она парила. Тайная музыка – единственное, что скарабей не отнял.

Джейн парила с закрытыми глазами, когда в отсеке сам собой зажегся свет. Надолго закрывать глаза не следовало: подкрадывался призрак сна. Только в глазницах за опущенными веками мгла куда спокойнее и темнее, чем в глухой неосвещенной камере.

– Я же не... – начала Омонье, щурясь от непрошенных красок, яркости, движения.

Музыка разбилась, осколки теперь не соединить.

– Не бойтесь, Джейн, – донесся голос откуда-то справа. – Вам возвращают абсолютно все, что у вас забрали.

Омонье повернулась на голос. Пришедший стоял в темном проеме – черная фигура на черном фоне.

– Том?

– Собственной персоной. Только, увы, босой.

Один за другим появлялись фидеры, постепенно заполняя шарообразный отсек. Конфигурация, крупный план отдельных анклавов остались такими, как задавала сама Джейн. Блистающий Пояс никуда не делся. В Омонье шевельнулся червячок гнева: ее, королеву, лишили власти, а империя не погибла.

– Где ты был? – спросила она, когда темная фигура пристегнула ограничитель приближения и поплыла к ней.

– Что вам рассказывали? – поинтересовался Дрейфус.

Усиливающийся свет окрашивал его лицо синим. Дрейфус казался опухшим и взъерошенным.

– Ничего.

– Вы восстановлены в должности, – объявил Дрейфус. – Разумеется, если хотите.

В отсутствие посетителей Джейн почти разучилась слушать. Слова Дрейфуса казались расплывчатыми и бесформенными, словно ей спросонья заложило уши.

– А как же Криссел, Гаффни, Клирмаунтин? А Бодри что говорит? Не верю, что они согласились.

– Скажем так: обстановка в высших эшелонах власти заметно изменилась. Майкл Криссел, судя по всему, погиб. Гаффни оказался предателем, в этот самый момент его оперируют. Бодри я только что отговорил подавать в отставку.

– погоди! – попросила Омонье. – Что случилось с Крисселом?

– Связь с ним оборвалась, когда он с отрядом полевых префектов хотел

состыковаться с Домом Обюссонов. Связь потеряна со всем Домом Обюссонов и с тремя другими анклавами.

– Никто мне об этом не сообщил, – покачала головой Омонье.

– Речь о четырех анклавах, на которых Талия обновляла софт центров голосования. Видимо, нас ловко использовали. После установки обновлений дыра в системе безопасности закрылась, зато разверзлась целая пропасть. Такая, что в четырех анклавах власть захватила воинствующая группировка.

– Думаешь, Талия участвовала в заговоре?

– Нет, ее использовали втемную, как и остальных. В Дом Обюссонов хотел отправиться я, но Гаффни решил иначе, и полетел Криссел. Впрочем, это ничего не изменило бы, – с мрачной уверенностью добавил Дрейфус.

– А что с Гаффни?

– Он помогал врагу, используя служебные привилегии. Похоже, Гаффни и поколдовал над софтом Талии, чтобы обновление получилось таким, как нужно ему.

– Никогда бы не подумала, что Шеридан предатель.

– По-моему, он твердо верил, что поступает правильно, даже действуя против своей организации. Предателями он считает нас: мы несерьезно относимся к своим обязанностям и губим Блισταющий Пояс.

– Если ты прав, то мы виновны – хотя бы частично.

– Это почему же?

– «Доспехи» породили такого, как Гаффни. Вообще-то, любой хороший префект – без пяти минут монстр. Большинство из нас держатся в рамках, но язык не поворачивается осуждать того, кто за них выходит.

– Гаффни еще предстоит объясниться, – проговорил Дрейфус.

– Ты, конечно же, прав. – Омонье глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. – Теперь скажи, кто против нас. Имя у тебя есть?

– За захватами анклавов стоит Аврора Нервал-Лермонтова. Она одна из Восьмидесяти, Джейн. Это значит: она мертва и существует лишь в бесплотных симулякрах, загруженных в память компьютера. Симы эти якобы заморожены, неподвижны, словно нанесенные на лист бумаги.

Омонье обдумала услышанное. Ее собственные воспоминания подтверждали, что Нервал-Лермонтовы вместе с другими семьями спонсировали эксперименты по трансмиграции разума. Пятьдесят пять лет прошло, подумала она. Трагедия Восьмидесяти ужасала не меньше, чем полвека назад.

– Даже если я поверю... откуда нам знать, что все беды от Авроры?

– Мне свидетельница сказала. Ее держали в заложниках внутри

астероида, принадлежащего Аврориной семье. По словам свидетельницы, она входила в контакт с существом по имени Аврора.

– Та свидетельница...

– Из сочленителей, ее звали Клепсидра. Тут и начинаются проблемы.

– Выкладывай, Том.

– Клепсидру вместе с уцелевшими членами экипажа держали на борту корабля, спрятав его так глубоко в астероиде, что связаться с другими сочленителями они не могли.

– Пока логику улавливаю.

Дрейфус улыбнулся:

– На том корабле было сочленительское устройство под названием «Пролог», которое позволяет заглядывать в будущее.

– Услышь я такое от любого, кроме Тома Дрейфуса, тотчас вызвала бы сюда Мерсье с набором скорой психиатрической помощи.

– Чтобы работать с этим устройством, сочленители должны были находиться в сомнамбулическом состоянии. В итоге сведения они получают неточные, но это лучше, чем вообще не видеть будущего.

– С удовольствием купила бы такой «Пролог».

– Очевидно, они не продаются. Поэтому Авроре пришлось похитить сочленителей и заставить их смотреть в «Пролог» для нее. Этим они и занимались внутри астероида – заглядывали в будущее, видели то, что ей не видно.

– Том, что же они увидели?

– Конец света. «Время страшных бедствий, разврата и безумия» – так выразилась Клепсидра. Ничего больше сочленители не обнаружили, а Аврора заставляла трактовать сны иначе.

– Мне нужно поговорить с Клепсидрой, – заявила Омонье. – Скарабею это вряд ли понравится, но ее физического присутствия в моем кабинете не требуется – только голос и лицо.

– Очень жаль, но это невозможно, – вздохнул Дрейфус. – Гаффни убил Клепсидру, потом постарался спихнуть вину на меня. С учетом того, что Клепсидра выкачала из наших архивов, она была почти готова обнаружить Аврору и нащупать слабости, которые могли бы использовать мы. Поэтому Гаффни уничтожил Клепсидру, только, похоже, сочленительница посмеялась последней.

– Тогда как насчет Гаффни? Раз он работает на Аврору, мы сможем из него что-нибудь вытянуть?

– Очень на это надеюсь. Собираюсь выяснить все, что ему известно, а потом мы составим план действий. Хочу вернуть те анклав, а еще больше

– свою напарницу.

– Том, ты понимаешь, что Талия уже могла погибнуть? Мне очень жаль, но кто-то должен это сказать. Лучше понемногу привыкать к такому варианту.

– К гибели Талии начну привыкать, когда найдут ее тело, – заявил Дрейфус. – До тех пор считаю, что она во вражеском тылу.

– Я обеими руками за такое отношение. Просто не обнадеживай себя слишком. – Омонье закрыла глаза, а прежде чем открыть снова, набрала в легкие побольше воздуха. – Поговорим теперь обо мне. Ты сказал – я полностью восстановлена в должности?

– Если вы согласны.

– Конечно согласна, черт подери! Я только этим и живу.

– Служба может погубить вас. В ближайшее время напряжение точно не спадет. Вы уверены, что готовы? Именно вас я хотел бы видеть у руля «Доспехов» во время кризиса, но за последние одиннадцать лет вы отдали нашей организации больше чем достаточно. Пожелаете остаться в стороне – никто слова не скажет.

– Я возвращаюсь на пост.

– Вот и славно, – проговорил кто-то со стороны перегородки.

Омонье тотчас узнала парящую. Лилиан Бодри.

– Здравствуй, Лилиан, – сдержанно проговорила Джейн.

Бодри прицепила ограничитель приближения, подплыла к Дрейфусу и закрепила на той же вертикальной стойки.

– Верховный префект, мне хотелось бы объясниться. Я подвела вас. За Майкла Криссела не скажу, но сама я не имела права участвовать в случившемся.

– По словам префекта Дрейфуса, вы подумываете об отставке?

– Верно. Если желаете, я подам рапорт.

Омонье не ответила. Казалось, тишина сейчас заискрит, как воздух перед грозой.

– Лилиан, твой поступок я не одобряю. Наверное, на решение отстранить меня от должности повлиял Гаффни, но не следовало уступать. Такой конформизм не делает тебе чести.

– Мне очень стыдно, – пролепетала Бодри.

– Еще бы! Крисселу, будь он с нами, тоже следовало бы устыдиться.

– Мы считали, что поступаем правильно.

– Неужели мои настойчивые просьбы оставить меня у власти ничего для вас не значили?

– Гаффни велел игнорировать ваши просьбы. Мол, в глубине души вы

мечтаете об отставке. – В голосе Бодри вновь послышались вызывающие нотки. – Мы хотели как лучше. Я уже извинилась, но ведь тогда я не могла рассуждать задним числом и не знала о Шеридане того, что знаю сейчас.

– Довольно! – Омонье подняла руку в умиротворяющем жесте. Она подумала о бессчетных годах, которые Бодри, хороший, верный префект, провела в ее тени. Ни разу не удалось Лилиан показать свой истинный профессионализм, ни разу не хватило смелости оспорить или не выполнить решения верховного префекта. – Что сделано, то сделано. По крайней мере, теперь между нами полная ясность, так?

– Я извинилась и теперь жду либо увольнения, либо новых приказов.

– Может, вы обе сперва видеосообщение просмотрите? – предложил Дрейфус. – Ну, чтобы сплеча не рубить.

– Какое сообщение? – спросила Бодри.

– По-моему, он имеет в виду разведсъемку Дома Обюссонов, проведенную с большой дистанции, – сказала Омонье. – Там что-то происходит?

– Да, – кивнул Дрейфус. – Началось прямо сейчас.

– Мы уже многие часы мониторим теплоотдачу с четырех анклавов, – сообщила Бодри, легко сменив сухую отстраненность на нейтральный профессионализм. – Два – Дом Обюссонов и Шлюмпер Онил – имеют признаки большой производственной активности. Такое ощущение, что, с тех пор как анклавы захватила Аврора, комбинаты полного цикла работают на предельной мощности. О том, что это значит, пока можно лишь рассуждать. Нам известно, что корабль Криссела атаковало больше единиц оружия, чем базируется в анклаве, согласно документам, представленным нашей организацией. По одной из версий, производственный комплекс делает новые системы обороны, чтобы укрепить Аврорину власть в анклавах.

– Сколько времени ушло бы на производство и установку нового оружия, работой комплекс на среднюю мощность? – спросила Омонье.

– При наличии сырья и чертежей часов шесть-восемь, не больше, – ответила Бодри. – С учетом нынешних сроков это вполне реально.

– Но похоже, там делают не только оружие, – подал голос Дрейфус.

Камера слежения засняла Дом Обюссонов в три четверти с расстояния, не доступного антиколлизийным системам анклава. В ракурс попала производственная полусфера, а не стыковочная, где предположительно погиб Криссел. Огромные строения на полюсе напоминали лепестки. Закругленные двери, тянувшиеся на многие километры, были открыты, в звездообразных проемах горел сине-золотой свет. Там кипело

производство.

– Те двери... они и раньше были в анклав? – спросила Омонье.

– Да, – кивнула Бодри. – С тех пор как Дом Обюссонов получил функциональную возможность и клиентскую базу, он строил корабли и выпускал их в космос. По нашим данным, двери не открывались больше века.

– Почему же сейчас открываются?

– А вот почему, – ответил Дрейфус.

Из проемов меж узких, как пальцы, дверей валила рыхлая черная масса, вроде роя из тысяч пчел.

У Дрейфуса и Бодри одновременно запищали браслеты.

– Похоже, кто-то еще заметил, – предположила Бодри.

– Что это за туча? – спросила Омонье.

У нее неприятно засосало под ложечкой: до сих пор кризис напоминал ей захват заложников. «Доспехи» могли потерять контроль над четырьмя анклавами. Четыре – непростительно много, ужаснейшая катастрофа за последние одиннадцать лет. С другой стороны, четыре из десяти тысяч – всего ничего.

«Проблема решаемая», – думала Джейн. Только рыхлая черная масса убеждала в обратном. Что перед ней, Омонье не знала, зато ни секунды не сомневалась: это не к добру и кризис, каким она его представляла – ерунда по сравнению с назревающим.

– Нужно выяснить, что это за... поток и куда он течет, – проговорила она, стараясь унять дрожь в голосе. – Нужны цифры и технические характеристики.

– Такие же двери открываются на Шлюмпере Ониле, – произнесла Бодри, прочитав сообщение браслета.

Пока она говорила, одно из окон на дисплее увеличилось, автоматически сжав остальные, и заполнилось изображением другого анклава, сделанным с большого расстояния. Черная туча выплывала из удлиненных щелей у стыковочного комплекса на конце анклава, раздувалось, скрывая из вида детали.

– По-моему, все то же, – сказала Омонье.

– Да, похоже, – кивнул Дрейфус. – Вопрос в том, что с другими двумя анклавами?

– В «карусели» Нью-Сиэтл-Такома и в «песочных часах» Самбуковая Шевелюра повышенной температуры не обнаружено, – сообщила Бодри. – Однако, по нашим данным, ни в том ни в другом анклав производственных возможностей нет.

Дрейфус почесал затылок:

– Возможно, обновления заражены, но в каких анклавах их ставить, Талия решала сама, руководствуясь собственными критериями.

– К чему ты ведешь? – спросила Омонье.

– К тому, что Аврора не выбирала, какие анклавы захватывать. Ей досталось четыре, а значит, были хорошие шансы на то, что хоть один с производственным потенциалом. В итоге два оказались балластом. Аврора захватила их, но использовать в своих целях пока не может.

– Глаз не спущу ни с одного из них.

– Это правильно. Только, похоже, Авроре подконтрольно далеко не все. Она играет картами, которые раздала Талия. – Дрейфус слабо улыбнулся. – Не скажу, что от этого легче, но...

– Проблема в том, что свою задачу мы, возможно, уже выполнили.

– Надеюсь, это не так, – проговорил Дрейфус, но потом кивнул, показывая, что разделяет опасения Омонье. – Нет, Джейн, вы правы. Нужно хорошенько рассмотреть, что штампуют на тех фабриках. По-вашему, с какой скоростью движется черный рой?

– Не знаю. Судя по масштабу... сотни метров в секунду; может, быстрее.

– Согласна, – сказала Бодри.

– Я так и думал, – проговорил Дрейфус. – Быстро, черт его дери! Нужно свериться с Единой системой, но с учетом среднего расстояния между анклавами рой довольно скоро доберется до соседнего. Предположим, ближайший сосед Дома Обюссонов километрах в шестидесяти-семидесяти от него, на этой же орбите. Даже если рой проползает не больше десяти метров в секунду, получается около двух часов. Разумеется, надеюсь, что я не прав.

– Ты почти никогда не ошибаешься, – произнесла Омонье. – Это меня и беспокоит.

Дрейфус посмотрел на Бодри:

– Нужно отправить корабли для пролета вблизи роя. Желательно беспилотники, но можно и пилотируемые, если сейчас нет других.

– Я этим займусь. «Демократический цирк», наш внутрисистемный крейсер, возвращается из парковочного сектора. Я уже попросила капитана Пелла свернуть к Дому Обюссонов, заснять обломки «Всеобщего голосования», поискать уцелевших и получше рассмотреть огневые сооружения.

– Велите им удвоить бдительность, – сказал Дрейфус.

– Уже велела, – ответила Бодри. – Теперь утроить приказу.

– Кризис не сводится к потере четырех анклавов, – сказал Дрейфус, снова обращаясь к Омонье. – Я сейчас же подключу Единую систему, но не стоит ли подумать о соответствующем заявлении? Пока мы щадили обывателей, однако, считаю, пора раскрыть им глаза.

Омонье нервно сглотнула:

– Не хочу массовой паники. Что мы им скажем?

– Если честно, массовая паника – не самая страшная из наших проблем, – невозмутимо ответил Дрейфус.

– Даже если так, мы не понимаем, с чем имеем дело, каков замысел Авроры и что она творит в захваченных анклавах.

– Скажите, что на Поясе осуществляется попытка переворота, – предложил Дрейфус. – Скажите, что ультра тут ни при чем. Скажите, что, если кто-нибудь попытается свести давние счеты с парковочным сектором, мы санкционируем массовую эвтаназию. Скажите, что «Доспехи» объявляют чрезвычайное положение во всем Поясе. Скажите, что теперь нам совершенно необходимо разрешение применять мощное оружие.

– Его до сих пор нет? – удивилась Омонье.

– Это я сплеховала, – ответила Бодри. – Организовала референдум, предварительно объявив, что у нас кризис, но всей серьезности ситуации не объяснила. Я не лгала, но позволила сделать вывод, что дело лишь в противостоянии с ультра.

– Потому что не хотела паники?

– Да.

– Я поступила бы так же. – Омонье выдержала пристальный взгляд Лилиан Бодри.

«Как бы ты ни обошлась со мной, в твоём профессионализме я уверена», – без слов говорила Джейн. Сейчас она нуждалась в союзниках, в тех, кому можно доверять.

– Только Том прав, – продолжала она. – Новый референдум необходим. Я поставлю на голосование все предусмотренные полномочия. В том числе массовую блокаду анклавов, отключение от абстракции и центра голосования.

– Мы не прибегали к этому... – начала Бодри.

– Уже одиннадцать лет, – кивнула Омонье. – А кажется, дело было вчера, правда?

Глава 22

Дрейфус попросил, чтобы его оповестили, как только Шеридан Гаффни придет в сознание. После рискованной операции, проведенной под руководством доктора Демихова, пациентом занимался Мерсье, который, вполне ожидаемо, не хотел пускать Дрейфуса к выздоравливающему старшему префекту.

– Вы не представляете ни сложности оперативного вмешательства, ни масштабов внутренних повреждений, нанесенных хлыстом-ищейкой, – заявил Мерсье, возбужденно размахивая руками.

Он загоразивал вход в медицинское крыло, а свою драгоценную авторучку сжимал в руке, словно кинжал.

Дрейфус держался очень учтиво. У них с Мерсье всегда были хорошие отношения, и портить их не хотелось.

– Ваше беспокойство о пациенте понятно и достойно восхищения. Меня интересует одно: он может разговаривать?

– У Гаффни рассечена трахея и повреждена гортань. Сейчас он может лишь хрипеть, и то преодолевая боль. Том, прошу вас! Что бы ни совершил этот человек, он тяжелый пациент.

– Если бы мы могли ждать, непременно подождали бы, – заверил Дрейфус. – Только в нынешней ситуации даже часовое промедление смерти подобно. Гаффни располагает информацией, чрезвычайно важной для безопасности Блестающего Пояса. Я должен переговорить с ним немедленно.

Мерсье поник, сообразив, что ему не одержать верх в споре.

– Вы ведь можете прорваться к пациенту, да?

– У меня есть разрешение Джейн. Если этого недостаточно, имеется и разрешение Лилиан Бодри. Доктор, пожалуйста! Мы теряем бесценное время, рассуждая о здоровье человека, который хладнокровно убил другую вашу пациентку.

– По-вашему, я не способен делать очевиднейшие выводы? – обиделся Мерсье. – Только, что бы ни сотворил Гаффни с Клепсидрой, он мой подопечный.

Дрейфус положил руку на предплечье Мерсье, обтянутое зеленой тканью комбинезона.

– Мне нужно с ним поговорить. Пожалуйста, не вставляйте палки в колеса.

Мерсье шагнул в сторону.

– Делайте то, для чего пришли, и вон из моей клиники. Надеюсь, в следующий раз вы придете сюда за медицинской помощью.

Дрейфус прошел в послеоперационную палату – белый куб с истинно спартанским интерьером, освещаемый с потолка узкими голубыми полосками. Гаффни лежал на койке у стены. Обслуживал его медицинский серворобот с гибкой и белой, как у лебедя, шеей. Прозрачная перегородка сомкнулась у Дрейфуса за спиной, слегка изменив акустику палаты. Дрейфус приблизился к койке и создал себе кресло любимой формы. Лицо Гаффни было неподвижным, словно маска. А вот глаза казались змеиными – так внимательно они наблюдали за Дрейфусом.

– Явился без цветов? – прохрипел Гаффни. – Дрейфус, ты меня удивляешь.

– А ты куда разговорчивее, чем обещал Мерсье.

– Что толку молчать? Так или иначе, ты заставишь меня говорить. – Слова вылетали по отдельности, сухие, как угольки. В легких Гаффни что-то жутко гремело.

Дрейфус зажал кисти рук коленями.

– Шеридан, у нас проблемы. Не объяснишь кое-что?

– Я уже рассказал все, что знаю.

– Что такое Аврора, мы уже поняли, но многое еще предстоит выяснить. – Дрейфус сверился с браслетом. – Полчаса назад Дом Обюссонов и Шлюмпер Онил начали выпускать рои механизмов в космическое пространство Блистающего Пояса. С машинками мы пока не разобрались, зато подозреваем, каковы их цели. Рой расползается не во всех направлениях – он делится пополам, как у ос, летящих на запах. Не пройдет и двух часов, как рой доберется до двух анклавов с общей численностью населения шестьсот пятьдесят тысяч человек. Представляешь, что там начнется?

С той минуты как Дрейфус вошел в палату, выражение лица Гаффни не изменилось: он так и лежал, следя за каждым движением посетителя.

– Раз вы так волнуетесь, почему не переместите анклавы?

– Сам понимаешь, изменить орбиту астероида весом пятьдесят миллионов тонн – это не кот чихнул. Рой не остановить: может, по отдельности машины слабы, но их слишком много. Максимум, что мы можем, – оповестить анклавы, чтобы готовили оборону и запускали свои программы эвакуации. Мы уже сделали это, но времени в обрез, и к прибытию роя вряд ли успеет эвакуироваться больше десяти тысяч жителей. – Дрейфус склонился над койкой Гаффни. – Поэтому, Шеридан, я

очень хочу узнать, что именно случится с анклавами.

– Ничего у тебя не выйдет, малыш Томми!

– Шеридан, я разочарован. Кому, как не тебе, знать, что утаивать информацию бессмысленно. Так или иначе, мы ее добудем. К примеру, мне разрешили траление околоркоркового вещества. Или снова прибегнуть к помощи твоего любимого хлыста модели «В»? Испытаем на тебе оптимизатор послушания?

– Думаешь, я долго протяну? В нынешнем-то состоянии...

– Ты прав, – кивнул Дрейфус. – Получается, траление надежнее. А сам ты что выбрал бы, хоть ради интереса?

– Я человек старомодный, с тралами так и не подружился.

– Неплохой вариант, – кивнул Дрейфус. – Я напускаю на тебя хлыст-ищейку, ты погибаешь прежде, чем он тебя выпотрошит, и все, точка.

– Да, вариант не самый худший.

Дрейфус расплел пальцы и постучал по виску.

– Шеридан, мне одно непонятно. Ты же всем префектам префект, гордость «Доспехов». Как Аврора ухитрилась сделать тебя предателем?

На безжизненном лице появилась улыбка-гримаса.

– Том, предатель ты, а не я. Ты и другие трусы сквозь пальцы смотрите на то, что творится с Блισταющим Поясом. Ваша сущность раскрылась мне, когда мы не приструнили Ад-Пять. Люди наделили нас властью, чтобы мы их защищали. Мы же давным-давно забыли об этой ответственности.

– По-моему, ты не совсем прав, – буркнул Дрейфус.

– Если бы ты взглянул на ситуацию масштабно, то понял бы.

– Просвети меня, Шеридан. Объясни, что именно я в упор не вижу. Это как-то связано с тем, что Аврора подсмотрела в будущем?

– Получается, о «Прологе» тебе известно, – после небольшой паузы заключил Гаффни.

– Мне известно достаточно, чтобы начать траление, если ты сейчас же не расскажешь о «Прологе».

– Аврора увидела конец всего, что нам дорого. Вокруг Йеллоустона мы создали нечто чудесное, славное, прежде невиданное. Нечто, способное просуществовать тысячелетия или десятки тысячелетий. Но оно кончается. И века не пройдет, как все исчезнет. Человечество открыло окно в рай, а лет через восемьдесят-девять оно закроется. Эдем – не древняя библейская притча о благе, потерянном тысячи лет назад. Это предвестие.

– Каким будет конец?

– Все исчезнет за считанные дни. Аврора погружалась в сны

сочленителей. Она видела горящие анклав, людей, кричащих от боли, Город Бездны, восставший против своих жителей, превратившийся в нечто чудовищное.

– Время страшных бедствий, разврата и безумия, – проговорил Дрейфус.

– Никто не ждет катастрофы. Не готовится. Она придет в самый неожиданный момент, в счастливейший, прекраснейший час. – Гаффни сделал паузу, чтобы восстановить дыхание. Воздух со свистом вылетал у него из легких. – Аврора не может такого допустить. Она считает, что Блισταющий Пояс достоин лучшей участи, чем сгореть в руинах.

– Но впереди еще лет восемьдесят-девяносто. Почему она суетится сейчас?

– Хочет подстраховаться, – ответил Гаффни. – Сути предсказаний «Пролога» Аврора верит, а деталям – не до конца. Опасается, что сочленители перепутали время и беда придет раньше. Нельзя сидеть и ждать тревожных сигналов. Если спасти Блισταющий Пояс, меры нужно принимать сейчас же, а не через двадцать или пятьдесят лет. Только так Аврора может быть уверена в успехе.

– И что же это за меры? – осторожно спросил Гаффни, гадая, сколько Гаффни расскажет без принуждения.

– Разве не очевидно? – разочарованно спросил старший префект. – Ненасильственная смена власти. Насаждение режима, который обеспечит безопасность Блισταющего Пояса на веки вечные.

– Почему она к нам не обратилась, если испытывала разумные опасения?

– Как, по-твоему, отреагировали бы «Доспехи»? – поинтересовался Гаффни. – Уж точно не приняли бы необходимых мер. Мы уже позволили обывателям разоружить нас. Разве это не изобличает «Доспехи» как бесхребетную организацию, не готовую к жестким, непопулярным действиям, которые обернутся всеобщим благом?

– По-моему, ты сам ответил на свой вопрос.

– Я люблю нашу организацию, – заявил Гаффни. – Я жизнь ей посвятил. Но на моих глазах обыватели мало-помалу подточили ее силу. Разумеется, не без нашего участия. Мы безропотно отдали людям инструменты, которыми они же наделили нас для несения службы. Теперь вымаливаем разрешение вооружиться, вот до чего докатились. И чем ответили обыватели? Плюнули нам в лицо. Том, им нравится иметь полицию, но бесхребетную, не способную на конкретные действия.

– Разоружили они нас, может, и не зря.

– Дело не только в оружии. Мы устраиваем блокаду, а потом целый год доказываем ее целесообразность. Скоро нас и этих полномочий лишат, а потом, оглянуться не успеем, к центрам голосования пускать перестанут. Аврора это предвидела. Она почувствовала, что от «Доспехов» толку мало. Чтобы по-настоящему защитить людей, нужна другая сила.

– «Другая сила» – это сама Аврора и те, кто с ней, – негромко заключил Дрейфус.

– Она не тиран, если ты об этом подумал.

– Вообще-то, захват власти очень отдает тиранией.

– Ничего подобного не будет. Аврора хочет создать режим, при котором люди защищены от последствий своей безответственности. Жизнь в анклавах совершенно не изменится. Граждане сохранят доступ к необходимым технологиям. Каждый сможет воспользоваться стимуляцией долголетия и другими медицинскими процедурами, наслаждаться привычным комфортом. Художники получат возможность творить.

Дрейфус вскинул голову:

– Наверное, я чего-то не понимаю. Что же изменится?

– Только нюансы, существенные для нашей безопасности. Разумеется, Блистающий Пояс придется изолировать от трансчеловеческих фракций. Это означает конец торговли с ультра и Городом Бездны. Рисковать нельзя: вдруг какой-нибудь диверсант извне спровоцирует крах Пояса?

– Думаешь, крах станет делом внутренним, смертельную рану мы нанесем себе сами?

– Полной уверенности, конечно, нет, но мы должны исключить другие варианты. Тактика вполне разумная, согласись.

– Да, пожалуй.

– Таким же образом сократятся перемещения между анклавами. Если дестабилизация возникнет внутри Блистающего Пояса, мы, по крайней мере, не допустим ее распространения.

– Значит, из дома никому не выбраться.

Казалось, Гаффни искренне озадачили слова Дрейфуса.

– Том, а зачем выбираться? Зачем даже думать об этом? У людей будет все, что им нужно, – все привычные блага.

– Кроме личной свободы.

– Ее значимость преувеличена. Да и часто ли ею пользуются? Общественными нормами тяготеют буквально единицы. Разумные люди не творят историю. Большинство довольны своей судьбой и готовы сегодня делать то же, что вчера. Внутри отдельно взятого анклава личная свобода сохранится почти полностью.

– Но люди не смогут путешествовать, навещать любимых и друзей в других анклавах.

– До такого не дойдет. Как только Аврора подчинит себе десять тысяч анклавов, она объявит льготный период, даст отсрочку до вступления ограничений в силу. Людям она позволит любые перемещения, чтобы выбрали постоянное место жительства. Границы закроются лишь потом.

– Наверняка найдутся те, кто со временем пожалеет о своем решении, – сказал Дрейфус. – Но ты сейчас напомнишь, что физические перемещения прекрасно имитирует абстракция.

– Ну... вообще-то, абстракцию тоже придется ограничить, – едва ли не смущенно произнес Гаффни.

– Иными словами...

– Объем доступа существенно понизится. Разумеется, в целях безопасности. Вдруг информационные сети способствуют дестабилизации? Аврора рисковать не может. Анклавы следует изолировать друг от друга.

– Лечение уже выглядит страшнее болезни, – заметил Дрейфус.

– Нет, это просто звучит жутковато. Внутренняя абстракция сохранится. Для многих граждан ее предостаточно. Сохранится и инфраструктура данных, чтобы Аврора контролировала десять тысяч анклавов и помогала им.

– Давай разберемся, – предложил Дрейфус. – Речь идет о постоянном комендантском часе с ограничением контактов, запретом перемещаться и влиять на свою жизнь путем демократического голосования?

Гаффни поморщился, но от ран или от услышанного – Дрейфус не понял.

– Зато все будут в безопасности, причем не только сегодня и завтра, но и следующие девяносто лет, а то и больше. При Аврорином режиме дестабилизация пресекается на корню. Поэтому Блистающий Пояс выживет.

– Закованный в цепи.

– Речь о временных мерах защиты, а не о постоянных. Впоследствии Аврора определит основное направление дестабилизации. Она выявит источник риска и сразу вернет людям личную свободу. – Гаффни всмотрелся в потолок, словно ища вдохновения. – Том, взгляни на это немного иначе, – попросил он, словно они почти договорились. – Эпилептик принес острый предмет в людное место. У него вот-вот начнется приступ. Он поранит и себя, и окружающих, если не изъять опасный предмет. Вероятно, больного и зафиксировать придется. Что ты предпримешь? Будешь бездействовать из уважения к его правам? Или

примешь меры, которые обеспечат безопасность не только ему, но и другим людям?

– Я вежливо попрошу его бросить острый предмет.

– И напугаешь его. Он вцепится в свое имущество еще крепче. Что дальше?

– Я его разоружу.

– Поздно! Он пырнет тебя, а потом, во власти приступа, начнет резать всех подряд. Демократия – тот же острый предмет, Том, последнее оружие в арсенале обывателей. Порой его нельзя им доверять.

– А тебе можно.

– Нет, ни мне, ни тебе нельзя. А вот Авроре... – Гаффни покачал головой, не отрицательно, а с благоговейным трепетом, мол, он просто не в состоянии передать свои мысли словами. – Она больше нас с тобой, умнее и сильнее. Если бы я не видел ее, тоже мучился бы сомнениями. Но при встрече в первую же минуту почувствовал: вот кто выведет нас вперед, к свету.

Дрейфус встал и жестом велел креслу уйти в пол.

– Спасибо, Шеридан.

– Так мы закончили?

– По-моему, я услышал все, что ты был готов рассказать без принуждения. Ты искренне веришь, что Аврору не остановить, да? Поэтому так охотно излагаешь ее замыслы.

– Какое-то время полной ясности не было, – признался Гаффни. – Если честно, ты немного предвосхитил наши действия, разыскав Клепсидру. Аврора собиралась действовать, лишь полностью подчинив себе Блистающий Пояс.

– То есть когда Талия установит обновления по всему Поясу?

– Да, так планировалось. За одну секунду власть над десятью тысячами анклавов перешла бы от гражданского населения к Авроре. Чем не бархатная революция? Никакого кровопролития, никаких страданий. Неудобства минимальные.

– Тогда мне очень жаль, что я по долгу службы сорвал прекрасные планы.

– Ну, не то чтобы сорвал. Аврора всегда понимала: власть лучше захватывать постепенно, анклав за анклавом. В конечном итоге особой разницы не будет. Ты же говорил о роях механических существ. До сих пор не догадался, что они собой представляют?

Дрейфус старательно изображал безразличие, но, очевидно, выражение лица его выдало.

– Это серийно изготовленные боевые роботы класса «Долгоносик», – сообщил Гаффни. – Можно сказать, старая добрая классика. Самостоятельности у них ровно столько, чтобы перебираться из анклава в анклав. Один долгоносик – солдат аховый. Но производственные комплексы шлепают их десятками тысяч. Это очень-очень серьезная сила. В конце концов ты сам это осознаешь, так случается со всеми.

– Чем займутся долгоносики в других анклавах? Поползут из конца в конец, уничтожая все на своем пути?

– Если вспомнить, что Аврорина цель – сохранение человеческой расы, получается нечто контрпродуктивное? Пожалуй.

– Тогда для чего нужны долгоносики?

– Они несут копию обновлений, которые Талия уже установила в четырех анклавах. Как только роботы попадут еще в два, сразу поползут к центрам голосования – доставят вирус, который подточит систему безопасности. Так во власти у Авроры окажется не четыре анклава, а шесть.

– До центров голосования еще нужно добраться. Местное население уже готово их защищать.

– Местное население лишь ненадолго задержит долгоносиков. Производственные комплексы штампуют их без остановки. Как только в числе захваченных появятся анклавы с производственными возможностями, там тоже начнется выпуск роботов.

– Мы отключим центры голосования. Или даже уничтожим их. То же самое с производственными объектами.

Гаффни снова смутился, словно одерживал победу над слабым, достойным лишь жалости оппонентом.

– Ничего не получится. Долгоносики не просто боевые роботы, они еще строители общего назначения. Способны почти на все, кроме самовоспроизводства. Построить и подключить новый центр голосования? Работы на пару часов. Схемы я в них загрузил. Восстановить разрушенную фабрику? Шесть часов, максимум двенадцать. Со схемами то же самое. Аврора подготовилась очень тщательно, иначе разве стал бы я с тобой откровенничать?

– Пожалуй, тут ты прав. – Дрейфус засучил рукав, обнажив браслет. – Джейн! – позвал он.

– Омонье слушает. – Голос верховного префекта дребезжал, как кукольный.

– Рой состоит из боевых роботов класса «Долгоносик». Нужно посмотреть, что у нас есть про них в архиве. Велите «Демократическому

цирку» соблюдать предельную осторожность. Если сумеют, пусть привезут исправного долгоносика, но терять еще один крейсер без очень веских причин не хотелось бы.

– Ясно, Том, – ответила Джейн Омонье.

Дрейфус опустил рукав и глянул на прикованного к постели.

– Если выяснится, что ты солгал хоть...

– Я не лгал. Кстати, сейчас ты говорил как настоящий лидер. Жаль, сам себя не слышал. Кто угодно решил бы, что ты старший префект и даешь Джейн инструкции.

– У нас с ней полное согласие и взаимоуважение.

– По-моему, тут скорее захват власти. Наверное, ты жаждешь должности Омонье не меньше, чем Бодри и Криссел.

– Мы не о Джейн говорили. – Дрейфус снял с пояса хлыст, который до сих пор прятал за спиной, чтобы Гаффни не видел.

– А вот это низко. Доктор Мерсье видел, что ты сюда пронес?

Одно нажатие на кнопку, и ищейка выпустила хвост, который зашелестел по полу, рассекая супервещество, как рапира – воду. Затягивался порез чуть ли не моментально.

– Не волнуйся, это не модель «В». Твоих любимых функций тут нет.

– Ты меня убьешь?

– Нет, убийство заключенных я оставляю профессионалам. Ты нужен мне живым. Пока у тебя мозги варят, хочу их протереть.

– Так давай траль. Посмотрим, что выйдет.

– Режим меча! – чуть слышно скомандовал префект, и хвост тотчас застыл. Дрейфус махнул хлыстом над лежащим Гаффни, да так, что засвистел воздух. – Думаю, презентация тут не нужна. Сам знаешь, на что способны такие штуковины, если попадают в недобрые руки.

– Я все тебе рассказал.

– Нет, не все. Есть огромная проблема, о которой ты отчаянно стараешься не вспоминать. Поговорим о Раскин-Сартории. Шеридан, этот анклав уничтожен твоими стараниями?

– Тебе прекрасно известно, что за этим стоят ультра.

– Нет, – спокойно возразил Дрейфус, – это ты нам внушил. Выдал расправу за месть, чтобы мы не вынюхивали, настоящую причину не выясняли. Дравидяна и его экипаж подставили, так ведь? Ты внедрил к ним на корабль специалиста по квантовым двигателям.

– Абсурд!

– Наверняка понадобилась исчерпывающая информация о системах сочленителей. Но пленных пауков у Авроры был целый корабль – пытай не

хочу. В общем, проблема решаемая. Вопрос только – ради чего? Что на Раскин-Сартории так много для тебя значило? Почему пришлось его спалить? – Дрейфус опустил хлыст так, что хвост-меч едва не касался шеи Гаффни, сплошь покрытой синяками. – Ответь, Шеридан! Ради чего уничтожили Раскин-Сарторий?

Гаффни молчал. Хлыст коснулся кожи – на шее появилась капля крови.

– Чувствуешь, Шеридан? – поинтересовался Дрейфус. – Одно мое движение – и хлыст перережет тебе трахею.

– Иди ты, Дрейфус! – огрызнулся Гаффни, но сам вжался в кровать, чтобы максимально отдалить шею от хвоста-лезвия.

– Ты не просто так уничтожил людей. Изложу тебе свою версию. Что-то на Раскин-Сартории – то ли семья патриарха, то ли сам анклав – угрожало Авроре. Желая устранить эту угрозу, она пошла на массовое убийство. Причина была серьезная, иначе Аврора не рискнула бы привлечь к себе внимание, когда грандиозные планы почти реализовались. – Дрейфус опустил хлыст еще чуток – капель стало много. – Ну как, жарко, тепло или холодно?

– Тащи гребаный трал, – прохрипел Гаффни, сильнее вжимаясь в кровать. – Что вытянешь, все твое.

Одно нажатие кнопки – и хвост втянулся в рукоять, на ходу очищаясь от крови. Над Гаффни зарозовела дымка.

– Отличная идея! – похвалил Дрейфус. – На пытки у меня никогда не хватало пороху.

* * *

Серебристый дневной свет просачивался сквозь пыльные полосы окон в Дом Обюссонов. Талия стояла у иллюминатора и созерцала пепельный пейзаж – анклав, растерзанный роботами. По сравнению с кипучей ночной деятельностью было тихо. Немало времени пролетело с тех пор, как младший префект видела последнюю строительную машину. Роботы наверняка выполнили задание, собрали все, что мог переработать мощный комплекс на полюсе. Строения, механизмы, люди – не осталось ничего мало-мальски пригодного, за исключением центра голосования. Самый сложный этап позади, а сейчас, наверное, роботы занялись самодемонтированием.

Талия убрала песчинку из уголка глаза. Сколько осталось времени? За окном роботов не видно, однако это не значит, что они ушли. Баррикады пока держатся, но их понемногу разбирают снизу. Работа идет неторопливо и методично, и это пугает сильнее, чем стремительный штурм.

Что осталось от завалов, никто не знал. Парнасс предположил, что метров десять, а то и меньше.

«Еще несколько часов – и роботы прорвутся», – подумала Талия. Неужели она всерьез надеется, что завалы просуществуют до вечера?

– Ну что? – спросила Талия подошедшего Парнасса. – Глянули на то, о чем мы говорили?

Тот скорчил недовольную гримасу:

– Да, как мы и условились. Чем дольше глядел, тем меньше мне это нравилось. Я обещал рассмотреть любые варианты, вплоть до почти самоубийственных. Только «почти» тут и не пахнет. Это чистое самоубийство.

Талия заговорила сквозь зубы, едва шевеля губами. Никто не догадается, о чем речь, даже если увидит ее отражение в стекле.

– Сайрус, роботы наверняка нас убьют. А так хоть тень шанса будет.

– Мы даже центр голосования не снесли, – заметил Парнасс. – Разве не следует сперва попробовать? Вдруг что-нибудь выйдет? Вдруг роботы угомонятся?

– А вдруг они уже достаточно самостоятельны и продолжают наступать без указаний извне? Если честно, мы даже не представляем себе, на что они способны.

– Ты сумеешь снести центр голосования?

– Думаю, что удастся его повредить. – Талия кивнула на хлыст, лежащий в соседнем кресле. – Боюсь, для полной остановки пакетов абстракции этого не хватит. В центре голосования много самовосстанавливающегося супервещества. Резать его – дело хлопотное.

– А как можно перекрыть абстракцию начисто?

– Для этого необходимо взорвать центр. Проблема в том, что у нас всего одна попытка.

– Режим гранаты хочешь оставить напоследок? – спросил Парнасс зло и при этом восхищенно.

– На секунду отрешитесь от вопроса, выживем мы или нет, – попросила Талия. – Сейчас мне нужна техническая информация. Можно ли существенно ослабить несущие элементы башни, располагая лишь хлыстом-ищейкой?

– Ты вроде говорила, что хлыст режет все, кроме гипералмаза?

– Да, – кивнула Талия. – Конечно, он не вполне исправен, но, если хвост удержится в твердом состоянии, должно получиться. Гранит-то я резала.

– Тогда стоит попробовать, при условии, что потом в строго определенном месте произойдет взрыв.

– По-моему, проблем не возникнет.

Парнасс почесал затылок.

– Если спустимся к основанию сферы, ослабим несущие элементы и расположим твой хлыст в самом подходящем месте, то будет шанс, что шар упадет в нужную сторону. Дочка, ключевое слово здесь «шанс».

– Я согласна и на такой расклад. А потом что? Башня не рухнет? Несущие конструкции как-никак?

– Дочка, как и ты, я лишь догадки строю.

– Каждый должен быть начеку. Готовиться нужно уже сейчас, иначе сломанных костей не оберешься.

– По-моему, сломанные кости для нас не самое страшное.

– Пора сказать о нашем плане остальным.

Парнасс молчал, и Талия добавила:

– Ну, чтобы готовиться начали.

– Дочка, с планом пока никто не согласился. Мы не обсуждали его и не ставили на голосование.

– Какое голосование? Сделаем, как задумали, и все.

– Куда делась демократия?

– Взяла перерыв. – Талия сурово взглянула Парнассу в глаза, давая понять, что не потерпит возражений. – Сайрус, так нужно. Сами понимаете, вариантов нет.

– Понимаю. Но это не значит, что твой план мне нравится.

– Даже если не нравится.

Парнасс зажмурился, принимая нелегкое решение.

– Редон, – произнес он. – Она девушка здравомыслящая. Если примет нашу сторону, то и остальных убедит, заставит увидеть главное. Может, и мне глаза откроет.

– Поговорите с ней, – попросила Талия, глянув на спящую девушку.

Мэриэл Редон отдыхала после тяжелой работы. Если разбудить раньше времени, она явно не обрадуется.

– Что я могу ей сказать?

– Все. Только пусть помалкивает, пока мы не закончим подготовку.

– Надеюсь, Мэриэл настроена оптимистично.

– Погодите! – попросила Талия, прильнув к окну.

– Что там? – спросил Парнас, щурясь.

С тех пор как рассвело, Талия впервые заметила за окном шевеление. Она присмотрелась и поняла, что ей не почудилось. Там, где раньше заканчивалась территория Музея кибернетики, двигалась черная масса. Двигалась быстро, стараясь не привлекать к себе внимание.

Талия подумала о Крисселе и его отряде, о черных бронекостюмах полевых префектов, и на один отчаянный миг позволила себе поверить, что ее многострадальную группу сейчас спасут. Но вот она надела очки, увеличила изображение и поняла, что никакие это не префекты. Черная масса оказалась колонной роботов. Невысокие, они очень напоминали жуков. Сколько их там – десятки, сотни? Талия никогда не видела, чтобы гражданские роботы перемещались с такой скоростью. Одни огибали препятствия, другие прорывались сквозь них, – ни дать ни взять, чернила, текущие по странице.

– Что там?

– Ничего хорошего, – ответила Талия, сообразив, что это не гражданские роботы, а боевые и что они неотвратимо приближаются к башне центра голосования.

Под ложечкой засосало еще сильнее: это страх расправлял крылья и устраивался поудобнее.

– Дочка, скажи, что видишь.

– Роботы военного назначения, – ответила Талия. – Сомнений почти нет.

– Ты ошибаешься. У нас тут ничего подобного не бывало.

– Знаю. За сам факт владения технической документацией на боевых роботов наказывают блокадой анклава.

– Откуда же они взялись?

– Это понятно, – ответила Талия. – Их за ночь сделали. В качестве сырья, наверное, и трупы сгодились.

– Сделали на нашем производственном комплексе?

– Где же еще? Не верится, что комплекс штампует только этих жучков: сырья там на миллионы изделий, а выпускать столько одинаковых – абсурд. Но по крайней мере теперь мы знаем, что представляет собой часть продукции.

– А остальное?

– Об этом даже думать боюсь.

Талия снова повернулась к центру голосования. Парнас, наверное, прав: центр пора уничтожить. Она ведь сама держала этот вариант про запас. Талия считала, что сервороботами управляют через центр

голосования с помощью слабых сигналов, которые она уловила уже давно. Поэтому машины пока не разгромили башню, хотя это им вполне по силам. Однако Талии не хотелось проверять эту версию раньше времени. Если сервероботы не остановятся, жертва будет напрасной. До сих пор риск казался Талии неоправданным, но приближение колонны боевых жуков изменило все.

Она подошла к креслу и взяла хлыст. Он нагрелся до такой степени, что носить на поясе стало невозможно. Брать его Талия отваживалась, только обернув ладонь шарфом. Она велела ищейке выпустить хвост и, игнорируя протестующее жужжание рукояти, включила режим меча.

– Решилась-таки? – спросил Парнасс.

– Не знаю. Может, вы правы. Может, время пришло.

Парнасс коснулся ее дрожащей руки.

– А может, и нет. Дочка, ты сама сказала: нужен хороший запасной вариант на случай, если рубка шарика не решит проблему. Пойду потолкую с Редон.

Глава 23

Часть модели Единой системы использовали для создания трехмерного изображения боевого робота класса «Долгоносик». Изображение в масштабе один к десяти вращалось медленно. Казалось, на черных гранях корпуса играет свет ламп. В режиме космического перелета и входа в атмосферу долгоносик поджал многочисленные ножки и манипуляторы. Казалось, он погиб и уже сохся. Бинокулярные датчики располагались под ребристыми колпачками и поразительно напоминали фасеточные глаза насекомого.

– Эти твари мерзкие не только на вид, – сообщила Бодри собравшимся префектам. – Они запрещены семью или восемью конвенциями о законах войны, в последний раз применялись сто двадцать с лишним лет назад. Большинство боевых роботов создано для уничтожения себе подобных, но долгоносики могут убивать еще и людей. В них загружена подробнейшая информация о человеческой анатомии. Они знают наши уязвимые места, знают, как сделать нам больно и что проще сломать. – В аккомпанемент словам Бодри на стенах прокручивалась масса технических данных. – По идее, долгоносиков вполне можно удержать. У нас есть оружие и технические средства, которые эффективны против них и на больших дистанциях в вакууме, и в ближнем бою на территории анклава. Проблема не в самих роботах, а в их количестве. По данным «Демократического цирка», Дом Обюссонов уже изготовил и запустил двести шестьдесят тысяч долгоносиков и останавливаться не намерен. Один робот весит пятьсот килограммов, необходимое для производства сырье широко распространено в анклавах вроде Дома Обюссонов. При согласованной работе машины анклава без труда обеспечат производство исходными материалами – просто разрушат и местные строения. Даже уже имеющихся запасов сырья хватит, чтобы анклав выпустил миллионы долгоносиков, ну а потом цифры станут фантастическими.

– Нам точно известно, что это долгоносики? – спросил Дрейфус.

Бодри кивнула.

– «Демократический цирк» еще ни одного не захватил, но получены четкие изображения. Гаффни не солгал, это долгоносики. Нет никаких сомнений, что они переносят программу Талии.

– А как насчет других откровений Гаффни? – спросила Джейн Омонье, проекция лица которой отобразилась на изогнутой стеклянной панели,

закрепленной над свободным стулом. – Вы верите, что долгоносики способны захватывать анклав?

Бодри повернулась к верховному префекту.

– Раз Аврора избрала эту тактику, значит рассчитывает на успех. Она прекрасно осведомлена о лазейках в системе безопасности центров голосования. Нет причин сомневаться, что она захватит любой анклав, на который высадит долгоносиков. – Бодри казалась сломленной, словно кризис ее доконал. – Думаю, стоит ждать худшего.

Вдруг настенные дисплеи замерли, а браслеты зазвенели в унисон. Вместо долгоносика на модели Единой системы возник один из соседей Дома Обюссонов, эдакое безвтулочное колесо крупным планом.

– Это «карусель» Нова-Бразилия, – объявила Бодри. – Антиколлизийные системы начали обстрел приближающихся долгоносиков. Минут через пятнадцать этим же займется Дом Фламарионов.

– Как идет оборона? – спросила Омонье.

– Мы успели подтянуть к Нова-Бразилии только три корвета, – доложила Бодри. – Если честно, орудия с высокой точностью наведения бессильны против такого мощного потока. Даже бросать бомбы в гущу роботов – все равно что цунами ложкой останавливать.

– Значит, нужна другая тактика, – спокойно проговорила Омонье.

– Корветы ждут, когда долгоносики достигнут поверхности анклава, и тогда начнут обстрел. Роботам придется либо идти через огневой заслон, либо прорываться по стыковочным тоннелям.

– Предположим, остановить их не удастся. К чему приведет потеря Нова-Бразилии и Дома Фламарионов?

– У обоих анклавов есть фабрики, – ответил Дрейфус, глянув в свой компад. – Если Аврора захватит их, получит два новых центра производства долгоносиков и плацдарм для нападения на другие анклав.

– Я смоделировала ситуацию на Единой системе, – сообщила Бодри. – Разумеется, многое на уровне догадок, но с поправкой на вполне обоснованные предположения могу показать, как будут развиваться события.

– Давай, Лилиан, – проговорила Омонье.

Бодри сжала «карусель» Нова-Бразилию до прежнего размера – анклав превратился в блестящую бусинку, плывущую в величественном кольце Блестящего Пояса. Затем все бусинки стали изумрудными и лишь четыре – рубиновыми.

– Это анклав, которые сейчас подконтрольны Авроре, – пояснила

Бодри, и рядом с четырьмя появились еще две рубиновые точки. – Это Нова-Бразилия и Дом Фламарионов; допустим, Аврора захватит и их. Далее предположу, что оба анклава начнут производить долгоносиков в объеме, аналогичном обюссонскому. Еще предположу, что и Нова-Бразилия, и Дом Фламарионов направят своих долгоносиков к анклавам, еще не захваченным Авророй. Такой вывод напрашивается на основе того, что мы уже видели. Следующее предположение: через двадцать шесть часов еще один анклав подвергнется штурму, перейдет к Авроре и направит вновь произведенных долгоносиков к избранной цели.

– Продолжай, – велела Омонье.

– За один день к двум зараженным долгоносиками анклавам прибавятся еще два. Каждый из четырех заразит по одному соседу, и к концу второго дня очагов инфекции станет восемь. – Параллельно рассказу Бодри число рубиновых бусин росло в геометрической прогрессии. – К концу третьего – шестнадцать. К концу четвертого – тридцать два. К концу пятого – шестьдесят четыре. К концу шестого – сто двадцать восемь, а это уже более одного процента всего Блισταющего Пояса.

Рубиновые бусины было уже не сосчитать. Изумрудные заметно превосходили их числом, только неотвратимость процесса стала пугающе очевидной.

– Как скоро?.. – Омонье озвучила вопрос, отвечать на который не хотелось никому.

– Производственные возможности есть менее чем у половины анклавов Блισταющего Пояса, – проговорила Бодри. – Но их все равно набирается более четырех тысяч. Аврора захватит их к началу двенадцатого дня. Если к тому моменту мы и сохраним контроль над оставшимися анклавами, то быстро их растеряем. В арсенале у Авроры окажется более четырех тысяч комплексов для производства долгоносиков. Сомневаюсь, что к концу тринадцатого дня мы удержим хоть один анклав. – Бодри нервно сглотнула. – К анклаву «Доспехов» это тоже относится.

– А интервал в двадцать шесть часов... – начал Дрейфус.

– Чистое предположение, взятое с потолка. Может, интервал длиннее. Но даже если переброс с анклава на анклав займет четверо суток, Аврора одолеет нас за два месяца. Неизвестно, сколько продержится Город Бездны, но сомневаюсь, что намного дольше Блισταющего Пояса.

– Наверняка можно что-то сделать, – произнесла Омонье.

Бодри выглядела расстроенной. «Как врач, которому нужно огласить страшный диагноз», – подумал Дрейфус.

– Да, что-то сделать можно. Сейчас, пока Аврора только закрепляется,

пока ее посягательства не затронули нас. Вернем изображение к отправной точке, к сегодняшнему дню.

Рубиновых бусин осталось лишь четыре.

– Долгоносики уже достигли Нова-Бразилии и с минуты на минуту доберутся до Фламариона. – Бодри с тревогой посмотрела на браслет. – Но на ближайшие часы, а то и на целые сутки, потенциальных очагов инфекции лишь четыре, и это при допущении, что новые анклавов будут приспособлены для выпуска долгоносиков. Сейчас Аврора наиболее уязвима. Она показала себя, то есть фактор неожиданности уже использовала, но еще не захватила достаточно ресурсов, чтобы нас одолеть.

– Разве вы не дали понять, что долгоносики уже нас одолели? – удивился старший префект Климмаунтин.

– Я говорю не о борьбе с долгоносиками, – ответила Бодри, – а об уничтожении фабрик.

Климмаунтина она не убедила.

– Это же не ампутация! – напомнил он, оглядывая коллег. – Нельзя ликвидировать производственный объект, не затронув оставшуюся территорию.

– Я отдаю себе в этом отчет, – хладнокровно проговорила Бодри.

Климмаунтин захлопал глазами:

– Получается, речь о...

– Да, о массовой эвтаназии. О бомбардировке зараженных анклавов. Будь вариант простым, думаете, я не предложила бы его раньше?

– Это геноцид.

– Мы пожертвуем определенным числом жизней ради спасения гораздо большего их числа. Старший префект, вы же видели смоделированную ситуацию. Если верны мои предположения, Аврора сокрушит нас за тринадцать дней, а то и быстрее. На кону сто миллионов жизней. Бомбардировка Нова-Бразилии и Дома Фламарионов уничтожит лишь шестьсот пятьдесят тысяч человек. Если добавить Шлюмпер Онил и Дом Обюссонов, все равно получается менее двух процентов вверенного нам населения.

– Вас послушать, два процента – ерунда! – воскликнул потрясенный Климмаунтин.

– При всем уважении, это война, – напомнила Бодри. – Истории неизвестны генералы, отказавшиеся от победы, гарантированной при потере менее чем одного бойца из пятидесяти.

– Речь-то не о бойцах, а о гражданах, которые никакой войны не желают.

– Однако численное соотношение сохраняется, – возразила Бодри. – Если нанесем удар сейчас, спасем десятки миллионов жизней. Об этом нужно подумать, леди и джентльмены. Иначе получится, что мы не исполняем своих обязанностей.

– Это чудовищно! – заявил Клирмаунтин.

– Потерять десять тысяч анклавов тоже чудовищно.

– Откуда уверенность, что мы потеряем сто миллионов человек? – спросила Омонье. – По словам Гаффни, Аврора затеяла бархатную революцию. И в Доме Обюссонов, и в других трех анклавах системы жизнеобеспечения работают: доказательств обратного мы не видели. Мне это говорит о том, что Аврора хочет по крайней мере сохранить жизнь и здоровье своих подданных.

– Живые щиты логично оставить живыми, – проговорила Бодри.

– Не следует исключать, что Аврора вообще не намерена убивать людей. Если ее цель действительно сохранение жизни на Блистающем Поясе, геноцид ей не нужен. – Глаза Омонье затуманились, словно она разглядывала что-то за пределами штаба. – Погодите! – попросила она. – Новости из Дома Фламарионов. Долгоносики достигли поверхности.

Браслеты зазвонили, но префекты заглушили их и всмотрелись в модель Единой системы. Дом Фламарионов, формой напоминающий наперсток, предстал перед ними крупным планом.

– Что в Нова-Бразилии? – спросил Дрейфус.

Омонье на секунду отвела взгляд, потом снова посмотрела на Тома.

– Пушки антиколлизии систем уничтожают одного долгоносика из десяти. Остальные прорывают заслон без особых проблем. Они захватили шесть плацдармов на ободе колеса. Наши корабли ведут сосредоточенный огонь, но часть долгоносиков пробирается по тоннелям.

– А что с воздухом?

– Порядок, давление держится. Похоже, роботы запрограммированы вторгаться в анклавы, не нарушая целостность местной биосферы.

Дрейфус знал, что в Доме Фламарионов события будут развиваться точно по такому же сценарию. Концентрация долгоносиков может немного измениться, антиколлизии системы сработают более или менее успешно, только конечный результат не изменится. Хватит нескольких боевых роботов, чтобы подавить сопротивление местных жителей и проложить кровавую тропу к центру голосования. Потом они откроют дверцу, через которую проникнет Аврора или ее ипостась.

– Сколько человек мы эвакуировали из Нова-Бразилии?

– Одиннадцать тысяч на коммерческих шаттлах, которые уже были

там. Из Дома Фламарионов три тысячи.

– Аврора перебирается в новые анклав, используя информационные сети, – проговорил Дрейфус. – Может, усложним ей жизнь, уничтожив часть сетей, прежде чем бомбардировать наших граждан?

– Том, мы либо принимаем меры, либо не принимаем, – с выразительной гримасой произнесла Бодри.

– Так давайте полностью сети снесем.

– Мы точно не знаем, помешает ли это Авроре, а вот нам самим точно помешает. Абстракция нужна, чтобы следить за продвижением Авроры, координировать эвакуацию и развертывание наших собственных сил.

– Тем не менее Том прав, – сказала Омонье. – Нужно поразмыслить над отключением абстракции по всему Поясу. Я думаю об этом с тех пор, как узнала о кризисе. При этом нельзя недооценивать риск. Иначе замедлим Аврорино продвижение, но в процессе лишимся глаз и ушей.

– Торпедировать, и делу конец, – проговорила Бодри. – Убивать людей Аврора, может, не намерена, но свободы их точно лишит.

Дрейфус так сильно сжал стилос, что кончик вонзился в ладонь и пустил кровь.

– Пока не отключили абстракцию, есть еще один вариант. Отдельно взятый анклав не способен сопротивляться долгоносикам, но можно воспользоваться силами всего Блистающего Пояса.

– Том, что-то я не понимаю, – сказала Бодри.

– Предлагаю устроить внеочередной референдум. Попросим разрешения собрать и привести в боевую готовность временное ополчение по всему Блистающему Поясу.

– Что вы подразумеваете под ополчением?

– Я подразумеваю миллионы граждан, вооруженных и экипированных тем, что их анклав произведут в следующие тринадцать часов. Корабли уже есть, так что перемещение войск труда не составит. Снабдим их схемами для производства оружия, вместе с нашими боевыми роботами десантируем в анклавах, зараженных долгоносиками, и в тех, которые подвергнутся нападению в первую очередь. Вдруг удастся одолеть Аврору без бомбардировок?

– Том, вы говорите об обывателях, а не о солдатах.

– Вы же сами назвали их бойцами.

– У них ни подготовки, ни снаряжения...

– Фабрики снабдят их всем необходимым, эйдетики обучат военному делу, префекты возглавят подразделения.

– Том, на Блистающем Поясе сто миллионов жителей. Для девяноста

восьми процентов Аврора непосредственной угрозы не представляет. Вы правда считаете, что многие из них ринутся в бой с долгоносиками?

– Считаю, что нужно предоставить людям право выбора. В ополчение-то не все пойдут. Десять миллионов дадут нам подавляющее преимущество, особенно при поддержке сервороботов. Лилиан, это лишь каждый десятый. Многие согласятся с набором ополчения, твердо веря, что их к участию не привлекут.

– Предполагаемое число убитых и раненых не назовете? – поинтересовалась Бодри. – Рассчитываете, что погибнет десять процентов? Двадцать? Еще больше?

Дрейфус постучал стилосом по столу.

– Не знаю.

– Два миллиона погибших – это уже больше, чем при бомбардировке.

– Да, но это два миллиона добровольцев, решивших защищать Блистающий Пояс, а не два миллиона уничтоженных нами из страха перед смоделированной ситуацией.

– Может, мы найдем компромисс. – Звонкий голос Омонье ослабил напряжение между Дрейфусом и Бодри. – Расстрел анклавов претит каждому из нас, даже если мы не единодушны в оценке его обоснованности.

– Согласна, – осторожно проговорила Бодри.

– По каким критериям ты определяла следующие цели Авроры? – спросила Омонье.

– Доступность и практическая ценность. Еще потенциал для пространственных маневров: орбитальные скорости-то разные. Я предположила, что Аврора нацелится на ближайшие анклавы с производственными возможностями.

– По-моему, звучит вполне разумно, – кивнула Омонье. – Только один вопрос: успеем ли мы эвакуировать людей до того, как подспеют долгоносики с захваченных анклавов?

– Хотите эвакуировать население, а потом торпеды пускать? – спросил Дрейфус.

– Если успеем, получится что-то вроде просеки в горящем лесу. Возможно, Аврорины долгоносики переберутся через нее к соседнему анклаву, зато мы выиграем время, не пожертвовав людьми.

– Если еще удастся их эвакуировать, – добавил Климмаунтин.

– Мы не знаем, какой именно анклав станет следующей целью Авроры, – сказала Бодри, показывая на модель Единой системы. – Я отобрала кандидатов, но на точность прогноза не претендую.

– Тогда придется очистить больше анклавов, – вздохнула Омонье. – Срочную эвакуацию я объявлю на десяти потенциальных объектах следующей атаки.

– Предлагаю сосредоточить усилия на одном, чтобы показать: мы настроены серьезно, – сказал Дрейфус. – Надеюсь, остальные решат, что те же меры мы способны применить и по отношению к ним.

– Согласна, – отозвалась Омонье. – Люди ни в коем случае не должны почувствовать, что мы не справляемся. Эвакуации поможем через ЦКТ. Они без референдума вправе реквизируют и направлять по иному маршруту любой космический транспорт. Вместимость кораблей и количество стыковочных узлов, разумеется, ограничены, но тут уж ничего не поделаешь. – Омонье в упор посмотрела на Бодри. – Лилиан, назови мне десять анклавов. Немедленно!

– Хотелось бы еще раз смоделировать ситуацию, немного изменив параметры, – попросила Бодри.

– Нет времени. Просто назови анклавы.

Бодри открыла рот, но от волнения не смогла вымолвить ни слова. Она притянула к себе компад со стилосом и начала составлять список. У нее даже рука тряслась: задание-то архиответственное.

– Сколько времени им дадите? – спросил Дрейфус. – Ну, до начала бомбардировки?

– Целые сутки мы ждать не можем, – ответила Омонье. – Слишком долго, слишком рискованно. По-моему, тринадцать часов – разумный компромисс, согласен?

«Она понимает, что это нереально, – подумал Дрейфус. – За исключением микрогосударств, управляемых семьей, ни из одного анклава так быстро людей не вывезти. Даже если корабли подготовлены к эвакуации и причалены к анклаву, а люди проинструктированы и полны решимости спокойно и организованно покинуть астероид, на котором многие прожили всю жизнь. Затея нереальная, зато люди получают шанс на спасение, и это много лучше безнадежности. Вот на что рассчитывает Джейн».

– Список готов, – объявила Бодри.

* * *

Омонье не парила, а неподвижно висела в эпицентре собственной

сенсорной вселенной. Большинство каналов связи она отключила, оставив лишь яркую экваториальную полосу: двадцать пять – тридцать анклавов из группы непосредственно рискующих попасть под атаку Авроры. Изображения постоянно менялись местами, сбивая Дрейфуса с толку.

– Мы потеряем Нова-Бразилию и Дом Фламарионов, – сообщила Джейн, показывая, что заметила его. – Долгоносики проникли в оба анклава, местные жители не в состоянии их сдержать. Они уже понесли чудовищные потери, а сумели только замедлить продвижение роботов к центру голосования.

Дрейфус молчал, чувствуя, что Омонье не закончила.

– Из Гаффни что-нибудь вытянули? – наконец спросила она.

– Совсем немного. Я только что прочел предварительное заключение экспертов, которые его тралили.

– И что?

– По крайней мере одну тайну они раскрыли. Теперь известно, как Гаффни переправил Клепсидру из допросного пузыря в мой отсек. Он использовал невиконт.

– Впервые слышу этот термин, – сказала Омонье.

– Это контейнер-невидимка. Корпус из супервещества обладает определенной самостоятельностью и может скрываться от невооруженного глаза. В невиконты кладут то, что не должны увидеть люди.

– Такое устройство следует запретить в любом обществе здравомыслящих людей. Откуда этот невиконт у Гаффни?

– Очевидно, от Энтони Теобальда Раскин-Сартория, а тот наверняка приобрел у подпольных торговцев оружием. В невиконте Энтони Теобальд улизнул из родного анклава, который потом был уничтожен кораблем Дравидяна.

Омонье слегка нахмурилась:

– Разве Теобальд улизнул? Ты же допрашивал его бета-копию.

– Очевидно, Гаффни обладал другой информацией. Он перехватил невиконт, не дав ему долететь до союзников Теобальда.

– А потом что?

– Гаффни вскрыл невиконт и протралил Теобальда. Хотел выяснить, куда переправили то, что прятали в Раскин-Сартории.

– Вой! Гаффни тралил Теобальда?!

По выражению лица было ясно, о чем думает Джейн. Когда тралят на «Доспехах», не отступая от строжайших правил, – это одно. И совершенно другое, если тралят неизвестно где, без оглядки на закон и возможные последствия.

– Наверное, он сжег Теобальду мозги?

– В этом-то и странность, – ответил Дрейфус. – Похоже, в последний миг Гаффни остановился. Он что-то выпытал и решил не добивать беднягу. Гаффни не считает себя монстром. Он префект, который выполняет свою работу и остается верен принципам, в то время как все мы предали общее дело. Клепсидру он застрелил по той единственной причине, что других вариантов не оставалось. Жителей Раскин-Сартория уничтожили, исходя из этой же логики. Однако убивает он не без разбора, а ради спасения десятков миллионов жизней.

– Что еще он выпытал?

– Тут эксперты по тралению встретили отпор. Гаффни не пожелал сказать, что он узнал у Теобальда. Но одно слово они вытянули.

– Какое?

– «Головня».

Омонье медленно кивнула, потом произнесла слово сама, будто проверяя, как оно звучит в ее собственных устах.

– Что говорят эксперты?

– Для них это бессмыслица. «Головней» можно назвать пушку, корабль, шпиона – что угодно. Не исключено, что это кличка щенка, которого Гаффни держал пятилетним мальчишкой.

– А у тебя какие соображения?

– По-моему, это бессмыслица. Либо слово произнес Энтони Теобальд, а Гаффни счел архиважным. Либо оно сидело в памяти у Гаффни. Я сделал поиск по этому слову. Результатов уйма, но ни один нестораживает.

– Результаты и не должны настораживать, – проговорила Омонье, и в ее голосе Дрейфусу послышалось что-то странное.

– Потому что это чепуха?

– Нет. В контексте нашей организации слово «головня» имеет особое значение.

Дрейфус покачал головой:

– Джейн, я не нашел ровным счетом ничего.

– Потому что речь о стратегической тайне самого высокого уровня. Информация засекречена даже для наших сотрудников.

– Не просветите меня?

– «Головня» – подразделение «Доспехов», – ответила Омонье. – Его создали одиннадцать лет назад для изучения артефактов, связанных с делом Часовщика.

– То есть часов и музыкальных шкатулок?

Джейн ответила с нечеловеческим спокойствием:

– Не только. Он и другие вещи делал в период активности. В архивах информации о них нет, хотя несколько предметов нам удалось заполучить. Они маленькие, непонятного назначения, но это творения Часовщика, поэтому мы сочли их уникальными и не решились уничтожить. По крайней мере, до тех пор, пока не изучим и не выясним, можно ли с помощью новых данных обеспечить безопасность Блистающего Пояса. Том, не осуждай нас за это, – попросила Джейн, не позволив Дрейфусу сказать ни слова. – Мы считали своим долгом выяснить все, что можно. Мы не знали, откуда взялся Часовщик, однако незнание не исключало появления Часовщика номер два. Долг перед гражданами требовал, чтобы мы подготовились к такому развитию событий.

– И что же дальше? – спросил Дрейфус.

– «Головня» была создана по моей инициативе и подотчетна только мне. Пару лет подразделение тайно от всех существовало в структуре «Доспехов».

– Как же о нем не узнал Гаффни?

– Его предшественник был в курсе: мы не создали бы «Головню» без помощи Службы внутренней безопасности. Но когда он передавал полномочия, извещать Гаффни уже не потребовалось. К тому времени подразделение стало самодостаточным. Оно по-прежнему функционировало в рамках «Доспехов», но обычные схемы надзора и контроля его не касались. Так продолжалось пару лет.

– А потом?

– Потом произошло ЧП. Один из якобы сломанных артефактов вдруг ожил и перебил половину «Головни», прежде чем с ним справились. Когда я услышала эту новость, решила распустить подразделение. Я поняла, что польза от наших исследований меньше риска, связанного с хранением предметов. Я приказала уничтожить все оставшиеся артефакты вместе с нашими записями и распустила персонал. Люди вернулись к своим прежним обязанностям, на должности, которых формально не покидали.

– Что было дальше? – спросил Дрейфус.

– Вскоре я получила подтверждение, что мои приказы выполнены. «Головня» перестала существовать, артефакты были уничтожены.

– Но ведь это случилось девять лет назад. Почему «Головня» снова всплыла?

– Не знаю.

– Кто-то будит призраков прошлого. Джейн, если «Головня» и впрямь связана с «Доспехами», откуда о ней узнал Энтони Теобальд?

– Еще не факт, что он знал. Возможно, это издержки траления,

ошибочный вывод экспертов.

– Возможно также, это объясняет, почему Гаффни так интересовался семьей Раскин-Сарторий, – предположил Дрейфус. – Вы приказали распустить подразделение, но вдруг его персонал решил иначе?

– Не понимаю. – В глазах Омонье загорелся огонек нервозности.

– А вы попробуйте понять. Сотрудники из «Головни» решили, что их работа слишком важна, чтобы ее останавливать, вне зависимости от вашего мнения. Вас они заверили, что подразделения больше нет, а сами продолжили исследования под другой вывеской.

– Я бы узнала.

– Вы сказали, что подразделение работало практически незаметно, – напомнил Дрейфус. – Откуда уверенность, что его не сохранили тайком от вас?

– Эти люди не поступили бы так.

– А если они считали себя правыми? Вы, когда создавали «Головню», не сомневались в целесообразности этого решения. Что, если персонал не согласился с вашим распоряжением о роспуске?

– Они были мне верны, – проговорила Омонье.

– Не сомневаюсь. Но, Джейн, вы сами подали им плохой пример. Показали, что ради общего блага можно изменить своим убеждениям. Вдруг они решили изменить вам ради сохранения «Головни»?

Омонье долго молчала, будто слова Дрейфуса выбили у нее почву из-под ног.

– Я велела им остановиться, – произнесла Джейн так тихо, что Дрейфус не расслышал бы, если бы уже не привык к ее голосу.

– Похоже, они решили иначе.

– Том, почему это всплыло сейчас и как связано с Теобальдом, с Гаффни, с Авророй?

– Что-то в «пузыре» Раскин-Сарторий следовало уничтожить, – ответил Дрейфус. – Аврора считала это помехой своим планам, вот и решила ликвидировать до захвата системы.

– По-твоему, девять лет назад «Головня» перебралась на Раскин-Сарторий?

– После вашего приказа о прекращении деятельности «Головни» ее персоналу было бы непросто работать в анклав «Доспехов», особенно если бы случилось новое ЧП. Перебираться в другую часть системы рискованно: понадобились бы рейсы, которые не спишешь на текущие мероприятия «Доспехов». Так почему не выбрать другой анклав, до которого рукой подать?

- А Энтони Теобальд тут с какого боку?
- Не знаю, – покачал головой Дрейфус, рассуждавший вслух. – Раньше он был как-то связан с «Головной»?
- Нет, насколько мне известно.
- Тогда получается, ему просто велели держать язык за зубами в обмен на какие-то выгоды. Похоже, ради этих выгод он был готов пожертвовать собственной семьей. Только он один и пережил гибель «пузыря». Полагаю, ваше подразделение имело беспрепятственный доступ к средствам «Доспехов», минуя обычные каналы?
- Как я говорила, все было законспирировано. Если что-то требовалось – материалы, оборудование, консультации специалистов, – вопросы не задавались.
- Тогда, наверное, такой человек, как Энтони Теобальд, пришелся очень кстати.
- Видимо, его заранее предупредили, что «пузырь» уничтожат, – предположила Омонье.
- Либо он просто сообразил, что к чему. Как показало траление, «Головня» покинула «пузырь» в последний момент. Должно быть, получила разведданные, что кто-то приближается к анклаву и разыскивает артефакты Часовщика.
- Аврора, – произнесла Омонье.
- Почти наверняка. Кто бы то ни был, он выкурил «Головню» из убежища. Подозреваю, что ваши бывшие коллеги посоветовали Энтони Теобальду увезти семью, изменить внешность, затаиться на пару веков, а там, глядишь, и след простынет. Но Энтони, очевидно, решил спасти только собственную шкуру.
- И Гаффни его перехитрил.
- Джейн, нужно выяснить, кто сейчас состоит в «Головне». Некий артефакт, который эти люди прятали в «пузыре», перепугал Аврору. Разумеется, я хочу узнать, что это за артефакт.
- Если он до сих пор существует.
- Девять лет назад его не уничтожили. По всей вероятности, и сейчас не уничтожили, а перепрятали. Разыщите того, кто связан с «Головной», – и у нас появится шанс завладеть артефактом.
- Это будет нелегко.
- Других вариантов нет. Джейн, мне нужны имена всех, кто состоял в «Головне» на момент ее роспуска. Вы ведь их помните?
- Разумеется, – ответила Омонье, явно обескураженная самим вопросом. – Что ты намерен делать?

– Разыщу этих людей и задам нелегкие вопросы.

* * *

Талия и Парнасс спустились на самый нижний из открытых этажей шара. Они уже бродили по этим комнатам и коридорам, разыскивая материал для баррикад, но та вылазка особой пользы не принесла. Талия не рассчитывала вернуться в это неприятное место, и уж точно не с вандальским планом, который сейчас занимал ее мысли. Как хорошо, что Парнасс знает, куда идти. День был в самом разгаре, только на мрачный этаж свет почти не проникал.

– Сейчас спустимся еще ниже, – объявил Парнасс, наклонившись, чтобы поднять крышку люка, которую Талия нипочем не заметила бы. – Там, конечно, пыльно, но ничего, потерпишь. Самое главное – не шуми. Через эту часть шара проходят лифт, инфоканал центра голосования и лестница, а между нами и роботами буквально сантиметровый заслон. Вряд ли они поднялись так высоко, но мы не хотим рисковать; верно, дочка?

– Если они поднимутся так высоко, что помешает им проломить стену и попросту обойти баррикады? – спросила Талия.

– Ничто не помешает, если они вобьют это в свои тупые металлические головы. Поэтому нам лучше не шуметь. – Парнасс скользнул под пол и протянул руку Талии.

– Кстати, как отреагировала Мэриэл Редон? – спросила Талия, опуская ноги в темноту.

– Решила, что я издеваюсь.

Стопы Талии коснулись металлического настила.

– А когда вы объяснили, что идея моя?

– Мэриэл передумала. Решила, что над ней издеваешься ты. В итоге я вроде ее уговорил. Сама же понимаешь, лучше не рисковать и с роботами не встречаться.

– Да уж, лучше не встречаться, – с мрачной безнадежностью проговорила Талия. – По-вашему, боевых роботов кто-нибудь еще заметил?

– Вряд ли, – тихо ответил Парнасс. – Катбертсон прилип было к окнам, но я отвел его в сторону, пока он ничего не увидел.

– Вот и хорошо. Люди и так перепуганы. Вам ведь не нужно объяснять, что эти роботы способны сделать с безоружными обывателями?

– Спасибо, воображение у меня и так на высоте. – Фраза доставила Парнассу какое-то мрачное удовольствие. – По-твоему, что они предпримут? Заберутся в башню и, как остальные, будут расчищать лестницу?

– Не обязательно. Эти роботы созданы специально для штурма. Чтобы пробраться в шар, лестница им не нужна. Они и снаружи залезут, даже если придется построить осадную башню из собственных тел.

– Пока они никуда не лезут.

– Наверное, оценивают ситуацию, решают, как быстрее нас одолеть. Только вечно мешкать не будут. Лучше покажите, где мне резать.

– За мной! – шепнул Парнас и наклонил голову Талии, чтобы не стукнулась о потолочную балку. – Да, очки свои надень, – добавил он.

– А вы как?

– Я дорогу знаю.

Талия надела очки. Усилитель изображения ткнул ей в глаза зернистые силуэты. Она активизировала инфракрасный оверлей, сосредоточилась на шарообразном силуэте Парнассы и пошла по его следам, словно пересекала минное поле. Стараясь не шуметь, они преодолели целый лес перекрещивающихся балок и энергопроводов и добрались до трех служебных шахт. Это место Парнас уже описывал. Талия не сомневалась, что они у основания шара, – видела, как изгиб его оболочки соединяется с верхушкой башни. Вокруг пучка служебных шахт стояли массивные подпоры. Над головой у Талии они изгибались арками и уходили в разные стороны. Парнас молча коснулся одной из похожих подпор. Она оказалась не тоньше бедра Талии.

– Здесь резать? – спросила она шепотом.

– Здесь, но не одну балку, – так же шепотом ответил Парнас. – Их восемнадцать. Хочешь снести шар – нужно перерезать как минимум половину.

– Девять! – прошипела Талия.

Сайрус поднес палец к губам.

– Хватит четырех-пяти по разные стороны от этого пучка. Потом надрежешь еще по парочке с каждой стороны. Мы ведь хотим, чтобы шарик упал, куда нам нужно.

– Понятно, – буркнула Талия, досадуя, что сама до этого не додумалась.

– Дать волшебный меч?

– Да, самое время.

Парнас вручил ей толстый сверток. Вместе они размотали изоляцию,

потом заново обернули ею раскалившуюся рукоять хлыста. Пальцы снова дрожали, но Талия стиснула поврежденную ищейку, молясь, чтобы она в последний раз выпустила хвост.

Ну вот, можно резать.

* * *

Неведомые возможности собственного разума уже не впервые изумляли и пугали Омонье. В течение девяти лет она почти не вспоминала членов «Головни», но сейчас память выдала их имена со скоростью раздаточного автомата хорошей конструкции. Джейн продиктовала имена Дрейфусу, и тот занес их в компад, вися на конце ограничителя. Том царапал как курица лапой – всегда казалось, что пишет он с трудом, словно руки у него для этого не приспособлены.

Закончив, Дрейфус оставил Джейн наедине с воспоминаниями. Тем временем боевые роботы класса «Долгоносик» бесчинствовали на золоченых площадях «карусели» Нова-Бразилия.

Многие общедоступные инфоканалы уже заблокированы, но, пока долгоносики не доползут до центра голосования, анклав не будет отрезан от внешнего мира полностью. Камеры не утратят бесстрастной бдительности до самой последней минуты, даже если улицы покроет кровавая слякоть, которую мгновенно впитает коммунальное супервещество.

Проникнув в герметичную среду «карусели», боевые роботы продвигались очень быстро. Густой темной массой они текли по проулкам и наклонным переходам, с бешеной скоростью работая конечностями. Неудержимые реки мельтешащего металла неслись по улицам и площадям. Казалось, на центральные улицы и бульвары анклава вылили комковатую черную смолу, которая разъедает угодивших в нее людей. Движение выглядело неорганизованным, чуть ли не хаотичным, пока Омонье не рассмотрела долгоносиков в ускоренном режиме машинного восприятия. Тогда она поняла, что захватчики тщательно систематизированы, сгруппированы и максимально эффективны. Людей они уничтожали с безжалостной точностью, но лишь когда встречали отпор. Тех, кто не сопротивлялся или в панике убегал, не трогали, если они не мешали продвижению. Местных дружинников, заметных по нарукавным повязкам, как всегда при ЧП, мобилизовали из гражданского населения. Они и несли

самые большие потери. Оружие несмертельного действия против роботов было совершенно бесполезно, но дружинники отчаянно пытались сдержать натиск долгоносиков, стреляя в них парализующей пеной и липкой сетью. Дружинники использовали свои особые полномочия и строили временные баррикады из доступного супервещества, но получалась лишь бесполезная суэта. Долгоносики пробирались через баррикады, как через паутину. Большинство дружинников, отстреляв боекомплект или соорудив баррикаду, разбежались. Тех, кто оборонялся, ждала предсказуемая участь. Убивали их быстро, можно сказать, гуманно.

Омонье вспомнила слова Бодри о том, что в память долгоносиков загружены сведения о человеческой анатомии. В действиях роботов не было садизма, но от этого захват анклава не казался менее ужасным.

Центр голосования «карусели» Нова-Бразилия находился в самом сердце атриума с невероятным количеством этажей, соединенных пешеходными мостиками без перил. Там дружинники всего анклава собрались, чтобы держать последний рубеж. Они заняли позиции вокруг центра, контролируя каждый мостик. Помимо обычного несмертельного оружия, отдельные храбрецы достали из аварийных арсеналов кое-что посерьезнее. На виду у Омонье три дружинника прилаживали защитный экран к пушке на треноге. Пока они готовили пушку, долгоносики уже заползли на мостики и в соседние галереи. Пушка беззвучно выстрелила, изрыгнув низкоскоростной снаряд со шлейфом розового дыма. Никакой практической пользы выстрел не принес. Долгоносики создавались для боев в вакууме, они могли выдерживать прямое попадание высокоэнергетических импульсов и снарядов проникающего действия. Снаряд сбросил пару роботов с мостков, только что такое пара по сравнению с такой оравой? Слишком поздно дружинники вспомнили, что им разрешено ломать конструкции. Несколько человек отважно бросились на мостики, чтобы прямо там отдать нужную команду. Мостики рвались, как растянутая ириска. Увы, было уже поздно. Долгоносики быстро заполнили бреши собственными телами, другие поползли по ним. Роботы сбрасывали отступающих дружинников – те падали с беззвучными криками.

Долгоносики поползли к центру голосования. Омонье смотрела до самого конца, пока дисплей не заполнился помехами и каскадом сообщений об ошибках.

«Доспехи» потеряли «карусель» Нова-Бразилия. Аврора захватила пятый анклав.

Омонье переключилась на Дом Фламарионов, где долгоносики только проникали во внутреннюю среду. Повлиять на конечный итог Джейн

не могла, но что-то заставляло ее смотреть, словно бесполезному, но отважному сопротивлению дружинников требовался свидетель.

Вскоре Аврора получила шестой трофей.

Глава 24

С тех пор как Дрейфус ушел из камеры, он впервые попал к себе в отсек. Том знал, что судмедэксперты очистили помещение с обычной тщательностью – до последнего атома удалили останки Клепсидры, не переработанные супервеществом. Тем не менее Дрейфус не мог избавиться от мысли, что это временно отведенное ему пространство – сейчас оно использовалось как гостиная – впитало грязь чудовищного преступления. В его отсутствие сюда наведальась смерть. Она провела рукой по его мебели, похозяйничала и оставила кислый мертвецкий запах, ощущавшийся, скорее, подсознательно.

Дрейфус создал себе горячий крепкий кофе, окунувшись в облако горького аромата, сел в любимое кресло и включил компад. Он в первый раз просматривал имена, которые надиктовала Джейн, и даже сейчас наклонил компад к груди, словно кто-то мог заглянуть через плечо. Жест был чисто подсознательный, равно как и ощущение запаха смерти, но Дрейфус не удержался. Он чувствовал скрытый подвох, даром что занимался делами «Доспехов», а имена услышал от верховного префекта.

Том глотнул кофе. Крепчайший напиток устремился в горло, и на миг Дрейфус забыл Клепсидру.

Имен было восемь. Дрейфус не сомневался: это список персонала «Головни» в первоначальном виде, не считая самой Омонье. Он знал всех, хотя иных не в лицо. «Доспехи» разделены на команды, каждый полевой префект тесно работает только со своими помощниками. Команды почти не общаются между собой, выполняя конкретные полевые задания. В результате члены разных команд годами не встречаются друг с другом.

Тем не менее Дрейфус знал по именам всех восьмерых, а пятерых – в лицо, хотя точно не описал бы.

Дрейфус перечитал список, проверяя, не упустил ли очевидного:

Лансинг Чен (ПП-III)
Ксавье Воллотон (МПП-III)
Элоиза Дассо (МПП-I)
Риоко Чадвик (ПП-I)
Маррей Вос (ПП-II)
Саймон Вейч (ПП-II)
Пола Сааведра (ПП-III)

Джилберт Нерр (МПП-II)

Никаких звончков в мозгу. С каждой секундой Дрейфусу все больше казалось, что он хотя бы примерно помнит внешность не пятерых, а всех восьмерых. Особенно Вейча: почему-то это имя врезалось в память сильнее остальных. Вот только ни задания, ни учения, в которых Том участвовал вместе с этими людьми, не вспоминались. Лица, словно наброски портретов, окружала бесконтекстная неопределенность.

«Что теперь?» – подумал Дрейфус.

Лишь имя Вейча вызвало что-то похожее на эмоции, больше ни один префект на роль отправной точки не годился. Впрочем, было бы очень кстати, если хоть кто-то из них оказался на «Доспехах».

Дрейфус воспользовался допуском «Панголин» и прокачал все восемь имен. Браслеты разыскивали префектов на «Доспехах», по графикам заданий и маршрутам перелетов определяли, чем они заняты за пределами анклава. Безошибочной утилиту не назовешь – Гаффни это доказал, – но вариантов не было. К тому же Дрейфус надеялся, что префект, исполняющий обязанности Гаффни, работает на «Доспехи», а не против них.

Ответы пришли чуть ли не моментально, со свежими снимками и отрывками биографий.

Шестеро из восьмерых, включая Вейча, находились за пределами «Доспехов» по вполне правдоподобным поручениям. Оставшиеся двое, Лансинг Чен и Пола Сааведра, предположительно были на астероиде – коротали обычное окно между заданиями. Понадобилась дополнительная доза «Панголина», чтобы выяснить, чем Сааведра и Чен занимались последние несколько дней. Ничего удивительного не обнаружилось. Как и большинство префектов, пока не получивших задания первостепенной важности, эти двое устранили разногласия между Блистающим Поясом и парковочным сектором. Работали они по трехсменному графику. Дрейфус не мог ручаться за этих двоих, но большинство вернувшихся на «Доспехи» нуждались в отдыхе.

Допуск «Панголин» показал ему графики сна. Сейчас и Чену, и Сааведре следовало бодрствовать. Опять через «Панголин», но в этот раз сильно рискуя засветиться, Дрейфус приказал системе разыскать обоих префектов. Напрасно он надеялся на тет-а-тет: Чен и Сааведра сидели вместе в столовой. Что же, придется начать в столовой.

Дрейфус допил кофе и швырнул кружку на пол.

* * *

У входа в столовую Дрейфус задержался и оглядел префектов, собравшихся пить, есть, обмениваться профессиональными сплетнями и просто коротать время между сменами. Столы, в основном незанятые, стояли длинными рядами, которые вслед за полом чуть заметно изгибались вверх. Как в отдельные циклы рабочих смен, свет в столовой приглушили до расслабляющего «свечного». Префекты, все до одного в форме «Доспехов», большей частью сидели за столами и напоминали сгустки тьмы. Другие с подносами и чашками возвращались от раздаточной стойки. Третьи парами пристроились к дисплеям, облепившим стены. Обычно здесь читали отчеты о расследованиях и протоколы текущих мероприятий, чтобы получить представление о работе коллег, но сейчас на дисплеях анализировалось противостояние с Авророй. Часть дисплеев заполнили полиэкранные изображения шести захваченных анклавов, исключительно внешние, ведь действующих инфоканалов не осталось. Часть показывала долгоносиков в разных ракурсах и попытки сдержать их в космосе. В столовую подавалась только основная информация о кризисе, личность Авроры как стратегическую тайну знали исключительно имеющие допуск «Панголин» – но все понимали: ситуация серьезная.

Все, включая Чена и Сааведру. Их Дрейфус разглядел за последним столиком в углу, вдали от других. Подавшись друг к другу, они так напоминали испуганных заговорщиков, что у Дрейфуса не осталось сомнений: эта пара из «Головни». Тревожились и другие префекты, но у них перипетии кризиса вызывали скорее азарт: вдруг удастся себя проявить и подняться по карьерной лестнице? Чен и Сааведра источали только страх, как тайные любовники, уверенные, что их вот-вот разоблачат.

Дрейфус пробрался через зал к ближайшей раздаточной стойке. Буфетчицу в фартуке за нее поставили не случайно. В столовую префектов гнала глубоко укоренившаяся потребность получать еду из человеческих рук и питаться в компании. Пищу, возможно, готовили из тех же переработанных супервеществом отходов, но, по крайней мере, подавали ее люди, на теплых фарфоровых тарелках.

Дрейфус попросил лишь яблоко и стакан воды. По пути от стойки он вытирал яблоко о брюки. Том лавировал между столами, на приветствия отвечая рассеянным кивком.

Чен и Сааведра до сих пор его не заметили. То, что издали казалось ссорой любовников, на самом деле было ожесточенным спором. Оба

говорили шепотом, но выражения лиц и напряженность жестов выдавали их с головой. Сначала Дрейфус удивился, что эти двое выясняют отношения в столовой, а не в личных отсеках. Потом сообразил: если от них потребуют объяснений, встречу в столовой легко списать на случайность.

Дрейфус обогнул стол, оказался к парочке ближе всех и с хрустом надкусил идеально круглое изумрудное яблоко.

Когда Чен поднял голову, у него на лице отразилось не столько удивление, сколько обида на Дрейфуса, осмелившегося прервать беседу с глазу на глаз. Широкое скуластое лицо, густые черные волосы, разделенные на пробор, – Лансинг был еще молод.

– Здравствуйте, префект! – поприветствовал он вполне дружелюбно, но не настолько, чтобы Дрейфус счел это приглашением за стол.

– Привет, Лансинг! – Дрейфус снова куснул яблоко. – Не возражаешь, если я к вам присоединюсь?

Пола Сааведра зыркнула на Дрейфуса с откровенной враждебностью. Тощая, она напоминала деревянную куклу на шарнирах – такую художник использовал бы вместо модели-человека. Бледная как смерть, она словно выцвела на ярком свете. То же самое с глазами: они казались бесцветными, даже окраску радужки не определить.

– Префект, вообще-то...

Тут за спиной у Дрейфуса раздались шаги, на плечо легла чья-то рука.

– Том, как хорошо, что я тебя разыскал! Без «Панголина» не обошлось. Я с трудом поверил, увидев, что ты в столовой.

Дрейфус раздраженно обернулся и увидел худого как щепка Демихова.

– Доктор, – негромко заговорил Дрейфус, – если позволите... Я тут кое-что раскопал.

Демихов понимающе кивнул.

– Том, мы тоже раскопали. Только нам с тобой нужно срочно побеседовать. Дело серьезное.

Дрейфус взгляделся в изможденное лицо доктора. Демихов никогда не сгущал краски. Значит, дело и впрямь нешуточное.

– О чем речь? – по-прежнему тихо спросил Дрейфус.

– Не о чем, а о ком. Попробуй угадать.

– О Джейн?

– Есть сдвиги, и, увы, не к лучшему. Нужно принять непростое решение, и я хотел посоветоваться с тобой. Срочно, Том. Жду тебя в Лаборатории сна, ладно?

– Все в порядке, префект, – заверил Лансинг Чен и поднялся, со

скрипом отодвинув стул от стола. – Мы с Полой и так собирались уходить.

– Я хотел бы с вами поговорить. Встретимся здесь же через час. – Дрейфус постучал по своему браслету.

– Что-то случилось, полевой префект Дрейфус? – поинтересовался Чен, намекая, что Том не старше его по званию.

– Да, кое-что случилось. Через шестьдесят минут мы с вами об этом поболтаем. – Том повернулся к женщине. – И с вами тоже, полевой префект Сааведра.

Парочка бросилась прочь из столовой, оставив поднос с едой на столе.

– Том, прости, что помешал, – сказал Демихов.

Дрейфус швырнул огрызок на поднос Чена и залпом выпил воду.

– Честное слово, я не стал бы тебя дергать, не будь дело архиважным.

* * *

– Как держалась Джейн при вашем последнем разговоре? – спросил Демихов, когда привел Дрейфуса в Лабораторию сна.

Том поскреб затылок.

– По сравнению с чем?

– С предыдущим разом или с прошлой неделей.

– Джейн была расстроена. Неудивительно, ее же с должности сместили. – Дрейфус примирительно поднял руку. – Не беспокойтесь, доктор, я ни в чем вас не обвиняю. Вы просто выполняли свою работу, охраняли здоровье Джейн. Представляю, как на вас давил Гаффни.

– Не только Гаффни, но и Криссел с Бодри.

– Ну, Криссел уже искупил свою вину. С Бодри я согласен далеко не всегда, но в недобросовестности ее не упрекнешь.

– Вернемся к Джейн. Ничего особенного ты не заметил? Повышенный уровень стресса, например?

– Так, проведем экспресс-анализ ситуации. Мы уже потеряли шесть анклавов, четыре из которых обладают производственными возможностями. В ближайшие двадцать шесть часов, а то и раньше, враг готов захватить еще четыре анклава. Вскорости число потерянных нами анклавов удвоится, потом утроится. Мы проводим массовую эвакуацию, чтобы расчистить зону вокруг захваченных анклавов и выпустить торпеды на те самые объекты, которые должны защищать. Вероятно, к моменту атаки там останутся люди. Тем временем префектов и технику мы теряем с

головокружительной скоростью. В общем, да, можно сказать, что уровень стресса у Джейн чуть выше обычного.

– По-моему, нам пора действовать.

– Только не сейчас, – возразил Том. – Давайте сперва с Авророй разберемся.

– Скарабей снова изменил тактику. Джейн тебе не говорила?

– Нет, – осторожно ответил Дрейфус.

– Один из зубцов он вонзил глубже и ощутимо давит Джейн на позвоночник.

Дрейфус вспомнил последний разговор с Омонье.

– Непохоже, чтобы ей было больно.

– Джейн умело скрывает боль. Это пока не агония, но в последнее время скарабей меняется все быстрее. Он предупреждает нас, Том. Времени осталось немного.

– Но ведь с нашего последнего разговора прошло всего несколько дней. Тогда у вас не было стратегии, никаких идей насчет того, чтобы снять скарабея быстрее, чем за четыре десятых секунды. Хотите сказать, успели придумать что-то новое?

Демихов потупился:

– Том, полностью я тебе не открывался. Мы с самого начала держим про запас надежный вариант, который позволит снять скарабея, прежде чем он нанесет ответный удар.

– У вас был лишь план «Танго», – покачал головой Дрейфус. – Вы не укладывались в четыре десятых секунды, не говоря уже о том, чтобы выйти из них.

– У нас давно есть нечто быстрее «Танго». Мы держим этот план в запасе и почти не обсуждаем с тех пор, как проработали его вчерне. Хотелось придумать что-то лучше, но не вышло. Ждать больше нельзя. Таким образом, Том, у нас остается три варианта.

– Какие именно?

– Первый вариант: мы ждем и надеемся, что скарабей не сделает свое дело. Вариант два: план «Танго». Все тесты, в том числе проведенные на прошлой неделе, говорят, что «Танго» позволит удалить скарабея за сорок девять сотых секунды. Те же тесты не оставляют сомнений: этого времени скарабею хватит на любую гадость.

– Погрешность-то небольшая, – заметил Дрейфус. Они давным-давно условились ничего не предпринимать, пока удаление не выйдет из интервала в четырех десятых секунды. – Ну а третий вариант?

– Мы называем его «Зулус» и считаем аварийным.

– Что же это?

– Отсечение головы, – ответил Демихов.

– Вы шутите?

– Мы досконально изучили скарабея и составили план, который может сработать.

– Может?

– Том, гарантий нет. Речь о пациентке, которую уже одиннадцать лет мы наблюдаем с расстояния семи с половиной метров.

Дрейфус понял, что вымещает раздражение на несчастном Демихове, который отдал одиннадцать лет жизни попыткам спасти Джейн Омонье.

– Ладно, просто объясните. Почему отсечь Джейн голову лучше, чем прямо сейчас прострелить скарабея? И как хирурги к ней приблизятся, чтобы провести ампутацию?

Демихов подвел Дрейфуса к одной из перегородок, разделявших центральную часть Лаборатории сна. Перегородка пестрела схематическими изображениями пациентки и устройства, прикрепленного к ее затылку.

– Давай по порядку. Насильственное удаление скарабея – если хочешь, называй это прострелом, – мы не исключали с самого первого дня. Но нас всегда беспокоило, что скарабей способен навредить Джейн даже вне физического контакта с ней.

Они это уже обсуждали, но Дрейфусу хотелось освежить воспоминания.

– Как это?

– С помощью взрывного устройства, например. Мы уверены, что антивещества в скарабее нет. Но вдруг части, которые нам не удалось рассмотреть, Часовщик начинил обычной взрывчаткой или пружинными режущими механизмами?

– Они опасны для Джейн?

– Не исключено. Ты же видел, что он встраивал в часы. Если поместить скарабея за аналог защитного экрана, пациентке он не навредит. Так мы убьем сразу двух зайцев.

– Двух зайцев? Боюсь, я не понимаю, о чем вы.

Демихов постучал пальцем по схеме. Дрейфусу показалось, что он сто раз видел эту картинку, только должного внимания не обращал. Врач продемонстрировал ему профиль отсека, в котором парила Джейн.

– Ты наверняка заметил желоб вокруг пузыря, – сказал Демихов.

– Я думал... – Дрейфус осекся.

На самом деле он думал, что кольцевидное устройство к самому

пузырю не относится.

– Это мы поставили желоб. Расчистили пространство для маневра, опасаясь, что однажды придется использовать «Зулуса».

– Что сейчас в желобе?

– Ничего. Это пустое кольцо вокруг отсека-пузыря. Все необходимое для «Зулуса» готово и хранится в другом месте.

– Покажите.

Одно прикосновение Демихова – и схема наклонилась. Теперь они видели пузырь и желоб сверху, а не в профиль. Цепочка блочных конструкций входила в отверстие желоба и обвивала пузырь – получалось что-то вроде толстого колючего ожерелья.

– Что это?

– Гильотина, – невозмутимо ответил Демихов. – Когда установим все элементы, они протолкнут режущие детали сквозь стену отсека. В определенных местах стену мы утончили, так что внутри менять ничего не нужно. Все произойдет очень быстро. Лезвия выдвинутся и рассекут пузырь за две десятых секунды, то есть за пределы допустимой погрешности мы не выйдем.

Схема снова показала профиль отсека-пузыря. В центре возникла парящая фигура. Красная линия разделила её шею пополам, потом резаки прошли сквозь стену и оторвали голову от тела. Теперь голова плавала в одной половине отсека, тело – в другой.

– Резать будем достаточно высоко, чтобы отделить скарабея, – пояснил Демихов. – Между подчелюстным треугольником и подъязычной костью. Если повезет, рассечем между третьим и четвертым шейными позвонками. Скарабей останется на нижней части. Пусть даже он взорвется, сомкнувшиеся резаки образуют защитный экран.

– Что будет с телом Джейн? – спросил Дрейфус.

– Тело нас не волнует. Отрастим ей новое или починим старое и прикрепим голову. Крайне важно сохранить голову. Хороший, чистый срез – гарантия того, что Джейн выживет.

Дрейфус чувствовал: он пропустил что-то важное.

– Хирургов-то к ней все равно придется завести. Джейн нужно готовить к операции.

– Нет, не нужно.

– Не понял.

– Том, я не стану готовить Джейн, потому что не могу. Нельзя ее анестезировать: скарабей ждет именно этого. Если Джейн узнает о предстоящих испытаниях, стрессовый уровень подскочит выше крыши.

Единственный вариант – сделать все быстро, без предупреждения. – Демихов увидел выражение лица Дрейфуса и кивнул. – По-моему, до тебя дошло. Теперь ты понимаешь, почему этот вариант с самого начала считался запасным.

– Это кошмар. Такого допустить нельзя.

– Послушай! – повысил тон Демихов. – Одиннадцать лет в отсеке – сущий ад для Джейн. Что бы мы ни сделали ради избавления от скарабея, с этой пыткой оно не сравнится. Мы не предупредим, и Джейн не успеет испугаться. Лезвия сомкнутся, и верхняя часть пузыря будет наша. Туда мы зашлим реанимационную бригаду. Хирурги стабилизируют Джейн и приладят ей тело.

– Сколько времени пройдет?

– До запуска бригады? Считанные секунды. Нам нужно лишь подтверждение, что в полусфере чисто и что скарабей не оставил сюрпризов. Убедимся и запустим префектов.

– Джейн будет в сознании?

Вопрос заметно взволновал Демихова.

– Да, согласно расчетам... Но я бы им не доверял. Столь же вероятно, что за пять-семь секунд шок от кровопотери вызовет глубокую кому. Клиническую смерть, если угодно.

– Но гарантий нет. Вы не можете ручаться, что после того, как сработает гильотина, Джейн ничего не почувствует.

– Нет, – покачал головой Демихов, – не могу.

– Доктор, ее нужно предупредить.

– Джейн всегда говорила, что для отделения скарабея ее согласия не требуется.

– Но ведь подослать робота, чтобы обезвредил скарабея, – одно, а тут другое, – возразил Дрейфус. – Такая операция может вызвать страдания куда сильнее тех, что Джейн готова вынести.

– Согласен полностью. Однако считаю, что именно поэтому нельзя говорить ей ни слова.

Дрейфус снова взглянул на проекцию и вспомнил красную линию, рассекающую шею Джейн чуть выше места, где сидит скарабей.

– Лезвия зафиксированы, да? Их неотрегулируешь, если Джейн окажется не на той высоте?

– Именно так.

– Как же вы отрежете в нужном месте?

– На дверь мы установим лазер. Маленький, Джейн его не заметит. Лазер проведет линию через тело Джейн, покажет, где пройдут заточенные

сегменты.

– Проще говоря, где вы отрежете ей голову.

– Спасибо за подсказку, Том, но я прекрасно понимаю, что мы тут обсуждаем. Серьезность ситуации я осознаю целиком и полностью.

– Что случится, если лазерная линия пройдет не в нужном месте?

– Мы подождем, – ответил Демихов. – Джейн то поднимается, то опускается. Порой она сама по воздуху плывет, порой ее смещают сквозняки. Рано или поздно линия пройдет там, где нужно. – Демихов в упор посмотрел на Дрейфуса. – На кнопку нажму я. Не робот, а именно я решу, когда выпустить лезвия.

– А что с реаниматорами?

– Мы собрали три бригады. Одна постоянно будет в полной готовности.

Дрейфус замялся. Логика просматривалась, а нравится или не нравится – другое дело.

– Вы со старшими префектами советовались?

– Я поставил их в известность и получил добро.

– Тогда моего согласия не требуется.

– Не требуется, но я хочу его получить. Джейн доверяет тебе, как никому другому. Даже больше, чем мне. С самого начала было ясно: зеленый свет мне даешь ты. Том, для Джейн ты как сын. У скольких полевых префектов есть допуск «Панголин»?

– Вроде бы только у меня, – честно ответил Дрейфус.

– Джейн хотелось бы, чтобы последнее слово осталось за тобой. – Демихов пожал плечами, мол, он сделал все, что мог. – Медицинскую сторону дела я тебе изложил. Если дашь согласие, в течение тринадцати часов мы установим лезвия. Через тринадцать часов десять минут Джейн сможет покинуть свой пузырь.

– А если скажу «нет»?

– Воспользуемся планом «Танго». Бездействовать нельзя, в нынешней ситуации это преступная халатность.

– Мне нужно время, чтобы все обдумать. Зря вы сразу не рассказали, я бы успел во всем разобраться.

– По-твоему, так лучше? Ты выслушал бы меня, решил, что дело неприятное, и выбросил бы его из головы: спешить-то некуда.

Дрейфус хотел возразить, только Демихов попал в точку. Порой о кошмарах заранее лучше не знать и разбираться с ними, когда припрет.

– Мне все равно нужно время. Хотя бы час. Потом начинайте установку.

– Я солгал, Том, – тихо признался Демихов. – Установка уже начата. Но час я тебе дам. – Демихов повернулся к разобранной модели скарабея, будто только что заметил какую-то деталь. – Ты знаешь, где меня найти. Спать я не буду, как и Джейн.

Глава 25

Дрейфус выбирался из лаборатории, когда зазвонил браслет. Спарвер!
– Шеф, бегите сюда со всех ног! Я поймал двух юрких рыбок, которые едва не уплыли.

– Спасибо, уже бегу, – отозвался Дрейфус, радуясь, что не растерялся и поручил Спарверу следить за Ченом и Сааведрой.

Спарвер задержал парочку в стыковочном узле, который был носом «тыквы». К тому узлу причаливали катера и корветы, а гражданские корабли и внутрисистемные крейсера – к другим узлам. Сотрудники «Головни», будучи полевыми префектами, нередко пользовались кораблями малой и средней мощности, следовательно, были хорошо знакомы обслуживающему персоналу узла. Чтобы взять корабль, требовалось разрешение, но Чен с Сааведрой уговорили техников пустить их на катер, который только что поставили на заправку и перевооружение. Они заканчивали предполетную проверку, когда Спарвер перекрыл им дорогу, заблокировав ворота узла.

Дрейфусу следовало отчитать персонал, пропустивший префектов на катер без надлежащего разрешения, но пока он думал лишь о том, как бы выжать из неудачливых беглецов нужную информацию. Чен и Сааведра так и сидели в катере, катер так и стоял на пусковой платформе, а ворота так и пребывали на запоре.

– Висеть у них на хвосте было непросто, – признался Спарвер, паривший в стыковочном коннекторе у скафандростены катера. Сопровождали его два префекта Службы внутренней безопасности с хлыстами наголо. – Для заурядных полевых префектов эти двое слишком ловкие.

– Они не заурядные полевые префекты, – ответил Дрейфус. – Это лишь ширма для основной деятельности. Чен и Сааведра принадлежат к сверхсекретному подразделению под названием «Головня». Джейн распустила его девять лет назад, но подчиненные решили иначе. Целых девять лет они продолжали работать без ее ведома.

– Какие наглецы!

– Наглее, чем ты думаешь. «Головня» связана с трагедией Раскин-Сартория. – Дрейфус отстегнул хлыст и жестом велел Спарверу сделать то же самое. – Давай вытащим их из катера. Не вечно же держать узел закрытым.

Они разблокировали перегородку и вошли: Дрейфус первым, Спарвер следом. Том снова заблокировал перегородку, а префекты Службы внутренней безопасности остались сторожить, чтобы сотрудники «Головни» не улизнули обратно на «Доспехи».

На катере, как на любом маленьком корабле, особо не спрячешься. Двигатели работали, но освещение в кабине почти отсутствовало. Дрейфус полез было в карман за очками, но вспомнил, что оставил их в своем отсеке, прежде чем отправиться в столовую.

– Говорит Том Дрейфус! – крикнул он вглубь катера. – Вам обоим известна моя репутация. Вы никуда не полетите, так что давайте спокойно побеседуем.

Ответа не последовало, и Дрейфус попробовал снова:

– Не надо меня бояться. Я знаю о «Головне», знаю о ваших служебных полномочиях и понимаю: вы действовали, считая, что это справедливо по отношению к «Доспехам».

Ответа снова не последовало. Дрейфус глянул на Спарвера и двинулся дальше, в сторону кабины. Том уловил бледно-голубое сияние приборной панели, сочившееся из-за перегородки между палубой и смежной каютой.

– Я не собираюсь наказывать вас за последствия поступков, совершенных, как вам казалось, во благо Блистающего Пояса. – Дрейфус сделал паузу. – Но мне нужны факты. Я знаю, что «Головня» использовала Раскин-Сарторий вплоть до момента его гибели. Когда-нибудь вам придется ответить за свои ошибки. Вы держали в секрете исследования, которые вели в этом анклав. Это ошибка, причем серьезная, но в преднамеренном убийстве вас никто не обвиняет. Меня интересует лишь, почему «пузырь» был уничтожен. «Доспехам» сейчас нужно то, чего боится Аврора. Очень нужно!

Наконец из-за перегородки послышался голос:

– Ты ничего не понимаешь, Дрейфус. Совершенно ничего не понимаешь.

Голос был женский, значит говорила Сааведра.

– Так поправьте меня, объясните. Давайте, я готов слушать.

– Мы не просто с артефактами работали, – сказала Пола Сааведра. – Мы работали с самим Часовщиком.

Дрейфус припомнил все, что слышал от Джейн Омонье.

– Часовщика больше нет.

– Все считают, что Часовщика уничтожили, – продолжала Сааведра. – Но он оставил множество артефактов. Сувениры вроде часов в Лаборатории сна, скарабея на затылке у Джейн, другие штуковины. Мы их

изучали. Считали, что это игрушки, головоломки, недобрые пустячки. В основном так и было, за исключением артефакта, который мы открыли девять лет назад.

– Что за артефакт?

– Часовщик инкапсулировался, поместил свою суть в один из артефактов. Одиннадцать лет назад он почувствовал, что к нему приближаются «Доспехи», и уцелел, обманув нас. Сжавшись в семечко, он ждал, когда мы его разыщем. – Не дав Дрейфусу вставить слово, Сааведра продолжила: – Ему пришлось отбросить значительную часть себя, смириться с интеллектуальным и физическим ослаблением. Часовщик сделал этот шаг сознательно, потому что не оставалось выбора, а еще потому, что он не сомневался: в будущем вернет все утраченное.

Дрейфус чуть приблизился к кабине.

– И мы... вы помогли ему?

– По ошибке. Когда мы реактивировали Часовщика, он был очень слаб и беспомощен в сравнении с прежней ипостасью. Но даже в таком виде едва не победил.

– Джейн полностью владела информацией? – спросил Дрейфус, недоумевая, почему в разговоре не участвует Лансинг Чен.

– Ей сказали, что взбесился один из артефактов. Что из могилы восстал сам Часовщик, мы не уточнили. Не хотели ее расстраивать.

– Но Джейн все равно прикрыла вашу лавочку.

– Может, правильно сделала, только мы, естественно, не согласились. «Головня» понесла страшные потери, но мы чувствовали, что, как никогда, близки к раскрытию сущности Часовщика. Мы, уцелевшие, верили: от нашего открытия зависит безопасность Блистающего Пояса. Нам следовало выяснить: что такое Часовщик и откуда он взялся, дабы в будущем ничего подобного не появлялось на свет. Префект Дрейфус, мы считали это своим моральным долгом. Поэтому и решили не распускаться. «Головня» и так была сверхсекретным подразделением – понадобилось совсем немного усилий, чтобы выйти на новый уровень секретности и скрыться даже от контроля Джейн.

– Что же вы выяснили, Пола?

– Не подходите ближе, префект Дрейфус!

Она еще не закончила фразу, а Дрейфус увидел кабину, благо дверь оставили открытой. Поверхностное натяжение превратило капли крови в облако идеально круглых алых шариков. Лансинг Чен, пристегнутый к правому пилотскому креслу, был мертв. Горло ему перерезал хлыст-ищейка, который держала Пола Сааведра. Она пристегнулась к левому

креслу пилота и развернулся вместе с ним лицом к Дрейфусу и Спарверу. Пола сидела нога на ногу, в правой руке хлыст, левая над подсвеченными голубым рычажками приборной панели.

– Зря ты убила Чена, – заметил Дрейфус, крепче сжимая хлыст.

– Соедините меня с Мерсье, – проговорил в свой браслет Спарвер. – У нас тут ЧП. Срочно нужны реаниматоры.

– Я не хотела его убивать, – с неприкрытой угрозой проговорила Сааведра. – Чен был хорошим человеком и верно служил «Головне» до самого конца. Разве он виноват, что начал сомневаться?

– В чем сомневаться?

– Уничтожение Раскин-Сартория не понравилось никому из нас, но большинство сочли это досадной неизбежностью – вроде военных потерь. Большинство, но не Чен. Он решил, что мы перегнули палку, что девятьсот шестьдесят жизней – слишком высокая цена для безопасности. Он решил, что нам пора выйти из тени.

– Он был прав.

Кончик хлыста у Сааведры блестел багровым.

– Нет, не был. Сейчас важнее всего найти новое убежище Часовщика.

– Согласен целиком и полностью. Аврора не должна разыскать Часовщика, а вот «Доспехам» эта информация нужна как воздух.

– При нормальном раскладе я не спорила бы. Но «Доспехи» скомпрометированы. Кто-то долго рыскал и подбирался к «Головне». Наверное, тот же самый тип устроил атаку на Раскин-Сарторий.

– Старший префект Гаффни. Он уже вышел из игры. Я лично этим занимался, так что можешь мне довериться.

– Неужели? Ты ухитрился разыскать нас, Дрейфус. Откуда мне знать, что ты не преемник Гаффни?

– В какой-то мере преемник. Пола, зачем ты убила Чена?

– Объяснила же: в последний момент он струсил. Решил остаться здесь и покаяться перед «Доспехами». Я не могла этого допустить, как не могу допустить, чтобы ты меня задержал.

– С тобой ничего плохого не случится, – пообещал Том, но если прежде он говорил откровенно, то сейчас лукавил.

Убийство сослуживца – поступок непростительный.

– Даже если я совершу самоубийство, вы протралите мой труп и выясните, где спрятан Часовщик. Поэтому я должна улететь. Дрейфус, ты видишь мою левую руку?

Он кивнул:

– Ты неспроста ее так держишь.

– На катер я села с четырьмя ищайками. Они в режиме гранаты максимальной мощности и управляются с этой панели. Хлысты надежно спрятаны, искать бесполезно.

– На территории «Доспехов» хлысты не детонируют. Сработает позиционная блокировка.

– Я сняла ее без малейшего труда. – Сааведра разочарованно покачала головой. – Префект, я же из «Головни». Представь, на какие меры мы шли целых девять лет, чтобы и прятаться, и эффективность сохранять. Хитростями и уловками владеем в полном объеме.

– Пола, не делай этого. Стыковочный узел нам нужен целым.

– Если не помешаешь мне улететь, гранаты не сдетонируют. Попробуешь остановить – рука у меня не дрогнет. Взрыв не нанесет анклаву серьезного ущерба, хотя стыковочный узел из строя, наверное, выведет. Главное – от меня не останется ничего, что можно протралить.

– Мне нужно выяснить, где сейчас Часовщик, – не унимался Дрейфус.

– Я не рискну тебе довериться. «Доспехи» надежными я больше не считаю. «Головня» – единственное подразделение, способное заниматься серьезными делами.

– Раз считаешь, что мне нельзя доверять, зачем сказала, что Часовщик еще жив?

– Я сказала лишь то, что уже известно Авроре. А теперь, префекты, вон с катера!

– Мы тебя выследим. Куда бы ни полетела. Пола, ты только откладываешь неизбежное.

– На «Доспехах» нет ни одного корабля, который удастся подготовить достаточно быстро, чтобы меня догнать. – Сааведра позволила себе самодовольную улыбку. – Я знаю: лично проверяла. И выследить меня не удастся: этот катер недоступен для ЦКТ. Если бы не кризис, вы могли бы попробовать, мобилизовав все активы, а так даже не пытайтесь. Я исчезаю, обо мне вы больше не услышите.

– А обо мне ты, может, еще услышишь, – проговорил Дрейфус.

– Вон с катера! И ворота откройте! У вас две минуты.

– Отдай нам тело Чена.

– Чтобы вы провели посмертное траление и добыли сведения о Часовщике? Хорошая попытка!

«Ничего подобного», – подумал Дрейфус. На траление мертвых он никогда не полагался. Зато знал, что реаниматоры Демихова с удовольствием попрактикуются в приживлении отрезанной головы, прежде чем браться за ответственное дело.

– Будь по-твоему, Пола. – Дрейфус глянул на Спарвера. – Мы уходим. Может, насчет хлыстов она и блефует, но рисковать нельзя.

– Шеф, мой хлыст ее пометил, – тихо отозвался гиперсвинья. – Если что, атака займет менее секунды.

– Хочешь удачу испытать – попробуй, – съязвила Сааведра. – Кстати, у вас еще секунд девяносто.

– Пола, ты совершаешь серьезную ошибку, – предупредил Дрейфус.

– Вы тоже. Вон отсюда!

Дрейфус кивнул Спарверу, и оба вернулись в стыковочный коннектор. Шлюз закрылся, отсоединившись от корабля. Дрейфус оттянул рукав и через браслет вызвал Тиссена, старшего по стыковочному узлу.

– Это Дрейфус. Открывайте ворота, выпускайте ее.

– Префект, нам нельзя терять этот катер, – возразил Тиссен.

– Если не катер, то стыковочный узел потеряем. Открывайте.

Уговаривать Тиссена не понадобилось. Секунду спустя челюсти бронированных ворот начали разъезжаться, плотно сомкнутые зубы расцепились, показав сонм фальшивых звезд и изгиб ночной стороны Йеллоустона, подведенный индиговой линией. Пусковая платформа выдвинулась на поршнях и вынесла катер Сааведры в открытый космос. Включились двигатели, прочертив тонкие полосы выхлопа. Катер рванул прочь на максимальной скорости.

– Можем выслать погоню? – спросил Дрейфус.

– Не успеем перехватить, – ответил Тиссен. – Проследить попробуем, но гарантировать ничего не стану.

Через окно стыковочного коннектора Дрейфус наблюдал, как катер Сааведры тонет в звездном небе. Он следил за катером, пока невооруженным глазом мог отличить его от огней далеких анклавов.

* * *

– Ситуация очень, очень сложная, – объявила проекция Омонье Дрейфусу и старшим префектам.

На модели Единой системы шесть рубиновых бусинок сияли среди моря изумрудных.

– Девять с половиной часов назад долгоносики проникли на «карусель» Нова-Бразилия и захватили ее. Два часа назад мы зафиксировали тепловыделение промышленного комплекса. Восемнадцать

минут назад из открывшихся ворот наружу поползли свежеизготовленные долгоносики. Плотность и объем потока аналогичны тому, что мы видели в Доме Обюссонов и Шлюмпере Ониле. – Джейн сделала паузу, позволив префектам осмыслить информацию, прежде чем она завершит безрадостную сводку. – Вскоре после Нова-Бразилии мы потеряли Дом Фламарионов. С учетом случившегося в других анклавах следует ожидать, что выпуск роботов начнется минут через десять-пятнадцать. Мы не смогли предотвратить распространение долгоносиков с Дома Обюссонов и Шлюмпера Онила, но хотя бы сократили их численность, что наверняка снизило темп Аврориного продвижения. Сейчас единственная доступная нам мера – торпедный удар. Разумеется, он не остановит долгоносиков, которые уже перебрались в другие анклавы.

– На какие анклавы нацелились новые долгоносики? – спросил Клирумаунтин.

– Небольшой плюс нынешней ситуации в том, что Лилиан в своем моделировании точно спрогнозировала Аврорины намерения. В будущем это может измениться, если Аврора догадается, что мы читаем ее планы. Пока же безошибочные прогнозы позволяют проводить эвакуацию там, где это нужнее всего. Долгоносики с Нова-Бразилии нацелились на «веретено» Торияма-Мерчисон, один из десяти анклавов, которыми мы уже усиленно занимаемся.

– Как там с эвакуацией? – спросил Дрейфус.

– Если позволите... – Бодри вцепилась в компад, словно от него зависело спасение Вселенной. – В Торияма-Мерчисоне пятьсот одиннадцать тысяч граждан. Точнее, было пятьсот одиннадцать тысяч. Если верить персоналу стыковочных узлов, уже эвакуировано четыреста шестьдесят тысяч, значит, остается...

– Пятьдесят одна тысяча, – перебил Дрейфус. – Как скоро мы сможем перевезти их?

– По сообщению местных дружинников, покидать анклав отказался примерно один процент населения. Боюсь, этих придется бросить: некогда увещевать тех, кто не желает спасаться. Эвакуацию всех остальных мы полностью завершим через четыре часа двадцать минут при условии, что не произойдет никаких ЧП.

– Лайнер сейчас там дежурит? – спросил Дрейфус.

– Это не корабль максимальной вместимости. Самое большое судно в районе боевого дежурства – «Екатерина Великая», лайнер средней вместимости. За раз он берет шесть тысяч человек, но посадка пассажиров занимает слишком много времени. У нас есть «Беллатрикс», корабль,

способный перевезти десять тысяч человек, но он также используется для выгрузки граждан Устойчивой Вегетивности.

– Зачем рисковать живыми гражданами ради группы добровольных коматозников? – удивился Клирмаунтин.

– Коматозники тоже граждане! – рявкнула Омонье. – Никакой дискриминации! Никакой, пока я верховный префект.

– В любом случае тут вопрос спорный, – осторожно поддержала Клирмаунтина Бодри. – Даже если отправим «Беллатрикс» перевозить исключительно граждан «веретена» Торияма-Мерчисон, всех мы эвакуировать не успеем.

– Верно, – согласилась Омонье. – Появление долгоносиков ожидается через... пятьдесят пять минут одиннадцать секунд. Местным дружинникам поручено содействовать эвакуации. Они на стыковочных узлах, значит долгоносики получают беспрепятственный доступ к центру голосования. Если события пойдут по обычному сценарию, производственный комплекс Торияма-Мерчисона начнет выпуск роботов менее чем через десять часов.

– Получается, у эвакуируемых есть это время, – проговорил Дрейфус. – Мы всех вывезем.

– Увы, нет, – отозвалась Омонье, чья голограмма смотрела на Дрейфуса, словно тот сидел в штабе один. – Нынешняя ситуация сродни эпидемии. Нам известно, что Аврора способна подчинять себе анклав, захватывая центры голосования. Мы понятия не имеем, какие еще козыри она выложит, если ей позволить. Я не могу допустить, чтобы она перебиралась из анклава в анклав другими способами. В том числе на кораблях с эвакуируемыми гражданами.

– Но, Джейн...

– Эвакуация продолжится до самого последнего момента, – сказала Омонье. – Но едва на Торияма-Мерчисон высадутся первые долгоносики, я отведу лайнеры. – Для пущей ясности она добавила: – Даже если в стыковочных узлах останутся люди.

– А потом? – спросил Дрейфус, прекрасно понимая, что ответит Омонье.

– Начнем обстрел. Лишим Аврору одного плацдарма.

– В «веретене» останутся десятки тысяч человек.

– Около тридцати пяти тысяч, если «Беллатрикс» сделает еще один рейс. Том, иначе никак. Первые торпеды мы, разумеется, направим на производственный комплекс. Его необходимо уничтожить, поэтому удар нанесем мощный, соизмеримый с атакой на весь анклав. У «веретена» будут дежурить корабли, только вряд ли кто уцелеет.

- Наверняка есть другие варианты.
- Конечно есть. Торпеды можно направить на шесть анклавов, которые Аврора уже контролирует, и еще на два, которые она вот-вот захватит. Так мы ее остановим, но при этом уничтожим не десятки тысяч, а миллионы людей.
- Расстрел одного анклава погоды не сделает.
- Мы создадим Авроре сложности. Пока мне достаточно и этого.
- В одиночку «Доспехам» не справиться, – с безысходностью проговорил Дрейфус. – Нужно просить о помощи всех, кто владеет кораблями и может содействовать эвакуации.
- Я запросила помощь по всем обычным каналам. Надеюсь, кто-нибудь откликнется, но особо не рассчитываю.
- Джейн замялась, по-прежнему глядя только на Дрейфуса. Том чувствовал, что у них тет-а-тет; другие префекты в разговоре не участвовали.
- Том, тут еще один момент.
- Какой? – спросил Дрейфус.
- Я намерена отключить центры голосования и, следовательно, абстракцию по всему Поясу. Слишком велика опасность того, что Аврора использует сеть в собственных целях.
- Разве ей мало долгоносиков?
- Долгоносики – основное оружие, но у нас нет гарантий, что Аврора не применит другие средства. Я уже получила чрезвычайные полномочия, все существующие. Следовательно, я вправе применить массовую эвтаназию ради спасения большинства. Я также могу отключить информационные сети.
- Сети нужны для координации наших собственных действий.
- Необходимые каналы связи мы сохраним, а остальные перекроем. Иначе возможны любые сюрпризы.

Дрейфус проанализировал свои мысли и с ужасом понял, что запланированный расстрел анклавов шокирует его меньше, чем отключение абстракции на всем Поясе. Суть заключалась в том, что в большинстве анклавов жизнь еще текла по относительно нормальному руслу. Часть граждан заметила кризис, а часть, погруженная в мир своих фантазий, полностью от него отрешена. Неизвестно, изменится ли это с началом стрельбы, а вот полное отключение абстракции прочувствуют и в Солипсисте Безайле, и в Устойчивой Вегетативности, и в самых радикальных тираниях. Хотят они того или нет, но им придется столкнуться с неприглядной реальностью.

Блистающий Пояс вот-вот погрузится во мрак, других вариантов у «Доспехов» нет.

– Джейн, у меня только одна просьба, – сказал Дрейфус. – Пока не отключили абстракцию, сообщите людям, что «Доспехи» с ними. Объясните, что мы рядом, что сражаемся и не бросим их ни при каких обстоятельствах. И пусть они помнят об этом.

– Обязательно скажу, – пообещала Омонье.

Глава 26

Когда Талия надрезала последнюю балку в шаре центра голосования, руки дрожали так, что она чуть не выронила хлыст. Работа шла мучительно медленно, и не только потому, что устройство раскалилось: дольше минуты не удержишь, даже обернув кисть шарфом. Режим меча сбоил, хвост то и дело терял создаваемую пьезоэлектричеством жесткость, молекулярная режущая кромка теряла эффективность. Прежде хлыст рассекал гранит как масло; теперь же Талия отчаянно напрягала мышцы, заставляя хлыст резать балки.

Самой упрямой оказалась девятая: почти полчаса ушло на такой надрез, чтобы балка переломилась, когда Талия переведет ищейку в режим гранаты и взорвет.

– Хватит? – шепотом спросила она, хотя инструмент жужжал и трещал так, что особого смысла шептать не было.

– Надеюсь, что да, – ответил Парнасс. – По-моему, твоя штукавина резать больше не может.

– Боюсь, вы правы. – Талия позволила хвосту втянуться в рукоять.

– Хвала Сандре Вой, хлыст выдержал. Теперь от него требуется лишь одна вещь.

– Не одна, а две, – уточнила Талия, памятуя, что хотела вывести из строя центр голосования. – Покажите, куда закладывать.

– Здесь, в принципе, можно куда угодно. Сантиметр-другой ничего не изменит.

Талия положила хлыст под одну из ослабленных балок.

– Годится?

– Да, дочка.

– Хорошо. Наверное, я разыщу это место, когда снова сюда приду.

– Как твой хлыст работает в режиме гранаты?

Талия размотала шарф, показав рукоять.

– Это кольцо регулирует мощность. Я, конечно, задам максимальную, одну-две десятых килотонны, в зависимости от того, сколько осталось активного вещества.

– Время замедления как ставить?

– Одновременно крутите эти два кольца.

– И какое максимальное?

– Вам хватит, – ответила Талия.

Парнасс молча кивнул. Они сделали все, что могли. Неплохо было бы ослабить еще пару балок, но Талия сомневалась, что время позволяет.

Дежурные по баррикадам уже докладывали, что роботы шумят пуще прежнего, значит, еще несколько метров – и они прорвутся. Талия слышала их, когда резала балки. Машины пробрались из башни в сам шар. «У нас, наверное, меньше часа, – думала Талия. – Минут тридцать от силы».

И это не принимая в расчет боевых роботов, которые, по мнению Талии, собирались лезть и снаружи – по башне, и внутри – по шахте лифта.

Через лес несущих балок Талия и Парнасс вернулись к потолочному люку, который вел на самый нижний из обитаемых этажей шара. Минуту спустя они были на этаже центра голосования. Большинство людей бодрствовали. Они чувствовали, что ситуация меняется, хотя о плане Талии еще не знали.

Почти у каждого были вопросы, но, прежде чем отвечать, Талия бросилась к ближайшему окну и посмотрела на подножие башни. С замиранием сердца она отметила, что роботов военного назначения стало куда меньше. Это означало, что остальные лезут на башню, с методичной неумолимостью приближаясь к центру голосования.

– Зовите дежурную группу, – велела Талия Келлибо. – Пусть бросают работу и возвращаются сюда.

– Почему? – удивился Келлибо. – Кому-то нужно следить за баррикадами.

– Уже нет. Баррикады прекрасно выполнили свою задачу, но нам они больше не понадобятся.

– Роботы приближаются.

– Я в курсе. Поэтому нам пора отсюда выбираться. Зовите людей, Жюль. Спорить сейчас не время.

Келлибо уставился на Талию, словно собираясь возразить, потом развернулся и по короткой лестнице сбегал на этаж, где очередная группа старательно укрепляла баррикады.

– Что же теперь будет? – спросила Пола Тори, поднимаясь с кучи одежды, служившей ей постелью.

– Мы выберемся, – ответила Талия.

– Как? Ты же не погонишь нас по лестнице? Через строй роботов мы точно не пробьемся.

– Мы и пытаться не будем. Если все получится, мы не столкнемся ни с одним роботом. Оглянуться не успеете, как мы вылетим в космос и там будем ждать спасения.

– Что значит «в космос»? У нас ни скафандров, ни корабля, даже

спасательной капсулы нет.

– Капсула нам не нужна, – осторожно проговорила Талия. – Мы и так внутри капсулы.

* * *

Грудь Джейн Омонье поднималась и опускалась в такт глубоким вздохам, кулаки сжимались и разжимались.

– Я подумал, что от компании вы не откажетесь, – сказал Дрейфус. – Ну, от настоящей.

– Спасибо, Том. Ты прав, не откажусь. – Джейн остановилась. – Кстати, я только что обращалась к гражданам Пояса. Использовала твои идеи.

– Людей следовало подбодрить.

– Да, конечно.

– Абстракция уже отключена?

– Нет, доступ к ней я перекрою после того, как мы разберемся с «веретеном». Пусть граждане знают: ситуация сложнейшая, но мы делаем все, чтобы жертв было меньше.

– А они не перепугаются до смерти, увидев, как торпеды уничтожают «веретено»?

– Почти наверняка перепугаются. Но если в итоге начнут слушаться своих дружинников, это будет вполне приемлемая цена.

Дрейфус взгляделся в самую большую грань дисплея.

– Долго еще?

– Три минуты.

«Три минуты до высадки долгоносиков на „веретено“ Торияма-Мерчисон», – подумал Дрейфус.

Корабли «Доспехов» очень старались ослабить поток долгоносиков или сбить его с пути, но не добились практически ничего. Сейчас корабли стояли неподалеку на случай, что кто-то уцелеет после того, как «Демократический цирк» сделает свое дело.

Внутрисистемный крейсер занял позицию, обратясь к «веретену» кормой. Две торпеды были наведены на цель и готовы к пуску. Их мощности должно было хватить для уничтожения еще не активированного производственного комплекса.

У «Доспехов» всегда существовал четкий порядок действий при

уничтожении анклава, и экипаж крейсера наверняка прорабатывал алгоритм при подготовке к открытию огня. От отдачи приказа до самого выстрела – вся последовательность исключала ошибки. Требовалось не только указание верховного префекта, но и одобрение большинства старших префектов. Алгоритм предусматривал и внезапные кадровые перестановки из-за ранения или смерти, чтобы исполнители получили приказ даже при непосредственной атаке на «Доспехи».

Однако разве не логично хотя бы предположить, что приказ – ошибка или диверсия? Он ведь противоречит всему, что защищают «Доспехи». Все равно что хирургу взять пистолет вместо скальпеля.

Нет, экипаж не слушается. Тень сомнений появится, но ее подавят. Протокол однозначен, ошибок не может быть в принципе: если приказ поступил, значит он отдан верховным префектом при поддержке старших.

У экипажа нет выбора: только подчиниться.

– Одна минута тридцать секунд, – объявила Омонье, а потом ее тон изменился: – Хочу кое о чем тебя спросить.

– Спрашивайте, Джейн.

– Вопрос нелегкий. Не знаю, захочешь ли ты откровенничать.

– Все равно спрашивайте.

– Что-то происходит? Такое, о чем я не знаю?

– Например?

– Я слышу шум. Том, я в этом отсеке уже одиннадцать лет, изучила его вдоль и поперек. До сегодняшнего дня звуки извне до меня не доносились.

– Какие именно звуки?

– Такие, когда очень стараются не шуметь. Когда используют мощные устройства и тяжелые инструменты. – Омонье в упор посмотрела на Дрейфуса. – Том, что происходит?

За долгие годы знакомства Дрейфус ни разу не солгал Джейн. Он не лгал и не искажал правду даже из соображений гуманности. Сегодня он решил солгать.

– Это стыковочный узел, «рот» нашей «тыквы», – ответил Дрейфус. – Недавно крейсер пристыковался чересчур резко и повредил пусковую платформу. Ремонтники работают круглосуточно, чтобы ее восстановить.

– Том, до «рта» сотни метров.

– У ремонтников мощные инструменты.

– Скажи это, глядя мне в глаза.

Дрейфус спокойно встретил взгляд Джейн.

– Это ремонт в стыковочном узле. А вы о чем подумали?

– Тебе отлично известно о чем. – Омонье потупилась.

Дрейфус так и не понял, прошел он экзамен или провалил.

– Хочу побеседовать с Демиховым, а он из кожи вон лезет, только бы не отвечать на мои вызовы.

– Демихов очень занят. Из-за Гаффни он...

– Занят так занят. Том, если бы ты был в курсе... если бы знал, что у них новый план... ты ведь сказал бы мне, да?

– Да, конечно, – заверил Дрейфус, а сам подумал: «Только не сейчас».

– Время! – объявила Омонье, посмотрев на дисплей. – До прибытия долгоносиков три секунды... две... одна... Прибытие подтверждаю. Они на месте. – Джейн подняла руку и проговорила в браслет: – Это Омонье. Отправляйте «Беллатрикс». Пусть летит на полной скорости. Повторяю, отправляйте «Беллатрикс».

Омонье еще получала видеосигнал со стыковочного узла «веретена» Торияма-Мерчисон. Сотни людей толпились в посадочных тоннелях – их пропускали на ожидающий лайнер. Занимались этим дружинники с повязками на рукавах. Дрейфус уже знал: десятки дружинников предпочли остаться в «веретене», а не улететь предыдущими эвакуационными рейсами. Несколько часов назад эти люди, совершенно обычные граждане, жили совершенно обычной жизнью.

– «Беллатрикс» готова к старту. – Омонье прочитала сообщение, поступившее на браслет. – Она движется. Расстыковывается.

На дисплее появился крупный план стыковочного коридора. Камера стояла внутри тоннеля с прозрачными стенами, в котором пестрой неуправляемой толпой парили обыватели, дружинники, роботы. За прозрачной стеной маячил белый, с темными иллюминаторами, борт «Беллатрикса», огромного, неприступного, как скала. Скала двигалась – с сонной медлительностью отползала от тоннеля. В дальнем конце тоннеля, в сотнях метров от камеры, Дрейфус разглядел струйку серебристого пара, текущего в вакуум. Он решил, что шлюз закрылся, но в космос попало немного воздуха.

«Беллатрикс» отплывала. Дрейфус всмотрелся в ее золотящийся шлюз: из него вылетали бесформенные обломки. Что-то не так: внешние люки лайнера уже следовало задраить.

– Джейн... – позвал Дрейфус.

– Они не могут закрыть люки, – бесстрастно перебила Омонье. – Шлюзы заклинило. Слишком много людей хотят протиснуться.

– Дело не только в лайнере, – заметил Дрейфус.

Воздух по-прежнему вылетал из хвоста посадочного тоннеля, но теперь из-за декомпрессии наружу вылетали и люди. Дрейфус с ужасом

наблюдал, как стоящие возле камеры догадываются, в чем дело, кричат, ищут, за что бы схватиться. Потом раз – и все: их точно невидимым шприцем выпрыскивало из тоннеля.

В космос они вылетали огромными партиями – обыватели, дружинники, роботы, одежда, игрушки. Предметы, еще недавно бывшие людьми, корчились и умирали.

Видеосигнал оборвался.

Другая камера показывала, как «Беллатрикс» поворачивает, демонстрируя белые борта. Из открытого шлюза больше ничего не вылетало: наверное, люк удалось закрыть.

– «Беллатрикс» разгоняется, – сказала Омонье.

Четырехкамерные двигатели раскрыли выходные отверстия, из которых выстрелили языки розового пламени.

Поначалу огромный корабль будто замер, потом стало заметно, как он ускоряется. «Беллатрикс» летел прочь от анклава. Лайнер стартовал с переднего стыковочного узла «веретена»; значит, когда торпеды попадут в цель, сам анклав заслонит его от взрыва.

Омонье снова подняла руку с браслетом.

– Соедините меня с «Демократическим цирком», – чуть дыша попросила она и заговорила снова: – Капитан Пелл, дайте «Беллатрикс» отойти на десять километров, потом открывайте огонь по комплексу в заднем конце анклава.

Двигатели «Беллатрикс» стабильно создавали ускорение в половину g , поэтому на безопасном отдалении лайнер оказался через шестьдесят секунд. За это время все соседние анклавы, еще не захваченные Авророй, пришли в повышенную боевую готовность – ожидалось не только электромагнитные импульсы ядерных ударов, но и обломки корабля. Дрейфусу казалось, что время едва ползет, а то и вовсе остановилось. Омонье наверняка отпустила бы «Беллатрикс», если бы не долгоносики: стоит промешкать, позволив им расползтись, и вреда будет больше. Пассажирам «Беллатрикс» оставалось надеяться, что буфер между ними и двигателями защитит от самых страшных последствий взрывов.

Из браслета послышался голос капитана. Передающие устройства сделали его тонким и пронзительным.

– Верховный префект, это Пелл. «Беллатрикс» на безопасном расстоянии.

– Капитан, я уже санкционировала обстрел.

– Просто хотел убедиться, что ничего не изменилось.

– Ничего не изменилось. Выполняйте приказ, капитан Пелл.

– Есть, мэ, выпускаем торпеды.

На дисплее появился панорамный вид «веретена» Торияма-Мерчисон. Ракурс «съел» расстояние, и казалось, что «Беллатрикс» все еще состыкован с анклавом.

Торпеды понеслись к «веретену», выпуская ярчайшие огненные струи. Создавалось впечатление, будто они вспарывают космос и обнажают его блестящую чистую внутренность.

Торпеды попали в цель.

Ядерный взрыв – точнее, два подряд, слившиеся воедино, – выбелили поле зрения камеры. Мертвая тишина, никакого расширяющегося огненного шара, просто за мгновение взрыв уничтожил все вокруг.

Все дисплеи в отсеке Джейн моргнули – по Блισταющему Поясу прокатился электромагнитный импульс.

Мало-помалу белый пейзаж покраснел, потом снова появился черный фон, а на нем – расплавленное, искореженное нечто, еще недавно бывшее анклавом. Сейчас «веретено» больше напоминало разодранный корпус использованной хлопушки. Производственный комплекс торпеды уничтожили, но заодно снесли добрую треть анклава, оставив обломок, растрескавшийся по геологическим разломам. Воздух внутри анклава наверняка сильно нагрелся, прежде чем вылететь через эти отверстия. Задохнуться жители не успели, зато успели увидеть, как к ним несется слепящий огонь.

В короткое мгновение люди поняли, что с ними сотворили.

– Капитан Пелл, доложите обстановку, – потребовала Омонье.

– По внешним признакам производственный комплекс полностью уничтожен. «Беллатрикс» сообщает о незначительных повреждениях. Жертв нет. Шансы обнаружить живых в анклаве... крайне низкие.

– Так я и знала, – с полной безысходностью проговорила Омонье. – Капитан, уничтожьте анклав. Подкрепление долгоносики там не произведут, так пусть и как плацдарм «веретено» не используют.

Груз ответственности за совершенное камнем придавил Дрейфуса. Он и глазом не моргнул, а тридцать пять тысяч человек перестали существовать. Такое число погибших в голове укладывалось не лучше, чем девятьсот шестьдесят уничтоженных в Раскин-Сартории. Однако Том видел лица толпившихся в посадочном тоннеле; видел невыразимый ужас, когда люди поняли, что их засосет в космос, что смерть будет страшной: легкие застынут, как ледяные мешки, и лишь потом остановится сердце. Вспомнилась женщина средних лет, одна из многих, набившихся в посадочный тоннель. Она смотрела прямо в камеру, прямо на Дрейфуса,

как сейчас казалось ему. Она взывала без слов и ненужных эмоций, она безоговорочно верила, что префект поможет. Об этой женщине Том не знал ничего, даже имени, но для него она символизировала всех добропорядочных граждан, которых только что уничтожили «Доспехи». Гибель этой женщины, помноженная на тридцать пять тысяч, – такое и представить страшно. Терять одного честного гражданина постыдно, а то, что это случилось при непосредственном участии «Доспехов», чудовищно.

Тем не менее это не означало, что решение Джейн неверно.

– Никогда не думала, что до такого дойдет, – вздохнула Омонье. – Теперь гадаю, не совершила ли ужаснейшего преступления в истории.

– Не совершили. Вы все сделали правильно.

– Я убила людей.

– Долг «Доспехов» – защищать большинство. Именно это вы и делаете.

– Я не спасла жителей «веретена», Том. Не дала времени.

– Так пусть их гибель окажется ненапрасной.

– Постоянно думаю: вдруг я ошиблась, вдруг людям жилось бы лучше при власти Авроры?

– Джейн, люди уполномочили нас защищать их.

Джейн Омонье промолчала, вместе с Дрейфусом наблюдая, как капитан Пелл расправляется с анклавом. Выживших нет, щадить некого, поэтому мощность удара задана максимальная. Взрывы уничтожили остатки «веретена». Дрейфусу почудилось или Омонье впрямь полегчало, когда наглядное напоминание о ее страшном поступке наконец исчезло?

– Знаешь, что самое тяжелое?

Дрейфус покачал головой:

– Нет.

– Точно так же придется поступить с Устойчивой Вегетативностью. Хорошо, если к концу дня на моей совести будет меньше ста тысяч жизней.

– Не на вашей совести, а на Аврориной, – поправил Дрейфус. – Не забываете об этом.

Вскоре она явилась к ним сама. Сигнал поступил по безопасному, зарезервированному «Доспехами» инфоканалу, единственному, который работал после того, как перекрыли сети общего пользования, вырвав граждан из сладких сетей абстракции. Входящий сигнал тщательно проверили, но ни опасных подпороговых сообщений, ни вложенного оружия не нашли. После консультации с Омонье решили, что изображение вполне можно показать старшим префектам, собравшимся в штабе.

Перед ними предстала девушка. Совсем юная, в богатых одеждах, она

восседала на троне. Каштановые волосы разделены пробором, взгляд внимательный, без тени враждебности.

– Нам пора поговорить, – объявила Аврора звонким голосом.

Такой дикции можно было только позавидовать.

– Изложи свои требования, – отозвалась Джейн Омонье, проекция которой занимала обычное место за столом. – Что ты хочешь?

– Ничего, верховный префект, кроме вашей безоговорочной капитуляции.

– Пусть говорит подольше! – прошептал Дрейфус.

Лучшие сетевые гуру «Доспехов» отслеживали сигнал, пытаясь выйти на саму Аврору, где бы она ни таилась.

– Наверняка у тебя есть требования, – сказала Омонье.

– Нет, – твердо проговорила девушка, словно отвечая на вопросы викторины. – Требования подразумевали бы, что мне от вас что-то нужно, а это не так.

– Зачем же ты вышла на связь? – спросила Лилиан Бодри.

– Чтобы дать совет, – ответила Аврора. – Чтобы предложить быстрое и безболезненное решение проблемы, оптимальное для всех сторон. Только не обольщайтесь: я добьюсь своего – с вашей помощью или без. Я лишь хочу, чтобы людям выпало меньше потрясений.

– Тебя послушать, ты полностью уверена в успехе, – хмыкнула Омонье.

– Это уверенность в стратегическом расчете. Видели же, как легко я захватываю ваши анклавы? Каждый захваченный – плацдарм для новой операции. Долгоносиков вам не остановить. Огонь по согражданам вы откроете лишь в самом крайнем случае. Следовательно, мой успех логически неизбежен.

– Не будь чересчур самоуверенной, – посоветовала Омонье. – Твоя позиция пока слаба. Чем докажешь, что не ликвидировала заложников? Почему бы мне не предположить, что они мертвы, и не уничтожить анклав, которые ты сейчас контролируешь?

– Вперед, верховный префект, расстреляйте анклав.

– Докажи мне, что их граждане живы.

– Чего ради? Вы с полным основанием усомнитесь во всем, что я вам продемонстрирую. И наоборот, покажи я вам дымящиеся руины и миллионы трупов, вы заподозрите у меня тайные мотивы, гнусное желание спровоцировать вас на удар. Вы его не нанесете.

– Ты ошибаешься, – вмешался Дрейфус. – Есть легкий способ доказать нам, что граждане тех анклавов живы. Позволь поговорить с Талией Нг. В

тебе мы сомневаемся, а ей поверим.

На миг Аврорино лицо перекошилось от раздражения, но она быстро взяла себя в руки.

– Не можешь, – покачала головой Омонье. – Талия либо убита, либо тебе не подчиняется.

Сетевой гуру протянул компад Дрейфусу, и тот пробежал глазами краткий отчет. Местонахождение Авроры сузили до тысячи трехсот анклавов.

– Моя цель – благополучие людей, – отчеканила девушка. – Мои заботы обеспечат им века безопасного существования. Сколь безболезненным получится переход власти, целиком зависит от вас. Таким же образом все жертвы переходного периода окажутся на вашей совести, а не на моей.

– С какой стати ты о людях заботаешься? – спросил Дрейфус. – Ты симулякр, разумная копия альфа-уровня.

Аврора впиалась в подлокотники:

– Я тоже была живым человеком. Думаете, забыла, каково это?

– Но в ипостаси бестелесного интеллекта ты существуешь куда дольше, чем прожила человеком. Можешь обвинить меня в предвзятости, но я чувствую, что твои симпатии на стороне роботов, а не людей из крови и плоти.

– Вы бы перестали заботиться о согражданах, будь они слабее, медленнее и глупее, чем вы сами?

– Люди есть люди, – парировал Дрейфус. – Аврора, – раз уж мы выяснили, кто ты, – ответь на один вопрос. Существуют подобные тебе? Или из Восемидесяти уцелела ты одна?

– У меня есть союзники, – уклончиво ответила Аврора. – Недооценивать их силу с вашей стороны так же глупо, как и мою.

– Но при всей своей власти ты чего-то боишься, да?

– Ничего я не боюсь, префект Дрейфус. – Имя Аврора произнесла с особым нажимом, чтобы показать: она знает, с кем имеет дело.

– Не верю! Аврора, нам известно про Часовщика. Известно, что он не дает тебе вздохнуть спокойно. Этот машинный интеллект быстрее и умнее твоего, он порвет тебя, если вырвется на свободу.

– Вы преувеличиваете, для меня он не так важен.

– Не так важен, говоришь? Не уничтожь ты Раскин-Сарторий, никто из нас не узнал бы о твоих захватнических планах. Ты одним махом добилась бы своего, подчинив себе десять тысяч анклавов. Но сочла необходимым пойти на огромный риск, чтобы уничтожить Часовщика. А говоришь, я

преувеличиваю его важность.

Сетевой гуру снова протянул компад. Месторасположение Авроры сузили до восьмисот анклавов.

– Если бы вы подчинили себе Часовщика, то уже настроили бы его против меня. – Аврора чуть подалась вперед и строго проговорила: – На самом деле вы не контролируете Часовщика и не понимаете, что он собой представляет. Даже окажись он в вашей власти, использовать его вы не решились бы.

– Это зависит от степени твоей агрессии, – возразила Омонье.

– Какая агрессия? Я лишь понемногу избавляю вас от бремени заботы о сотнях миллионов граждан. Я беспокоюсь о них больше, чем вы.

– Ты уничтожила почти тысячу жителей Раскин-Сартория, – напомнил Дрейфус. – Ты уничтожила префектов, отправленных навести порядок в Доме Обюссонов. По-моему, не слишком похоже на трогательную заботу.

– Их гибель была необходима для защиты остальных.

– А если счет пойдет на миллионы или десятки миллионов, их тоже причислишь к необходимым смертям?

– Суть в том, что дальнейших жертв можно избежать. О неминуемости моего успеха мы уже говорили. Будете сопротивляться – будут гибнуть люди. Люди так и так будут гибнуть, потому что склонны паниковать и совершать необдуманные поступки, только за это я ответственности не несу. Тем не менее есть способ закончить все немедленно, с минимальными потерями. Код передачи власти у вас есть, это софт, который ваша представительница любезно установила в четырех анклавах. Распространите его повсеместно, перешлите в остальные анклавы. Я захвачу их в любом случае, но этот вариант наименее кровопролитный и болезненный.

– Да ты не в своем уме! – воскликнула Омонье.

– Хорошо, я дам вам стимул. Убеждена, что быстрая передача власти спасет миллионы жизней. Настолько убеждена, что в доказательство готова пожертвовать определенным числом граждан. У вас шесть часов, верховный префект. Потом я эвтаназирую каждого десятого жителя подконтрольных мне анклавов. – Девушка откинулась на спинку трона. – Вы в силах остановить умерщвление в любую секунду, разослав код по Блистающему Поясу. Не разошлете – эвтаназия продолжится. Впрочем, десять тысяч анклавов долгоносики сделают моими при любом раскладе.

– Сто тридцать анклавов, – шепнул аналитик Дрейфусу на ухо. – Мы почти у цели.

– Прежде чем отсоединиться, окажу вам услугу, – проговорила

Аврора. – Вы наверняка пытаетесь определить местонахождение источника этого сигнала. Если используете свои обычные поисковые методы, то к этому моменту сузили зону до ста пятидесяти анклавов. Останься я на связи, вы разыскали бы источник сигнала в течение двух минут. Пожалуй, я избавлю вас от хлопот. Вы определите, что я на «Доспехах». Уверена, родной анклав у вас в числе кандидатов.

Дрейфус глянул на сетевого гуру. Тот коротко кивнул и побелел как полотно.

– На самом деле я не на «Доспехах». Дело в зеркальном эхе. За короткое время, которое я вам дала, задачу не решить. – Аврора скупо улыбнулась. – А то еще сами себя торпедируете.

* * *

«Средь бела дня» – так в Доме Обюссонов не говорили никогда: слишком мало света пропускали грязные окна, но сейчас этот ущербный день перетекал в сумерки. Близилась вторая ночь господства роботов. Хорошо, что удалось продержаться так долго, хотя Талия не слишком радовалась. Ей и группе встречающих просто повезло. Но до утра они доживут, только если покинут Дом Обюссонов, что возможно при единственном раскладе.

От подробных разъяснений она воздержалась до возвращения Жюля Келлибо и дежуривших на баррикадах. Пола Тори кипела от гнева и непонимания. Ее настрой понемногу передавался другим, но Талия, внешне спокойная, стояла перед ней скрестив руки на груди. Сомнения нужно спрятать. Пусть все думают, что она контролирует ситуацию и уверена в успехе.

– Уходим, – объявила Талия, едва Парнасс и Редон утихомирили команду. – Мы с Сайрусом уже все подготовили. Либо так, либо ждать роботов. На чью-то помощь рассчитывать не стоит.

– Как же мы уйдем? – удивилась Тори. – Префект, мы в башне, а башни не двигаются.

Талия молча подошла к модели музея, которая сейчас стояла на пробитой витрине, некогда ее защищавшей. Вместе с Мэриэл Редон они разобрали постройки вокруг башни – теперь модель полностью соответствовала тому, что осталось от музея после ночных погромов.

Талия вытащила из кармана белый шар, модель центра голосования,

оттерла от пыли и аккуратно положила на вершину башни.

– Специально для тех, кто особо не смотрел в окно... Мы здесь, в шаре. Роботы лезут к нам изнутри и, почти уверена, снаружи. Пора отсюда выбираться. Вот как это произойдет.

Талия подтолкнула белый шарик – он упал с башни и по разгромленной музейной территории скатился на пол.

– О Вой! – воскликнула Тори. – Не бывать такому! Ты спятила!

– Этот трюк... смахивает на самоубийство, – проговорил Жюль Келлибо.

– Он не так опасен, как кажется, – заверила Талия. – Во-первых, мы не полетим вниз с полукилометровой высоты, а покатаемся по стене башни и даже о землю не ударимся. Книзу башня расширяется – наклон стены постепенно сходит на нет. Шар наберет скорость и без проблем прокатится сперва по наклонной поверхности, потом по горизонтальной: путь-то свободен. Нас, конечно, потрясет, но разгона хватит надолго, тем более что стараниями роботов препятствий почти не осталось. Если бы они не снесли соседние башни, у нас не было бы шансов.

– Дочка права, – заявил Парнасс. Он стоял рядом с Талией, сложив руки на груди, и всем видом показывал, что не потерпит возражений. – Шар достаточно крепок и, разогнавшись, два-три километра прокатится.

– Но разве нам удастся столкнуть его со стены? Что вы предлагаете? Бегать туда-сюда, пока он не упадет? – вопрошал молодой человек в костюме цвета электрик.

– Об этом мы с Сайрусом уже позаботились, – ответила Талия. – Ослабили соединения между шаром и башней. Балки продержались бы еще лет сто, но пригодился мой хлыст. Я переведу его в режим гранаты и задам максимальную мощность взрыва. Нас здорово потряхнет, и шар покатится в нужном направлении.

– Мы разобьемся, как яйца в корзине, – буркнул Келлибо.

– Не разобьемся, если примем меры предосторожности. – Талия показала на металлическую ограду вокруг центра голосования. – Вы крепче привяжетесь к ограде. Мэриэл проследит, чтобы всем хватило тряпья. Не хочу, чтобы кто-нибудь слетел, когда шар закрутится.

– Может, я чего-то не понял, но, по вашему плану, мы прокатимся два-три километра?

– Верно, – ответил Парнасс.

– Так чем это нам поможет? Пока будем отвязываться от ограды, роботы нас догонят.

Парнасс глянул на Талию:

– Дочка, по-моему, нужно раскрыть все карты.
– Роботы нас не догонят, – пообещала Талия.
– Почему? – спросил Келлибо, нахмурившись.
– Потому что мы не остановимся. Мы сказали, что можем прокатиться два-три километра. Этого хватит, чтобы пробить ближайшую полосу окон.
– Ну уж нет! – Пола Тори покачала головой. – Даже не думайте...
Талия поморщилась, подошла к толстухе и взглянула на нее сверху вниз.

– Договоримся так, гражданка Тори. Жаль, хлыст едва дышит, а то продемонстрировала бы на вас самые интересные его функции. Зато руки у меня в полном порядке. Еще одно слово, нет, еще один косой взгляд – и я своими руками сдавлю вашу жирную шею так, что глаза из орбит вылезут.

– Пола, лучше прислушайся, – строго посоветовал Парнасс.

Талия вернулась на прежнее место.

– Спасибо, Сайрус. Да, мы пробьем полосу окон. Знаю, она прочная. Удерживает воздух при атмосферном давлении, способна выдержать удар небольшого корабля, волантора или поезда, упавшего с моста. Но вот на удар массивного шара она не рассчитана. Мы с Парнассом считаем, что полоса не выдержит нашего веса и выпустит нас в открытый космос.

– Где мы задохнемся и погибнем, – мрачно предрек Келлибо. – А следом остальные наши сограждане, потому что воздух устремится в стометровую брешь, которую мы пробьем.

– Беспокоиться не о ком, – возразила Талия. – Мы скрывали от вас, но, судя по имеющимся доказательствам, роботы методично истребляют людей. Ваших сограждан собирают в группы, умерщвляют и везут в производственный комплекс, чтобы извлечь ценные элементы.

– Ты не можешь быть уверена, что никто из людей не уцелел, – сильно побледнев, проговорила женщина в красном платье.

– Отчего же не могу? – спросила Талия. – Не исключено, что некоторые еще немного продержались, но мы единственные, кто смог защититься, потому что имели счастье оказаться неподалеку от центра голосования. У других не было такой крепости, значит не было и шансов задержать роботов.

– А как насчет нас? – спросил Катбертсон, на плече у которого по-прежнему сидела механическая сова. – Нам-то воздух нужен, даже если все остальные погибли.

– Воздух есть, – ответила Талия. – Достаточно, чтобы продержаться, пока нас не спасут. Шар герметичен, так что можно не беспокоиться. Только бы иллюминаторы не подвели! Внутренние двери остановят утечку

воздуха в основании шара, где он соединялся с башней. Ничего страшного, если останется небольшая течь. Главное, вырваться из анклава, и тогда, по моим расчетам, нас спасут в течение нескольких минут.

– Ты уверена? – спросил Келлибо.

– Уверена я в одном: если роботы сюда прорвутся, нам несдобровать. – Талия уперла руку в бок. – Звучит убедительно или в письменном виде изложить?

Мэриэл Редон кашлянула:

– Да, план на первый взгляд кажется чистым безумием. Именно так я подумала, когда меня в него посвятили. Но теперь, немного поразмыслив, понимаю: иначе никак. Либо катимся с башни, либо погибаем.

– Сколько у нас времени? – спросил Катбертсон.

– Почти нисколько, – отозвалась Талия.

– Нам нужно подумать, поговорить, убедиться, что другие варианты отсутствуют.

– У вас пять секунд, – объявила Талия, с вызовом глядя на Катбертсона. – Придумали что-нибудь? Похоже, что нет. Значит, это и есть наш план, и пункт о неприсоединении в нем отсутствует. Привязывайтесь к ограде. Возникнут сложности – постараюсь помочь, но дискуссии разводить некогда.

– У нас все получился, – заверила Редон и подняла руку, чтобы утихомирить сограждан. – Только действовать нужно быстро, не то опомниться не успеем, как роботы прорвутся сюда. Положение почти безвыходное, а Талия предлагает шанс. Не думайте, что я в восторге от ее затеи, просто чувствую, что выбора нет.

– Как насчет центра голосования? – спросил Келлибо. – Ты не забыла, что хотела вывести его из строя?

Талия показала ему обмотанный шарфом хлыст-ищейку.

– С центром закончу сейчас, потом спущусь на этаж послушать, что творится за баррикадами. Если там тихо, если роботы не прорываются ни по лестнице, ни снаружи, то я, возможно, выберу другой план спасения. В противном случае вернусь сюда перед самым стартом. Вам лучше исходить из того, что от плана мы не отступим.

Талия прошла через брешь в ограде, переключила хлыст в режим меча и бесцеремонно вонзила его в колонну центра. Ввинчивала все глубже и глубже, пока сопротивление не стало слишком сильным. Центр протестующе замерцал, в разные стороны от пробоины поползли глубокие черные трещины с острой кромкой. Талия вытащила хлыст из колонны и вонзила под другим углом. Хлыст громко жужжал, рукоять пульсировала.

Талия потела. Если не удастся вывести центр из строя и активировать хлыст в режиме гранаты, вся подготовка пойдет насмарку.

Талия вытащила хлыст. Большая часть колонны покрылась черным геометрическим узором. Центр еще действовал: очки подтверждали, что на низком уровне абстракция присутствует. Однако его возможности сильно снизились, – по крайней мере, когерентных пакетов роботам теперь не пошлешь.

Этим придется ограничиться. Супервещество в сердце колонны хлыстом не повредишь. Оно моментально восстанавливалось, а перенапрягать свое единственное оружие Талия считала чересчур рискованным.

Префект позволила хвосту расслабиться и втянула его в рукоять. Она сделала все, что могла.

– Давайте посмотрим, чего мы добились, – сказала она Парнассу.

Прежде чем спуститься к баррикадам, Талия обернулась проверить, выполняет ли группа указания. К ее радости, все привязывались к ограде, пусть даже часть тряпья была совсем ветхой. Кто-то возмутился, кто-то роптал, но Мэриэл Редон старательно растолковывала: по-другому никак.

«Может, они зря привязываются? – подумала Талия. – Может, достаточно снести центр голосования?»

Когда они с Парнассом спустились к баррикадам, Талия поняла, что роботы по-прежнему активны. Более того, они шумели громче, значит, приблизились. Казалось, вот-вот прорвут заслоны. Машины разъяренно гудели: действия Талии подогрели их гнев.

– Стало быть, покатымся, – резюмировал Парнас.

– Похоже на то.

Прочь от баррикад, скорее! Они побежали на лестницу.

– Центр голосования мы раскурочили, почему же роботы еще суетятся?

– Сайрус, мне известно не больше вашего. Возможно, роботы достаточно самостоятельны и в прямом управлении не нуждаются. Возможно, я повредила центр недостаточно сильно. Возможно, роботы собрали себе новый центр. Это несложно, если знать протоколы.

Они спустились к крышке люка, которую оставили открытой в прошлый раз. Сайрус засучил рукава и приготовился лезть первым.

– Не надо. Я помню и куда идти, и куда хлыст положить. Без вас не заблужусь, – заверила Талия.

– Дочка, я все равно пойду с тобой.

– Лучше возвращайтесь к остальным, проверьте, как выполняются

наши указания.

– С ними Редон справляется. По-моему, ты всех убедила, что других вариантов нет.

Талия старательно изображала уверенность, а в душе нарастали сомнения.

– Ведь и правда нет других вариантов?

– Конечно нет.

– А что, если я ошибаюсь?

– Другой вариант – ждать, когда к нам прорвутся механические твари. Даже если план не сработает, мы погибнем ярко и красиво, а не в лапах роботов-убийц.

– Оценить яркую и красивую гибель будет некому.

– Дочка, главное – мы сами ее оценим. – Парнасс ободряюще похлопал Талию по руке. – Пошли, заложим твою мину.

Через лес опор они пробрались к тому месту, где балки были надрезаны или перерезаны полностью.

– Наше счастье, что тут нет супервещества, – проговорил Парнасс. – Не то балки уже восстановились бы. Закон запрещает использовать супервещество вблизи центра голосования.

– Люблю законы, они во благо, – отозвалась Талия.

– Давай развернем красавца.

Талия размотала шарф. Хлыст дрожал, от высокой температуры плавился корпус. Пахло горелым.

– Так, мощность задаю максимальную, – комментировала свои действия Талия. – Эту установку он вроде принял. – Префект сделала паузу, чтобы остудить пальцы.

– Теперь таймер, – сказал Парнасс.

Талия кивнула и взялась за первое из двух колец таймера. Оно шло туго, но в итоге повернулось до предела. Второе кольцо служило предохранителем и исключало случайный перевод в режим гранаты.

– Пять минут, – сообщила Талия.

– Отсчет начнется сразу, как повернешь второе кольцо?

Талия снова кивнула.

– Должно хватить времени, чтобы подняться к остальным и привязаться к ограде. Но если хотите пойти прямо сейчас и проверить...

– Без тебя с места не сдвинусь. Ставь таймер.

Талия взялась за второе кольцо. По сравнению с первым оно поворачивалось куда легче, щелкая на делениях, но потом, задолго до нужной отметки, застряло. Талия попробовала снова, но кольцо заело на

той же риске.

– Не получается, – пожаловалась Талия. – Второе кольцо тоже надо поставить на триста секунд, иначе не начнется отсчет.

– Давай, я попробую.

Талия протянула хлыст. Парнасс повозился с кольцом и сощурился, разглядывая мелкие белые цифры.

– Дочка, его намертво заклинило. На ста секундах или чуть меньше.

– Этого мало, – сказала Талия. – За сто секунд мы точно не успеем подняться к центру голосования и привязаться к ограде.

– Есть другой способ включить таймер?

– Нет.

Вдруг Талия почувствовала себя морем, на котором после сильного шторма воцарился полный штиль. Никогда в жизни она не испытывала такого спокойствия и решимости. Вот он, момент истины! Талия ждала его с надеждой и страхом, знала, что рано или поздно он наступит, но она может пропустить его, если будет недостаточно внимательной и восприимчивой. Вот он, шанс искупить отцовские грехи.

– Дочка! – произнес Сайрус, выводя ее из кратковременного транса.

– Не беспокойтесь, – проговорила она. – Идите наверх и привязывайтесь к ограде. По дороге закройте все герметичные двери.

– А ты?

– Я подожду триста секунд, а потом выполню свою задачу.

– Какую еще задачу?

– Внесу вклад в общее дело, – дрожащим голосом объявила Талия.

– По-твоему, это правильно? – спросил Парнасс.

– Да.

– А по-моему, нет.

Талия пыталась возражать, пыталась заслониться, но Сайрус был сильнее и проворнее. Что с ней сделал Парнасс, она так и не поняла.

Глава 27

На компаде Дрейфуса возникло опухшее лицо Тиссена. У бедняги даже глаза не открывались.

– Знаю, что вы спали, и прошу извинить за беспокойство. Меня тревожит один вопрос. Нам нужно встретиться и обсудить его.

Вопрос окончательно сформулировался, лишь когда Дрейфус пробудился после короткого сна, только зачем сообщать об этом Тиссену?

– Дело срочное?

– Чрезвычайно.

– Жду вас на стыковочном узле через пять минут.

Тиссен казался на удивление бодрым, когда Дрейфус, сам довольно вялый, пришел на стыковочный узел. Тиссен болтал с Тезукой, своим сменщиком. Оба поглядывали в окно на техников, которые занимались вакуумной сваркой – восстанавливали поврежденный корпус катера. Оба что-то потягивали из термосов.

– Префект Дрейфус! – прервал разговор Тиссен. – Вам не мешает взбодриться. – Он протянул Дрейфусу термос, но Том отказался.

– Речь о катере, который угнала Сааведра, – сказал Дрейфус.

– Хотите сказать – о том, который угнали Сааведра и Чен?

Дрейфус кивнул. Он забыл, что Тиссену не сообщили о гибели Чена.

– Не возьму в толк, почему они позарились именно на этот катер. Выбор-то был. Они ведь угнали катер типа Б?

– Да, – ответил Тиссен, – а большинство новых кораблей у нас типов В или Г. Они не приспособлены...

– Для полетов в атмосфере, – договорил Дрейфус. – Так я и думал.

– С тех пор как Город Бездны и Блистающий Пояс разделили охранные полномочия...

– Префекты в атмосферу Йеллоустона почти не летают. Аэродинамические характеристики новых кораблей улучшены за счет уменьшения топливного отсека, который в прежнем объеме нам уже не нужен. Знаю, знаю... Но несколько трансатмосферных кораблей мы держим готовыми к вылету: вдруг понадобятся.

В глазах Тиссена загорелся огонек.

– По-вашему, они полетели на Йеллоустон?

– Не исключено. Попрошу вас заглянуть в свои журналы. Есть имена префектов, и нужно выяснить, какие корабли они брали для заданий.

Сможете подготовить такую информацию?

– Да, сейчас же этим займусь.

– Вот имена. – Дрейфус вручил Тиссену компад с доступом к директории, в которую загрузил досье на восьмерых членов «Головни».

Тиссен повел Дрейфуса в кабинет и одним прикосновением пальца перенес список к себе на компад. После чего бросил термос на стену и создал консоль.

– Сейчас проверю журналы. Какой период вас интересует?

Дрейфус представил, чем занималась «Головня» до уничтожения «пузыря» Раскин-Сарторий. Для перемещения Часовщика, созданных им вещей и исследовательского оборудования наверняка понадобилась не одна поездка.

– За последние два месяца.

– Готовьте кофе, префект. Пара минут мне понадобится.

* * *

Очнулась Талия с головной болью, ужаснейшей в жизни. Казалось, в висок ей вогнали гвоздь. Только попробовала вспомнить, откуда эта боль, – ощутила легкий дискомфорт во всем теле. Дышалось тяжело, руки были оттянуты назад так, словно она вывихнула оба плеча.

Что-то давило на грудь. Что-то впивалось в спину. Талия открыла глаза и огляделась по сторонам, припоминая, где находится и что, собственно, произошло.

– Осторожно, – проговорила Мэриэл Редон. Как и Талия, она сидела на полу спиной к ограде; как и у Талии, руки у нее были скрещены и привязаны к столбику. – У вас все хорошо, префект Нг. На голове большая шишка, но кровотечения нет. Как только выберемся отсюда, мы вас осмотрим.

– Что случилось? – спросила Талия через завесу боли. – Я не помню.

– Вы спустились под основание шара и хотели активировать таймер на хлысте-ищейке.

– Да, верно, – пролепетала Талия.

Какие-то проблемы с хлыстом-ищейкой в памяти отложились, но подробности вырисовываться не желали.

– Там ударились головой о балку и потеряли сознание.

– Я ударилась головой?

– Сюда вас принес гражданин Парнас.

Случившееся потихоньку воскресало в памяти. Талия вспомнила, как заело второе кольцо таймера и как она решила взорвать хлыст вручную. Вспомнила полную безмятежность: мелочи жизни рассеялись, оставив разум потрясающе чистым, свободным, полным перспектив, словно ночное небо. Дальше в воспоминаниях зияла дыра.

– Где Парнас?

– Пошел ставить таймер, – ответила Редон. – Вы же показали ему, как это делается.

– Нет... – начала Талия.

– Ждем его с минуты на минуту. Парнас сказал, что вернется и успеет привязаться.

– Он не вернется. Таймер заклинило... Я не ударилась. Это Парнас меня оглушил.

– Зачем ему? – недоуменно спросила Редон.

– Затем, что там, внизу, я хотела взорвать хлыст. По-другому не получалось. Парнас мой план не одобрил и решил сам взорвать.

Лицо Редон перекашивалось: постепенно до нее доходила страшная правда.

– То есть Парнас погибнет?

– Сюда он не вернется. Я показала ему, как задавать настройки. Он точно знает, что нужно делать.

– Кому-то нужно спуститься туда и отговорить Парнасса, – сказала Редон. – Он такой же гражданин, как мы, и не должен ради нас жертвовать собой.

– Когда он ушел?

– Довольно давно.

– Больше чем на сто секунд выдержку не поставить. И ждать Парнассу нечего.

– Значит, мы вот-вот покатымся?

– Если хлыст сработает. Если роботы не прорвались через завалы и не остановили его. – Талия понимала, что должна испытывать благодарность, но вместе этого чувствовала себя преданной. – Черт его дери! Зачем принес меня сюда? Столько времени потратил!

– Может, кому-то стоит?..

Договорить Редон не успела. По шару прокатилась взрывная волна. Судя по тому, как трянуло позвоночник Талии, хлыст рванул с максимальной мощностью. Лишь тогда Талия вспомнила, что он новый, полученный со склада пару недель назад. Энергии в нем было

предостаточно.

Шар сильно качнуло. Анклав за окном накренился, потом снова выровнялся. Секунда грохота плюс несколько секунд эха – вот и весь взрыв.

Опять стало тихо. Ни шар, ни анклав за окном больше не качались.

– Не получилось! Шар не скатывается, мать его так! – выругалась Талия.

– Погодите, – тихо сказал Келлибо.

– Ничего не получилось, гражданин Келлибо. Мы не движемся. Силы взрыва не хватило. Я подвела вас, заперола наш единственный шанс.

– Да погодите вы!

– Что-то происходит, – вмешался Катбертсон. – Слышите, как скрежещет металл?

– Мы наклоняемся, – объявила Редон. – Смотрите!

Талия повернула голову в тот самый момент, когда белый шарик архитектурной модели покатился к окну напротив центра голосования.

Снизу донесся громopodobный вой, словно подпиленная балка разом лишилась всей своей крепости. За ней завывала вторая балка, потом третья, потом хором завывало столько балок, что и не сосчитать.

Пол накренился еще сильнее. Талия почувствовала, как натянулись пути. Угол крена уже составлял градусов десять-пятнадцать. Внизу что-то гнулось и смещалось. У Талии эти звуки ассоциировались не с разрушением здания, а с агонией дикого зверя.

Тем временем угол наклона достиг двадцати градусов и продолжал расти.

– Получилось, – сказала она. – Мы движемся.

Разбросанную одежду и строительный мусор понесло к внешней стене. Модель музея загремела по полу и развалилась на части. Угол вырос градусов до тридцати. У Талии засосало под ложечкой. Анклав за окном наклонялся все страшнее. Стали видны участки, которые из шара прежде не просматривались, а предстоящий спуск неожиданно показался куда длиннее. Пятьсот метров – высота немалая. Вспомнилось, что говорил Келлибо: «Этот трюк смахивает на самоубийство».

Вдруг он прав?

Крен увеличивался быстрее. Сорок градусов, сорок пять. Казалось, руки сейчас оторвутся, а ведь пока их оттягивал лишь вес Талии. Когда шар покатится, станет еще хуже. Пятьдесят пять градусов. В окнах замаячило основание башни. Мимолетного взгляда хватило, чтобы понять: насчет боевых роботов она не ошиблась. Насколько просматривалась башня, они

были везде – облепили ее, словно черная плесень. Наверняка они подобрались к самому шару.

Что-то сломалось. Шар упал на несколько метров, словно верх башни рассыпался или просел под весом роботов. Потом раз – и шар покатился по стене. Угол крена подскочил до девяноста градусов. Проанализировать ситуацию или хотя бы оценить, на сколько они спустились, не хватало времени. Времени хватало для одной-единственной мысли: «Пока получается!»

На миг руки потянуло особенно сильно. Талия решила, что шар достиг основания башни и теперь катится по горизонтали. Она попробовала определить, замедляется ли шар, только разве на таком сосредоточишься?

Среди натужных хрипов послышался голос Келлибо:

– По-моему, мы уже за территорией музея.

– Неужели? – отозвалась Талия, перекрикивая сумасшедший грохот.

– Скорость не снижается. Только бы над полосой окон не пролететь!

Такой вариант ни Талия, ни Парнасс не рассматривали. Они считали, что шару хватит разгона, чтобы докатиться до окон и проломить их. О том, что огромная скорость способна пронести его вдоль по полосе, даже не подумали. Зато теперь Талия с ужасом поняла, что шар может прокатиться вдоль анклава и остановиться в его конце.

– Полосу уже видно? – спросила она.

– Вроде бы видно, – ответила Мэриэл Редон. – Только что-то не так.

– Слишком быстро катимся?

– Дело не в этом. Мы ведь должны катиться по прямой?

– Да, – ответила Талия. – А мы не по прямой катимся?

– Полосу окон я вижу, но мы приближаемся к ней под углом.

Встревоженная Талия не знала, что и думать. Они с Парнассом считали, что от основания башни шар покатится прямо или с минимальными отклонениями, вызванными препятствиями и трением. Сейчас она присмотрелась к кувыркающейся местности, попробовала разглядеть серую полосу окон и поняла, что Редон права. От прямой они отклонились, причем сильно, на столкновение с руинами не спишешь.

– В чем дело? – пролепетала Талия. – Мы же все просчитали. Шар должен был катиться прямо к окнам.

– К окнам мы и катимся, – ответил Катбертсон, сдавленный голос которого узнавался с трудом. – Просто вы забыли о силе Кориолиса.

– Шар должен двигаться по прямой, – повторила Талия.

– Так и есть. Но анклав вращается и заставляет нас двигаться не по прямой, а по спирали. Все дело в системе отсчета, префект.

– Сила Кориолиса... Черт, в «Доспехах» училась – и забыла о силе Кориолиса! – посетовала Талия. – Мы же не на планете, а во вращающемся цилиндре, мать его!

Шар снижал скорость. Местность за окошком-иллюминатором кувыркалась раза в два медленнее, чем вначале. Талия уже различала ориентиры, которые ее спутники заметили раньше.

– Ничего страшного, – успокоил ее Катбертсон. – Мы просто катимся к другой полосе.

– Для нас это принципиально? – спросила Талия.

– По-моему, нет. Пробьем эту полосу вместо той.

– В ближайшие секунды, – добавила Мэриэл Редон. – Приближаемся к окнам. Всем приготовиться. На краю цилиндра нас здорово тряхнет.

Талия приготовилась, насколько способен это сделать человек, скрученный в бараний рог. Когда шар с цилиндра перелетел на стеклянную гладь полосы окон, закружилась голова. По геометрически идеальной дуге шар скользил с невероятной плавностью. Скорость гасило только сопротивление воздуха, и она более-менее стабилизировалась.

– Пробей окна! – шептала Талия шару. – Пожалуйста, пробей! И не разгерметизируйся, когда это случится.

* * *

Прежде чем войти в штаб, Дрейфус постучал. Он считал необходимым соблюдать субординацию. Допуск «Панголин» во многом уравнивал его со старшими префектами, только сыпать соль на рану ни к чему.

– Дрейфус, боюсь, вы опоздали, – объявила Бодри, прерывая разговор с другими старшими префектами. – Устойчивая Вегетативность только что уничтожена.

Том даже за стол не сел – сразу подошел к модели Единой системы. С прошлого раза число рубиновых бусинок не увеличилось, только Дрейфуса это не утешало: он знал, какой ценой был замедлен натиск Авроры.

– Сколько эвакуировали?

– Сто семнадцать тысяч при населении сто тридцать тысяч. Неплохо, если учесть, что эвакуированные были без пяти минут мертвецами.

– Сейчас наша главная задача – вывезти население анклавов, на которые Аврора предположительно нападет в ближайшее время, – объявил Климмаунтин. – Наши мониторы показывают, что потоки долгоносиков

меняют направление. Им известно, что «веретено» и Устойчивая Вегетативность уже вышли из игры.

– Хотите сказать – уничтожены? – переспросил Дрейфус.

– Не суть важно. В данный момент мы точно не знаем, куда долгоносики направятся дальше. Кандидатов несколько. К сожалению, они не из числа тех, где мы уже проводим эвакуацию. Поэтому начинаем сначала.

– Куда направляют эвакуируемых?

Судя по реакции префектов, Дрейфус затронул болезную тему.

– При идеальном раскладе мы везли бы их в другую часть Блистающего Пояса, подальше от авангарда Авроры, – ответил Клирмаунтин. – Но даже на скоростных кораблях полет туда и обратно отнимет слишком много времени. Единственный приемлемый вариант – эвакуировать на сравнительно близкие анклавы, чтобы тратить минимум времени.

– Продолжайте.

Клирмаунтин оглядел коллег:

– Увы, ожидаемый фронт наступления Авроры затрагивает часть анклавов, на которые мы перевозим эвакуируемых.

– Понятно.

– Это значит: при эвакуации населения тех анклавов придется снимать с места и новоиспеченных беженцев. При наличных ресурсах ситуацию мы более-менее контролируем, но фронт расширяется, число анклавов, попавших под удар, растет в геометрической прогрессии, проблема беженцев скоро станет основным ограничивающим фактором. – Клирмаунтин развел руками, показывая, что бессилён, как это ни прискорбно. – В этой ситуации придется принимать нелегкие решения.

– Сегодня мы нанесли торпедный удар по двум населённым анклавам. Нелегкие решения уже приняты.

– Я о том, что помощь придется направлять с максимальной рациональностью, – проговорил Клирмаунтин с натянутой улыбкой.

– Разве не этим мы уже занимаемся?

– Да, но скоро этого станет мало. Чтобы вывести из-под удара максимальное число граждан, придется помогать лишь тем, кто не станет нас задерживать.

– Понимаю, к чему вы клоните. Считаете, коматозников нужно бросить.

– Разве они поймут, что с ними стало?

– Граждане добровольно погрузились в кому, при условии, что за ними

присмотрит Устойчивая Вегетативность, а если сам анклав с задачей не справится, выручат «Доспехи». Мы дали обещание этим людям.

– Вы беспокоитесь, как бы сдержать обещание, данное людям с мыслительной активностью капусты? – раздраженно осведомился Клирмаунтин.

– Я просто хочу понять, куда мы катимся. Коматозники нам неудобны – чудесно, избавляемся от них. Кто следующий? Недостаточно быстрые и симпатичные? Не поддержавшие нас на последнем референдуме об оружии?

– Не стоит впадать в мелодраму, – проворчал Клирмаунтин. – Дрейфус, вы явились сюда только для того, чтобы дискредитировать нашу и без того проблемную программу эвакуации?

– Клирмаунтин прав, – проговорила голограмма Джейн Омонье со своего обычного места за столом. – Коматозники – страшная обуза, куда проще перекрыть им систему жизнеобеспечения. Они затормозят эвакуацию, значит создадут лишний риск для остальных. Но Том еще более прав. Стоит переступить черту лишь раз – заявить, что одни граждане нам важнее других, – и можно смело сдаваться Авроре. Но мы так не сделаем. Наши принципы выше этого. Мы «Доспехи».

– Спасибо, – чуть слышно прошептал Дрейфус.

– Но нельзя, чтобы коматозники сильно мешали эвакуации, – продолжала Омонье. – Поэтому с ними нужно разобраться сейчас же, чтобы не терять времени потом. Давайте перебросим их подальше от Аврориного фронта – может, даже за пределы Блистающего Пояса, если найдем подходящее место.

– Потребуются корабли и человеческие ресурсы, – заметила Бодри.

– Понимаю, но сделать это нужно. Лилиан, у тебя есть предложения?

– Можно подумать о хосписе «Айдлвилд». Там привыкли к внезапным наплывам спящих с ограниченными возможностями, значит и с коматозниками справятся.

– Отличное предложение. Ты все организуешь?

– Займусь сейчас же. Верховный префект Омонье... – Бодри умолкла.

– Да?

– Прошло почти шесть часов. Ну... после разговора с Авророй.

– Спасибо за напоминание, я в курсе.

– Я лишь о том, что... с учетом ее возможностей... наших проблем с эвакуацией и ограниченным запасом ядерного оружия...

– Да, Лилиан?

– Считаю разумным по крайней мере рассмотреть предложение

Авроры. – Фраза у Бодри получилась натянутой, лицо дышало напряжением. – Раз победа ей гарантирована, мы обязаны максимально облегчить переходный период для граждан Пояса. Аврора пригрозила умертвить жителей анклавов, которые уже захватила. Боюсь, угрозу она выполнит, если мы не разошлем код передачи власти по Блистающему Поясу. Если хотим свести потери к минимуму, возможно, стоит сделать, как она велит.

– Чувствую, мы готовы поднять белый флаг, – проговорил Дрейфус.

– При всем уважении, полевой префект Дрейфус... – раздраженно начала Лилиан.

– При всем уважении, старший префект Бодри, закройте рот. – Дрейфус демонстративно отвернулся от Бодри и посмотрел на Клирмаунтина. – В штаб я пришел с конкретным предложением, и оно не имеет никакого отношения к капитуляции. Не возражаете, если я воспользуюсь моделью Единой системы?

– Хотите воспользоваться – можете создать копию у себя в отсеке, – ответил Клирмаунтин.

– Пусть эту запускает, – с опаской проговорила Омонье. – Том, что ты хочешь нам показать?

– Может, ничего существенного, а может, новый адрес Часовщика.

Омонье подняла бровь. Дрейфус не поделился с ней заблаговременно догадками, так что она знала не больше других.

– Тогда мы готовы немедленно тебя выслушать.

– Я верну модель на несколько часов назад, хорошо?

– Делай все, что нужно, – разрешила Омонье.

Дрейфус возвратил Единую систему к тому моменту, когда начал отслеживать катер Сааведры.

– Давайте вспомним, что перед нами, – предложил он, пока датчик времени прокручивался назад. – Модель Единой системы в режиме реального времени показывает состояние Блистающего Пояса и его анклавов. Еще она показывает Йеллоустон, но не статический вид планеты из космоса, а постоянно меняющееся трехмерное изображение, скомпилированное из отснятого с множества орбитальных точек.

– Мы все прекрасно это знаем, – буркнул Клирмаунтин.

– Давайте выслушаем Тома, – тихо попросила Омонье.

– Модель фиксирует все происходящее на Йеллоустоне. Перемены погоды, цвет облаков... Все заносится в память. Даже те редкие случаи, когда облака расходятся и видна поверхность планеты. Но дело не только в этом. – Цифры замерли: модель вернулась к состоянию на момент вылета

Сааведры. Дрейфус ткнул пальцем в блестящий диск на Поясе. – Это астероид «Доспехов». – Он сдвинул палец на пару сантиметров вправо. – Здесь Сааведру видели перед тем, как она скрылась от наших сенсоров. В открытом космосе мы, несмотря на маскировку катера, определили бы его местонахождение с точностью до нескольких световых секунд. В гущи Пояса это невозможно, особенно при нынешнем кризисе, и Сааведре это известно.

– Ты говорил, что мы ее потеряли, – напомнила Омонье. – Что-то изменилось?

– Сааведра заявила, что гнаться за ней бесполезно, поскольку у нас ни один корабль к полету не готов. Она блефовала. Может, сверхбыстрых кораблей наготове не было, зато были корабли с большим запасом топлива и боекомплект, чем у ее катера. – Дрейфус оторвал взгляд от модели. – В общем, я навел кое-какие справки и выяснил: в последнее время сотрудники «Головни» – про «Головню» ведь всем известно? – часто пользовались трансатмосферными кораблями, даже брали их на задания, которые таких кораблей не требовали. Возникает вопрос: зачем им это?

– Думаешь, они переправили Часовщика на Йеллоустон? – спросила Омонье.

– Похоже на то, – кивнул Дрейфус. – Конечно, сам по себе этот факт не слишком ценен. Йеллоустон – большая планета с великим множеством укромных уголков.

– Почему же они сразу Часовщика не спрятали там, а не в Раскин-Сартории? – спросила Бодри.

– Дело в степени риска, – ответил Дрейфус. – Навещать Часовщика в «пузыре» было так просто, что они занимались этим целых пять лет тайком от нас. Полеты на Йеллоустон скрыть труднее. Наверное, Йеллоустон они считали временным укрытием и собирались переправить Часовщика куда-нибудь на Пояс, но тут в игру вступила Аврора.

– Том, это великолепно, – похвалила Омонье, – только вопрос не решен. Ни у «Доспехов», ни у местной полиции нет возможности прочесать целую планету в поисках тайного убежища, особенно сейчас.

– Прочесывать не надо. Я точно знаю, где это убежище. – Дрейфус показал на изображение ночной стороны Йеллоустона, темное, за исключением холодного голубого мерцания замороженной молнии на южном полюсе. – Корабль Сааведры замаскирован, но даже невиконт невидим лишь до определенной степени. Чтобы не выдать себя, Сааведра была вынуждена лететь быстро и активно использовать недоступные ЦКТ зоны, совсем как префект на секретном задании.

– Какой нам от этого прок?

– После входа в атмосферу вариантов у Сааведры было немного. Она наверняка хотела бы погрузиться медленно и плавно, но тогда надолго зависла бы на подлете к Йеллоустону. Поэтому вошла резко и быстро, используя атмосферу как буфер.

– Тут мы ее и засекали, – продолжила Омонье.

Дрейфус улыбнулся. Ему нравилось, что Джейн всегда опережает его на шаг. Они словно работали в паре, подыгрывали друг другу, чтобы не осрамиться перед остальными, которым наверняка казалось, что каждая их реплика продумана и отрепетирована.

– Камеры уловили вот эту вспышку, – уточнил Дрейфус, пока модель менялась до заданной им временной отметки, и указал на пульсирующую у экватора Йеллоустона розовую точку. – Она соответствует характерным признакам корабля размером с катер, входящего в атмосферу на той же скорости, что была у катера Сааведры, пока он не пропал из поля зрения. Префекты, это Сааведра.

– Корабли постоянно курсируют между Йеллоустоном и Поясом, – заметил Клирмаунтин.

– Да, но не на такой скорости. Большинство подлетают к Йеллоустону медленно, при входе в атмосферу включают малую тягу. После референдума, на котором верховный префект запросила чрезвычайные полномочия, транспортный поток поредел. Люди сидят тихо, в надежде, что страсти улягутся.

– Место входа самое обычное, – проговорила Бодри.

– Согласен. Не исключено, что Сааведра еще долго летела в атмосфере. В этом случае, почему диспетчеры планеты ее не заметили? Мне кажется, Сааведра приземлилась быстро и резко, вблизи места назначения.

– Но ведь там ничего нет, – чуть наклонила голову Бодри. – Вижу погоду над Городом Бездны на дневной стороне планеты. Может, я забыла географию Йеллоустона, но Сааведра же в тысячах километров от ближайшего поселения.

Дрейфус дал модели Единой системы новую команду.

– Вы снова правы, Лилиан. Ближайший к ней населенный пункт на поверхности – Лореанвиль, в восьми тысячах километрах к западу. Только ни Лореанвиль, ни другое поселение под куполом не заинтересовало бы «Головню». Там не разгуляешься: на каждом шагу местная полиция.

– Так куда полетела Сааведра?

– Панораму поверхности! – приказал Дрейфус модели.

Супервещество атмосферного слоя вмиг рассеялось, обнажив складчатую поверхность Йеллоустона, покрытую хребтами, расселинами, кипящими холодными озерами, обжитую лишь выносливейшими организмами, приспособленными к метано-аммиачной атмосфере.

– Там ничего нет, – произнесла Бодри.

– Сейчас нет, а раньше было. – Дрейфус отдал другую команду, и поверхность испещрили красные символы с краткими комментариями.

– Том, что это? – спросила Омонье.

– Места бывших колоний или баз, построенных в додемархистские времена, в эпоху Американо. Большинству этих тоннелей и строений триста лет. Двести с лишним лет назад они стали руинами. – (Развивать тему не было смысла: Сааведра вошла в атмосферу прямо над заброшенной колонией.) – Может, это совпадение, только я так не думаю.

– Что это за место? – спросила Омонье.

– В эпоху Американо его называли Девятой поверхностной базой, или Девятой ПБ. Другие названия, если и были, у нас не зафиксированы. – Дрейфус пожал плечами. – Дело давнее.

– Давнее, но кое-что там осталось.

– «Головне» нужна не полностью готовая к работе база, а укрытие, чтобы держать там Часовщика и следить за ним. Зброшенная колония – самое то.

– Там что-то сохранилось?

– На поверхности – почти ничего, если верить картам. А вот по нашим старым данным, Девятая ПБ уходит вниз на несколько уровней. В геологическом отношении местность там устойчивая. Подземные уровни могли сохраниться сравнительно неплохо. Возможно, они и герметичности не утратили.

Клирмаунтин медленно выдохнул:

– В таком случае нужно отправить на Йеллоустон оперативников. Возможно, ничего там и нет, только рисковать нельзя. Наша главная задача – защитить Часовщика.

– При всем уважении, старший префект, я не советую отвечать на эти разведданные масштабными действиями, – возразил Дрейфус. – Поскольку ничего пока не случилось, можно быть относительно уверенными, что Аврора не сделала выводов, аналогичных нашим. Но если стянем туда силы, если перебросим в атмосферу внутрисистемники – Аврора заметит и заинтересуется брошенной базой американо.

– Очевидные факты она сопоставит в два счета, – сказала Омонье. – Том прав: скрытность необходима. Часовщика нужно защитить, пока у

Авроры не появилось и тени подозрения, что мы им занимаемся. Следовательно, массовая переброска техники и специалистов исключена. – Джейн сделала паузу. Воздух звенел от напряжения. – Однако кому-то следует туда отправиться. Я бы себя предложила – как-никак одну встречу с Часовщиком пережила, – только по очевидной причине это не вариант.

– Вас мы так и так не отпустили бы, – сказал Дрейфус. – С Часовщиком вы встречались, будучи полевым префектом. Значит, это задание для полевого префекта.

– Не обязательно для тебя.

– Считаю это задание своим с тех пор, как поговорил с капитаном ультранавтов. Разрешите мне побеседовать с Часовщиком.

– Он не беседует. Он убивает.

– Значит, нужно найти с ним общий язык. Занять гибкую позицию.

– Даже если потребуются уступки? – ужаснулся Клирмаунтин.

– Даже если так.

– Я не позволю!

– Тогда советую подумать насчет новой работы. Боюсь, Авроре, когда она захватит власть, старшие префекты не понадобятся.

В дверь постучали, вошла девушка. Дрейфус узнал ее: это она сообщила о враждебных действиях со стороны первых четырех анклавов, которые захватила Аврора.

– Снова плохие новости? – спросил Дрейфус.

– Не знаю, сэр, – ответила девушка, испуганно взглядываясь в напряженные лица префектов. – Мне велели срочно сообщить вам, что в ситуации вокруг Дома Обюссонов есть изменения.

– Какие еще изменения? – спросил Дрейфус, втайне страшась ответа.

– Сэр, вот изображения, полученные внутрисистемным крейсером, который дежурит у Дома Обюссонов. – Дрожащими руками девушка положила компад на стол. – Анклав разгерметизирован. Одна из оконных полос пробита: воздух вылетает в стометровую брешь.

Дрейфус притянул компад поближе и, повернув к себе, увидел анклав-сосиску и струю холодного серого воздуха, исторгающуюся из его бока.

– Откуда взялась брешь?

Девушка смотрела на Дрейфуса и отвечала ему одному, невольно игнорируя остальных, даже верховного префекта.

– Сэр, очевидно, полосу пробил некий предмет. Внутрисистемник следит за металлическим шаром, медленно удаляющимся от анклава по траектории свободно брошенного тела.

У Дрейфуса в горле пересохло.

– Что за шар?

– Непонятно, сэр. Ни на корабль, ни на оружие он не похож. Экипаж внутрисистемника запрашивает разрешение.

– Какое разрешение?

Девушка взмахнула ресницами:

– Выстрелить, сэр, уничтожить непонятный объект.

– Через мой труп, мать вашу! – выругался Дрейфус.

– Осторожность не помешает, – заметил Клирмаунтин. – Вдруг это часть Аврориного плана по захвату власти?

– Это Талия.

– Откуда такая уверенность? Мы же не представляем, что задумала Аврора.

– Власть она захватывает с помощью долгоносиков, – напомнил Дрейфус. – Зачем рисковать, меняя тактику, если и существующая работает прекрасно?

– Мы не можем знать, что у Авроры на уме.

– Я могу. Она не откажется от численного преимущества, которое дают долгоносики. Как ни крути, это часть ее плана.

– Из чего автоматически не следует, что шар связан с Талией Нг, – заметила Бодри. – Неловко говорить, но нет доказательств, что она не погибла в самом начале, на стадии захвата.

– Раз считаем ее погибшей, почему не бомбардировали Обюссоны?

– Потому что остается шанс, пусть даже призрачный, что местное население уцелело. Однако из этого не следует со всей очевидностью, что Талия среди выживших. – Бодри бросила на Дрейфуса сочувственный взгляд. – Понимаю, вам тяжело это слушать, только нужно реально смотреть на вещи. Каковы шансы, что Талия находится в шаре? Мы не знаем ни что он собой представляет, ни тем более как пробил полосу окон. Том, Талия лишь младший префект. Она много знает о центрах голосования и, не сомневаюсь, постаралась бы защитить граждан, но давайте трезво оценивать ее шансы на успех. Задания повышенной опасности она практически не выполняла. Поправьте меня, Том, но, по-моему, ранее Талия участвовала в одной-единственной блокаде.

– Я знаю Талию, – упирался Дрейфус. – Она сделала бы максимум возможного.

– Том, понимаю, вы хотите как лучше, но нельзя позволить неизвестному объекту...

– Соедините меня с внутрисистемником, – перебила ее Омонье.

Девушка активировала браслет.

- Верховный префект, вы на связи.
- Это Джейн Омонье, – начала проекция. – С кем я говорю?
- С капитаном Сарасотой, – продребезжал женский голос. – Мэм, чем я могу быть полезна?
- Капитан, вы следите за объектом, появившимся из Дома Обюссонов?
- Он у нас на прицеле, верховный префект. Готовы выстрелить по вашей команде.
- Нет, не стреляйте. Сохраняйте наивысшую оборонительную готовность, но приблизьтесь к непознанному объекту на дистанцию сканирования тепловизором. Хочу знать, есть ли в нем люди.
- А если есть?
- Доставьте их сюда, и чем скорее, тем лучше.

Глава 28

Дрейфус пристегнул ограничитель приближения, абсолютно уверенный, что делает это в последний раз. Либо он не вернется с Йеллоустана, либо, когда вернется, Джейн Омонье не будет парить в невесомости, дожидаясь его в этом отсеке. Руки тряслись, когда он пристегивал карабин, – так велика была значимость обоих вариантов.

– Когда вылетаешь? – спросила Омонье, едва Дрейфус остановился.

– Тиссен пообещал, что через тридцать минут корабль будет запущен и полностью готов к старту.

– Внутрисистемник?

– Нет, катер. Нам важно не бортовое вооружение, а возможность проскочить незамеченными.

– Нам?

– Пелл доставит меня к месту высадки, дальше пойду пешком.

– Пешком? – хмуро переспросила Джейн. – Об этом речи не было.

– По-другому не получится. «Головня» наверняка защищает Девятую ПБ от приближения посторонних кораблей. А вот если Пелл высадит меня вне зоны действия охранных датчиков, я проберусь на базу так, что они не среагируют.

– Как же ты определишь, где кончается зона действия охранных датчиков?

– «Головня» прячется, значит охраняемая территория ограничена. Они не летают на дронах, высматривая приближающихся по суше.

– Тебе хочется так думать.

– Я рискну. Очень поможет, если мне выпишете разрешение на брейтенбаховский бозер.

– Бери с оружейного склада все, что пожелаешь, – согласилась Омонье. – Была бы свободная торпеда, я бы и ее дала.

– Надеюсь справиться и без торпеды, но неужели правда дали бы?

– Да, укрепляя сердце. Беда в том, что арсенал у нас ограничен, и если уж обстреливаем анклав, фабрика долгоносиков должна быть уничтожена.

– Сколько торпед у нас осталось?

Омонье потупилась, и Дрейфус понял: вопрос больной.

– Пятьдесят. Чтобы гарантированно уничтожить все производственные комплексы большого анклава на линии фронта, нужны три или четыре торпеды. Плохо уже то, что до такого дошло. Кто мог подумать, что в

самом тяжелом кризисе «Доспехам» не хватит нескольких десятков ядерных боеголовок?

Дрейфус слабо улыбнулся:

– А если еще произвести?

– В нужные сроки не успеем. Мы так старались помешать производству этой мерзости, приняли такие меры предосторожности, что теперь и организационные вопросы быстро не решишь, и гражданские предприятия не перепрофилируешь. Боюсь, торпед нам не хватит.

– Будь у нас другое оружие для уничтожения опустевших анклавов, мы воспользовались бы им?

– Ты об оружии бóльшей разрушительной мощи, чем у ядерных боеголовок? Боюсь, такого в нашем распоряжении нет. – Омонье сокрушенно покачала головой. – Каждой боеголовкой с металлизированным водородом можно уничтожить целый анклав. Но на обстрел уйдут часы, да еще есть вероятность пропустить действующий цех, который способен выпускать долгоносиков.

– Я не о нашем арсенале, – пояснил Дрейфус. – Я о тех, кого мы винили в самом начале кризиса.

– Том, я не совсем понимаю...

– Я об ультра. Мы своими глазами видели, что их корабли творят с нашими анклавами. Согласен, Раскин-Сарторий не из гигантов, только суть не меняется. Джейн, ультра могут нас выручить.

– А они захотят?

– Не выясним, пока не спросим, – ответил Дрейфус.

Омонье глянула на свое невесомое тело, на болтающиеся ноги. Интересно, она заметила тонкую красную черту лазера, пересекающую шею аккуратно под головой? Если Джейн угораздит поднять руку, она увидит светящуюся черту на запястье. Гильотину Демихов и К° уже установили. Как сообщили Дрейфусу, лазер, настроенный с точностью до миллиметра, вполне годится для хирургии. Если луч пересечет Джейн шею над верхним концом скарабея, а прочие физиологические показатели окажутся удовлетворительными, Демихов произведет обезглавливание. Доктор даже отговаривал Дрейфуса от посещения Джейн: в присутствии другого префекта лезвия не активировать. Том это понимал, но повидаться с Джейн до отлета было необходимо.

– Не хочу тебя задерживать, – неуверенно проговорила Джейн. – Прежде чем уйдешь...

– Есть новости от капитана Сарасоты? – взволнованно перебил Том.

– Нет, я еще жду. По ее последнему сообщению, термальные

сигнатуры указывают на присутствие живых людей. Окончательно Сарасота удостоверится после стыковки с шаром, когда прорежет в нем отверстие. Понятия не имею, кто в шаре, но, похоже, это скоро выяснится.

– Враждебных действий со стороны шара не было?

– Нет. Тут твоя интуиция не подкачала.

Воцарилась тишина. Дрейфус знал, что в стыковочном узле ждет корабль, почти готовый к старту. Лететь не слишком хотелось, но мешкать не следовало. Путь к Девятой ПБ неблизкий, каждая минута на счету.

– Вы собирались что-то сказать, но я перебил...

Омонье потупилась:

– Непросто об этом говорить.

– Тогда отложите на потом. На Йеллоустоне я задерживаться не собираюсь.

– К сожалению, не отложишь. История с Часовщиком спровоцировала нечто такое, от чего я надеялась прятаться подольше, если не вечно. Даже сейчас не уверена, правильно ли то, что я собралась сделать. Точнее, стоит ли говорить тебе.

– Так скажите, и посмотрим, что из этого выйдет.

– Прежде чем улетишь, я загружу на твой компад один документ.

– Я должен его прочесть?

– Это непросто. Сейчас у тебя «Панголин», а для чтения нужна «Мантಿಕора», допуск уровнем выше.

– У меня нет «Мантикоры».

– Я дам, а использовать или нет, сам решай.

– Почему у меня могут возникнуть сомнения?

– Том, вряд ли ты сильно удивишься, если скажу, что дело касается последнего инцидента с Часовщиком и Силвестовским институтом искусственного интеллекта. А косвенно и Валери.

– Ясно.

– Ничего тебе не ясно, – мягко проговорила Джейн. – В смысле – пока. Прояснится, когда прочтешь документ. В СИИИ произошло нечто очень тяжелое для тебя лично.

– Я жену потерял. Тяжелее, наверное, не бывает.

Омонье прикрыла глаза.

Дрейфус чувствовал, как непросто даются ей эти откровения.

– В СИИИ случилось... не то, что занесли в официальные архивы. Была очень веская причина для сокрытия. Только ты не смирился с правдой.

– Не понимаю.

– В инциденте с Часовщиком ты замешан сильнее, чем считал последние одиннадцать лет. Инцидент... надломил тебя. Ты не мог нормально нести службу, сам это почувствовал и попросил провести реабилитацию.

Дрейфус парил в невесомости, но тут почувствовал, что летит к невидимым глубинам темной шахты.

– О чем это вы?

– По твоей просьбе мы подвергли тебя селективной амнезии – подтерли воспоминания об инциденте с Часовщиком.

– По официальным данным, я был далеко от СИИИ, – возразил Дрейфус.

– Данные неверны. Почти все случившееся должно было остаться тайной, поэтому тебя переправили в другое место. Сделали это с моего разрешения.

Дрейфус чувствовал, что Джейн не лжет. Зачем ей, особенно сейчас? Горькая правда едва не разрывала ее пополам.

– А как насчет шестичасовой паузы? И что случилось с «Аталантой»?

– Ответы в том документе. Воспользуйся допуском «Мантукора» – и поймешь, почему нам пришлось солгать. Только учти: правда едва не сломила тебя. Одиннадцать лет я защищала тебя от воспоминаний, которые ты хотел стереть. Взамен получила идеального полевого префекта. Но сейчас я обязана дать тебе ключ, чтобы ты открыл тайник и встретился с прошлым.

– Стоит ли копаться в этом прошлом? – спросил Дрейфус тонким, как у ребенка, голоском.

– Не знаю, но я не могу отпустить тебя на Йеллоустон, не снабдив полной информацией о Часовщике. Окончательный выбор за тобой.

– Понимаю.

– Прости, Том, но я вынуждена так поступить. Если бы существовал другой способ...

Дрейфус глянул на тонкую красную линию, пересекающую горло Джейн как предвестник шрама.

– Вам извиняться не за что.

* * *

Когда Дрейфус появился на герметизированной смотровой площадке,

капитан Пелл разговаривал с Тиссенем. Капитану схематично обрисовали предстоящее задание, хотя сути не объяснили.

– Мы войдем в атмосферу, словно обычный корабль, летящий в Город Бездны, – сказал Дрейфус. – Укроемся за облаками и сразу двинем к другому полушарию. Сможете выполнить такой маневр тайком от Авроры?

– Гарантий никаких, – ответил Пелл. – Если полетим на сверхзвуковой скорости, а Аврора направит датчики на нужную часть неба, то увидит возмущения на нашем конусе Маха.

Ответ Дрейфусу не понравился, хотя такого он и ожидал.

– Значит, сверхзвуковая скорость – не вариант. Как быстро долетим на дозвуковой?

– Часов за восемь-девять, в зависимости от траектории. Для вас это не слишком долго?

– Всяко быстрее, чем любым поверхностным транспортом. Хотя по поверхности я добрался бы не до Лореанвиля, а дальше.

Пелл ткнул стилосом в компад, который держал под мышкой.

– Вот глубокие ущелья, там можно спрятаться. На короткое время я даже сверхзвуковую скорость попробую: склоны погасят наш скачок уплотнения.

– Главное – побыстрее подлететь и чтобы система орбитальной слежки не засекала.

– Хотите прямо у базы высадиться?

– Нет, – покачал головой Дрейфус, – теплого приема я не жду. Оцените ситуацию на поверхности и подвезите меня поближе, но чтобы не среагировала противокорабельная оборона. Если понадобится, километров двадцать-тридцать пройду пешком.

– Как скажете, префект. Постараюсь выбрать для высадки самое удобное место.

– Знаю, что постараетесь, но чудес не жду. – Дрейфус глянул в окно на катер, черным клином застывший на краю пусковой установки. – Мы готовы к старту?

– Да, – кивнул Пелл, – займем свои места, пристегнемся, и можно лететь.

– На борту есть скафандр для выхода на поверхность?

– Есть абсолютно все, что вы заказывали, плюс столько оружия, сколько люди Тиссена ухитрились запихнуть в грузовой отсек.

– Надеюсь, до перестрелки не дойдет, но лучше захвачу побольше, – кивнул Дрейфус.

Он уже хотел пройти на катер, когда на смотровую площадку влетел

префект Службы внутренней безопасности, едва затормозив у ограничителя приближения.

– Префект Дрейфус! – закричал он. – Как хорошо, что я вас застал! Нам сообщили, что вы улетаете и не будете на связи, а мне нужно передать вам сообщение.

– Речь о Талии?

– Сэр, она жива! – ответил префект, улыбаясь. – Жива, здорова и спасла большую группу жителей Дома Обюссонов.

– Слава богу! – Несмотря на страшное волнение, Дрейфус расплылся в улыбке. – Она уже вернулась?

– К сожалению, сэр, внутрисистемник капитана Сарасоты должен остаться в том регионе.

– Талия не пострадала?

– По нашим данным, пассажиры шара отделались легкими травмами. Зато Талия принесла плохую новость. Видимо, все остальные жители Дома Обюссонов погибли.

– Все остальные погибли?

– Да, сэр, и дело не в разгерметизации. Талия говорит, что местные роботы часами собирали людей в группы и уничтожали. Она опасается, что больше никто из населения Дома Обюссонов до утра не дожил.

– Спасибо, что сказали, – поблагодарил Дрейфус. – Пожалуйста, поставьте в известность верховного префекта. Ей важно знать, что население Дома Обюссонов истреблено.

– Она уже в курсе, сэр. Другие пожелания будут?

– Только одно. Когда Талия Нг прилетит, передайте ей несколько слов от меня. Я очень рад, что она выбралась из Дома Обюссонов, и безмерно ею горжусь. Такие, как она, – будущее «Доспехов». Вернусь назад, с удовольствием скажу ей это лично.

– Сэр, я обязательно все передам.

Пелл прошел на катер последним и заблокировал палубную перегородку. Дрейфус к тому времени проверил скафандр, оружие и инструменты, с удовлетворением увидев все, что запрашивал. Снаряжение получилось сложным, скафандростена такого не создаст. Экипировали его отлично, техники собрали больше, чем он мог унести, каждый предмет аккуратно закрепили. Захотелось немедленно надеть скафандр, но Дрейфус помнил, что в йеллоустонской атмосфере они полетят на дозвуковой скорости. Времени будет достаточно.

Под ложечкой засосало, это в душу вернулся страх.

Катер пришел в движение. Дрейфус пристегнулся: сейчас будет запуск.

Жаль, побриться не успел. Жесткие волосы на шее скребли по воротнику, и Дрейфус чувствовал сильный запах собственного пота. Зазвонил браслет: Джейн Омонье, как он и ожидал.

– За пределами «Доспехов» на связь лучше не выходить, – сказала она. – Нет гарантий, что Аврора не прослушивает коммуникаторы дальнего действия.

– Весьма разумно.

– Касательно нашей последней беседы... Документ загружен на твой компад. Под сиденьем у тебя коробка, вскроешь и сразу все поймешь.

– Я уже принял решение. – Дрейфус хотел что-то добавить, пожелать Омонье удачи, но боялся ненароком выдать план Демихова. – Вернусь – и сразу к вам.

Катер рванул вперед. Дрейфус дождался, когда тяга возрастет до максимума, осторожно отстегнул защитную сеть и нащупал под сиденьем коробку. Прежде Дрейфус такой не видел, но пальцы нащупали замок, и крышка легко поднялась.

Дрейфус осмотрел содержимое.

В коробке было шесть доз стимулятора. Дрейфус взял тюбик и прочел этикетку. «Допуск „Мантಿಕора“. Старшему префекту Тому Дрейфусу для самостоятельного приема. Несанкционированное использование чревато летальным исходом без возможности регенерации».

Дрейфусу казалось, что он держит бомбу, у которой миг назад перестал тикать часовой механизм. «Старшему префекту Тому Дрейфусу», – прошептал он, словно в текст на этикетке могла закрасться ошибка. Но Дрейфус знал, что никакой ошибки нет.

Двигатель выключился – катер перешел в режим свободного падения. Так ему двигаться до входа в атмосферу, а там начнет тормозить. Едва Дрейфус поднялся на борт, он создал окно, а сейчас увидел, что основные орбиты Блистающего Пояса уже позади. Анклавы всех форм и размеров напоминали флотилию богато украшенных судов. По космосу они плыли безмолвным караваном, на вид таким плотным, что между двумя катеру не пролететь, хотя Дрейфус знал: минимальное расстояние – километров пятьдесят – шестьдесят. Сейчас он понимал – модель Единой системы такой наглядности не давала, – сколь просто Авроре будет захватить власть на Блистающем Поясе. Разве пятьдесят – шестьдесят километров – расстояние для долгоносиков? Анклавы – ступеньки к ее полному господству.

Только где они, признаки кризиса? Сейчас под ударом тридцать – пятьдесят анклавов, с учетом тех, где вот-вот начнется эвакуация, но это

менее процента от общего числа подопечных «Доспехов». Вид из окна показался пугающе нормальным, эдакой панорамой Пояса в мирные дни. Однако Дрейфус помнил, каким быстрым получился захват, смоделированный Лилиан Бодри. Нет, мирный вид из окна – иллюзия, утешаться им не стоит.

«Хорошо хоть виражей на скорости пока не будет», – подумал Дрейфус, после чего вернул коробку с тубиками под сиденье и выбрался из каюты. Прежде чем проплыть в пилотскую кабину, он тихо постучал в перегородку.

– Спасибо за своевременный взлет, капитан Пелл, – поблагодарил Дрейфус и лишь потом осознал, что капитан в каюте не один. В кресле второго ряда, слева от капитана, сидел Спарвер.

– Привет, шеф!

Дрейфус даже не разозлился, что его приказ не выполнен: слишком велико было потрясение.

– Что ты тут делаешь? – пролепетал он.

Спарвер глянул на Пелла:

– Вот скажите, разве с помощниками так разговаривают?

* * *

Омонье парила одна в своем отсеке, стараясь думать о деле, а не о йеллоустонской миссии Дрейфуса. На дисплее она не выключила только четыре грани и максимально их увеличила. Перед Джейн были четыре анклав, в центрах голосования которых Талия Нг установила обновления, – «карусель» Нью-Сиэтл-Такома, «песочные часы» Самбуковая Шевелюра, Шлюмпер Онил и Дом Обюссонов. Патчи стояли уже более двадцати шести часов, за все это время с анклавов не пришло никаких известий. Прежде Джейн искренне верила, что граждане там целы и невредимы, просто живут при новом репрессивном режиме. Джейн также верила, что, пожелай Аврора убить людей, она произвела бы эвтаназию: разгерметизировала анклав или вывела из строя систему жизнеобеспечения. Лишь сейчас Омонье поняла, как жестоко ошибалась. Аврора и впрямь хотела уничтожить местных жителей, но не из ненависти и не из опасения, что они сорвут ее планы. Она просто не представляла, какую пользу эти люди могут принести. Из доклада Талии следовало, что Аврора пытается скрыть геноцид от внешнего мира, поэтому уничтожает

жителей старомодными, хорошо знакомыми способами – не декомпрессией и не запредельным повышением температуры, а с помощью местных перепрограммированных сервороботов. Людей собирали в группы, успокаивали лживыми посулами, а потом роботы их казнили, грузили трупы на других роботов и везли на переработку.

Омонье возмущало то, как Аврора использовала ее нежелание бомбардировать анклавов, в которых могли оставаться живые люди. Впрочем, если бы не Талия и спасенная ею группа, полной ясности не было бы до сих пор. В первых четырех анклавах наверняка перебили всех. Тем, кому удалось спрятаться от роботов, «Доспехи» уже не помогут.

«Нет, один способ есть, – подумала Омонье. – Можно покончить с их страданиями раз и навсегда, не дожидаясь, когда это сделают машины. Гуманность сомнительная, но вариантов нет».

– Капитаны Сарасота, Йокосука, Рибовиль и Гилден. Говорит Джейн Омонье. Можете открыть огонь по назначенным целям.

В этот раз никто не переспрашивал и не уточнял, окончателен ли приказ.

– Торпеды к бою готовы, – доложил Гилден.

– Торпеды к бою готовы, – отозвался Йокосука.

– Торпеды к бою готовы, – чуть ли ни хором проговорили Сарасота и Рибовиль.

Джейн закрыла глаза, не дожидаясь первого взрыва. Даже в качестве видеосигнала, подаваемого на дисплей, ослепительные вспышки проникли за опущенные веки. Омонье насчитала двенадцать – по три на каждый анклав.

Когда Джейн открыла глаза, от целей не осталось ничего, кроме четырех медленно рассеивающихся туманностей – это на ионы и атомы разложили обиталища двух с лишним миллионов граждан. Радость и грусть, блеск и нищета – человеческая жизнь во всей многоликости существовала в тех анклавах двести лет и в мгновение ока исчезла, словно безумная фантазия.

«Простите нас!» – мысленно произнесла Джейн.

* * *

Чуть позднее подтвердилось, что потоки долгоносиков из Дома Обюссонов и Шлюмпера Онила остановлены. Долгоносики,

произведенные до торпедной атаки, были еще в космосе, но на предполагаемых местах их высадки уже велась эвакуация. Омонье понимала: времени не хватит; хорошо, если до прибытия долгоносиков удастся вывезти семьдесят процентов населения. Лучшие специалисты работали чуть ли не круглосуточно, и Джейн не сомневалась, что они делают почти невозможное. Сейчас готовились корабли, чтобы изменить орбиты анклавов, удаленных от фронта Аврориного наступления. Передвинуть астероиды весом в миллионы тонн – задача архисложная, да и, по большому счету, это не выход. В лучшем случае получится немного замедлить нашествие долгоносиков.

Зазвонил браслет. Омонье глянула на него и убедилась, что пришел ожидаемый вызов.

– Верховный префект, это Бодри.

– Слушаю, Лилиан.

– Поступила сводка ЦКТ. – Бодри запнулась. – Зафиксировано масштабное перемещение в парковочном секторе. С обычных орбит сорвались десятки кораблей ультра. Верховный префект, субсветовики покидают парковочный сектор.

– Лилиан, они улетают из системы?

– Нет, то есть да... – замялась Бодри. – Некоторые улетают, большинство остается. Большинство движется в направлении Блистающего Пояса.

– Когда прилетят?

– Через шесть-семь часов попадут в территориальное пространство Блистающего Пояса. Если решим принять ответные меры, готовиться надо уже сейчас. Внутрисистемники следует перебросить из других точек, заправить, вооружить...

– По-твоему, это враждебные действия?

– Что же еще? Ультра десятилетиями мечтали захватить Блистающий Пояс, а нынешний кризис дает им шанс. Появление Авроры они используют, чтобы самим оказаться у руля.

– Лилиан, я с тобой не согласна. Более того, я попросила ультра о помощи, еще до отлета Дрейфуса обратилась к портмейстеру Серафиму. Ответа до сих пор не было, и я решила... Видимо, решила неверно. – Омонье помолчала, чувствуя, что напрасно не сообщила остальным про обращение к ультра. – Наладить связь с этими кораблями еще не пытались?

– Были стандартные запросы – мы такие посылаем всем, кто приближается к нашей территории, – но внятных ответов не получили.

– Это ничего не значит. Ультра есть ультра. У них обо всем свои

понятия.

– Верховный префект... нужно предполагать худшее.

– Худшее я предположу, когда получу доказательства враждебных намерений, а до тех пор даже лазерный дальномер в сторону тех кораблей не направлять. Это ясно?

– Ясно, – мрачно ответила Бодри.

– Лилиан, в нашем арсенале меньше сорока ядерных боеголовок. Ты правда допускаешь, что у нас есть шансы в войне с ультра?

– Я лишь о том, что им... нельзя доверять. Недоверие всегда было краеугольным камнем нашей оперативной политики.

– Тогда, возможно, пришло время избрать другой краеугольный камень. Они люди, Лилиан. Возможно, ультра нам неприятны. Возможно, у них совершенно иные ценности, но, когда машинный интеллект устраивает геноцид, по-моему, различия между нами резко теряют актуальность.

– Буду держать вас в курсе дела, – пообещала Бодри.

– Уж пожалуйста. Лилиан, ситуация непростая, но одно я знаю точно: новый враг нам сейчас совершенно не нужен.

Джейн отсоединилась и, убирая руку с браслетом ото рта, увидела красную полоску лазера на запястье. Омонье заметила полоску несколько часов назад, но не отвлекалась от дел и о ее назначении не думала. Сейчас образовалось «окно». Корабли ультра подоспеют часов через шесть-семь, Дрейфусу до Девятой ПБ лететь еще дольше.

Появилось время подумать.

Джейн снова поднесла руку ко рту.

– Соедините меня с доктором Демиховым, – негромко попросила она.

Доктор ответил почти мгновенно, словно следил за происходящим в ее отсеке.

– Верховный префект, какой приятный сюрприз! – Что-что, а врать Демихов не умел. – Не ждал вашего вызова.

– Доктор, если не ошибаюсь, вы что-то для меня готовите. Не могу отделаться от этой мысли. – Омонье прислушалась к его дыханию. – Я права? Лазер, которого вчера не было. Шум, которому Дрейфус так старательно искал объяснение... Доктор, что вы задумали?

Пауза получилась долгой, Джейн даже показалось, что прервалась связь.

– Вам лучше не знать, – наконец поговорил Демихов.

– Наверное, вы правы. Поводов сомневаться в вашем профессионализме у меня не возникало никогда. Просто хочу кое-что сказать.

- Говорите, – отозвался Демихов.
- На ближайшие часы у меня никаких дел нет. Если вы намерены снять скарабея, сейчас самое время.
- Это рискованно.
- Держать его у меня на затылке тоже рискованно. Доктор, я очень хорошо понимаю ситуацию.
- После запланированной нами процедуры вы можете потерять работоспособность, – неуверенно проговорил Демихов.
- В этом случае должность временно перейдет к старшему префекту Клирмаунтину. Но лишь до тех пор, пока я не смогу вернуться к своим обязанностям. Не отключайте меня надолго. Пара глаз и рот, чтобы видеть и командовать, – вот и все, что мне нужно. Ясно?
- Ясно, – ответил Демихов.
- Тогда приступайте к реализации вашего плана. Ведь все готово?
- Да, все готово.
- Не подведите, доктор. Отдаю себя в ваши руки.
- Если не получится... – начал Демихов.
- Я все равно буду вашей вечной должницей. А теперь уберите эту тварь с моего затылка!
- Вы в идеальном положении, – произнес Демихов. – Пожалуйста, не шевелитесь. Даже не отвечайте мне.
- Джейн Омонье затаила дыхание. Что-то щелкнуло.

Глава 29

Доктору Демихову казалось, что в отсеке все происходит удивительно медленно, словно симуляция проигрывалась на половинной скорости. Лезвия выдвинулись из ослабленной части стены и начали смыкаться вокруг верховного префекта. Омонье не сказала ни слова, даже бровью не повела: она не успела отреагировать на появление медицинской гильотины в ее личном пространстве. Лезвия приблизились к ее горлу и, перерезав его, сомкнулись с микронной точностью. Отсек разделился пополам, и Демихову пришлось следить за сигналами сразу двух камер. Наверху голова Омонье поплыла прочь от тела так медленно, что движение было почти незаметным. Внизу тело и скарабей поплыли в противоположную сторону. Реакцию скарабея на вторжение крупного объекта в заблокированную им зону Демихов наблюдал в том же замедленном режиме. Шея окуталась серо-розовым облаком. Сердце продолжало работать, кровь била фонтаном и вскоре скрыла из вида обезглавленное тело и паразита.

Демихов сосредоточился на верхней половине отсека. Время пошло куда быстрее, голова теперь не плыла, а неуклюже кувыркалась. Она тоже кровоточила, хотя не так обильно, как тело.

В обеих частях отсека появились роботы. Они двигались столь проворно, что не уследишь невооруженным глазом. Роботы отделили скарабея от шеи и поместили в кокон из взрывопоглощающего супервещества. В верхней части они аккуратно остановили голову, отдаляющуюся от блестящих лезвий, которые стали полом.

– Скарабей нейтрализован, – сообщил лаборант. – Повторяю, скарабей нейтрализован. В верхнюю часть можно засылать реаниматоров.

– Пусть идут! – скомандовал Демихов и бросился в верхнюю часть отсека так стремительно, будто на кону стояла его собственная жизнь.

К голове Демихов приблизился чуть позже реаниматоров. Роботы аккуратно зажали голову телескопическими манипуляторами. Хотелось просто опустить ее в бак с лекарственным супервеществом, но Демихов сдержался. Супервещество, конечно, стабилизирует голову, проникнет в мозг, сохранит его нейронную структуру и начнет необходимое восстановление тканей. Зато наверняка пострадает кратковременная память, сильно удлинится нормализация сознания и нервной системы. Демихов рассмотрел все варианты и понял: в этом случае клиническая

оценка – теоретические знания и практический опыт, накопленные с колоссальным трудом, – перевешивает простоту и удобство.

Врач хотел лишь взглянуть на шею, проверить аккуратность отсечения и оценить ущерб, нанесенный основным системам. Он тотчас увидел, что лезвия рассекли шею между третьим и четвертым позвонками, как ему и хотелось. Разрез получился таким аккуратным, что разрушил лишь межпозвоночный хрящевой диск. Сонная артерия, блуждающий нерв, яремные вены, наружная и внутренняя, были перерезаны в миллиметре от оптимальной линии. Симуляцию такого исхода Демихов назвал бы идеалистической, а тут реальность. В общем, пока операция «Зулус» шла превосходно.

По чистой случайности Демихов посмотрел на лицо Омонье. «Абсурд», – подумал он, запретив себе реагировать на осознанный взгляд. Только разве от такого отрешиться? Взгляд пронзительный, сосредоточенный, – казалось, Джейн смотрит только на него и прекрасно понимает, что с ней творится.

С момента отсечения и десяти секунд не прошло.

– Начинаем стабилизацию, – скомандовал Демихов. – План «Три-дельта». Давайте, работа не ждет!

Он рискнул снова посмотреть в глаза Джейн, но на сей раз вместо пронзительного понимания увидел пустоту.

* * *

В режиме свободного падения до Йеллоустона добирались три часа. Катер долетел бы в три раза быстрее, но тогда слишком высокая скорость могла привлечь внимание Авроры. Дрейфус не знал, сколь эффективна ее разведка, но необычный космотранспорт вряд ли ускользал от внимания, хоть гражданский, хоть полицейский. Как ни жалко было терять время, Дрейфус понимал: приближаться надо медленно и незаметно.

– Капитан велит пристегнуться, – сказал Спарвер, намекая, что пора отложить компад. – Минут через пять начнем тормозить перед входом в атмосферу.

Дрейфус коротко кивнул:

– Скажи ему, что сообщение передано.

Спарвер закрылся ногой и рукой, словно ждал удара.

– До сих пор злитесь на меня за то, что я на борт пролез?

- А ты как думаешь?
- Меня сама Джейн благословила. Кто, по-вашему, положил коробку вам под сиденье?
- По-моему, я ясно сказал, что полечу один, – ответил Дрейфус.
- Спарвер пожал плечами, будто все получилось по независящим от него обстоятельствам.
- Шеф, дело сделано, я на борту. Не лучше ли использовать меня по максимуму?
- Непременно использую. Будешь сопровождать Пелла, когда он полетит обратно.
- Вообще-то, я собирался сопровождать вас на прогулке по планете.
- Жаль, я не заказал второй планетарный скафандр. На борту лишь один, и тебе он не подойдет.
- Значит, не зря я выпросил у Тиссена дополнительный скафандр, – проговорил Спарвер. – И оружие тоже.
- Том вздохнул. Ясно, что Спарвер хочет помочь, и что он лучший из спутников – тоже ясно. Только Дрейфус уже решил отправиться один – он пересек Рубикон и теперь не может пойти на попятную, рискуя чужой жизнью.
- Спарв, я ценю твой жест, но ты один из немногих, кто следил за расследованием с самого начала. Поставить тебя под удар совесть не позволяет. Особенно с учетом того...
- Шеф, да хватит вам! – перебил Спарвер. – Нет уже никаких тайн, Джейн и старшие префекты знают о наших делишках все. Мы снова пушечное мясо. Разве это не окрыляет?
- Ты прав, – с чувством проговорил Дрейфус. – Мы пушечное мясо. И знаешь что? С задания мы вряд ли вернемся. Если нас не прикончит Часовщик, ему поможет «Головня» или Аврора.
- Так почему мы летим на задание, если гарантированно провалимся? – спросил свинья в кои-то веки серьезно.
- Потому что шансы на успех все-таки есть. Они небольшие, но этот вариант лучше всех остальных.
- Спарвер кивнул на компад:
- А это относится к нашему заданию?
- Не знаю. – Дрейфус развернул компад, чтобы Спарвер видел дисплей с дислексически зашифрованными данными. – Смысла в этом я вижу не больше, чем ты, а ведь у тебя не то что «Мантикоры», даже «Панголина» нет.
- Джейн дала вам допуск «Мантикора»?

Дрейфус скромно кивнул:

– Особой разницы пока не чувствую.

Том лукавил. Он вглядывался в скремблированный текст и периодически ощущал холодок близкого открытия, эдакую мысленную икоту, которая так и не начиналась. Текст еще не читался, а Дрейфус уже узнал ощущение: при «Панголине» возникало нечто подобное. Понемногу формировалась нейронная архитектура, необходимая для расшифровки. Пройдет от шести до девяти часов, прежде чем она примет окончательный вид, а на восприятие уже действует.

– Но со временем почувствуете? – не унимался Спарвер.

– Похоже на то.

– Шеф, что вам решила открыть Джейн?

– Почему мне знать, если я пока не могу прочесть текст?

– Но ведь Джейн намекнула?

– Да, намекнула.

– Речь, наверное, о Часовщике?

– Да, речь о Часовщике, – буркнул Дрейфус. – А теперь не оставишь ли меня в покое, чтобы до прибытия я попробовал разобраться?

– Понял, шеф, – ответил Спарвер с сочувствием, какого Дрейфус, по его собственному мнению, не заслуживал. – Раз дело касается Часовщика, оно касается и Валери?

– Валери мертва, – ответил Дрейфус. – Я пережил ее смерть. Это ничем не изменить.

Спарверу хватило здравомыслия прекратить расспросы.

Вскоре началось торможение, потом катер на несколько минут набрал скорость, а когда проник во внешние слои атмосферы, Дрейфус чуть ли не в полной мере почувствовал гравитацию. Никаких всплесков, ничего вроде стремительного вхождения Паолы Сааведры – катер медленно погружался в уплотняющийся воздух, двигатели спасали от чрезмерного аэродинамического трения. Сторонний наблюдатель принял бы катер за пассажирский корабль, возвращающийся в Город Бездны с процветающих орбитальных анклавов.

Дрейфус задремал. Сонливость вызывал допуск «Мантукора», воздействующий на сознание. Когда Том проснулся, он чувствовал себя так же, но, едва взглянув на компад, понял, что еще на шаг приблизился к пониманию документа. Целые фразы мелькали на грани ясности, словно дикие звери в высокой траве. Дрейфус прочел:

интеллекта...

Экстренные меры на период ЧП с Часовщиком...

Прототип корабля с таранно-черпальным двигателем, старый, но в целом исправный...

Таранный лайнер «Аталанта» допущен к полету...

Герметизирующий эффект магнитного поля...

Потери среди гражданского населения сведены к минимуму, но не исключены...

Неминуемые потери...

Указом верховного префекта Альбера Дюсолье полевой префект Том Дрейфус наделен чрезвычайными полномочиями...

Тут в памяти Дрейфуса распахнулся тяжелый люк, запертый и забытый одиннадцать лет назад. Он увидел лицо Валери, озаренное детским восторгом. Она стояла на коленях – высаживала цветы на клумбу – и повернулась к нему.

Дрейфус понял, что совершил по отношению к ней нечто ужасное.

* * *

Смотровая находилась чуть выше операционной, и Мерсье, воспользовавшись этим, следил за происходящим. Операционная была полностью оборудована в самый первый день, а использовалась считанные разы. Команда Демихова периодически тренировалась в ней, хотя подразумевалось, что скарабея отсекут стандартным способом, с минимальным хирургическим вмешательством. Лишь в последнее время операционная работала круглосуточно: возросла вероятность применения плана «Зулус» и реаниматоры напряженно готовились.

Когда выдавалась свободная минутка, Мерсье наблюдал, как реаниматоры корпят над медицинскими моделями: используя микрохирургию, сращивают головы с телами. Прорабатывались варианты и с целым телом, и с поврежденными в различной степени при отделении скарабея. Оригинал, который сращивали сегодня, был из травмированных. Голову отсекали с нечеловеческой точностью, но скарабей сильно повредил три шейных позвонка ниже линии отреза. Ничего критичного – верховному префекту даже новое тело отращивать не понадобится, однако

восстановительной работы будет много.

Подробностей операции Мерсье не видел. Светло-зеленые медицинские роботы обступили голову и тело, лежащие на разных столиках в метре друг от друга. Роботы казались неуклюжими, если не следить за скоростью, с которой их манипуляторы сращивали ткань. Мелькание и блеск антисептического металла скрывали тайны плоти. То и дело кто-то из длинношеих роботов оборачивался, чтобы задействовать манипулятор, отчего операция смахивала на комедию при ускоренной перемотке. Ассистенты Демихова в комбинезонах и масках расположились в паре метров от мечущихся роботов; они вглядывались в дисплеи, на которые транслировалась операция, но непосредственно с пациенткой не контактировали. Строго говоря, их присутствия в операционной не требовалось, но в случае сбоя у роботов они были готовы вмешаться.

Мерсье прекрасно понимал, что происходит в операционной. Роботы разбирали рассеченные нервные волокна на голове и на теле Джейн Омонье и соединяли их. Полевыми тралами они стимулировали различные области ее мозга, особенно сенсомоторную. Определив функцию нерва, роботы накрывали его колпачком с регенерирующим супервеществом. Пучки нервов, торчащие из тела Омонье, классифицировали с помощью миоэлектрической стимуляции. Когда голову присоединят к шее, колпачки – части одного нерва – опознают друг друга и ускоряют правильное сращивание волокна. Сложный восстановительный период неминуем: после операции Омонье ждет полный или частичный паралич, однако жизненно важные функции Демихов рассчитывал восстановить на первом же этапе.

Мерсье наблюдал до тех пор, пока не убедился, что все под контролем. Команда Демихова работала в авральном режиме, но спокойно. Реаниматоры хорошо подготовились к операции и с неожиданностями не столкнулись.

Скрепя сердце Мерсье отвернулся от операционной и бросил взгляд на свою часть медкрыла. Хотелось увидеть воссоединение головы и тела, но поджимала другая работа. Он слышал, что Талии Нг удалось вырваться из Дома Обюссонов и спасти несколько местных жителей. О серьезных травмах не сообщалось, но, когда внутрисистемник пристыкуется к астероиду «Доспехов», медпомощь никому не помешает, даже если придется обрабатывать только порезы и ушибы.

Через перегородку с окнами просматривался единственный пациент Мерсье, спящий на койке. Врач открыл перегородку, с компадом под мышкой приблизился к Гаффни и, постучав стилосом, вывел на дисплей

отчет о его состоянии.

Мерсье не одобрял настойчивого желания Дрейфуса устроить допрос с применением трала сразу после извлечения хлыста у Гаффни из горла. Физическое состояние пациента было неплохим: хлыст его травмировал, но серьезных повреждений не нанес. Впрочем, Мерсье раздражал сам принцип. Сейчас оставалось лишь признать, что медицинское наблюдение Гаффни больше не требуется. Его можно перевести в обычную камеру, а медкрыло освободить для Талии и ее спутников.

– Шеридан! – негромко позвал Мерсье. – Слышите меня? Пора просыпаться.

Сперва Гаффни даже не шевельнулся. Когда Мерсье повторил приказ, Гаффни замычал и с трудом разлепил веки.

– Доктор Мерсье, я крепко спал. – Голос Гаффни до сих пор напоминал карканье больной вороны.

– Да, вы нуждаетесь в отдыхе. – Мерсье снова постучал стилосом по дисплею, вызвав другие анамнезы. – К сожалению, сюда летит корабль с ранеными на борту. Вскоре эту койку придется освободить.

– Выпускаете меня? – прокаркал Гаффни.

– Не совсем. Вас приказано держать взаперти, но вполне можно перевести в обычную камеру.

– Странно, что Дрейфус тут не присутствует и вам не помогает.

– Дрейфус на задании, – буркнул Мерсье.

– Какая жалость. По отношению к больным Том сама тактичность. Случайно не знаете, куда он направился?

– Нет, не знаю, – ответил Мерсье после небольшой заминки.

– Что ж, надеюсь, он не заперет задание, каким бы оно ни было. Доктор, по-моему, нам с вами нужно устранить недоразумение. Том точно не приложил руку к моему переселению?

– Дрейфус тут ни при чем. Шеридан, я не одобряю ваших поступков, но того, как обошлись с вами, тоже не одобряю.

– Значит, Омонье? Она приказала?

– Джейн сейчас не в состоянии приказывать. – Мерсье тотчас пожалел о сказанном: Гаффни вовсе ни к чему знать об операции.

– Как это понимать?

– Да как хотите... Мне нечего добавить.

– Где Джейн? – Гаффни наклонил голову. – С ней что-то случилось? В последнее время здесь тише обычного.

– Не думайте о Джейн. Уверяю, в камере будет не хуже, чем здесь. Плюс круглосуточное наблюдение роботов – любую проблему они решат

практически моментально.

– Вы так заманчиво описываете, что отказаться язык не повернется, – съязвил Гаффни.

– Боюсь, выбора у вас нет.

– Ты прав, сынок, – с наигранным смирением отозвался Гаффни. – Против лома нет приема. Не сможешь ли встать? Спина что-то затекла.

Мерсье отложил компад со стилосом и склонился над пациентом. В следующий миг Гаффни уже стоял у койки, выкручивая Мерсье правую руку и прижимая стилос ему к горлу. Стилос, конечно, был тупой, но Гаффни давил сильно, вызывая боль.

– Если честно, я чувствовал себя лучше, чем показывал, – сообщил Гаффни. – Простите, док, но в камеру я точно не пойду.

Когда в горло тычут стилосом, много не скажешь, но Мерсье выдавил:

– Вам отсюда не выбраться.

– Прогуляемся к тебе в кабинет.

Боком, со стилосом у горла, Мерсье двинулся к выходу, чувствуя, что дыхание сбилось, а пульс участился.

– Рука! – пожаловался он. – Мне больно.

– Плевать на твою руку. Открывай дверь!

Мерсье привел Гаффни в административный мини-центр, слабо надеясь застать там кого-нибудь, способного утихомирить Гаффни или поднять тревогу. Но персонал либо участвовал в операции Демихова, либо ждал прибытия внутрисистемника в стыковочном узле, потому административный центр пустовал.

– Даже не думай звать на помощь! – предупредил Гаффни. – Подойди к своему столу. Выдвини стул и сядь.

Кабинет Мерсье был целиком из инертного вещества, а мебель – подчеркнута старомодная, как ему нравилось. Впрочем, даже имея врач необходимый материал, он не создал бы оружия или ограничитель движения: не хватило бы хладнокровия и сосредоточенности.

– Что вам нужно? – спросил Мерсье. Он сел, как требовал Гаффни, но стилос по-прежнему упирался ему в шею. – Вы мне руку вывихнете!

– С руками такое бывает. Открывай правый ящик стола.

– Моего стола?

Руке и горлу досталось еще больше.

– Сынок, я не в том настроении, чтобы повторять.

Левой рукой Мерсье выдвинул ящик.

– Там только документы. – Он наглядно продемонстрировал, что это именно так.

– Да, любишь ты бумажки, – отметил Гаффни. – Засунь руку поглубже.

– Там ничего нет.

– Засунь, сказал!

Мерсье вздрогнул, когда его пальцы коснулись незнакомого предмета, спрятанного в глубине ящика, где он не мешал драгоценным документам.

– Вытаскивай, – скомандовал Гаффни.

Мерсье нащупал предмет, тяжелый, как слиток стали. Форма показалась знакомой, хотя ничего подобного он до сих пор в руках не держал.

– Невозможно, – пролепетал он. – Здесь не должно быть...

– Сколько раз кабинет осматривала Служба внутренней безопасности? – спросил Гаффни.

Мерсье вынул руку из ящика. Пальцы сжимали черную рукоять хлыста-ищейки.

– Как же он?..

– Я подложил. И сюда, и много куда еще. Возможность ареста и разоблачения я игнорировать не мог. Кстати, хлыст есть и в камере, куда вы собирались меня упечь. «Невероятно, – скажешь ты. – Куда только смотрит Служба внутренней безопасности?!» Что, просек, в чем дело? – Хохот Гаффни получился утробным. – Клади хлыст на стол.

Мерсье выронил хлыст, который оставил вмятину на полированной древесине под настольной лампой. Одним плавным движением Гаффни выпустил руку Мерсье, ослабил давление на стилос и схватил хлыст.

Раз – и он активировал ищейку.

– Ты ведь знаешь, что бывает, когда такие вещи попадают в недобрые руки? – спросил он. – Давай не будем терять время.

* * *

Пелл остановил катер на выступе под кромкой каньона, вдоль которого они летели последние двадцать километров. Он отключил внутриатмосферные двигатели, чтобы вес катера переместился на трехное посадочное шасси.

– Ближе не подлететь.

Раздался неприятный хруст – это шасси сминало лед на кромке.

– Вы уверены?

Капитан надел очки и кивнул:

– Я бы не советовал подлетать ближе, если нет горячего желания проверить в деле оборону «Головни».

– Согласен, – вздохнул Дрейфус. Спорить с Пеллом – все равно что учить ученого. – Сколько отсюда идти?

Пелл показал на картосхему, созданную на палубной консоли.

– Вы здесь. – Он ткнул пальцем в кромку каньона. – Девятая ПБ здесь. – Он передвинул палец на пару сантиметров вправо. – Если по прямой, километров десять-одиннадцать. Большой плюс в том, что местность достаточно ровная, нужно обогнуть лишь одно ущелье, так что получается менее пятнадцати километров. У скафандров для поверхности есть усиление? Надеюсь, что да: бозеры-то немаленькие. С помощью усилителей сможете делать километра три-четыре в час. Значит, к ближайшему входу попадете часов через пять, может, через четыре.

– Если это большой плюс, что в минусе?

– Укрытий почти нет, поэтому я не могу приблизиться. Вам нужно прятаться и избегать открытых участков. Если засекут, советую пригнуться и сидеть тихо как минимум полчаса. Охранные устройства решат, что запеленговали дрона-мародера, который рыщет по поверхности в поисках безделушек эпохи Американо.

– А как нам войти? – спросил Дрейфус.

– Судя по изображению, вариантов несколько. Через парадную входить не советую. – Палец Пелла сдвинулся чуть в сторону. – Если приблизитесь, как рекомендую я, в этом месте попадете на вспомогательную въездную рампу. Вся информация загружена в ваши скафандры, так что об этом не беспокойтесь.

– Хорошо, – кивнул Дрейфус.

– Пожалуй, у меня все. С выступа спуститесь без особого труда: на плато поднимается русло пересохшей реки. Как туда доберетесь, сразу прячьтесь, максимально используйте естественные укрытия. У вас хорошие шансы дойти до Девятой ПБ засветло. К этому и нужно стремиться.

– А если не успеем? – поинтересовался Спарвер.

– Здесь быстро холодает. На тепловизорах вы будете как два маяка, из-за скафандров, разумеется.

– Тогда выступать нужно немедленно, – сказал Дрейфус, готовя скафандр к выходу в йеллоустонскую атмосферу. – Спасибо, капитан, что рискнули и подвезли нас так близко к цели.

– Рискую тут не я. – Пелл коснулся консоли и вчитался в данные. – Катер стабилен. Можно идти через шлюз.

Дрейфус кивнул Спарверу, и оба двинулись к скафандростене.

– Чуть не забыл, – вскинулся Пелл. – Пока вы были в кабине, пришли новости с «Доспехов».

– Им же не следовало с нами связываться.

– Конкретно с нами они и не связывались. Сообщение передано всем нашим кораблям. Похоже на шифровку: я ничего не понял, но вдруг вы сообразите.

– Что за сообщение? – Дрейфус судорожно сглотнул: неожиданно пересохло горло.

– «„Зулус“ выполнен. Повторяю: „Зулус“ выполнен». Это все. – Капитан пожал плечами.

Дрейфус коснулся шлема, чтобы опустить визор.

– Вы правы, смысл тут имеется.

– Новость хорошая или плохая?

– Рано говорить, – ответил Дрейфус.

Глава 30

Гаффни держал хлыст с напряженным хвостом у горла Мерсье примерно так же, как недавно Дрейфус – у его собственного. Они стояли у операционной, где команда Демихова до сих пор выполняла операцию «Зулус».

– Шеридан, я не могу вас туда пустить.

Острый край хвоста царапнул Мерсье шею – появилась кровь.

– Боюсь, для «не могу» сейчас не время. Ты откроешь дверь, не то реаниматорам, когда разберутся с Джейн, придется пришивать еще одну голову.

– Я не допущу, чтобы вы причинили вред верховному префекту.

Большой палец Гаффни ласково погладил рукоять хлыста.

– Последний раз повторяю, открой.

Вопреки знакам, запрещающим входить, Мерсье прижал ладонь к контактной панели. Дверь открылась – показались обтянутые комбинезонами спины реаниматоров, застывших у стоек с дисплеями, а за ними – медицинские роботы. На миг показалось, что все нормально. Мерсье услышал, как реаниматоры оживленно, но без малейшей паники обсуждают ход операции, и увидел, как защищенные перчатками пальцы тянутся к дисплеям, чтобы выбрать режим показа. Вот один из врачей заметил открытую дверь и удивленно уставился на Гаффни и его заложника.

– Что-то случилось? – спросил Демихов.

– А ты как думаешь, кретин?

– У нас сложная операция, – проговорил Демихов, сохраняя восхитительное хладнокровие. – Если вам что-то угодно, советую обратиться к старшему префекту Клирмаунтину.

– Вели своим остановить роботов и отойти от стоек с дисплеями.

– Боюсь, это невозможно.

– Тогда я убью Мерсье.

– Мы пытаемся спасти жизнь верховного префекта. Если вы не в курсе, мы отрезали ей голову, чтобы снять скарабея.

– Не люблю по сто раз повторять одно и то же. Вели своим сделать, как я сказал.

– Чего бы вы ни просили, какие бы требования ни выдвигали, выполнить их мы не можем.

– Это уж мне решать. – Хлыст царапнул сильнее, по шее Мерсье потекла красная струйка. – Последний раз объясняю: сделаешь, как я велел, – не трону ни Мерсье, ни верховного префекта. Начнешь кобениться – обеспечу пациентами на целую неделю.

– Пожалуйста! – взмолился Мерсье.

Демихов тяжело вздохнул и дал знак своей команде. Руки в перчатках коснулись дисплеев. Медицинские роботы остановились.

– Теперь отойдите от стоек, – велел Гаффни. – Чем дальше, тем лучше.

Реаниматоры отступили каждый как минимум на десять шагов. Гаффни толкнул Мерсье вперед, по-прежнему держа хлыст у его горла. Они гуськом пошли между стойками, мимо застывших роботов и остановились у рассеченного тела Омонье. С тех пор как Мерсье смотрел в последний раз, два стола придвинули друг к другу, теперь их разделяло лишь десять сантиметров. Вблизи сложность операции впечатляла еще больше. Голова Омонье покоилась на столике с мягкой подложкой, безостановочно вращающиеся щупы трала у бритого черепа напоминали колючий нимб. Кислородом голову обеспечивала сложная конструкция из артериальных шунтов, введенных через кожу или в месте отсечения. Часть нервов уже восстановили с помощью гибких проводов – соединили колпачки из супервещества на конце каждого обрубленного нерва.

– Ты доктор, – обратился Гаффни к Мерсье. – Сколько протянет Омонье без шлангов в голове?

– Без крови? Не очень долго.

– А конкретнее? О скольких минутах речь? О трех? Пяти? Шести?

– Максимум о четырех, а что?

– Значит, о четырех. Сними свой браслет и поднеси мне ко рту.

Пальцы не слушались, но браслет Мерсье снял.

– Соедините меня с Клирмаунтином, – приказал Гаффни.

Исполняющий обязанности верховного префекта ответил практически мгновенно:

– Клирмаунтин на связи. В чем дело, доктор?

– Это не Мерсье, а Гаффни.

Клирмаунтин сориентировался на диво быстро.

– Шеридан, какая неожиданность.

– Не дрейфь, на «Доспехах» я не задержусь.

– Где вы сейчас?

– В операционной у Демихова. Стою рядом с Джейн. А Демихов потрудился на славу.

– Не трогайте Омонье! – предостерег Клирмаунтин.

- С Джейн все будет тип-топ, конечно, если мне досаждать не станете.
- Уверен, мы сможем договориться.
- А я вот уверен, что не сможем. Мне здесь делать больше нечего, обратного пути нет. Не знаю, поверишь ли ты, но я человек рациональный. Все поступки совершил, веря, что помогаю людям. Я и сейчас в это верю. Я люблю нашу клятую организацию – по крайней мере, то, чем она была раньше. При этом понимаю: если Аврора не сокрушит «Доспехи», будущего у меня попросту нет.
- Шеридан, она робот. Вы служите альфа-копии, призрак девушки, которая погибла пятьдесят пять лет назад.
- Аврорино происхождение неведомо. К тому же главное – ее намерения.
- Аврора – убийца. Мы получили прямое подтверждение того, что жителей Дома Обюссонов взяли в плен и вскоре уничтожили.
- Неплохой ход, Гастон, – подначил Гаффни.
- Это правда.
- Мерсье почувствовал, что Гаффни обескуражен, но тот парировал:
- Аврора хочет защитить людей. Раз поставила себе такую цель, убивать она не станет.
- Шеридан, умоляю, послушайте! Аврора не та, кем кажется. Собственное выживание – вот ее единственная цель.
- Гастон, неужели ты так наивен? Говоришь, убиты жители Дома Обюссонов? Ты правда думаешь, что теперь я брошу все и прибегу к тебе на полусогнутых?
- Я покажу вам, – пообещал Клирмаунтин. – Позволю опросить префекта Нг, как только она вернется на «Доспехи».
- Увы, так долго я не задержусь. – (Ни с того ни с сего Гаффни отпустил Мерсье и толкнул с такой силой, что доктор запнулся, рухнул на робота и опрокинул, подняв страшный грохот.) – Ползи к остальным! – процедил старший префект.
- Шеридан? – позвал Клирмаунтин.
- Здесь я. – Гаффни нацепил на руку браслет, который успел выхватить у Мерсье, и поднес его ко рту. – Я смотаю удочки, но сперва ты кое-что для меня сделаешь. Для начала скажи, где Дрейфус.
- Не могу.
- Правда? Учти, я стою в метре от верховного префекта, в руке у меня активированный хлыст.
- Клирмаунтин ответил не сразу:
- Дрейфус в другой части Блισταющего Пояса. Через секунду сообщу

вам координаты...

Мерсье поднялся на ноги, чувствуя, что отделался ушибами, коснулся подсыхающего пореза на шее и понял, что рана неглубока.

– И это неплохо, – съязвил Гаффни. – Я тут осмотрюсь, ладно? – Он дернул трубку, тянущуюся к шее Омонье. – Я что-то вытянул из Джейн. Не знаю, важно или нет.

– Шеридан!

– Спрашиваю еще раз, где Дрейфус? Не ври мне, Клирмаунтин, я же на разоблачении врунов карьеру сделал.

– В закрытом лагере на Глазе Марко...

– Неужели? Так, а этот катетер куда тянется? Да тут кровь течет! Даю тебе еще один шанс. На твоем месте я ухватился бы за него.

– Он улетел на Йеллоустон.

Гаффни кивнул:

– Пока ставлю тебе плюс. Куда именно он улетел? Только не ври, что его перепрятали в Город Бездны.

– На Девятую ПБ.

– Ммм, напомни мне, что это.

– Брошенный исследовательский центр американо, – беспомощно проговорил Клирмаунтин.

– Ну вот, это уже кое-что. Гастон, ты как, выделишь мне корабль? Лучше типа трансатмосферного корвета – разумеется, с топливом, оружием и чтобы автопилот знал координаты Девятой ПБ.

– Боюсь, это нереально, – ответил Клирмаунтин.

– Смотрите, еще одна трубка! В ней что-то водянистое. Это спинномозговая жидкость, да?

– Корветов на пусковой платформе нет. Все на заданиях.

– Согласен на катер, но по топливу и оружию компромиссов не будет. Да, еще планетарный скафандр подкиньте.

– Я... поговорю с Тиссенем.

– Не тяни, Гастон. Я отправляюсь на стыковочный узел и беру с собой гарантийный талон. – Гаффни выдернул из головы провода и катетеры. – У тебя минуты четыре, не больше.

Гаффни схватил голову Джейн Омонье со столика.

* * *

Дрейфус со Спарвером брели по холмам, покрытым метаноаммиачным льдом. Впереди плыли их тени, которые удлинялись по мере того, как оранжевое солнце Эпсилон Эридана катилось к горизонту у них за спиной, прожигая коричневато-желтые облака, согнанные местными ветрами в гряды странной анатомической формы. Впереди зловещее бордовое небо пульсировало от далеких электрических бурь. Прямо над головой оно было узловатым, как старая древесина, и творожистым, как кислое молоко.

– Не хотите поговорить о том документе? – поинтересовался Спарвер.

– Не особенно.

Дрейфус немного изменил курс, чтобы для маскировки максимально использовать валуны. Они уже прошли семь километров от точки приземления. Осталось примерно столько же. Скафандры с функцией усиления позволяли тратить минимум энергии, больше утомляла постоянная необходимость выбирать безопасный путь, чтобы и держаться устойчивых участков, и не попадаться на глаза «Головне».

– С тех пор как расстались с Пеллом, вы точно воды в рот набрали. Неужели не рады, что у Талии все благополучно?

– Конечно рад. Просто нет настроения болтать. Не забывай, я эскорт не заказывал.

– Не заказывали, а я есть. Тот документ связан с Часовщиком?

– А ты угадай.

– Что же в нем так поразило вас? С чем вы никак не можете справиться?

– Это касается только меня.

– Я должен быть в курсе, я же ваш помощник.

– У тебя есть допуск «Мантಿಕора»?

– Нет, но и «Панголина» не было, а вы порой потчевали меня секретной информацией.

– Тут другое дело.

– Потому что оно касается Часовщика? Или потому что оно касается Тома Дрейфуса?

– Нам нужно меньше разговаривать.

– Нас не подслушают.

– Я о том, что полезно смотреть, куда идем. Провалишься под лед – не стану тратить время и вытаскивать.

– Вы такой заботливый!

Петля между расселинами, они прошли еще как минимум километр, прежде чем Дрейфус заговорил снова.

– Я кое-что о себе выяснил. Всегда считал, что в том ЧП я не замешан, а теперь знаю, что был там. Я находился в СИИИ и непосредственно участвовал в инциденте с Часовщиком. Когда он вырвался из-под контроля, я либо прибыл навестить Валери, либо уже возвращался обратно.

– Вы не помните?

– Мне заблокировали воспоминания. Сейчас прочел документ, и они проясняются, но я по-прежнему вижу их как через толстое стекло.

– Зачем вам заблокировали воспоминания? Из соображений безопасности?

– Не совсем. После тех событий мне не позволили бы нести полевую службу. Но если бы меня повысили до старшего префекта – а именно так собирались поступить, – проблем не возникло бы. Так что причина в другом, Спарвер. В тот день я принял решение, точнее, был вынужден его принять. Я просто не смог жить с содеянным.

– Какое решение?

– Я придумал, как спасти заблокированных в СИИИ, до которых Часовщик еще не добрался. Отсюда и задержка. Меня всегда интересовала шестичасовая пауза между освобождением Джейн и бомбардировкой. Теперь я знаю, что случилось.

– Вы их спасли?

Дрейфус молча двинулся дальше, шагов через десять остановился и ответил:

– Да, спас. Я спас их всех, и Валери в том числе.

* * *

Невыносимый холод, потом яркий свет. Омонье почувствовала себя невесомой. Неожиданно пришла мысль, что ничего не получилось и ее вместе со скарабеем вернули в отсек. От безысходности захотелось снова погрузиться в пучину забвения, из которого Джейн только что вынырнула, но тут она поняла, что скарабея нет. Омонье так привыкла к нему, что отсутствие его ощущала с болезненной остротой.

– Откройте глаза, – попросил доктор Демихов. – И не волнуйтесь, все будет в порядке.

– Неужели я спала?

– Да, впервые за одиннадцать лет. Простите, но разбудить вас было необходимо.

Возникла фигура в зеленом комбинезоне и маске на фоне зеленой же стерильной стены – над Омонье склонился доктор Демихов.

Она попыталась заговорить, но услышала грубую пародию на собственный голос, словно кто-то стоял рядом и читал ее мысли.

– Где я?

– В послеоперационной палате. Вы что-нибудь помните?

– Помню, как вызывала вас, как мы обсуждали ваши планы относительно меня.

– А дальше?

– Дальше ничего. Что у меня с голосом?

– Мы читаем ваши мысли с помощью трала. Не волнуйтесь, мера временная.

Мало-помалу Омонье поняла, что ниже шеи почти ничего не чувствует. Взгляд переводить получалось, но и только, – ни наклонить голову, ни повернуть ее.

– Доктор, покажите, что вы сделали.

– Нечто кардинальное. Только переживать не о чем: мы поставим вас на ноги в рекордно короткие сроки.

– Покажите! – В смоделированном голосе звенела настойчивость.

По сигналу Демихова ему протянули зеркало. Врач поднял его так, чтобы Омонье увидела свою голову, зажатую мягким фиксатором.

– Одиннадцать лет я не видела своего лица: ко мне не могли приблизить зеркало. Впрочем, дело не в этом, на скарабея я и краем глаза смотреть не хотела. Сейчас кажусь себе тощей старухой.

– Со временем мы все поправим.

– Наклоните зеркало.

Омонье увидела свою шею. Казалось, ее прикрепили к телу скобами, причем недавно. Гибкие провода и шланги ныряли под кожу.

– Понимаете, что нам пришлось сделать? – спросил Демихов.

– Как же вы?.. – начала Омонье.

– Готовились долго, а сама операция получилась быстрой. Пару секунд вы провели без сознания, потом за вас взялись реаниматоры, только вряд ли вы это помните.

Джейн внезапно поняла, как важно ей ничего не помнить. Но она помнила и яркий свет, и озабоченное лицо со впалыми щеками, и внимательный взгляд – лицо Демихова... Она вспомнила невыносимый холод и межзвездный вакуум, который полз по ее шее и тянулся ледяными пальцами в пустоту черепа.

Но что пользы, если Демихову до конца его дней будут сниться

кошмары?

– Вы правы, – сказала она. – Я действительно ничего не помню.

– Физически вы пострадали сильно, но все восстановимо. Останки скарабея мы нейтрализовали, и я собирался держать вас под наблюдением, пока голова и тело не срастутся полностью. Однако возникла небольшая проблема.

– Со мной?

– Не совсем. Подробности расскажу потом. Сейчас вам лишь нужно знать, что Гаффни сбежал с «Доспехов». Он взял катер и отправился за Дрейфусом.

У Джейн возник целый миллион вопросов, но она поняла, что с большинством из них придется повременить.

– Откуда он узнал, куда лететь? Ему ведь не сказали про Девятую ПБ?

– Гаффни... настоял на своем, – отозвался Демихов. – Клирмаунтин был вынужден раскрыть ему предполагаемое местоположение Часовщика. На месте Гастона я поступил бы так же.

– От Дрейфуса вестей нет?

– Ничего. По нашим предположениям, он пешком добирается с места высадки. – Демихов вернул зеркало помощнику. – В сознание я вас привел не поэтому. Сами видите, что тело и голова сращены не до конца, но мы на пути к цели. Вот разберетесь с текущей проблемой, и я восстановлю все функции. В успехе не сомневаюсь.

– Доктор, что за текущая проблема?

– Думаю, это лучше объяснит и. о. верховного префекта Клирмаунтин.

По мановению руки Демихова часть стены превратилась в дисплей. Голову Омонье наклонили так, что она хорошо его видела. Клирмаунтин смотрел на Джейн из штаба, на заднем плане маячил кусок модели Единой системы.

– Я могу с ней говорить? – спросил Клирмаунтин.

– Она в полном сознании, – заверил Демихов.

– Верховный префект Омонье, – звенящим от тревоги голосом начал Клирмаунтин, – простите, но это вынужденный шаг. Я объяснял, что вы передали полномочия мне, но они не слушают.

– Кто не слушает? – спросила Омонье.

– Они желают говорить только с вами, станут выполнять исключительно ваши приказы.

– Да о ком вы?

– Хотите, соединю вас напрямую?

– Если для этого меня разбудили, то мысль блестящая.

Клирмаунтин исчез. Теперь с дисплея на Джейн взидало чудище, некогда человекообразное, а сейчас прикрывавшее задубевшую от радиации кожу шарнирными накладками с выпуклым бронзовым узором. Глаза, две телескопические камеры, выпирали из глазниц. Жесткие от клея дреды стояли колом.

– Я капитан Тенгиз с субсветовика «Гнев восходящий». Мы готовы вам помочь.

– Благодарю вас, – сказала Омонье.

Затем Джейн показали увеличенную голову богомола или кого-то очень похожего, торчащую из горлового отверстия древнего скафандра. Богомол открыл рот, обнажив вполне человеческие зубы и язык:

– Я капитан Ретимнон с субсветовика «Инеистый ветер». Мы готовы вам помочь.

– Рада слышать.

Следующее лицо было бы однозначно человеческим, если бы не полное отсутствие носа.

– Я капитан Гронг с субсветовика «Оцепенение темноты». Мы готовы вам помочь.

Джейн начала благодарить, но изображение уже сменилось.

– Я капитан Кацуура с субсветовика «Дочь фараона». Мы готовы вам помочь.

– Я капитан Нхата с субсветовика «Черный нарцисс». Мы готовы вам помочь.

– Я капитан Вандерлин с субсветовика «Проблеск зари». Мы готовы вам помочь.

– Я капитан Тиг...

– Я капитан Войтландер...

Омонье насчитала десять кораблей, потом еще десять, потом сбилась.

– Благодарю вас, капитаны, – сказала Джейн, когда представился последний. – Спасибо, что откликнулись на мою просьбу о помощи. Ваше участие – огромное подспорье для нас. Считаю своим долгом предупредить – хотя вам это наверняка известно, – что вы подвергаете свои корабли и экипажи серьезной опасности.

На дисплее снова появилось лицо Тенгиза, первого из представившихся ультра.

– Верховный префект Омонье, мне поручено говорить от имени всех капитанов. Не сомневайтесь, риск мы осознаем полностью, но все равно намерены помогать.

– Огромное спасибо.

- Мы ждем ваших распоряжений.
- Вариантов два, – сказала Омонье. – По вместимости ваши субсветовики превосходят любой корабль Блισταющего Пояса, включая самые большие лайнеры системы. Если поможете с эвакуацией, польза будет неоценимая.
- Мы сделаем все, что в наших силах. А второй вариант?
- Вы наверняка в курсе, что мы пытаемся сдержать Аврорин натиск, уничтожая анклав, которые захватили ее боевые роботы. Увы, наш ядерный арсенал тает, а других вариантов...
- Хотите, чтобы мы вмешались?
- Да.
- Как боевая сила?
- Капитан, технические средства у вас наверняка есть. Не желаю беречь старые раны, но мы видели, что сотворил корабль капитана Дравидяна. И это без оружия...
- Скажите, где и когда, – перебил Тенгиз.
- Я бы с удовольствием. К сожалению, я сейчас немного не в форме и нуждаюсь в дальнейшем лечении. Спасибо, что согласились говорить только со мной, но в дальнейшем прошу иметь дело с префектом Климмаунтином, моим полномочным представителем.
- Тенгиз смотрел на Омонье пустыми телескопическими глазами. В его лице, самым невероятным образом сочетавшем плоть и механику, Джейн не увидела ничего человеческого.
- Вы доверяете Климмаунтину?
- Да, капитан, целиком доверяю. Позвольте Климмаунтину говорить от моего имени.
- Быть по сему, – после небольшой паузы кивнул Тенгиз.
- Сейчас я снова засну, если вы не против. Удачи, капитан. И вам, и остальным.
- Мы сделаем все, что в наших силах. А касательно вас... – Тенгиз запнулся, и в его голосе Омонье впервые услышала смущение. – Мы знаем о вашей ситуации, верховный префект Омонье.
- Не подозревала, что интересна ультранавтам.
- И напрасно. Мы давно за вами следим и... уважаем. Из вас получился бы отличный капитан.

* * *

Дрейфус со Спарвером поднялись на последнее возвышение и оказались перед небольшой выемкой, похожей на старый кратер, который развели и углубили погодные и геохимические процессы. На дне выемки выделялось нечто необычное, хотя Дрейфус при беглом осмотре едва заметил это. Под землю уходил трап с бортами из полимерного материала, темным блеском напоминающего жженку. Местами растрескавшийся и покоробленный, он свидетельствовал о тектонических смещениях, но с учетом возраста в двести с лишним лет выглядел неплохо. Трап наклонялся к земле и сливался с тоннелем, на краю которого выросла решетка из острых, как кинжалы, сталагмитов и сталактитов из аммиачного льда. Дрейфус показал на центр решетки, где часть «кинжалов» обломали на уровне человеческой головы.

– Тут недавно кто-то был, – сказал Том.

Однако, не зная, как быстро растут сталактиты, он не мог определить, когда именно это случилось – несколько дней, лет или десятилетий назад.

– Давайте внутрь заглянем, – предложил Спарвер. – Обожаю мрачные тоннели, ведущие в недра земли.

Если система наблюдения засекала их, то никак не отреагировала. Дрейфус со Спарвером проковыляли по льду последние несколько метров до решетки. Дрейфус согнулся в три погибели, чтобы не сбить сталактиты, а Спарвер лишь голову наклонил. За решеткой тоннель убежал дальше, в невидимые глубины. Через акустический приемник скафандра Дрейфус услышал журчание и капель. Мрак сгустился, и Том опустил нашлемный фонарь, чтобы не угодить в коварные трещины. Очевидно, когда-то здесь был подъезд, но им давным-давно не пользовались.

Метров через пятьдесят-шестьдесят тоннель упирался в черную стену с широкой дверью, состоящей из шарнирных щитков, которые опускало с потолка некое устройство. Щитки остановились в полуметре от пола над пазом, в который должны были упереться для блокировки.

– Кто-то проявил небрежность, – заметил Спарвер.

– Или спешил. Думаешь, протиснемся?

Спарвер опустился на колени, снял и протолкнул в брешь оружие и часть снаряжения, потом встал на четвереньки и пролез сам.

– Все чисто, – объявил он и, кряхтя, поднялся. – Протолкните мне, что сможете.

Дрейфус отстегнул все громоздкое снаряжение, лег на черный растрескавшийся пол и пополз через брешь, царапая рюкзак. Что-то зацепилось, и в течение ужасного мига Том успел покрыться ледяным потом. К счастью, он сразу же освободился и вскоре поднялся на ноги

рядом со Спарвером. О повреждениях скафандр не сообщал, но, оказавшись проем на пару сантиметров уже, Дрейфус не протиснулся бы.

Он собрал снаряжение, искренне надеясь, что больше под дверьми ползать не придется. Попали они явно в грузовой отсек, предназначенный для транспортировки крупногабаритного оборудования из внешнего мира на Девятую ПБ и обратно. На противоположной стене имелась дверь, аналогичная той, под которой они только что проползли, но запертая.

– Дверь можно разрезать, – предложил Спарвер, хлопая по газовому резаку на поясе, – а можно попытаться отпереть. Если тут кто-нибудь есть, они узнают в любом случае. Выбирайте, шеф.

– Попробуй открыть дверь. А я попробую закрыть другую. Йеллоустонский воздух сюда лучше не впускать.

– Щадите Сааведру и ее дружков? – скептически поинтересовался Спарвер.

– «Головня» совершила преступления против «Доспехов». Хочу, чтобы персонал остался жив и ответил за них.

Дрейфус скovyрнул желтую наледь с пульта, прикрепленного к двери, под которой он едва не застрял. Состояла панель из небольшого числа бегунков и кнопок, подписанных на американо. Дрейфус нажал кнопку с направленной вниз стрелкой и услышал натужный вой скрытых механизмов. Дверь поползла вниз, выдавливая желтый лед из желобов.

– Видно, за электричество тут платят исправно, – проговорил Спарвер.

Дрейфус кивнул. Если прежде он сомневался, что «Головня» укрылась на Девятой ПБ, то сейчас сомнения развеялись полностью. База снабжалась энергией и поддерживалась в рабочем состоянии – по крайней мере, на минимальном уровне. Технологии американо, разумеется, надежны, но чтобы через двести лет без проблем открывались двери?..

Дрейфус вздрогнул, когда стенные панели без предупреждения разъехались. На потолочной решетке замерцали красные лампы, загудели мощные вентиляторы. Климатический датчик скафандра зафиксировал изменение давления и состава газовой смеси – воздух в отсеке становился пригодным для дыхания. Процесс занял менее трех минут, потом вентиляторы заглохли, панели вернулись на место.

– Теперь вроде могу открыть дверь, – объявил Спарвер.

Дрейфус понимал: медлить нельзя.

– Открывай! – велел он, морально готовясь к тому, что увидит за дверью.

Спарвер сдвинул рычажок и встал рядом с Дрейфусом, держа бозер Брейтенбаха двумя руками. Дверь поднялась, и стало ясно, что за ней

никого нет. Дрейфус чуть опустил оружие, хотя бдительности не снизил. Префекты вместе переступили порог.

Вправо и влево убежал извилистый коридор, треугольный в профиль, со стенами и полом из металлических решеток. Освещенная красная полоса наверху соединяла наклонные стены и тянулась вдоль коридора. За решетками змеились ржавые заплесневелые трубы и устройства, сильно пострадавшие от крыс. Из поврежденного трубопровода валил горячий пар. Не будь префекты в скафандрах, они обожглись бы. Среди старых труб проблескивали и новые. «Головня» сделала базу пригодной для проживания, не замахаясь на уют и комфорт.

– Давайте монетку бросим, – предложил Спарвер.

– По часовой стрелке, – скомандовал Дрейфус и двинулся первым.

Решетчатый пол гремел под ногами, эхо разносило каждый шаг по коридору. Размеров базы Дрейфус точно не знал, но разве сложно представить, как грохот извещает нынешних хозяев о прибытии незваных гостей, если предполагаемые хозяева еще не заметили работу гермошлюза? Судя по показаниям скафандра, окружающий воздух вполне годился для дыхания, поэтому Дрейфус снял шлем и прикрепил к поясу. На астероиде Нервал-Лермонтовых нож, который Клепсида приставила ему к горлу, заставил пожалеть о принятом решении, но в этом тоннеле ножей не ожидалось.

– Да, здесь душновато, – проговорил Спарвер. Вслед за Дрейфусом он снял шлем и вдохнул холодный, пахнущий металлом воздух. – Вот, уже лучше.

– Следи за струями пара, – велел Дрейфус. – Если что, сразу надевай шлем.

Плавная дуга привела к стыковочному узлу. Поврежденные трубы, как драконы, изрыгали сиреневый пар. Дрейфус осветил полированную металлическую панель с текстом на американо.

– Центр управления в этой стороне, – объявил он, перекрикивая злое фырканье пара. – Судя по названию, начать следует с него.

– Или держаться от него подальше.

– Я бы с удовольствием, но мы же здесь на задании, полевой префект.

– Шеф, вы хотите сказать, младший префект? – после небольшой паузы уточнил Спарвер.

– Ты не ослышался, а я не оговорился. Перед отлетом Джейн повысила меня до старшего префекта, почему бы мне не повысить своего помощника до полевого? Как ощущения, полевой префект Банкал?

– Ощущения прекрасные, хотя я представлял все иначе. Думал,

обстоятельства будут другие.

– Не сопряженные со смертельным риском? – спросил Дрейфус, пряча улыбку.

– Раз уж вы об этом заговорили...

– Сам я при повышении чувствовал то же самое, так что нас уже двое.

– Но повышение есть повышение. Значит, его упомянут в моем некрологе?

– Разумеется, – заверил Дрейфус. – Проблема лишь в том, что пока о повышении известно лишь мне. Не считая тебя, разумеется.

– Одному из нас неплохо бы остаться в живых, к этому вы ведете?

– Да, и желательно мне.

– Почему не мне, шеф?

– Потому что, если останешься жив, тебе некролог не понадобится, верно?

– Да, пожалуй, – кивнул Спарвер, как будто совсем не удивленный.

– Впереди что-то есть, – глухо проговорил Дрейфус, крепче сжав бозер.

Из-за поворота сочилось голубоватое сияние, высвечивая шестиугольные ячейки решеток. Дрейфус решил, что они со Спарвером приближаются к центру управления. Том старался идти бесшумно; он сбавил шаг и приблизился к наклонной стене, надеясь использовать ее как прикрытие. Коридор упирался в большую пещеру, которая спускалась на несколько ярусов. Голубоватое сияние источали светильники, сетью висящие под голым каменным потолком в десятке метров над головой. Коридор вывел на огороженный перилами балкон, который опоясывал всю пещеру. Стена была облицована гладкими плитами, через равные промежутки в ней были размещены двери с номерами и таинственными символами, соответствовавшими функциональным отделам базы. Дрейфус оглядел пещеру с балкона и подумал, что перед ним своеобразный атриум. Останки клумб и декоративных прудов были окружены выложенными плитами дорожками. Сейчас на клумбах лежал лишь серо-черный пепел, а в прудах – пыль. Строители даже скамейки вытесали из камней. В центре атриума красовалась сложная металлическая скульптура. Глядя с балкона, Дрейфус не понял, что она олицетворяет. Не кактус ведь!

Дрейфус осознал, что предвзято относился к американо, первым хозяевам базы. Американо, возможно, имели особую, не похожую на общечеловеческую культуру, с иными ценностями, но здешний персонал нуждался в общении и отдыхе от службы. По большому счету, база мало отличалась от рабочего места самого Дрейфуса. Интересно, какие призраки

поселятся на «Доспехах» через двести лет после его смерти?

Полный недобрых предчувствий, Дрейфус оторвался от перил. Спарвер успел обежать четверть балкона, по пути проверяя каждую дверь. До сих пор попадались только запертые, но вот помощник добрался до приоткрытой. Гиперсвинья толкнул ее стволом бозера и жестом подозвал к себе Дрейфуса. Тот приблизился к новоиспеченному полевому префекту и оглядел комнату.

– Шеф, похоже, вы правы насчет «Головни».

Изначально комната была личным отсеком какого-то американо, а теперь служила временным жилищем соратнику Сааведры. Меж стен повесили гамак, на ящике с оборудованием лежал форменный пояс «Доспехов» с пустым карабином для хлыста-ищейки. В термосе остался кофе, правда остывший.

Ни на одном предмете не было пыли.

Префекты двинулись дальше, осматривая незапертые комнаты. Кроме оборудования и личных вещей, им попала пара компадов в рабочем состоянии. Дрейфус запустил один, но даже с допуском «Мантикора» ничего не смог понять, – очевидно, «Головня» использовала собственный протокол защиты.

Неуклюжие в бронекостюмах и скафандрах, Спарвер и Дрейфус спустились по лестнице на следующий ярус и обнаружили еще одно кольцо комнат – преимущественно просторных, явно использовавшихся как кабинеты или лаборатории. Попалась медсанчасть, потом было несколько комнат со стеклянными перегородками и светло-зеленым освещением. Древнее зачехленное оборудование выглядело странно и даже жутковато. От времени чехлы пожелтели и обветшали, зато сама техника почти не пострадала.

– Что стало с теми, кто здесь жил? – чуть слышно поинтересовался Спарвер.

– Неужели тебе на лекциях не рассказывали?

– Вы мне скидку-то дайте. Для свиньи и события пятидесятилетней давности – древняя история.

– Американо свихнулись, – сообщил Дрейфус. – Роботы привезли их сюда в своем чреве, как оплодотворенные яйцеклетки, произвели на свет, растили счастливыми, уравновешенными людьми, а получились счастливые уравновешенные психопаты.

– Неужели?

– Ну, я же на пальцах объясняю. Без нормального человеческого окружения счастливых, уравновешенных детей не вырастить: кто-то

должен научить их жить в обществе. Во втором поколении у американо появились отвратительные патологии. Начался бедлам.

– И что же они вытворяли?

– Например, рубили двери топорами.

– Не все же свихнулись?

– Не все, но нормальные оказались в меньшинстве и поселение не спасли.

Очередная лестница привела на самый нижний ярус атриума, к дорожке, вьющейся меж высохших бассейнов и клумб. Дрейфус подумал, что когда-то здесь было приятно проводить время, особенно если сравнивать с тюремной обстановкой на остальной территории базы. Тем не менее он чувствовал себя без спросу вторгшимся в гробницу. Дрейфус подумал, что персонал «Головни» нарушил ее святость задолго до них со Спарвером, но ощущение, будто он незваный гость, не исчезло.

Атриум опоясывали комнаты, все до одной просторнее, чем на верхних ярусах. В скалу они уходили на десятки метров. Коридоры ныряли еще глубже и, змеясь, вели в другие части Девятой ПБ. В конце одного брезжил дневной свет, – вероятно, там был другой атриум, размером не меньше этого. Несколько коридоров уходило под землю, показывая, что жилые ярусы есть и там.

Дрейфус остановился, не зная, какой маршрут выбрать. В центре управления он рассчитывал кого-нибудь встретить или найти любую подсказку, которая позволит понять, куда все делось. Но, кроме формы «Доспехов», не было следов присутствия людей.

Дрейфус хотел обсудить следующий шаг, когда услышал клохтанье, будто у помощника что-то застряло в горле.

– Спарв?

– Шеф, гляньте на статую.

Спустившись на самый нижний этаж, Дрейфус бегло осмотрел статую и убедился, что она такая, какой и казалась сверху, – остроконечная черная спица из кованого железа, на первый взгляд напоминающая кактус, анемон или угловатую пальму и совершенно абстрактная на второй. Скульптура метра на четыре возвышалась над его головой, отбрасывая на пол зубчатые тени. Состояла она из ствола и десятков острых как бритвенные лезвия листьев, в основном направленных к потолку. Дрейфус не заметил, а Спарвер обратил внимание, что основанием статуи был человеческий скелет.

Том столько лет прослужил в «Доспехах», но все равно содрогнулся. Трупов он видел не много, а скелетов и того меньше. Оправившись от

потрясения, Дрейфус понял, что человек умер уже давно. Большая часть плоти разрушилась, серо-черные клочья остались лишь местами. Уцелевшие кости потемнели и покрылись крапом. Одежда, в которую был облачен покойник, бесследно исчезла.

На большую спицу несчастного столкнули не то с балкона, не то с мостков, тянувшихся через атриум. Человек упал к основанию спицы: ему пробило грудь. Череп чуть наклонен, челюсть криво отвисла, пустые глазницы обращены к Дрейфусу. Словно скелет злорадствовал, упивался ужасом, который внушал живым.

По-настоящему ужасало не само убийство. Дрейфус не одобрял самосуд, да и нельзя было сейчас понять, заслужила ли жертва такой жуткий конец. По-настоящему пугало, что сотрудники «Головни» не сочли нужным убрать скелет. Они занимались своими делами, приспособливали базу для жизни, будто считали его неотъемлемой частью местного декора.

Дрейфус понял, что столкнулся с монстрами разных видов.

– Бросай оружие!

Дрейфус со Спарвером обернулись на голос. С балкона среднего яруса на них смотрел ствол бозера Брейтенбаха. Том знал, что при максимальном рассеянии луча их обоих убьет одним выстрелом.

– Привет, Пола! – сказал Дрейфус.

– Бросай оружие! – повторила Сааведра. – Скорее, не то пристрелю!

Дрейфус снял бозер с плеча и опустил на землю. Спарвер с явной неохотой последовал его примеру.

– Отойдите от оружия! – скомандовала Сааведра.

Она прошла по балкону к лестнице, держа префектов под прицелом. На ней были форменные брюки и черная безрукавка «Доспехов», китель отсутствовал. В таком наряде она казалась еще тоньше, чем при встрече с Дрейфусом в столовой. Не сотрудник «Головни», а фарфоровая статуэтка. Тем не менее бозер она держала без малейших усилий, а перекачивающиеся мышцы напоминали стальные тросы.

– Я не собираюсь убивать тебя, – объявил Дрейфус, когда ботинки Сааведры застучали по ступенькам. – Но за убийство Чена придется ответить, как и за участие в уничтожении «пузыря» Раскин-Сарторий. Охотно верю: ты и твои товарищи руководствовались своим пониманием служебного долга и считали, что поступаете правильно, укрывая Часовщика. Трибунал учтет все аспекты. Не стоит бояться правосудия.

– Ты все сказал? – Пола спустилась на пол и зашагала к префектам.

– Все, что хотел. Позволь вывезти отсюда Часовщика, и я очень постараюсь тебе помочь.

Сааведра пинками отшвырнула бозеры.

– Откуда такой интерес к Часовщику, а, Дрейфус?

– Увижу его, тогда скажу.

– Ты упомянул Раскин-Сарторий. Знаешь, почему Часовщика пришлось перепрятать?

– Наверное, кто-то начал вынюхивать.

– И кто же этот «кто-то»? Кому вдруг понадобился Часовщик, исчезнувший нашими стараниями столько лет назад?

– Гаффни служит Авроре. Это она решила разыскать и уничтожить Часовщика, потому что считает его опасным.

– А ты его опасным не считаешь?

– Аврора его боится, и в моих глазах это существенный плюс.

– Дрейфус, знаешь, в чем проблема? Ты не можешь доказать, что не врешь.

– А если попробую? Захоти я уничтожить Часовщика, сбросил бы ракету на эту базу тринадцать часов назад. Вместо этого, мы с напарником пришли сюда пешком, чтобы договориться.

– Чистая правда, – подтвердил Спарвер. – Пустите нас к Часовщику. Вы так долго его прятали, потому что считали: в один прекрасный день он понадобится. Представьте себе – этот день настал.

– Если честно, об Авроре мне известно не много, – сказала Сааведра. – Про кризис, конечно, слышала, и про эвакуацию тоже. Но кто за всем этим стоит? Не просветите ли?

– Если просветим, опустишь оружие? – поинтересовался Дрейфус.

– Там будет видно.

Дрейфус глубоко вздохнул, чтобы собраться с мыслями и успокоиться.

– Нам удалось выяснить, что такое Аврора. Это вышедший из-под контроля альфа-симулякр, один из Восьмидесяти. В отличие от других, она не застыла и не впала в патологический цикл. Аврора имитировала собственную гибель, а потом втайне совершенствовалась, набирала мощностъ и быстродействие.

Сааведра презрительно скривилась:

– Так где же ее носило пятьдесят лет – или сколько она отсутствовала?

– Пятьдесят пять. Мы не знаем, где она была все это время, знаем лишь, что кропотливо строила планы. Захват нескольких анклавов – только начало. Аврора решила полностью подчинить себе Блистающий Пояс. Людям в нем жить не позволят. Пояс станет большим придатком бессмертного интеллекта.

– Откуда такой мегаломаниакальный порыв, если Аврора столько лет

жила себе припеваючи у нас под носом?

– Она боится, что мы испортим Блистающий Пояс. Испортим настолько, что он станет опасным даже для развитого интеллекта альфа-уровня.

– Испортим? – Сааведра опять скривилась.

– Главное, Аврора убеждена, что нам нельзя доверить безопасность инфраструктуры, необходимой для ее существования, поэтому нас пора вывести из игры. Это не переворот: при ее режиме живых не останется, если не считать рабов, необходимых для ремонта машин. Пола, это массовый геноцид.

– Почему же она боится Часовщика?

– Потому что во всей системе лишь его интеллект сопоставим с ее собственным. Возможно, Часовщик даже умнее Авроры. Следовательно, он угрожает ее полновластию. Следовательно, Аврора должна его устранить.

– Это она и пыталась сделать, когда уничтожила Раскин-Сарторий, – вставил Спарвер. – Устроил все Гаффни, но он с самого начала подчинился Авроре. Только Аврора опоздала. Вы почувствовали ее интерес и перепрыгнули Часовщика сюда.

– Жаль девятьсот шестьдесят человек, погибших из-за дезинформации, – проговорил Дрейфус.

– Те люди, жители Раскин-Сартория, не должны были погибнуть, – сказала Сааведра.

– Так ты жалеешь об их гибели? – спросил Дрейфус.

– Конечно! – зло ответила Сааведра. – По-твоему, невинные жертвы нам на руку? Мы надеялись, что проявивший интерес к Часовщику отступится. Перемещение было мерой предосторожности. Мы не предвидели таких последствий.

– В это я готов поверить, – заявил Дрейфус.

– Верь, во что хочешь.

– Я также допускаю, что часть вины лежит на Энтони Теобальде. Он наверняка знал, что рискует жизнью близких, хотя до конца не понимал, кого приютил в своем анклав.

– Ему и не следовало знать. Никому из них не следовало. До самого конца.

– Один почти догадался. Точнее, одна.

– О ком ты? – спросила Сааведра, впившись в Дрейфуса взглядом.

– О Дельфин Раскин-Сарторий, дочери патриарха, художнице. Неужели ты не в курсе?

– Не в курсе чего?

– Дельфин поддерживала связь с Часовщиком. Правда, одностороннюю. Но связь есть связь.

Сааведра еще пристальнее посмотрела на Дрейфуса и категорично покачала головой.

– Нет, это невозможно. Дельфин не имела возможности контактировать с ним. Ни она, ни другие члены семьи, включая Энтони Теобальда. Часовщика держали в бронированной камере и выпускали, только когда нам хотелось с ним пообщаться. Он не то что из камеры выбраться, даже сигнал за ее предел подать не мог.

– А с Дельфин связь наладил.

– Не может быть!

– Нравится тебе или нет, но это случилось. Думаю, камера оказалась не такой инфонепроницаемой, как считали вы. Либо Часовщик отправил сигнал, когда вы с ним разговаривали, или чем вы там занимались во время посещения.

– Сигналу нужен приемник, – буркнула Сааведра.

– У Дельфин был приемник. В голове. Будучи добропорядочной представительницей демархистского общества, она напичкала себя имплантатами. Благодаря им Дельфин управляла инструментами, помогавшими ей работать. Часовщик сумел подчинить себе один или несколько имплантатов. Через них он насаждал в сознание Дельфин образы и влиял на ее творчество.

Сааведра скептически качала головой. Дрейфус чувствовал, что эту особу будет нелегко убедить, но заинтриговать ее уже удалось.

– Образы насаждал?

– Часовщик использовал ее как медиума, самовыражался через ее творчество. Дельфин думала, на нее снизошло чудесное вдохновение, а на деле она воплощала идеи Часовщика.

– Ерунда! – возразила Сааведра – впрочем, без особой уверенности.

– Возможно, это и привлекло внимание Авроры, – озвучил Дрейфус только что возникшую у него догадку. – Разумеется, чтобы чувствовать угрозу со стороны Часовщика, она должна была понимать, с чем имеет дело.

– И с чем же? Похоже, у тебя есть ответы на все вопросы.

– То есть сама ты не знаешь? – Дрейфус невольно улыбнулся. – Провозившись с Часовщиком столько лет?

– А ты, стало быть, знаешь?

– Кое-какие мысли имеются.

– Да ладно, Дрейфус! Если надеешься запудрить мне мозги своим

блефом...

– Совершено преступление, – перебил ее Дрейфус. – В основе всего лежит элементарное убийство невинного. Часовщик – прямое следствие этого преступления.

– Кого убили?

– Объясню, если опустишь бозер. А еще лучше покажи Часовщика.

– Снимайте скафандры, – велела Сааведра. – Хочу убедиться, что у вас нет другого оружия. Почувствую подвох – убью.

– Сделай, как она велит, – глянул на Спарвера Дрейфус.

Префекты сняли и аккуратно сложили в стопки бронекостюмы и скафандры. Под скафандрами у обоих была стандартная форма «Доспехов».

– Повернитесь спиной, – приказала Сааведра.

Дрейфус со Спарвером подчинились.

– Теперь лицом ко мне! Снимите хлысты, но не активируйте.

Дрейфус со Спарвером отстегнули хлысты и бросили на пол.

– Пните их ко мне.

Префекты снова повиновались. Держа их под прицелом, Сааведра опустилась на колени, пристегнула хлысты к поясу, потом одной рукой сняла собственный, модели «В», и активировала. Хвост зашуршал по полу, острая кромка мелькнула завитушкой яркого серебра. Сааведра ловко перехватила рукоять и направила лазерный глаз на Дрейфуса и Спарвера, пометила обоих. Потом выпустила хлыст.

– Подтвердить фиксацию цели, – скомандовала она, и хлыст кивнул рукоятью. – Остаться в режиме слежения. Если расстояние от целей до меня уменьшится до пяти метров или, наоборот, увеличится до десяти, применить максимальную силу, смертельный исход допускается. Приказ ясен?

Хлыст кивнул.

– Вот мы и оговорили основные правила, – резюмировал Дрейфус.

Сааведра приблизилась к брошенным бозерам, положила свой, извлекла из чужих батареи и пристегнула к поясу рядом с изъятыми хлыстами. Затем взяла свой бозер и повесила на плечо стволом вверх.

– Это называется жестом доверия. Не злоупотребляйте им.

– Нам и без этого весело, – ухмыльнулся Спарвер.

– Следуйте за мной и помните об указаниях, которые я только что дала хлысту. Я покажу Часовщика, если вы действительно хотите его увидеть.

Глава 31

Сааведра повела их в недра Девятой ПБ по одному из пандусов, которые, как ранее заметил Дрейфус, спускались от атриума к нижним ярусам базы. Замыкал шествие хлыст-ищейка, неустанно оценивающий расстояние между Сааведрой и ее гостями, – пусть только попробуют нарушить заданные параметры! Хорошо, когда тебя не держат на мушке, но с хлыстом шутить не стоит. Если прежде Том боялся, что у Сааведры дрогнет палец, то сейчас опасался шаблонных мыслей устройства чуть умнее сторожевого пса. Вообще-то, Дрейфус не собирался нарушать правила, но вдруг он споткнется или случайно пересечет пятиметровый рубеж?

– Часовщика я вам покажу, – пообещала Сааведра, – но о любых переговорах забудьте. Это не рациональный интеллект.

– Аврора хочет его уничтожить, – чтобы понять это, особой рациональности не требуется, – возразил Дрейфус.

– Считаешь это козырем?

– Считаю, причем самым крупным. Вариантов-то нет.

– Как вам удалось так быстро устроить здесь тюрьму строгого режима? – полюбопытствовал Спарвер.

– Ничего особенного мы не устраивали. Времени едва хватило, чтобы эвакуировать Часовщика с Раскин-Сартория. К счастью, что-то вроде клетки здесь уже было. Потребовались небольшие изменения, но ничего сверхъестественного.

– Ты имеешь в виду токамак? – спросил Дрейфус.

– Тока... что? – переспросил Спарвер.

– Термоядерный реактор, который во времена американо обеспечивал эту базу энергией, – надменно пояснила Сааведра. – Дрейфус прав, мы воспользовались токамаком. Это большая вакуумная камера, замкнутая магнитная ловушка. В сравнении с портативными генераторами токамак жутко неудобен, но нам сгодился. Мы проверили его, отрегулировали систему наблюдения – особых сложностей не возникло. Так куда проще, чем ставить наши охранные устройства. Для них пришлось бы вырубать новую пещеру.

– Надеюсь, вы доверяете технике американо, – сказал Дрейфус. – Токамак вряд ли рассчитан на длительное содержание хитроумного робота-психопата.

– Я уверена, он не подведет. Иначе разве прилетела бы сюда?

– Где остальные? – спросил Дрейфус.

– Остальные из «Головни»? На Йеллоустоне сейчас лишь мы с Саймоном Вейчем.

Дрейфус помнил это имя из списка, который дала ему Джейн. Почему-то в памяти оно отпечаталось четче других.

– А остальные?

– На заданиях – куда «Доспехи» послали. С тех пор как Джейн распорядилась о ликвидации «Головни», приходится жить двойной жизнью. Ты хоть задумывался, как нам удавалось заниматься и своими делами, и служебными?

– Задумывался.

– Терапевтический режим, благодаря которому бодрствовала Омонье, пригодился и нам. Большинство сотрудников «Головни» обходится несколькими часами сна в неделю.

– Саймон, я нашла лазутчиков, – проговорила Сааведра в браслет, надетый на тонкое бледное запястье. Выслушав ответ Вейча, она сказала: – Да, только двое. Веду их к реактору. – Сделав еще паузу, пояснила: – Разумеется, оба под контролем, иначе я бы их уничтожила.

Наклонный тоннель стал горизонтальным. Из коридора, вдоль которого тянулись склады с оборудованием, трое попали на балкон, опоясывающий атриум, размером чуть меньше предыдущего. Этот атриум почти целиком занимал реактор, стоящий на подставках-амортизаторах, словно огромный ведьмин котел. Он был светло-зеленый, с тонкими ржавыми полосами на стыках панелей. Несколько панелей блестели, как хромированные, – вот и все признаки ремонта. Дрейфус понял: «Головня» проделала минимальное восстановление, чтобы только запустить магнитные генераторы.

Самую широкую часть реактора окружали мостки. У темного смотрового окошка притаился пульт, за которым дежурил мужчина в черном. Мужчина обернулся, поднял голову и состроил гримасу. Призрачно-тощий, как Сааведра, Вейч казался таким же жилистым и сильным.

– Зря ты их не убила! – прокричал он сквозь негромкий рокот реактора.

– У них есть информация о Часовщике, – объяснила Сааведра. – Якобы знают, откуда он взялся. Хочу послушать Дрейфуса.

– Мы сами знаем, откуда он взялся, – раздраженно парировал Вейч. – Из СИИИ. Там зародился, там и взбесился.

– Нет, зародился он не там, – возразил Дрейфус. – В СИИИ Часовщик сформировался и раскрыл свою истинную сущность, но возник он в другом месте.

– Спускайся! – рявкнула Сааведра.

– Отмени приказ хлысту, – попросил Дрейфус. – Я тебя не трону.

– Спускайся по лестнице. С хлыстом сама разберусь.

Дрейфус со Спарвером протиснулись мимо Сааведры, памятуя, что ближе чем на пять метров подходить нельзя. Префекты с грохотом спустились на заставленный аппаратурой пол, к самому реактору.

– Поднимитесь на мостки, – велела Сааведра, – и объясните Вейчу, зачем вам Часовщик.

Дрейфус перехватил взгляд Вейча и повторил то, что говорил Сааведре, – назвал Часовщика единственным серьезным оружием в борьбе с Авророй.

– Что ты предлагаешь? Выпустить его, в надежде, что он выполнит боевое задание и вернется?

Дрейфус взялся за перила и полез на мостки, Спарвер следом.

– Я надеялся, что выпускать не придется. Дело в самосохранении. Может, сумею объяснить Часовщику, как сильно Аврора хочет его уничтожить, и он поймет, что ее нужно сокрушить. Спасет себя, а заодно и нас.

– Прямо из клетки?

– Он же машинный интеллект, – напомнил Дрейфус. – Как и Аврора, хоть она и появилась на свет человеком.

– Как это поможет нам?

– Аврора представляет собой набор программ, имитирующих человеческий разум. Но ведь без физической архитектуры софт не запустишь.

– И что? – нетерпеливо спросил с мостков Вейч.

– Где-то стоит машина, на которой запущены моделирующие программы. Вероятно, Аврора управляет захватом системы, находясь в одном из тех анклавов, что пока подконтрольны нам. Потерянный анклав мы можем расстрелять, а ей рисковать ни к чему. Если бы время позволяло, мы проанализировали бы трафик. Увы, у Авроры времени хоть отбавляй, а у нас считанные дни.

– Думаешь, у нее свободный доступ к сетям?

– Почти наверняка. Аврора пряталась от нас пятьдесят пять лет, значит она способна перемещаться без проблем. А вот самокопироваться не может. Это ограничение заложено в структуре альфа-симулякров самим Кэлом

Силвестом. Альфы защищены от копирования и даже от архивирования.

– Может, она уже это преодолела?

– Вряд ли. Могла бы копироваться, не тревожилась бы так о своем выживании. Аврора боится именно потому, что существует в единственном экземпляре.

– Понятие «машина» в данном случае условно. Пусть Аврора не может самокопироваться, но что мешает ей распределиться, рассредоточиться по целой тысяче анклавов?

– Есть один фактор, – ответил Дрейфус, когда, пыхтя от натуги, поднялся на мостки. – Называется он исполнительной скоростью. Чем больше рассредоточена Аврора, тем сильнее будет сказываться разница времени прохождения сигналов. Если ее части будут находиться в противоположных концах Блистающего Пояса, возникнут неудобные паузы в доли секунды. Аврора останется такой же умной, как сейчас, но фактор временного лага рассинхронизирует работу ее сознания. Тут появляется серьезная проблема. Авроре мало быть только умной, особенно сейчас, когда она воюет на десяти тысячах фронтов. Ей нужно быть умной и быстрой.

– У тебя сплошные гипотезы, – проговорил Вейч, когда к нему осторожно приблизился Дрейфус, а следом Спарвер, Сааведра и ее хлыст.

– Согласен, но гипотезы вполне состоятельные. Рассредоточиться Аврора не может, а значит, она ограничена одной машиной и одним анклавом. Отсюда следует, что, если мы вычислим анклав, можно нанести сокрушительный удар.

– Так ты надеешься, что Часовщик ее разыщет?

– Ну да.

«Я не понимаю очевидного?» – вопрошало недоуменное лицо Вейча.

– Часовщику потребуется доступ к сетям.

– Да, я в курсе.

– Ты свихнулся! Вдруг Часовщик сбежит или, как Аврора, просочится сквозь сети?

– Не исключено, только я готов рискнуть, – сказал Дрейфус. – Лучше выпустить на волю монстра, чем умереть рабом Авроры.

– А тебе известно, что Часовщик творил со своими жертвами?

Дрейфус вспомнил все, что выяснил, получив «Мантикору». Копаться в свежих воспоминаниях было все равно что вскрывать рану, которая едва начала затягиваться.

– Знаю, что Часовщик зверствовал. Но ведь зверствовал не напропалую. Он пощадил больше людей, чем убил. Аврора не пощадит

никого.

– Покажи ему Часовщика! – не выдержала Сааведра. – Пусть увидит, кого предлагает выпустить.

– Ты обыскала его, оружия нет?

– Ничего у него нет. Пусть в окошко глянет.

Вейч отступил от пульта:

– Ну, префект, полюбуйся!

– Часовщик за стеклом?

– Фактически да. Я поверну магниты, чтобы на пару секунд его показать.

Дрейфус глянул на Сааведру, ожидая разрешения сдвинуться с места. Та кивнула. Дрейфус поднялся к Вейчу на небольшое возвышение под окном из бронированного стекла. По сторонам окна присутствовали вертикальные поручни. Дрейфус коснулся светло-зеленой поверхности реактора и почувствовал неравномерную вибрацию – то дрожь, то мощные толчки.

– Как вы его туда поместили?

– С другой стороны есть дверь для смены магнитов. При перевозке с Раскин-Сартория мы держали Часовщика в портативной камере. Пришлось спешить: камера годна лишь шесть часов. Часовщик постоянно проверял ее на прочность, пытался вырваться, хотя в самом начале мы постарались его оглушить.

– Каким образом? – спросил Дрейфус.

– Сильным электромагнитным импульсом. Вырубить не вырубили, но утихомирили. За время перелета Часовщик полностью восстановился. Мы едва успели засунуть его сюда и заблокировать большими магнитами. Ты знаешь, как работает токамак?

– Более или менее.

– Как правило, магниты удерживают плазму в кольцеобразной камере и направляют прочь от стенок. Пропускаешь ток через плазму, нагреваешь ее до сотен миллионов градусов – происходит термоядерный синтез. У нас в камере синтеза нет, там глубокий вакуум и Часовщик. Магниты пришлось переместить, чтобы получилась импровизированная камера. В принципе, ничего сложного.

– Но Часовщик все равно рвется наружу? – Дрейфус снова коснулся пульсирующего корпуса реактора.

Чувствовалось, как Часовщик напрягается, проверяет, крепки ли магнитные оковы.

– Не прекращает попыток.

Дрейфус заглянул в окошко. Сперва увидел лишь темно-синий мрак, потом справа появилось розоватое сияние. Оно усилилось и замерцало, разбавляя тьму.

Вейч, стоявший слева от Дрейфуса, подкорректировал конфигурацию магнитных ловушек. Розовое сияние превратилось в блестящий серебряный круг, который посветлел до ослепительно-белого.

– Почему он лучится?

– Магнитное поле сдирает ионы с верхнего слоя Часовщика, образуется плазменный кокон. Когда отключаем поле, он снова всасывает плазму в себя. Насколько мы можем судить, массу он не теряет.

– Вижу его, – тихо проговорил Дрейфус.

– Красавец, да?

Дрейфус промолчал. Он плохо понимал, что чувствует. С тех пор как потерял Валери, он часто думал о Часовщике, но о его внешности – никогда, интересовался его деяниями, а не происхождением. Из свидетельских показаний пострадавших он знал, что Часовщик аморфен, легко и плавно меняет форму – или, по крайней мере, производит такое впечатление. Другие выжившие рассказывали, что в основе меняющейся ипостаси – гуманоид, эдакий стабильный аттрактор в центре хаотического процесса. Сейчас те рассказы едва вспоминались. Дрейфус осознал: перед ним не робот, а скорее ангел из сияющего белого металла.

Часовщик пребывал в токамаке, прикованный к месту сильным магнитным полем, способным выделять электроны из водорода. От таких страшных нагрузок любой робот, любая машина из инертного вещества или супервещества измельчилась бы и перешла в газообразное состояние. Часовщику магнитное поле было нипочем, об экстремальных физических условиях говорил лишь серебристо-розовый нимб. Формой Часовщик отдаленно напоминал человека – имелись туловище, руки, ноги, подобие головы, но все удлинненное и спектральное. Мелкие элементы мерцали, расплывались, слои просматривались то лучше, то хуже. В одну секунду Часовщик казался собранным из вполне понятных устройств и брони, в другую – превращался в нечто обтекаемое и подвижное.

– Посмотрел – и хватит, – сказала Сааведра. – Саймон, убери Часовщика от окна, пока он камеру не разгромил.

Вейч нажал несколько кнопок, и Часовщик исчез из вида. Дрейфус вздохнул с облегчением. Лицо у Часовщика было совершенно плоское, невыразительное, но Дрейфус почти не сомневался: узник реактора разглядывает именно его и делает выводы.

– Я свою часть соглашения выполнила, – заявила Сааведра. – Теперь

выкладывая, что о нем знаешь.

– А вы позволите мне с ним поговорить?

– Рассказывай, остальное потом.

– Сюда я прилетел по одной причине. Чем дольше мы тянем, тем труднее будет остановить Аврору. Люди гибнут, пока мы тут мешкаем.

– Выполни обещание: скажи, откуда взялся Часовщик. Тогда и потолкуем.

– Он не из СИИИ, – сообщил Дрейфус. – Его создали в другом месте десятью с лишним годами ранее.

– А попонятнее нельзя? – спросил Вейч.

– Имя Филипп Ласкаль вам что-нибудь говорит? – Вопрос получился чисто риторическим. – Конечно, говорит. Вы же дипломированные префекты, историю знаете.

– Какое отношение к Часовщику имеет Ласкаль? – удивилась Сааведра.

– Самое непосредственное.

– Хватит ерунду болтать! – вышел из себя Вейч. – Ласкаль спятил после возвращения с завесы. Он погиб много лет назад.

Дрейфус терпеливо кивнул.

– Как вы наверняка помните, Ласкаль утонул в искусственном пруду на территории Силвестовского института изучения затворников. По официальной версии, Филипп совершил самоубийство: безумие, которое он привез с завесы, погубило его. Однако это не единственное объяснение его смерти. Филипп много лет молчал, а перед самой кончиной открылся Дэну, наследнику клана. Тот снарядил собственную экспедицию к затворникам, уверенный, что преуспеет там, где другим не удалось. Сложилось мнение, что Ласкаль избавился от тяжелого бремени тайны и счел цель своей жизни достигнутой. Получается, это самоубийство.

– Ты так не считаешь, – проговорила Сааведра и с любопытством, и с подозрением в голосе.

– Как я уже объяснял, произошло убийство. По-моему, с него все и началось.

– Но зачем понадобилось убивать Ласкаля? – спросила Сааведра. – К тому времени он уже свихнулся. Если причина в том, что он мог рассказать Дэну, убивать следовало до, а не после разговора.

– Ласкаль погиб по другой причине, – ответил Дрейфус. – И эта причина – не страх перед его знаниями, а стремление добраться до них. Единственным способом представлялось убийство.

– Ерунду несешь, – фыркнул Вейч.

– Нет, он об альфа-сканировании, – сообразила Сааведра. – Ласкаль погиб, потому что это смертельный трюк; верно, Дрейфус?

– Охота велась на паттерны, образовавшиеся в его психике после возвращения с завесы. Охотники считали, что, разобравшись в них, разберутся и в природе затворников. Увы, при сканировании на нужном уровне четкости мозг живого человека перегревался.

– Но ведь после эксперимента Восемидесяти дело наладилось, – сказал Вейч.

– Ласкаль до этого не дожил. Он подвергся альфа-сканированию через тридцать лет после эксперимента Восемидесяти; тогда действовал мораторий на использование подобных технологий. Тем не менее охотники своего добились: просканировали Ласкаля, сожгли мозг, а труп бросили в искусственный пруд. Его считали сумасшедшим, поэтому самоубийство не вызвало вопросов.

– Кто это сделал?

Дрейфус пожал плечами. Эту задачу он еще не решил, тем более что версий было пруд пруди.

– Пока не знаю. Наверное, кто-то из руководства Силвестовского института, но не Дэн. Самому Силвесту не было резона убивать Ласкаля: он уже догадался, как вступить в контакт с затворниками. Но кто сказал, что у Дэна не было соперников, жаждущих его обойти?

– Ты решил докопаться до сути? – спросила Сааведра.

– Нельзя оставлять убийство нераскрытым. Разумеется, сперва нам нужно решить пару первоочередных задач. Пережить следующие пятьдесят два часа – основная из них. – Дрейфус повернулся к Вейчу. – Поэтому нам нужен Часовщик. Я объяснил, в чем дело, теперь покажите, как с ним общаться.

– Твоя теория весьма интересна, – признал Вейч, – может, и от истины недалеко. Но из нее не следует, что Часовщика нужно выпустить.

– Я не прошу его выпустить, – невозмутимо возразил Дрейфус. – Я прошу...

– Открыть клетку или предоставить неограниченный доступ к сетям. По-твоему, есть хоть малейшая разница?

На Дрейфуса навалилась страшная усталость. Он старался; он обрисовал ситуацию с предельной ясностью в надежде на то, что Сааведра и Вейч почувствуют его искренность и поймут: Часовщик – единственное эффективное оружие против тирании, допустить которую ни в коем случае нельзя. Ничего не вышло. Кажется, уверенность Сааведры слегка поколебалась, – по крайней мере, женщина поняла, что Дрейфус не

намерен уничтожать Часовщика. Может, со временем ее удалось бы перетянуть на свою сторону, а вот Вейчу хоть кол на голове теши.

– Сюда я прибыл для переговоров. – Дрейфус примирительно поднял руки. – Захотел бы, уничтожил бы и вас, и Часовщика. Хватило бы одной ракеты. Были бы другие варианты, думаете, я полетел бы на Йеллоустон?

– Послушай меня, префект, – заговорил Вейч. – Каким бы страшным и безнадежным ни казалось положение на Блистающем Поясе, Часовщику нельзя давать ни ангстрема свободы. Он абсолютное зло, дьявол в хроне.

– Знаю.

– Ничего ты не знаешь! Знать могут лишь те, кто напрямую общался с ним месяц за месяцем, год за годом, как общаемся мы.

– Я был там, – спокойно объявил Дрейфус.

– Где «там»?

– В СИИИ, когда в него вошли «Доспехи». Я был среди префектов, проникших в институт, прежде чем его уничтожили.

Вейч нервно посмотрел на Сааведру. «Решили, что я с катушек слетел», – догадался Том. В глазах у Спарвера читалось то же самое, хотя расшифровал это только Дрейфус.

– Префект, у нас есть допуск к секретной информации, серьезнее «Панголина» и даже «Мантиторы», – нарочито медленно, как для особо тупых, проговорил Вейч. – Нам известно, что происходило в тот день с первой до последней минуты. Мы знаем, кто участвовал в операции, где был и что делал.

– Факты искажены, – возразил Дрейфус. – Информацию о моем участии исключили из всех документов, кроме предназначенных для Джейн Омонье. Но я там был, хотя подробности вспомнил лишь сейчас.

– Он свихнулся, – процедил Вейч.

– Вскоре после ЧП с Часовщиком Дюсолье совершил самоубийство, – продолжал Дрейфус. – Причина не в его собственных решениях, а в моих. Он наложил на себя руки из страха перед последствиями операции, которую провел я с его благословения.

– Ты провел операцию в СИИИ?

– Я оказался там старшим по званию. Часовщик уже добрался до Джейн и вывел ее из игры. Дюсолье поручил мне проникнуть в институт и любой ценой освободить заложников.

– Твоя операция провалилась? – спросил Вейч.

– Напротив, удалась. Я спас почти всех. – Дрейфус помолчал. Слова не шли. Читать отчет о своей давней операции – одно, рассказывать – совсем другое. Лишь сейчас он в полной мере осознал случившееся. – Заложники

уцелели. Они до сих пор живы.

– Никто не уцелел, мы уничтожили СИИИ, – напомнила Сааведра.

– Верно, уничтожили – но спустя целых шесть часов после эвакуации Джейн со скарабеем на затылке. Я все гадал, что случилось в тот отрезок времени, почему он не фигурирует в архивных данных. – Дрейфус слабо улыбнулся. – Теперь я знаю ответ.

– Вспомнилось, да? – съязвила Сааведра.

– Джейн решила, что с тактической точки зрения мне не помешает вспомнить предыдущую встречу с Часовщиком. Она понимала, что с учетом всех сопутствующих факторов для меня это будет сущая пытка. Но решение верное.

– Вейч прав: ты спятил, – кивнула Сааведра.

– Неподалеку по орбите двигался корабль, – невозмутимо продолжал Дрейфус. – Звездолет, построенный демархистами в попытке уменьшить зависимость от сочленителей. Его, как опытный образец, собрали около Фанда. На том звездолете были установлены оригинальные двигатели, не имеющие ничего общего с технологией пауков. Он совершил единственный полет и был законсервирован, как слишком дорогой, медленный и неманевренный. Сохранить его решили до того дня, когда подобные корабли станут экономичными.

– Как назывался корабль? – спросила Сааведра.

– «Аталанта», – ответил Дрейфус.

– Помню такой, – хмуро проговорил Вейч. – Его хотели утилизировать.

– Так и вышло, корабля больше нет.

– Расскажи, что случилось, – велела Сааведра.

– Да, шеф, расскажите, – поддакнул Спарвер.

Дрейфус уже открыл рот, когда два браслета засигналили в унисон. Сааведра и Вейч глянули на дисплеи, и раздражение на их лицах сменилось тревогой.

– Пушки на поверхности в боевой готовности? – спросила Сааведра.

– Да, – кивнул Вейч. – Сопровождают цель, но не откроют огонь, пока она не приблизится.

– Что это за цель? – спросил Дрейфус.

Сааведра хмуро посмотрела на него:

– Сюда летит корабль. Он на огромной скорости сходит с орбиты прямо над нами. Дрейфус, ты не в курсе, в чем тут дело?

– Я очень старался не привлекать внимания к местоположению базы. Не хотел, чтобы Аврора с моей помощью разыскала вас.

– Только «Доспехам» известно, что мы здесь.

– Значит, что-то случилось, – сказал Дрейфус. – Кто бы ни летел на этом корабле, он наверняка хочет вывести из игры Часовщика.

– Перейдем в штаб, – предложила Сааведра и смерила Дрейфуса предостерегающим взглядом. – Хлыст я отзываю, но ты сам знаешь, как он быстр. Глазом не моргнешь, как я снова натравлю его на тебя. – Она повернулась к Вейчу. – Камера работает стабильно?

– Как часы, – буркнул Вейч.

Он накрыл смотровое окошко щитком, заблокировал массивной задвижкой и последним из четверых спустился по мосткам. Сааведра пристегнула хлыст к поясу, но Дрейфус понимал: полным доверием тут и не пахнет. Женщина приняла его историю условно, пока не изменятся обстоятельства.

– Наверное, это Гаффни, – предположил Дрейфус, когда они шли по наклонному тоннелю к жилому и операционному ярусам. – В последний раз я видел его на койке в медкрыле, он приходил в себя после операции. Похоже, зря я оставил его в живых.

– Разве его не охраняли? – спросила Сааведра, на ходу оглянувшись на Дрейфуса.

– Должно быть, плохо охраняли. Гаффни уже успел сломать поисковые турбины, убить Клепсидру и Траянову. Этому парню не занимать ума, иначе как бы он столько времени манипулировал Службой внутренней безопасности? Но он не сверхчеловек. Думаю, даже на астероиде «Доспехов» ему помогала Аврора.

– А теперь помогла сбежать?

– Не исключено. Вы что-то говорили о пушках?

– О малогабаритных противокорабельных огневых установках, – уточнил Вейч. – Они защищают нас от незваных гостей. Вы столкнулись бы с ними, если бы не пришли по суше.

– Да, от этой прогулки сплошная польза.

При американо штаб «Головни» был, скорее всего, конференц-залом. Его стены прятались под монохромными, практически без эффекта трехмерности, панорамными фотографиями. Одну стену занимал снимок глубокого каньона, похоже марсианского, вторую – подковообразного водопада, третью – отвесной скалы, на которой вытесали восемь огромных человеческих голов – пятая и восьмая в ряду были женскими.

Плоские дисплеи поставили на стол шестиугольником – получился голографический реактор. По команде Вейча на дисплеях появились зеленоватые контурные изображения. Дрейфус узнал Девятую ПБ и ее окрестности. Пушки изображались иконками, стрелка наверху

символизировала приближающийся корабль.

– Судя по характерным признакам, это фотонный двигатель, – проговорил Вейч, вглядываясь в цифры у значков. – Гаффни умеет управлять фотонниками?

– Опыт у него наверняка есть, – ответил Дрейфус.

– Неважная новость. Даже если это лишь катер, на борту могут быть ядерные боеголовки.

– Вряд ли у Джейн остались ядерные боеголовки, – возразил Дрейфус. – Если остались, то за пределами «Доспехов», на борту внутрисистемных крейсеров, и используются они строго по необходимости. Сомневаюсь, что Гаффни прибрал к рукам хоть одну ракету. Наверное, он просто с «Доспехов» удрал.

– Надеюсь, ты прав, – проворчал Вейч.

– А я надеюсь, что ваши пушки не подведут. Когда они заработают?

– Когда до цели останется не более тридцати километров, – ответила Сааведра. – Артсистемы знают, на какие хитрые контрмеры способны катера. Если катер не выстрелит первым, без расчета на успех пушки палить не станут.

Судя по отражавшимся на дисплеях цифрам, катер был на высоте ста двадцати километров, но снижался быстро и в зону обстрела мог спуститься уже через пару минут.

– Гаффни рассчитывает уничтожить базу, – проговорил Дрейфус, – иначе не пошел бы на сближение. Думаю, противокорабельные пушки для него не сюрприз.

– Я могу поднять в воздух наш катер, – неуверенно предложила Сааведра. – На это топлива хватит.

– Против Гаффни ты и пяти секунд не продержишься, – возразил Дрейфус. – И то если взлететь успеешь.

Сааведра завороченно смотрела на снижающуюся стрелку.

– Ракеты с металлизированным водородом нанесут урон базе, но не Часовщику в токамаке. Гаффни наверняка это знает. Вой! – воскликнула она, смертельно побледнев. – Может, у него все-таки есть ядерные боеголовки?!

– Если так, все пройдет быстро и безболезненно для нас, – заверил Дрейфус. – Только вряд ли Гаффни намерен уничтожить Часовщика одним ударом. Думаю, сперва выманит его, затем поднимет над поверхностью. Летать ведь Часовщик не умеет?

– Если дать ему время, научится, – ответил Вейч. – Кажется, ему подвластно почти все. – Он снова всмотрелся в дисплей. – При такой

скорости снижения пушки выстрелят через... сорок пять секунд. – Вейч с тревогой оглядел остальных. – Здесь делать особо нечего. Может, снова вниз спустимся?

– По нам стреляют, – проговорила Сааведра с невероятным спокойствием.

На дисплеях появилась ракета, она вылетела из катера и на дикой скорости проскочила атмосферу. Если бы еще чуть быстрее, то от трения боеголовка воспламенилась бы, не достигнув цели.

– Пушки перенацеливаются, – докладывала Сааведра. – Стреляют.

Штаб содрогнулся. Дрейфус услышал глухой раскат, похожий на далекий гром, и ужаснулся при мысли об энергии, погашенной буквально в сотнях метров над его головой. Противокорабельные орудия взорвались бы прямо в замаскированных бункерах, как пушки в чреве астероида Нервал-Лермонтовых.

Те пушки взрывались в вакууме, а не в удушающей мета-но-аммиачной атмосфере. На поверхности Йеллоустона взрывы напоминали бы срежиссированные извержения вулкана – огненные потоки пробивались бы из-под коры планеты.

– Ракета перехвачена, – сообщила Сааведра, хотя каждый видел результат своими глазами. – Пошла вторая... третья. Орудия отвечают.

Штаб снова содрогнулся, в этот раз грохотало дольше. На миг пришла тишина – орудия заряжались, чтобы перехватить третью ракету. И канонада возобновилась.

– Вторая ракета уничтожена, – докладывала Сааведра. – Третья подбита.

Штаб содрогнулся еще раз. Дрейфус понял: орудия уже не собьют третью ракету. Даже поврежденная, она по дуге летела к базе.

– Держитесь! – крикнул Вейч.

Ударило через долю секунды. Взрывную волну Дрейфус почувствовал каждой костью. Пушки так не грохотали. Тому казалось, что он стоит прямо под ядовитым небом Йеллоустона и барабанные перепонки не защищены ничем. Штаб со всем его содержимым словно накренился: так сильно его тряхнуло.

– Одно орудие выведено из строя, – сообщила Сааведра.

На дисплеях соответствующая иконка замигала красным и потухла.

– Пошла четвертая ракета. Наши орудия ее сопровождают.

Гул противокорабельных пушек будто отдалился. Дрейфус сообразил: поврежденная ракета вывела из строя ближайшее к штабу орудие.

– Скажи, что ракета перехвачена! – взмолился Дрейфус.

– Повреждена, – отозвалась Сааведра. – Орудия пытаются снова захватить цель.

Штаб содрогнулся. Дрейфуса душила собственная беспомощность: его жизнь зависела от машин и программ. Система управления противокорабельными пушками схватилась с другой, контролирующей арсенал катера. словно давние противники, системы отлично знали возможности друг друга. Видимо, выживание Дрейфуса уже получило определенную вероятностную оценку. Один из противников понимал, что в итоге уступит, и в сражении участвовал только для проформы.

К моменту падения четвертая ракета подрастеряла боеспособность, но все же взорвалась. Грохот стал оглушающим. Штаб снова содрогнулся, начал обваливаться потолок. Глубокая трещина рассекла стену, разделив восемь каменных голов. Отказали все источники освещения, лишь голографические дисплеи слабо сияли зеленым.

– Генераторный комплекс уничтожен, – с мрачной безысходностью объявил Вейч. – Надо было глубже его зарыть. Говорил я вам! – Он принялся набивать команды на браслете. – Резервный генератор должен был включиться автоматически. Почему он не работает?

– Выпущена пятая ракета, – сообщила Сааведра, вглядываясь в мигающую картинку на дисплеях. – Орудия пытаются захватить цель. Две пушки уничтожены. Саймон, что с резервным генератором?

– Делаю, что могу, – процедил Вейч.

Голоса противокорабельной артиллерии напоминали рев далекой лавины.

– Есть сопровождение цели? – спросил Вейч.

– Частичное, – ответила Сааведра.

Дрейфус тоже хотел задать вопрос, но тут упала пятая ракета. В этот раз не было грохота, точнее, из-за ошеломляющей громкости его не восприняли уши. Тому показалось, что его сильно ударили по голове. Он оглох, но не успел прочувствовать это за неуловимый миг, в который сжались события.

Штаб погрузился во мрак, наполнился черной пылью; она разъедала кожу и глаза, обжигала горло и легкие. Прогиб растрескавшегося потолка и расселина в стене – это было последнее, что увидел Дрейфус. Потом не стало ни света, ни звуков, ни сознания.

Глава 32

Очнулся Дрейфус в мире, окрашенном в цвета страданий. Картой боли с мерцающей зеленой сеткой координат стало его тело. Мысленным взором на правой ноге он видел очаг, красный злой глазок. С левой стороны в груди был еще один, в правом предплечье – третий. Остальные части тела превратились в бледную зону дискомфорта. Горло словно кислотой ополоснули, легкие выстлали толченым стеклом – именно такие ощущения сопутствовали каждому вздоху.

Тем не менее, вопреки собственным ожиданиям, он дышал.

Атаку Дрейфус помнил, но не представлял, как давно упала последняя ракета. Вокруг царил тишина, хоть и не абсолютная. В ушах звенело, при малейшем шевелении он слышал свой жалобный стон. Значит, не оглох. «Наверное, в самом конце я кричал», – подумал Дрейфус. Он не шевелился, лишь тяжело дышал, стараясь не обращать внимания на острую боль. Наконец в голове немного прояснилось.

Дрейфус через силу разлепил веки, но слабое сияние уловил не сразу. Один из голографических дисплеев мерцал, робко освещая заваленный обломками штаб. Пыль и мелкий мусор почти улеглись, значит после ракетного удара прошло какое-то время. Глаза саднило и застилало слезами, но мало-помалу Дрейфус привык к полумраку и огляделся. Он лежал на спине, ноги прижало столом, который рухнул под тяжестью обвалившегося потолка. Вместе со столом упали и дисплеи. Пять погасших и один мерцающий, они оказались на полу справа от Дрейфуса. Обездвиженный Дрейфус мог только догадываться о тяжести своих ранений. Хотя уцелеть – уже невероятное везение. Если бы не стол, его раздавило бы крупными обломками, влетевшими в штаб через брешь в потолке. Дрейфус снова попробовал шевельнуть правой рукой. Болевой очаг потух, рука двигалась, значит нужно радоваться: она не сломана.

Дрейфус согнул пальцы, – похожие на бледных червей, они будто не соединялись с телом. Левая рука не пострадала, но до края стола он дотянуться не мог. Опять со стоном – в груди вспыхнула боль – Том попытался приподнять стол правой рукой, чтобы освободить ноги, но тут же понял: затея бессмысленная. Боль усилилась, а стол даже не шелохнулся. Нет, самостоятельно не выбраться.

Дрейфус снова осмотрелся, силясь разглядеть других среди крупного мусора. Неужели он один остался жив? Том заметил Саймона Вейча. А где

Спарвер и Сааведра?

– Вейч! – позвал Дрейфус, едва слыша себя из-за звона в ушах.

– Префект, – почти тут же ответил тот. Казалось, от Дрейфуса его отделяет толстое стекло. – Значит, ты жив.

Дрейфус ответил не сразу, пытаясь набраться сил. На каждое слово уходило слишком много сил.

– Меня столом придавило. По-моему, я сломал ребро; может, еще и ногу. Как у тебя дела?

– Хуже, чем у тебя. А ты не видишь?

Дрейфус увидел: глаза наконец привыкли к полумраку. Серебристая трубка, вероятно установленная «Головной» при ремонте базы, отогнулась и проткнула Вейчу бедро.

– Крови много теряешь?

– Надеюсь, что да.

Дрейфус кашлянул и сам почувствовал вкус крови.

– В каком смысле?

– В смысле, что хочу умереть прежде, чем он до нас доберется.

– Часовщик на свободе?

– Резервный генератор должен был включиться сразу же, чтобы обеспечить плавный переход. Этого не произошло. Камера перестала действовать.

– Значит, уверенности нет. Пока кто-то туда не спустится...

Вейч засмеялся. Такого злого, нечеловеческого смеха Дрейфус еще не слышал.

– Не сомневайся, префект, Часовщик на свободе. Вопрос только в том, как быстро он нас найдет. А он ищет, могу жизнью поклясться.

– Может, сбежал и спрятался?

– Ты не знаешь Часовщика, а я знаю.

– И надеешься умереть, не дождавшись встречи с ним?

Вейч коснулся бедра, и его пальцы окрасились темным, при зеленоватом свете похожим на растаявший шоколад.

– По-моему, у меня шансы есть. А у тебя? В крайнем случае постарайся не дышать, вдруг прокатит.

– Вейч, скажи мне кое-что, – попросил Дрейфус тоном человека, решившего сменить тему разговора.

– Что именно?

– Когда Джейн дала мне список членов «Головни», твое имя сразу бросилось в глаза.

– Ну, я парень известный.

– Дело не только в этом. Хотя я вспомнил не сразу.
– Что ты вспомнил?
– Ты ведь давал показания против Джейсона Нг, верно?
Воцарилась тишина, которая для Дрейфуса была красноречивее любых слов.
– Саймон?
– Да, я слушаю.
– Ты скоро умрешь, я, наверное, тоже, так что давай начистоту, ладно? Отец Талии был виноват лишь в том, что подобрался к вам слишком близко. Он расследовал деятельность «Головни», когда вас уже официально распустили. Вот ты и принял меры.
– Похоже, ты сам все знаешь.
– Не знаю, а по кусочкам складываю. Ты сфабриковал доказательства, оклеветал невиновного, потом «заказал», обставив как самоубийство, а все потому, что не мог допустить его выступления на трибунале «Доспехов». В общем, ты ничем не лучше убийц Филиппа Ласкаля.
– Пропади ты пропадом, Дрейфус! И ты, и твои «Доспехи»!
– Обязательно учту это пожелание. Пока ты не умер, ответь на последний вопрос. Где остальные?
Вейч тянул и глотал слова – так говорит человек, который вот-вот потеряет сознание.
– Когда я очнулся в первый раз, здесь был твой свинья, а Сааведра исчезла. Когда очнулся во второй раз, исчез и свинья. Прежде чем я отключился в первый раз, свинья пообещал решить проблему с Гаффни.
Дрейфус обдумал услышанное. Хорошо, что Спарвер жив, только вот что он задумал?
– Куда отправилась Сааведра?
– Не в курсе. Спроси у нее самой.
– Вейч! – через какое-то время позвал Дрейфус.
В этот раз он услышал только тишину.
– Тем лучше для тебя, – чуть слышно проговорил Том.

* * *

Уже стемнело, когда свинья наконец выбрался на поверхность. Скафандр он кое-как натянул, а с бронекостюмом без посторонней помощи не справился. Большая часть Девятой ПБ при ракетной атаке обвалилась,

но наклонный тоннель, по которому спустились Спарвер с Дрейфусом, уцелел. Предельно осторожно префект поднялся по нему обратно, протиснулся через завалы и с помощью усилителей скафандра открыл двери. В кои-то веки Спарвер радовался, что он гиперсвинья: базово-линейный человек в скафандре и бронекостюме, да еще с бозером Брейтенбаха, не протиснулся бы в некоторые бреши.

Когда он очнулся, Сааведра выбиралась из разбитого штаба, чтобы восстановить камеру Часовщика. Спарвер понял: ему тоже надо выбраться, даже если придется на время оставить Дрейфуса. Он уговорил Сааведру вернуть батареи, пообещав разобраться с Гаффни – или кто там прилетел на катере – своими силами. Сааведре явно не хотелось возвращать оружие, но давать атакующему зеленый свет хотелось еще меньше. В итоге она уступила. Спарвер забрал батареи, проводил Сааведру взглядом и дождался, когда штаб перестанет ходить ходуном. Стряхнув с себя пыль и крошево, он выскользнул на балкон. Скафандр и бозер Спарвер обнаружил в атриуме, где их с Дрейфусом подкараулили, как казалось, еще в прошлой жизни.

Свинья пробрался по трапу и, согнувшись в три погибели, прополз меж кинжалами сталактитов. Над головой бушевала дикая гроза – тучи раздувались, вспыхивали от электрических разрядов и резких изменений в местной атмосферной химии. Но ветер и гром не мешали скафандру донести до Спарвера другой звук, высокий и монотонный, – пронзительный визг моторов. Спарвер зажал бозер между коленями, спрятался за край трапа и всмотрелся в шумное темное небо. Вскоре он заметил катер. Он висел носом вниз, похожий на занесенный для удара кинжал. Спарвер догадался, что Гаффни караулит над развалинами Девятой ПБ в надежде поймать Часовщика. Вне зависимости от имеющихся огневых средств, атака будет прицельной и мощной. Вряд ли Гаффни рассчитывает уничтожить Часовщика, но явно хочет повредить.

Спарвер снял чехол с бозера Брейтенбаха, обнажив высокочувствительную батарею плазменных эмиттеров и лазерную оптику. Он активировал оружие, понимая, что катер наверняка следит за местным электромагнитным полем. Бозер подал сигнал готовности, и Спарвер поднял его на плечо, словно базуку. Часть визора заполнилась окулярной сеткой, наложенной на изображение цели. Свинья опустил на корточки, отчего катер оказался в центре сетки, и нажал кнопку на основной рукояти, веля оружию захватить цель и приступить к ее сопровождению. Вокруг катера запульсировали красные скобки – цель зафиксирована. Скафандр тотчас скорректировал позу Спарвера. Теперь бозер командовал

скафандром, использовал его как пусковую площадку. Стрелок превратился во вспомогательный элемент.

Двигатели катера завывали в другой тональности. Он развернулся и поплыл к Спарверу. Боевые системы зашевелились, будто клубок змей. Гаффни засек врага и решил подобраться, чтобы стрелять поточнее. Бозер, сопровождая корабль, заставил скафандр изменить позу. С борта катера ударил луч света, градом посыпались снаряды, разбив сталактиты, потом снеся верх лестницы. Один снаряд рикошетом отскочил от каменистой поверхности и зацепил Спарвера над коленом. Свиныя чуть не упал, но скафандр не пробило.

Спарвер выпустил три электромагнитных импульса подряд и, подчинив себе скафандр, нырнул в укрытие. «Есть попадание», – доложил бозер Брейтенбаха.

Префект выглянул из-за скалы. Катер был в воздухе, но больше не стрелял. Гул двигателей превратился в судорожные вопли. Пушки дергались из стороны в сторону, преследуя десятки ложных целей. Спарвер поднял бозер на плечо и снова дал очередь, в этот раз полагаясь лишь на собственную меткость. Из отверстия, которое он проделал в борту катера, полился малиновый свет. Двигатели замолчали.

Катер полетел вниз.

Через секунду Йеллоустон содрогнулся от удара. Взрыва Спарвер так и не дождался. Тогда он выбрался из-за трапа и пополз по исковерканной снарядами поверхности, целясь перед собой. Катер рухнул в километре от главного входа в Девятую ПБ, где Сааведра спрятала свой корабль.

Вот и катер! Он метра на три зарылся носом в мерзлую почву и превратил метано-аммиачный снег в ручейки цвета мочи. Шлюз открыт, внешний люк вырван и валяется на снегу в нескольких метрах от корпуса. Внутренний люк тоже нараспашку, значит можно пробраться на борт. Скафандр сообщил, что уровень радиации выше допустимого. Сообщение Спарвер проигнорировал, тем более что рядом оказался валун, по которому удалось забраться в шлюз. Спарвер взял бозер на плечо и через прицел посмотрел кабину. Беглого осмотра хватило, чтобы убедиться: катер пуст.

Гаффни исчез.

– Да, таракан, просто так тебя не раздавишь! – посетовал Спарвер.

* * *

Дрейфус снова пришел в себя. Как потерял сознание, он не помнил, в памяти отложилась лишь очередная попытка выбраться из-под стола. Наверное, отключился от боли или от перенапряжения. Как бы то ни было, он не представлял, сколько прошло времени – секунды, минуты или часы.

Раздался женский голос:

– Лежи спокойно. Теперь ты в безопасности.

Дрейфус понял, что стол больше на него не давит, а боль во всем теле сменилась онемением. В ушах звенело, глаза слезились, но в целом он чувствовал себя не хуже, чем при разговоре с Вейчем.

– Пола! – произнес Дрейфус, ведь говорила с ним Сааведра, стоявшая у кровати или у дивана, на котором он лежал. – Что случилось? Где я?

– Я вытащила тебя из разрушенного штаба. Ты в другой части базы, на нижнем ярусе, который не пострадал от обстрела.

Темнота почти полностью скрывала Сааведру. Красноватого света от стеной панели хватало лишь для того, чтобы очертить силуэт женщины. Она стояла, сложив руки на груди.

– Ты видела Вейча?

Сааведра коротко кивнула:

– Когда я вернулась, он был уже мертв.

Дрейфус приподнял голову, чтобы осмотреть себя. В тусклом красноватом сиянии много не увидишь. Под правым коленом запеклась кровь, но сломанные кости не торчали. Боль стихла: форма, распознав рану, должна была выделить антисептические и обезболивающие препараты, которым уже следовало подействовать. Правая рука до сих пор ныла: одежда позволяла чувствовать минимум боли, ровно столько, чтобы не возникло желания вредить себе дальше. По большому счету – он легко отделался.

– Не знаю, что случилось с Гаффни, но неплохо бы отсюда убраться, – сказал Дрейфус. – Пока не потерял сознания, Вейч предупредил, что камера обесточена. Он был уверен, что Часовщик на свободе.

– По-твоему, есть смысл от него убежать?

– Лучше убежать, чем смиренно ждать аудиенции.

– Беспокоиться рановато. Камера обесточивалась, но совсем ненадолго, Часовщик улизнуть не успел. Он до сих пор в токамаке. Резервный генератор долго его не удержит, но час у нас есть.

– Очень хорошо. Подумай, как вернуться к нашим.

– Вернуться? Мне? – Сааведра удивленно вскинула голову. – После всего случившегося?

– Пола, ты сюда прилетела на катере. Разыщи Спарвера. Вместе

садитесь на борт. Не хватит топлива подняться на орбиту – доберитесь до Города Бездны. Если «Доспехи» еще существуют, местные власти предоставят вам канал связи.

– А потом?

– Передайте все, что я говорил о Часовщике. Кто-то должен это услышать. Если Джейн Омонье жива, сообщите ей.

– От этой информации есть практическая польза?

– Польза появится, когда придет время сажать Часовщика обратно в камеру.

– Дрейфус, ты не так сильно ранен и здесь не погибнешь.

– Кому-то нужно спуститься в токамак и поговорить с Часовщиком, чтобы попробовал осадить Аврору.

– Ты надеешься его убедить?

– Очень постараюсь.

– Но как? Ты даже не знаешь, как с ним общаться.

– Найду способ. В крайнем случае открою токамак и выпущу Часовщика.

– Тогда он точно тебя убьет.

– А вдруг сначала поговорит со мной? Это моя единственная надежда. Может, я сумею объяснить, насколько опасна Аврора... Если, конечно, Часовщик сам не в курсе.

Сааведра расцепила руки и приложила указательный палец к губам, изображая задумчивость.

– Зря я не доверилась тебе сразу, когда ты прилетел сюда. Надо было слушать, чтобы побольше узнать об Авроре.

– Ты загладишь вину, если свяжешься с «Доспехами».

– Сделаю все, что смогу, но сперва расскажи про Аврору, а то все Часовщик да Часовщик. Говоришь, она из Восьмидесяти?

Дрейфус устало кивнул. Он уже столько открыл Сааведре, зачем еще раз повторять?

– Моему напарнику известно ровно столько, сколько мне.

– Но я разговариваю с тобой, а не с твоим напарником. Как ее зовут по-настоящему?

– Аврора Нервал-Лермонтова. На сканирование мозга она попала совсем молоденькой. Вряд ли уже тогда была монстром. Может, такой, как сейчас, ее сделали ненависть и страх обывателей перед творениями Кэлвина Силвеста. Впрочем, не исключено, что злость жила в ней всегда, как семя, которое однажды проклюнется. Возможно, она родилась такой. В любом случае ее следует остановить, уничтожить, пока она не захватила

Блистающий Пояс целиком. Тем более что этим она не ограничится.

– Где она сейчас?

– Пола, мы уже об этом говорили. Нам неизвестно, где Аврора. Любой из десяти тысяч не захваченных анклавов может оказаться ее пристанищем.

– А разделиться она может? Как программа, исполняемая в архитектуре с массовым параллелизмом? Вдруг Аврора запущена сразу на тысяче анклавов, чтобы потеря одного операционного центра не стала катастрофой?

– Я уже объяснял, что Аврора на такое не пойдет, ведь задержки во времени прохождения сигнала замедлят ее мыслительный процесс.

– И все-таки. Раз собралась координировать захват системы, она должна использовать инфраструктуру сети, чтобы посылать команды и получать разведданные.

– Да, но прятаться Аврора научилась мастерски. У нас нет глобального контроля над сетью, чтобы отделить сигнал от шума.

– Думаешь, у Часовщика получится?

– Думаю, получится. – Дрейфусу все меньше нравилось повторять уже сказанное Сааведре и Вейчу. – Пола, зачем мы снова все проговариваем? У нас времени в обрез. Либо ты согласна, либо нет.

– Я согласна, – ответила Сааведра так тихо, что Дрейфус едва разобрал. – Ваш единственный шанс выжить – натравить один альфа-симулякр на другой. Что может быть логичнее?

Тут у Дрейфуса впервые мелькнуло подозрение, что он упускает главное.

– Пола! – позвал он.

Сааведра повернулась боком. Ее лицо Дрейфус теперь видел в профиль. Напряженной позой она напоминала танцовщицу перед началом сложной связки. На затылке и позвоночнике у нее сидело нечто вроде жирной металлической гусеницы, членистой и многоногой. Черное платье без рукавов оказалось вспоротым от шеи до линии бедер. Когда Пола повернулась еще больше, Дрейфус увидел, что вспорота и кожа. Белый позвоночник будто ухмылялся, выглядывая между мышцами. Ножками-иглами гусеница добралась до спинного мозга Сааведры.

Без всякого предупреждения Пола рухнула на пол.

Том лежал совершенно неподвижно, парализованный жуткой сценой. Получается, разыскав Сааведру, Часовщик обманом или пытками вытянул из нее основные задачи миссии Дрейфуса, потом вспорол ей спину и превратил человека в марионетку.

Сейчас он играл с марионеткой. На полу Сааведра билась и дергалась,

как рыба, выброшенная на берег.

– Ты здесь, – проговорил Дрейфус, набравшись храбрости, – в этой комнате, да? Сумел выбраться из камеры.

В комнате с самого начала стоял гул, но из-за звона в ушах Дрейфус услышал его лишь сейчас. Очень медленно он отвернулся от Сааведры и посмотрел в противоположную сторону. Том с трудом различил того, кто притаился в темноте. Ростом куда выше человека, почти до потолка, он ссутулился, чтобы уместиться в тесной комнате. Красный свет отражался от блестящей хромовой груди, от серповидных пальцев на металлической ручище, от широченного безглазого черепа. Гул усилился. Дрейфусу он казался самым зловещим звуком во вселенной.

– Что тебе от меня надо? – спросил Том, не рассчитывая на ответ.

Но Часовщик ответил. Голос его звучал на удивление мягко и доброжелательно:

– Ты поступил очень смело, решив меня разыскать. Ждал ли ты, что все так закончится?

– Я не знал, чего ждать. У меня просто не было выбора.

– Ты надеялся выпросить у меня помощь?

Дрейфус облизал пересохшие губы. Казалось, еще немного – и сердце вырвется из груди.

– Я хотел лишь объяснить тебе ситуацию.

– С Авророй?

– Да. Она не остановится. Ты единственный, кто в силах ей помешать. Поэтому рано или поздно ей придется тебя уничтожить. Если ты не уничтожишь ее первым.

– Аврора всех вас убьет.

– Знаю.

– С чего ты решил, что я лучше?

– Ты не убил заложников в СИИИ.

– Поэтому ты надеешься? – удивился Часовщик. – Поэтому считаешь меня меньшим из двух зол?

– Не думаю, что ты злой. Скорее, разгневанный и одержимый, как ангел-мститель. Тебя сильно обидели, и теперь ты стремишься обижать других. Недобрым это тебя делает, а злым – нет.

Часовщик ссутулился еще сильнее. Голова и верхняя часть груди оказались в метре от Дрейфуса, но Том по-прежнему видел лишь красноватые отблески на гладком металле. Голова, секунду назад молотообразная, теперь напоминала наковальню.

– Ты решил, что знаешь, кто я?

– Я знаю, кем ты был, – ответил Дрейфус, проговаривая каждое слово как последнее в жизни. – Филипп, мне известно, что с тобой сделали.

Вместо ответа, Часовщик стремительно рассек тьму рукой и коснулся лба Дрейфуса. Кожей Том почувствовал холод, а в глаза потекло что-то едкое и теплое.

– Я знаю, что с тобой сделали, – повторил Дрейфус. – Выжгли мозг в попытке создать альфа-копию, а тело бросили в декоративный пруд, инсценировав самоубийство. Альфа им понадобилась с одной-единственной целью. Не сделать тебя бессмертным, а начинить софтом робота, который слетает к завесе и вернется. Ведь ты, в отличие от других, выжил. Поэтому в робота и закачали твой симулякр. Решили, что секрет успеха – в твоих паттернах.

Часовщик слушал. Он еще не убил Тома. Неужели придумал изощренную месть, жестокую и оригинальную, чтобы одиннадцатилетняя бессонница, на которую он обрек Джейн Омонье, Дрейфусу показалась милостью?

– Тебя наверняка отправили к завесе, – продолжал Том. – К той, что в паре световых лет от Йеллоустона, и ты вернулся еще до перевода в СИИИ. Я ведь прав? К завесе послали робота, управляемого альфа-копией Филиппа Ласкаля. Вернулся ты... измененным, совсем как Филипп в свое время. Завеса сделала тебя роботом иного рода. Во-первых, злым. Страшнее, чем злым, – понимающим, что у невинного человека, полюбозумевшего от увиденного в завесе, украли душу.

Часовщик так и нависал над Дрейфусом, мерный гул вгонял в транс, вытесняя здравые мысли. Том мог поклясться, что слышит дыхание, сухой металлический скрежет, похожий на вдохи и выдохи. Но ведь роботы не дышат.

– Как ты попал в СИИИ, не знаю; может, прилетел с завесы спящим, – продолжал Дрейфус. – Те, кто посылал тебя, растерялись – почувствовали перемену, а твоих новых способностей и желаний не поняли. Поэтому тебя и доверили отделу силвестовской организации, лучше приспособленному для исследования искусственного интеллекта. Тамошние специалисты, вероятно, не догадывались, откуда ты взялся и что собой представляешь. Им внушили, что ты создан в другом отделе института. Сперва Часовщик был очень милым, да? Эдакий очаровательный малыш, к восторгу персонала создающий умные штуковины. На деле ты восстанавливал воспоминания о своей сущности. Гнев кипел внутри тебя и искал выхода. Дитя боли и страха, ты решил, что эти чувства должен внушать окружающим. Раз решил, значит сделал. Так ты начал убивать.

– Филипп Ласкаль мертв, – проговорил Часовщик после паузы длиной в века.

– Но ты все помнишь. Помнишь, каково быть Филиппом, и его первый полет к завесе помнишь.

– Почему ты так думаешь?

– Я увидел тебя в скульптуре Дельфин. Ты общался с ней через ее искусство. Пока томился в плену, оно связывало тебя с внешним миром.

– Ты знал Дельфин?

– После того как Дельфин убили, я общался с ее бета-копией.

– За что ее убили?

– Это дело рук Авроры. Она хотела уничтожить тебя, а под замес попали и Дельфин, и ее родственники.

Часовщик загудел медленнее и задумчивее.

– Что стало с бета-копией Дельфин?

– Аврора и до нее добралась.

– Получается, она убила Дельфин дважды?

– Да, – ответил Дрейфус, удивляясь, что это раньше не приходило ему в голову.

– Значит, совершено еще одно преступление. Ты занимаешься расследованием, для этого сюда прилетел?

Дрейфус перебрал в памяти случившееся с ним после того, как он услышал об уничтожении «пузыря» Раскин-Сарторий. С каждым его шагом границы расследования расширялись. В итоге оно охватило полномасштабную катастрофу, которая угрожает существованию Блистающего Пояса. Сейчас Дрейфусу даже не верилось, что уничтожение «пузыря» он поначалу объяснял мстью или враждой. Как узко он мыслил, как нелепо ошибался!

Впрочем, Часовщик прав. Путь, который привел Тома на Йеллоустон, начался с простого расследования убийства, хотя жертв было девятьсот шестьдесят.

– В общем да, – ответил Дрейфус.

– Аврора явно не обошлась без сообщника. Кто ей помогал?

– Некий Гаффни. Такой же префект, как я. Это он бомбил базу в надежде добраться до тебя.

– Он плохой человек?

– Скорее, уверовал в плохие вещи.

– Мне нужно обязательно встретиться с этим Гаффни, – задумчиво проговорил Часовщик, на миг словно отключившись от реальности. – А что теперь будет с тобой, префект?

Дрейфус чуть не рассмеялся.
– По-моему, от меня это не зависит.
– Верно, не зависит. Я могу убить тебя. Могу сотворить с тобой такое, что будет куда страшнее смерти. Могу отпустить.
Дрейфус представил, как кот, прежде чем добить птичку, играет с ней.
– Отпустить? С чего вдруг?
– Префект, совершены убийства. Разве расследовать их и отдать виновных в руки правосудия – не твой долг?
– Отчасти мой.
– Как далеко ты готов пойти ради свершения правосудия?
– До конца.
– Ты говоришь искренне? Хорошо подумай, прежде чем ответить. Череп твой как витражное окно, как раскрытая книга: все мысли на виду. Ложь я почувствую сразу.
– Я говорю искренне, – ответил Дрейфус. – Я пойду до конца.
На глазах у Дрейфуса огромный кулак поднялся ввысь и рухнул ему на голову, будто хромированный копер.

* * *

Гаффни увидел перед собой женскую фигуру и замер. Точеный силуэт незнакомки вырисовывался на фоне подсвеченной стены. Одна рука на бедре, голова чуть наклонена – поза чуть ли не игривая, словно женщина пришла к нему на свидание.
– Как видишь, я без оружия, – объявил Гаффни.
Скафандр многократно усиливал его голос.
– Как видишь, я тоже, – отозвалась незнакомка. – Ружье тебе не нужно, префект Гаффни. Нет причин бояться меня.
– Вопрос скорее в том, стоит ли тебе бояться меня? Ты ведь Сааведра?
– Она самая. Я должна гордиться, что ты обо мне слышал?
– Гордись, если хочешь. – Гаффни приблизился. Он хромал – получил травму при падении катера, да еще в скафандре барахлили усилители. – Интересует меня одно: Часовщик у вас?
– Он ускользнул, – ответила Сааведра. – Ты опоздал. Лети обратно.
– А если я тебе не верю?
– Я докажу.
– Каким образом?

– Ты увидишь токамак, реактор, в котором мы его держали, – пояснила женщина, по-прежнему в кокетливой позе, по-прежнему в полумраке. – Тебе же известно про Часовщика и магнитные поля?

– Конечно.

– Мы держали его под контролем, пока не появился ты. Мог бы не расстреливать базу, а проникнуть сюда и найти способ его уничтожить.

– Ты прямо жалеешь, что я так не сделал. Где Дрейфус?

– Погиб под обстрелом.

– Ну вот, значит, день прожит не зря.

– Ты так ненавидел Дрейфуса, префект Гаффни? Настолько, чтобы желать ему смерти? – Лишь сейчас Сааведра отрегулировала положение головы – наклонила ее резко, как несмазанная кукла.

Чем-то это движение насторожило Гаффни, но он подавил тревогу.

– Дельфин ты ненавидел так же сильно, как его?

– Дельфин всего лишь эпизод, она была для нас помехой. – Гаффни качнул оружием. – Хочешь тоже стать эпизодом?

– Не хочу.

– Тогда покажи токамак. Мне нужны конкретные доказательства бегства Часовщика. Потом сможешь разыскать его, пока он не выбрался с Йеллоутона.

– Ты и его хочешь убить?

– И его.

– Какой целеустремленный мужчина! – воскликнула Сааведра с восхищением.

– Я человек дела.

– Представь себе, я тоже. Пожалуй, у нас с тобой больше общего, чем мы могли себе представить.

Ладонь Сааведры скользнула вниз по бедру. Тощие руки мало походили на человеческие конечности, да и двигались они как манипуляторы робота. С плавностью турели Пола развернулась, и Гаффни прищурился: ему почудилось или у Сааведры на спине что-то есть?

– Хочу увидеть, где вы его прятали.

– Увидишь и это, и многое другое. Я докажу, что Часовщик сбежал. – Сааведра поманила его за собой. – Ты ведь хочешь этого?

– Еще как! – ответил Гаффни.

Глава 33

Дрейфус пришел в себя третий раз за день. Лежал он на том месте, где его бросил Часовщик, голова гудела от памятной встречи с хромированным кулаком. Том думал, что умрет, совершенно в этом не сомневался, но вот очнулся и... увидел перед собой Спарвера.

– Я... – начал он.

– Тихо, шеф! Спрашивать и выяснять будем потом, а сейчас облачим вас в скафандр и вытащим отсюда. База понемногу обрушивается. – Спарвер был в скафандре, с бозером за спиной, а шлем держал в руках.

– Я ногу повредил, – сказал Дрейфус, чувствуя, как саднит горло. – Идти будет тяжело.

– Сюда же вы пришли? Иначе как могли выбраться из обвалившегося штаба?

– Не пришел – меня принесли. Я был без сознания.

– Кто принес? Я уходил уже после Сааведры, а Вейч был в отключке. Попытался стол сдвинуть, но в одиночку не сдюжил. Вейч еле дышал, он вряд ли сумел бы вам помочь.

– Вейч тут ни при чем. – Спарвер помог встать, и Дрейфус закусил губу от боли. – После того как он умер, я разговаривал с Полой Сааведрой. Только на самом деле не с Полой, а с Часовщиком. Спарв, он общался со мной через тело Полы.

– Шеф, это точно не галлюцинации?

– Часовщик открылся мне, когда я сообразил, в чем дело. Я думал, убьет, но вышло иначе. – Боль стихла, и у Дрейфуса появилась страшная мысль. – Спарв, у него было время поиграть со мной. У меня на теле ничего не появилось? Может, чего-то не хватает?

Спарвер осмотрел его.

– Нет, шеф, все как обычно. Разве что штуковина на ноге...

– Что за штуковина? – Дрейфус с ужасом посмотрел себе на ноги.

– Ничего страшного, это лонгет.

Правую голень Тома окружала металлическая клетка из тонких спиц; некоторые из них пронзали мышцы. Спицы блестели, словно отвердевшая ртуть, способная в любой момент снова разжижиться. Одного взгляда хватило, чтобы понять: человек бы до такого не додумался, это дело рук Часовщика.

– Я думал, Часовщик убьет меня или что похуже сделает, – проговорил

Дрейфус с дрожью в голосе. – А он мне лубок наложил.

– Это не значит, что мы неверно его оценили, – сказал гиперсвинья. – Наверное, у него просто было хорошее настроение.

– По-моему, дело не в этом, – возразил Дрейфус. – Он оставил меня в живых, чтобы я выполнил конкретную задачу.

Спарвер помог ему доковылять до двери.

– Что за задача?

– Самая обычная, – ответил Дрейфус, но тут его посетила тревожная мысль. – Гаффни... По словам Вейча, он...

– Из-за Гаффни можно не беспокоиться.

– Прикончил?

– Сбил катер. Гаффни уцелел и сбежал на Девятую ПБ. Но с ним все равно не будет проблем.

– Откуда ты знаешь?

– Я видел его, когда к вам спускался, – ответил Спарвер, помогая грузному Дрейфусу подняться по лестнице. – Точнее, большую его часть.

После того как Дрейфусу кое-как удалось облачиться в скафандр, префекты поднялись на поверхность, но не тем маршрутом, который уже использовал Спарвер. Опасных участков попадалось немало, но оба шли без бронекостюмов. Через какое-то время Спарвер бросил бозер, решив, что в схватке с единственным достойным противником он не поможет.

– Часовщика здесь уже нет, – успокаивал помощника Дрейфус. – Ты больше его не увидишь.

– А я вообще его не видел.

– Я выразился образно. Куда бы я ни направился, где бы ни оказался, думаю, он будет следить, – сказал Дрейфус. – Часовщик хочет, чтобы виновных отдали в руки правосудия.

– Виновных в чем?

– В убийстве Филиппа Ласкаля. Это случилось давно, однако, возможно, кое-кто не отошел от дел и по-прежнему работает на Дом Силвестов.

– Вы собрались мстить за Часовщика?

– Не стану отрицать, что Часовщик – чудовищно искаженная личность Филиппа Ласкаля. Разум человека, искалеченный сперва затворниками, потом страхом перед смертью, загрузили в работа. А все ради успеха экспедиции. И теперь мы имеем дело с ангелом-мстителем, рожденным и окрылившимся неизвестно где. Не думай, что я сочувствую Часовщику. И тем не менее убийство Ласкаля должно быть раскрыто, а виновные должны получить по заслугам.

– Вы хотите заняться расследованием?

– Спарв, мне все равно, кто ищет справедливости. Она должна восторжествовать вне зависимости от моральных качеств потерпевшего. Я сделаю все, чтобы восстановить справедливость.

– А потом?

Дрейфус поморщился: ногу пронзила боль.

– Потом займусь преступлениями Часовщика. Изначально он жертва, но это не дает ему привилегий.

– Но прежде мы должны разобраться с малюткой Авророй. Или вы о ней забыли?

– Аврора теперь мало меня беспокоит.

– Может, напрасно? Судя по моим ощущениям, пока что она справляется с нами одной левой.

– Часовщик устроил мне допрос, – сообщил Дрейфус. – Выкачал море информации о происхождении Авроры, о ее способностях – хотел выяснить, что она собой представляет. Выяснил и скрылся. Какой напрашивается вывод?

– Отправился по ее душу.

– Спарв, интеллектom он ей точно не уступает. А может, и превосходит. К тому же у него к ней серьезные счета.

– Это точно плюс? Наступит день, когда в какой-то момент нам придется воевать не с Авророй, а с Часовщиком.

– Его цель – месть, а не геноцид. Не утверждаю, что мы будем спать спокойно, но по крайней мере будем спать, а Аврора нам бы этого не позволила.

Дрейфус со Спарвером преодолели последний участок подъема. В обрушившемся подземном ангаре стоял катер Сааведры, придавленный балкой выдвижного козырька. Спарвер забрался в кабину и попытался связаться с «Доспехами», но коммуникатор не работал.

– Не волнуйся, – сказал Дрейфус, – за нами прилетят.

Когда префекты выбрались на поверхность, гроза стихла. Беззвездное небо напоминало ядовитую черную реку, но Спарвер утверждал, что по сравнению с недавним воющим адом это ерунда. Возвышенности больше не пугали. Дрейфус включил нашлапную лампу, оглядел мрачную, изрезанную трещинами местность и убедился, что бояться нечего. Вокруг были камень и лед, свет и тень, и никаких следов Часовщика. Том догадывался, что Часовщик покинул Йеллоустон, стремясь максимально отдалиться от магнитной тюрьмы.

– Он наверняка где-то здесь, – сказал Спарвер.

– Не думаю.

– С Йеллоутона Часовщику не улететь. Он же не корабль.

– Часовщик способен принимать любую форму, – возразил Дрейфус. – Считаешь, он не в силах приспособливаться? Я своими глазами видел, как Часовщик изменился, выбравшись из токамака. Теперь небось уверен, что его возможностям нет границ.

– Часовщик – физическое тело. Разве его нельзя выследить, запеленговать, захватить?

– Что, если Часовщик пойдет по стопам Авроры? Симулякр альфа-уровня способен ограничиться одной машиной, одной платформой, но это не единственный вариант. Аврора нашла способ перемещаться и при необходимости загружаться в разные тела. Кто сказал, что Часовщик этим приемом не воспользуется?

– Станет играть по ее правилам? Это вы имеете в виду?

– На его месте я именно так и поступил бы, если бы Аврора хотела меня убить. Максимально осложнил бы ей задачу.

Префекты молча стояли и ждали, когда кто-нибудь прилетит и спасет их. Изредка мрак пробивала вспышка света – молния или какой-то объект, облетающий Йеллоустон.

– Спарв, мне не оставили выбора, – после долгой паузы проговорил Дрейфус. – Дюсолье хотел уничтожить СИИИ и Часовщика. Префекты уже эвакуировали Джейн и выяснили, на что способен Часовщик. Мы знали, что гибель – не единственная участь его жертв. Еще мы знали, что в СИИИ остались заложники, до которых Часовщик пока не добрался. В их числе была Валери.

– Шеф, этот разговор может вполне подождать.

– Он ждал одиннадцать лет, – хмуро возразил Дрейфус.

– Прежде я тянул вас за язык, но при этом совершенно не ведал, что творю.

– Разумеется, проблема заключалась не только в заложниках. Мы хотели выяснить, с чем столкнулись. Если бы сбросили бомбы на СИИИ, не собрав дополнительных данных о Часовщике, то не научились бы справляться с подобными ЧП. Это, Спарв, имело для нас принципиальное значение. Я, как префект, считал себя ответственным за безопасность Блистающего Пояса.

– Что же случилось?

– Из технических характеристик и рассказов Джейн мы сделали вывод, что Часовщик восприимчив к сильным магнитным полям. Ничто другое: ни физические барьеры, ни обычные виды оружия – остановить или замедлить

его не может. Я понял, что если мы заблокируем Часовщика и скуем магнитным полем, то вытащим заложников живыми. Тогда я и подумал о запуске «Атланты».

– «Атланты»? – эхом повторил Спарвер.

– Ее создали, чтобы подточить гегемонию сочленителей в кораблестроении. Получился пригодный к эксплуатации, но неэкономичный корабль. Его законсервировали и отправили кружить по орбите Йеллоустона, пока не будет решено, что делать дальше. Там он провисел несколько десятилетий, но технически был полностью исправен.

– Что особенного в этом корабле?

– Таранно-черпальный двигатель, – ответил Дрейфус. – Целый корабль построили вокруг одного двигателя, который засасывал межзвездный водород и использовал его в реакционной массе. Топливо как таковое ему не требовалось, поэтому корабль мог развивать любую скорость, вплоть до околосоветовой. Так было в теории. На деле приводная система получилась громоздкой, всасывающее поле создавало такое трение, что корабль ни разу не набрал запланированную конструкторами скорость. Только меня интересовала не его быстроходность, а черпальный генератор шириной пятнадцать километров, эдакая разверстая пасть, способная проглотить СИИИ целиком.

– Магнитное поле! – догадался Спарвер.

– Я послал на борт «Атланты» техбригаду. Мы прикрепили корабль к скоростным тягачам, чтобы перевести с орбиты поближе к СИИИ. Запустить реакторы «Атланты» вовремя не удалось, поэтому мы «прикурили» у наших корветов. Через час магнитное поле набрало силу. Через два мы направили его на СИИИ. – Дрейфус остановился перевести дух. – Понимали, что рискуем, подвергая действию магнитного поля заложников. Нельзя было предугадать, как оно подействует на нервную систему человека, не говоря уже об имплантатах, которые носило большинство. Мы могли лишь сконцентрировать энергию поля на зоне, где в последний раз видели Часовщика, а в других зонах максимально ослабить ее.

– Все лучше, чем ракетно-бомбовый удар. Вы им хоть шанс дали.

– Да, – кивнул Дрейфус.

– Вы сказали, что заложники остались живы. Ну, когда мы в прошлый раз говорили об этом.

– Да, сказал. Поле подействовало... не так, как мы ожидали. Нам удалось заблокировать Часовщика, собрать его артефакты, изучить их по мере возможности и эвакуироваться вместе с заложниками. На это ушел

остаток шестичасового срока. Потом мы выпустили ракеты и решили, что Часовщик уничтожен. А он заранее спрятался в свой артефакт, чтобы отсидеться и при первой возможности выпрыгнуть, как черт из табакерки.

– А что с заложниками? – спросил гиперсвинья после долгой паузы.

– О них позаботились, – после такой же паузы ответил Дрейфус. – О каждом, включая Валери.

– Они до сих пор живы?

– Все до одного. Они в хосписе «Айдлвилд». Заботам медиков поручили партию спящих с помраченным рассудком. Откуда эти спящие, не уточнили.

– Валери тоже там?

Невыплаканные слезы жгли Дрейфусу глаза.

– Я навел ее лишь раз, Спарв, вскоре после ЧП, когда улеглись страсти. Думал: во что бы ни превратилась моя жена, я смогу с этим жить. Но потом увидел, как мало осталось от настоящей Валери. Она сажала цветы в саду, увидела меня и улыбнулась. Даже не поняла, кто перед ней.

– Мне очень жаль.

– Потом я вернулся к Джейн и объяснил, что содеянное не даст мне жить. Тогда она и распорядилась заблокировать мою память.

– А Валери?

– Я больше ни разу ее не навел. Ни разу за одиннадцать лет.

В голос ветра вторгся нарастающий гул. Когда Дрейфус поднял голову, из-за облаков показался корабль, еще не остывший от быстрого прохождения через плотные слои атмосферы. Том сразу узнал внутрисистемник. Из «спины» и «боков» ядовитыми иглами торчали пушки, из гладкого «брюха» вытягивались посадочные опоры. Пилот отыскал участок, достаточно просторный для девятиностометрового корабля, и приземлился, давая импульсы малой силы.

Дрейфус со Спарвером подняли руки в знак приветствия и направились к кораблю; Том при этом сильно хромал. Из люка выдвинулся трап, на него тут же вышел невысокий префект в скафандре. Компактное сложение, осторожные шаги – Дрейфус сразу понял, кто это, и очень обрадовался.

– Талия, ты?

– Да, сэр, – ответила она по межскафандровой связи. – Вы ранены?

– Поправлюсь. Спасибо Спарверу, он меня вытащил. Что ты здесь делаешь?

– Как только префект Гаффни добрался до вас, скрывать Девятую ПБ от Авроры стало бессмысленно. Мы давно прилетели бы к вам, если бы не

занимались эвакуацией.

– Никаких претензий, вы и так не заставили себя ждать.

Талия подошла по ледяным кочкам и ямам и остановилась в паре метров от Дрейфуса.

– Сэр, докладываю: я не справилась.

– С чем ты не справилась?

– Напортачила с обновлениями...

– Ты не виновата.

– Может, полети я не одна, а с помощниками, получилось бы иначе.

– Очень сомневаюсь. Аврора подготовилась к любому развитию событий и, как ни страхуйся мы, добилась бы своего. Может, не так быстро, но случилось бы именно то, что случилось. Не казни себя, младший префект.

Дрейфус поманил Талию, она подошла, их скафандры соприкоснулись. Том взял ее за руку, Спарвер за другую.

– Хвала Вой, ты цела и невредима, – проговорил Дрейфус.

– Жаль, я не помогла гражданам анклавов.

– Некоторых ты спасла. А еще сообщила нам, что Аврора уничтожает захваченное население. Ты молодец, Талия. Я тобой доволен.

– Это похвала; на твоём месте я бы обрадовался, – посоветовал Спарвер.

– А что с Гаффни, сэр?

– Гаффни больше нет, – ответил Дрейфус.

– А что с «Головной»? С Часовщиком?

– Вижу, ты в курсе событий. Значит, времени зря не теряла, а я думал – захочешь отдохнуть.

– Так что с ними, сэр?

– Вейч и Сааведра погибли. Часовщик сбежал.

Талия кивнула:

– Ясно, сэр. А мы-то догадки строили.

– О чем?

– Ситуация меняется. Мы решили, что это связано с Часовщиком, с тем, что вы убедили его дать бой Авроре.

– Не то чтобы убедил... – сказал Дрейфус, хотя новость его обрадовала. – Талия, а что именно происходит?

– Мы точно не знаем. Огромный плюс в том, что ультра помогают нам и с эвакуацией, и с уничтожением захваченных анклавов. За ночь мы вывезли население шести анклавов вдоль фронта наступления Авроры.

– Полностью вывезли? – уточнил Дрейфус.

– Нет, сэр, – грустно ответила Талия. – Но в этот раз желающих остаться было гораздо меньше.

– Думаю, не стоит ждать чудес.

– Сэр, пару часов назад потоки долгоносиков достигли анклавов, которые мы не успели уничтожить торпедами или лучеметами субсветовиков. Большинство жителей вывезли заранее, но в момент появления долгоносиков местные дружинники сажали последнюю группу на корабли.

– Продолжай! – велел Дрейфус.

– Как и ожидалось, долгоносики стали пробиваться к центру голосования. Дружинники пытались их сдержать и несли большие потери. Потом с роботами случилось что-то странное – организованное наступление превратилось в хаос. Уцелевшие дружинники применили мощные орудия и устроили роботам бойню.

– Разве небольшой сбой в авангарде остановит целый поток? Долгоносиков-то миллионы.

Талия покачала головой:

– Сэр, дело не в небольшом сбое. Внезапная перемена затронула абсолютно всех долгоносиков. Как любые боевые роботы, они обладают определенной тактической самостоятельностью, но сила, их координировавшая, неожиданно исчезла или устремилась по другому руслу.

– Похоже, у Авроры появились заботы поважнее.

– Да, похоже. Поэтому мы и решили, что вам удалось договориться с Часовщиком.

– Часовщик и до меня о ней думал, – с изумлением произнес Дрейфус, словно увидел потрясающее явление природы. – Он понимал, что мешкать нельзя. Гаффни со своей задачей не справился, но Аврора наверняка нашла бы иной способ уничтожить базу. Часовщику необходимо было улететь.

– Вот и нам пора это сделать, – заметила Талия. – Если, конечно, вам не хочется полюбоваться местным пейзажем.

– Хватит с меня пейзажей, – проворчал Дрейфус. – Жизнь на планете не для меня.

– И не для меня, сэр.

– Талия, – негромко обратился к девушке Дрейфус, – я должен кое-что тебе рассказать. Речь о твоём отце.

– О моем отце, сэр? – испуганно переспросила Талия.

– Новость хорошая, – успокоил ее Дрейфус.

* * *

Едва вернувшись на «Доспехи», Том отправился в штаб; Мерсье даже не успел обработать его раны. Там Дрейфус застал Бодри с Клирмаунтином, поглощенных изучением модели Единой системы. Они обращались то к прошлому, то к будущему, проигрывали различные ситуации. В зависимости от исхода менялось количество и расположение рубиновых точек на изумрудном кольце Блистающего Пояса. Порой рубиновые точки появлялись десятками, но не сотнями и не тысячами, как в предыдущие разы, когда победоносный марш Авроры казался неизбежным.

– Дрейфус! – довольно проорчал Клирмаунтин. – С возвращением! Насколько я понимаю, вы теперь старший префект?

– Так было написано на дозах «Манतिकоры». Постоянно это или временно, можно уточнить у Джейн.

– Полагаю, вы получили сообщение? – строго осведомилась Бодри. – Демихов провел операцию «Зулус».

– Да, я в курсе.

– Возникли... осложнения, но при нашем последнем разговоре Демихов не сомневался в полном выздоровлении Джейн. – Бодри покосилась на Клирмаунтина. – Ничто не мешает ей вернуться к работе.

– После длительного отдыха, – с нажимом проговорил Дрейфус. – Джейн его заслужила, независимо от того, что думает сама.

– Согласна, – кивнула Бодри. – Отдохнуть ей никто не мешает.

– Я упустил Часовщика.

– По нашим данным, это было тактически целесообразно, – проговорил Клирмаунтин. – Мы могли обстрелять Девятую ПБ ракетами, но тогда сражались бы с Авророй в одиночку. Вы поступили правильно, старший префект Дрейфус.

– Благодарю. – Дрейфус потер ушибленную руку. – Касательно Авроры... Талия сказала, ситуация немного изменилась. Это правда?

– Полной ясности пока нет, – ответила Бодри. – Нам известно лишь, что действия долгоносиков стали куда менее последовательными и организованными. Даже с помощью ультра мы по-прежнему не в силах воздействовать на роботов до того, как они попадут в целевой анклав. Однако следующий этап теперь под контролем дружинников и полевых префектов, которые не подпускают долгоносиков к центрам голосования.

– Этого контроля достаточно, чтобы нам больше не наносить ракетно-

бомбовые удары?

– Такое не исключено. Но сейчас у нас есть возможность открывать огонь после полного завершения эвакуации. В дальнейшем, по мере истребления существующих долгоносиков, они перестанут представлять угрозу. Мы остановим Аврору.

– Возможно, уже приостановили, но не расправились с ней окончательно.

– Это нам понятно, – заверила Бодри. – Мы продолжим увозить граждан подальше от нынешнего фронта наступления Авроры, даже если придется очистить от населения пятьдесят или сто анклавов. При возобновлении активности долгоносиков опустошенные анклавы будут уничтожены – специально для этого мы разместим вблизи них корабли с ядерными боеприпасами и субсветовики. – Бодри переплела пальцы. – Этих мер должно хватить, старший префект. Через два-три дня кризис может закончиться.

– Сколько анклавов мы потеряем к тому времени?

– По всей вероятности, сорок пять, – без запинки ответила Бодри. – Двадцать пять при лучшем раскладе, чуть больше ста двадцати – при худшем.

– Что с потерями гражданского населения?

– Если считать выжившими тех, кого мы за двадцать шесть часов перевезем на обитаемые анклавы, ожидается потеря двух-трех миллионов человек.

– Чуть более трех процентов всего населения, – добавил Клирмаунтин. – Это, бесспорно, катастрофа, но, хвала Вой, речь о миллионах, а не о десятках миллионов. Если к концу кризиса потеряем сорок пять анклавов... Дрейфус, это пустяк в сравнении с десятью тысячами.

– Не сказал бы, что это пустяк, но понимаю, о чем вы.

– Люди справятся, – заверила Бодри. – Они заживут прежней жизнью и с радостью забудут, что стояли на пороге катастрофы. Некоторые в буквальном смысле забудутся. Сегодня у нас чрезвычайная ситуация. При благополучном исходе через пару дней ее статус понизится до потенциально опасного. Через год она будет вспоминаться как неприятный инцидент. Через десять лет ее будем помнить лишь мы, префекты, и на лекциях описывать скучающим кадетам.

– Я такого не допущу, – сказал Дрейфус. – Забыли Аврорины прогнозы? Забыли про время страшных бедствий, разврата и безумия?

– Мы не утратим бдительности, – пообещал Клирмаунтин.

– Какие у вас планы, старший префект? – с интересом спросила Бодри Дрейфуса.

– Мы еще не победили, – ответил Том. – Просто отодвинули час решающей битвы. Сражаться предстоит если не с Авророй, то с Часовщиком.

– Как говорится, из двух зол выбираем меньшее, – сказал Клирмаунтин.

– Припомню вам это, когда он снова как снег свалится на наши головы.

– По-вашему, где они? – спросила Бодри.

– Рассредоточились по сети, – ответил Дрейфус. – Насколько это возможно для симулякров альфа-уровня без ущерба их сознанию.

– Откуда такая уверенность?

– Для них это единственный способ выжить. Если Аврора сосредоточится на одном анклав, Часовщик разыщет ее и уничтожит. Возможен и зеркальный вариант: Аврора найдет и прикончит Часовщика. Но, рассредоточенные, рассеянные по всему Блистающему Поясу, они практически неуязвимы.

– Почему Аврора не избрала такую тактику раньше?

– Потому что есть изъяны. Скорость мышления Авроры зависит от взаиморасстояния процессорных узлов. Стараниями Часовщика она рассредоточилась, чтобы выжить, но теперь не способна думать достаточно быстро, чтобы одолеть нас.

– Мы тоже не способны ее одолеть, – произнес Клирмаунтин.

– Да. Сейчас и разыскать ее практически нереально. Если только долго-долго следить за трафиком, может, уловим небольшое замедление, вызванное присутствием Авроры. Уловить уловим, а вреда не причиним. Тысячи уничтоженных узлов, тысячи уничтоженных анклавов – вот цена малейшего вреда, который можно нанести Авроре.

– Себе мы навредим куда больше. – Бодри кивнула, показывая, что ухватила мысль Дрейфуса. – Нам остается лишь наблюдать, как два заторможенных чудовища выясняют отношения, паразитируя на нашей сетевой инфраструктуре.

– Верно, – подтвердил Дрейфус. – Только я не стал бы слишком волноваться. Если Часовщик и Аврора рассредоточились так сильно, как думается мне, пройдет немало времени, прежде чем один из них одержит верх. Представьте шахматную партию между невероятно умными и изобретательными гроссмейстерами. Проблема лишь в том, что они делают по ходу за год.

– Надеюсь, вы правы, – сказал Клирмаунтин.

– Я тоже надеюсь. – Дрейфус улыбнулся. – Пока нам есть чем заняться. Нельзя же вечно размышлять о богах, сражающихся у нас над головой.

– Богам – божие, людям – людское, – добавила Бодри.

– Но это не значит, что я отстраняюсь от расследования, – продолжал Дрейфус. – Надеюсь с разрешения исполняющего обязанности верховного префекта изучить материалы, связанные с убийством Филиппа Ласкаля. Если сохранилось тело, оно будет эксгумировано. Возможно, найдутся доказательства того, что мозг подвергался сканированию альфа-уровня.

– Разумеется, я даю вам разрешение, – кивнул Клирмаунтин. – Уверен, Джейн поступила бы так же. Но вы должны понимать, чем опасно это копание в далеком прошлом. Верхушка Дома Силвестов наверняка станет чинить вам препятствия. Они хранят свои секреты еще ревностнее, чем мы. С Силвестами шутки плохи.

– При всем уважении, сэр, с «Доспехами» тоже, – заключил Дрейфус, вставая.

* * *

Чуть позже Дрейфус заглянул к Демихову. Усталый, измученный, тот напоминал тень собственной тени.

– Слышал, у вас были трудности, – сказал Том.

– К счастью, с медициной они не связаны. Голову словно гильотиной отсекали, таким аккуратным получился разрез. Воссоединение тканей тоже прошло без сучка без задоринки. Трудности возникли по вине вашего бывшего коллеги. – Демихов задумчиво пожал костлявыми плечами, обтянутыми зеленой тканью комбинезона. – По отношению к Джейн он вел себя отвратительно. К счастью, она была без сознания во время его мерзкой выходки.

О чем речь, Дрейфус не знал, но надеялся со временем выяснить.

– Как она сейчас?

– Я частично соединил нервы и разбудил Джейн для разговора с ультра. Она была в полном сознании и чувствовала себя неплохо. Потом я снова погрузил ее в сон, чтобы завершить восстановление тканей.

– Все прошло удачно?

– Телу Джейн вернули целостность. Лишь врач опытнее меня определит, какой процедуре она подвергалась.

– Так Джейн поправится?

– Да, но не в мгновение ока. Сейчас она самостоятельно дышит и совершает отдельные движения, но ходить сможет еще не скоро. Целостность организма восстановлена, только это не значит, что мозг готов снова им пользоваться.

– Я хотел бы ее увидеть, – сказал Дрейфус.

– Джейн спит. Без крайней необходимости ее лучше не будить.

– И тем не менее прошу проводить меня к ней.

– Будь по-вашему. – Демихов тяжело вздохнул и поднялся.

Он привел Дрейфуса в тихую зеленую палату. Джейн Омонье крепко спала, укрытая простыней. Лишь худоба, бритый череп и землистый оттенок кожи указывали на то, что она вынесла как в последние дни, так и в последние одиннадцать лет. Такая спокойная, такая безмятежная... Дрейфус шагнул к ее койке.

– Не стану будить, – шепнул он.

– Вы и не разбудите. Можете говорить нормально.

Дрейфус коснулся щеки Джейн. Сколько лет он знал эту женщину, а дотрагивался впервые.

– Мне нужно отлучиться, – сказал Дрейфус. – Я полечу в хоспис «Айджилд», к человеку, которого очень давно не видел. Когда вы проснетесь, меня на «Доспехах» не будет, но знайте: я с вами каждую секунду. Понадобится поддержка – можете рассчитывать на Тома Дрейфуса.

– Я так ей и передам, – заверил Демихов. – Слово даю, а слов я на ветер не бросаю. – Врач хотел вывести Дрейфуса из палаты, но вдруг остановился. – Префект... хочу кое-что вам показать. Кое-что чудесное.

– Док, мне и этого хватит. – Дрейфус кивнул на спящую.

– Я все равно покажу. Посмотрите на стену.

Демихов создал дисплей, где пульсировали голубые неоновые фигуры, значения которых Дрейфус не понимал.

– Что это? – спросил он.

– Сны, – ответил Демихов. – Прекрасные человеческие сны.

Примечания

1

Индекс Клауснер – индекс скорочтения. Термин придуман Рейнольдсом и назван в честь Гарриет Клауснер, самого плодовитого обозревателя «Amazon.com». *(Здесь и далее примечания переводчика).*

2

REM-расстройство – расстройство сна, при котором человеку снятся кошмары, а его сон характеризуется резкими движениями тела.

3

Клетка Фарадея – камера для экранирования аппаратуры от внешних электромагнитных полей.

Table of Contents

[Аластер Рейнольдс Префект](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Примечания](#)

1
2
3